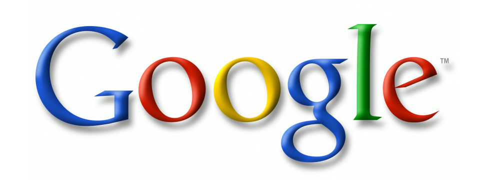

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1893. No 5. May

МАЙ.

Москва.
Унив. рситетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. слѣдующую страницу обертки*).

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

/Russkoe obozriênie./

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ВОСПОМИНАНІЯ ШЕВЫРЕВА О ПУШКИНѢ.

(Окончаніе.)

IV.

Вызовъ Пушкина изъ деревенской ссылки былъ одною изъ милостей, объявленныхъ по случаю коронованія императора Николая Павловича. Восьмого сентября 1826 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву и прожилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ; въ началѣ ноября онъ снова отправился въ Михайловское.

Шевыревъ не только въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ разсказывалъ о томъ восторгѣ, съ какимъ его встрѣтила тогда Москва, еще въ 1841 году онъ говорилъ объ этомъ въ печати.

„Пріѣздъ поэта... составлялъ событіе въ жизни нашего общества... Вспомнимъ первое появленіе Пушкина, и можемъ гордиться такимъ воспоминаніемъ. Мы еще теперь видимъ, какъ во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на нашего гостя, какъ въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину — одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи“ [1]. Въ прекрасномъ сочиненіи Н. П. Барсукова о жизни и трудахъ М. П. Погодина живыми свидѣтельствами современниковъ изображено то сильное впечатлѣніе, какое было произведено неожиданнымъ появленіемъ любимаго поэта на московскую молодежь. Менѣе извѣстно, какъ подѣйствовало на самого Пушкина знакомство съ московскимъ обществомъ, которое до тѣхъ поръ было мало ему извѣстно, такъ какъ онъ не видалъ Москвы съ отроческихъ

[1] *Москвитянинъ* 1841, № 22, стр. 522

лѣтъ. „Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе", писалъ онъ князю Вяземскому девятаго ноября 1826 года, по возвращеніи въ деревню. Но не слѣдуетъ придавать этимъ словамъ безусловное значеніе: Пушкинъ не могъ не цѣнить выгодъ непосредственнаго общенія съ образованными людьми, чего былъ почти лишенъ въ деревенской глуши. Тѣмъ не менѣе, можно догадываться, что новыя московскія знакомства не вполнѣ удовлетворили его.

Дѣло въ томъ, что получившему свободу Пушкину хотѣлось принять дѣятельное участіе въ журнальномъ движеніи. Руководимый этою мыслью, онъ и сталъ присматриваться къ московскимъ литераторамъ. Связать себя какими-нибудь обязательными отношеніями со старшимъ литературнымъ поколѣніемъ онъ, разумѣется, не могъ: представитель этого поколѣнія, издаваемый Каченовскимъ *Вѣстникъ Европы* былъ ему явно враждебенъ. Съ издателемъ *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевымъ Пушкинъ познакомился теперь лично, но не сблизился съ нимъ коротко и даже прекратилъ свое участіе въ *Телеграфѣ*, не смотря на то, что давній другъ поэта князь П. А. Вяземскій оставался попрежнему его сотрудникомъ. Пушкинъ желалъ стать вдохновителемъ одного изъ журналовъ, но не хотѣлъ принимать на себя редакторскія обязанности во всей ихъ полнотѣ. „Мы", писалъ онъ Вяземскому, — „слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ издатель и существуетъ". Но именно для этого-то дѣла Пушкинъ и не считалъ Полевого годнымъ, такъ какъ находилъ его недостаточно образованнымъ и въ то же время легкомысленнымъ и самонадѣяннымъ. Предубѣжденіе его противъ Полевого шло такъ далеко, что онъ готовъ былъ предпочесть ему въ качествѣ редактора мелкую въ литературномъ смыслѣ личность Н. В. Сушкова или даже своего знакомаго Завальевскаго, вовсе неизвѣстнаго на поприщѣ словесности [1]. Весьма возможно также, что руководить людьми ничтожными казалось Пушкину удобнѣе, чѣмъ удержать въ рукахъ бойкаго и наторѣлаго въ журнальномъ дѣлѣ Полевого.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ произошло знакомство Пушкина съ кружкомъ начинающихъ писателей, во главѣ котораго стоялъ Д. В. Веневитиновъ. Веневитиновъ доводился Пушкину дальнимъ родственникомъ, а главное—былъ уже извѣ-

---

[1] Сочиненія, изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 187.

стенъ ему заочно, какъ единственный критикъ первой главы „Евгенія Онѣгина“, высказавшій объ этомъ произведеніи самостоятельное сужденіе. По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ, чрезъ пріятеля своего С. А. Соболевскаго, лично познакомился съ Веневитиновымъ, а черезъ него — и съ его кружкомъ, къ которому принадлежали между прочими М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ. И о нихъ Пушкинъ уже имѣлъ кое-какія свѣдѣнія еще до пріѣзда въ Москву. О первомъ писалъ ему въ исходѣ 1825 года Вяземскій: „Здѣсь есть Погодинъ, университетскій и, повидимому, хорошихъ правилъ, онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ къ Новому году и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь изъ „Онѣгина“ или что-нибудь изъ мелочей“ [1]. Альманахъ, о которомъ тутъ говорится, есть *Уранія*. Пушкинъ прислалъ для помѣщенія въ ней нѣсколько эпиграммъ, и книжка появилась въ началѣ 1826 года. По этому случаю Баратынскій написалъ Пушкину письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на стихотворные опыты Шевырева: „Посылаю тебѣ *Уранію*, милый Пушкинъ: не велико сокровище, но блаженъ, кто и малымъ доволенъ... Однакожь, позволь тебѣ указать піесу подъ заглавіемъ: „Я есмь“. Сочинитель—мальчикъ лѣтъ восьмнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ невсегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ“. Оттого-то Пушкинъ, при первомъ знакомствѣ съ Шевыревымъ, и могъ обрадовать его похвалами его стихотворенію.

Въ письмѣ, изъ котораго приведенъ отрывокъ, Баратынскій сообщалъ Пушкину важную новость. „Надо тебѣ сказать“, писалъ онъ,—„что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это, или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю нѣмецкихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически. Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ? Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову“ [2]. Итакъ, еще до прибытія въ Москву,

---

[1] *Русскій Архивъ* 1879 г., кн. II, стр. 477.

[2] Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Казань. 1884, стр. 504, 505.

Пушкинъ былъ предупрежденъ, что встрѣтитъ тамъ молодыхъ людей, увлекающихся германскою наукой и поэзіей. Слова Баратынскаго относились именно къ Веневитиновскому кружку, въ которомъ преимущественно занимались изученіемъ Шеллинга, а на Гете смотрѣли какъ на идеалъ поэта.

Пушкинъ, писавшій въ то время „Онѣгина“, уже отчасти затронулъ новый типъ русскихъ романтиковъ „на нѣмецкій ладъ“ въ лицѣ Ленскаго; но въ сущности онъ, подобно Баратынскому, не былъ знакомъ съ германскими мыслителями и даже мало читалъ германскихъ поэтовъ. Какъ бо̀льшая часть образованныхъ людей того времени, онъ воспитался сперва на французской литературѣ, и если вообще умѣстно говорить объ его философскомъ образованіи, то источниковъ его слѣдуетъ искать только въ Вольтерѣ, въ энциклопедистахъ и вообще во французскомъ умственномъ движеніи XVIII вѣка. Чувствовалъ ли Пушкинъ—по крайней мѣрѣ, въ 1826 году — потребность отрѣшиться отъ этого круга идей, это—еще вопросъ. Несомнѣнно только то, что онъ успѣлъ уже освободиться отъ узкихъ и одностороннихъ воззрѣній на искусство, которыя еще господствовали во французской словесности. Но къ этому освобожденію онъ пришелъ совершенно самостоятельно и чисто-практическимъ путемъ: убѣжденіе въ свободѣ художественнаго творчества онъ извлекъ изъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ и Шекспиромъ. Напомнимъ его замѣчанія по поводу спора Байрона съ Боульсомъ о томъ, что̀ выше— вдохновеніе или искусство; напомнимъ также замѣчаніе Шевырева (по поводу задуманнаго Пушкинымъ около 1825 года ряда русскихъ историческихъ драмъ), что Шекспира онъ понималъ „геніально“. Но, рѣшивъ для себя вопросъ о свободѣ творчества, Пушкинъ уже не вдавался въ философскую разработку эстетическихъ принциповъ и, безъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ прочелъ тѣ строки въ письмѣ Баратынскаго, въ которыхъ послѣдній совѣтовалъ ему „творить прекрасное“, не задумываясь объ его философскомъ значеніи.

Шевыревъ удачно выразился, сказавъ, что послѣ знакомства съ Веневитиновскимъ кружкомъ, Пушкинъ объявилъ ему свое живое сочувствіе; но едва ли вѣрно понялъ Шевыревъ причину этого сочувствія: конечно, Пушкинъ могъ радоваться, найдя въ мнѣніяхъ кружка согласіе съ его собственными литературными убѣжденіями, но онъ получилъ ихъ не оттуда, и стало-быть, не эстетическія воззрѣнія молодыхъ шеллингистовъ привлекли къ

нимъ Пушкина, а вообще ихъ честный образъ мыслей, ихъ умъ, даровитость и въ особенности ихъ искренняя, безкорыстная преданность интересамъ литературы и искусства.

Прямымъ слѣдствіемъ связи, установившейся между новою литературною группой и Пушкинымъ (который снова появился въ Москвѣ въ половинѣ декабря 1826 года и прожилъ здѣсь до мая 1827), было основаніе новаго журнала *Московскаго Вѣстника*. Программа его была проектирована Веневитиновымъ, но ему не суждено было принять участіе въ ея исполненіи: въ концѣ октября 1826 года онъ покинулъ Москву, а въ мартѣ слѣдующаго скончался въ Петербургѣ. Редакторомъ новаго журнала избранъ былъ, по общему согласію сотрудниковъ, Погодинъ.

Характеръ *Московскаго Вѣстника* и его положеніе въ тогдашней журналистикѣ уже не разъ были разъясняемы въ нашей литературѣ; но обстоятельства его внутренней исторіи все еще не вполнѣ раскрыты, между прочимъ по неполнотѣ обнародованныхъ матеріаловъ. Не входя здѣсь въ большія подробности, замѣтимъ, что Погодинъ по мѣрѣ силъ трудился надъ изданіемъ журнала, ревностно поддерживаемый Шевыревымъ, Н. М. Рожалинымъ, В. П. Титовымъ и другими сотрудниками, преимущественно изъ членовъ Веневитиновскаго кружка; Пушкинъ оказался усерднымъ вкладчикомъ и, кромѣ того, привлекъ къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* нѣкоторыхъ своихъ друзей. Тѣмъ не менѣе, журналъ вышелъ не совсѣмъ такимъ, какимъ задумывалъ его Веневитиновъ, и успѣхъ изданія не оправдалъ свѣтлыхъ надеждъ, питаемыхъ членами редакціи: въ ея составѣ не обнаружилось полнаго единодушія и не нашлось человѣка, который обладалъ бы практическимъ умѣньемъ вести сложное журнальное дѣло.

Веневитиновъ, еще видѣвшій первыя двѣ книжки *Московскаго Вѣстника* на 1827 годъ, писалъ Погодину: „Публика ожидаетъ отъ него статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы... Двѣ книжки кажутся немного бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: во-первыхъ, мало листовъ, во-вторыхъ, слишкомъ крупны статьи; наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій“ [1]. Пушкинъ тоже не былъ удовлетворенъ журналомъ, но его сужденіе было совершенно противоположно мнѣнію Веневитинова. Вотъ что

---

[1] *Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, стр. 76.

писалъ Пушкинъ Погодину въ августѣ 1827 года: „Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору... Повѣсти должны быть непремѣнно существенною частью журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ, — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка «Переправа» въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености,—у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу?.. *Московскій Вѣстникъ*, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста“ [1]. Еще прежде этого письма Погодинъ имѣлъ случай говорить съ Пушкинымъ по поводу журнала, и вотъ что̀ потомъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пушкинъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости того, что̀ онъ говорилъ“ [2]. Эта замѣтка очень знаменательна и ясно свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ вовсе не увлекался мечтательными умовоззрѣніями, которыя предлагались читателямъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника*. Предубѣжденіе противъ отвлеченностей германскаго идеализма Пушкинъ сохранилъ и впослѣдствіи: говоря о характерѣ московской жуналистики въ 1834—1835 годахъ, онъ замѣтилъ, что нѣмецкая философія нашла себѣ въ Москвѣ, „можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей“, и что если вліяніе ея было полезно, то лишь въ томъ отношеніи, что «спасло нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма и удалило ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія“ [3].

[1] Сочиненія, т. VII, стр. 196.
[2] *Барсуковъ*, кн. II, стр. 71.
[3] Сочиненія, т. V, стр. 220.

Подобно Веневитинову и Пушкину, другіе ближайшіе сотрудники *Московскаго Вѣстника*, напримѣръ, Титовъ, находили, что Погодинъ плохо ведетъ журналъ, а самъ онъ невполнѣ ладилъ со своимъ помощникомъ по редакціи Рожалинымъ, который, въ свою очередь, тяготился своимъ положеніемъ. Бѣда была, конечно, нестолько въ серьезномъ направленіи журнала, сколько въ неумѣньи редакціи придать ему занимательность. Несомнѣнно, что приведенное выше мнѣніе Пушкина близко сходилось съ мнѣніемъ огромнаго большинства публики, и дѣйствительно, она мало поддержала изданіе и не доставила ему матеріальнаго обезпеченія.

Во второй половинѣ 1827 года возникли между членами редакціи недоразумѣнія и по хозяйственной сторонѣ дѣла. Надобно знать, что, по „ультиматуму", то-есть, по первоначальному письменному соглашенію главныхъ участниковъ *Московскаго Вѣстника* [1], было положено: съ проданныхъ 1200 экземпляровъ журнала платить Пушкину 10,000 р. ежегодно, а прочимъ главнымъ сотрудникамъ (Шевыреву, Титову, Веневитинову, Рожалину, Мальцову и Соболевскому)—по сту рублей за листъ оригинальной статьи и по пятидесяти рублей за листъ перевода; „если подпищиковъ будетъ менѣе 1200, то плата раскладывается пропорціонально"; помощнику редактора назначено было 600 руб., а весь могущій быть съ журнала доходъ, за вычетомъ вышеозначеннаго гонорара и типографскихъ издержекъ, предоставлялся въ пользу редактора. Такъ какъ деньги хранились у него, то онъ и производилъ разсчеты. Пушкинъ, при самомъ началѣ изданія, получилъ тысячу рублей, которые, по словамъ Шевырева, употребилъ на уплату карточнаго долга; всего же за 1827 годъ, какъ достовѣрно извѣстно [2], ему было выдано не десять, а только пять тысячъ: слѣдовательно, и къ нему было примѣнено постановленіе о пропорціональности вознагражденія къ числу подпищиковъ. Пушкинъ безпрекословно покорился такому сокращенію своего гонорара. Видя, что Погодинъ безпокоится о судьбѣ предпріятія, которая становилась сомнительною, поэтъ принялся даже утѣшать редактора; онъ говорилъ объ этомъ въ томъ самомъ письмѣ къ Погодину отъ 31-го августа, въ которомъ высказалъ ему свое сужденіе о *Московскомъ Вѣстникѣ*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ его не издавать второй книжки *Ураніи*, обѣщалъ

---

[1] *Барсуковъ*, кн. II, стр. 46.

[2] Матеріалы для біографіи Пушкина въ изданіи *Анненкова*, стр. 177.

на будущее время свое безусловное сотрудничество въ журналѣ и лишь въ заключеніи письма позволилъ себѣ маленькое наставленіе своему слишкомъ разсчетливому корреспонденту: „Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышомъ. Лучше ужъ прекратить изданіе, но сіе было бы стыдно“ [1].

Почти въ то же время, какъ Погодинъ получилъ это письмо, онъ сообщилъ Соболевскому отчетъ въ расходованіи журнальныхъ суммъ. По странной прихоти составителя, отчетъ былъ изложенъ „на клочкѣ бумаги, общими и круглыми итогами и съ недосмотрѣніями“. Такъ, по крайней мѣрѣ, выразился Соболевскій, когда, уѣхавъ въ Петербургъ, рѣшился письменно упрекнуть Погодина въ небрежности. Письмо это (отъ 10-го сентября), впрочемъ, было написано въ самомъ дружескомъ тонѣ и главнымъ образомъ выражало опасенія насчетъ дальнѣйшаго участія Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. „Я въ вашемъ дѣлѣ человѣкъ посторонній“, писалъ Соболевскій,—„ибо я былъ, такъ сказать, посредникомъ между вами и Пушкинымъ. Мнѣ было больно видѣть неминуемый разрывъ его съ такими людьми, которыхъ я люблю, а можетъ-быть, и уважаю... Дѣлайте впредъ съ Пушкинымъ, что̀ хотите; рѣшительно отрекаюсь отъ такого дѣла, гдѣ надобно говорить правду или молчать“ [2].

Погодинъ хотя и водилъ пріязнь съ Соболевскимъ, но внутренно не любилъ его и въ своемъ дневникѣ нерѣдко честилъ очень жесткими словами; письмо Соболевскаго показалось ему обиднымъ. Точно также не понравилось ему предложеніе Титова и Одоевскаго замѣнить Рожалина Шевыревымъ. На послѣднее впрочемъ Погодинъ долженъ былъ согласиться; на упреки же Соболевскаго онъ отвѣчалъ не то пріятельски, не то бранливо, и кромѣ того, опираясь на письмо Пушкина, нашелъ себѣ защитниковъ въ лицѣ Рожалина и Шевырева. Въ особенности Рожалинъ выступилъ миротво̀рцемъ. „Пушкинъ“, писалъ онъ Соболевскому 13-го сентября,—„прислалъ намъ двѣ піесы: отрывокъ изъ „Онѣгина“ и еще мелкое стихотвореніе, очень хорошее. Шевыревъ и прежде не согласенъ былъ покинуть *Вѣстникъ*, а теперь ты видишь, что планы *Телеграфа* рушились, и слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности измѣнять общему дѣлу. Со-

---

[1] Сочиненія, т. VII, стр. 197.

[2] *Барсуковъ*, кн. II, стр. 131.

общили ли тебѣ свои планы Титовъ и Одоевскій? Я ихъ одобряю, и они непремѣнно будутъ выполнены; тогда дѣла наши пойдутъ очень хорошо. Ты съ своей стороны не приводи Пушкина въ отчаяніе: если продолжать журналъ на слѣдующій годъ, то онъ необходимъ, и его отказъ былъ бы смертельнымъ ударомъ для *Вѣстника*. Погодину мы не позволимъ писать къ нему о разсчетахъ; слѣдовательно, пять тысячъ остаются за нимъ, а на слѣдующій годъ онъ получитъ больше. Не говори и ты ему о разсчетахъ. Шевыревъ свѣрялъ показанія Погодина и утверждаетъ, что въ нихъ нѣтъ нисколько обмана. Итакъ, успокойся, пріѣзжай сюда самъ и повѣрь самъ". Въ другомъ письмѣ Рожалина, отъ 18-го сентября, читаемъ слѣдующее: „Погодинъ получилъ твою нотацію и будетъ отвѣчать немедленно: онъ, кажется, виноватъ въ одномъ нерадѣніи и неаккуратности, а фальши за нимъ никакой не замѣчено. Онъ доставитъ тебѣ счетъ самый подробный, на гербовой бумагѣ, подписанный Ширяевымъ [1] и всѣми нами. Удержи его у себя или отправь Пушкину, какъ хочешь; но не отчаивайся въ *Вѣстникѣ*... Имѣю причины надѣяться всего хорошаго при перемѣнахъ, которыя мы намѣрены сдѣлать... Мнѣ кажется, ты можешь смѣло говорить за свою московскую братью передъ Пушкинымъ. Увѣрь пожалуйста и себя, и его, что отчаяніе въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ силахъ вредитъ каждому пуще всего на свѣтѣ".

Приведемъ также оправданіе самого Погодина, заключающееся въ письмѣ отъ 21-го сентября: „Я получилъ письмо твое, любезный Сергѣй Александровичъ. За форму его, которая была для меня совершенною новостью, и новостью пріятною, на́ тебѣ спасибо, а за содержаніе—подай назадъ. Мы всѣ сообща дѣлаемъ теперь счетъ на подлинныхъ документахъ и на голландскомъ листѣ пришлемъ его тебѣ и Пушкину. Тебѣ данъ былъ эскизъ, сдѣланный не по всѣмъ даннымъ... Но впрочемъ мнѣ низко и объясняться объ этомъ, ибо какъ можно было увѣрять, что 2×2=5, а не 4, между тѣмъ какъ ты (при переплетѣ) приписываешь мнѣ это увѣреніе. Яснѣе: ты запѣлъ Лазаря, потому что тебѣ не хочется, какъ я уже прежде замѣтилъ, толковать объ этомъ дѣлѣ; а Пушкинъ и ты сваливаете все на меня. Я подниму, и ты напрасно не поступилъ откровеннѣе. Или молчать, или спорить,—но кто проситъ тебя молчать, и нужно ли

[1] Московскій книгопродавецъ, принимавшій подписку на *Московскій Вѣстникъ*.

твое молчаніе? Это стыдно написать. Не понимаю, какъ можно было написать такое письмо по долговременномъ размышленіи. Это вспышка минуты, и вспышка въ твоемъ родѣ. Но форма и кое-что изъ содержанія мнѣ доставило много удовольствія, показала какъ будто новый face твой. За нее я прощаю тебя".

Шевыревъ вступился за Погодина со всею горячностью восемнадцатилѣтняго юноши и даже придалъ своему протесту нѣсколько торжественный видъ. Вотъ что̀ писалъ онъ:

„Соболевскому отъ Шевырева
Объясненіе.

„Ты уже думаешь, что ты правъ совершенно. Такъ разсказалъ, что и возраженія нѣтъ, — торжествуешь! Вотъ поэтому только пишу тебѣ; хочется вывести тебя изъ очарованія, а не то писать бы нечего, потому что и безъ тебя все сдѣлалось: Пушкинъ прямо нашъ, потому что онъ честенъ, и въ немъ человѣкъ равняется поэту. Повидимому, мы объ немъ гораздо лучшее имѣемъ понятіе, нежели ты. Ты представляешь двѣ бумаги, одну—твою, другую—ultimatum Погодина. Эти бумаги различны; слѣдовательно, надобно одной держаться, всѣми подписанной. Ну, не нелѣпо ли ты говоришь: „изъ двухъ бумагъ явствуетъ"? Первой бумаги, то-есть, твоей, я никогда не видалъ и видѣть не хочу... Держусь второй, она теперь передо мною. Тамъ вотъ что сказано".... И затѣмъ Шевыревъ приводитъ уже извѣстное намъ соглашеніе о пропорціональности гонорара. Далѣе читаемъ: „Ну, видишь ли? Разсуждай же! Если *пропорціонально,* то вѣдь и я потребую по скольку будетъ слѣдовать съ экземпляра; и ты за „Выписку о португальской словесности", и самъ Погодинъ за редакцію. Кто же будетъ вѣдать издержки? Вѣдь дѣло-то общее. Кому нужда? Вѣдь всѣ — издатели. Погодинъ—редакторъ, Погодинъ—прикащикъ нашъ, по твоему же сужденію. Какая ему нужда? И если Пушкинъ не хочетъ знать издержекъ, такъ я не хочу. и никто не хочетъ. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Что Соболевскій—нелѣпъ... Ты блюдешь пользы Пушкина и друзей твоихъ. Вѣрно они лучше тебя знаютъ свою пользу. Съ Пушкина денегъ требовать не будутъ не потому, что ты не приказываешь (ибо на твой голосъ мы не смотримъ, когда на нашей сторонѣ больше ихъ), а потому, что Пушкинъ— уже нашъ, по его личному увѣренію. Ты блюдешь пользы друзей своихъ, ты стараешься объ общемъ дѣлѣ, а предлагалъ По-

левому сотрудничество Пушкина! Какъ ты нелѣпъ, Соболевскій! Нѣтъ, ты не блюдешь нравственной пользы друзей своихъ!“ [1]

Многорѣчивое объясненіе Шевырева имѣетъ еще продолженіе, но мы не приводимъ его, потому что оно не прибавило бы ничего существеннаго къ сообщенной выпискѣ. Замѣтимъ только, что вся эта буря въ стаканѣ воды кончилась благополучно: *Московскій Вѣстникъ* продолжалъ издаваться въ 1828 году; Погодинъ остался его редакторомъ, а Шевыревъ принялъ на себя обязанности его помощника; затѣмъ однако, вопреки предложеніямъ другихъ сотрудниковъ, не послѣдовало никакихъ перемѣнъ въ планѣ журнала, направленіе его осталось, разумѣется, прежнее,—лишь редакторъ пріобрѣлъ больше самостоятельности. Не измѣнились и отношенія Пушкина къ журналу: не сдѣлавшись руководителемъ *Московскаго Вѣстника* въ первый годъ его существованія, онъ уже не стремился теперь къ этой цѣли, но усердно ободрялъ Погодина съ Шевыревымъ и охотно украшалъ журналъ своими стихами. По свидѣтельству Шевырева [2], онъ печаталъ ихъ теперь „совершенно безвозмездно“, хотя, какъ видно изъ одного письма Пушкина къ Соболевскому (отъ первой половины 1829 года), онъ считалъ еще за *Вѣстникомъ* старые долги. Какъ бы то ни было, если *Московскій Вѣстникъ* могъ просуществовать нѣсколько лѣтъ, то безъ сомнѣнія, благодаря многочисленнымъ вкладамъ поэта, которые составляли въ этомъ изданіи главную привлекательную силу для читателей.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, появившихся на страницахъ *Вѣстника* (1829 г., № 1), была „Чернь“. По словамъ Шевырева, Пушкинъ написалъ эту піесу подъ вліяніемъ художественной теоріи Шеллинга, проповѣдовавшей освобожденіе искусства, и съ которою Пушкинъ познакомился въ кружкѣ Веневитинова. Мнѣніе Шевырева было принято Анненковымъ и положено въ основу его сужденій о позднѣйшей поэтической дѣятельности Пушкина. Слѣдуетъ ли однако считать это мнѣніе безусловно справедливымъ?

---

[1] Какъ это письмо Шевырева, такъ и вышеприведенныя письма Рожалина и Погодина извлечены нами изъ бумагъ Соболевскаго, принадлежащихъ нынѣ графу С. Д. Шереметеву, которому приносимъ искреннюю благодарность за любезное разрѣшеніе ими воспользоваться.

[2] *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 205.

Безъ сомнѣнія, въ кружкѣ молодыхъ московскихъ поклонниковъ нѣмецкой философіи Пушкинъ слышалъ немало толковъ о Шеллингѣ и его воззрѣніяхъ на искусство. Но если судить по тѣмъ статьямъ *Московскаго Вѣстника*, въ которыхъ дѣлались попытки познакомить русскихъ читателей съ идеями германскаго мыслителя, то придется заключить, что авторы указанныхъ статей, Шевыревъ и Титовъ, сами—по крайней мѣрѣ въ то время—не далеко ушли въ разумѣніи излагаемыхъ ими воззрѣній. Шевыревъ характеризуетъ эстетическое ученіе Шеллинга тѣмъ, что оно проповѣдывало освобожденіе искусства. Но, по самому ходу германской литературы, освобожденіе искусства отъ условныхъ правилъ было для Шеллинга дѣломъ уже рѣшеннымъ, и онъ даже не распространялся о немъ, какъ о вопросѣ художественной техники. Мы видѣли, что къ такому же рѣшенію пришелъ и Пушкинъ, но пришелъ совершенно самостоятельно, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній. Итакъ, не въ этомъ отрицательномъ выводѣ была заслуга Шеллинга, и если допускать возможность его вліянія на Пушкина, то его слѣдуетъ искать не здѣсь, а въ подвигѣ болѣе важномъ, въ томъ, что вопросъ объ искусствѣ твердо поставленъ Шеллингомъ на почву философіи. Вслѣдъ за Платономъ германскій мыслитель призналъ красоту одною изъ врожденныхъ человѣку идей наравнѣ съ истиной и благомъ и вывелъ отсюда высокое значеніе искусства, какъ свободнаго творчества человѣческаго духа. Въ одной изъ первыхъ книжекъ *Московскаго Вѣстника* (1827 г. № 7) есть попытка изложить и это воззрѣніе; она находится въ статейкѣ „О достоинствѣ поэта", написанной В. П. Титовымъ. Но изложеніе имѣетъ здѣсь характеръ такого наивнаго ученическаго упражненія, что представляется совершенно невозможнымъ допустить догадку о вліяніи подобныхъ слабыхъ статей на Пушкина. Его мысль должна была подняться очень высоко надъ этими юношескими опытами, чтобы создать такія произведенія, какъ „Чернь" и другія стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о призваніи и назначеніи поэта. Въ виду этихъ соображеній мы рѣшительно отвергаемъ достовѣрность показанія Шевырева о происхожденіи „Черни" и охотно присоединяемся къ слѣдующему мнѣнію, выраженному Н. Н. Страховымъ: „Говорятъ, въ Москвѣ въ то время (въ половинѣ двадцатыхъ годовъ) начало распространяться нѣмецкое ученіе о великомъ значеніи поэтовъ, и нѣкоторые приписываютъ вліянію этого ученія тогдашнія высокомѣрныя сти-

хотворенія Пушкина. Кажется однако же, они могутъ быть объяснены тѣмъ, что совершалось тогда съ самимъ Пушкинымъ. Прямо изъ своей собственной жизни онъ вынесъ необходимость уединиться отъ народа, такъ или иначе перенести его равнодушіе и остаться самимъ собою. Съ нимъ случилось то самое, что онъ вообще предвѣщаетъ поэту:

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной.
(„Поэту") [1].

О „Черни" у насъ было много писано; ее толковали на разные лады. Но кажется, главною ошибкой большинства критиковъ было то, что они (въ числѣ ихъ, очевидно, и Шевыревъ) искали въ Пушкинскомъ стихотвореніи того, чего и не думалъ давать авторъ, именно искали цѣльной художественной теоріи, и объяснивъ по-своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее.

Чтобы не выйти изъ предѣловъ мысли, намѣченныхъ авторомъ „Черни", слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что въ рукописи эта піеса была названа „Ямбомъ" [2], по примѣру „Ямбовъ" Андрея Шенье, то-есть, тѣхъ произведеній, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій поэтъ бросалъ укоры и обличенія своимъ обезумѣвшимъ современникамъ. Тотъ же смыслъ жесткой сатиры имѣетъ и „Чернь" русскаго поэта: въ спорѣ между толпой и пѣвцомъ Пушкинъ изображаетъ два различные взгляда на поэзію: одинъ—принадлежащій людямъ, не посвященнымъ въ тайны творчества, и другой—свойственный самому художнику. Сопоставленіе двухъ воззрѣній естественно требовало, чтобы каждое изъ нихъ было очерчено въ краскахъ рѣзко различныхъ, чтобы грубому требованію пользы было противоположено мирное служеніе свободному вдохновенію. Между тѣмъ какъ въ желаніи толпы услышать смѣлые уроки звучитъ голосъ лицемѣрія, поэтъ отвѣчаетъ ей равнодушіемъ и презрѣніемъ и предпочи-

---

[1] *Н. Страховъ.* Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. С.-Пб. 1888, стр. 8, 9.

[2] Это было указано Анненковымъ въ его изданіи Пушкина (т. II, стр. 474) на основаніи рукописи, намъ неизвѣстной. Въ одной изъ записныхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ (№ 2371), есть набросокъ «Черни», но онъ ничего не даетъ для объясненія происхожденія піесы; заглавія «Ямбъ» здѣсь нѣтъ. Въ изданіи литературнаго фонда (т. II, стр. 27), въ числѣ черновыхъ набросковъ, отнесенныхъ къ 1827 году, напечатаны четыре шестистопные стиха, повидимому, имѣющіе отношеніе къ «Черни».

таетъ уйти въ свѣтлый, ему одному доступный міръ творчества. Таковъ смыслъ послѣднихъ четырехъ строкъ стихотворенія, тѣхъ самыхъ, которыя всего больше подвергались критическимъ пересудамъ. Въ упоминаніи „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ хотѣли видѣть, будто—по разумѣнію поэта—вся задача искусства заключается въ мастерствѣ изящнаго исполненія, въ художественной отдѣлкѣ формы. Но для того, чтобы признать, какъ далеко такое объясненіе отъ прямой мысли Пушкина, достаточно припомнить, что въ одинъ годъ съ „Чернью“ написаны имъ „Воспоминаніе“, „26 мая 1828“ (Даръ напрасный, даръ случайный), „Предчувствіе“, „Анчаръ“, „Опричникъ“, „Полтава“ и другія произведенія, въ которыхъ совершенство художественной формы сочетается съ глубокимъ нравственнымъ смысломъ. Такъ всегда было въ поэтической дѣятельности Пушкина послѣ того, какъ онъ пережилъ періодъ раннихъ юношескихъ увлеченій. А между тѣмъ, обвиненіе въ безнравственности было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ нападенія, къ которымъ прибѣгали современные Пушкину критики, относившіеся къ нему враждебно.

Обвиненія такого рода начались еще давно, съ появленіемъ „Руслана и Людмилы“; не прекращались они и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки, различныя обстоятельства обязывали его къ особливой осторожности, чтобы не подвергнуться новымъ стѣсненіямъ: это было время, когда онъ получалъ моральныя и литературныя наставленія даже отъ графа Бенкендорфа и оказывался въ необходимости оправдываться противъ выговоровъ [1]. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что стихотвореніе „Чернь“ есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной толпѣ, а къ черни свѣтской, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ княгини З. А. Волконской. Что же касается журнальныхъ судей, толковавшихъ о безнравственности произведеній Пушкина,—достаточно будетъ привести слѣдующія строки, сказанныя въ защиту его въ первой книжкѣ *Московскаго Вѣстника* за 1828 годъ (стр. 69, 70): „Мы замѣтили изъ разныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Пушкина странныя отъ него требованія. Хотятъ, чтобъ онъ создавалъ

[1] См., напримѣръ, Сочиненія, т. VII, стр. 207.

въ своихъ поэмахъ существа чисто нравственныя, образцы добродѣтели. Напомнимъ строгимъ аристархамъ, что не дѣло поэта преподавать уроки нравственности. Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякій характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли, или одного чувства. Если поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется, выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ, и потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, они изящны, и поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно-злое на душу человѣка,— не поэта обвиняйте, который воленъ, какъ сама природа, въ созданіи людей, и какъ судьба, въ созданіи происшествій, картинъ порока или добра, но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія".

Эти умныя и справедливыя строки написаны Шевыревымъ. Не невозможно, что онѣ послужили Пушкину внѣшнимъ поводомъ къ сочиненію „Черни". Но всякій легко согласится, что въ приведенной цитатѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ Шеллингова воззрѣнія на искусство: это просто разсужденія честнаго и добросовѣстнаго писателя. И едва ли ошибемся мы, сказавъ, что эти качества Пушкинъ цѣнилъ въ Шевыревѣ больше, чѣмъ его философскую подготовку. Поэтому-то онъ охотно участвовалъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и постоянно поддерживалъ любезныя отношенія къ его редактору и главному сотруднику. Но все-таки тѣсной внутренней связи между ними и поэтомъ не образовалось.

Причиной разногласія послужило нѣкоторое различеніе въ собственно литературныхъ мнѣніяхъ. Пушкинъ не одобрялъ многихъ критическихъ отзывовъ, появлявшихся на страницахъ *Московскаго Вѣстника* и принадлежавшихъ большею частью Шевыреву. Въ этомъ сознается и самъ Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такъ въ написанномъ имъ обозрѣніи русской словесности за 1827 годъ (*Московскій Вѣстникъ* 1828 г., кн. I) онъ холодно отозвался о стихотвореніяхъ Баратынскаго,—и Пушкинъ, по прочтеніи этихъ строкъ, написалъ Погодину: „Грѣхъ Шевыреву не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья!" Еще строже, въ томъ же обозрѣніи, Шевыревъ отнесся къ трагедіи Катенина

„Андромаха" и свой разборъ ея заключилъ слѣдующими жесткими словами: „Все, все обнаруживаетъ въ сей трагедіи не оригинальнаго поэта, а слабаго подражателя". Пушкинъ не могъ сочувствовать такому приговору: онъ былъ высокаго мнѣнія о литературныхъ способностяхъ Катенина и даже утверждалъ, что „изъ нашихъ Шлегелей одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло", то-есть, правильно понимаетъ пріемы драматическаго творчества; объ его „Андромахѣ", которая—кстати замѣтить—была не переводомъ изъ Расина, а попыткой самостоятельно обработать древнее сказаніе для сцены, Пушкинъ говорилъ, что это—„можетъ-быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому" [1]. Наконецъ, не разъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* появлялись возраженія на статьи князя Вяземскаго, печатавшіяся въ *Московскомъ Телеграфѣ*; Пушкинъ и самъ не всегда соглашался съ мнѣніями своего друга, но ему, конечно, была не по сердцу полемика *Вѣстника* противъ Вяземскаго. Такимъ образомъ понятно, почему между Пушкинымъ и *Московскимъ Вѣстникомъ* могло произойти мало-по-малу охлажденіе; въ особенности обнаружилось оно въ 1830 году, когда возникла *Литературная Газета* Дельвига; здѣсь Пушкинъ помѣстилъ даже нѣсколько полемическихъ замѣтокъ противъ *Вѣстника*.

Какъ видно изъ воспоминаній Шевырева, нѣкоторыя литературныя сужденія Пушкина онъ объяснялъ исключительностью его литературныхъ симпатій. То же мнѣніе было высказано Шевыревымъ вскорѣ послѣ смерти поэта въ разборѣ первой книжки *Современника* на 1837 годъ: „Дружба была для него чѣмъ-то святымъ, религіознымъ. Она доходила въ немъ даже до литературнаго пристрастія: часто въ поэтѣ онъ любилъ и защищалъ только своего друга" [2]. Должно согласиться, что въ этомъ замѣчаніи есть значительная доля правды: дружеское одобреніе Пушкина заходило иногда черезъ край, но конечно, только по его добродушію, а не по односторонности или ограниченности его литературнаго пониманія. „Не всякій судья искусства есть геній; но всякій геній есть природный судья: проба всѣхъ правилъ въ немъ самомъ". Этотъ старый афоризмъ Лессинга вполнѣ примѣняется къ Пушкину — и косвенно имѣетъ приложеніе къ Шевыреву: Шевыревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ судей искус-

[1] Сочиненія, т. VII, стр. 200 и 206; т. V. стр. 144.

[2] *Московскій Наблюдатель* 1837, іюнь, кн. 1-я, стр. 313.

ства, которымъ эстетическое чувство нерѣдко измѣняло; многочисленные примѣры тому могутъ быть безъ труда указаны въ его критическихъ статьяхъ, какъ ранняго, такъ и поздняго времени. Такой недостатокъ не могъ ускользнуть отъ художнической проницательности Пушкина, и потому-то, читая разборы Шевырева въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и отдавая полную справедливость его образованію и любви къ литературѣ, Пушкинъ все-таки долженъ былъ прійти къ заключенію, что не въ этомъ критикѣ онъ найдетъ настоящаго толкователя своихъ произведеній и—порой—совѣтника въ развитіи своей творческой дѣятельности. Въ тридцатыхъ годахъ, когда, при дѣятельномъ участіи Шевырева, возникъ *Московскій Наблюдатель*, Пушкинъ не отказался принять въ немъ участіе, но въ то же время тихонько отъ „Наблюдателей“ заводилъ сношенія съ Бѣлинскимъ, только-что выступившимъ на литературное поприще и уже открывшимъ полемику противъ Шевырева.

V.

Сношенія Шевырева съ Пушкинымъ въ періодъ изданія *Московскаго Вѣстника* составляютъ главный моментъ во всей исторіи ихъ знакомства. Поэтому и мы распространились о нихъ съ большею подробностью, и если нѣкоторыя изъ сообщеній Шевырева, относящихся къ тому времени, подали намъ поводъ къ возраженіямъ, то это объясняется значительною долей самомнѣнія въ Шевыревѣ, его желаніемъ дать понять, что онъ былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ къ Пушкину и даже могъ имѣть на него вліяніе. Подобные намеки попадаются и въ печатныхъ статьяхъ Шевырева; но что̀ гораздо важнѣе, въ этихъ послѣднихъ можно найти кое-какія фактическія дополненія къ воспоминаніямъ, записаннымъ со словъ Шевырева для Анненкова. Примѣры тому уже были приведены выше. Воспользуемся здѣсь остальнымъ разбросаннымъ матеріаломъ въ этомъ родѣ и сопоставимъ его со свидѣтельствами воспоминаній.

О личномъ характерѣ Пушкина и объ его положеніи въ обществѣ Шевыревъ сообщаетъ немногое, но понялъ онъ ихъ вѣрно. Еще въ 1841 году, говоря о „Египетскихъ ночахъ“, онъ первый высказалъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Въ Чарскомъ Пушкинъ едва ли не представилъ собственныхъ своихъ

отношеній къ свѣту: онъ не любилъ, когда въ гостиной обращеніемъ напоминали ему о высокомъ его званіи, и предпочиталъ обыкновенное обхожденіе свѣтское" [1]. Безъ сомнѣнія, не ошибался Шевыревъ, находя, что свѣтскія отношенія много повредили Пушкину и приблизили катастрофу его кончины. Очень цѣнно свидѣтельство Шевырева объ охлажденіи московскаго общества къ поэту послѣ первыхъ успѣховъ его въ зиму 1826—1827 годовъ. Къ сожалѣнію, подробностей объ этомъ обстоятельствѣ извѣстно очень мало, но даже коротенькое замѣчаніе Шевырева можетъ служить подтвержденіемъ тому объясненію происхожденія „Черни", какое представлено выше.

Тотъ же самый Пушкинъ, который готовъ былъ скрывать свой высокій даръ въ свѣтскомъ обществѣ, производилъ обаятельное впечатлѣніе своимъ умомъ среди людей, способныхъ понимать его геніальную природу. Шевыревъ запомнилъ кое-какіе отрывки изъ его бесѣдъ въ тѣсномъ кружкѣ. Такъ, къ первой порѣ ихъ знакомства относятся ихъ разговоры о Шекспирѣ, въ которыхъ Пушкинъ обнаружилъ „геніальное" пониманіе великаго англійскаго драматурга. Извѣстно, что въ 1826 году Пушкинъ явился въ Москву съ только-что оконченнымъ „Борисомъ Годуновымъ" и съ замыслами о цѣломъ еще рядѣ драмъ историческихъ и иныхъ. Шевыревъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ о намѣреніи Пушкина продолжать драматическую хронику Смутнаго времени, а въ одной изъ своихъ критическихъ статей утверждаетъ, что еще въ 1826 году поэтъ задумывалъ „Каменнаго гостя" и „Русалку". „Еще", читаемъ мы въ той же статьѣ,— „былъ у него проектъ драмы „Ромулъ и Ремъ", въ которой однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ намѣревался онъ вывести волчиху, кормилицу двухъ близнецовъ" [2]. Эти показанія Шевырева точны почти вполнѣ: въ относящемся къ 1826 году собственноручномъ спискѣ драмъ, задуманныхъ Пушкинымъ, названы между прочимъ: „Ромулъ и Ремъ", „Донъ-Гуанъ", „Дмитрій и Марина"; ошибся Шевыревъ, вѣроятно, лишь относительно „Русалки": по крайней мѣрѣ, такого заглавія не оказывается въ упомянутомъ спискѣ, и есть основательные поводы считать, что это произведеніе было задумано позже.

Къ болѣе позднему времени относится разговоръ Шевырева съ

---

[1] *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 264.
[2] *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 245.

Пушкинымъ о новой французской словесности. „Изъ новыхъ поэтовъ Франціи“, сообщаетъ Шевыревъ,—„сколько мы знаемъ, одинъ Альфредъ Мюссе нравился ему своимъ „Spectacle dans un fauteuil“. Вѣроятно, послѣдняя часть этого сочиненія, маленькая поэма „Hassan“ въ Байроновомъ стилѣ, пришлась особенно по вкусу Пушкина. Должно замѣтить, что А. Мюссе изо всей школы современныхъ стихотворцевъ Франціи болѣе отличается мастерствомъ и оконченностью въ отдѣлкѣ стиха. Прочіе поэты, по прежнему примѣру Гюго, этимъ пренебрегаютъ, особенно въ драматическомъ родѣ... Пушкинъ, какъ истинный художникъ формы и первый мастеръ своего поколѣнія, не могъ сочувствовать такому искаженію формъ. Кромѣ того, онъ не могъ раздѣлять и воззрѣнія поэтовъ французскихъ на жизнь и искусство“ [1]. Въ этихъ словахъ Шевырева слѣдуетъ, однако, различать его догадки отъ фактическихъ указаній. Пушкинъ дѣйствительно питалъ мало расположенія къ французскимъ романтикамъ, и только первые поэтическіе опыты Мюссе встрѣтилъ сочувствіемъ, но и у него онъ хвалилъ не изящество формы, а самобытныя проявленія творчества въ драматическомъ очеркѣ „Les marrons de feu“, „живость необыкновенную“—въ стихотворной повѣсти „Portia“ и умѣнье схватить тонъ шуточныхъ произведеній Байрона, „что вовсе не шутка“,—въ другой, тоже стихотворной повѣсти „Mardoche“ [2]. Напротивъ того, въ своемъ отзывѣ о Мюссе Пушкинъ вовсе не упоминаетъ о той поэмѣ его въ Байроновомъ стилѣ, которую Шевыревъ называетъ „Hassan“, хотя въ подлинникѣ ея названіе „Namouna“.

Шевыреву случалось быть свидѣтелемъ бесѣдъ Пушкина съ Погодинымъ, въ которыхъ поэтъ обнаруживалъ свои глубокія познанія въ русской исторіи. Погодинъ самъ сохранилъ воспоминаніе объ одной изъ этихъ бесѣдъ, и мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь его разсказъ, тѣмъ болѣе, что онъ ускользнулъ даже отъ тщательныхъ разысканій новѣйшаго біографа Погодина. Въ 1841 году издателю *Москвитянина* случилось разбирать въ своемъ журналѣ книжку Н. Д. Иванчина-Писарева „Вечеръ въ Симоновѣ“, и онъ обратилъ здѣсь вниманіе на одно примѣчаніе, въ которомъ говорится, что авторъ „имѣлъ случай видѣть собственноручныя строки Петра Великаго, начертанныя въ минуты сильныхъ душевныхъ тревогъ о цѣлости и благѣ царства: такова

[1] *Московскій Наблюдатель* 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318, 319.
[2] Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 139, 140.

инструкція Шафирову въ лагерѣ на берегахъ Прута... Строки отца отечества остались, дабы слезы русскихъ падали на нихъ, какъ и на безсмертное письмо его въ сенатѣ". Къ этой нѣсколько высокопарной тирадѣ Писаревъ прибавляетъ: „Подлинникъ хранится въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ" [1]. Эта послѣдняя замѣтка особенно заинтересовала Погодина. „Я обрадовался", пишетъ онъ въ своей рецензіи,—„извѣстію г. Писарева, потому что Пушкинъ увѣрялъ меня въ противномъ; онъ съ горестію говорилъ мнѣ, что нашелъ доказательство о невѣрности извѣстія о письмѣ Петровомъ съ Прута. Письмо хранится въ Московскомъ архивѣ; въ слѣдующемъ же нумерѣ я извѣщу читателей, разсмотрѣвъ оное внимательно. Я до такой степени былъ увѣренъ Пушкинымъ, что даже на лекціи не смѣлъ говорить о происшествіи подъ Прутомъ безъ оговорки" [2]. Оказывается, однако, что Пушкинъ былъ правъ, а Погодинъ введенъ въ заблужденіе неясностью послѣднихъ словъ Писарева: авторъ „Вечера въ Симоновѣ" видѣлъ въ Московскомъ архивѣ не письмо Петра въ сенатъ изъ Прутскаго лагеря, а инструкцію, данную царемъ Шафирову для переговоровъ съ визиремъ въ то время, когда Турки окружали русское войско; въ архивѣ дѣйствительно существуетъ подлинникъ этой инструкціи, и съ него она была напечатана Соловьевымъ въ XVI томѣ его „Исторіи Россіи"; что же касается письма Петра въ сенатъ, то оно не извѣстно въ подлинникѣ, и хотя о содержаніи его разсказывается въ „Анекдотахъ" Штелина, однако самое существованіе этого документа отвергается весьма дѣльными возраженіями Устрялова [3].

Живой интересъ, который обнаруживалъ Пушкинъ къ изученію русской старины, народности и языка, опережая въ этомъ отношеніи всѣхъ современныхъ ему писателей, долженъ былъ вызывать въ Шевыревѣ полнѣйшее сочувствіе по самому характеру его направленія. Шевыревъ упоминаетъ о томъ въ своихъ воспоминаніяхъ; неоднократно говорилъ онъ объ этомъ предметѣ и въ своихъ печатныхъ трудахъ, выставляя примѣръ Пушкина въ поученіе другимъ литераторамъ. Итакъ, соберемъ здѣсь эти любопытныя свидѣтельства Шевырева.

„Никто такъ не уважалъ правильности формъ языка и русской

---

[1] «Вечеръ въ Симоновѣ», стр. 84, 85.

[2] *Москвитянинъ* 1841 т., ч. II, стр. 502.

[3] Въ особой статьѣ, помѣщенной въ «Мѣсяцесловѣ» на 1859 годъ.

просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ“ [1].

„Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятники древней словесности. „Слово о полку Игоревѣ“ онъ помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненіе. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣдѣ приводилъ онъ цѣликомъ слова̀ изъ государственныхъ грамотъ и лѣтописей. Начертать характеръ Пимена могъ онъ только по глубокомъ изученіи духа и языка нашихъ лѣтописей. Кто изъ знавшихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простаго народа? [2]

„Извѣстно, что Пушкинъ готовилъ изданіе „Слова о полку Игоревѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ онъ объ его поэтическихъ достоинствахъ и не сочувствовалъ нисколько мнѣніямъ скептиковъ, которые всего сильнѣе дѣйствовали въ его время. Нельзя не пожалѣть, что онъ не успѣлъ докончить труда своего... Я слышалъ лично отъ Пушкина объ его трудѣ. Онъ объяснилъ мнѣ изустно вступленіе, котораго смыслъ, по мнѣнію Пушкина, былъ тотъ, что авторъ Слова, отказываясь отъ *старыхъ словесъ* и *замышленія Боянова*, предпочитаетъ говорить о полку Игоревомъ по былинамъ своего времени“ [3].

Любопытныя слова эти не требуютъ объясненія: многочисленныя подтвержденія имъ легко могутъ быть найдены въ сочиненіяхъ Пушкина. Но сочувственное сужденіе Шевырева имѣетъ въ данномъ случаѣ серьезное значеніе, такъ какъ онъ самъ, въ свое время, много потрудился надъ изученіемъ нашей письменной старины и роднаго языка. Вообще, воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ, даже при нѣкоторой односторонности въ освѣщеніи извѣстныхъ фактовъ, представляютъ несомнѣнный интересъ и могутъ занять видное мѣсто въ числѣ матеріаловъ для біографіи великаго русскаго поэта.

Л. Майковъ.

---

[1] *Московскій Наблюдатель* 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318, примѣчаніе.

[2] *Москвитянинъ* 1843 г., ч. III, стр. 237.

[3] Исторія русской словесности. Лекціи *Ст. Шевырева*. Части первая и вторая. Изданіе 3-е. Ч. II, стр. 145 и 173.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Милостивый государь,
г. редакторъ!

Въ мартовской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*, въ критической статьѣ о моей поэмѣ „Собаки"—неизвѣстный мнѣ критикъ, Н. А., такъ снисходительно и благосклонно отнесшійся къ моему произведенію, говоритъ между прочимъ на стр. 406, что „появленіе либерализма, вѣроятно, должно было составлять содержаніе отсутствующихъ и *якобы затерянныхъ главъ* (IV—V)".

Но, смѣю увѣрить васъ,—эти главы только теперь совершенно неожиданно мною отысканы, въ книгѣ съ вырванными листами, и съ отмѣткой „1872, начато 15 іюня, дача на Петергофской дорогѣ Матисена"—тамъ же нашлись и другія, начальныя главы (впослѣдствіи мною передѣланныя) и совсѣмъ другое предисловіе стихами. Еслибы IV и V главы были у меня подъ рукой, когда я издавалъ мою книгу, я, конечно, не переврал бы ихъ содержанія, (въ примѣчаніи на стр. 16, моего изданія). Не находя же этихъ главъ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что онѣ лишнія, и что безъ нихъ моя поэма не проиграетъ, а выиграетъ...

Посылаю вамъ эти главы.

Авось, кто-либо изъ числа литературныхъ судей моихъ, обратившихъ вниманіе на мое произведеніе, прочтя эти двѣ главы—дастъ мнѣ знать (печатно или письменно), помогаютъ ли эти главы, или хоть отрывки изъ нихъ, единству моего произведенія, и слѣдуетъ или не слѣдуетъ ихъ печатать въ слѣдующемъ изданіи моей поэмы?..

Примите и проч.

Я. Полонскій.

Двѣ пропущенныя и найденныя главы юмористической поэмы

„СОБАКИ“.

IV.

Мефистофель.

Отъ чего собаки стали волноваться,
Тосковать, заёмной мыслью увлекаться,
Даже завираться? Отъ чего свободу
Сердца воспѣвая, злились на природу:
(Ибо съ мая къ лѣту начали плодиться
Что при недостаткахъ вовсе не годится).
Отъ чего готовъ былъ лѣзть по горло въ воду
Нашъ зѣло маститый и зѣло косматый
Водолазъ? Трезвонъ же, краснобай завзятый,
Хмурился, не вѣрилъ ни въ свою породу,
Ни въ боговъ, а Сайга—Музу отрицала,
Если только эта Муза продолжала
Пѣть собачьи пѣсни, а не завывала
Какъ волчиха!.. Боги!!..
Кто-то увѣряетъ,
Что причинъ на свѣтѣ вовсе не бываетъ:
Такъ, дескать, безъ мысли пишутся поэмы
Въ современномъ вкусѣ, на чужія темы...
Такъ, дескать, безъ вѣтра шепчутся осины...
Но повѣдай, Муза! развѣ безъ причины

Стали насъ тревожить сны воображенья,
Жгучія сомнѣнья—и поползновенья...

. . . .

Тихо оттолкнувши лиру лапой нѣжной,
Долго-долго Муза кроткая молчала;
Ласковымъ упрекомъ, думой безмятежной
Красота античной морды мнѣ сіяла,—
Только чуть замѣтно ноздри шевелились
Да глаза, сверкая, на меня косились.
И вѣщала Муза: Вѣрь мнѣ, отъ желудка
Исходящій голосъ далеко не шутка!
Отъ его цензурныхъ предостереженій
Разовьется подлость, или смѣлый геній....
Вы воображали, что на бѣломъ свѣтѣ
Люди существуютъ съ тѣмъ, чтобъ быть въ отвѣтѣ
За собакъ,—что если у собакъ въ похлёбкѣ
Вмѣсто хлѣба съ саломъ будутъ плавать пробки,
Или—если люди только васъ помажутъ
По губамъ,—то боги ихъ за то накажутъ...
Въ этомъ вы, конечно, разочаровались,—
И пустились въ толки, въ споры и въ анализъ.
Ты же будь поэтомъ, напряги вниманье,
Призови на память то, что безъ вліянья
Не прошло, и смѣло по пути прогресса
Двинуло—припомни появленье бѣса...
И послушный Музѣ, я въ мое созданье
Правду самой свѣжей были, какъ преданье
Вписываю...

— Это, господа, случилось
По веснѣ. Однажды, солнце закатилось,
Сумерки стояли теплыя, и брага
Всѣмъ пришлась по вкусу. Парни для потѣхи
Въ чехарду играли, дѣвушки орѣхи
Грызли, бабы пѣли... Вдругъ, изъ-за оврага
Выскочилъ и началъ бѣгать по дорогѣ
Оборотень, страшный, и свинообразный,
И волкообразный, словомъ, безобразный.
У старухъ отъ страха подкосились ноги;
Дѣвки и мальчишки съ крикомъ разбѣжались,
Бабы завизжали... всѣ перепугались,

И когда же!? въ праздникъ Божій (Не въ Семикъ ли?)
Эдакій позоръ и ужасъ!
Всѣ привыкли,
Къ домовымъ:—не трудно мужику привыкнуть
Къ тѣмъ, чье дѣло ясно, (если въ дѣло вникнуть):
Домовой порядки любитъ, охраняетъ
Избу, скотъ, сараи, и ворчитъ онъ, дабы
Дѣвки не дурили... Мужики и бабы
Слышутъ, какъ онъ ночью съ чердака слѣзаетъ,
Какъ впотьмахъ онъ лѣзетъ къ дѣвкамъ на палати,—
И давно привыкли къ этой благодати.
Но свинью на волчьихъ лапахъ невозможно
Видѣть безъ обиды—это ужь безбожно!
Это—иль нечистой силы навожденье,
Иль—колдунъ, который, злясь на все селенье,
Тѣшится. Не даромъ дошлые крестьяне,
Тѣ, что̀ были въ праздникъ по закону пьяне,
Порѣшили чорта наказать. Кто палку
Подхватилъ, кто камень, и за нимъ погна̀лись.
Вотъ бѣгутъ,—кто рысью, кто и въ перевалку,—
Двое спотыкнулись, трое запыхались.
Ѳомка проситъ чорта пріостановиться...
— Погоди ты, рыжій дьяволъ!...—Онъ же мчится
Весь въ пыли, какъ ви́хорь,—шмыгаетъ въ ворота,
И—на дворъ.—Держите, братцы! крикнулъ кто-то,
Не уйдетъ!...
И что̀ же? точно провалилось
Чудище—исчезло, сгинуло... Смутилась
Храбрая ватага,—въ поиски пустилась:
Шаритъ съ фонарями то въ углахъ сарая,
То на кухнѣ барской, то у Ермолая
Дворника въ чуланѣ, то въ сѣняхъ, повсюду...
И—нигдѣ!.. Всѣ злятся и дивятся чуду...
Привязались къ Стёпкѣ (этотъ Стёпка въ гости
Къ намъ ходилъ когда-то и носилъ намъ кости;
А теперь онъ сталъ ихъ отправлять возами
Въ городъ, на заводъ, и завелся грошами).
— Привязались къ Стёпкѣ: Ужь не ты ль колдунъ-то!..
Только слава Богу, не дошло до бунта...
. . . .

Гвалтъ, что услыхали всѣ мы за сараемъ,
Унялся. Лежимъ мы, ничего не чаемъ,
Вдругъ, вообразите, оборотень явно
Прошмыгнулъ на псарню, и преобразился
Въ Пуделя. Трезвонка подъ навѣсъ забился,
Струсили Барбосъ и Теска, я—подавно....
Ночи три-четыре сряду посѣщалъ онъ
Уголъ нашъ (должно-быть Фауста искалъ онъ)
Ибо несомнѣнно, какъ сырой картофель
Есть земная овощь, какъ клубника съ вишней
Ягода, такъ этотъ оборотень, *лишній*
Для крестьянъ, для насъ былъ *нужный* Мефистофель.
Въ эти ночи, самъ я видѣлъ, какъ, изъ мрака
Выдѣляясь, ходитъ черная собака,
Стриженая сзади, спереди на львенка
Смахиваетъ,—брови выпуклые,—тонкій,
Носъ,—вихоръ немного кверху завостренный,
И въ зрачкѣ мерцаетъ огонекъ зеленый,
Какъ онъ ходитъ—слышимъ, какъ зѣваетъ—слышимъ...
И впотемкахъ, уши навостря, чуть дышемъ,
Только водолазъ нашъ духомъ не смущался,
(Видно онъ не даромъ Магомъ прозывался.)
Къ Пуделю навстрѣчу шелъ, и даже нюхалъ;
Чѣмъ проклятый пахнетъ, онъ одинъ разчухалъ,
Распозналъ, какое это привидѣнье!...
И одинъ вошелъ съ нимъ въ близкое сношенье.,
Что за разговоры съ нимъ, прикрывшись тьмою,
Велъ онъ, я не знаю, а догадку скрою;
Лишь скажу, что мастеръ чортъ въ мозгахъ печатать,
То, что отъ цензуры слѣдуетъ намъ прятать:
Съ дѣтства заразившись жаждою всезнанья,
Водолазъ, конечно, былъ не безъ вліянья
На собакъ, готовыхъ чуть ли не молиться
На того, кто даже чорта не боится,
Вѣрьте иль не вѣрьте, это все равно мнѣ,
Но что невозможно въ Старицахъ, въ Коломнѣ,
Въ Брянскѣ, въ Спаскѣ... или между сановитыхъ
Кобелей, въ приказномъ мірѣ знаменитыхъ,
То на нашей псарнѣ стало непреложнымъ
Фактомъ; *Мефистофель сталъ лицомъ возможнымъ.*

Значитъ, наша псарня стала кой-что значить
(Этимъ я надѣюсь нѣмцевъ озадачить.)
Если для успѣха мысли человѣка
Надобно по крайней мѣрѣ четверть вѣка,
Для собакъ довольно полгода иль года:
Ужь такая наша умная порода!
То, что трудно людямъ, для собакъ бездѣлка,
Ибо между нами каждый—скороспѣлка.
Нечему дивиться, что собачья стая,
Точно въ семимильныхъ сапогахъ шагая,
По пути прогресса шла, и для начала
Все, что̀ не собачье, смѣло отрицала;
Бога не боялась, чорта и подавно;
А нашлась лазейка, и струхнула явно.

V.

Первая лазейка.

О, повѣдай Муза! кѣмъ была прорыта
Первая лазейка? — Вѣрно имя этой
Золотой собаки въ псарнѣ знаменито.
Дайте мнѣ хоть имя, чтобъ я могъ Валета,
Марса иль Карая навсегда прославить,
На ряду съ Вольтеромъ иль съ Руссо поставить!..
Но молчитъ преданье, — но молчитъ бездарность,
Зависть, суесловье и неблагодарность!..
Глупо, говорятъ мнѣ, имя дѣлать вѣчнымъ,
Славить то, что въ звѣрѣ стало человѣчнымъ,
Или то, что въ людяхъ было геніальнымъ, —
Глупо, ибо пахнетъ чѣмъ-то идеальнымъ...
Впрочемъ, я напрасно слишкомъ безпокоюсь,
Ибо, вѣроятно, если я пороюсь
Въ нашихъ безтолковыхъ хроникахъ, открою:
Кто дерзнулъ... кто первый раннею весною
Въ лѣсъ прорылъ лазейку, — Мефистофель, или
Тѣ, что на досугѣ мозгомъ шевелили?..
Можетъ быть случайность?.. Но не вижу смысла
Я въ случайномъ фактѣ,—Музы не забыли,

Что не случай строитъ хоры ихъ, а числа,
Время точно также мѣряетъ часами
Тотъ восторгъ, который намъ внушаютъ дамы,
Также и лазейка... Безъ нея, конечно,
Прожили бъ мы вѣкъ свой болѣе безпечно,
Безъ необычайныхъ радостей и бѣдствій,
Иначе безъ всякихъ, такъ сказать, послѣдствій.

Въ часъ, когда достигла ночь до половины,
Въ часъ, когда на окна опустивъ гардины,
На широкомъ ложѣ, носомъ погруженный
Въ пухъ своихъ подушекъ, тяжко бредилъ сонный
Нашъ Мирза, его же чубучокъ склонился
Въ уголокъ укромный и ужь не дымился.
Въ часъ когда Мирзиха изъ-подъ одѣяла
Только бѣлый кончикъ ножки выставляла,
На господской псарнѣ подвигъ совершился,
И на этотъ подвигъ, не Трезвонъ рѣшился,
А Барбоска, юный другъ мой и пріятель,
Не дѣлецъ — гуляка и притомъ мечтатель.
Трепещите трусы! Муза, пой Барбоса!
Долго изъ лазейки только кончикъ носа
Высунувъ, глядѣлъ онъ, какъ луна купалась
Въ тучкахъ, окаймленныхъ пѣною жемчужной,
Какъ неслись тѣ тучки вереницей дружной,
Какъ звѣзда съ звѣздою то перемигалась,
То въ туманѣ гасла, лѣсъ не шевелился,
Вѣтеръ спалъ, и долго мой Барбосъ косился
Съ нѣкоторымъ чувствомъ страха на вершины
Трепетно и робко шепчущей осины,
И молчалъ, и думалъ может быть: ужь нѣтъ-ли
Тамъ, въ лѣсу капкана или скрытой петли...
И вздыхалъ, и чуялъ носомъ смолянистый
Запахъ, пробиравшій ночи воздухъ мглистый;
Но, одолѣвая тайную тревогу,
Мой Барбосъ сначала выползъ на дорогу,
Наконецъ, осину обошолъ, и смѣло,
Зашагалъ въ трущобу лѣса, гдѣ бѣлѣла

Старая береза, какъ скелетъ повитый
Саваномъ,—и вышелъ на бугоръ, покрытый
Пнями, и хотя онъ въ горній тронъ Зевеса
Плохо вѣрилъ, поднялъ очи выше лѣса,
Въ безпредѣльно-темный, синій сумракъ свода
Звѣзднаго, и молвилъ: торжествуй свобода!
Такъ свершился подвигъ—дѣло началося—
Началось на лонѣ матери природы,
Въ часъ когда молчали и холмы, и воды,
И лѣса, и въ гнѣздахъ молодыя птицы,
И луна, и лёгкихъ тучекъ вереницы...
. . . .
На другое утро, по слѣдамъ Барбоса,
Изъ лазейки къ лѣсу проскользнулъ Соколка,
Вслѣдъ за нимъ Трезвонка, и Карай, и Челка,
Наконецъ, и Сайга, и за ней вся стая,
(Тишину сначала строго соблюдая).
Всѣ нашли, что лазить сущая бездѣлка,
Что бѣжать законна всякая попытка,
Особливо, если заперта калитка.
Даже наши амки тайно бѣгать стали
Въ лѣсъ, и неизвѣстно, гдѣ тамъ ночевали.
Даже нашъ Вопило былъ почти согласенъ,
Что подобный подвигъ вовсе не опасенъ.
Всѣ нашли, что въ псарнѣ грунтъ для ямъ удобенъ,
И что рыть лазейку каждый пёсъ способенъ.
Что такое дѣло ничего не стоитъ,
Ибо въ свѣтѣ каждый что-нибудь да роетъ.
Всѣ повеселѣли—словно оживились,
Видомъ степи, тѣнью лѣса вдохновились;
Кто завелъ интрижку,—въ таборъ шелъ цыганскій,
Кто сманилъ дворняжку въ огородъ крестьянскій;
Рослый Марсъ, искатель сильныхъ впечатлѣній,
Шлялся по деревнѣ не безъ приключеній;
Водолазъ, который жить не могъ безъ бани,
Въ озерѣ плескался точно въ океанѣ;
Цѣлый день болтался Берфинъ сынъ проказникъ,
Словомъ, всѣмъ казалось, что свобода—праздникъ.
Вдругъ—гляжу, Барбосъ мой голову повѣсилъ,
И спросилъ я друга, что ты такъ не весёлъ?

Ты—который сдѣлалъ первый шагъ къ свободѣ...
Или ты у нашихъ амокъ сталъ не въ модѣ!?
И увы!—узналъ я, что за гусь Трезвонка!..
Смирнаго Барбоса принялъ за теленка,
Подскочилъ и цапнулъ—такъ... живёшь здорово...
Это было дико—это было ново.
Я разгорячился, я хотѣлъ вступиться,
Мстить, и съ волкодавомъ не шутя сцѣпиться.

Въ тотъ-же день нахала довелось мнѣ встрѣтить,
И сказалъ я— то-есть далъ ему замѣтить,
Что Барбоска—наша будущая слава,
Что большая морда никакого права
Не даетъ кусаться, и что за Барбоса
Я хочу вступиться...
— Я молокососа
Этого, сказалъ онъ—просто обожаю,
И не ради злости я его кусаю,
Я его кусаю, изъ предположенья,
Что зазнаться можетъ—собственное мнѣнье
Возыметъ захочетъ—словомъ, возмечтаетъ
Укусить такого право не мѣшаетъ...
. . . .

Я. Полонскій.

ТРИ ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПА ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу замѣчаній Д. И. Иловайскаго). [1]

I.

Февральская часть моей статьи „Сумерки просвѣщенія“ *(Русскій Вѣстникъ*, 1893 года), къ сожалѣнію, страдаетъ такими недостатками изложенія, которые, въ значительной степени отнимая въ ней силу убѣдительности, могутъ, и кромѣ того, дать поводъ къ невѣрному пониманію ея основныхъ мыслей. Пишущему не часто приходится сообщить лучшія внѣшнія достоинства тѣмъ своимъ мыслямъ, которыя онъ считаетъ по внутреннему содержанію наиболѣе правильными и для себя дорогими. Обстоятельства совершенно побочныя и частныя могутъ ослабить его руку въ самыя нужныя минуты, и трудъ, съ наилучшими надеждами начатый, можетъ принести ему наиболѣе огорченій. Конечно, ни для кого изъ его читателей они не могутъ быть такъ больны, какъ для него самого; вниманія, котораго онъ хотѣлъ для себя именно въ данную минуту, именно въ данномъ кругу умственныхъ своихъ заботъ—нѣтъ для него; и лучшее свое дѣло онъ видитъ разрушеннымъ въ самомъ же началѣ собственными своими руками.

Мысли, изложенныя въ моей статьѣ, должны бы быть индифферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ ли, въ Западной ли Европѣ; и я имѣлъ

[1] См. *Московскія Вѣдомости*, № 61, статья «О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ столичной печати».

нѣкоторую надежду, что для всѣхъ же партій онѣ будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сторону вопроса, ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ реальнымъ наукамъ, этому плоду новаго, трехвѣковаго европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю; я изслѣдую только, почему всѣ типы школы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ.

Три принципа образованія мнѣ видятся равно нарушенными во всѣхъ типахъ школы, во всѣхъ борющихся системахъ; и отъ этого нарушенія результаты всѣхъ ихъ такъ сомнительны, такъ горьки для самихъ образующихъ, какъ, безъ сомнѣнія, они не горьки для стороннихъ зрителей ихъ усилій, много критикующихъ, но ни въ чемъ не могущихъ, не умѣющихъ помочь дѣлу. Эти принципы слѣдующіе.

I. *Принципъ индивидуальности.* Онъ требуетъ, чтобы какъ въ образуемомъ (ученикъ), такъ и въ образующемъ (учебный матерьялъ) была по возможности сохранена индивидуальность, это драгоцѣннѣйшее въ человѣкѣ и въ его творчествѣ. Это лучшее въ нихъ, чрезъ соприкосновеніе чего (ихъ обоюдное вліяніе) и совершается именно образованіе. Гдѣ она не сохранена, подавлена или въ пренебреженіи, *тамъ образованія совершенно не происходитъ*—вотъ моя мысль; только какъ личность, какъ *этотъ опредѣленный человѣкъ*, а не „человѣкъ вообще“, я могу быть наиболѣе изобрѣтателенъ въ мысляхъ, свѣжъ въ своихъ чувствованіяхъ, упоренъ, твердъ въ стремленіяхъ. Оставьте во мнѣ „человѣка вообще“, дѣйствуйте только на него и только общими же своими сторонами, и вы навѣрное сдѣлаете меня во всемъ недалекимъ, ко всему вялымъ, ни въ чемъ не яркимъ; незамѣтно для себя, вы сдѣлаетесь и сами такими же; вы многаго еще *не забудете*, но *лучшее* въ себѣ *потеряете*; многому меня *обучите*, но не пробудите никогда самаго во мнѣ лучшаго, что уже есть, дремлетъ, *заложено* въ особенностяхъ моего душевнаго склада. Въ противоположность животному, которое всегда есть *родъ*, *видъ*, *разновидность*, человѣкъ есть всегда *особенное*. „Личность“—вотъ его высшее, глубочайшее опредѣленіе; и отвѣчая этому опредѣленію, каковъ бы ни былъ типъ школы, система образованія

только та одна будетъ образовательною, гдѣ не будетъ нарушенъ этотъ принципъ индивидуальности. Какъ это можетъ быть сдѣлано? что̀ это значитъ?

Сохраните ребенка какъ можно долѣе въ семьѣ, поставьте его потомъ какъ можно ближе къ Церкви—вотъ требованіе этого принципа въ томъ, *что касается образуемаго* (ученикъ); по самой своей природѣ, семья и Церковь индивидуальны въ способахъ своего воздѣйствія, въ своемъ воззрѣніи на человѣка, въ томъ, какъ относятся къ нему. Онѣ къ этому *способны*, не по сознанію долга, не по доблести, не потому, что лучше всего остальнаго: но потому, что внутренни, субъективны, знаютъ лицо въ человѣкѣ, а не родъ только, не группы людей. Онѣ въ воспитаніи суть наилучшія. И, въ обратность этому, менѣе всего довѣряйте большимъ, строго организованнымъ, хорошо дисциплинированнымъ школамъ: что бы онѣ ни дали вамъ, онѣ отнимутъ у васъ драгоцѣннѣйшее, чѣмъ то, что вы получите отъ нихъ.

Не отряхайте съ цвѣтовъ махровости, сведите къ minimum'у учебную переработку памятниковъ, доведите до maximum'а ихъ непосредственное изученіе—вотъ требованіе этого принципа въ томъ, что касается образующаго (учебный матерьялъ). Вмѣсто того, чтобы заучить двѣ страницы *о* Котошихинѣ и два отрывка *изъ* Котошихина, изучите четыре отрывка изъ него—вотъ простое и ясное примѣненіе этого принципа; вмѣсто того, чтобы, прочитавъ 400 стиховъ изъ Гомера, и уже начавъ освоиваться съ нимъ, привыкать къ нему, понимать его языкъ безъ затрудненія, перебѣгать къ Геродоту и такъ же медленно, крошечными отрывками его усвоивать, какъ до сихъ поръ и Гомера, лучше оставьте совсѣмъ Геродота и просидите годъ, полтора года надъ однимъ Гомеромъ—вотъ другое подобное примѣненіе этого принципа. Не оставляйте никакого изученія ранѣе, чѣмъ послѣ труда его не почувствуете, наконецъ, и наслажденія, а съ нимъ привязанности, интереса къ изучаемому. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы запомнить календарно-краткія свѣдѣнія о всѣхъ важныхъ лицахъ и событіяхъ исторіи—безъ образа и безъ смысла, узнайте треть, четверть этихъ лицъ и событій въ живыхъ образахъ и съ какимъ-нибудь смысломъ—вотъ третье примѣненіе этого принципа. Не удивительно ли, не безумно ли, не развращающе ли, наконецъ, что ни „Борисъ Годуновъ", ни „Скупой рыцарь", ни „Слово о Полку Игоревѣ", ни даже само Евангеліе и Библія не имѣютъ въ современной школѣ и тѣни того вниманія къ

себѣ, какое отдано тысячамъ страницъ дурнаго текста, невѣдомо кѣмъ и какъ составленнаго, о томъ же Годуновѣ, о томъ же „Словѣ“, о Евангеліи, Библіи, о всѣхъ предметахъ міра,—текста, изучаемаго изъ строки въ строку, изъ страницы въ страницу, и это безъ какого-либо сомнѣнія для каждаго, что здѣсь нѣтъ ничего воспитывающаго и образующаго.

II.

Указавъ на этотъ недостатокъ школы (всѣхъ типовъ и степеней), я долженъ былъ естественно ожидать встрѣтить тысячи возраженій. Чтобы предупредить ихъ, я сдѣлалъ ссылки на примѣръ, мнѣ казалось, самый убѣдительный: я взялъ учебникъ, составленный лицомъ, завѣдомо хорошо знающимъ свой предметъ; даже болѣе—лицомъ, сдѣлавшимъ этотъ предметъ интересомъ всей своей жизни; наконецъ, я взялъ родную исторію и патріота, о ней написавшаго учебникъ. И если, тѣмъ не менѣе, выдержки съ непреодолимою очевидностью убѣждаютъ, что не осталось отъ этого интереса, этого уваженія къ родной исторіи, этого патріотизма въ учебной переработкѣ и слѣда, то не ясно ли, что *въ самихъ условіяхъ подобнаго труда есть нѣчто исключающее всякую возможность сохраненія въ немъ образовательнаго значенія.* Г. Иловайскій находитъ въ моихъ словахъ „укоры“ ему; по истинѣ, изъ сдѣланнаго мною выбора онъ могъ бы извлечь скорѣе нѣкоторый поводъ къ гордости; но, сдѣлавъ это, тотчасъ и во всей строгости признать справедливость моихъ указаній, безъ всякихъ ограниченій согласиться, что даже и онъ ничего не могъ сдѣлать тутъ. Въ сущности, онъ и соглашается; но, не понимая всего ужаса положенія дѣла и думая, будто бы его именно, его особенно въ чемъ-то обвиняютъ, пытается сбросить это обвиненіе, какъ скорѣе идущее къ кому-нибудь, нежели къ нему. Онъ говоритъ:

„Г. Розановъ совѣтуетъ въ нашихъ школахъ, между прочимъ, отбросить историческіе учебники, *съ ихъ простымъ русскимъ языкомъ*, а воротиться къ „Синопсису“ XVII вѣка, написанному неудобо-понятною смѣсью церковно-славянскаго съ русскимъ. Эту смѣсь онъ находитъ „изложеніемъ строго-культурнымъ“ и даже художественнымъ, болѣе всего подходящимъ для „крестьянскаго воспитанія“. Но если онъ говоритъ собственно о сельскихъ

школахъ, то причемъ тутъ укорительныя ссылки на мой учебникъ русской исторіи, имѣвшій въ виду старшіе классы средне-учебныхъ заведеній?"

И нѣсколько далѣе:

„Г. Розановъ читалъ, повидимому, нѣкоторыя страницы моего учебника, но совсѣмъ незнакомъ съ моимъ главнымъ трудомъ, то-есть съ нѣсколькими томами моей *Исторіи Россіи*" и т. д.

Онъ указываетъ на свои заслуги передъ наукой русской исторіи, онъ хочетъ показать, будто я такъ ограниченъ, будто не вижу преимуществъ „простаго русскаго языка"... какъ будто въ этомъ дѣло? какъ будто споръ только объ „общепонятномъ" и я имѣлъ завистливо въ виду чьи-то слишкомъ блистающіе лавры. Богъ съ ними, со всякими лаврами: я имѣлъ въ виду тысячи и тысячи юныхъ душъ, въ возрастѣ отъ 15 до 19 лѣтъ, которыя обо всемъ, о чемъ ни учатъ, вынуждаются запоминать какія-то схемы, *плодъ нашей абстракціи отъ созерцанія реальнаго міра*, который, вопреки всѣмъ органическимъ законамъ развитія, имъ дается какъ предвареніе этого самаго созерцанія. *Мы* съ этими именами (въ исторіи), съ этими движеніями, дѣлами, походами, усиліями соединяемъ въ умѣ своемъ тысячи подробностей; но *для того, кто ничего не соединяетъ съ ними*, не одѣваетъ ни одно имя живою плотью, не представляется ли русская, французская, греческая, всякая исторія какою-то странною толкотней тысячи ногъ, ступни которыхъ онъ видитъ, головы же и туловища надъ ними не можетъ разсмотрѣть, — и, однако, почему-то долженъ непремѣнно запомнить, какая нога кому принадлежитъ. Я хочу именно образовъ; я не понимаю исторіи, которая не различаетъ народовъ иначе какъ по странамъ, въ которыхъ они обитали, по направленіямъ, въ какихъ они двигались, по хронологическимъ даннымъ, по языческимъ или христіанскимъ ихъ именамъ. Я утверждаю, что это не есть исторія не только французская, русская, но и вообще какая-нибудь; такъ нельзя изучать человѣка, такъ нельзя говорить о немъ; и говорить такъ о человѣкѣ возрасту, который черезъ исторію съ нимъ ознакомляется, и имѣть видъ, будто при этомъ и уважаешь человѣка, и имѣешь попеченіе о возрастѣ, значитъ или быть непростительно недальновиднымъ, или въ какомъ-то непонятномъ индифферентизмѣ совершать преступное развращеніе. По истинѣ, какое-то odium humani generis можетъ невольно возникнуть при взглядѣ на эти вереницы людей, которые такъ долго жили и такъ мало перемѣ-

нились, жили повсюду и все съ тѣми же лицами, не научились ничему изъ опыта жизни, кромѣ какъ поворачивать съ юга на сѣверъ или съ запада на востокъ и потомъ обратно.

Вотъ гдѣ источникъ моей ссылки на „Синопсисъ", въ которомъ,—какъ и въ тысячѣ подобныхъ, *тогда* написанныхъ книгъ,—образы не стерты съ людей, и ихъ можно различить по ихъ благороднымъ частямъ, а не по двигающемуся ихъ тавру. Читая его, я знаю, что это *мои* предки умирали на Куликовомъ полѣ, что это не были ни Греки, ни Римляне, ни Персы, ни Французы, чего я вовсе не знаю изъ учебника, гдѣ правда написано также: „это Русскіе", но я боюсь, такъ ли я запомнилъ подпись, къ тому ли я отнесъ ее. Г. Иловайскаго смущаетъ „славяно-русскій" языкъ; его не смущаетъ, однако, греческій текстъ въ Иліадѣ, и, продолжая свою мысль, онъ не скажетъ, что тѣ краткія и красивыя событія, какія здѣсь разсказаны, можно бы скорѣе и легче запомнить въ легкомъ современномъ пересказѣ, а не въ гекзаметрахъ Гомера. Г. Иловайскій и не догадывается, что принципъ индивидуальности, мною развиваемый въ отношеніи къ образованію, есть *общая теорія* къ *факту* классическаго образованія, которая внѣ этого принципа и не имѣетъ никакихъ основаній, на немъ же непоколебимо покоится. Но, утверждаю я, этотъ принципъ долженъ быть выраженъ по всѣмъ линіямъ образующей системы, онъ не долженъ быть только случайнымъ явленіемъ въ одномъ-двухъ предметахъ; что не иначе, какъ мы изучаемъ древній міръ по непосредственнымъ памятникамъ, по нимъ же, этимъ непосредственнымъ памятникамъ, такъ глубоко воспитывающимъ, такъ образующимъ, мы должны изучать и Евангельскую исторію, и библейскую, и свою родную, и исторію всякой литературы. Вотъ въ чемъ, и только въ этомъ, лежитъ источникъ моей враждебности къ учебнымъ переработкамъ; въ этой враждебности договорился ли я „въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* если не до совершеннаго обскурантизма, то до чего-то очень къ нему близкаго", какъ утверждаетъ мой оппонентъ, объ этомъ я предоставляю ему подумать теперь. Есть новый видъ обскурантизма, который всесиленъ, предъ которымъ напрасно ломаешь руки, который, въ стихійной своей слѣпотѣ, безжалостенъ, и ему послужилъ ли я въ своей статьѣ или г. Иловайскій въ своей учебной переработкѣ—это могло бы послужить другою темой его размышленій.

III.

Отъ принципа индивидуальности, на которомъ должна покоиться школа во всѣхъ ея типахъ и степеняхъ, переходимъ къ другому принципу, который въ иныхъ направленіяхъ, въ отношеніи къ иному, долженъ не менѣе проникать ее.

II. *Принципъ цѣлости*. Онъ требуетъ, чтобы всякое входящее въ душу впечатлѣніе не прерывалось до тѣхъ поръ другимъ впечатлѣніемъ, пока оно не внѣдрилось, не окончило своего взаимодѣйствія съ нею; что лишь успокоенный въ себѣ, не занятый умъ можетъ начать воспринимать плодотворно новыя серіи впечатлѣній. Отсутствіе разорванности въ группахъ знаній, въ художественномъ чувствѣ, въ волевомъ стремленіи—вотъ требованіе этого принципа; онъ указываетъ, что нельзя дробить очень сильно знаній, ощущеній; что такъ раздробленныя, будучи и вполнѣ приняты, они уже вовсе не оказываются тѣмъ, чѣмъ были въ началѣ, что̀ есть въ себѣ самихъ, въ своей цѣлости. Именно культурнаго, образующаго, воспитывающаго значенія они не удерживаютъ въ себѣ при этомъ.

И, какъ „учебная переработка", „изложеніе своими словами", является разрушительнымъ по отношенію къ художественной красотѣ памятниковъ, такъ это дробленіе является разрушительнымъ по отношенію къ ихъ силѣ. Школа, гдѣ нарушенъ принципъ индивидуальности, не воспитываетъ, не образуетъ; гдѣ нарушенъ принципъ цѣлости — не вліяетъ, не сообщаетъ какихъ-либо убѣжденій, не даетъ вѣры во что-нибудь. Не удивительное ли это явленіе, что въ новыхъ іезуитскихъ, въ средневѣковыхъ схоластическихъ, наконецъ, въ древнихъ греческихъ школахъ юноша выходилъ всюду съ вѣрой, съ преданностью тому, чему его хотя и немного, несовершенно, грубо учили,—съ вѣрой въ культуру, въ образованіе, въ гражданственность своего времени; и только въ школахъ современнаго типа, такъ изощренно трудящихся надъ нашими дѣтьми, и, несомнѣнно, трудящихся въ полномъ согласіи съ духомъ и воззрѣніями отцовъ, дѣти почему-то становятся индифферентными ко всему, чему эти отцы вѣрятъ, что̀ они исповѣдуютъ, въ чемъ ихъ, наконецъ, воспитываютъ? почему въ школѣ не завязывается никакихъ сильныхъ влеченій, интересовъ, привязанностей—умственныхъ, эстетическихъ, религіоз-

ныхъ, гражданскихъ? Часто мнѣ представлялся вопросъ: отчего случайная встрѣча съ человѣкомъ, даже одинаковаго умственнаго развитія, но противоположнаго склада убѣжденій, иногда неизгладимо вліяетъ на насъ, преображаетъ насъ? и отчего никогда этого дѣйствія не оказываетъ школа, школа именно *новаго* типа (потому что всѣ прежнія подобное дѣйствіе оказывали)? Гдѣ лежитъ тутъ разница, и въ чемъ вообще заключается тайна вліятельности?

Мнѣ кажется, заключается она въ цѣльности того, что̀ вліяетъ. Вѣдь и одинокій другъ ни въ чемъ не могъ бы убѣдить насъ, еслибы на полусловѣ, на полуаргументѣ прерываемый—онъ долженъ былъ уходить куда-то и на его мѣсто являлся бы „новый другъ"; вѣдь и книга, листы которой были бы переложены листами множества другихъ книгъ, которые всѣ мы были бы обязаны читать съ одинаковымъ, безраздѣльнымъ на время, вниманіемъ, не произвела бы на насъ никакого впечатлѣнія. Нужно долгое, вдумчивое къ одному чему-нибудь отношеніе, чтобъ это одно стало намъ дорого, чтобъ оно овладѣло нами послѣ того, какъ мы имъ овладѣли. И вотъ почему принципъ цѣлости всею своею силой становится противъ множественности предметовъ изученія, противъ чрезмѣрной краткости уроковъ, до какой она теперь доведена (5/6 часа), противъ ихъ обилія въ одинъ день. Онъ указываетъ, что, какъ бы ни были цѣнны свѣдѣнія, этимъ путемъ пріобрѣтаемыя, они всѣ ложатся на индифферентную къ нимъ почву; что какими бы навыками, знаніями не былъ надѣленъ здѣсь человѣкъ, онъ останется человѣкомъ не воспитаннымъ, не образованнымъ.

И здѣсь мы снова приходимъ къ ряду самыхъ простыхъ, практическихъ указаній и къ ряду оцѣнокъ, совершенно расходящихся съ тѣми, какія обычно дѣлаютъ школѣ. Лучшая школа, элементарная или средняя, есть не та, которая расширяетъ горизонтально курсы, прибавляя къ однимъ предметамъ новые; лучшая та, которая ихъ суживаетъ и въ то же время углубляетъ. Идеалъ образованія на этихъ двухъ ступеняхъ есть minimum изучаемыхъ отраслей знанія; но изучаемыхъ очень внимательно, очень строго. Только при этомъ суженіи можно, по крайней мѣрѣ, на протяженіи одного дня сдѣлать предметомъ вниманія только одинъ, два, три предмета; мы говоримъ страшно много, говоримъ противъ своего убѣжденія, въ виду подавляющаго впечатлѣнія практики, которая дошла до 10 — 12 разно-

родно смѣняющихся предметовъ въ сутки, изъ которыхъ ни одинъ не держитъ на себѣ вниманіе ученика долѣе чѣмъ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ часа времени (5—6 уроковъ, прослушанныхъ въ школѣ утромъ, приготовленіе вечеромъ къ 5—6 урокамъ на завтра); и это въ возрастъ не 7—13 лѣтъ, когда впечатлѣнія могутъ быть кратки, когда ихъ дѣйствительно можетъ быть много, но и въ возрастъ 17—19 лѣтъ, когда умъ не только способенъ, но и стремится къ удлиненнымъ впечатлѣніямъ, когда онъ формируется и однако ежедневно отбрасывается назадъ въ этомъ своемъ усиліи сформироваться. Можно ли представить себѣ внутреннюю боль, отъ этого происходящую? нужно ли говорить о безплодности этой боли, о ея ненужности для кого-нибудь и чего-нибудь? Потому что ясно, что сдѣлавъ три полуторачасовыхъ урока (взамѣнъ 5—6 коротенькихъ) въ день, мы сдѣлаемъ каждый изъ нихъ обильнымъ по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній, и, слѣдовательно, ничего не потеряемъ въ ихъ объемѣ. И, между тѣмъ, многое выиграемъ. Ибо приготовить къ этому полуторачасовому уроку одну законченную сцену изъ Иліады, законченный разсказъ изъ Ливія, аргументъ изъ Платона — это уже не то, что приготовить ту же сцену, разсказъ, аргументъ, разорвавъ ихъ на части, изъ которыхъ начало непонятно безъ конца, и конецъ непонятенъ и неинтересенъ, когда забыто начало.

IV.

Г. Иловайскій, пропуская у меня подобную же страницу, сѣтуетъ на чрезмѣрное, подавляющее развитіе періодической печати и этимъ развитіемъ объясняетъ упадокъ въ обществѣ серьезнаго чтенія. „Періодическая печать", возражаетъ онъ мнѣ или думаетъ, что возражаетъ, „теперь убила книгу... въ Европѣ уже немного осталось людей, которые, подобно Гладстону, еще борются съ наплывомъ газетнаго чтенія и продолжаютъ читать книги". Мой почтенный оппонентъ видитъ фактъ, но не ищетъ его причины. Ему не кажется, что для этого перехода общества отъ серьезнаго чтенія къ чтенію поверхностному есть какая-нибудь общая почва и что она должна скрываться въ условіяхъ, этому чтенію предшествующихъ и его подготовляющихъ для каждаго: мы видимъ, что въ возрастъ двадцати и далѣе лѣтъ всѣ ищутъ краткихъ впечатлѣній пробѣгаемаго газетнаго листа и тяготятся всякимъ сколько-нибудь продолжи-

тельнымъ и связнымъ умственнымъ трудомъ, если онъ не вынужденъ, не есть обязанность службы или источникъ средствъ къ жизни. И я утверждаю, что причина этого лежитъ въ столь же краткихъ, такъ же не тянущихся впечатлѣніяхъ, изъ какихъ фатально, безсознательно, неудержимо всюду сложилось и продолжаетъ состоять школьное образованіе. Въ немъ—та же перемежаемость, то же отсутствіе долгаго, вдумчиваго вниманія къ одному чему-нибудь, какую мы наблюдаемъ и въ чтеніи, къ которому всѣ неодолимо влекутся по выходѣ изъ школы. Періодическая печать созданіе вѣдь не нашего вовсе времени; но только въ наше время она стала тѣмъ, что̀ есть — единственною почти умственною пищей всѣхъ. Почему ни въ первой половинѣ XIX вѣка, ни, особенно, въ его первой четверти, ни въ XVIII столѣтіи газета не только не выступала на первый планъ, но даже совершенно терялась, исчезала за книгой, за сборникомъ статей (альманахи), наконецъ, за политическимъ памфлетомъ? По оживленію общества, по множеству ежедневно интересующихъ тревогъ, вѣдь ни время передъ революціей, ни время Наполеоновскихъ войнъ никакъ не уступало нашему. Но есть убѣждающее подтвержденіе моей мысли и въ нашемъ времени: газета и теперь вовсе не всюду распространена, она совершенно не имѣетъ хода во всѣхъ слояхъ, хотя и образованныхъ, но не черезъ школу интенсивную, новѣйшаго типа: ни духовенство, ни учащіеся въ университетахъ (къ великому счастью) вовсе не льнутъ къ газетѣ и предпочитаютъ или чтеніе книгъ, или разговоры на книжныя и житейскія темы, или, наконецъ, вовсе ничего не читаютъ. Потребность газетнаго чтенія, этой новизны мелкихъ, не внѣдряющихся, и, въ сущности, не услаждающихъ и ненужныхъ впечатлѣній, пассивно переживаемыхъ, есть продолженіе привычки пассивно же, внимая только (утромъ), или безъ углубленія прочитывая (вечеромъ) воспринимать серіи и серіи впечатлѣній въ школьномъ возрастѣ. Еслибы въ возрастѣ 16—19 лѣтъ занятія состояли не изъ 11—12 въ сутки чередующихся приступовъ вниманія къ разнороднымъ предметамъ, еслибы они состояли изъ подготовленія каждый разъ въ теченіе 2—3 дней, или недѣли, цѣлой группы законченныхъ свѣдѣній о чемъ-нибудь,—нѣтъ сомнѣнія, изъ *этого подготовленія* никакъ не вытекло бы позднѣйшее желаніе всякое утро воспринимать скользящую смѣсь разнородныхъ свѣдѣній о всемъ на свѣтѣ и со всѣхъ концовъ свѣта.

V.

III. *Принципъ единства типа* — есть третій и послѣдній, на которомъ можетъ быть построено истинное образованіе. Онъ состоитъ въ требованіи, чтобы всѣ образующія впечатлѣнія, падающія на данную единичную душу, или, что то же, исходящія изъ данной единичной школы, были непремѣнно одного типа, а не разнородныхъ или не противоположныхъ; иными словами: они должны идти изъ источника одной какой-нибудь исторической культуры, гдѣ они всѣ развились (какъ факты, свѣдѣнія, воззрѣнія и т. д.) другъ *изъ* друга, а не другъ *противъ* друга, или *подлѣ* друга, какъ это было въ смежныхъ, смѣнявшихся во времени, цивилизаціяхъ. Нужно оставить попытки соединить христіанство съ классическою древностью, или житія святыхъ съ алгеброй, думая, что все это также удобно совмѣщается въ душѣ ребенка, какъ учебникъ алгебры и катехизисъ совмѣщается въ его сумкѣ. Никогда этою индифферентною сумкой не станетъ человѣкъ, — напрасны на это надежды; тайкомъ, съ непреодолимымъ отвращеніемъ, онъ выкинетъ изъ себя и катехизисъ, и алгебру, и останется пустымъ, открытымъ для всѣхъ вліяній, какъ это и есть, какъ это мы наблюдаемъ съ ужасомъ, не понимая, что своими руками подготовляемъ этотъ ужасъ.

Есть въ природѣ законъ, по которому два луча свѣта, извѣстнымъ образомъ направленные, взаимно интерферируются и, вмѣсто того, чтобы производить усиленное освѣщеніе, производятъ темноту; есть нѣчто подобное и въ душевной жизни человѣка: и въ ней также интерферируются образующія впечатлѣнія, если они противоположны по своему типу, и, вмѣсто того, чтобы просвѣщать умъ и сердце, погружаютъ ихъ въ совершенный мракъ. Этотъ мракъ хаоса, когда свѣдѣнія есть, когда знаній много, и однако нѣтъ изъ нихъ ни одного дорогаго, не осталось и тѣни вѣры во что-нибудь, убѣжденія, готовности, потребности — кто не узнаетъ его въ себѣ, не скажетъ: „Это—я, это—моя пустота?“

VI.

Найти ея источникъ, объяснить ея происхожденіе—это составляло мою задачу въ предпринятомъ анализѣ новаго типа школы. Дѣлая его, я вмѣстѣ дѣлалъ анализъ новаго человѣка, въ разрушенномъ, больномъ строѣ котораго мнѣ видѣлось отраженіе нарушенныхъ законовъ пластическаго образованія человѣческой души. Дурно рѣшая свою задачу, я убѣжденъ однако, что рѣшалъ ее въ главной ея тяжести, а не въ краевыхъ затрудненіяхъ. Мнѣ казалось безплоднымъ разсматривать школу внѣ ея отношеній къ исторіи и главнымъ институтамъ исторически-развившагося общества: семьѣ, церкви, государству; не менѣе поверхностнымъ казалось мнѣ бороться за одну изъ соперничествующихъ системъ образованія, когда такъ ясно, что ни одна изъ нихъ, ни другая не имѣетъ никакого значенія для образованія духовной структуры новаго человѣка, очевидно растущей изъ условій чрезвычайно общихъ и элементарныхъ, заложенныхъ одинаково въ обѣихъ борющихся системахъ.

Учебникъ, урокъ, эклектически собранная программа—вотъ элементы этого новаго типа школы; школа, уединенная отъ семьи, отъ Церкви, какъ-то искусственно подчиненная государству—вотъ она какъ элементъ новой цивилизаціи, призванный создавать или разрушать, это вопросъ, имѣющій опытно разрѣшиться только въ послѣдующихъ фазахъ исторіи; образованіе искусственное, наконецъ, такъ какъ ни исторія, ни сама жизнь, но нѣкоторыя придуманныя манипуляціи надъ человѣкомъ формируютъ здѣсь его духовный образъ — вотъ опредѣленіе этого образованія въ его глубочайшей сущности. Не христіанство, не классическая древность, не міръ положительныхъ наукъ, не наша древняя монархія, не старая конституція Англіи, не Лютеръ или Кальвинъ образуютъ теперь человѣка, кладутъ печать своего духа и смысла на его образъ; удаливъ все это, пользуясь всѣмъ этимъ лишь какъ временнымъ или мѣстнымъ орудіемъ, какъ стальнымъ рѣзцомъ граверъ—рѣжетъ на деревѣ, на мѣди, на стали новаго человѣка школьный учитель по образцамъ и правиламъ, какіе были даны для странъ всего міра людьми нѣсколько исключительнаго ума и характера отъ Руссо и Песталоцци до нашего времени.

VII.

И если, давая это опредѣленіе, я и высказалъ нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ выраженному въ немъ, то это есть лишь скептицизмъ вторичный. Я полонъ сомнѣнія по отношенію къ тому глубочайшему сомнѣнію, которое залегло въ основу всего новаго воспитанія: къ странному недовѣрію человѣка въ присутствіе въ немъ организующихъ силъ, его недовѣрію къ своей исторіи,—въ концѣ-концовъ—недовѣрію къ ведущему его Промыслу. Нужно было усомниться во всемъ этомъ; нужно было странно, таинственно, продолжая идти по путямъ исторіи, въ то же время отдѣлиться отъ нихъ, нося на себѣ еще обликъ цивилизованнаго человѣка—незамѣтно снять его съ себя, какъ будто бы это была маска, а не сросшійся съ мясомъ покровъ, чтобы, вспоминая о пройденныхъ уже путяхъ, о сброшенныхъ маскахъ, изъ всѣхъ ихъ скомбинировать новую смѣсь и дать ее въ духовное насыщеніе дѣтямъ своимъ... Рѣдко человѣкъ понимаетъ конечный смыслъ того, что̀ онъ дѣлаетъ, и большею частью онъ понимаетъ его слишкомъ поздно для того, чтобъ измѣнить дѣлаемое. Вмѣшательство индивидуальной воли въ пути исторіи всегда бываетъ напрасно. Этой доли напрасности я не могу не замѣчать и во всемъ, что̀ мнѣ случилось высказать. Не человѣкъ дѣлаетъ свою исторію; онъ только *терпитъ* ее, въ ней радуется, утѣшается, или, напротивъ, скорбитъ, страдаетъ. Время первыхъ чувствъ—и, кажется, надолго—прошло; намъ выпали вторыя чувства, высказать которыя есть все, къ чему мы сильны.

Сказано давно, что человѣкъ несетъ наказаніе своихъ дѣлъ часто не въ себѣ, но въ своихъ порожденіяхъ, „въ дѣтяхъ и внукахъ, и даже до седьмаго поколѣнія". Мы не родили сами скептицизма; онъ данъ намъ какъ наслѣдіе отъ поколѣній предыдущихъ, еще радовавшихся, еще смѣявшихся; мы несемъ его плодъ, и еще болѣе, на нашихъ глазахъ, его несутъ наши дѣти. Отцы нашихъ отцовъ, и еще далѣе ихъ отцы, боролись, вкусили напряженія силъ и высокій восторгъ побѣды. Поле осталось за ними, оно оставлено намъ; но гдѣ же побѣдныя пѣсни? и какъ можемъ мы ихъ пѣть при видѣ „дѣтей своихъ, разбиваемыхъ о камень?" Мы готовы бы негодовать, мы полны скорби; но на

кого негодовать, когда мы одни? о чемъ скорбь, если мы дѣлаемъ только то, что̀ хотимъ и чего хотѣли для насъ еще отцы отцовъ нашихъ? Геній нашъ свободенъ, для творчества нашего нѣтъ предѣловъ: мы сотворили—на кого намъ сѣтовать?

Безъ вѣры во что-нибудь абсолютное, что̀ можемъ мы дать въ пищу дѣтямъ своимъ, кромѣ этой смѣси относительностей? не вѣря въ святость незыблемыхъ, держащихъ человѣка законовъ, чему мы можемъ подчинить ихъ какъ не системѣ выдуманныхъ правилъ? И когда, измученные духовнымъ алканіемъ, они разбиваютъ эти правила и обращаютъ къ намъ цинично лицо свое, что̀ можемъ мы сдѣлать, какъ, сохраняя декорумъ исторіи, не разбить, въ свою очередь, ихъ самихъ, какъ нарушителей послѣднихъ законовъ, безъ которыхъ и для насъ, и для нихъ все должно обратиться въ хаосъ? Камень, о который мы бьемся и разбиваемъ свои порожденія, конечно, безплоденъ; и все-таки онъ одинъ только незыблемъ, и мы боимся его оставить, чтобы не погибнуть въ волнахъ всеобщаго крушенія. Есть положенія въ исторіи, которыя можно только констатировать...

VIII.

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ констатированіи и въ своемъ анализѣ являюсь ли я „врагомъ образованія въ его среднихъ и высшихъ формахъ“, какъ въ этомъ обвиняетъ меня г. Иловайскій, объ этомъ можетъ судить каждый по сказанному. Я только чувствовалъ себя, когда писалъ свою статью, въ высшей степени не связаннымъ какими-либо соображеніями кромѣ анализа и анализа. Но то, что̀ этотъ анализъ двигало, была именно любовь къ просвѣщенію въ его высшихъ формахъ. Просвѣщеніе, мнѣ казалось, принадлежитъ къ тѣмъ утонченнымъ, трудно осуществимымъ въ исторіи вещамъ, которыя, будучи чрезвычайно высоки въ своихъ правильныхъ проявленіяхъ, при нарушеніи этой правильности являются съ чертами отвратительными, а не безразличными только. Всмотритесь въ лицо человѣка съ сладострастнымъ, низкимъ выраженіемъ, или въ лицо идіота: вѣдь это все-таки человѣкъ, еще онъ издаетъ членораздѣльные звуки, къ какимъ неспособно животное; но вотъ, въ то время какъ фигура животнаго въ ея грубой, несовершенной организаціи всегда и для всякаго или посредственно хороша, или безраз-

лична, лицо человѣка, не удержавшагося на высотѣ своей, отвратительно. Все совершенное по своему задатку, по своему замыслу, какъ бы въ возмѣщеніе за это совершенство имѣетъ силу пасть ниже, чѣмъ только посредственное. Этотъ законъ справедливъ для всего очень высокаго; онъ справедливъ и для просвѣщенія, которое въ правильныхъ своихъ формахъ есть высшій для человѣка даръ его исторіи, но даръ, могущій и статъ въ своей неправильности истиннымъ его несчастіемъ. Боясь за это, предостерегая объ этомъ, ношу ли я въ себѣ нѣчто въ родѣ odium humani generis, или наоборотъ,—это могло бы составить еще тему для размышленій моего противника, ни заслугъ котораго, скажу въ заключеніе, ни его серьезныхъ трудовъ я никогда не имѣлъ въ мысли умалять, и только отмѣтилъ недостатокъ, который онъ повторилъ за сотнями другихъ людей.

В. Розановъ.

ХУДОЖНИКЪ БЕЗПАЛОВЪ

И

НОТАРІУСЪ ПОДЛЕЩИКОВЪ.

КОМИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

IX.

Симпосіонъ въ Патрикѣевскомъ трактирѣ.

Агатонъ, только-что увидѣлъ меня, тотчасъ сказалъ: «а! Аристодемъ? Кстати пришелъ; будешь вмѣстѣ съ нами ужинать.»

Пиръ Платона.

Минутъ черезъ сорокъ по приходѣ Немыкина съ секретаремъ, за угольнымъ столомъ въ лѣвой комнатѣ Патрикѣевскаго трактира завтракъ былъ въ полномъ разгарѣ. Къ извѣстнымъ уже читателямъ лицамъ присоединилось еще двое: межевой чиновникъ Никандровъ и молодой человѣкъ, въ синемъ вицмундирѣ, Полосатовъ.

Никандровъ, плотненькій съ брюшкомъ человѣчекъ, обладалъ необыкновенно толстыми рыжими усами, напоминавшими туго набитыя подушки или, ближе, подрѣзанные лошадиные хвосты; онъ приходился родственникомъ и свойственникомъ цѣлой дюжинѣ ученыхъ и литераторовъ и къ довершенію достоинствъ распѣвалъ высочайшимъ теноромъ собственнаго сочиненія нѣжные романсы, выкраденные изъ забытыхъ произведеній прежнихъ композиторовъ. Полосатовъ пока состоялъ только учителемъ словесности, но тщательно готовился въ профессора и уже

успѣлъ выработать себѣ прерывистую и тянучую рѣчь, способную нагонять дремоту даже на хорошо выспавшихся студентовъ.

Общей бесѣды пока не завязывалось. Драматургъ, какъ клещъ, впился въ редактора и не давалъ ему дохнуть. Секретарь и межевой безъ словъ, въ молчанку, поняли другъ друга и, помѣстясь по сосѣдству, по временамъ только обмѣнивались взглядомъ, послѣ чего то тотъ, то другой, поочередно, съ разсѣяннымъ видомъ, наливалъ двѣ рюмки водки. Голубцовъ и Безпаловъ прислушивались къ разговору редактора съ Угрюмовымъ, изрѣдка обмѣниваясь негромкими замѣчаніями. Будущій профессоръ молчалъ и, самоуглубленно пофыркивая, пилъ чай, наотрѣзъ отказавшись отъ завтрака и съ важностью объявивъ, что между уроками не дозволяетъ себѣ иныхъ напитковъ.

— Но, позвольте, однако, обратился Немыкинъ къ драматургу,—отчего же вы не даете своихъ піесъ на Маломъ театрѣ?

— Вотъ ужь съ вашей-то стороны я никакъ не ожидалъ такого вопроса! отвѣчалъ Угрюмовъ. — Во-первыхъ, я не придерживаюсь того рутиннаго взгляда, что все спасеніе въ казенной сценѣ. Какъ хотите, а рано или поздно будетъ же объявлена свобода театровъ, а для новаго дѣла потребуются новыя силы. Когда явится конкурренція, тогда выяснится, кто пригоднѣе для общества,—казенные ли авторы, или вольные.

Немыкинъ нашелъ такое мнѣніе весьма любопытнымъ и основательнымъ.

— Затѣмъ, возьмите, сколько тамъ препятствій! Бѣгай по бенефиціантамъ, кланяйся, да вдобавокъ всякій тебя заставитъ передѣлывать піесу по его вкусу. Такъ я не Розенкранцъ, чтобъ имъ подчиняться! Или прикажете мнѣ по начальству въ разодранныхъ сапогахъ ходить: „взгляните, молъ, вашество, сапоги каши запросили, поставьте, будьте милостивы, мою піеску". Такъ я не Фуфайкинъ, я лучше вѣкъ безъ сапогъ прохожу! А еще комитетъ,—я вотъ не признаю его, да и только; компетентности его не признаю, понимаете; одинъ у насъ судья — публика. Что жь мнѣ, какъ Лѣнивкину, съ револьверомъ въ комитетъ явиться да кричать, что застрѣлюсь на порогѣ, коли не пропустятъ? Нѣтъ, я на это не пойду, я себѣ цѣну знаю.

— А не правду я развѣ сказалъ, что онъ штучка преинтересная? шепнулъ Голубцовъ Безпалову.

— И долго вы такъ самоотверженно трудитесь для театра? спросилъ Немыкинъ.

4*

— Порядочно-съ. Въ прошломъ году юбплейчикъ даже справилъ; конечно, не полный, а за пятнадцать лѣтъ, и не публично, понятно, а въ кругу близкихъ друзей. И ничего-съ, портсигарчикъ поднесли, не дорогой, но милый; на крышкѣ снутри шестьдесятъ подписей, похвасталъ Угрюмовъ, всего удесетеряя число своихъ поклонниковъ. — А вечеромъ въ клубѣ піеску мою дали; публика узнала, и ничего, почествовала-таки. И въ газетахъ кой-гдѣ проскользнуло.

— А какъ вы назвали вашу піесу? сказалъ редакторъ, морщась отъ хвастливости драматурга и не зная о чемъ бы еще спросить его.

— Которую? юбилейную?

— Нѣтъ, про которую раньше говорили.

— А! радостно воскликнулъ Угрюмовъ, довольный, что самъ редакторъ заговорилъ наконецъ о піесѣ: у него передъ глазами даже три радужныя бумажки блеснули. — *Старыя дрожжи*, но почему?.. Въ ней, видите, выставлена борьба за существованіе, какъ она проявляется въ купечествѣ, между молодымъ поколѣніемъ и старымъ. Ну, происходитъ столкновеніе, и...

— А! коллизія, не менѣе радостно воскликнулъ Немыкинъ, въ надеждѣ свести разговоръ на общую тему.—Борьба и коллизія, уже захлебываясь продолжалъ онъ, — это душа драмы. Вы, конечно, читали новое изслѣдованіе Канегиссера?

— Знаете, такъ, проглядѣлъ только, совралъ Угрюмовъ, не знавшій иной азбуки, кромѣ гражданской.

— Напрасно; это кладъ для драматурга. Прекрасно онъ, напримѣръ, говоритъ...

И Немыкинъ отхваталъ страницы двѣ изъ новѣйшаго Канегиссера, прихвативъ по пути нѣсколько глубокомысленныхъ замѣчаній старика Катценфрессера.

— Ну, вотъ это самое у меня и есть, нежданно прервалъ его скромный драматургъ.

— Что̀ есть? гдѣ есть? растерянно спросилъ редакторъ, досадуя, что его прервали въ тотъ именно моментъ, когда потокъ словъ понесся несдержимо и водянистыхъ нѣмецкихъ эстетиковъ хватило бы, по крайнему разсчету, еще на полчаса.

— А что̀ вотъ этотъ самый Нѣмецъ пишетъ; въ моей комедіи.

— А? Въ такомъ случаѣ, превосходно... Но я долженъ предупредить васъ, что мы рѣшили не печатать драматическихъ сочиненій, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году...

— Да развѣ я вамъ къ тому сказалъ?.. Эхъ!.. обидчиво отвѣчалъ Угрюмовъ и затѣмъ прибавилъ уже грубо:—вѣдь всѣ вы, извѣстно, казенныхъ предпочитаете... Ну, а Мольеръ съ Шекспиромъ, тѣ казенными не были!..

— Извините, сказалъ Голубцовъ, желая сколько-нибудь загладить неумытость своего протеже, — но въ вашемъ смыслѣ слова ихъ скорѣе можно назвать казенными.

— Да-а? со злобною недовѣрчивостью пробурчалъ Угрюмовъ.— А впрочемъ!.. И онъ махнулъ рукой, на Шекспира ли съ Мольеромъ, или на кого инаго, неизвѣстно.

— А что, Иванъ Петровичъ, обращаюсь къ вамъ въ качествѣ подписчика, сказалъ Голубцовъ Немыкину, чтобы перемѣнить разговоръ,—когда же первая книжка? Вѣдь сегодня, Божею милостью, чуть ли не тридцатое...

— Она вполнѣ ужъ готсва и сброшюрована, и даже февральская набрана на половину, только нѣкоторыя обстоятельства...

Секретарь подъ столомъ дернулъ редактора за фалду и громогласно сказалъ:

— Правит-тельство!!.

— То-есть цензурныя затрудненія? освѣдомился Голубцовъ.

Пѣшкинъ состроилъ лицо и сдѣлалъ жестъ, которые можно было истолковать такъ: „понимайте, какъ хотите!“

— Позвольте и мнѣ, быстро, быстро засюсюкалъ межевой,— почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, дать вамъ совѣтъ, конечно, если я только смѣю давать совѣты человѣку, столь глубокоуважаемому и опытному, но все же въ качествѣ вашего неизмѣннаго почитателя и подписчика... (Да, держи карманъ, такъ и подписался! мелькнуло у него въ головѣ.) Вы, конечно, изволите помнить покойнаго Эраста Матвѣевича Сугубскаго, который когда-то былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ финансоваго права... Онъ мнѣ приходится съ родни, потому что его сестра, Ѳекуса Матвѣевна, была, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, замужемъ за Телепневымъ, а старшая сестра Телепнева, Варвара Андрониковна, вышла за Фаняпина... То-есть, собственно говоря, ихъ фамилія была первоначально von Alpin, но еще въ старину...

— Позвольте, однако, какое же отношеніе это имѣетъ къ выходу моей первой книжки?

— Это я къ слову, а собственно я хотѣлъ сказать, что Эрастъ Матвѣичъ, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, въ началѣ сороковыхъ годовъ, если не ошибаюсь, издавалъ *Оріонъ* и однажды—обстоя-

тельство, быть-можетъ, ускользнувшее отъ вашего вниманія — по какимъ-то причинамъ былъ принужденъ выпустить іюнь и іюль въ одной книжкѣ, и хотя книжки были и лѣтнія, но такое обстоятельство сильно отразилось на подпискѣ.

— Нѣтъ, мы январьскую и февральскую выпустимъ отдѣльно, одну за другой, сказалъ секретарь и въ видѣ иллюстраціи къ своимъ словамъ налилъ двѣ рюмки водки.

— Я тогда, конечно, былъ еще ребенкомъ, продолжалъ неугомонный межевой чиновникъ,—но прекрасно помню этотъ случай, потому что покойная моя тетка, Анна Михайловна Ѳеогенова, урожденная княжна Карабулатова, которая, по сохранившимся литературнымъ преданіямъ, которыя, конечно, вамъ памятны больше моего, состояла въ интимной связи съ покойнымъ Эрастомъ Матвѣичемъ и приходилась...

И Никандровъ пустился въ долгую генеалогію и біографію урожденной княжны Карабулатовой. Драматургъ тѣмъ временемъ подсѣлъ къ Андрею Николаевичу.

— Послушайте, по-панибратски сказалъ онъ ему, — вы мнѣ обязаны помочь, какъ художникъ художнику, честное слово.

Безпалова покоробило.

— Вѣдь вы, говорятъ, пишете портретъ съ Хотьминской? продолжалъ драматургъ.

Андрей Николаевичъ не отрекся.

— Такъ, пожалуста, пристройте ей на бенефисъ мою піеску. Я знаю, что у нея ничего нѣтъ, а потому тутъ съ моей стороны никакой интриги не затѣвается.

— Но какъ же я буду рекомендовать піесу, которой не знаю?

— Это ничего. Впрочемъ, я могу и прочесть вамъ. А, самое лучшее, скажите просто, что слышали какъ въ одномъ многолюдномъ обществѣ хвалили ее.

— Не лучше ли вамъ самимъ объяснить ей это?

— Да я бы, конечно... Что жь, дѣло не мудрое. А только, видите, всѣ актеры лгутъ безбожно, — не удивляйтесь, я ихъ, слава Богу, изучилъ,—а потому она мнѣ не повѣритъ.

— Въ такомъ случаѣ съ чего же она повѣритъ мнѣ?

— Вы—другое дѣло; вы не театральный. И притомъ, согласитесь, какой интересъ мнѣ васъ обманывать? Я говорю „хорошо“, потому что дѣйствительно самъ сознаю, что хорошо. Подводить васъ мнѣ не разсчетъ. И, во-первыхъ, сюжетъ хорошъ: за молоденькою вдовушкой ухаживаютъ двое, отецъ и сынъ, оба купе-

ческаго званія: отецъ закорузлый, по старинѣ, самодуръ, своего рода Китъ Китычъ, только похлеще (драматургъ не договорилъ, впрочемъ не изъ скромности, мелькнувшаго у него въ головѣ слова: „написанъ“), а молодой, знаете, изъ нонѣшнихъ, цивилизаціи нахватался. И такой у нихъ карамболь выходитъ, чудо! Чуть не до драки!.. И притомъ, надо вамъ сказать, что сценична необыкновенно. Впрочемъ, со вздохомъ прибавилъ Угрюмовъ, — я теперь до того дошелъ, что не могу ужь писать несценично. Пробовалъ, нарочно пробовалъ, да не выходитъ. Постигъ, значитъ.

— Но вѣдь сценичность, кажется, достоинство чисто внѣшнее, осторожно замѣтилъ Андрей Николаевичъ.

— Да вы насчетъ художественности, что ли, безпокоитесь? Такъ ужь это само собой! Сами знаете, какіе у меня характеры и роли. Да вотъ вамъ Пуговкинъ, не здѣшній пропоица, а петербургскій, извѣстный. Онъ, какъ въ провинцію или лѣтомъ по клубамъ, всегда за мои роли берется, а ужь въ бенефисъ ничего, кромѣ моей *Мели не мели, а муки не выйдетъ*, не ставитъ. А если она, то-есть Фаничка, насчетъ бенефисности безпокоится, то-есть бенефисная ли роль, такъ это дѣло поправимое. Моноложецъ, другой приписать можно; для треску, понимаете. Въ принципѣ я, конечно...

— Э! да у васъ тутъ цѣлая компанія! сказалъ Подлещиковъ какъ разъ сзади Андрея Николаевича.

Немыкинъ такъ и ринулся навстрѣчу Ивану Ѳеогностовичу, забывъ, что между ними тяжелый круглый столъ. Порывистое движеніе редактора имѣло не совсѣмъ пріятныя послѣдствія. Именно, у Никандрова была довольно скверная привычка предъ тѣмъ какъ выпить рюмку, сперва склониться надъ ней и потянуть винный духъ носомъ, причемъ онъ плотно прижималъ ноздри къ энглизированнымъ хвостамъ, замѣнявшимъ у него усы, находя, что запахъ водки, пройдя сквозь пропитанные табакомъ волосы, получаетъ особый ароматъ. При колебаніи стола, рюмка привскочила и Никандрову все лицо обдало водкой. Редакторъ сталъ усиленно извиняться, но межевой нисколько не былъ въ претензіи, а напротивъ обрадовался непредвидѣнному случаю, какъ поводу къ разсказу о томъ, какъ на свадьбѣ, когда его двоюродный дѣдъ, профессоръ римскихъ древностей Грюнфельдъ, выдавалъ дочку за извѣстнаго поэта Воропаева, то адъюнктъ судебной медицины, впослѣдствіи знаменитый Сластолюбовъ,—

но придумать что̀ именно натворилъ Сластолюбовъ на свадьбѣ у Воропаева авторъ предоставляетъ воображенію читателя.

— А, Андрюша, и ты здѣсь! обратился Подлещиковъ къ пріятелю.

Андрею Николаевичу почему-то бросилось въ глаза, что въ послѣднее время Иванъ Ѳеогностовичъ, встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ, зоветъ его уменьшительнымъ „Андрюша“.

— Видно, я впрямь своего рода знаменитость! подумалось ему.—Стой, постой! сказалъ онъ вслухъ, готовясь облобызаться съ пріятелемъ,—что̀ у тебя на лицѣ?

— Ахъ, Господи Боже мой! Гдѣ на лицѣ? Что̀ тебѣ за дѣло до моего лица? вспылилъ Иванъ Ѳеогностовичъ, полагая, что у него вскочилъ какой-нибудь ничтожный прыщикъ, который, не будь на него обращено дружеское вниманіе, прошелъ бы незамѣченнымъ.

— Погляди въ зеркало.

Иванъ Ѳеогностовичъ глянулъ и ахнулъ: лицо у него было въ грязи.

— Ахъ, проклятый мальчишка! вскричалъ онъ. — Извините, Иванъ Петровичъ, я сейчасъ.

— Позвольте, и я съ вами. Мнѣ тоже необходимо...

Оба вышли.

Съ Иваномъ Ѳеогностовичемъ вотъ что̀ случилось. На углу Никольской, неподалеку отъ Воскресенскихъ воротъ, къ пузатому, съ огромнымъ привѣшеннымъ на ремняхъ латкомъ, торговцу съѣстнымъ, подошелъ уличный мальчишка и спросилъ три пирога, предварительно выложивъ деньги на лотокъ. Съѣвъ купленное, мальчишка, уже не вынимая денегъ, спросилъ еще два, и затѣмъ. взявъ по пирогу въ руку, подскакивая изъ-за лотка, сталъ хлестать ими по-носу оторопѣлаго и неповоротливаго торговца, къ великой радости молодцовъ и зѣвакъ. Несчастный торговецъ совсѣмъ замучался, стараясь отогнать юркаго мальчишку, какъ Иванъ Ѳеогностовичъ, подойдя и наскоро узнавъ въ чемъ дѣло, бросился, какъ врагъ всякаго самоуправства, на мальчишку, горя нетерпѣніемъ оборвать ему уши. Мальчишка пустился на-утекъ; на дворѣ стояла оттепель, и проказникъ ловко перескочилъ черезъ огромную лужу какъ разъ предъ проѣзжавшимъ экипажемъ; Ивана Ѳеогностовича, уже протянувшаго руку, чтобы схватить негодяя, обдало грязью. Хотя онъ, при хохотѣ,

ржаньи и взвизгахъ молодцовъ и зѣвакъ, и оттиралъ весьма усердно лицо платкомъ, но слѣды грязи все-таки остались.

— Извините, что запоздалъ, сказалъ Подлещиковъ, когда они вышли изъ комнаты,—я обѣщалъ въ часъ, а теперь уже три... Но я не предполагалъ, что онъ такъ упрямъ.

И Иванъ Ѳеогностовичъ быстро побѣжалъ по корридору; редакторъ нагналъ его уже въ уборной.

— Но онъ, надѣюсь, согласился? спросилъ Немыкинъ.

— Да... да, отвѣчалъ Подлещиковъ съ опасностью глотнуть мыльной пѣны.

— И все оформено именно въ томъ видѣ, какъ мы говорили?

— Сейчасъ... извините... сейчасъ... Ну, вотъ наконецъ я къ вашимъ услугамъ, вытирая лицо, сказалъ нотаріусъ.—На нѣкоторые пункты онъ согласился безпрекословно, но другіе оспаривалъ самымъ упорнымъ образомъ. Пункты о томъ, что изданіе должно продолжаться не менѣе двухъ лѣтъ, и что онъ, въ качествѣ издателя, обязуется выдавать на текущіе расходы по тридцати тысячъ въ годъ, уплачивая за каждый мѣсяцъ впередъ по двѣ тысячи пятисотъ рублей,—прошли безъ возраженій. Далѣе, пришлось поспорить; именно я, согласно съ вашимъ желаніемъ, настаивалъ, чтобы въ случаѣ разногласія относительно направленія, которое приметъ журналъ, или инаго недоразумѣнія, или пререканія между нимъ, какъ издателемъ, и вами, какъ редакторомъ, а равно въ случаѣ его нежеланія совмѣстно продолжать изданіе на третій годъ, вамъ было выдано, при отказѣ отъ редакторства, единовременно шесть тысячъ...

— Тутъ онъ заспорилъ? Я такъ и ждалъ. Онъ человѣкъ жестокій и самовластный... Я, конечно, весьма ему благодаренъ за то, что онъ далъ мнѣ возможность издавать журналъ, но я знаю, я прекрасно вижу, что ему желалось бы вѣчно держать меня въ рукахъ, безпрерывно напоминать мнѣ о томъ, что онъ далъ, но что онъ же можетъ и отнять; я увѣренъ, что въ концѣ-концовъ онъ этого не сдѣлаетъ; но ему хотѣлось бы, чтобъ я ежеминутно чувствовалъ его власть... Но все же онъ согласился?

— Да.

— Ну, покорнѣйше васъ благодарю! Весьма вамъ благодаренъ, сказалъ редакторъ, пожимая Ивану Ѳеогностовичу обѣ руки.

— Позвольте. Взамѣнъ этой уступки, онъ потребовалъ внесенія новаго пункта; вы сейчасъ убѣдитесь въ его несуществен-

ности, и именно въ виду этого я и взялъ на себя смѣлость изъявить на него отъ вашего имени согласіе.

— Въ чемъ же онъ? насупясь спросилъ редакторъ.

— Онъ потребовалъ, чтобы въ случаѣ, если на второй годъ подписка окажется меньше, чѣмъ въ первый, то онъ имѣлъ бы право перемѣнить редактора въ февралѣ...

— Гм., мрачно пробурчалъ Немыкинъ.

— При этомъ онъ настаивалъ, чтобы въ такомъ случаѣ, онъ въ виду значительныхъ затратъ съ его стороны въ первый годъ изданія, былъ избавленъ отъ обязательства выплатить вамъ шесть тысячъ, но я, конечно, не могъ согласиться на это; мы долго препирались, и наконецъ...

— Что же? взволнованнымъ голосомъ прервалъ его редакторъ.

— Конечно, я настоялъ на своемъ.

— Благодарю васъ, еще разъ благодарю васъ. Я главнымъ образомъ боялся именно возможности быть выброшеннымъ на улицу по его капризу. А теперь я, право, не знаю даже, зачѣмъ онъ настаивалъ на этомъ пунктѣ; вы совершенно справедливо замѣтили, что это чистѣйшая формальность. Но ему хотѣлось подсунуть мнѣ маленькую шпильку; записать, такъ-сказать, въ протоколъ, что онъ считаетъ меня неспособнымъ къ редакторству человѣкомъ.. О! я его знаю, я его прекрасно знаю.

— Я понималъ, что, при условіи уплаты шести тысячъ, этотъ пунктъ ровно ничего не значитъ; но, признаюсь, нѣсколько опасался, чтобъ онъ не показался оскорбительнымъ для вашего самолюбія.

— Видите, еслибы журналъ дѣйствительно не пошелъ, то это было бы обидно для моего самолюбія; но въ такомъ случаѣ я самъ бы отказался отъ редакторства; но вѣдь оттого, что онъ придумалъ этотъ пунктъ, дастъ Богъ, ничего худаго не случится. Нѣтъ, мнѣ остается только благодарить васъ... А онъ, — онъ, повторяю, человѣкъ подозрительный и жестокій. Онъ думаетъ, я не вижу его затѣй... Не даромъ же онъ навязалъ мнѣ Пѣшкина...

— Какъ Пѣшкина? съ изумленіемъ спросилъ Иванъ Ѳеогностовичъ.—Не можетъ же онъ полагать, что Пѣшкинъ способенъ замѣнить васъ?

— Отчего же?... *Онъ* воспользуется моею возможною болѣзнью или поѣздкой въ деревню ради отдыха, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, и станетъ приставать, чтобъ я взялъ Пѣшкина въ соредакторы, а затѣмъ будетъ уже не трудно и вовсе меня отстранить...

— Помилуйте! Да, я думаю, ни одинъ сотрудникъ не согласится работать у такого редактора.

— Отчего же? Деньги будутъ тѣ же, направленіе, по крайности на словахъ, то же...

— Но вашъ умъ, ваши знанія, ваша опытность?

— О! это не цѣнится. Повѣрьте, многіе даже будутъ рады такой перемѣнѣ. Изъ числа сотрудниковъ составится кружокъ, который и захватитъ журналъ въ свои руки; они подѣлятъ между собою разные отдѣлы и станутъ не пускать статей постороннихъ, особенно людей талантливыхъ и независимыхъ. На что̀ другое, а на подобные клики мы, Русскіе, издревле большіе мастера. Вы знаете это, конечно, не хуже моего.

— Все это печально, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ. — Но не могутъ же они разсчитывать при такихъ обстоятельствахъ на сочувствіе публики?

— Отчего же нѣтъ? По внѣшности, все останется попрежнему. Притомъ, быть-можетъ, они понравятся публикѣ больше. Я вѣдь взялся за редакторство ради того, чтобы вывести журналистику на просторъ, поднять борьбу съ такъ-называемымъ направленствомъ, дать возможность высказывать свои взгляды людямъ независимымъ и самостоятельнымъ; но кто знаетъ, понравится ли такая широта и свобода мысли читателямъ. Быть-можетъ, для публики требуется, чтобы редакторъ, какъ дятелъ, все долбилъ въ одну и ту же точку. По крайней мѣрѣ, вы знаете, что журналы съ самымъ узкимъ, съ самымъ крайнимъ направленіемъ имѣютъ наибольшій успѣхъ...

— Да, съ живостью замѣтилъ нотаріусъ,—пока нѣтъ журнала съ болѣе широкими и нестѣсненными взглядами.

— Можетъ-быть, съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ отвѣчалъ редакторъ. — Но оставимъ это. Позвольте мнѣ лучше еще разъ дружески поблагодарить васъ и даже по-русски поцѣловать васъ: благодаря вамъ, я со спокойною душой примусь за дѣло.

Они облобызались.

— Позвольте и мнѣ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, въ свою очередь обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшею просьбой.

— Сдѣлайте милость; все что̀ въ моихъ силахъ...

— Я тѣмъ охотнѣе обращаюсь къ вамъ, что знаю, что моя просьба придется вамъ по душѣ... Вамъ, конечно, случалось видѣть Хотьминскую?

— Хотьминскую?... Позвольте!... какая это Хотьминская?... Варвара?...

— Нѣтъ, Фанни Юрьевна, артистка; она играетъ въ клубѣ...

— Ахъ, да! какже, какже-съ! сказалъ Немыкинъ, самъ хорошенько не зная, видѣлъ ли онъ Хотьминскую, или слышалъ о ней, или читалъ про нее.—По общему отзыву, особа преталантливая...

— Да, у нея большія природныя данныя и, по моему мнѣнію,— конечно, я профанъ, и мое мнѣніе не болѣе, какъ простой голосъ изъ публики, и я, понятно, не смѣю спорить съ такимъ глубокимъ знатокомъ искусства, какъ вы,—но, по-моему, у нея много поэзіи и дарованіе не дюжинное, которое, какъ природный алмазъ, требуетъ, такъ-сказать, отдѣлки или граненія, чтобы стать сверкающимъ бриллiантомъ.

— Что̀ же вы собственно желаете отъ меня?

— Чтобъ вы обратили на нее вниманіе, помогли бы ей вашими совѣтами, развили ея художественное пониманіе и природныя средства.

— Весьма охотно, съ величайшимъ удовольствіемъ. Вы насъ познакомите, я къ ней заѣду, мы поговоримъ о Шекспирѣ, почитаемъ...

Немыкинъ читалъ стихи съ завываньемъ, рокотаньемъ и особымъ присвистомъ (какъ шипятъ старые порванные мѣхи), а потому въ Москвѣ почитался весьма искуснымъ декламаторомъ и знатокомъ дѣла.

— Мнѣ случалось слышать отъ васъ, глубокоуважаемый Иванъ Петровичъ, что безъ хорошей школы...

— О! школа—великое дѣло! уже съ загорѣвшимися глазами возгласилъ Немыкинъ,—она-то и есть то̀ граненіе алмаза, которое, какъ вы прекрасно выразились...

Какъ ни пріятно было Ивану Ѳеогностовичу согласіе Ивана Петровича, но онъ зналъ, что старый энтузіастъ, дай онъ ему только возможность разойтись, тутъ же въ уборной прочтетъ цѣлую лекцію о декламаціи и важности школы,—а между тѣмъ ихъ долгая уединенная бесѣда, перетолкованная Пѣшкинымъ, можетъ повредить самому же Немыкину во мнѣніи подозрительнаго издателя. Поэтому Подлещиковъ весьма деликатно намекнулъ редактору, что имъ удобнѣе будетъ продолжать разговоръ въ общей комнатѣ, гдѣ ихъ, вѣроятно, уже заждались.

— Какъ вы сказали? вскидываясь отъ умственнаго бреда ска-

залъ редакторъ.—Ахъ, да!.. Впрочемъ, вы правы... И, пожалуста, поддержите меня... мнѣ надо что-нибудь придумать для Пѣшкина, которому вовсе не слѣдуетъ сообщать подробностей... Такъ ужь будьте добры, подтвердите мои слова...

Въ Москвѣ удивительно умѣютъ сочетать идеализмъ съ практичностью. Въ Петербургѣ люди проще: коли идеалистъ человѣкъ, такъ идеалистъ; коли практикъ, такъ практикъ; въ Москвѣ же самые ловкіе практики не лишены возвышеннаго идеализма, и самые возвышенные идеалисты—ловкіе практики.

Воротясь въ общую комнату, Немыкинъ усѣлся на диванѣ, помѣстивъ подлѣ себя Подлещикова.

— Ахъ, Петръ Иванычъ, обратился онъ къ Пѣшкину, — не забыть бы; я вотъ, какъ вышелъ съ Иваномъ Ѳеогностовичемъ, такъ встрѣтилъ разсыльнаго изъ редакціи: изъ Петербурга получена депеша, что всѣ препятствія къ выходу первой книжки устранены.

Пѣшкинъ испытующимъ образомъ взглянулъ на Подлещикова.

— Да, спокойно подтвердилъ Иванъ Ѳеогностовичъ, — Ивана Петровича можно поздравить съ большою побѣдой въ Петербургѣ.

— Такъ прикажите распорядиться выпускомъ книжки? спросилъ секретарь.

— Не безпокойтесь, я уже сдѣлалъ распоряженіе, отвѣчалъ редакторъ. — Господа! обратился онъ ко всѣмъ, — можете меня поздравить: первая книжка выйдетъ завтра, а къ пятнадцатому, дастъ Богъ, выпустимъ и вторую.

Начались поздравленія.

— Благодарю васъ, господа, и позвольте мнѣ, по русскому обычаю, предложить вамъ шампанскаго.

X.

Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Уме недозрѣлый! плодъ недолгой науки.
Ант. Кантемиръ.

Шампанское было подано, начались тосты. По счастью, дѣло происходило въ общемъ залѣ, гдѣ громко ораторствовать было неудобно, и авторъ, къ своему удовольствію, избавленъ отъ повода описывать широковѣщательныя и пустозвонныя мямленья, присюсюкиванья, пришепетыванья и губошлепанья, которыя

наши газеты изъ ланинскаго патріотизма зовутъ застольными рѣчами.

Когда поздравленія затихли и чоканья прекратились, будущая слава русской науки, учитель Полосатовъ, доселѣ уединенно и сосредоточенно фыркавшій себѣ подъ носъ, почелъ долгомъ оживить пиръ разумнымъ словомъ.

— Я сердечно радъ, что ваше дѣло окончательно устроилось, сказалъ онъ, обращаясь къ редактору, — и не скрою, что радъ этому отчасти изъ эгоистическихъ побужденій. Мои статьи „О позитивныхъ основахъ исторіи литературы“ почти окончены, и быть-можетъ ихъ начало вы найдете возможнымъ пустить еще въ февралѣ.

— Да, листа два я, кажется, еще могу удѣлить вамъ. Во всякомъ случаѣ, я буду весьма радъ ихъ помѣстить. Вашъ взглядъ на значеніе литературы не лишенъ оригинальности, и притомъ вы серьезно и съ большою эрудиціей разработали вашу тему...

— Если не секретъ, то не будете-ли вы добры, не объясните ли намъ въ нѣсколькихъ словахъ предметъ вашей, судя по отзыву Иванъ Петровича, въ высшей степени занимательной статьи, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ.

Иванъ Ѳеогностовичъ, какъ человѣкъ занятой, предпочиталъ подобныя устныя бесѣды съ авторами чтенію ихъ объемистыхъ произведеній; онъ воображалъ, что при этомъ обогощаетъ себя знаніями и получаетъ понятіе о разныхъ предметахъ,—что̀ весьма льстило его самолюбію.

— Въ наукѣ секретовъ не имѣется, важно отвѣчалъ будущій ученый,—и я охотно подѣлюсь съ вами результатами моихъ изслѣдованій... Видите ли, по молчаніи, собравшись съ мыслями, продолжалъ онъ,—мы всѣ, еще со школьной скамьи, твердимъ, что литература есть отраженіе или выраженіе жизни народной; что она представляетъ зеркало, въ которомъ образно запечатлѣвается нравственная физіономія даннаго общества; что она составляетъ фокусъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ живительные лучи мнѣній, надеждъ, чаяній и вожделѣній даннаго времени. Но на сколько строго, сознательно и послѣдовательно проводится и иллюстрируется это воззрѣніе въ исторіи литературы? Въ личной бесѣдѣ я, понятно, не могу изложить свой взглядъ съ полной основательностью и подробностью, и поневолѣ долженъ ограничиться самыми существенными чертами. Я нахожу, что доселѣ въ исторіи литературы обращается черезчуръ усиленное вниманіе на

личность писателей, на *ихъ* будто бы вліяніе на общество, на *ихъ* будто бы идеи. Мнѣ кажется, что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ на само общество, котораго писатель есть не болѣе, какъ выразитель; его же собственная личность представляетъ интересъ весьма второстепенный...

— Извините, пожалуста, съ живостью прервалъ оратора Андрей Николаевичъ,—вы вотъ отвергаете значеніе личности писателя и, вѣроятно, художниковъ вообще... Но вѣдь въ искусствѣ личность—все. Вѣдь писатель тогда только и становится писателемъ, когда у него является *свой* языкъ, *свой* стихъ, *свой* слогъ...

— Извините, что я въ свою очередь прерву васъ, мягко и со снисходительною улыбкой сказалъ Полосатовъ, — я до технической стороны дѣла не касаюсь; меня занимаетъ вопросъ болѣе важный, вопросъ объ общественномъ значеніи литературы.

Андрей Николаевичъ растерянно и точно жалуясь взглянулъ на Голубцова.

— Что̀ жь это? шепнулъ онъ ему,—да онъ технику съ личностью смѣшиваетъ...

— Погоди, не то еще услышишь, шепотомъ же отвѣчалъ докторъ.

— И такъ, продолжалъ между тѣмъ Полосатовъ, обращаясь по преимуществу къ Подлещикову, какъ къ болѣе внимательному и понимающему слушателю,—центръ тяжести, какъ то̀, надѣюсь, мнѣ удастся окончательно разъяснить и доказать въ моей диссертаціи, долженъ быть перенесенъ на общество, котораго писатель есть только выразитель. Онъ только содержащее, но не содержимое; только вмѣститель существующаго внѣ его вмѣстимаго. Словомъ, важенъ не онъ, важно изучить умственную дѣятельность и нравственные идеалы тѣхъ мыслящихъ тысячъ, того интеллигентнаго меньшинства, которое составляетъ общество, и которое, строго говоря, и находитъ свое выраженіе въ литературѣ. Искусство не доступно народу въ обширномъ смыслѣ, этой инертной массѣ, подлежащей развитію по идеаламъ меньшинства. Вотъ почему, при опредѣленіи значенія даннаго поэта или прозаика, мѣрой никакъ не можетъ служить его личность, или художественный талантъ; мѣра эта должна быть независима отъ такъ-называемаго вкуса, всегда болѣе или менѣе условнаго, отъ произвольныхъ эстетическихъ теорій и пристрастій; мѣра должна быть фактическая.

Лекторъ сдѣлалъ паузу.

— Все это чрезвычайно любопытно, счелъ долгомъ вставить Иванъ Ѳеогностовичъ.—Въ чемъ же вы усматриваете эту мѣру?

— Въ успѣхѣ; въ успѣхѣ даннаго произведенія или писателя въ свое время.

Подлещиковъ съ торжествомъ поглядѣлъ на Андрея Николаевича. Безпаловъ, повидимому, остался равнодушенъ къ этому взгляду, но онъ точно нырнулъ прямо въ глубину его сердца и запалъ тамъ. Впослѣдствіи онъ не разъ вспоминался художнику.

— Вы, быть-можетъ, скажете, продолжалъ краснорѣчивый лекторъ,—что не всегда легко опредѣлить величину и напряженіе этого успѣха. И да, и нѣтъ. Конечно, самое важное значеніе, въ научномъ отношеніи, тутъ принадлежитъ, или, вѣрнѣе, будетъ принадлежать, статистическимъ даннымъ, всегда точнымъ и непогрѣшимымъ; тотъ, конечно, и имѣлъ успѣхъ, за кого высказалось большинство, чьи сочиненія разошлись въ бо̀льшемъ количествѣ экземпляровъ; тотъ и былъ выразителемъ эпохи, кого болѣе другихъ читали, кѣмъ сильнѣе другихъ интересовались и увлекались. Тамъ, гдѣ нельзя добыть положительныхъ статистическихъ данныхъ, мы можемъ руководствоваться отдѣльными отзывами современниковъ, или извѣстіями объ оваціяхъ или средневѣковыхъ тріумфахъ...

— Извините, съ лукавою улыбкой вставилъ Голубцовъ, — а что̀ вы скажите о томъ успѣхѣ en permanence, который имѣютъ всѣ истинные поэты и художники изъ вѣка въ вѣкъ?

— Видите ли, я не отвергаю ихъ успѣха, но чтобъ оцѣнить его солидность, слѣдуетъ опредѣлить ту среду, гдѣ они имъ пользуются. Повторяю, что тѣ художники, о которыхъ вы упомянули, пользуются успѣхомъ, но въ средѣ весьма ограниченной и въ условномъ смыслѣ. Они имѣютъ успѣхъ у эрудитовъ, у людей болѣе или менѣе спеціально занимающихся эстетикой; пожалуй, еще школьный успѣхъ ознакомленія съ прекрасными формами, а равно успѣхъ пріятнаго препровожденія времени у праздныхъ дилетантовъ; но такой успѣхъ странно даже сравнивать съ живымъ общественнымъ успѣхомъ, который только и имѣетъ серьезное историческое значеніе. Прибавлю, что порой одинъ и тотъ же писатель, въ разные періоды своей дѣятельности, можетъ имѣть различные успѣхи; успѣхъ по существу или общественный, и успѣхъ формально-эстетическій или у дилетантовъ. Такъ Пушкинъ, въ ранній періодъ своей дѣятельности, когда онъ былъ

выразителемъ лучшихъ общественныхъ стремленій, реформаторскихъ идей лучшихъ своихъ современниковъ, когда, словомъ, онъ былъ охваченъ вѣяньями своей эпохи,—имѣлъ успѣхъ желательный, успѣхъ общественнаго дѣятеля. Въ позднѣйшій же періодъ своей жизни, когда онъ, быть-можетъ, и полнѣе выражалъ свою личность, общество относилось къ нему равнодушно, и было неоспоримо право. Онъ, конечно, создалъ въ это время нѣсколько формально-прекрасныхъ произведеній, которыя служатъ и будутъ служить образцами, но его общественное значеніе понизилось почти до точки замерзанія. Обществу было душно въ тѣхъ роскошныхъ палатахъ, гдѣ подобострастные царедворцы безмолвствовали, пока „одинъ“ долго бесѣдовалъ съ Гомеромъ; ему было холодно въ той заоблачной кельѣ, въ сосѣдствѣ отвлеченнаго существа, куда стремился поэтъ.

Окончивъ хлесткою фразой, способною возбудить на публичной лекціи взрывъ рукоплесканій, Полосатовъ взглянулъ на Голубцова, дабы насладиться тѣмъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ, которое неминуемо должны были произвести послѣднія слова. Но къ изумленію оратора, Голубцовъ вовсе его не слушалъ и спокойно разговаривалъ съ редакторомъ о какихъ-то общихъ знакомыхъ. Полосатовъ нѣсколько смутился, взглянулъ на часы, но видно у него еще оставалось довольно свободнаго времени, ибо онъ не спохватился и не заторопился уходомъ, — что было бы для него прекраснымъ выходомъ изъ неловкаго положенія. Иванъ Ѳеогностовичъ, по свойственной ему деликатности, поспѣшилъ на помощь будущему жрецу науки; онъ поблагодарилъ его за вполнѣ ясное и популярное изложеніе результатовъ его ученыхъ изысканій.

Полосатовъ опять заговорилъ, и если авторъ не приводитъ его дальнѣйшихъ рѣчей, то единственно изъ опасенія быть обличеннымъ въ плагіатѣ сразу цѣлою дюжиной ученыхъ. Ораторъ высказалъ бездну учености; онъ такъ и сыпалъ малоизвѣстными фактами о средневѣковыхъ и новѣйшихъ литературныхъ тріумфахъ, что Подлещикову оставалось только подбирать ихъ.

Никто изъ присутствовавшихъ не подозрѣвалъ какое впечатлѣніе произвели ученыя разглагольствованія будущаго свѣтила на Андрея Николаевича. Ему стало не по себѣ, смутно и тяжко. И это смутное чувство въ сознаніи художника отразилось примѣрно слѣдующимъ монологомъ:

— Ну, и денекъ же выдался!.. Наслушался!.. И все вѣдь объ

искусствѣ .. Аѳины, да и полно... И всѣ довольны!.. Развѣ, вотъ, драматургъ не совсѣмъ, что его не въ одинъ разрядъ съ Шекспиромъ поставили! Ну, да этотъ живо утѣшенье найдетъ въ своемъ портсигарчикѣ!.. Зато межевой какъ доволенъ, что ему удалось и родней похвалиться, и разсказать литературное преданіе о непотребномъ житіи тетки. Немыкинъ, конечно, радешенекъ, что ему пришлось потолковать о Нѣмцѣ. Про профессора и говорить нечего: Иванъ Ѳеогностовичъ ублажилъ его по горло. И докторъ, шельмецъ, доволенъ, что подвелъ ученаго и заставилъ его здорово сбрехнуть... А Иванъ, право, для меня загадка. Человѣкъ онъ умный, а съ какимъ благоговѣніемъ слушалъ вздоръ, что̀ мололъ Полосатовъ. У него страсть какая-то, какъ онъ самъ выражается, „имѣть обо всемъ понятіе". Только чортъ его толкаетъ обращаться съ вопросомъ объ искусствѣ къ людямъ, которые сами о немъ понятія не имѣютъ...

Тутъ Андрею Николаевичу припомнилось, что докторъ какъ-то сказалъ при немъ, что нѣтъ на свѣтѣ людей отвлеченнѣе русскихъ интеллигентовъ.

— Я, вотъ, прежде не понималъ, то-есть и понималъ, да не отчетливо, что̀ онъ именно хотѣлъ выразить. А теперь, какъ до своего дѣла дошло, отлично понялъ. Цѣлый-то день почти толковали они объ искусствѣ, а, вѣдь, ни у одного прямаго, живаго чувства къ нему нѣтъ. Будто оно, искусство-то, для нихъ вовсе не существуетъ, а есть какое-то отвлеченное понятіе о томъ, что человѣку образованному нельзя имъ не интересоваться. Ну, съ чужаго голоса еще кое-какъ поютъ, а поставь любаго изъ нихъ предъ живымъ созданіемъ искусства, онъ и спасуетъ; оттого и спасуетъ, что ничего не почувствуетъ. О старомъ, о чемъ онъ читалъ, еще поговоритъ, и умно поговоритъ; разумѣется, если умное прочелъ. Ну, а отъ новаго, или вообще отъ того, о чемъ не писано, сердце у него не забьется. Развѣ Немыкинъ пророкочетъ что-нибудь, свернувъ на общія мѣста. Полосатовъ станетъ искать общественныхъ интересовъ по собственному образцу; вѣдь художество для него такъ, форма какая-то, въ родѣ синяго вицмундира; въ синемъ вицмундирѣ—ученый, а нѣтъ, такъ невѣжда. А мой милый, Иванъ Ѳеогностовичъ справится, имѣетъ ли вещь успѣхъ; всѣ хвалятъ, и мы станемъ хвалить, а нѣтъ, и мы нѣтъ: люди ложь, и мы тожь...

И Безпаловымъ овладѣло еще болѣе тяжелое чувство, издавна ему знакомое, и которое съ годами находило на него чаще и

гнело его сильнѣе. Вотъ въ какой безучастной средѣ ему приходится жить! да не просто жить, а работать, художествовать. Его вновь посѣтила мысль о своей отчужденности ото всѣхъ, о своей никому ненужности, о своей излишности, о какомъ-то скорѣе призрачномъ, чѣмъ дѣйствительномъ существованіи внѣ времени и пространства. Онъ охотно бы бѣжалъ отъ нея, но куда? Идти домой? но онъ зналъ, что не сумѣетъ скрыть своихъ чувствъ отъ жены, и пришлось бы только пуще разстроить себя, да и ее измучить вдобавокъ. Нѣтъ, ужь лучше потерпѣть и одному отсидѣться отъ тоски.

Андрей Николаевичъ и сидѣлъ; долго отсиживался. Только происходившее внутри его казалось ему дѣйствительностью; внѣшняя же дѣйствительность, въ тѣ короткіе промежутки, когда онъ безучастно къ ней присматривался, проходила предъ нимъ, какъ сонное мечтаніе. Даже обычная наблюдательность оставила его. Онъ еще помнилъ, какъ драматургъ удалился съ гордымъ видомъ въ ту самую минуту, когда стали пить за процвѣтаніе журнала, куда не хотѣли принять его „вольной" комедіи. Но уже не досмотрѣлъ, какъ межевой и секретарь, перемигнувшись, поняли, что имъ тутъ больше дѣлать нечего и удалились въ мѣста болѣе злачныя и прохладныя. Онъ не замѣтилъ, какъ Полосатовъ, взглянувъ на часы, съ великою важностью объявилъ, что ему пора поспѣшить, чтобъ успѣть переодѣться и ѣхать на обѣдъ къ князю Русланбекову, гдѣ затѣмъ, для княженъ и ихъ знакомыхъ дѣвицъ, онъ прочтетъ лекцію „о причинахъ общественнаго успѣха Августа Коцебу и равнодушія общества къ Вольфгангу Гёте"; какъ Немыкинъ, увлекшись разговоромъ о новой психо-физикѣ, наконецъ-то вспомнилъ, что не сдѣлалъ еще никакихъ распоряженій относительно выпуска книжки.

Когда Андрею Николаевичу немного полегчало и думы его лишились жгучести и остроты, то онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ увидѣлъ, что они остались всего втроемъ и имъ подаютъ какую-то ѣду, вѣроятно обѣдъ.

— Э! да, видно, ужь не рано! подумалъ онъ, но въ качествѣ художника, пришедшагося въ мірѣ не ко времени и не ко двору, не взглянулъ даже на часы.

Подлещиковъ разговаривалъ съ Голубцовымъ; онъ прислушался.

— Итакъ, говорилъ Иванъ Ѳеогностовичъ,—по вашему мнѣнію, въ наше время не можетъ появиться замѣчательный художникъ, именно въ силу особенно неблагопріятныхъ условій среды?

Андрею Николаевичу почему-то показалось, будто Подлещиковъ задалъ этотъ вопросъ, имѣя въ виду именно его и притомъ съ коварною цѣлью. Ему вспомнился недавній разговоръ съ пріятелемъ въ этомъ же трактирѣ, его сегодняшній взглядъ при словахъ Полосатова объ успѣхѣ, и въ его незлобивомъ сердцѣ зашевелилось непріятное чувство противъ любимаго человѣка; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ замеръ въ ожиданіи отвѣта Голубцова, точно отъ него зависѣла его судьба.

— Вы не совсѣмъ точно меня поняли, отвѣчалъ докторъ,—я говорилъ только, что нынче среда не благопріятна для оцѣнки художественныхъ произведеній; что же касается до появленія талантовъ, то они, кажется, могутъ являться въ любое время. Время Людовика XIV, конечно, было весьма богато талантами, и талантами весьма крупными. Притомъ и король, и общество, повидимому, готовы были привѣтствовать и способны оцѣнить ихъ. А между тѣмъ, въ этомъ самомъ усиленномъ вниманіи къ талантамъ заключалось нѣчто вредное для ихъ развитія; художникамъ были навязаны условныя правила и они имъ молодушно подчинились; послѣдствіемъ была извѣстная условность изображенія. Времена французской революціи, казалось бы, вовсе не благопріятствовали появленію таланта, обществу было не до него, и, однако, именно въ это время является такой несомнѣнный поэтъ, какъ André Chenier. Пожалуй, на повѣрку выйдетъ, что для свободнаго развитія таланта требуется либо полное равнодушіе общества къ искусству, либо же живое, прямое безхитростное сочувствіе къ художественнымъ произведеніямъ, какъ то бывало порою въ Италіи и, вѣроятно, въ древней Греціи. А вотъ когда и критика, и публика (кто за кѣмъ—вопросъ еще нерѣшенный) примутся хитрить-мудрить, да пойдутъ въ ходъ всякія разглагольствованія...

— Именно разглагольствованія! повторилъ Безпаловъ, а дальше не сталъ слушать.—А все же, продолжалъ онъ про себя,—никто меня не разувѣритъ, что Иванъ сдѣлалъ этотъ вопросъ безъ умысла. Нѣтъ, онъ хотѣлъ уколоть меня...

Такимъ образомъ, для недовольства Андрея Николаевича нашлась новая тема, которую онъ сталъ усердно разрабатывать.

— Да, что̀ съ тобой, Андрюша? нѣкоторое время спустя спросилъ его Иванъ Ѳеогностовичъ.—Что̀ ты все киснешь и не ѣшь ничего? Я нарочно для тебя жареную осетрину заказалъ, подъ снѣтками; знаю, что любишь...

Эти слова были сказаны такимъ ласковымъ, такимъ дружескимъ тономъ, что Андрей Николаевичъ невольно устыдился своего недавняго подозрѣнія. Онъ мысленно встряхнулся и съ большимъ вниманіемъ сталъ слушать о чемъ бесѣдуютъ Подлещиковъ съ Голубцовымъ.

— А я, Ѳедоръ Ѳедорычъ, обращаюсь опять къ прежнему вопросу, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ,— отчего вы не пишете?

— А я вамъ повторяю, что самой-то побудительной причины къ писательству у меня не имѣется: человѣкъ я обезпеченный и вдобавокъ холостой, каковымъ, надо полагать, и до конца дней пребуду. Нѣтъ, не для письма я созданъ, а для разговора.

— Но вы такъ понимаете, такъ знаете, такъ любите искусство!..

— Эти качества, если они у меня только есть, обнаружатся и въ разговорѣ. А для писательства я не гожусь: слишкомъ я тонкокожъ для этого...

— Я не совсѣмъ васъ понимаю...

— Да, вотъ, видите, есть у меня пріятель въ Питерѣ, писательствуетъ. Ставили тамъ въ театрѣ Пушкинскаго *Бориса*; онъ по этому поводу статью написалъ, гдѣ нѣсколько разъ назвалъ Пушкина великимъ поэтомъ. Чтó жь? редакторъ—и, замѣтьте, вовсе не крайняго направленія, а самаго средненькаго—взялъ да и вычеркнулъ вездѣ эпитетъ „великій". Случись это со мной, тѣмъ бы мое писательство и кончилось, а пріятель ничего: онъ только посмѣялся надъ редакторомъ, да въ письмѣ ко мнѣ выругалъ его дуракомъ. „Вѣдь онъ, говоритъ,—мысли-то мои всѣ оставилъ, и эпитетъ всякій, кто статью пойметъ, самъ приставитъ". Но у моего пріятеля цѣль есть, онъ мечтаетъ дожить до того времени, какъ его мысли восторжествуютъ.

— Но развѣ вы не могли бы преслѣдовать подобную благородную цѣль?

— Нѣтъ; выдержки у меня надлежащей нѣтъ. Да и въ разговорѣ все какъ-то проще. Я какъ дѣйствую? Найду подходящаго человѣка, насяду на него, да такъ его все и накачиваю, пока въ свою вѣру не обращу. Я вотъ и самъ Пушкина не меньше пріятеля люблю, и ужь многихъ на его счетъ просвѣтилъ. Конечно, ихъ не столько, сколько именъ на портсигарѣ у Угрюмова, а все же съ десятокъ наберется. А, главное, эти ужь до конца вѣрными останутся, а читатель,—читатель не надеженъ; того гляди, завтра противоположное прочтетъ, да и пойдетъ по новому бредить!..

— А я бы указалъ вамъ отрасль, гдѣ не только ваше слово было бы въ высшей степени полезно, но гдѣ именно требуется насядать и накачивать, какъ вы выразились.

— Чтò такое?

— Нашъ театръ такъ нуждается въ знающемъ и безпристрастномъ критикѣ...

Голубцовъ разсмѣялся.

— Э, э! подумалъ Безпаловъ,—я-то голову ломаю. съ чего Иванъ объ искусствѣ такъ безпокоился, а онъ все для Фанни Юрьевны старается.

— Ну, на это я ужъ вовсе не гожусь, сказалъ Голубцовъ.

— Но почему же?

— Видите, мнѣ ужъ за сорокъ. Я помню то время, какъ актеры дѣлились на хорошихъ и дурныхъ. Я не спорю, и теперь еще хорошіе остались, особенно въ Москвѣ. Я даже поэтому Москву предпочитаю Петербургу; но пора сознаться, что и здѣсь уже новое теченіе обозначается, и здѣсь актеровъ начинають дѣлить на симпатичныхъ и несимпатичныхъ; а вотъ лѣтъ чрезъ десять, пятнадцать хорошихъ вовсе не останется, а пойдутъ одни симпатичные. Сами подумайте, изъ чего же мнѣ хлопотать. Возьмемъ такой примѣръ: играетъ барынька хорошенькая, граціозная и гримаски премилыя строитъ; ну, словомъ, симпатична необыкновенно. Публика въ нее влюблена на половину. И она довольна, и всѣ въ восторгѣ. А я вдругъ ввалюсь въ театръ и брякну: „Никакого у васъ, милая барынька, таланта нѣтъ; всюду-то и всегда вы самое себя изображаете, а вѣдь слѣдуетъ лицедѣйствовать“. И ей обидно, и поклонникамъ досадно, да и мнѣ, вѣдь, никакого удовольствія не доставитъ видѣть свое мнѣніе въ печати.

Андрею Николаевичу показалось, что, приводя примѣръ, Голубцовъ мѣтитъ въ Хотьминскую; онъ не ошибался: докторъ, нежданно вспомнивъ про портретъ, дѣйствительно невольно подумалъ о ней. Безпалова такъ и подзуживало подчеркнуть это обстоятельство и спросить прямо Голубцова, какого онъ мнѣнія о Фанни Юрьевнѣ. Двигало ли его при этомъ желаніе посмотрѣть какое впечатлѣніе произведетъ его вопросъ на Ивана Өеогностовича, или тò безсознательно всколыхнулось въ немъ недавнее злобное чувство противъ пріятеля? Андрей Николаевичъ и самъ не зналъ. Спросить, однако, не удалось, ибо какъ разъ въ это время къ нимъ подошелъ чистенькій и бритый старичокъ и попросилъ позволенія присѣсть.

— Я вотъ Самоквасова дожидаю, сказалъ онъ.—Какже... Самоквасовъ, этотъ самый... извѣстный... ну, да вы навѣрное его знаете... онъ тоже что-то гдѣ-то пописываетъ.

Голосъ старичка звучалъ престранно; казалось, будто у него во рту небо серебряное и слова, раньше чѣмъ выйти изъ устъ, ударяются о небо и отражаются отъ него съ резонансомъ.

— Милости просимъ, очень пріятно, отвѣчалъ за всѣхъ Иванъ Ѳеогностовичъ.—Мы кстати о театрѣ говорили.

Старичокъ былъ отставной актеръ Мачихинъ, уже около сорока лѣтъ жившій на пенсіи; онъ приводилъ въ отчаяніе преемственно трехъ казначеевъ, которыхъ пережилъ, и не отчаявался пережить четвертаго, еще далеко не стараго человѣка.

— Да!.. о театрѣ, по молчаніи отозвался Мачихинъ.—Что жь, театръ!.. Да, конечно...

— Вотъ у васъ вѣрно сохранилось много воспоминаній? продолжалъ любознательный нотаріусъ.

— Воспоминанія, какже!.. Гоголя помню, отвѣчалъ старичокъ, выговаривая букву *г* твердо, по-хохлацки,—спорилъ даже съ нимъ, какже!... Въ 1836 году... Да!.. И доказалъ, переспорилъ... блистательно доказалъ.

И старичокъ погрузился въ молчаніе.

— А что вы скажете о нынѣшнемъ театрѣ по сравненію съ прежнимъ? нашелся предложить новый вопросъ Иванъ Ѳеогностовичъ, не безъ желанія провѣрить слова Голубцова авторитетнымъ отзывомъ.

— О нынѣшнемъ?.. Какже, какже-съ!.. Вѣдь и нынче тоже театръ есть... Есть... Ваня Самаринъ первымъ актеромъ считается... А въ мое время, изволите видѣть, въ Москвѣ французскій театръ существовалъ, и былъ тамъ актеръ Брэкуръ... Да! именно Брэкуръ. Прескверный актеръ: Самаринъ ему подражаетъ.

— Позвольте, съ нѣкоторою горячностью сказалъ Голубцовъ,—да Самаринъ, по-моему, уже потому выше многихъ, что онъ Пушкина читалъ и на немъ образовалъ свой вкусъ...

— Пушкинъ!.. Александръ Сергѣичъ!.. Какже, какже, помню!.. Отличный поэтъ, даже можно сказать великій, но... но устарѣлъ; устарѣлъ... Прекрасно сказалъ Твердо... нѣтъ, Слово...—И старикъ сталъ про себя повторять азбуку:—твердо, слово, фертъ, херъ... Да, именно херъ! громко сказалъ онъ.—Такъ Хлѣбодаровъ прекрасно сказалъ, что устарѣлъ. Именно, что былъ поэтомъ эротическихъ поползновеній и военныхъ экс... позвольте!..

экзекуцій или эксерсицій?.. Именно экзекуцій. Теперь припомнилъ... Какже, какже-съ!

— Послушайте, уже съ раздраженіемъ сказалъ Голубцовъ,— если вы въ другой разъ вздумаете повторять чужія глупости, то подыщите въ слушатели дураковъ.

Мачихинъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Какже Самоквасовъ? подумалъ онъ.—Иль надулъ?.. Надъ старикомъ поглумился?

Голубцову, между тѣмъ, стало досадно, что онъ обошелся черезчуръ рѣзко со старикомъ, и онъ придумывалъ, какъ бы поправить дѣло.

— А вотъ и Самоквасовъ! Честь имѣю кланяться, господа, объявилъ актеръ и отошелъ отъ собесѣдниковъ.

— Вотъ вамъ обращикъ моей литературной полемики! сказалъ Голубцовъ, обращаясь къ Ивану Ѳеогностовичу.—И за что только я неповиннаго старичка обидѣлъ?

— Ну, круто сказалъ Безпаловъ,—конечно, того бы слѣдовало, давешняго, но и этотъ!.. Вотъ въ баснѣ оселъ лягаетъ умирающаго льва, а тутъ развалившійся ужь и не знаю кто... И не докончивъ рѣчи, Андрей Николаевичъ съ большимъ озлобленіемъ добавилъ:—Но тотъ-то, тотъ-то, давешній, Полосатовъ!.. Скажи, докторъ, слышалъ ты что-нибудь пошлѣе его разглагольствованій?..

Голубцовъ немного подумалъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ онъ.—Осенью я былъ въ Петербургѣ, и по старой привычкѣ зашелъ къ Доменику. Неподалеку отъ меня усѣлось двое Альфонсовъ, восточнаго происхожденія, и стали они, *судырь ты мой*, ученымъ образомъ о своемъ гнусномъ ремеслѣ разсуждать. Толковали они, напримѣръ, „о суммѣ наслажденія, которую можетъ дать мужчина женщинѣ“ и такъ далѣе, и все учеными терминами сыпали, ссылаясь на какихъ-то скверныхъ французскихъ и итальянскихъ докторишекъ.

Андрей Николаевичъ расхохотался, но вовсе не весело. При воспоминаніи о Полосатовѣ, въ немъ опять зашевелились тяжелыя думы о своей никому ненужности и отчужденности. Видно онъ еще не совсѣмъ отъ нихъ отсидѣлся.

Иванъ Ѳеогностовичъ почти обомлѣлъ отъ докторскаго сравненія. Имя Полосатова уже пронеслось по Москвѣ, и во многихъ кружкахъ произносилось съ уваженіемъ; онъ самъ слышалъ,

какъ гдѣ-то въ обществѣ одинъ спросилъ: „Какой Полосатовъ? извѣстный?“, а другой отвѣтилъ: „ну, да!“ Положимъ, что ни тотъ, который спрашивалъ, ни тотъ, который отвѣчалъ, не знали съ точностью чѣмъ собственно извѣстенъ Полосатовъ, но все же это доказывало несомнѣнный успѣхъ будущаго профессора. И вдругъ такой непочтительный, болѣе: такой глумительный отзывъ!

Они посидѣли нѣкоторое время молча, чувствуя что имъ болѣе не разговориться.

— Однако пора! провозгласилъ Андрей Николаевичъ и всталъ. Подлещиковъ и Голубцовъ послѣдовали его примѣру.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Аверкіевъ.

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМЪ.

Вмѣсто предисловія.

Воспоминанія и записки о жизни геніальныхъ людей читаются нами съ особеннымъ, весьма понятнымъ интересомъ. Геніальные люди сохраняютъ въ себѣ типичныя черты вѣка, затрогиваютъ лучшія стороны нашей души, волнуютъ нашъ нравственный міръ, наконецъ, оставляютъ въ немъ навсегда свои высокія идеи. Другое дѣло, воспоминанія людей обыкновенныхъ. Они могутъ интересовать читателя: характеристикой того времени, которое описывается въ воспоминаніяхъ, тѣми общественными событіями, которыхъ касаются воспоминанія, и личными впечатлѣніями самого автора.

Предлагаемыя читателю записки — составляютъ результатъ жизненныхъ впечатлѣній ихъ автора въ теченіе слишкомъ сорокалѣтняго періода. Такой періодъ знаменателенъ не только для единичной человѣческой жизни, но и для цѣлаго государства. Четыре смѣны поколѣнія отражаютъ послѣдовательно измѣненія идей, воспитанія, привычекъ, обычаевъ всего общества. Возьмите двухъ интеллигентныхъ лицъ сороковыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, заставьте ихъ разсуждать между собою, хотя объ основныхъ принципахъ бытія, и вы уясните себѣ все фундаментальное различіе между эпохами, отдѣляемыми одна отъ другой нѣсколькими поколѣніями.

Если читатель найдетъ въ моихъ запискахъ приблизительно вѣрное изображеніе общественныхъ событій, личностей и картинъ въ извѣстные годы, если онъ задумается надъ ними въ часы досуга, то, значитъ, трудъ мой не пропадетъ даромъ, и я, и читатель не останемся другъ другу чуждыми.

Глава I.

Мое дѣтство.

Мое рожденіе.—Родъ Суворовыхъ и родъ Кудрявцевыхъ.—Дѣдушка Григорій Петровичъ.—Его поздняя любовь и таинственная смерть.—Шуранскій замокъ.—Преданія о немъ.—Первые годы дѣтства.—Переѣздъ изъ Лаишева въ деревню.—Жизнь въ ней и въ пансіонѣ. — Холера и казанскіе пожары въ 1848 году.—Открытіе памятника Державину.—Разбойники Быковъ и Чайкинъ.—Прокуроръ Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ.—Черты изъ его жизни.—Княгиня Ен—ева, генералъ П. А. Пѣхтинъ.—Дядя Илья.—Дядька мой Гаврила.—Его сказки.—Отъѣздъ въ Кадетскій корпусъ.

Я родился въ 1839 году. Этотъ годъ, сколько помнится мнѣ, замѣчателенъ въ жизни Россіи присоединеніемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ уніатовъ къ Православной церкви. Мѣстомъ рожденія моего былъ городъ Лаишевъ, Казанской губерніи. Онъ расположенъ на берегу многоводной рѣки Камы. Ея царственная ширина, сливающаяся съ далекимъ небосклономъ, ея голубыя волны, катящіяся плавно въ необъятное пространство, были первыми предметами моей дѣтской привязанности.

Мои родители принадлежали къ кореннымъ дворянамъ Лаишевскаго уѣзда. Родъ со стороны отца, по семейнымъ документамъ, является въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Предокъ нашъ пріѣхалъ въ Польшу изъ Швеціи въ свитѣ Сигизмунда III. Потомки его поселились въ Смоленской губерніи, а позже разошлись по другимъ областямъ. Прадѣдъ моего отца, Яковъ Павловичъ Суворовъ, сидѣлъ въ 1686 году воеводой на Осѣ, которая нынѣ составляетъ часть Пермской губерніи. Всѣ Суворовы, включительно до меня, состояли въ военной службѣ. Отецъ мой, будучи уже офицеромъ, участвовалъ въ войнѣ 1812 года и раненъ въ грудь пулей подъ Островной, близъ Витебска. Это было первое сраженіе Русскихъ съ Французами при входѣ послѣднихъ въ Россію. Нашими войсками командовалъ графъ Остерманъ-Толстой. Имя и фамилія отца занесены на одну изъ мраморныхъ досокъ Храма Спасителя.

Мать моя, по женской линіи, изъ рода Кудрявцевыхъ. Ея прадѣдъ былъ извѣстенъ по Пугачевскому бунту. Генералъ-майоръ, Нефедій Никитовичъ Кудрявцевъ убитъ взбунтовавшеюся чернью въ Казани, на паперти Дѣвичьяго монастыря въ 1774 году. Въ

то время ему было за сто лѣтъ. Его внукъ, Яковъ Яковлевичъ, дѣдъ моей матери, въ минуты гибели старика, чтимаго Екатериною Второй, находился вмѣстѣ съ нимъ въ церкви. Спасеніемъ жизни молодой Кудрявцевъ обязанъ находчивости своего дядьки. Когда народъ кинулся на генерала, дядька силой оттолкнулъ отъ толпы юнаго барина и провелъ его чрезъ потайные монастырскіе ходы.

Я смутно помню отца моей матери, Григорія Петровича Дембровскаго. По нѣмецкимъ, французскимъ и латинскимъ книгамъ, сохранившимся въ нашей библіотекѣ, съ отмѣтками дѣдушки на поляхъ, видно, что это былъ человѣкъ глубоко-образованный, не даромъ путешествовавшій по Европѣ. Находясь въ отставкѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ проживалъ близъ Лаишева, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ имѣній, въ селѣ Полянкѣ. Недалеко отъ этого села возвышался на крутомъ берегу Камы Шуранскій зàмокъ, также принадлежавшій дѣдушкѣ.

О Шуранѣ сохранилось нѣсколько таинственныхъ и любопытныхъ разсказовъ. Одинъ изъ нихъ послужилъ темою для повѣсти „Латникъ“ извѣстному писателю Марлинскому,—другой для моей юношеской поэмы „Нарманскій“. Бабушка моя помнила Шуранъ въ его старинномъ, феодальномъ видѣ. То было громадное зданіе, въ нѣсколько десятковъ комнатъ, съ двумя длинными, боковыми флигелями. Его окружали высокія, каменныя стѣны, по уступамъ которыхъ чернѣли длинныя пушки. Божій храмъ находился посрединѣ двора. Въ такомъ видѣ зàмокъ перешелъ во владѣніе нашего родственника Петра Андреевича Нармацскаго, какъ говорятъ, потомка Нормандскихъ герцоговъ. [1] Онъ имѣлъ до семи тысячъ душъ крестьянъ, и наводилъ страхъ на окрестное населеніе своей широкою, шумною жизнью. Его пиры, его буйные разъѣзды на охоты подробно описаны въ моей поэмѣ. Мать моей матери видѣла одно изъ шуранскихъ подземелій. Оно представляло небольшую комнату съ кирпичнымъ поломъ и наглухо замуравленную. Въ ней стояло тяжелое кресло у окна, выходившаго на Каму. Къ креслу была прикована молодая женщина замѣчательной красоты, съ распущенными косами. При открытіи подземелья, когда струя свѣжаго воздуха коснулась чуднаго призрака, онъ мгновенно распался. Остались

---

[1] См. статью профессора Пономарева «Потомокъ Нормандскихъ герцоговъ». *Историческій Вѣстникъ*. Апрѣль, 1882 года.

одни кости и волосы. Преданіе передаетъ, что Нармацкій влюбился въ свою прекрасную сосѣдку, Доможирову. Отвергнутый ею, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Въ одну осеннюю, темную ночь, его дворецкій похитилъ Доможирову. Нармацкій силою хотѣлъ овладѣть своей плѣнницей. Она отвѣчала пощечиной оскорбителю, и за то поплатилась ужасно. Спустя нѣсколько лѣтъ, Нармацкій былъ сосланъ въ Сибирь, и его большое состояніе, по наслѣдству, перешло къ моей родной бабушкѣ, Надеждѣ Яковлевнѣ Кудрявцевой, вышедшей замужъ за Григорія Петровича Дембровскаго, и къ ея сестрѣ, Вѣрѣ Яковлевнѣ Жмакиной, женѣ московскаго сенатора. Мое рожденіе застало дѣдушку вдовцемъ, имѣвшимъ около восьмидесяти лѣтъ. Окрестивъ меня, онъ влюбился въ дочь богатаго помѣщика, Марью Михайловну Толстую. Ей было около тридцати лѣтъ. Красивая, никого не любившая, она искала лишь выгодной партіи. Тщетно архіепископъ Казанскій Владиміръ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ, отговаривалъ дѣдушку отъ опаснаго брака. Упрямый старикъ, въ порывахъ поздней страсти, не слушалъ голоса разума. Свадьба состоялась, а года черезъ четыре дѣдушку нашли мертвымъ въ постелѣ. Сынъ его, Григорій Григорьевичъ, возбудилъ уголовный процессъ объ удушеніи подушками отца его второю супругою. Трупъ старика вырывали изъ могилы, подвергали анатомическому вскрытію, но никакихъ слѣдовъ насильственной смерти не нашли.

Какъ въ туманѣ является мнѣ переѣздъ на постоянное жительство, послѣ смерти дѣдушки, въ наше имѣніе, близъ Казани. Была жаркая, лѣтняя пора. Я и отецъ, съ лакеемъ Ѳедоромъ на козлахъ, ѣхали въ легкой коляскѣ. Кучеръ Петръ Конгуровъ, несмотря на іюль мѣсяцъ, кричалъ на лошадей: „Ей, вы! по морозцу!“ Сзади насъ, на приличномъ разстояніи, чтобы не задыхаться отъ пыли, тянулась восьмерикомъ, съ двумя форейторами старинная карета на высокихъ рессорахъ. Въ ней помѣщалась мать моя съ кормилицей и двумя сыновьями-мальчиками. На запяткахъ сидѣлъ, въ особомъ помѣщеніи, камердинеръ отца Гаврила. Впослѣдствіи онъ игралъ не маловажную роль въ моей молодости. Поѣздъ замыкали два крытыхъ тарантаса, наполненныхъ горничными, няньками и разной дорожной провизіей.

Хорошо мнѣ жилось въ сельцѣ Тагашевѣ. Оно было дано въ приданое моей матери, женщинѣ необыкновенно умной и воспи-

тывавшейся за границею, въ Германіи. Она искренно поклонялась Гете и Шиллеру за грандіозность созданныхъ ими образовъ, за ихъ высокіе порывы къ прекрасному, за ихъ могучее стремленіе къ вѣчной красотѣ и правдѣ. Она ненавидѣла Вольтера за его сухой умъ, за его насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями человѣчества, и любила Бальзака за его глубокія знанія тайныхъ изгибовъ нашей души. Она страстно была привязана къ своему отечеству и вела горячіе споры съ Поляками о томъ, что они виноваты передъ Россіей, а не она передъ Польшею. Понятно, что ея мнѣнія и идеи незамѣтно, но прочно запечатлѣвались въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Я пользовался большою свободой. Нашъ гувернеръ, Петръ Васильевичъ Просвирнинъ, едва успѣвалъ окончить свои лекціи, какъ я, бывало, исчезалъ изъ классной комнаты. Моя команда состояла изъ десятковъ двухъ деревенскихъ и дворовыхъ мальчиковъ. Съ ними я отправлялся въ лѣсъ, на рѣку купаться, ловить рыбу и раковъ. Я любилъ своихъ сверстниковъ, и они меня любили. Вообще, я не помню тягости крѣпостнаго права. Наши крестьяне жили зажиточно. Тагашево расположено на коммерческомъ, Вятскомъ, трактѣ. Большинство крестьянъ занималось ямщичьей работою, а на барщину ставило наемниковъ. Отецъ въ этомъ не стѣснялъ мужиковъ и гордился тѣмъ, что они не тяготятся своею судьбой. Становой безъ его позволенія не смѣлъ заглянуть въ деревню. Скончался отецъ въ Казани, зимою 1865 года, спустя четыре года по освобожденіи крестьянъ. Послѣдніе выказали къ отцу трогательную признательность. Они везли тѣло своего бывшаго барина на себѣ вплоть до имѣнія, на протяженіи почти сорока верстъ.

Крѣпко врѣзался мнѣ въ памяти 1848 годъ. Я находился въ пансіонѣ нѣмца Альтгофа. Въ немъ учились совмѣстно дѣвочки и мальчики дворянскихъ фамилій. Мнѣ едва минуло девять лѣтъ, но я помню, что мое сердце усиленно трепетало при видѣ хорошенькой семилѣтней Женички, дочери одного совѣтника. Это была моя первая любовь. Альтгофъ обращался съ нами деликатно. Учился я Закону Божію, географіи, ариѳметикѣ, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. По субботамъ у Альтгофа устраивались танцовальные вечера. Мы, дѣти, съ увлеченіемъ отплясывали подъ звуки фортепіано. Въ упомянутый ужасный годъ экзамены въ пансіонѣ почему-то замедлились; я до половины іюня оставался въ Казани. Въ ней уже царила холера, а за нею послѣдовали непрерывные пожары. Богатое населеніе,

охваченное страхомъ, бѣжало изъ города. Пустые дома забивались наглухо ставнями; гробы, наваленные въ безпорядкѣ одинъ на другой, безпрестанно встрѣчались на улицахъ. Умершихъ не успѣвали отпѣвать; ихъ прямо отправляли на кладбище и складывали въ общія могилы. Черные клубы пожарнаго дыма густою пеленой окутывали кругомъ Казань; въ воздухѣ страшно пахло гарью. Пожары продолжались днемъ и ночью. Главнымъ препятствіемъ къ ихъ тушенію оказались деревянныя мостовыя, украшавшія улицы: Воскресенскую и Покровскую. Это были улицы не широкія. Отъ нестерпимаго огня загорались мостовыя и выгорали до тла. Пожарнымъ командамъ не оказалось возможности подъѣзжать къ охваченнымъ пламенемъ зданіямъ. Въ описываемое время дули сильные вѣтры. Они разметывали головни на громадное пространство. Тагашево стоитъ отъ Казани, какъ я говорилъ, въ сорока верстахъ, а на его поляхъ мы находили кучи бумагъ, конвертовъ, даже тряпокъ, принесенныхъ вѣтромъ изъ горѣвшаго города.

Холера не миновала нашего имѣнія. Въ самое короткое время въ немъ умерло до двадцати крестьянъ. Кто-то посовѣтовалъ отцу отслужить на поляхъ молебенъ при слѣдующей обстановкѣ. Съ ранняго утра въ деревнѣ никто не смѣлъ топить печки. Первый огонь добыли изъ полѣнъ, при треніи ихъ другъ о друга. На полѣ вырыли ровъ, зажгли дѣвственнымъ огнемъ по бокамъ его костры и между нихъ проносили иконы, при пѣніи священныхъ гимновъ. Какъ ни покажется страннымъ, а со дня описаннаго событія холера въ Тагашевѣ быстро стала ослабѣвать. Но обратимся къ прерванному разсказу.

Въ это страшное и грустное время произошло торжественное открытіе памятника Державину на университетскомъ дворѣ. При открытіи памятника присутствовалъ архіерей Григорій, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій, и губернаторъ И. А. Баратынскій, братъ извѣстнаго поэта.

Державинъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, съ раскрытою книгой, въ правой рукѣ съ перомъ. Памятникъ имѣетъ величественный видъ. Впослѣдствіи городъ перенесъ его на одну изъ своихъ прекрасныхъ площадей.

Возвращаясь съ открытія этого памятника, я встрѣтилъ близъ церкви Покрова необычную процессію. Тянулись двѣ телѣги, окруженныя конвоемъ солдатъ и громадною толпой. Впереди раздавались звуки барабана. На одной изъ телѣгъ лежалъ чело-

вѣкъ, покрытый рогожею; на другой находился также человѣкъ, окутанный въ тряпье. Въ народѣ слышались голоса, что это везутъ добивать двухъ разбойниковъ: Быкова и Чайкина. Оказалось, что имъ, за ихъ дѣянія, опредѣлено было военнымъ судомъ по двѣнадцати тысячъ палокъ. Половину изъ нихъ они получили, но остались живы. Теперь ихъ ожидала новая казнь. Я послѣдовалъ за войсками. Разбойниковъ наказывали на Арскомъ полѣ. Хотя оно обширно, но на одной сторонѣ его расположенъ Родіоновскій Институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Удивительно, что городское начальство не приняло въ соображеніе приведеннаго факта. Быкова и Чайкина жестоко истязали. Солдаты были разставлены въ двѣ линіи, рѣдко другъ отъ друга, и наносили ударъ палкой преступникамъ съ разбѣгу. Ихъ везли на маленькихъ телѣжкахъ между строемъ, и спины ихъ представляли одну сплошную окровавленную, вспученную массу.

Казнью распоряжался полковникъ Корейшъ, взыскивавшій строго съ солдатъ за слабые удары. Въ толпѣ увѣряли, что Быковъ умеръ на девятой тысячѣ палокъ, но его и мертваго били до узаконенной мѣры. Оба преступника настолько оставили по себѣ въ губерніи страшную память, что скелеты ихъ поставлены на вѣчныя времена въ Анатомическомъ музеѣ Университета, гдѣ любопытные и теперь ихъ могутъ видѣть. О жизни Чайкина и Быкова слагались цѣлыя легенды. Они разбойничали нѣсколько лѣтъ, преимущественно, въ предѣлахъ Лаишевскаго уѣзда и частью въ Чистопольскомъ. Говорятъ, что Быковъ былъ человѣчнѣе Чайкина. Въ одномъ лѣсу онъ встрѣтилъ священника, ѣхавшаго съ дарами, и подошелъ къ нему. Указывая на большой дубъ, стоящій близъ дороги, онъ сказалъ представителю церкви:

— Служи подъ нимъ молебенъ!

Священникъ, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отказалъ странной просьбѣ прохожаго. Тогда разбойникъ воскликнулъ: „Я — Быковъ!“ Священникъ при этихъ словахъ чуть не умеръ отъ страха. Оправившись, онъ исполнилъ желаніе Быкова. Тотъ усердно молился и щедро заплатилъ за молебенъ. Полиція цѣлые годы разыскивала разбойниковъ. Они отлично гримировались и являлись открыто по торговымъ мѣстамъ губерніи. Увѣряютъ, что Быковъ, узнавши, что исправникъ поскакалъ его куда-то ловить, нарочно постарался съ нимъ встрѣтиться въ глухомъ, лѣсномъ мѣстѣ. Онъ шелъ съ боку большой дороги

въ костюмѣ скромнаго, рабочаго мужичка. Исправникъ остановилъ его вопросомъ:

— Не слыхалъ ты что-нибудь о Быковѣ и Чайкинѣ? Гдѣ они? Только бы мнѣ удалось ихъ поймать; я оставилъ бы имъ по себѣ память.

Мужичокъ свистнулъ. Неожиданно изъ лѣсу вышло десять вооруженныхъ человѣкъ. Исправникъ поблѣднѣлъ, а Быковъ, снявъ вѣжливо шапку, сказалъ:

— Я также желаю вамъ оставить по себѣ память.

Онъ приказалъ исправника разложить подъ деревьями и отсчитать ему двадцать пять горячихъ розогъ. Затѣмъ начальникъ былъ мирно отпущенъ.

О Чайкинѣ ходили больше мрачныя вѣсти. Пришелъ онъ въ одно селеніе, въ страдное время, и вошелъ въ первую попавшуюся избу. Въ ней, повидимому, никого не было, только съ печки раздавались слабые стоны. На ней лежала женщина въ послѣднихъ родовыхъ мукахъ. Чайкинъ, не задумываясь, зарѣзалъ страдалицу, распоролъ животъ и вынулъ младенца. При допросѣ онъ показалъ, что имъ руководило любопытство: въ какомъ видѣ находится ребенокъ во чревѣ матери? Всѣхъ жертвъ, погубленныхъ упомянутыми преступниками, насчитывали сотнями. Немудрено, что страшная память о Быковѣ и Чайкинѣ до сихъ поръ живетъ въ памяти казанскихъ обитателей. Описываемое мною время, вообще, было не совсѣмъ безопасно для длинныхъ путешествій въ экипажахъ. Лѣса во многихъ мѣстахъ стояли столѣтніе. О шалостяхъ въ нихъ приходилось слышать нерѣдко. Верстахъ въ двадцати отъ Казани былъ дремучій Собакинскій боръ, нынѣ вырубленный; по ночамъ его всѣ опасались проѣзжать. Въ немъ разбойничали Татары. Я помню, что, ѣхавши разъ съ отцомъ изъ деревни въ Казань черезъ селеніе Чубарово, мы увидѣли у крайней избы черную скамью, и на ней окровавленный трупъ неизвѣстнаго человѣка. Онъ только-что передъ нашимъ проѣздомъ былъ убитъ и ограбленъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Начало 1849 года наша семья провела въ Казани. Мы жили близъ Казанскаго монастыря, въ собственномъ домѣ. Домъ былъ не большой, но удобный и помѣстительный. Отца знала вся Казань, и насъ посѣщало высшее городское общество. Неизгладимо во мнѣ остался образъ прокурора, Гаврилы Ильича Солнцева. Откуда онъ былъ родомъ? Гдѣ онъ воспитывался? Сказать

не могу. Казанцы его считали глубокимъ ученымъ, такъ какъ онъ именовался докторомъ правъ. Онъ владѣлъ многими европейскими языками, писалъ и выражался красиво. Ходилъ онъ всегда во фракѣ съ нѣсколькими орденами на шеѣ и при звѣздѣ. Отъ постояннаго употребленія ордена? звѣзда и ленты почернѣли и замаслились, но Солнцеву, очевидно, до того было мало дѣла. Выступалъ онъ важно, заложивши руки въ карманы брюкъ, смотря пытливо кругомъ себя изъ-подъ густыхъ, нависшихъ надъ глазами, бровей. Волосы онъ имѣлъ сѣдые, даже съ желтизной. Когда я сталъ знать Гаврила Ильича, онъ былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти и въ отставкѣ. Отца онъ любилъ и навѣщалъ его часто. Солнцевъ пилъ запоемъ раза четыре въ годъ, и въ это время къ нему никого не допускали. По городу ходило множество курьезныхъ анекдотовъ о старикѣ. Когда онъ еще прокурорствовалъ, въ 1837 году, Казань посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ. Между губернскими властями ему представлялся и Солнцевъ. Государь, посмотрѣвъ пристально на него, громко произнесъ:

— Я слышалъ о вашихъ отличныхъ способностяхъ и о вашей несчастной склонности къ вину. Даю вамъ шесть мѣсяцевъ на исправленіе.

Послѣ отъѣзда императора прокуроръ отчаянно запилъ. При напоминаніи ему, что самъ Монархъ обратилъ на него свое вниманіе, Гаврила Ильичъ отвѣчалъ:

— Что вы ко мнѣ пристаете? Мнѣ Государь лично разрѣшилъ пить полгода подъ-рядъ.

Въ сороковыхъ годахъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа былъ назначенъ мѣстный помѣщикъ Модестъ Порфирьевичъ Молотиловъ [1]. Сдѣлавъ нужные визиты въ Казани, онъ почему-то забылъ Солнцева. Генералу напомнили, что именитаго старика нельзя игнорировать. Попечитель поѣхалъ къ прокурору лѣтомъ, какъ разъ во время сильнаго его запоя. Солнцевъ жилъ въ собственномъ, деревянномъ домѣ, въ Верхне-Ѳедоровской улицѣ. Босая горничная, въ деревенскомъ платкѣ на головѣ, совершенно растерялась, увидѣвъ неожиданно передъ собой параднаго посѣтителя. Она пробормотала, что баринъ въ саду.

Молотиловъ отправился по ея указанію. Передъ генераломъ предсталъ старикъ, нечесанный, съ табачными оттѣнками подъ

[1] Фамилія вымышлена.

носомъ, въ засаленномъ, полинявшемъ халатѣ, съ пришпиленной къ нему звѣздою и подпоясанный простою веревкой. Гость отрекомендовался.

Солнцевъ съ достоинствомъ протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Давно ожидалъ пріятнаго посѣщенія вашего. Пройдемтесь по аллеямъ; я васъ познакомлю съ преданными друзьями, среди которыхъ я коротаю время.

Съ любопытствомъ Молотиловъ послѣдовалъ за хозяиномъ дома. Кругомъ не было живой души. Въ саду царила тишина. Но вотъ предстала странная картина. Подъ каждымъ большимъ деревомъ стояло по ведерной бутыли, чѣмъ-то наполненной, и съ писанными ярлыками. На одной изъ нихъ значилось крупными буквами: „нашъ россійскій ерофеичъ", на другой: „семитравный пріятель", на третьей: „покаявшійся разбойникъ" и пр. Генералъ, сконфузившись, отступилъ, но Солнцевъ предупредительно замѣтилъ:

— Прошу не пренебрегать моими друзьями. Они люди хорошіе, честные, хотя не знатны, какъ вы. Откушайте.

Старикъ налилъ въ стаканъ ерофеича и поднесъ его гостю, послѣдній нервно отстранилъ стаканъ и сказалъ:

— Извините, я не пью.

Солнцевъ покачалъ головою.

— Кто меня застаетъ пьющимъ, тотъ самъ обязанъ напиться. Таковъ законъ, который неукоснительно соблюдается мною. Предупреждаю, что для упрямыхъ у меня имѣется предметъ для понужденія.

Прокуроръ показалъ на здоровенную плеть, висѣвшую на сукѣ сосѣдняго дерева. Молотиловъ оглядѣлся кругомъ, съ минуту подумалъ, и выпилъ залпомъ стаканъ.

— Отлично! воскликнулъ хозяинъ, перейдемъ къ раскаявшемуся разбойнику.

Такимъ образомъ послѣдовательно хозяинъ дома ознакомилъ генерала со своими друзьями и, наконецъ, прибавилъ:

— А теперь не желаете ли, ваше превосходительство, прокатиться верхомъ?

Молотиловъ обрадовался этимъ словамъ, разсчитывая скорѣе освободиться отъ пьянствующаго старика. Поэтому онъ отвѣчалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Солнцевъ хлопнулъ въ ладоши. Явился мальчикъ лѣтъ пятнадцати, въ грязномъ нанковомъ сюртукѣ и съ голыми ногами. Гаврила Ильичъ закричалъ:

— Живо, пару верховыхъ лошадей!

Не прошло минуты, какъ на сцену явились двѣ большихъ, выкрашенныхъ въ сѣрую краску палки, съ привязанными на концахъ веревочками.

Молотиловъ сказалъ:

— Что̀ это такое?

Прокуроръ серьезно отвѣтилъ:

— А это лошади, на которыхъ мы поскачемъ.

— Но вы смѣетесь надо мной?

— А вы, ваше превосходительство, полагали, что Солнцевъ въ Казани послѣдній человѣкъ? Вы жестоко ошиблись; я вамъ покажу, что я еще могу смѣяться надъ дураками.

Старикъ сѣлъ верхомъ на палку, прогарцовалъ предъ генераломъ, сдѣлавъ ему подъ козырекъ, и проговорилъ:

— Ну, Богъ съ вами! Поѣзжайте домой, но помните Солнцева. Его самъ Государь уважаетъ, а подданнымъ его и долгъ повелѣваетъ чтить заслуженнаго прокурора.

Въ гораздо позднее время, въ Казань назначенъ былъ губернаторомъ генералъ-лейтенантъ К. Правитель его канцеляріи, Василій Павловичъ Безобразовъ, послѣ сдѣланныхъ въ городѣ главныхъ визитовъ, вспомнилъ, что генералъ не заѣзжалъ къ Солнцеву. Поэтому, какъ-то въ праздникъ, К. отправился къ нему вмѣстѣ съ Безобразовымъ. Гаврила Ильичъ принялъ гостей въ кабинетѣ, въ которомъ никогда не выставлялись окна и не имѣлось форточекъ. Воздухъ въ комнатѣ царилъ ужасный. Старикъ былъ вѣжливъ съ гостями, просилъ ихъ курить, а самъ вышелъ изъ кабинета и заперъ дверь на замокъ.

Гости были освобождены только вечеромъ, просидѣвъ въ вонючемъ помѣщеніи около восьми часовъ.

Другимъ типичнымъ лицомъ въ моемъ дѣтствѣ является сестра моей матери, княгиня Прасковья Григорьевна Ен—ва. Она рано овдовѣла и обладала величественной наружностью. Брюнетка, какъ и моя матушка, княгиня имѣла тонкія и пріятныя черты лица. Она замѣчательно хорошо играла на рояли. Звуки свободно неслись изъ-подъ ея рукъ. Часто она импровизировала и приводила въ восторгъ слушателей. Послѣ сказаннаго читатель удивится, что у этой прекрасной женщины были самые бѣдные крестьяне въ уѣздѣ, ходившіе по міру по сосѣднимъ деревнямъ. Отецъ мой не любилъ княгини и не бывалъ у нея.

Ен – ва была добрая женщина, но лѣнива и безпечна отъ

природы. Всю жизнь она проводила въ гостиной, на диванѣ, или за роялемъ. Домомъ и сельскимъ хозяйствомъ управляли: дворецкій Василій Ивановичъ и его жена, Афимья Степановна. Послѣдняя разсердится на какого-нибудь крестьянина, придетъ къ барынѣ и доложитъ:

— Матушка, ваше сіятельство, Сидоръ Петровъ давеча не хотѣлъ идти на барщину. Его надо бы посѣчь.

Княгиня кротко отвѣтитъ:

— Ну, посѣки, Афимьюшка, да только немножко; такъ лишь попугай его.

А на конюшнѣ бѣднаго Сидора Петрова безпощадно исколотятъ подъ наблюденіемъ злобной и хитрой Афимьи и ея достойнаго супруга.

Такъ въ крѣпостное время велось дѣло не у одной моей тетки. Множество помѣщиковъ, отъ природы не злыхъ, не жадныхъ, совершали дурныя дѣянія собственно потому, что были безхарактерны и находились въ рукахъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, носившихъ оффиціально кличку ихъ же рабовъ.

Нерѣдко посѣщалъ наше семейство двоюродный братъ отца, Павелъ Андреевичъ Пѣхтинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Лѣто онъ проводилъ въ селѣ Глухаревѣ, въ сосѣдствѣ Тагашева, а зиму въ собственномъ домѣ въ Казани. Пѣхтинъ былъ пожилой человѣкъ, внушительной фигуры, носилъ рыжеватый парикъ, съ большимъ хохломъ, ходилъ, крѣпко опираясь на палку. Онъ никогда не разставался съ георгіевскимъ крестомъ. Про него одинъ изъ казанскихъ поэтовъ написалъ:

. . . . сей видный генералъ
Рожденъ, чтобы его прохожій почиталъ;
Къ гостямъ является онъ въ сюртукѣ на ватѣ,
А крестъ Георгія онъ носитъ на халатѣ.

Пріѣздъ генерала въ Тагашево для насъ, дѣтей, составлялъ цѣлую эпоху. И было чѣмъ любоваться. На большой дворъ въѣзжали два громадные экипажа. Впереди поѣзда гарцовалъ верхомъ наѣздникъ, съ ружьемъ черезъ плечо, сзади его двигалась коляска съ вооруженнымъ лакеемъ на козлахъ, съ генераломъ и генеральшею. Изъ коляски, за выходомъ изъ нея господъ, вынимались ружья, пистолеты и сабли, которые генералъ бралъ съ собою, какъ необходимыя принадлежности своего чина. Въ тарантасѣ помѣщался маленькій сынъ Пѣхтина съ гувер-

нанткою и нянькой. Оригинально, что гувернантка обязана была обращаться съ пятилѣтнимъ питомцемъ, какъ съ настоящимъ генераломъ, и величать его: ваше превосходительство. Пѣхтинъ, вообще, былъ человѣкъ добрый, но крайне чувствительный къ своему званію. Имѣніемъ онъ не занимался, а управлялъ имъ крѣпостной его человѣкъ Андрей, дѣлавшій съ крестьянами все, что ему хотѣлось. Если же при докладѣ Андрей забывалъ генералу говорить: „ваше превосходительство", то виновнаго немедленно отправляли на конюшню и пороли. Затѣмъ онъ обязанъ былъ явиться въ комнаты и благодарить барина за науку. При такомъ случаѣ самъ генералъ выносилъ Андрею рюмку водки и, какъ ни въ чемъ не бывало, произносилъ:

— Пей, на здоровье!

Андрей проглатывалъ водку, кланялся и отправлялся на деревню вымещать свое униженіе.

Помнится также мнѣ дальній нашъ родственникъ Илья Ивановичъ Мальтуковскій. Самовластный, грубый, съ нечесанными волосами, съ закрученными кверху усами, онъ не пропускалъ черезъ свое имѣніе „Княжую" ни одного помѣщика. Всякій мимоѣдущій обязанъ былъ отобѣдать у Мальтуковскаго и напиться пьянымъ. Крестьянъ онъ то безпощадно דралъ на конюшнѣ, то крестилъ у нихъ дѣтей и богато одаривалъ ихъ деньгами и скотомъ.

Всѣ сосѣди объѣзжали Мальтуковскаго, а битые имъ крѣпостные называли его „кормильцемъ" и говорили: „за каждымъ тычкомъ не угонишься, а вонъ онъ за битое рыло корову даритъ". Мой отецъ не совсѣмъ долюбливалъ Мальтуковскаго. Когда ему случалось ѣхать въ Осиновку, къ которой шла дорога черезъ „Княжую" Мальтуковскаго, отецъ, верстъ за пять до этого злосчастнаго селенія, кричалъ кучеру:

— Левка!! Объѣзжай подальше Ильюшку!

Левка ужь отлично понималъ, что значатъ эти таинственныя слова. На меня съ дѣтства неотразимо вліялъ также мой крѣпостной человѣкъ. Звали его Гаврилой. Онъ былъ лѣтъ тридцати и состоялъ камердинеромъ при отцѣ. Гаврила имѣлъ симпатичное лицо, слегка попорченное оспою. Умные, большіе глаза вдумчиво смотрѣли на человѣка, съ которымъ ему приходилось говорить. Гаврила все видѣлъ, все понималъ. Памятью онъ обладалъ феноменальною. Онъ зналъ наизусть не только „Конька Горбунка", „поэмы Пушкина и Лермонтова", но даже „Тараса

Бульбу“ и „Мертвыя души“. Гаврила не былъ грамотнымъ, а слушалъ, какъ читали мои старшіе братья, и всё читанное свободно запоминалъ навсегда. Гаврила искусно и краснорѣчиво разсказывалъ. Онъ зналъ множество сказокъ, и я его заслушивался. Высшее наслажденіе было для меня присосѣдиться къ Гаврилѣ вечеромъ въ лакейской, когда онъ сядетъ на скамью, подобравъ подъ себя ноги, и что-нибудь шьетъ. Гаврила зналъ портняжное ремесло. Тутъ я погружался вмѣстѣ съ разсказчикомъ въ волшебный міръ, перелеталъ моря на коврѣ-самолетѣ, сражался съ богатырями или змѣемъ, искалъ царь-птицу въ недоступныхъ странахъ. Чудное, невозвратное время!

Однако я долженъ признаться, что открытый мнѣ Гаврилой міръ заставилъ меня усиленно любить книгу. Я задавался вопросомъ: не выдумалъ же Гаврила все, что онъ такъ прекрасно передавалъ въ сказкахъ, а навѣрно онѣ гдѣ-нибудь напечатаны? И вотъ, потихоньку отъ всѣхъ, на деньги, которыя мать иногда давала мнѣ на лакомства, я покупалъ на толкучкѣ разныя книжки. Я помню, что тогда я въ какомъ-то сборникѣ прочелъ „Горную идиллію“ Гейне.

Замѣчательно, что Гаврила въ крѣпостное право не выпилъ рюмки водки, а со дня освобожденія крестьянъ запилъ горькую и покончилъ жизнь у порога кабака. Между тѣмъ онъ былъ очень самолюбивъ, и простой выговоръ отца приводилъ его въ возбужденіе. Въ 1865 году, слѣдовательно, четыре года спустя послѣ эмансипаціи, произошелъ у насъ въ домѣ слѣдующій мелкій, но характерный случай. Гаврила, служившій, какъ и прежде, при моемъ отцѣ, чѣмъ-то ему не угодилъ, и отецъ хотѣлъ его сгоряча ударить. Гаврила почтительно замѣтилъ:

— Нѣтъ, батюшка, Павелъ Яковлевичъ, нынче драться нельзя, а то можно и мировому пожаловаться.

Отецъ задумался и даже затосковалъ.

— Какъ, говорилъ онъ мнѣ,—Ганька, котораго я въ крѣпостное время могъ бить безнаказанно, теперь грозитъ мнѣ мировымъ судьей! И странное дѣло: когда можно было драть, я не дралъ никого, а теперь такъ руки и зудятъ. Уговори пожалуста Ганьку, чтобъ я его побилъ. Ну, что у него убудетъ, если его же старый, прирожденный баринъ побьетъ ему морду?

Мнѣ стало жалко этого добраго, благороднѣйшаго человѣка, не могшаго примириться съ новыми требованіями эпохи, ему невѣдомыми и чуждыми.

Нечего дѣлать, пошелъ говорить съ Гаврилой. Я ему доказывалъ, что отецъ, когда могъ, никогда его не обижалъ; что можно и потѣшить старика, сказавъ ему: „Богъ съ вами, обижайте, коли хотите". Гаврила махнулъ рукой и отправился въ кабинетъ.

— Ты что̀? спросилъ отецъ.

— Да пришелъ къ вашей милости. Простите, что позволилъ себѣ вамъ отвѣтить. Прибейте меня, дурака.

Отецъ улыбнулся. Онъ быстро вынулъ изъ-подъ подушки бисерный кошелекъ, вынулъ изъ него бумажку и подалъ ее слугѣ.

— Слушай, сказалъ онъ,—вотъ тебѣ три рубля за напрасную обиду. Но помни, затрещина будетъ за тобой, если ты чѣмъ-нибудь меня разсердишь. Теперь же я драться не могу. Вѣдь, я не звѣрь.

Со дня упомянутаго событія Гаврила и отецъ мирно жили. Гаврила и глаза закрылъ своему барину.

Въ іюлѣ 1849 года пришла бумага о доставленіи меня осенью во Второй Московскій Кадетскій Корпусъ. Съ трепетомъ я прислушивался къ разговорамъ объ ожидающей меня будущности. И вотъ, наступило 9 октября, когда я разстался съ дѣтствомъ, родными и Казанью. Только-что экипажъ выѣхалъ изъ нашей улицы и приблизился къ Казанскому монастырю, громадная масса народа загородила намъ путь. Оказалось, что въ ту минуту втаскивали большой колоколъ на колокольню.

— Это поднимается завѣса твоей новой жизни, проговорила сквозь слезы моя матушка,—и да будетъ благословеніе Божіе на вѣки съ тобой.

Я заплакалъ. Смутно передо мной мелькали сотни домовъ, экипажей, прохожихъ. Наконецъ мы очутились среди пустырей, покатили по какой-то узкой, возвышенной дорогѣ, по сторонамъ которой тянулись въ широкую даль зеленые луга. Вотъ мы и у переправы. Это Волга съ ея неизмѣримымъ просторомъ, ея красивымъ, нагорнымъ берегомъ, покрытымъ вѣковымъ лѣсомъ. А тамъ, за этою многоводною рѣкой, открывается мнѣ невѣдомая, еще невиданная даль, еще прикрытая таинственными завѣсами жизнь.

Прощай, мое дѣтство!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Суворовъ.

ВЫБОРНОЕ НАЧАЛО ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ САМОУПРАВЛЕНІИ.

На дняхъ прочелъ въ газетахъ о томъ, что въ Государственный Совѣтъ внесенъ проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, чтобы жалованье волостному и сельскому начальству, назначаемое обществомъ, могло бы быть увеличено Губернскимъ Присутствіемъ по представленію Уѣзднаго Съѣзда. Давно не приходилось читать болѣе отраднаго извѣстія для лицъ близко стоящихъ къ сельскому управленію. Дѣйствительно, что могло быть безобразнѣе уменьшенія жалованья старшинамъ, писарямъ, старостамъ, не угодившимъ обществу большею частью потому, что слишкомъ усердно исполняли приказанія земскихъ начальниковъ и старались вывести деревню изъ того хаотическаго состоянія, въ которое она ввергнута дарованнымъ ей безграничнымъ самоуправленіемъ. Хорошо бы было, опредѣливъ минимумъ жалованья, не предоставлять сельскимъ сходамъ и права награждать угодныхъ ему начальниковъ безумнымъ возвышеніемъ цифры жалованья, какъ то кое-гдѣ практикуется; но этотъ вредъ можетъ быть парализованъ другими путями. Главное имѣетъ быть рѣшено на этихъ дняхъ, и благодатные результаты этой мѣры не замедлятъ обнаружиться.

Но можно ли намъ будетъ надѣяться, что эта мѣра будетъ только началомъ цѣлой серіи другихъ мѣръ, которыя сами собою напрашиваются, если поближе вникнуть въ сущность крестьянскаго самоуправленія? Удивительное дѣло! принципъ избирательный, полезный въ хозяйственныхъ органахъ самоуправленія (земства, думы), признанъ въ послѣднее время неудобнымъ по отношенію къ администраціи и суду—отмѣнено выборное начало

для непремѣннаго члена и мироваго судьи и замѣнено назначеніемъ земскихъ начальниковъ. Другими словами, земства и думы признаны неспособными избирать судей и административныхъ чиновниковъ. Остается выборное начало внѣ хозяйственныхъ функцій у дворянства, избирающаго себѣ предводителя, предсѣдательствующаго во всевозможныхъ коллегіальныхъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, и у крестьянскихъ общинъ, самихъ себѣ избирающихъ судъ и начальство до старшины включительно. Еслидворянство, вѣками пользующееся правомъ выбора предводителей, доказало свою способность выбирать лучшихъ людей, то врядъ ли то же самое можно сказать о выборахъ крестьянскихъ. Мнѣ кажется нельзя себѣ представить что-либо болѣе безобразное и губительное, чѣмъ выборное начало у крестьянъ, и нельзя не подивиться, что въ самодержавной Россіи до сихъ поръ можетъ существовать отвергнутый выборный принципъ именно тамъ, гдѣ онъ наиболѣе вреденъ. Кому извѣстно, какъ происходятъ крестьянскіе выборы, не можетъ не скорбѣть какъ о самихъ крестьянахъ и о выборныхъ ими начальникахъ, такъ и о земскомъ начальникѣ, который призванъ вводить въ деревнѣ порядокъ, наблюдать за правосудіемъ, но котораго предварительно связали по рукамъ и по ногамъ. Если спросить себя, можетъ ли земскій начальникъ слѣдить за благоповеденіемъ тридцатитысячнаго крестьянскаго населенія одинъ, не имѣя ни одного помощника, вполнѣ отъ него зависящаго, то очевидно придешь къ заключенію, что руки у него отвалятся послѣ непродолжительной борьбы съ тѣми дикими элементами, которые онъ призванъ обуздывать. Попробую нарисовать картинку крестьянскаго самоуправленія въ худшей его функціи, именно въ выборѣ себѣ начальства и суда.

Исполнилось трехлѣтіе службы старостъ, судей, старшинъ, начинаются выборы съ меньшихъ, со старостъ. Собираются сходы, на которыхъ земскому начальнику далеко не всегда возможно присутствовать лично; на этихъ сходахъ присутствуетъ старшина. Если старшина служитъ иногда нѣсколько трехлѣтій подъ-рядъ, то никогда почти этого не бываетъ съ сельскимъ старостой. Сельскій староста, какъ лицо менѣе видное, чѣмъ старшина, и получающее большею частью незначительное жалованье, никогда почти не окупающее расходовъ по службѣ, всегда воспользуется своимъ правомъ отказаться отъ вторичнаго избранія послѣ трехлѣтней службы. Да и сходомъ уже такъ принято, что

долго въ старостахъ засиживаться нечего: подъ конецъ трехлѣтія староста успѣваетъ освоиться съ требованіями земскаго начальника и тѣмъ самымъ дѣлается для мужиковъ не сподручнымъ. И такъ на сельскомъ сходѣ, собравшемся избирать старосту, объ оканчивающемъ свой срокъ уже не говорятъ, ищутъ новаго, большею частью многосемейнаго, чтобы было кому дома работать. Предлагаютъ Ивана. Иванъ проситъ его освободить, выставляя разные резоны: отецъ старъ, брата въ солдаты скоро возьмутъ. Такъ какъ земскій начальникъ не прибылъ, а старшина самъ скоро будетъ выбираться, а потому всячески готовъ мирволить мужикамъ, то мужики безъ стѣсненія требуютъ съ Ивана на ведро водки, въ видѣ отступнаго, посылаютъ сельскаго десятскаго за водкой въ кабакъ и ее распиваютъ, а между тѣмъ къ допросу приводятъ другихъ Ивановъ, Семеновъ, Панкратовъ и выпиваютъ съ кого четверть, съ кого ведро. Когда выпитаго вина покажется имъ довольно, то приступаютъ къ выборамъ серьезнымъ и останавливаются на какомъ-нибудь мужичишкѣ, который и ихъ сажать въ холодную не будетъ, да и самъ посидѣтъ не побоится. Пишется приговоръ, и староста утверждается земскимъ начальникомъ, не имѣющимъ повода его не утвердить. Впрочемъ, въ большихъ обществахъ, гдѣ на каждый почти сходъ ждутъ самого земскаго, да и выпивать опасно на сходѣ—опять-таки земскій узнаетъ—происходитъ варіантъ: тутъ Иваны, Семены, Панкраты заранѣе въ теченіе нѣсколькихъ дней угощаютъ міроѣдовъ и крикуновъ, чтобы ихъ на сходѣ и не упоминали. Тутъ выборы кончаются скорѣе: кандидатъ уже заранѣе намѣченъ.

На сельскихъ же сходахъ происходятъ выборы кандидата въ волостные судьи. Въ волостные судьи выборы производились только разъ по введеніи положенія земскихъ начальниковъ, вездѣ служились молебны, земскіе начальники говорили рѣчи, ожидали власти строгой, справедливой, кое-кто изъ міроѣдовъ и крикуновъ побоялся выступать впередъ по обыкновенію. Выбрали первыхъ людей. Первые судьи прекрасны, предсѣдатели строги, дѣлу преданы, волостнаго суда дурные люди боятся, несмотря на филантропію съѣздовъ, которые нѣтъ-нѣтъ да утвердятъ правильное рѣшеніе. (Въ другой разъ я постараюсь доказать, что при теперешнемъ судопроизводствѣ такія ошибки съѣзда неизбѣжны). Иное дѣло будетъ при вторыхъ выборахъ, какъ уже и доходятъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ таковые производились. Составъ судей гораздо хуже, прежніе не были выбраны, такъ какъ стро-

гость ихъ не понравилась обществамъ, да и у самихъ-то судей энергія ослабѣваетъ при видѣ отмѣны самыхъ правильныхъ рѣшеній съѣздами. Но объ этомъ до другаго раза.

Итакъ, вѣроятно, испортится благодаря выборному началу и волостной судъ, а это жалко. Перейдемъ къ старшинѣ. Сельскіе сходы свои дѣла справили. Начальство сельское выбрано, приговоры написаны, вновь избранные утверждены земскимъ начальникомъ. Собирается съ разрѣшенія земскаго начальника волостной сходъ для выбора старшины. Совсѣмъ плохаго человѣка въ старшины выбрать нельзя: земскій замучаетъ штрафами и арестами, а съѣздъ прогонитъ по представленію земскаго; пить къ тому же на волостныхъ сходахъ не полагается: земскій узнаетъ и проберетъ,—но и строгаго старшину не выберутъ. Былъ старшина послѣднее трехлѣтіе хитеръ и земскому угождалъ на столько, чтобы не уволилъ, и мужикамъ мирволилъ, на сколько это было совмѣстимо съ первымъ условіемъ,—такого старшину выберутъ. Но если старшина исполнялъ свои обязанности такъ, какъ было бы желательно, т.-е. обо всемъ доводилъ до свѣдѣнія земскаго начальника, въ точности исполнялъ его приказанія, каралъ за пьянство, самъ съ мужиками никогда не пилъ, то такого врядъ ли выберутъ.

Такимъ образомъ въ старшины большею частію попадаетъ человѣкъ смирный, ни ракъ, ни рыба, ни слишкомъ плохъ, такъ что его терпитъ начальникъ, ни слишкомъ требователенъ, чтобы мужикамъ былъ не въ тягость.

Еще хуже дѣло обстоитъ съ писарями. Весьма ложно представленіе о писарѣ: писарь если не по закону, то на дѣлѣ главное лицо въ волости и въ селѣ. Какихъ-какихъ только дѣлъ онъ не передѣлаетъ, какихъ только свѣдѣній не доставляетъ. Развѣ въ Морскомъ Министерствѣ нѣтъ свѣдѣній, дошедшихъ, конечно, чрезъ различныя инстанціи, но въ дѣйствительности собранныхъ волостнымъ писаремъ, не говоря обо всѣхъ дѣлахъ земскаго начальника и о разныхъ полицейскихъ свѣдѣніяхъ. Кто не пользуется работой волостнаго писаря? и волостной судъ, коего онъ состоитъ дѣлопроизводителемъ при полуграмотныхъ судьяхъ, и воинскія присутствія, и акцизныя управленія и статистики всевозможныя, доходящія до Комитета Министровъ—о, Боже! Эти статистики! Да не знаю, трудно сказать, кѣмъ еще составляются статистики (я говорю о деревнѣ), какъ не волостнымъ писаремъ? А знаніе законовъ? Къ кому можетъ обратиться

староста или старшина, какъ не къ писарю? Вѣдь не забудьте: любой староста, да и старшина иной, какъ возьмется читать законъ, то не возьметъ ли книгу кверху ногами? Итакъ, писарь все, и не можетъ не быть все при нынѣшнемъ порядкѣ. И этотъ писарь назначается самими мужиками. Я знаю мѣсто, гдѣ должность писаря сдается съ торговъ: кто дешевле. А земскій начальникъ? Земскій начальникъ можетъ его уволить, если онъ неблагонадеженъ, а тамъ опять торги. Другое было бы дѣло, еслибы старшина и староста назначались земскимъ начальникомъ безъ ограниченія срока, тогда и писарь бы не имѣлъ такого значенія, и старшина и староста назначались бы дѣльные и грамотные; они были бы фактическими начальниками, — первый — волости, второй — селенія, — а не писарь. И то ни въ какомъ случаѣ нельзя бы предоставлять обществу нанимать этого писаря. Какъ ни говори, а дѣлопроизводитель волостнаго суда — важное лицо: одно и то же рѣшеніе можетъ быть утверждено съѣздомъ при дѣльномъ дѣлопроизводителѣ и десять разъ кассировано, если дѣлопроизводитель плохъ. Писарь есть канцелярія волости, выпускающая отъ тысячи до трехъ тысячъ нумеровъ въ годъ, а кто не знаетъ, какъ важно всякому администратору имѣть дѣльнаго правителя канцеляріи, а тутъ эти мѣста сдаются съ торговъ! Такого рода порядки едва ли могутъ идти рука-объ-руку съ желаніемъ имѣть твердую власть. Писарь долженъ назначаться земскимъ начальникомъ, какъ и всякій другой сельскій начальникъ.

Итакъ, вотъ каковъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ составъ сельскаго начальства. Посмотримъ, какъ съ такими помощниками можетъ исполнять Царскую волю, то-есть вводить порядокъ въ деревнѣ, земскій начальникъ. Дѣло какого бы то ни было административнаго управленія пойдетъ очень плохо, если ограничиваться бумажнымъ производствомъ. Если земскій начальникъ ограничится тѣмъ, что будетъ принимать жалобы, направлять ихъ въ подлежащій судъ, административныя дѣла передавать либо на сельскій сходъ, либо на распоряженіе старшины или старосты, то врядъ ли достигнетъ хорошихъ результатовъ. Старшина, при мало-мальски ловкомъ писарѣ, всегда будетъ правъ, всегда дѣло выставится въ такомъ видѣ, что жалоба на него несправедлива, и бумажное производство такъ и останется бумажнымъ производствомъ. Нѣтъ, не таково назначеніе земскаго начальника. Прежде чѣмъ занумеровывать дѣло, почти всякую жалобу слѣдуетъ разобрать самому земскому на-

чальнику на мѣстѣ или, вызвавъ стороны къ себѣ, стараться разрѣшить споръ, не заводя дѣла. Непосредственнымъ вліяніемъ на сходы—совѣтомъ, авторитетнымъ словомъ слѣдуетъ стараться пріучать сходъ не нарушать правъ отдѣльныхъ его членовъ, а не записывая жалобы съ тѣмъ, чтобъ изъ 10 случаевъ въ девяти жалоба оставлялась безъ послѣдствій. Вывести крестьянскія дѣла изъ канцелярскаго чиновничьяго омута, наблюдать за исполненіемъ закона не на бумагѣ, а въ жизни, однимъ словомъ, пріучать народъ къ той свободѣ, которую онъ получилъ, приготовить его къ пользованію самоуправленіемъ, которое слишкомъ широко ему было предоставлено послѣ освобожденія, ввести законъ въ жизнь такъ, чтобы не былъ законъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ, не отписываться и не требовать отписыванія отъ своихъ подчиненныхъ, а работать надъ упорядоченіемъ несчастной крестьянской доли,—вотъ обязанность земскаго начальника. Если уже обязанъ быть крестьянинъ рабомъ своей общины,—рабство въ тысячу кратъ болѣе разорительное, чѣмъ прежнее,—то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ ввести надъ этою общиной дѣйствительный контроль. Контроль, впрочемъ, и введенъ, повидимому, закономъ 12 іюля 1889 года, но исполнимъ ли онъ, не наложена ли на земскаго начальника непосильная работа, не связаны ли у него руки навязываемымъ ему тою же контролируемою общиной сельскимъ начальствомъ?

Старостѣ и обществу обоюдно выгодно другъ другу мирволить, другъ друга скрывать; поэтому весьма затруднительно на сходѣ разобрать жалобу на старосту: староста всегда выходитъ правъ. Остается только наблюдать за исполненіемъ полицейскихъ обязанностей, но развѣ это назначеніе земскаго начальника? Да, наконецъ, если и удастся неусыпнымъ наблюденіемъ и строгостью кое-что сдѣлать изъ старосты, то это именно къ концу его трехлѣтней службы, когда ему приходится сдавать свой значекъ преемнику. Можно ли надѣяться на достиженіе какихъ бы то ни было благихъ результатовъ безъ *довѣрія* къ сельскому начальству? Не упадетъ ли энергія земскаго начальника, пошедшаго на службу, чтобы, по Царскому слову, принести посильную пользу?

Какія же могутъ быть причины этого страннаго порядка вещей? Вѣдь назначаются же теперь всѣ служащіе всѣхъ вѣдомствъ. Почему же исключеніе для старшины, старосты и писаря? Неужели земскій начальникъ не заслуживаетъ настолько довѣрія,

чтобы даже не назначать, а представлять къ назначенію подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Другой причины кромѣ недовѣрія я не вижу. Между тѣмъ всѣ служащіе всѣхъ вѣдомствъ представляютъ своихъ кандидатовъ на разныя мѣста. Смѣло могу сказать, что то преобразованіе, о которомъ я говорю, имѣло бы не меньшее значеніе, чѣмъ законъ о земскихъ начальникахъ. Всякій законъ можетъ быть хорошъ только тогда, когда въ ряду другихъ законовъ онъ составляетъ неразрывную цѣпь, исходящую изъ одного принципа. Благодареніе Господу Богу, мы перестали увлекаться принципами самоуправленія, самоизбиранія, самонагражденія и т. д., мы почувствовали твердое желаніе упорядочить сельскій бытъ введеніемъ правительственной власти. Да будетъ же принципъ власти послѣдовательно проведенъ отъ ступеней Престола до наимельчайшихъ сосудовъ государственнаго организма, да не остановится реформа на полдорогѣ, почему кажется лишеннымъ цѣлостности реформированный законъ!

Насколько легко это сдѣлать, я постараюсь вкратцѣ изложить. Оговариваюсь, я не знаю подробностей внесеннаго въ Государственный Совѣтъ проекта, и поэтому изложу свои мысли такъ, какъ будто бы никакого проекта не вносилось.

Волостное начальство и волостной судъ, а также канцелярія ихъ, то-есть писаря, должны назначаться отъ правительства: волостные старшины и предсѣдатели волостныхъ судовъ съѣздомъ или губернаторомъ по представленію земскаго начальника, старосты и судьи—земскимъ начальникомъ по представленію старшины и предсѣдателя суда, писаря—земскимъ начальникомъ единолично.

Тотъ фактъ, что такого рода преобразованіе не введено одновременно съ закономъ 12 іюля 1889 г., мнѣ кажется, можетъ быть объясненъ только какимъ-то недовѣріемъ къ вводимому институту земскихъ начальниковъ, недовѣріемъ, проглядывающимъ, къ сожалѣнію, не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ статьяхъ новаго законоположенія. Конечно, нѣтъ той грязи, которой не готовы были бы бросить въ земскихъ начальниковъ враги этого института. Отъ одного яраго защитника мироваго суда мнѣ пришлось даже слышать вопросъ, увѣренъ ли я, что всѣ земскіе начальники, при назначеніи сельскаго начальства, остались бы не замаранными по отношенію къ взяткамъ. На такого рода инсинуаціи и отвѣчать не стóитъ. Среда, изъ которой назначаются земскіе начальники, способъ ихъ назначенія,

по предварительному согласію губернатора и предводителя дворянства, несомнѣнно исключають всякую возможность такихъ предположеній, основанныхъ не на истинѣ, а только на желаніи какъ-нибудь дискредитировать само учрежденіе. Неужели земскій начальникъ заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ чиновники всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ, назначающихъ себѣ подчиненныхъ или дѣлающихъ представленія о назначеніи ихъ высшимъ начальствамъ.

Другое возраженіе, съ виду довольно вѣское, можетъ быть сдѣлано противъ лишенія крестьянскихъ обществъ права выбирать себѣ начальниковъ. По 185 ст. Общ. Полож. мірскія суммы, за выдачей въ волость податей и волостныхъ суммъ, остаются въ обществѣ. По 184 ст. того же Положенія даже порядокъ счетоводства опредѣляется сходами! Трудно вѣрить, чтобы такіе промахи въ общемъ положеніи не были исправлены. Земствамъ, думамъ, всякимъ кредитнымъ учрежденіямъ, Высочайше утвержденнымъ торговымъ товариществамъ предписаны извѣстныя формы счетоводства и контроль надъ ними разносторонній, строгій. Крестьянское же общество (беру для примѣра село Старое Сеславино Козловскаго уѣзда), состоящее изъ тысячи ста домовъ, имѣющее 7½ тысячъ жителей, владѣющее 25.000 десятинами земли, строющее стотысячныя церкви, — это село хранитъ свои деньги, у кого желаетъ, счетоводство само изобрѣтаетъ, причемъ, не забудьте, изъ тысячи ста домохозяевъ грамотныхъ только 60! Ну не насмѣшка ли это надъ здравымъ смысломъ? Ну какъ послѣ этого мірскимъ деньгамъ не идти въ кабакъ? Ни одинъ земскій начальникъ не провѣритъ ихъ приходовъ и расходовъ. А растрата? Рѣдкій, да и не изъ ихъ только среды, не будетъ введенъ во искушеніе. Неудивительно послѣ этого, что дѣла о растратахъ общественныхъ денегъ старостами два-три года лежатъ у слѣдователя, прежде чѣмъ онъ въ нихъ разберется, да и кончаются они почти всегда оправданіемъ: помилуйте, вѣдь онъ неграмотный, а тутъ счетоводство невозможное, какъ ему не запутаться?

Вотъ это-то храненіе мірскихъ денегъ у старшины и старосты и исключаетъ какъ будто бы возможность назначенія ихъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ самихъ крестьянъ.

Но какъ есть въ обществахъ сборщики податей, такъ можетъ быть таковой и въ волости. Вотъ эти-то сборщики и должны быть казначеями, а никакъ не старшины и старосты. Стар-

шина и староста заняты другими дѣлами кромѣ счета денегъ, да и свойства, требуемыя отъ дѣятельнаго казначея, иныя. А такъ какъ всѣ расходы до мельчайшихъ должны быть производимы не иначе какъ по сельскимъ и волостнымъ приговорамъ, то и обязанность сборщика заключалась бы только въ полученіи и выдачѣ денегъ по приговорамъ, то-есть была бы чисто казначейская. Эти сборщики или казначеи, конечно, должны бы избираться обществами, которыя, зная ихъ права и обязанности, стали бы избирать людей состоятельныхъ, трезвыхъ, тихихъ, отъ которыхъ не требовалось бы никакой распорядительности, а только вышеназванное качество. Вотъ, мнѣ кажется, какъ могло бы быть обойдено это возраженіе. Разъ старшина и староста не обязаны хранить общественныхъ денегъ, то и назначеніе ихъ административною властью не можетъ показаться посягательствомъ на право крестьянъ распоряжаться своими деньгами.

Еще мнѣ приходилось слышать, что не все ли равно? вѣдь и теперь земскій начальникъ всегда можетъ представить старшину и старосту къ увольненію; Съѣздъ никогда ему въ этомъ не откажетъ, и онъ можетъ добиться такимъ образомъ выбора угоднаго ему кандидата. На это я могу отвѣтить, что, во-первыхъ, не всегда это возможно, что очень часто сходъ не выбираетъ именно того, кто показался хорошимъ земскому начальнику, во-вторыхъ, чтобы представить человѣка къ увольненію недостаточно мотивировать представленіе нераспорядительностью или слухами о его пьянствѣ, или иныхъ поступкахъ, а нужно поймать его на мѣстѣ преступленія или имѣть вѣскіе доводы, на что требуется много времени, въ-третьихъ, наконецъ, трехлѣтній срокъ, на который они избираются окончательно, лишаетъ земскаго начальника возможности видѣть должности старосты, старшины и судей упроченными за одними и тѣми же лицами на болѣе долгіе промежутки времени, что необходимо для пользы дѣла.

Перехожу ко второй части моего проекта—къ назначенію жалованья сельскому начальству. Предоставленіе права Губернскому Присутствію назначать жалованье, конечно, будетъ очень хорошо, но мнѣ кажется еще было бы проще и вело бы къ большему однообразію по всей Россіи, еслибы были опредѣлены нормы. Пропорціональность жалованья числу наличныхъ мужскихъ душъ въ волости невозможна, такъ какъ маленькая волость въ тысячу душъ, платя, напримѣръ, по 10 коп. съ души старшинѣ, платила бы

ему всего 100 руб., что̀ слишкомъ мало, волость въ 10.000 мужскихъ душъ платила бы старшинѣ 1000 руб., что̀ слишкомъ много. То же можно сказать и о сельскихъ обществахъ. Слѣдующія нормы мнѣ казались бы самыми правильными.

Волости до трехъ тысячъ мужскихъ наличныхъ душъ платили бы старшинѣ 240 руб., волостному писарю 240 руб., помощнику писаря 90 руб., предсѣдателю суда 60 руб., каждому судьѣ по 30 руб.

Волости, состоящія изъ 3—6 тысячъ душъ, платили бы волостному старшинѣ 360 руб., волостному писарю тоже 360 руб., помощнику волостнаго писаря 120 руб., второму помощнику 90 руб., предсѣдателю суда 90 руб., судьямъ по 50 руб.

Наконецъ, волости, имѣющія болѣе шести тысячъ душъ, платили бы старшинѣ 480 руб., волостному писарю тоже 480 руб., помощнику 180 руб., второму помощнику 120 руб., предсѣдателю суда 150 руб., судьямъ по 75 руб.

Такимъ же образомъ и для обществъ можно бы установить нормы жалованья сельскимъ начальникамъ и писарямъ.

Такъ сельское общество до 200 душъ платило бы старостѣ по 30 коп. съ души (для такихъ маленькихъ обществъ инаго кромѣ пропорціональнаго назначенія быть не можетъ, такъ какъ есть общества въ 3—4 двора). Въ такихъ маленькихъ деревняхъ сельскій писарь не нуженъ.

Общество въ 200—500 душъ платило бы старостѣ 120 руб., сельскому писарю 90 руб. и, наконецъ, большія общества съ бо̀льшимъ чѣмъ 500 числомъ душъ платили бы старостѣ 180 руб., а сельскому писарю 120 руб. въ годъ.

Въ этомъ примѣрномъ назначеніи можетъ показаться преувеличеннымъ жалованье писарямъ, въ особенности тамъ, гдѣ эти мѣста сдаются теперь съ торговъ. Но не надо забывать, что, какъ я уже и старался доказать, волостной писарь—лицо весьма важное, и не скоро еще придетъ то время, когда мужикъ будетъ въ состояніи самъ провѣрить свою податную книжку, самъ провѣрить, какъ ему написано условіе, и сходится ли показаніе его записанное въ книгѣ волостнаго суда съ тѣмъ, что̀ онъ дѣйствительно показывалъ,—до тѣхъ поръ писарь будетъ властвовать въ волости и въ селѣ, до тѣхъ поръ на писаря нужно смотрѣть не какъ на писца, а какъ на одно изъ лицъ сельскаго управленія, и притомъ лицо весьма важное и довѣренное.

При принятіи этихъ нормъ, расходъ на сельскія начальства и

волостныя правленія, такъ называемый частный мірской сборъ, простирался бы отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Таковъ онъ и теперь. Назначеніе такого рода жалованья, и на этомъ я настаиваю, вовсе не увеличило бы крестьянскихъ расходовъ, а только бы ихъ урегулировало, сдѣлало бы невозможнымъ назначеніе одновременно 60 руб. старшинѣ строгому и 200 руб. угодному обществу старостѣ.

Тѣ измѣненія въ законодательствѣ, которыя бы вызвала такого рода реформа, были ли бы весьма просты и заключались бы въ слѣдующемъ:

1) 51 ст. Общ. Полож. должна бы гласить такъ: вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ: а) выборы сельскихъ должностныхъ лицъ кромѣ старосты, назначаемаго на неопредѣленное время земскимъ начальникомъ, по представленію волостнаго старшины, и кандидатовъ въ волостные судьи, назначаемыхъ тоже земскимъ начальникомъ, по представленію предсѣдателя волостнаго суда, и назначеніе выборныхъ на волостной сходъ, б) и такъ далѣе.

2) 78 ст. Общ. Полож. преобразовалась бы въ слѣдующую: вѣдѣнію волостнаго схода подлежатъ: выборы волостнаго сборщика или казначея, причемъ старшина и предсѣдатель суда утверждаются Уѣзднымъ Съѣздомъ (или губернаторомъ) по представленію земскаго начальника на неопредѣленное время.

3) 112 ст. приняла бы слѣдующій видъ: по выбору замѣщаются должности сборщиковъ податей, каковая должность обязательна во всѣхъ обществахъ и волостяхъ, волостные же старшины, сельскіе старосты, предсѣдатели и судьи волостныхъ судовъ назначаются по опредѣленному 51 и 78 статьями порядку.

4) 115 ст. Общ. Полож. пришлось бы измѣнить такъ: въ должность волостнаго и сельскаго писаря могутъ быть назначаемы *земскимъ начальникомъ* лица и т. д.

5) 29 ст. Полож. о земск. нач. расширила бы власть земскаго начальника по отношенію къ волостнымъ и сельскимъ писарямъ, предоставивъ ему право не только удалять, но и *назначать* ихъ.

6) Измѣнилась бы и 2-я ст. врем. прав. о вол. суд., замѣной избранія кандидатовъ въ волостные судьи сельскими обществами назначеніемъ ихъ земскимъ начальникомъ по представленію предсѣдателя волостнаго суда.

7) Наконецъ, 184 и 185 ст. Общ. Полож., отнявъ право опредѣленія порядка счетоводства по мірскимъ сборамъ и храненія

мірскихъ денегъ у сельскаго и волостнаго схода, возлагали бы обязанность опредѣлять этотъ порядокъ на Губернскія Присутствія.

Вотъ тѣ немногія измѣненія, которыя потребовались бы въ настоящемъ законодательствѣ при введеніи столь важной и необходимой реформы. Можетъ-быть, соотвѣтственно пришлось бы измѣнить нѣкоторыя статьи какъ Общаго Положенія, такъ и Положенія о земскихъ начальникахъ, но мнѣ эти измѣненія на умъ не приходятъ — эта кодификаціонная работа легко можетъ быть сдѣлана любою канцеляріей.

Конечно, не однимъ измѣненіемъ выборнаго начала для сельскаго и волостнаго начальства и не однимъ назначеніемъ опредѣленнаго жалованья этимъ лицамъ исчерпываются всѣ желательныя измѣненія общаго и мѣстнаго положеній. Сколько непредвидѣнныхъ случаевъ, сколько противорѣчій, сколько недомолвокъ, сколько неясностей пришлось бы измѣнить. Какимъ недовѣріемъ къ земскимъ начальникамъ дышетъ все Положеніе 12 іюля 1889 года! Странно сказать, но, кажется, была какая-то сила, которая тормозила дѣло законодателя; во многихъ статьяхъ видно съ одной стороны желаніе дать земскому начальнику какое-то право, съ другой—боязнь, какъ бы онъ этимъ правомъ не злоупотреблялъ, и стремленіе какъ будто парализовать это право. Можетъ-быть, въ будущемъ мнѣ и придется вернуться кое къ какимъ странностямъ существующаго законодательства, но, во всякомъ случаѣ, подробный разборъ его во всѣхъ частяхъ былъ бы мало интересенъ для большинства читателей, а потому я ограничусь сдѣланнымъ мною указаніемъ на вредъ выборнаго начала въ крестьянскомъ самоуправленіи и на необходимость измѣненія такого положенія, какъ на самую вопіющую необходимость. Не преувеличивая, повторяю, что отсутствіемъ помощниковъ, на которыхъ можно положиться, тормозится вся дѣятельность земскаго начальника и весь законъ 1889 года сводится чуть ли не къ нулю.

Сдѣлаю еще маленькое замѣчаніе: очень у насъ страдаетъ крестьянское законодательство съ внѣшней, кодификаціонной стороны. Общее Положеніе все еще трактуетъ о мировыхъ посредникахъ; власть ихъ переходила къ Крестьянскимъ Присутствіямъ, теперь перешла къ земскимъ начальникамъ, между тѣмъ редакція остается прежнею, устарѣлою. Неполнота его пополнялась нѣкоторыми указами Правительствующаго Сената, имѣющими силу закона. Нѣкоторые изъ этихъ указовъ настолько важны, что давно ихъ слѣдовало бы внести въ самый законъ.

Ссылки многихъ статей Полож. о земск. нач. на статьи Общаго Положенія, говорящія о мировыхъ посредникахъ, представляютъ весьма большія неудобства и неясности. Есть и противорѣчія, требующія разрѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ, напримѣръ, 110 ст. мѣстнаго положенія о великорусскихъ губерніяхъ, дѣлающая усадебное мѣсто каждаго крестьянскаго двора родовою собственностью, противорѣчитъ законамъ о распланированіи селеній. Наконецъ, слишкомъ частыя ссылки на обычное право даютъ слишкомъ много простора произволу судей, часто переходящему почти въ насиліе. Разъ введена власть близкая, то и регламентація болѣе точная является возможною, напримѣръ: въ дѣлѣ наслѣдованія усадебными и полевыми надѣлами.

Думаю, что вообще не можетъ быть назначено болѣе полезной коммиссіи, чѣмъ такая, которая имѣла бы цѣлью пересмотръ существующаго крестьянскаго законодательства. Такая коммиссія, составленная не изъ теоретиковъ, чего Боже сохрани, но изъ людей, на мѣстѣ изучавшихъ эти вопросы и выработавшихъ свои убѣжденія на практикѣ, такая коммиссія, послѣ годовой работы, могла бы составить такой трудъ, который несомнѣнно былъ бы не маловажнѣе закона 12 іюля 1889 года, и обрадовала бы не только всю мѣстную администрацію, но и все крестьянское населеніе.

Александръ Новиковъ.

Ново-Александровка,
10 апрѣля 1893 г.

ТРЕПАЛЬЩИКЪ ЛЬНА.

(Изъ «Воспоминаній дѣтства и молодости» **Ренана.**)

Переводъ **Н. Страхова.**

I.

Трегье, моя родина, есть древній монастырь, основанный въ послѣднихъ годахъ пятаго вѣка св. Тюдваломъ или Тюаломъ, однимъ изъ духовныхъ вождей тѣхъ великихъ переселеній, которыя перенесли на арморикансій полуостровъ имя, племя и религіозныя учрежденія Британіи. Сильный монашескій оттѣнокъ былъ преобладающей чертою этого бретонскаго христіанства. Епископовъ не было, — по крайней мѣрѣ между переселенцами. Ихъ первою заботой по прибытіи на почву гостепріимнаго полуострова, сѣверное прибрежье котораго вѣроятно въ то время было очень мало населено, было устройство большихъ монастырей, аббатъ которыхъ несъ на себѣ пастырское попеченіе объ окружающемъ населеніи. Заповѣдный кругъ въ одну или двѣ мили, который называли „миниги" (le minihi) окружалъ монастырь и пользовался самыми богатыми льготами.

Монастыри на языкѣ бретонскомъ назывались „пабю" (pabu) отъ имени монаховъ (papae). Такъ монастырь въ Трегье назывался Пабю-Тюаль (Pabu-Tual). Онъ сталъ религіознымъ средоточіемъ всей той части полуострова, которая простирается къ сѣверу. Такіе же монастыри въ Сенъ-Поль-де-Леонѣ, въ Сенъ-Бріекѣ, въ Сенъ-Мало, въ Сенъ-Самсонѣ близъ Дола играли на

всемъ прибрежьѣ подобную же роль. У каждаго изъ нихъ была, если можно такъ выразиться, своя епархія; въ этихъ краяхъ, отрѣзанныхъ отъ всего остальнаго христіанскаго міра, совершенно не признавали власти Рима и религіозныхъ учрежденій, господствовавшихъ въ латинскомъ мірѣ, въ особенности въ галло-римскихъ городахъ Реннѣ и Нантѣ, лежащихъ очень близко оттуда.

Когда Номенoэ (Noménoé) въ девятомъ вѣкѣ впервые организовалъ нѣсколько болѣе правильнымъ образомъ это общество полудикихъ переселенцевъ и основалъ герцогство Бретань, присоединивъ къ странѣ, въ которой говорили по-бретонски, бретанскую Марку (la marche de Bretagne), учрежденную Каролингами, чтобъ отражать набѣги хищниковъ съ Запада, онъ почувствовалъ необходимость распространить на свое герцогство религіозную организацію остальнаго міра. Онъ пожелалъ, чтобы сѣверное прибрежье имѣло епископовъ, какъ округа Реннскій, Нантскій и Ваннскій. Для этого онъ возвелъ въ епископства большіе монастыри Сенъ-Поль-де-Леонъ, Трегье, Сенъ-Бріекъ, Сенъ-Мало, Доль. Онъ захотѣлъ также имѣть архіепископа и устроить такимъ образомъ отдѣльную церковную провинцію. Прибѣгали ко всякимъ благочестивымъ уловкамъ, чтобы доказать, что св. Самсонъ былъ митрополитомъ; но кадры вселенской церкви были уже такъ твердо установлены, что втереться въ нихъ было невозможно, и новыя епископства были принуждены примкнуть къ ближайшей сосѣдней галло-римской провинціи, къ провинціи Тура.

Смыслъ этого темнаго происхожденія со временемъ потерялся. Изъ имени Пабю-Тюаль, Папа-Тюаль, найденнаго, какъ говорятъ, на древнихъ церковныхъ оконницахъ, вывели заключеніе, что св. Тюдвалъ былъ папой. Дѣло находили совершенно простымъ. Св. Тюдваль отправился-де въ Римъ, и онъ былъ до того образцовымъ духовнымъ лицомъ, что, когда кардиналы познакомились съ нимъ, они естественно выбрали его на свободный папскій престолъ. Подобныя вещи бываютъ сплошь и рядомъ... Набожныя особы въ Трегье чрезвычайно гордились папствомъ своего св. патрона. Въ то же время болѣе умѣренные клирики признавались, что было трудненько разыскать въ спискахъ папъ того папу, который до своего избранія назывался Тюдваломъ.

Естественнымъ образомъ вокругъ монастыря образовался по-

садъ, маленькій городъ; но мірской городъ, только и существуя ради церкви, почти не разрастался. Гавань не пріобрѣтала значенія и не образовалось зажиточнаго мѣщанства. Дивный каѳедральный соборъ былъ воздвигнутъ въ концѣ XIII вѣка; съ XVII же вѣка монастыри сильно размножились. Образовались цѣлыя улицы изъ длинныхъ и высокихъ стѣнъ замкнутыхъ обителей. Архіерейское подворье, прекрасное строеніе XIII вѣка, да нѣсколько домовъ канониковъ были единственными строеніями, въ которыхъ можно было жить по-свѣтски. Въ нижней части города, при началѣ большой улицы, по бокамъ которой помѣщались зданія съ башенками, скучилось нѣсколько гостиницъ, предназначенныхъ для моряковъ.

Только незадолго до революціи мелкопомѣстное дворянство начало селиться рядомъ съ епископскимъ подворьемъ; оно по большей части являлось изъ сосѣднихъ помѣстій. Въ Бретани были два очень различныя одно отъ другаго дворянства. Одно было обязано своими правами королю Французскому и обнаруживало въ высшей степени обыкновенныя качества и недостатки французскаго дворянства; другое же было кельтскаго происхожденія и дѣйствительно бретонское. Изъ послѣдняго, съ самаго времени вторженія, выходили приходскіе старосты, вожаки народа, имъ одноплеменнаго, владѣвшіе наслѣдственнымъ правомъ стоять во главѣ народа и быть его представителями. Не было ничего почтеннѣе такого деревенскаго дворянина, если онъ оставался селяниномъ, чуждымъ интригъ и корыстолюбивыхъ заботъ; но когда онъ переселялся въ городъ, онъ терялъ всѣ свои качества и уже очень мало способствовалъ умственному и нравственному развитію края.

Революція была, повидимому, смертнымъ приговоромъ для этого гнѣзда поповъ и монаховъ. Послѣдній епископъ Трегьерскій вышелъ разъ вечеромъ чрезъ заднюю калитку изъ лѣсу, примыкающаго къ епископскому дому, и убѣжалъ въ Англію. Конкордатъ упразднилъ епископство. Въ бѣдный обезглавленный городъ не былъ даже назначенъ подпрефектъ; ему предпочли Ланніонъ и Генгамъ (Guingamp), города болѣе мірскіе, болѣе буржуазные. Но большія зданія, приспособленныя только для одной извѣстной цѣли, почти всегда сами возстановляютъ дѣло, для котораго они были воздвигнуты Въ нравственномъ смыслѣ позволительно утверждать то, что̀ не всегда вѣрно въ физическомъ: когда пусто́ты раковинъ очень глубоки, эти пусто́ты въ состояніи вновь

образовать животное, которое въ нихъ было отлито. Громадныя монастырскія постройки въ Трегье вновь населились; бывшая семинарія послужила для устройства въ ней духовнаго училища, пользовавшагося большимъ почетомъ въ цѣломъ округѣ. Черезъ нѣсколько годовъ Трегье сталъ снова тѣмъ, чѣмъ его сдѣлалъ св. Тюдвалъ за 1300 лѣтъ, совершенно церковнымъ городомъ, чуждымъ торговли и промышленности,—обширнымъ монастыремъ, въ который не проникалъ никакой шумъ извнѣ, въ которомъ называли суетой то, за чѣмъ гоняются другіе люди, и гдѣ то, что̀ міряне называли мечтой, считалось единственною дѣйствительностью.

Въ этой-то средѣ прошло мое дѣтство, и она положила на меня неизгладимый отпечатокъ. Этотъ соборъ,—чудо легкости, дерзновенная попытка осуществить въ гранитѣ невозможный идеалъ, первый испортилъ меня. Долгіе часы, которые я въ немъ проводилъ, были причиной моей совершенной неспособности къ практической жизни. Этотъ архитектурный парадоксъ сдѣлалъ изъ меня мечтателя, ученика св. Тюдвала, св. Ильтюда и св. Кадока, и это въ тотъ вѣкъ, когда ученіе этихъ святыхъ не имѣетъ никакого примѣненія. Когда я бывалъ въ Генгамѣ, болѣе мірскомъ городѣ, гдѣ я имѣлъ родственниковъ въ среднемъ сословіи, я чувствовалъ скуку и стѣсненіе. Тамъ я только и чувствовалъ себя хорошо съ бѣдною служанкой, которой я читалъ сказки. Я стремился возвратиться въ мой старый, сумрачный городъ, какъ бы подавляемый своимъ соборомъ, но въ которомъ чуялся живой протестъ противъ всего, что̀ пошло и банально. Я опять становился самимъ собой, когда я снова видѣлъ мою высокую колокольню, заостренные своды храма, монастырскій дворъ и гробницы XV вѣка, которыя въ немъ помѣщаются; мнѣ только и было по себѣ въ обществѣ усопшихъ, около этихъ рыцарей и благородныхъ дамъ, почивающихъ мирнымъ сномъ, со своими борзыми у ногъ и съ огромнымъ каменнымъ факеломъ въ рукѣ.

Окрестности города носили тотъ же религіозный и идеальный характеръ. Онѣ васъ уносили мечтой въ такую же, по меньшей мѣрѣ, миѳологическую атмосферу, какъ атмосфера Бенареса и Джагатнаты. Храмъ Св. Михаила, съ порога котораго виднѣлось открытое море, былъ разрушенъ молніей, и въ немъ еще происходили чудесныя явленія. Въ Великій Четвертокъ туда водили дѣтей, чтобъ имъ показать, какъ колокола пойдутъ въ Римъ.

Намъ завязывали глаза, и тогда мы прекрасно могли видѣть, какъ весь подборъ колоколовъ, по порядку своей величины, начиная съ самаго большаго и кончая самымъ маленькимъ. всѣ одѣтые въ прекрасныя платья изъ вышитаго кружева, которыя были на нихъ въ день ихъ крещенія, неслись по воздуху, торжественно гудя, чтобы получить благословеніе папы. Напротивъ, по ту сторону рѣки, находилась восхитительная долина Тромэра, орошаемая древнею Дивонной, или священнымъ источникомъ, который христіанство освятило, связавъ съ нимъ культъ Пресвятой Дѣвы. Часовня сгорѣла въ 1828 году; но она вскорѣ была вновь отстроена, и прежняя статуя была замѣнена другою, гораздо болѣе красивою. При этомъ обстоятельствѣ ясно обнаружилось постоянство, которое лежитъ въ основѣ бретонскаго характера. Къ новой статуѣ, совершенно бѣлой и золоченой, возсѣдающей на престолѣ въ своихъ прекрасныхъ покровахъ, только-что накрахмаленныхъ, почти никто не обращался съ молитвой; пришлось сохранить въ одномъ изъ угловъ старый обугленный остовъ: все благоговѣніе было обращено къ нему. Обращаясь къ новой Дѣвѣ, они думали бы, что измѣняютъ прежней.

Св. Ивонъ (St. Ives) былъ предметомъ еще болѣе общаго поклоненія. Почтенный патронъ адвокатовъ родился въ Трегьерскомъ миниги, и его маленькая церковь тамъ окружена большимъ почитаніемъ. Этотъ заступникъ бѣдныхъ, вдовицъ, сиротъ сдѣлался для края великимъ воздаятелемъ за неправду. Заклиная его извѣстными формулами въ таинственной часовнѣ св. Ивона-Правды (St. Ives de la Vérité) противъ врага, жертвою котораго себя чувствуешь и говоря ему: „Ты былъ справедливъ при жизни, покажи, что ты таковъ еще теперь", можно было быть увѣреннымъ, что врагъ погибнетъ еще въ томъ же году. Всѣ покинутые принимаются подъ его попеченіе. По смерти моего отца, мать моя свела меня въ часовню святителя и передала ему опеку надо мною. Не могу сказать, чтобы добрый св. Ивонъ особенно хорошо завѣдывалъ нашими дѣлами, ни того, чтобы онъ даровалъ мнѣ замѣчательное пониманіе моихъ интересовъ; но я ему обязанъ лучшимъ, чѣмъ все это; онъ далъ мнѣ чувство довольства, что̀ лучше богатства, и природное хорошое расположеніе духа, которое дозволило мнѣ оставаться веселымъ до настоящей минуты.

Весь мѣсяцъ май, въ которомъ приходилась память этого превосходнаго святаго, былъ рядомъ крестныхъ ходовъ въ миниги;

отдѣльные приходы, предшествуемые своими крестами шли навстрѣчу другъ другу; прикладывались ко крестамъ въ знакъ союза. Наканунѣ праздника народъ сходился съ вечера въ церковь, и въ полночь святой простиралъ руку, чтобы благословить павшихъ ницѣ вѣрующихъ. Но если въ толпѣ находился хоть одинъ невѣрующій, который бы поднялъ глаза, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли совершалось чудо, святой, справедливо оскорбляясь этимъ подозрѣніемъ, оставался недвижимъ, и по винѣ невѣра никто не получалъ благословенія.

Строгое, безкорыстное, почтенное духовенство заботилось о сохраненіи этихъ вѣрованій съ достаточною ловкостью, чтобы ихъ не ослабить и тѣмъ не менѣе не слишкомъ себя при этомъ компрометировать. Эти достойные священники были моими первыми духовными наставниками, и я имъ обязанъ всѣмъ хорошимъ, что̀ можетъ быть есть во мнѣ. Всѣ ихъ слова мнѣ казались изреченіями оракула, я питалъ такое уваженіе къ нимъ, что никогда не имѣлъ сомнѣнія въ томъ, что̀ они мнѣ говорили, до 16 лѣтъ, когда я прибылъ въ Парижъ. Я съ тѣхъ поръ имѣлъ учителей несравненно болѣе блестящихъ и проницательныхъ; но я не имѣлъ учителей болѣе почтенныхъ, и вотъ гдѣ причины частыхъ разногласій между мною и нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Я имѣлъ счастье знать добродѣтель безусловную; я знаю, что̀ такое вѣра, и хотя я позже и уразумѣлъ, что много ироніи скрыто верховнымъ обольстителемъ въ нашихъ самыхъ святыхъ мечтахъ, я вынесъ изъ того стараго времени драгоцѣнные опыты. Въ глубинѣ души я чувствую, что моя жизнь все еще руководится вѣрой, которой я больше не имѣю. Вѣра имѣетъ ту особенность, что, исчезнувъ, она еще дѣйствуетъ. Благодать переживаетъ въ силу привычки то живое чувство, съ которымъ прежде ее принималъ. Продолжаешь дѣлать машинально то, что̀ въ началѣ дѣлалъ въ духѣ и истинѣ. Когда Орфей, потерявши свой идеалъ, былъ растерзанъ менадами, лира его все же не могла издавать другихъ звуковъ, кромѣ: „Евридика! Евридика!"

Правила благонравія было то, на что эти добрые патеры всего болѣе налегали, и по своему безупречному поведенію они были вправѣ это дѣлать. Ихъ проповѣдь на этотъ счетъ производила на меня глубокое впечатлѣніе, котораго было достаточно, чтобы сдѣлать меня цѣломудреннымъ въ продолженіе всей моей молодости. Эти рѣчи звучали чѣмъ-то торжественнымъ, что̀ меня поражало. Черты ихъ такъ глубоко врѣзались въ мо-

емъ мозгу, что я о нихъ вспоминаю не иначе, какъ съ какимъ-то ужасомъ. То приводился примѣръ Іонаѳана, погибшаго за то, что покушалъ немного меду: *Вкушая вкусихъ мало меда и се азъ умираю.* Это наводило меня на размышленія безъ конца. Что это за „мало меда", отъ котораго приходится умереть? Проповѣдникъ не думалъ объяснять этого и еще усиливалъ произведенное впечатлѣніе таинственными словами: *коснулся и погибъ*, сказанными глубокимъ и плачущимъ тономъ. Въ другой разъ—текстомъ было мѣсто изъ Іереміи: *Mors ascendit per fenestras* (смерть входитъ въ окна), что меня еще гораздо болѣе интриговало. Эта смерть, входящая въ окна, эти крылья бабочки, которыя мараешь, какъ только до нихъ прикоснешься, что это могло быть? Проповѣдникъ, говоря это, морщилъ лобъ и возводилъ глаза къ небесамъ. Но что меня въ конецъ озадачивало, было мѣсто изъ житія, не помню какого святаго мужа XVII вѣка, который сравнивалъ женщинъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, наносящимъ раны издалека. Положительно, я не могъ ничего сообразить; я дѣлалъ самыя нелѣпыя предположенія, чтобы представить себѣ, какимъ образомъ женщина могла походить на пистолетъ. Что можетъ быть несообразнѣе? Женщина ранитъ издали, а въ другое время погибаешь, если до нея коснешься. Ничего тутъ нельзя было понять! Чтобы выйти изъ такихъ неразрѣшимыхъ недоумѣній, я съ яростью погружался въ ученіе и не думалъ больше о нихъ.

Въ устахъ людей, которымъ я безусловно вѣрилъ, эти святыя нелѣпости принимали авторитетность, которая проникала до глубины все мое существо. Даже теперь еще, въ моей бѣдной пятидесятилѣтней душѣ, потерявшей свою радужную пыль,—это впечатлѣніе живо. Особенно сравненіе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлало меня чрезвычайно сдержаннымъ. Мнѣ понадобились годы и годы, и почти уже приближеніе старости, чтобъ увидѣть, что и это суета, и что одинъ Экклезіастъ былъ мудрецъ, говоря: „Иди, ѣшь хлѣбъ твой въ радости съ женой, которую ты разъ возлюбилъ". Мои мысли на этотъ счетъ пережили мои религіозныя вѣрованія, и это меня спасло отъ оскорбительной неловкости положенія, въ которую бы я попалъ, еслибы можно было утверждать, что я покинулъ семинарію изъ-за другихъ причинъ, а не ради филологіи. Избитое общее мѣсто: „Où est la femme?" которымъ мірскіе люди думаютъ объяснить всѣ по-

добные случаи, есть нѣчто пошлое, вызывающее улыбку тѣхъ, кто понимаетъ дѣло, какъ оно есть.

Мое дѣтство протекло въ этой великой школѣ вѣры и благоговѣнія. Свобода, которая достигается столькими вертопрахами однимъ прыжкомъ, пріобрѣталась мною очень медленно. Той степени независимости, которая дается людямъ безо всякаго усилія мысли, я достигъ только послѣ того, какъ прошелъ чрезъ всю нѣмецкую экзегетику. Для меня потребовалось шесть лѣтъ размышленія и упорнаго труда, чтобъ увидѣть, что мои наставники не были непогрѣшимы. Самая большая скорбь моей жизни состояла въ томъ, что вступая на этотъ новый путь, приходилось огорчить этихъ глубокочтимыхъ наставниковъ; но я вполнѣ убѣжденъ, что я былъ правъ, и что боль, которую они испытали, была послѣдствіемъ того, что было хотя и почтенно, но ограниченно въ ихъ точкѣ зрѣнія на міръ.

II.

Воспитаніе, данное мнѣ этими добрѣйшими священниками, было такъ скудно въ литературномъ отношеніи, какъ только возможно. Мы писали много латинскихъ стиховъ; но у насъ не признавалось, чтобы послѣ поэмы „la Religion“ Расина-сына, существовала какая-либо французская поэзія. Имя Ламартина произносилось не иначе какъ со злой насмѣшкой; существованіе Виктора Гюго было неизвѣстно. Писать французскіе стихи считалось однимъ изъ опаснѣйшихъ упражненій и повлекло бы за собою исключеніе. Отсюда отчасти происходитъ моя неспособность подчинять свои мысли риѳмѣ, неспособность, о которой я потомъ очень сильно жалѣлъ, потому что мнѣ часто напрашиваются тактъ и размѣръ стиховъ; но непреодолимая ассоціація мыслей заставляетъ меня устранять созвучіе, на которое меня пріучили смотрѣть какъ на недостатокъ, и къ которому мои наставники мнѣ внушали нѣчто въ родѣ страха. Изученіе исторіи и естественныхъ наукъ было также ничтожно. За то насъ заставляли идти довольно далеко въ изученіи математики. Я предавался этому изученію съ большою страстью; эти отвлеченныя комбинаціи мнѣ грезились днемъ и ночью. Нашъ профессоръ, милѣйшій аббатъ Дюшэнъ особенно старательно занимался нами, мною и моимъ соперникомъ и другомъ сердца, Гюйомаромъ, ко-

торый былъ неимовѣрно способенъ къ этимъ занятіямъ. Мы всегда вмѣстѣ возвращались изъ училища. Нашъ кратчайшій путь шелъ черезъ площадь, и мы были слишкомъ добросовѣстны, чтобы хоть на шагъ отступить отъ указываемой разумомъ дороги; но, когда у насъ бывало сочиненіе о какомъ-либо любопытномъ вопросѣ, наши споры продолжались еще долго по окончаніи классовъ, и тогда мы возвращались чрезъ общій госпиталь. Съ этой стороны находились большія ворота, которыя были всегда заперты и на которыхъ мы мѣломъ чертили наши фигуры и наши исчисленія; слѣды ихъ, можетъ-быть, и по сю пору видны, такъ какъ эти ворота принадлежали одному изъ большихъ монастырей, и въ подобныхъ зданіяхъ никогда ничего не трогаютъ.

Общій госпиталь, названный такъ потому, что тутъ сходились болѣзнь, старость и нищета, было громадное зданіе, занимавшее, какъ всѣ старинныя постройки, много мѣста, и помѣщавшее въ себѣ очень немногихъ. Передъ входной дверью былъ маленькій навѣсъ, подъ которымъ въ хорошую погоду сходились выздоравливающіе и здоровые. Госпиталь дѣйствительно содержалъ въ себѣ не однихъ больныхъ; онъ вмѣщалъ въ себѣ также и бѣдныхъ, предоставленныхъ общественному призрѣнію, и даже пенсіонеровъ, которые, за незначительный вложенный капиталъ жили тамъ бѣдно, но безъ заботъ. Вся эта компанія являлась при каждомъ лучѣ солнца подъ тѣнь навѣса и разсаживалась на старыхъ соломенныхъ стульяхъ. Это былъ самый оживленный уголокъ маленькаго городка. Проходя мимо, Гюйомаръ и я, мы кланялись, и намъ кланялись, потому что, хотя мы и были еще очень молоды, мы уже считались причетниками. Это намъ казалось совершенно естественнымъ; одно только обстоятельство возбуждало наше удивленіе. Хотя мы и были слишкомъ неопытны, чтобы замѣчать то, для замѣчанія чего нужно знаніе жизни, но между бѣдными госпиталя находилась особа, передъ которой мы никогда не проходили безъ нѣкотораго удивленія.

Это была старая дѣва, лѣтъ 45, въ широкомъ головномъ уборѣ, названіе для котораго невозможно подыскать. Обыкновенно она сидѣла, почти не двигаясь, сумрачная, растерянная, съ потухшими неподвижными глазами. При видѣ насъ, эти мертвые глаза оживали. Она провожала насъ страннымъ взглядомъ, то нѣжнымъ и печальнымъ, то жестокимъ и почти свирѣпымъ. Когда мы отдалялись, она по виду казалась намъ жестокою и раздраженною.

Мы взглядывали другъ на друга, ничего не понимая. Это прерывало наши разговоры и бросало тѣнь на нашу веселость. Не то, чтобы она на насъ наводила страхъ; ее считали помѣшанной; съ помѣшанными же тогда не обходились такимъ варварскимъ образомъ, какой изобрѣли съ тѣхъ поръ административные пріемы. Не только ихъ не лишали свободы, имъ позволяли слоняться цѣлый день. Въ Трегье почти всегда много помѣшанныхъ; какъ всѣ мечтательныя расы, которыя изводятъ себя въ погонѣ за идеаломъ, Бретонцы этихъ мѣстъ, если они и сдерживаются большою силой воли, слишкомъ легко предаются какому-то среднему состоянію между опьяненіемъ и помѣшательствомъ, которое часто есть только заблужденіе жаждущаго сердца. Эти безобидные помѣшанные, стоящіе на всѣхъ степеняхъ умственнаго разстройства, составляли нѣчто въ родѣ особаго учрежденія, были муниципальною принадлежностью. Говорили: „наши помѣшанные“, какъ въ Венеціи говорили „nostre carampane“. Ихъ можно было встрѣтить почти повсюду; они вамъ кланялись, встрѣчали васъ какой-нибудь гаденькою шуткой, которая всетаки заставляла усмѣхнуться. Ихъ любили; и они оказывали услуги. Я всегда буду помнить добраго помѣшаннаго Бріана, который воображалъ себя священникомъ и проводилъ часть дня въ церкви, подражая церемоніямъ службы. Соборъ во все пополуденное время былъ наполненъ какимъ-то гнусавымъ бормотаньемъ; то была молитва бѣднаго помѣшеннаго, стоющая всякой другой. Въ силу вѣрнаго такта и здраваго смысла, предоставляли ему свободу и не дѣлали суетныхъ различій между простыми и смиренными душами, которыя приходятъ преклонять колѣна предъ Господомъ.

Помѣшанная общаго госпиталя не имѣла, вслѣдствіе своей упорной меланхоліи, такой популярности. Она ни съ кѣмъ не говорила, никто о ней не думалъ, ея исторія была очевидно забыта. Она никогда ни слова не говорила съ нами, но этотъ дикій и блуждающій взглядъ насъ глубоко поражалъ, смущалъ насъ. Я потомъ часто думалъ объ этой загадкѣ и не могъ себѣ ее объяснить. Ключъ къ ней я нашелъ лѣтъ восемь тому назадъ, когда моя мать, достигнувъ 85 лѣтъ безъ недуговъ, была поражена жестокою болѣзнью, которая ее потихоньку стала подтачивать.

Моя мать по своимъ мнѣніямъ и воспоминаніямъ принадлежала совершенно къ этому старому міру. Она превосходно гово-

рила по-бретонски, знала всѣ поговорки моряковъ и кучу вещей, которыхъ никто на свѣтѣ нынче ужь не знаетъ. Все въ ней было самъ народъ, и ея природный умъ придавалъ удивительную жизнь длиннымъ исторіямъ, которыя она разсказывала, и которыя почти она одна знала. Ея страданія нисколько не уменьшали ея удивительной веселости; она шутила еще въ тотъ день, когда умерла. Вечеромъ я, чтобы ее разсѣять, проводилъ съ нею часокъ въ ея комнатѣ, гдѣ не было другаго освѣщенія (она любила этотъ полумракъ), кромѣ слабаго свѣта газа съ улицы. Ея живое воображеніе тогда возбуждалось и—какъ обыкновенно бываетъ со старыми людьми—воспоминанія дѣтства всего чаще приходили ей на умъ. Она вновь видѣла Трегье, Ланніонъ такими, какими они были до революціи; она перечисляла всѣ дома, обозначая каждый изъ нихъ именемъ тогдашняго владѣльца. Я своими вопросами поддерживалъ эти мечтанія, которыя ей нравились и мѣшали ей думать объ ея болѣзни.

Однажды разговоръ зашелъ объ общемъ госпиталѣ. Она мнѣ разсказала всю его исторію.

„Онъ на моихъ глазахъ не разъ измѣнялся", сказала она мнѣ. „Жить въ немъ было нисколько не стыдно, потому что тамъ знавали самыхъ почтенныхъ людей. Во время первой имперіи, до вознагражденія дворянства, онъ служилъ пріютомъ для старыхъ дѣвицъ-дворянокъ, превосходно воспитанныхъ. Ихъ видывали сидящихъ рядомъ передъ дверью на простыхъ стульяхъ. Никто отъ нихъ никогда не слыхалъ ни малѣйшаго ропота; но все-же, когда они видѣли приближающихся издалека владѣльцевъ ихъ родовыхъ имѣній, людей сравнительно грубыхъ и мѣщанскихъ, катящихъ въ экипажахъ и выставляющихъ на-показъ свою роскошь, они уходили въ домъ и шли въ часовню, чтобы избѣжать этой встрѣчи. Это дѣлалось не столько для того, чтобы самимъ избѣгнуть сожалѣнія о благахъ, которыя онѣ принесли въ жертву Богу, сколько изъ деликатности, изъ опасенія, какъ бы ихъ присутствіе не показалось упрекомъ этимъ выскочкамъ. Потомъ роли очень перемѣнились; но госпиталь продолжалъ принимать всякаго рода бездомныхъ. Тамъ скончался бѣдный Пьеръ Ренанъ, твой дядя, который всегда велъ жизнь бродяги, и проводилъ дни свои въ кабачкахъ, читалъ гулякамъ книги, которыя онъ бралъ у насъ, и старикъ Система, котораго патеры не любили, хотя это былъ очень хорошій человѣкъ, и Года, старая колдунья, которая на второй день послѣ твоего рожденія, пошла гадать о

тебѣ по пруду Миниги, и Маргарита Кальве, которая приняла ложную присягу и была поражена сухоткою въ тотъ самый день, когда она узнала, что заклинали св. Ивона-Правды послать ей смерть въ этомъ же году [1].

—„А эта помѣшанная“, сказалъ я ей, „которая обыкновенно была подъ навѣсомъ, и которая нагоняла страхъ на Гюйомара и меня?“

Она подумала минутку, чтобы сообразить, о комъ я говорю, и съ живостью отвѣтила:

—„Ахъ, эта, сынокъ, это была дочь трепальщика льна“.

— Что это за трепальщикъ льна?

—„Я тебѣ никогда не разсказывала этой исторіи? Видишь-ли, сынокъ, нынче этого и не поняли бы; это слишкомъ давнишнее. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ этомъ Парижѣ, есть вещи, о которыхъ я не смѣю болѣе говорить... Эти деревянскіе дворяне были такіе почтенные. Я всегда думала, что они-то и есть настоящіе дворяне. Ахъ, еслибы разсказать это этимъ парижанамъ, они бы разсмѣялись. Они только и знаютъ свой Парижъ; въ сущности я нахожу ихъ ограниченными .. Нѣтъ, теперь не сумѣютъ понять, какъ эти старые деревенскіе дворяне были почтенны, хотя они и были бѣдны“.

Она остановилась на минуту и потомъ продолжала:

III.

—„Помнишь-ли ты маленькую общину въ Тредарзенѣ, колокольню которой можно было видѣть съ башенки нашего дома? Менѣе чѣмъ въ четверти мили отъ деревни, состоявшей въ то время почти только изъ церкви, ратуши да церковнаго дома, возвышалась усадьба Кермелль. Это была усадьба, какихъ много, собственно тщательно содержавшаяся ферма древней архитектуры, окруженная длинною и высокою стѣной красиваго сѣраго цвѣта. Входъ во дворъ велъ чрезъ большія ворота подъ аркой, крытой черепицами, а съ боку была калитка для ежедневнаго употребленія. Въ глубинѣ двора находился домъ, съ острою крышей и со щипцомъ застланнымъ плющемъ. Голубятня, маленькая башенка, два-три красиво выведенныхъ окна, почти какъ церковныя окна, указывали на дворянское жилье, на одинъ

[1] Я, можетъ-быть, когда-нибудь разскажу эти исторіи.

изъ тѣхъ старыхъ кастелей, гдѣ до революціи жилъ классъ людей, характеръ и привычки которыхъ нынче невозможно себѣ представить“.

—„Эти деревенскіе дворяне были крестьянами, какъ и прочіе, но были ихъ старшинами. Въ старину было ихъ только по одному въ каждомъ приходѣ: они были предводителями народа; никто не оспаривалъ у нихъ этого права; и имъ воздавались большія почести [1]. Но уже ко времени революціи они стали рѣдки. Крестьяне ихъ считали за мірскихъ начальниковъ прихода, какъ священникъ былъ духовнымъ начальникомъ. Дворянинъ Тредарзена, о которомъ я говорю, былъ красивымъ старикомъ, высокимъ и крѣпкимъ, какъ молодой человѣкъ, съ открытымъ и честнымъ лицомъ. Онъ носилъ длинные волосы, заколотые гребенкой, и распускалъ ихъ только по воскресеньямъ, когда онъ шелъ къ причастію. Я еще, какъ живаго, вижу его (онъ часто бывалъ у насъ въ Трегье) серьезнаго, степеннаго, немного грустнаго, такъ какъ онъ остался почти одинъ въ своемъ сословіи. Это мелкое родовое дворянство по большей части исчезло; уже давно явились другіе и поселились въ городѣ. Весь край его обожалъ. У него было свое мѣсто въ церкви; каждое воскресенье его видѣли сидящемъ въ первомъ ряду молящихся въ его старинномъ костюмѣ и въ его парадныхъ перчаткахъ, которые доходили до самыхъ локтей. Во время причастія онъ входилъ на клиросъ, распускалъ свои волосы, клалъ свои перчатки на маленькій столикъ, поставленный для него рядомъ съ амвономъ, и проходилъ чрезъ клиросъ, одинъ, ни на волосъ не теряя своей высокой осанки. Никто не подходилъ къ причастію, прежде чѣмъ онъ не возвратится на свое мѣсто и не кончитъ надѣвать свои перчатки.

„Онъ былъ очень бѣденъ; но онъ скрывалъ это по долгу званія. Эти деревенскіе дворяне имѣли въ старину извѣстныя привилегіи, позволявшія имъ жить немного иначе, чѣмъ крестьяне; все это потомъ утратилось, но Кермелль былъ въ большомъ затрудненіи. Его званіе дворянина не позволяло ему работать на полѣ; онъ оставался цѣлый день взаперти у себя и при закрытыхъ дверяхъ занимался дѣломъ, не требующимъ открытаго воздуха. Когда ленъ былъ вымоченъ, его подвергали какъ бы об-

---

[1] Какіе-бы превосходные начальники ополченія вышли бы изъ этихъ людей! Этого ничѣмъ замѣнить нельзя!

луплпванію, которое оставляло въ немъ только прядпльныя волокна. Такая работа въ глазахъ бѣднаго Кермелля не роняла его достоинства. Никто его не видалъ, и честь его званія оставалась неприкосновенною, но всѣ это знали, и такъ какъ тогда всякій имѣлъ прозвище, онъ скоро сталъ извѣстенъ въ краѣ подъ именемъ „трепальщика льна". Это прозвище замѣнило, какъ обыкновенно случается, дѣйствительное имя, и его такъ и называли повсюду.

„Это былъ какъ бы живой патріахъ. Ты бы посмѣялся, еслп бы я тебѣ сказала, чѣмъ трепальщикъ льна пополнялъ недостаточное вознагражденіе за свой грошевый трудъ. Про него думали, что въ немъ, какъ въ старшинѣ, сохранялась вся сила его крови, что онъ въ высшей степени обладалъ дарами своей породы, и что онъ могъ своею слюной и своимъ прикосновеніемъ возстановлять эту силу, когда она ослабѣвала. Существовало убѣжденіе, что для того, чтобы производить подобнаго рода исцѣленія, необходимо имѣть неимовѣрное число поколѣній дворянства, и что одинъ онъ ихъ имѣлъ. По извѣстнымъ днямъ домъ его былъ окруженъ людьми, пришедшими изъ-за двадцати миль въ окружности. Если ребенокъ долго не начиналъ ходить, имѣлъ слабыя ножки, его приносили къ нему. Онъ намачивалъ свой палецъ слюной, дѣлалъ помазанія на чреслахъ ребенка, и того это укрѣпляло. Онъ совершалъ все это важно, серьезно. Какъ быть? тогда была вѣра, были такъ простодушны и такъ добры!.. Онъ ни за что на свѣтѣ не желалъ бы получать плату, да и къ тому же приходящіе были слишкомъ бѣдны, чтобы расплачиваться деньгами; ему дарили десятокъ яицъ, кусокъ сала, связку льна, кадочку масла, мѣру картофеля, какіе-нибудь плоды. Онъ принималъ. Городскіе дворяне подсмѣивались надъ нимъ, но напрасно. Онъ зналъ край; онъ былъ душой и воплощеніемъ его.

„Во время Революціи онъ выселился на Джерзи,—неизвѣстно, почему; ему бы навѣрное ничего не сдѣлали, но дворяне Трегье сказали ему, что король такъ повелѣваетъ, и онъ отправился вмѣстѣ съ прочими. Онъ скоро возвратился и нашелъ свой старый домъ, занять который никто не захотѣлъ, въ томъ же видѣ, въ какомъ его оставилъ. Во время вознагражденія дворянъ пытались убѣдить его, что онъ потерялъ кое-что, и были къ тому уважительныя доказательства, на которыя онъ могъ бы сослаться. Другимъ дворянамъ было непріятно видѣть его такимъ

бѣднымъ, и они желали бы поднять его положеніе; этотъ безхитростный умъ не поддался соображеніямъ, которыя ему представляли. Когда ему предлагали заявить, сколько онъ потерялъ, онъ сказалъ: „Я ничего не имѣлъ и не могъ ничего потерять". Никакъ не могли добиться отъ него другаго отвѣта, и онъ остался попрежнему бѣденъ.

„Жена его скончалась, кажется, въ Джерзи. Онъ имѣлъ дочь, родившуюся около времени эмиграціи. Это была красивая, высокая дѣвушка (ты ее видѣлъ только отцвѣтшею); она была полна сока и жизни, съ превосходнымъ цвѣтомъ лица, съ чистою, сильною кровью. Нужно бы было ее рано выдать замужъ, но это было невозможно. Эти захудалые мелкіе дворяне маленькаго городка, никуда не годившіеся и не стоившіе четверти того, чего стоилъ старый сельскій дворянинъ, не захотѣли бы взять ее за сыновей. Убѣжденія же не позволяли выдать ее за крестьянина. Такъ бѣдная дѣвушка какъ бы повисла между небомъ и землей: ей не было мѣста на бѣломъ свѣтѣ. Отецъ ея былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, и казалось, что она какъ бы нарочно была кинута на землю, чтобы не найти угла, гдѣ пристроиться. Она была кротка и послушна. Это было прекрасное тѣло почти безъ души. Инстинктъ у нея замѣнялъ все. Изъ нея вышла бы превосходная мать. За невозможностью выйти замужъ слѣдовало бы ей пойти въ монахини: соблюденіе устава и подвиги успокоили бы ее; но, вѣроятно, отецъ ея не былъ достаточно богатъ, чтобы уплатить взносъ, а положеніе его не позволяло сдѣлать изъ нея сестру-послушницу. Бѣдная дѣвушка! ей, поставленной въ фальшивое положеніе, было на роду написано погибнуть.

„Она была отъ природы правдива и добра, никогда не колебалась въ своихъ обязанностяхъ; за нею не было другой вины, кромѣ той, что у нея была кровь въ жилахъ. Ни одинъ деревенскій молодецъ не посмѣлъ бы быть нескромнымъ съ нею, до того уважали ея отца. Чувство своего превосходства мѣшало ей обращать вниманіе на молодыхъ крестьянъ; для нихъ она была барышней; они о ней не думали. Такимъ образомъ бѣдная дѣвушка жила въ совершенномъ одиночествѣ. У нихъ въ домѣ проживалъ только молодой мальчикъ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, племянникъ Кермелля, принятый имъ въ домъ, и котораго викарій — достойнѣйшій изъ людей, обучалъ тому что̀ зналъ: латыни.

„Церковь оставалась единственнымъ развлеченіемъ бѣдной

дѣвушки. Она была набожна по природѣ, хотя слишкомъ ограничена, чтобы понимать что-либо въ таинствахъ нашей религіи. Викарій, прекрасный священникъ, чрезвычайно преданный своимъ обязанностямъ, питалъ къ трепальщику льна должное уваженіе; часы, остававшіеся отъ службъ и заботъ по приходу, онъ проводилъ у него. Онъ занимался воспитаніемъ молодаго племянника; а что̀ касается до дѣвушки, онъ сохранялъ ту сдержанную манеру, которая свойственна бретонскимъ духовнымъ лицамъ въ отношеніи къ „женскому полу"—какъ они выражаются. Онъ съ нею здоровался, спрашивалъ объ ея здоровьѣ, но никогда съ нею не разговаривалъ, развѣ только о пустякахъ. Несчастная все больше и больше увлекалась имъ. Викарій былъ единственнымъ мужчиной, котораго она видала изъ равныхъ ей,—если позволительно такъ выразиться.—Этотъ молодой священникъ былъ кромѣ того весьма привлекательною личностью. Къ полнѣйшей стыдливости, которою дышала вся его внѣшность, присоединялся еще видъ печали, покорности и скромности. Чувствовалось, что у него было и сердце и чувства, но что нѣчто болѣе возвышенное надъ ними господствовало, или вѣрнѣе, что сердце и чувства въ немъ превращались въ нѣчто болѣе высокое. Ты знаешь несказанную обаятельность нѣкоторыхъ добрыхъ нашихъ бретонскихъ духовныхъ. Женщины къ этому чрезвычайно чутки. Эта несокрушимая вѣрность данному обѣту, который въ своемъ родѣ есть признаніе ихъ могущества, ихъ ободряетъ, ихъ привлекаетъ, имъ льститъ. Священникъ дѣлается для нихъ вѣрнымъ братомъ, который изъза нихъ отказался отъ своего пола и своихъ радостей. Отсюда чувство, въ которомъ смѣшиваются довѣріе, участіе, сожалѣніе и признательность. Жените священника — и вы разрушите одну изъ самыхъ необходимыхъ стихій, одинъ изъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ нашего общества. Женщина станетъ протестовать, потому что есть нѣчто, что̀ для женщины еще дороже, нежели быть любимою, это, чтобы любви придавали значеніе. Ничѣмъ нельзя польстить женщинѣ больше, чѣмъ показывая ей, что ея боятся. Церковь, предписывая своимъ служителямъ цѣломудріе, ласкаетъ женское тщеславіе въ его самой сокровенной глубинѣ.

Бѣдная дѣвушка, такимъ образомъ, полюбила викарія глубокимъ чувстомъ, которое скоро наполнило все ея существо. Добродѣтельная и мистическая раса, къ которой она принадлежала, не знаетъ неистовства, ломающаго всѣ преграды, считающаго

что у него ничего нѣтъ, если нѣтъ всего. О! она удовольствовалась бы очень немногимъ. Еслибы онъ только замѣчалъ ея существованіе, она была бы счастлива. Она отъ него не требовала и взгляда: одной мысли было бы достаточно. Викарій былъ, конечно, ея духовникомъ; не было другаго священника въ приходѣ. Обычаи католической исповѣди, эти прекрасные, но опасные обычаи, неимовѣрно возбуждали ея воображеніе. Разъ въ недѣлю, по субботамъ, для нея доставляло невыразимую прелесть быть впродолженіи полу-часа одною съ нимъ, какъ бы лицомъ къ лицу съ Богомъ, видѣть и чувствовать, какъ онъ исполняетъ роль Бога, дышать его дыханіемъ, нести сладостное смиреніе отъ его укоризнъ, повѣрять ему свои сокровеннѣйшія помышленія, свои сомнѣнія, свои опасенія. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы она этимъ злоупотребляла. Набожная женщина весьма рѣдко посмѣетъ воспользоваться исповѣдью для признанія въ любви. Она можетъ находить въ исповѣди большое наслажденіе, она рискуетъ предаться тамъ не совсѣмъ безопаснымъ чувствамъ, но то мистическое, что̀ всегда отчасти есть въ такомъ чувствѣ, несовмѣстимо съ ужасомъ святотатства. Во всякомъ случаѣ наша бѣдная дѣвушка была до того робка, что языкъ бы у нея на это не повернулся. Ея страсть была безмолвнымъ, внутреннимъ, пожирающимъ пламенемъ. Вмѣстѣ съ этимъ видѣть каждый день, нѣсколько разъ въ день, какъ онъ, красивый, молодой, всегда занятъ своими величественными обязанностями, торжественно священнодѣйствуетъ среди преклоненнаго народа, духовникъ, судія и руководитель ея собственной души! Это было слишкомъ! Головка бѣднаго ребенка не вынесла этого, она помѣшалась. Въ ея сильной организаціи, не терпѣвшей крутыхъ уклоненій, стали обнаруживаться все сильнѣйшія и сильнѣйшія разстройства. Старикъ отецъ ея приписывалъ слабости ума то, что̀ было слѣдствіемъ внутреннихъ треволненій отъ невозможныхъ мечтаній сердца, проникнутаго насквозь любовью.

„Какъ быстрый потокъ, встрѣчая непреодолимую преграду, измѣняетъ свое прямое направленіе и сворачиваетъ въ сторону, такъ бѣдная дѣвушка, не имѣя никакого средства высказать свою любовь тому, кого любила, накинулась на разныя мелочи: на минутку уловить его вниманіе, не быть для него первою встрѣчною, имѣть возможность оказывать ему маленькія услуги, быть въ состояніи представить себѣ, что она ему полезна,—этого было ей довольно. „Боже мой, кто знаетъ?“ могла она себѣ говорить,

„въ концѣ-концовъ, онъ все-таки человѣкъ; можетъ-быть, онъ въ глубинѣ души тронутъ, и его сдерживаетъ только дисциплина его званія“... Всѣ эти попытки встрѣчали желѣзную броню, ледяную стѣну. Викарій оставался совершенно холоднымъ. Она была дочерью человѣка, котораго онъ уважалъ больше всѣхъ; но она была женщиной. О! еслибы онъ ея избѣгалъ, обращался бы съ нею грубо, это была бы въ ея глазахъ побѣда и доказательство, что она задѣла его за живое; но неизмѣнная вѣжливость, рѣшимость не замѣчать самыхъ очевидныхъ признаковъ любви,—все это было нѣчто ужасное. Ее не отталкивали, ея не избѣгали; онъ не измѣнялъ своему непоколебимому рѣшенію допускать ея существованіе только какъ отвлеченность.

„Прошло нѣсколько времени, и это стало невыносимо. Отвергнутая, отчаявающаяся бѣдная дѣвушка чахла, глаза ея стали растерянными, но она слѣдила за собою; въ сущности никто не замѣчалъ ея тайны, она терзала себя внутренно. „Какъ!“ говорила она себѣ, „неужели я не добьюсь хотя на минуту его вниманія? неужели онъ не замѣтитъ, что я существую? Неужели я, какъ ни стараюсь, останусь для него только тѣнью, призракомъ, душой между сотней другихъ душъ? Желать его любви — было бы слишкомъ; но вниманія, взгляда?.. Быть равною ему, такому ученому, такому близкому къ Богу—я не смѣю и подумать; стать матерью отъ него, о! это было бы святотатство; но принадлежать ему, быть Мареой для него, первою изъ его служанокъ; нести на себѣ скромныя заботы, на которыя я способна, и такимъ образомъ имѣть съ нимъ все общее, все, то-есть, домъ, что̀ ужь много для смиренной женщины, не посвященной въ болѣе высокія мысли—о! это былъ бы рай!“ Она по цѣлымъ днямъ оставалась неподвижною, сидя на своей скамьѣ, поглощенная этою неотступною мыслью. Она видѣла его, представляла себѣ, что она съ нимъ, окружаетъ его своими заботами, управляетъ его домомъ, цѣлуетъ край его одежды. Она отгоняла эти безумныя мечты; но, предаваясь имъ по цѣлымъ часамъ, она становилась блѣдна, полу-мертва. Она переставала существовать для окружавшихъ ее. Отецъ ея долженъ бы былъ видѣть это; но чѣмъ бы простой старикъ могъ помочь бѣдѣ, которой честная душа не могла и вообразить?

„Такъ это продолжалось, можетъ-быть, съ годъ. Вѣроятно викарій ничего и не примѣчалъ, до такой степени наши священники живутъ въ этомъ отношеніи въ условныхъ приличіяхъ, въ

какой-то рѣшимости ничего не видѣть. Это удивительное цѣломудріе только разжигало воображеніе бѣдной дѣвушки. Любовь сдѣлалась для нея культомъ, чистымъ обожаніемъ, экстазомъ. Такимъ образомъ она успѣвала оставаться сравнительно спокойною. Воображеніе ея предавалось невинной забавѣ, она желала представить себѣ, что она для него трудится, что она занята чѣмъ-то полезнымъ для него. Она дошла до того, что видѣла сны на яву, что какъ лунатикъ исполняла разныя дѣйствія, которыя сознавала только на половину. День и ночь она имѣла только одну мысль; она представляла, что она служитъ ему, ходитъ за нимъ, пересчитываетъ его бѣлье, заботится обо всемъ, о чемъ ему самому было слишкомъ низко думать. Всѣ эти мечтанія, наконецъ, дошли до нѣкотораго воплощенія и довели ее до страннаго поступка, который только и можно было объяснить состояніемъ помѣшательства, въ которомъ она положительно находилась съ нѣкоторыхъ поръ.

Послѣдующее, дѣйствительно, было бы непонятно, еслибы мы не приняли во вниманіе извѣстныхъ чертъ бретонскаго характера. Всего своеобразнѣе у народовъ бретонскаго племени высказывается любовь. Любовь у нихъ больше чувство нѣжное, глубокое, сердечное, чѣмъ страсть. Это какое-то внутреннее сладострастіе, томящее и убивающее. Нѣтъ ничего менѣе похожаго на пылъ южныхъ народовъ. Рай, о которомъ они мечтаютъ, свѣжъ, зеленъ, безъ зноя. Ни въ одномъ племени не насчитывается столько смертей отъ любви; самоубійство рѣдко; преобладаетъ медленное угасаніе: это случай, часто встрѣчающійся у молодыхъ бретонскихъ новобранцевъ. Неспособные развлекаться вульгарною продажною любовью, они погибаютъ отъ какого-то непонятнаго томленія. Тоска по родинѣ—только видимость, въ дѣйствительности же любовь бываетъ у нихъ неразлучно связана съ деревней, колокольней, вечернимъ звономъ, любимымъ видомъ. Страстный южанинъ убиваетъ своего противника, убиваетъ предметъ своей страсти. Чувство же, о которомъ мы говоримъ, убиваетъ только того, кто его испытываетъ, и вотъ почему бретонское племя легко сохраняетъ цѣломудріе; своимъ тонкимъ, живымъ воображеніемъ оно создаетъ себѣ воздушный міръ, которымъ и довольствуется. Настоящая поэзія такой любви — есть весенняя пѣсня въ Пѣснѣ Пѣсней, удивительной поэмѣ, въ которой гораздо болѣе нѣги, чѣмъ страсти. „Зима прейде, дождь отыде... Гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей... востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубица моя!“

IV.

Моя мать продолжала: „Въ сущности, все существующее только иллюзія, что̀ доказывается тѣмъ, что во многихъ случаяхъ нѣтъ ничего легче, какъ обмануть природу поддѣлками, которыя она не умѣетъ отличить отъ дѣйствительности. Мнѣ никогда не забыть дочери Марзена, столяра съ Большой улицы, которая, помѣшавшись также вслѣдствіе подавленія материнскаго чувства, брала полѣно, укутывала его въ тряпки, надѣвала на него подобіе дѣтскаго чепца и затѣмъ проводила цѣлые дни, лаская на рукахъ этого воображаемаго ребенка, укачивая его, прижимая его къ своей груди, покрывая его поцѣлуями. Когда вечеромъ его клали въ люльку рядомъ съ нею, она оставалась спокойною до слѣдующаго утра. Есть инстинкты, которые удовлетворяются видимостью, и которые можно усыпить обманомъ. Такъ бѣдная Кермелль начала осуществлять свои грезы, дѣлать то, о чемъ мечтала. Мечта ея была общая жизнь съ тѣмъ, кого она любила, и жизнь, которую она въ умѣ съ нимъ раздѣляла, была, конечно, не жизнь священника, а жизнь домашняя. Бѣдная дѣвушка была сотворена для брачнаго союза. Ея помѣшательство было какое-то хозяйственное, подавленный инстинктъ семейнаго хозяйства. Она воображала, что рай ея осуществился, видѣла себя хозяйкой въ домѣ любимаго человѣка, и, такъ какъ она уже не умѣла болѣе отличать своихъ мечтаній отъ дѣйствительности, она дошла до невѣроятнаго сумасбродства. Что̀ жь дѣлать? Эти несчастныя помѣшанныя доказываютъ своими заблужденіями, какъ святы законы природы и какая въ нихъ роковая неизбѣжность.

„Она проводила дни свои въ томъ, что подрубала бѣлье и мѣтила его. Она мысленно предназначала это бѣлье для дома, который она себѣ воображала, этого общаго съ нимъ гнѣзда, гдѣ бы она проводила свою жизнь у ногъ обожаемаго человѣка. Галлюцинація доходила до того, что она мѣтила скатерти, салфетки буквами викарія; часто даже буквы викарія перемѣшивались съ ея собственными. Она хорошо исполняла эти мелкія женскія работы. Иголка ея такъ и ходила безпрерывно, и она проводила восхитительные часы, погруженная въ сердечныя свои грезы, воображая, что она и онъ составляли одно. Такъ она обманывала свою страсть и находила въ этомъ минуты нѣги, которыя на цѣлые дни утоляли ея сердце.

„Такъ проходили недѣли въ томъ, что стежокъ за стежкомъ вышивались буквы любимаго имени, соединялись съ ея собственными, и такое препровожденіе времени было для нея большимъ утѣшеніемъ. Рука ея постоянно работала для него; это бѣлье, простроченное ею, казалось ей частью ея самой. Оно будетъ близъ него, прикасаться къ нему, служить для его употребленія; оно будетъ ею самою около него. Какъ радостная мысль! Правда, она всегда будетъ лишена его, но что̀ невозможно, то невозможно; она приблизится къ нему настолько, насколько это позволительно. Въ продолженіе года она такимъ образомъ вкушала въ воображеніи свое жалкое счастье. Одна, устремивъ глаза на свою работу, она витала въ другомъ мірѣ, воображая себя его женой въ тѣсныхъ предѣлахъ возможнаго. Время шло такъ же медленно, какъ ея игла; бѣдное ея воображеніе получало облегченіе. Къ тому же у нея иногда являлась нѣкоторая надежда: можетъ-быть, онъ будетъ тронутъ; можетъ-быть, уронитъ слезу при открытіи этой неожиданности, знака такой любви. „Онъ увидитъ, какъ я его люблю и подумаетъ, какъ пріятно быть вмѣстѣ". Такъ она по цѣлымъ днямъ погружалась въ грезы, которыя обыкновенно оканчивались припадками совершеннаго изнеможенія.

„Наконецъ пришелъ день, когда все это приданое было окончено. Что̀ съ нимъ дѣлать? Мысль—заставить его принять услугу, и считать себя ей обязаннымъ чѣмъ-нибудь, овладѣла ею окончательно. Она хотѣла, если я смѣю такъ выразиться, украсть его признательность, насильно заставить его быть ей благодарнымъ за что-нибудь. Вотъ что̀ она выдумала. Это не имѣло здраваго смысла, это было шито бѣлыми нитками; но разумъ ея былъ какъ бы въ дремотѣ; давно она слѣдовала только блуждающему огоньку своего разстроеннаго воображенія.

„Это было во время святокъ. Послѣ всенощной викарій имѣлъ обычай принимать въ церковномъ домѣ мэра и деревенскихъ властей и угощать ихъ ужиномъ. Церковный домъ соприкасался съ церковью. Кромѣ главнаго входа со стороны деревенской площади, онъ имѣлъ два выхода: одинъ велъ въ ризницу и соединялъ такимъ образомъ церковь съ домомъ священника; другой же, въ глубинѣ сада, открывался въ поле. Усадьба Кермелля находилась въ четверти мили оттуда. Чтобы молодому мальчику не дѣлать крюка, когда онъ шелъ на урокъ къ викарію, ему былъ данъ ключъ отъ этой задней двери. Бѣдная помѣшанная

завладѣла этимъ ключемъ во время всенощной и вошла въ домъ священника. Служанка викарія, чтобы присутствовать при богослуженіи, заранѣе накрыла на столъ. Наша помѣшанная быстро сняла все бѣлье со стола и спрятала его въ усадьбѣ.

„Послѣ службы кража сейчасъ же обнаружилась. Переполохъ былъ сильнѣйшій. Прежде всего изумились, что пропало только бѣлье. Викарій не хотѣлъ отпустить своихъ гостей безъ ужина. Въ минуту крайняго замѣшательства является наша дѣвушка. „А, на этотъ разъ вы примите наши услуги, почтенный батюшка. Чрезъ четверть часа наше бѣлье будетъ у васъ“. Старикъ Кермелль присоединился къ ея просьбѣ, и викарій согласился, конечно, не подозрѣвая такого утонченнаго плутовства у существа, которому приписывали самый ограниченный умъ.

„На слѣдующій день начали разсуждать объ этомъ странномъ воровствѣ. Не было и слѣда взлома. Главная дверь церковнаго дома, какъ и садовая, были цѣлы и заперты какъ слѣдуетъ. Что же касается до предположенія, что ключъ, повѣренный Кермеллю, могъ послужить для кражи, такая мысль показалась бы нелѣпою; она никому не пришла въ голову. Оставалась дверь ризницы; казалось очевиднымъ, что кража могла совершится только этимъ путемъ. Понамаря видѣли въ церкви въ продолженіе всей службы. Понамариха же, напротивъ, отлучалась; она ходила къ очагу въ церковномъ домѣ за угольями для кадильницъ; она ходила еще по двумъ, тремъ другимъ маленькимъ дѣламъ: вотъ подозрѣніе и пало на нее. Это была превосходная женщина, ея вина казалась въ высшей степени невѣроятной, но что̀ подѣлаешь противъ совпаденія уликъ? Всѣ приходили къ тому заключенію: „Воръ вошелъ чрезъ дверь ризницы; а понамариха одна могла пройти чрезъ эту дверь, и доказано, что она дѣйствительно чрезъ нее проходила; она сама въ этомъ признается“. Въ то время строго держались мнѣнія, что за всякимъ преступленіемъ долженъ былъ слѣдовать арестъ. Это давало высокое мнѣніе о чрезвычайной проницательности суда, о быстротѣ его глазомѣра, объ увѣренности, съ которою онъ уловлялъ слѣды преступленія. Невинную женщину увели нѣшкомъ подъ конвоемъ жандармовъ. Впечатлѣніе, которое производили жандармы, когда они являлись въ деревню со своимъ блестящимъ оружіемъ и своею красивою амуниціей, было громадно. Всѣ плакали; одна понамариха оставалась спокойною и говорила всѣмъ, что она увѣрена, ея невинность непремѣнно откроется.

„Дѣйствительно, уже на второй или третій день признали невозможность сдѣланнаго предположенія. На третій день деревенскіе обыватели едва смѣли заговаривать другъ съ другомъ и сообщать другъ другу свои соображенія. Всѣ, дѣйствительно, имѣли одну и ту же мысль и не смѣли ее высказать. Эта мысль имъ казалась въ одно и то же время и очевидною и нелѣпою: именно, что ключъ трепальщика льна одинъ могъ послужить къ кражѣ. Викарій избѣгалъ выходить изъ дому, чтобы не приходилось выражать подозрѣнія, которое его преслѣдовало. До тѣхъ поръ онъ не разсматривалъ бѣлья, которымъ замѣнили его собственное. Взглядъ его случайно упалъ на мѣтки: онъ удивился, съ грустью задумался, но не могъ дать себѣ отчета въ тайнѣ этихъ двухъ буквъ; такъ трудно было угадать странныя галлюцинаціи бѣдной помѣшанной.

„Онъ былъ погруженъ въ самыя мрачныя мысли, когда къ нему вошелъ трепальщикъ льна, со своею прямою высокою осанкой и блѣднѣе смерти. Старикъ остановился и расплакался. „Это она“, сказалъ онъ, „о! несчастная! Я долженъ бы былъ болѣе слѣдить за нею, лучше вникать въ ея мысли; но всегда задумчивая, она ускользала отъ моей бдительности“. Онъ открылъ тайну; минуту спустя принесли обратно въ церковный домъ украденное бѣлье.

Бѣдная дѣвушка по своему слабоумію надѣялась, что скандалъ утихнетъ, и что она потихоньку будетъ наслаждаться своею маленькою любовной хитростью. Арестованіе понамарихи и волненіе, послѣдовавшее за нимъ, испортили всю ее интригу. Еслибы нравственное чувство не замолкло въ ней до такой степени, она бы только и думала какъ бы высвободить понамариху; но она почти и не думала объ этомъ. Она была погружена въ какое-то оцѣпенѣніе, которое не имѣло ничего общаго съ угрызеніемъ совѣсти. Ее подавляла только очевидная неудача ея покушенія на чувство викарія. Всякое другое сердце, кромѣ сердца священника, было бы тронуто открытіемъ такой страстной любви. Сердце викарія ничего не почувствовало. Онъ не позволилъ себѣ размышлять объ этомъ необычайномъ случаѣ, и какъ только онъ ясно увидѣлъ невинность понамарихи, онъ спалъ, служилъ обѣдню и читалъ свой требникъ съ такимъ же спокойствіемъ какъ всегда.

Промахъ, который сдѣлали, арестовавши понамариху, открылся тогда во всемъ своемъ значеніи. Безъ него дѣло можно бы-

ло бы замять. Не было настоящаго воровства; но послѣ того какъ невинная просидѣла нѣсколько дней въ тюрьмѣ за поступокъ, признанный воровствомъ, было весьма затруднительно оставить безнаказанною настоящую виноватую. Помѣшательство не было явно; даже слѣдуетъ сказать, что помѣшательство было только внутреннее. До этого никому на умъ не приходило, чтобы дочь Кермелля была помѣшана. Наружно она была какъ и всѣ, кромѣ своей почти совершенной молчаливости. Значитъ, можно было оспаривать умственное разстройство; кромѣ того, дѣйствительное объясненіе было такъ странно, такъ невѣроятно, что даже не смѣли о немъ заявить. Такъ какъ помѣшательство не было доказано, то фактъ, что дали арестовать понамариху, былъ непростителенъ. Еслибы воровство было только шуткой, виновникъ шалости долженъ бы былъ прекратить ее раньше, чѣмъ третье лицо стало жертвой этой шутки. Несчастную арестовали и повели въ Санъ-Бріэнъ въ уголовный судъ. Она ни на минуту не выходила изъ своего совершеннаго безчувствія; она казалась внѣ міра. Мечта ея исчезла; такъ какъ греза, которую она питала нѣкоторое время и которая ее поддерживала, въ конецъ рушилась, сама она не существовала болѣе. Состояніе ея не имѣло въ себѣ ничего буйнаго, это было угрюмое молчаніе; доктора тогда ее осмотрѣли и какъ слѣдуетъ оцѣнили ея поступокъ.

Въ уголовномъ судѣ дѣло слушалось вскорѣ. Отъ нея нельзя было добиться ни одного слова. Трепальщикъ льна вошелъ прямой и твердый, съ покорнымъ видомъ. Онъ приблизился къ столу преторіи, положилъ на него свои перчатки, свой крестъ Св. Людовика, свой шарфъ. „Господа, сказалъ онъ, я могу ихъ взять назадъ только если вы мнѣ велите; моя честь въ вашихъ рукахъ. Вотъ она, которая все сдѣлала, и все же она не воровка... она больная". Добрый человѣкъ расплакался и задыхался отъ рыданій. „Будетъ, будетъ!" послышалось со всѣхъ сторонъ. Прокуроръ выказалъ много такта и, не пускаясь въ разглагольствія о рѣдкомъ случаѣ патологической влюбленности, отказался отъ обвиненія.

Совѣщаніе присяжныхъ также было непродолжительно. Всѣ плакали. Когда былъ произнесенъ оправдательный приговоръ, трепальщикъ льна снова взялъ свои знаки отличія, поспѣшно удалился, уводя свою дочь, и возвратился въ деревню ночью.

Среди этого общаго переполоха викарій не могъ не узнать истины насчетъ многаго такого, что онъ отъ себя скрывалъ.

Это его все же не тронуло. Онъ дѣлалъ видъ, что не знаетъ тѣхъ очевидныхъ фактовъ, о которыхъ всѣ говорили. Онъ не просилъ себѣ перемѣщенія; епископъ тоже не думалъ ему предложить этого. Можно бы было предполагать, что, когда онъ въ первый разъ снова увидалъ Кермелля и его дочь, онъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость. Ничуть не бывало. Онъ пошелъ въ усадьбу въ такой часъ, когда зналъ, что долженъ застать отца и дочь. „Вы тяжело согрѣшили", сказалъ онъ ей,—„менѣе своимъ сумасшедшимъ поступкомъ, который Богъ вамъ проститъ, чѣмъ тѣмъ, что дали арестовать лучшую изъ женщинъ. Съ невинною, по вашей винѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней обходились, какъ съ воровкой. Честнѣйшая женщина всего прихода была уведена жандармами на глазахъ у всѣхъ. Вы должны загладить предъ ней свою вину. Въ воскресенье, понамариха будетъ сидѣть на своей скамьѣ, въ послѣднемъ ряду, близъ церковной двери; во время „Вѣрую" вы подойдете къ ней и за руку приведете на ваше почетное мѣсто, занимать которое она заслуживаетъ болѣе васъ.

„Бѣдная помѣшанная машинально исполнила что̀ ей было сказано. Это уже болѣе не было чувствующее существо. Съ того времени почти больше не видали ни трепальщика льна, ни семьи его. Усадьба стала похожа на могилу, въ которой не обнаруживалось ни одного знака жизни.

„Понамариха умерла первая. Волненіе было слишкомъ сильно для этой простой женщины. Она ни на минуту не сомнѣвалась въ Провидѣніи; но все это ее потрясло. Она понемногу ослабѣвала. Это была святая. У нея было тонкое чувство въ отношеніи къ церкви. Нынче этого не поняли бы въ Парижѣ, гдѣ церковь мало значитъ. Однажды въ субботу вечеромъ она почувствовала приближеніе своей кончины. Ея радость была велика. Она велѣла позвать викарія; неслыханная милость занимала ея воображеніе: именно, чтобы во время воскресной литургіи тѣло ея оставалось выставленнымъ на маленькой подставкѣ, предназначенной для перенесенія гробовъ. Присутствовать, хотя мертвой, еще въ послѣдній разъ при обѣднѣ; слышать эти утѣшительныя слова, это спасающее пѣніе; быть тамъ, подъ покровомъ савана, посреди собранія вѣрующихъ, этой семьи, которую она такъ любила, слышать все, оставаясь невидимою, въ то время какъ всѣ будутъ вспоминать о ней, молиться за нее, будутъ заняты ею; быть въ общеніи еще разъ съ набожными особами, предъ тѣмъ какъ

спустится подъ землю, какая—радость! Она была ей дарована. Викарій произнесъ надъ могилой ея назидательное слово.

„Старикъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, умирая понемногу, постоянно взаперти у себя, не разговаривая болѣе съ викаріемъ. Онъ ходилъ въ церковь, но онъ не садился болѣе на свою скамью. Онъ былъ такъ крѣпокъ, что выдерживалъ восемь или десять лѣтъ эту мрачную агонію“.

„Его прогулки ограничивались нѣсколькими шагами подъ высокими липами, осѣнявшими усадьбу. И вотъ однажды онъ увидѣлъ на горизонтѣ что-то необычайное. Это было трехцвѣтное знамя, которое развивалось на колокольнѣ Трегье; только-что совершилась Іюльская революція. Когда онъ узналъ, что король уѣхалъ, онъ понялъ лучше чѣмъ когда-нибудь, что принадлежалъ къ отжившему міру. Долгъ званія, для котораго онъ пожертвовалъ всѣмъ, терялъ всякій смыслъ. Онъ не жалѣлъ о томъ, что слѣдовалъ слишкомъ возвышенному понятію о долгѣ; онъ не думалъ о томъ, что и онъ могъ бы обогатиться, какъ другіе; но онъ усумнился во всемъ, кромѣ Бога. Трегіерскіе карлисты распространяли повсюду, что это будетъ непродолжительно, что законный король возвратится. Онъ улыбался надъ этими безумными предсказаніями. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, напутствуемый викаріемъ, объяснявшимъ ему прекрасное мѣсто, которое читается при панихидѣ: „Не скорбите, какъ прочіе язычники, не имѣющіе надежды.

„По смерти его дочь осталась безо всякихъ средствъ. Согласились помѣстить ее въ госпиталѣ; тамъ ты ее и видѣлъ. Теперь, безъ сомнѣнія, она тоже умерла, и другія заняли ея постель въ общемъ госпиталѣ.“

Э. Ренанъ.
Перев. Н. Страховъ.

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ВЪ ТРУДѢ ФРАНЦУЗСКАГО УЧЕНАГО.[1]

Histoire de la Sculpture Grecque par **Maxime Collignon**. Tome premier. Paris, 1892. Firmin-Didot et C-ie.

(Окончаніе.)

II.

Третья „книга", носящая общее заглавіе: L'archaïsme avancé (Зрѣлый архаизмъ?) заключаетъ въ себѣ обозрѣніе скульптурнаго искусства Грековъ съ послѣднихъ десятилѣтій VI вѣка до Персидскихъ войнъ.

Характеристика памятниковъ начинается здѣсь также съ Іоническихъ школъ островов Эгейскаго моря и Малой Азіи, какъ и при обозрѣніи скульптуры предшествующаго періода. Мастерскія Архипелага продолжаютъ свое поступательное движеніе въ искусствѣ и владѣтели ихъ пріобрѣтаютъ себѣ славу, вызывающую ихъ на материкъ Греціи и преимущественно въ Аѳины. Художественные типы, созданные въ прежнемъ періодѣ, уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе развитымъ, болѣе свободнымъ и естественнымъ. Типъ такъ называемыхъ „Аполлоновъ" существенно отличается въ это время отъ прежнихъ: изученіе анатоміи сдѣлало значительные успѣхи; руки имѣютъ уже естественныя позы и держатъ какія-либо аттрибуты. Таковъ характеръ бронзовой ста-

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе*, кн. IV, стр. 781 и слѣд.

туэтки Аполлона съ острова Наксоса,[1] представляющей копію какого-то большаго произведенія и принадлежащей теперь Берлинскому музею. Въ правой рукѣ его флаконъ съ масломъ, употреблявшійся атлетами въ палестрахъ, въ лѣвой, теперь пустой, былъ у него нѣкогда лукъ. Типъ этотъ, созданный на островахъ, совершенствуется на материкѣ Греціи и является въ цѣломъ рядѣ произведеній, снискавшихъ себѣ большую славу въ древности. Различіе между ними лишь въ аттрибутахъ, но главныя черты схемы этого типа однѣ и тѣ же. Ни одна статуя обнаженнаго эфеба или бога не повторитъ отнынѣ прежнихъ „Аполлоновъ" съ вытянутыми по бокамъ и бедрамъ руками. Этотъ типъ отжилъ свой вѣкъ навсегда.

Грекамъ востока, Грекамъ острововъ приписывается установленіе, въ занимающій насъ періодъ, типа надгробной стелы: высѣченная изъ камня, незначительной толщины, длинная и узкая, заканчивающаяся сверху или пальметтой, или треугольнымъ фронтономъ, или имѣющая видъ двери на передней сторонѣ, она украшена скульптурнымъ изображеніемъ покойника, передающимъ не точныя черты его лица, не его портретъ, но его возрастъ, общественное положеніе, его любимыя занятія. Лучшимъ образцомъ памятника этой категоріи служитъ стела Алксенора, наксосскаго художника, работавшаго въ Орхоменѣ въ Беотіи.[2] Здѣсь представленъ пожилой человѣкъ въ состояніи покоя, который опирается лѣвою рукой на длинную, суковатую палку, а правой подаетъ прыгающей около него собакѣ какое-то маленькое насѣкомое, саранчу, по объясненію однихъ ученыхъ, видящихъ здѣсь символъ старательнаго сельскаго хозяина, который боролся при жизни съ этимъ бичемъ полей и нивъ, или кузнечика, по толкованію другихъ. Къ этой же категоріи принадлежитъ одна любопытная стела Неаполитанскаго музея:[3] и здѣсь покойникъ изображенъ въ моментъ игры его съ собакой; и здѣсь лѣвымъ плечомъ онъ опирается на такую же длинную и суковатую палку, и здѣсь правая рука протянута къ этому животному, помѣщенному у его ногъ; та же постановка фигуры вправо (для зрителя). Разли-

---

[1] Archäol. Zeitung 1879, Taf. VII.

[2] *Brunn-Bruckmann*, Denkmäler griechischer und römischer Sculptur № 41 *b*.; нашъ Учеб. Атласъ антич. ваянія I, таб. XX, № 1.

[3] *Rayet*, Monuments de l'art antique I, pl. 19.

чіе лишь въ возрастѣ и типѣ лица, въ короткой его одеждѣ, въ кругломъ флаконѣ, прикрѣпленномъ къ лѣвой рукѣ и показывающемъ любовь покойника къ упражненіямъ палестры, и, наконецъ, въ лучшей техникѣ сравнительно со стелою Алксенора.

Новѣйшія раскопки доказали распространеніе вліянія іонійскихъ скульпторовъ на искусство Аттики; но съ конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, благодаря англійскимъ изысканіямъ, стали извѣстны слѣды большаго вліянія іоническихъ художниковъ и на искусство Ликіи, въ Малой Азіи.

Рельефы надгробнаго „Памятника Гарпій“ и болѣе древніе рельефы съ изображеніями похоронныхъ процессій и обрядовъ, съ изваніями различныхъ животныхъ и миѳическихъ существъ, найденные на другихъ памятникахъ Ксанфа, главнаго города Ликіи, принадлежатъ VI вѣку и началу V. Собранные въ Британскомъ музеѣ, они издавна привлекаютъ вниманіе историковъ искусства, среди которыхъ видное мѣсто изанимаетъ нашъ отечественный археологъ, А. В. Праховъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ занимавшійся цѣлою группой этихъ памятниковъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. [1] Сравненіе большинства Ксанѳскихъ скульптуръ съ чисто іонійскими образцами приводитъ къ заключенію близкаго родства между ними. Родство это объясняется или вліяніемъ уроковъ іонійскихъ мастеровъ на художниковъ Ликіи или, что̀ болѣе вѣроятно, непосредственнымъ участіемъ іонійскихъ Грековъ въ работахъ этого рода.

Вліяніе іонійскихъ скульпторовъ не ограничивалось Ликіей: оно проникло, съ одной стороны, въ Персію, гдѣ въ барельефахъ Персеполя усматриваютъ сходство съ барельефами Эфеса; съ другой, несомнѣнно воздѣйствіе греческихъ ваятелей на скульптуру Кипра, до конца VI столѣтія отражавшаго послѣдовательно художественный стиль то Ассиріи, то Египта, то Финикіи. Эта амальгама вліяній увеличивается теперь еще подчиненіемъ кипрскихъ художниковъ греческимъ образцамъ.

Этотъ интересный вопросъ профессоромъ Коллиньономъ затрогивается лишь слегка; констатируя указанный фактъ, онъ не поясняетъ текста ни однимъ рисункомъ, ни однимъ изображеніемъ. Для французскихъ читателей это, можетъ-быть, и не столь

---

[1] *Адріанъ Праховъ*, Изслѣдованія по исторіи греческаго искусства. I. Древнѣйшіе памятники пластики изъ Ксанѳа въ Ликіи. Съ атласомъ. Спб. 1871. Ср. нашъ Учебн. Атласъ, I, таб. XV, XVI, XVII.

важно, такъ какъ и обсужденіе вопроса, и соотвѣтственные примѣры они найдутъ въ авторитетномъ сочиненіи Перро и Шипье;[1] но, въ интересахъ читателей другихъ національностей, было бы цѣлесообразнѣе главнѣйшіе примѣры привести и здѣсь.

Если болѣе важныя данныя скульптуры конца VI вѣка и начала V столѣтія до Р. Хр. Малой Азіи добыты раскопками Англичанъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то памятники ваянія этого времени, найденные въ Сѣверной Греціи, всѣ принадлежатъ болѣе позднимъ раскопкамъ. Рядъ этихъ скульптуръ столь значителенъ, что въ наукѣ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, не существовало ли здѣсь особой скульптурной школы. Вопросъ этотъ былъ поднятъ и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ знаменитымъ Генрихомъ Брунномъ; но выставленная имъ теорія нашла мало сочувствія. И нашъ авторъ, послѣ обзора главнѣйшихъ памятниковъ Македоніи, Ѳессаліи, Ѳракіи, острова Ѳазоса приходитъ къ заключенію о зависимости ихъ отъ художниковъ Іоніи не только въ сюжетахъ, но и въ одеждѣ и въ моделировкѣ тѣла изображаемыхъ фигуръ. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта зависимость яснѣе, больше, сильнѣе, въ другихъ она слабѣе и замѣчается только при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи.[2] Іонійскія колоніи на Ѳракійскомъ берегу и Халкидика должны были вліять на искусство сосѣднихъ странъ. Островъ Ѳазосъ заселенъ былъ въ VIII столѣтіи жителями Пароса и къ 500 году былъ полнымъ хозяиномъ по ближайшему берегу. Эти очаги эллинизма распространяли вліяніе іонійской скульптуры по Македоніи, Ѳессаліи и сосѣднимъ областямъ.

Окончивъ обзоръ памятниковъ „зрѣлаго архаизма“ на востокѣ и сѣверѣ Греціи, профессоръ Коллиньонъ переходитъ къ характеристикѣ художниковъ изваяніе острова Эгины. Главными представителями немалочисленной эгинской школы были Каллонъ и Онатъ, прославившіе себя работами изъ бронзы. Нашъ авторъ собралъ важнѣйшія свидѣтельства древнихъ литературъ и эпиграфики не только объ этихъ корифеяхъ, но и о ваятеляхъ второстепеннаго значенія. Упоминанія объ эгинскихъ ваятеляхъ этой эпохи, встрѣчаемыя въ недавно найденныхъ надписяхъ, даютъ

[1] *Perrot* et *Chipiez*, Histoire de l'art dans l'antiquité III, стр. 536 и слѣд. fig. 372, 415, 416; V, стр. 425, 828, 889 и слѣд.

[2] *Brunn-Bruckmann* указ. изд. №№ 58, 61, 232*b*, 233*a*—*b*; нашъ Учебн. Атласъ античн. ваянія, I таб.

ему возможность полнѣе своихъ предшественниковъ указать районъ ихъ дѣйствій. Изъ эпиграфическихъ данныхъ выясняется значеніе эгинскихъ художниковъ для Аѳинъ эпохи Пизистрата и Пизистратидовъ. Что касается характеристики памятниковъ, то, конечно, центръ тяжести падаетъ на мраморныя группы фронтоновъ храма Аѳины, или на такъ-называемые „Эгинскіе фронтоны".

Едва ли какой другой памятникъ архаическаго періода греческаго ваянія возбуждалъ столь обширную литературу, какъ скульптуры этихъ фронтоновъ. Открытый для науки въ 1811 году компаніей архитекторовъ, принадлежавшей разнымъ національностямъ, этотъ памятникъ возбудилъ съ самаго начала живое участіе ученаго и художественнаго міра, которое продолжается до новѣйшаго времени. Создалась цѣлая литература толкованій и реставрацій этихъ фронтоновъ. Въ этой энергической работѣ принимали участіе и русскіе ученые, покойный профессоръ Московскаго университета П. М. Леонтьевъ и профессоръ А. В. Праховъ, поставившій вопросъ о числѣ фигуръ этихъ фронтоновъ на новый путь.[1] Реставрація восточнаго фронтона и опредѣленіе числа скульптуръ по двѣнадцати для каждаго или двадцати четырехъ для обоихъ фронтоновъ, вмѣстѣ съ изслѣдованіями его о древнѣйшихъ памятникахъ Ксанѳа въ Ликіи, создали нашему ученому прочную извѣстность въ средѣ европейскихъ спеціалистовъ по исторіи античнаго искусства. Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ выставилъ свою теорію; появились новыя работы и изслѣдованія по этому вопросу; но теорія профессора Прахова имѣетъ на своей сторонѣ такихъ послѣдователей, какъ глава историковъ греческой скульптуры, Гейнрихъ Бруннъ, Dr. Юліусъ и авторъ занимающей насъ книги, профессоръ Коллиньонъ. Работая надъ этимъ вопросомъ послѣ всѣхъ, онъ счелъ болѣе правильнымъ толкованіе Прахова, чѣмъ Конрада Ланге, выставившаго гипотезу о четырнадцати фигурахъ въ каждомъ фронтонѣ. Любопытную особенность изложенія Коллиньона составляетъ вѣра въ принадлежность скульптуръ восточнаго фрон-

---

[1] *П. М. Леонтьевъ*, Пропилеи, I стр. 59 и слѣд.; *Адріанъ Праховъ*, Изслѣд. по ист. греч. пластики. II: О композиціи фронтонныхъ группъ эгинскаго храма Аѳины. Спб. 1871. Ср. Записки Императ. Академіи Наукъ. Т. XVIII (1870), и Annali dell' Inst. di Corrispondenza Archeologica 1873.

тона рѣзцу Oната или, по крайней мѣрѣ, въ его непосредственное руководство исполненіемъ этихъ изваяній, представляющихъ высшія достоинства сравнительно съ западнымъ фронтономъ, скульптуры которыхъ отличаются болѣе строгимъ архаизмомъ. Приписывая рисунокъ обоихъ фронтоновъ Онату, нашъ авторъ склоняется къ предположенію объ исполненіи западнаго фронтона менѣе опытнымъ мастеромъ. Въ числѣ сотрудниковъ Оната въ исполненіи восточнаго фронтона профессоръ Каллиньонъ готовъ видѣть его сына Каллителеса.

Не ограничиваясь произведеніями, происхожденіе которыхъ несомнѣнно, къ школѣ эгинскихъ мастеровъ онъ, вслѣдъ за другими, относитъ такъ называемаго „Аполлона Странгфорда", мраморную статую Британскаго музея, одну бронзовую голову воина, найденную въ Аѳинскомъ Акрополѣ и хранящуюся тамъ въ музеѣ, такъ называемаго „Батона, возницу Амфіарая", бронзовую статуэтку Тюбингенскаго университета. [1] Но доводы, которыми обставляются въ наукѣ эти пріурочиванія, все-таки остаются очень проблематичными.

Слава школы Эгинскихъ скульпторовъ, заимствовавшихъ свое искусство съ острова Самоса чрезъ посредство, можетъ-быть, Смилиса, современника Ройка и Ѳеодора, продолжалась до 456 года, когда этотъ прежде богатый и самостоятельный островъ потерялъ въ войнѣ съ Аѳинянами свою независимость. Съ паденіемъ самостоятельности Эгины, пало и процвѣтавшее здѣсь искусство. Художники выселились въ другія мѣста и продолжали тамъ свою дѣятельность уже при иныхъ условіяхъ и потому затерялись для исторіи своей отечественной школы.

Кромѣ Эгины, литейное дѣло въ второй половинѣ VI и въ первой половинѣ V столѣтія до Р. Хр. съ особенною силой процвѣтало въ скульптурныхъ школахъ Пелопоннеса, въ Сикіонѣ и Аргосѣ. Унаслѣдовавъ искусство обработки маталловъ въ предшествующій періодъ отъ критскихъ мастеровъ, главой которыхъ были Дипойнъ и Скиллисъ, много работавшія, приблизительно съ 580 года, въ разныхъ мѣстахъ Пелопоннеса, Сикіонская и Аргосская школы, въ занимающую насъ эпоху, достигаютъ громкой славы, особенно въ лицѣ двухъ главныхъ своихъ представителей, Канаха и Агелаида (иначе Агелада).

[1] Ср. *Brunn-Bruckmann* указ. изд. № 51; нашъ Учебный Атласъ I, таб. XIII, № 4; XXXI, № 2.

Канахъ принадлежалъ по происхожденію къ художественной семьѣ: дѣдъ его Аристоклъ, Критянинъ родомъ, былъ ваятелемъ изъ бронзы; отецъ его Клеота славился какъ скульпторъ и архитекторъ; братъ его Аристоклъ, работавшій въ бронзѣ, оставилъ по себѣ почетную память какъ учитель, школа котораго продолжалась въ цѣломъ рядѣ учениковъ. Канаху доступны были всѣ роды ваянія: изъ дерева, золота и слоновой кости, изъ мрамора, изъ бронзы. Число его произведеній было велико, и они разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ. Къ сожалѣнію, наука новаго времени не владѣетъ не только ни одною его оригинальною работой, но нѣтъ въ ея распоряженіи и сколько-нибудь значительной копіи. Даже о знаменитой его статуѣ Аполлона Филесія, дѣланной имъ для храма Дидимъ, близъ Милета, приходится судить только по весьма плохимъ изображеніямъ на милетскихъ монетахъ поздней поры римской имперіи и по двумъ бронзамъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ Британскому музею, а другая составляетъ собственность Лувра. [1] Молодой богъ представленъ былъ Канахомъ съ маленькимъ оленемъ на ладони правой руки и лукомъ въ лѣвой. Статуя была вылита изъ эгинской бронзы и владѣла особымъ механизмомъ, посредствомъ котораго маленькій олень приводился въ движеніе. Колоссальные размѣры ея обратили на себя жадные взоры Ксеркса, по словамъ Павсанія, или Дарія въ 494 году, какъ полагаютъ въ новой наукѣ; статуя увезена была въ Экбатану, гдѣ она и пробыла почти два столѣтія. Милетцы получили ее назадъ уже послѣ 306 года отъ Селевка I Никанора, царя Сиріи.

Наука новаго времени подвергла изслѣдованію не только монеты, сюда относящіяся, не только бронзы Британскаго музея и Лувра, но къ этому памятнику отнесла и одну мужскую статую изъ мрамора, недавно найденную въ Беотіи, при раскопкахъ Птойскаго храма. [2] И превосходная бронза Луврскаго музея и беотійскій мраморъ говорятъ намъ за то, что эта статуя Канаха сдѣлалась предметомъ подражаній уже вскорѣ послѣ своего появленія. Двойникъ ея, равный по размѣрамъ, позѣ и аттрибутамъ, но сдѣланный изъ кедроваго дерева, находился въ Өивахъ въ Беотіи.

---

[1] *Rayet et Thomas*, Milet et le golfe Lathmique, pl. 28, № 2; *Brunn-Bruckmann* указ. изд. № 78.

[2] Bull. de Correspondance hellénique 1887, pl. XIII—XIV. Ср. нашъ Учебн Атласъ I, таб. XXXI, №№ 1 и 4.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что эта была копія, вышедшая изъ мастерской самого Канаха.

Всѣ существенныя данныя какъ древнихъ текстовъ, такъ монументальной археологіи и новѣйшей ученой литературы сопоставлены нашимъ авторомъ. Кромѣ того, разсужденіе его объ этомъ предметѣ снабжено такимъ превосходнымъ изображеніемъ бронзовой статуэтки Аполлона Луврскаго музея, какое обыкновенно не встрѣчается въ трудахъ общаго содержанія. Эта бронза, представляющая передачу оригинала свободную въ подробностяхъ, въ геліогравюрѣ г. Коллиньона передана съ удивительнымъ искусствомъ.

Если почетъ Канаха Сикіонскаго основывался на его статуяхъ, то Агелаидъ (Агеладъ) Аргосскій славился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ опытнѣйшій учитель, какъ глава скульптурной школы. Преимущественно этимъ свойствомъ объясняется преданіе объ ученіи подъ его руководствомъ трехъ величайшихъ ваятелей V вѣка: Мирона, Фидія и Поликлета,—преданіе, принимаемое и доселѣ, несмотря на попытки нѣкоторыхъ новѣйшихъ археологовъ поколебать силу этихъ извѣстій древности. Многочисленны произведенія этого художника, упоминаемыя у древнихъ писателей; его бронзовые атлеты, дѣланные для Олимпіи, знаменитая группа Клеосѳена Эпидамнскаго, ѣдущаго на колесницѣ запряженной четверткой, двѣ статуи Зевса, статуя Геракла и рядъ статуй, принесенныхъ въ Дельфы Тарентинцами, и др. Говоря обо всемъ этомъ, г. Коллиньонъ счелъ возможнымъ представить нѣсколько иллюстрацій археологическаго свойства для выясненія, хотя бы въ общихъ чертахъ, типа одной изъ статуй Зевса и указываетъ возможность подражанія группѣ Клеосѳена въ вазовой живописи, въ работахъ рѣщиковъ монетъ и пр.

Кромѣ Агелаида было много и другихъ скульпторовъ въ Аргосѣ, произведенія которыхъ съ похвалой называются древними писателями. Въ концѣ VI и въ первой половинѣ V вѣка и въ Сикіонѣ и въ Аргосѣ литейное дѣло было чрезвычайно сильно. Къ сожалѣнію, подобно большинству античныхъ произведеній изъ бронзы, и эти скульптуры погибли для науки навсегда. За неимѣніемъ другихъ, болѣе славныхъ произведеній, современные ученые трудятся надъ объясненіемъ тѣхъ немногихъ бронзъ, которыя съ вѣроятностію могутъ быть отнесены къ Сикіонско-Аргосской школѣ этого времени. Такимъ образомъ въ недавнее время получили значеніе одна бронзовая статуя мальчика изъ

галлереи palazzo Sciarra въ Римѣ, представляющая побѣдителя въ какой-то дѣтской игрѣ, и одна бронзовая статуэтка юноши, играющаго въ мячъ, найденная въ Арголидѣ и поступившая въ Берлинскій музей. [1]

Проф. Коллиньонъ воспользовался этими новѣйшими разысканіями нѣмецкихъ археологовъ и первый внесъ изображенія указанныхъ памятниковъ въ трудъ, посвященный общему обозрѣнію скульптуры Грековъ, вмѣстѣ съ любопытнымъ выводомъ, сдѣланнымъ, на основаніи послѣдней бронзы, Фуртвэнглеромъ о существованіи уже приблизительно къ 470 г. до Р. Хр. въ аргосской скульптурѣ тѣхъ массивныхъ и квадратныхъ пропорцій человѣческаго тѣла, которыя поздѣе вошли въ канонъ Поликлета и затѣмъ долго жили въ греческомъ искусствѣ.

Замѣчаніями о нѣкоторыхъ бронзахъ, найденныхъ въ Додонѣ, въ Эпирѣ, и относимыхъ археологами къ пелопоннесскимъ литейщикамъ, кончаетъ г. Коллиньонъ обозрѣніе Аргиво-Сикіонской школы. Лишь нѣсколько строкъ удѣлено имъ дѣятелямъ и памятникамъ скульптуры Великой Греціи и Сициліи; нашъ авторъ какъ бы спѣшитъ покончить съ этими провинціями, чтобы поскорѣе перейти къ характеристикѣ скульптурнаго искусства Аттики и Аѳинъ, по преимуществу за время отъ Пизистрата до Персидскихъ войнъ.

Эта характеристика занимаетъ болѣе пятидесяти страницъ въ книгѣ, и не даромъ. Послѣ раскопокъ Шлиманна, удивившихъ ученый міръ новизной и обиліемъ предметовъ доисторической культуры Греціи, послѣ раскопокъ въ Пергамѣ и Олимпіи, давшихъ новые и драгоцѣнные образцы греческаго ваянія, раскопки на Аѳинскомъ Акрополѣ были самыми плодотворными изо всѣхъ изысканій, производившихся въ послѣднія десятилѣтія на почвѣ греко-римскаго міра. [2]

[1] *Studniczka*, Roemische Mittheilungen 1887, Taf. IV—V; *Furtwängler*, 50-e Programm zum Winckelmannsfeste 1890, Taf. I.

[2] Высказывая это положеніе, мы не забываемъ чудныхъ по своей красотѣ и сохранности рельефовъ на соркофагахъ, найденныхъ въ 1887 г. въ Саидѣ, на мѣстѣ древняго Сидона. Но эта удивительная находка была дѣломъ счастливаго случая, а не плодомъ методическихъ раскопокъ. Научное изданіе этихъ памятниковъ V—IV вв. только еще начинается въ трудѣ *Hamdy-Bey* et *Théodore-Reinach*, Une necropole royale à Sidon. Paris 1892. Первые два выпуска его появились только недавно и на дняхъ пріобрѣтены Кабинетомъ Изящ-

Не подаривъ науку ни однимъ произведеніемъ скульптуры классическихъ эпохъ, эти раскопки за то открыли столько новыхъ и столько интересныхъ данныхъ по исторіи архаическаго ваянія вообще и ваянія времени, начиная съ Пизистрата, что теперь передъ археологами и историками явилась совершенно новая и разнообразная картина культурной жизни Аѳинъ. Раскопки представили не только массу любопытнѣйшихъ памятниковъ скульптуры, но и цѣлый рядъ надписей съ именами художниковъ, произведенія которыхъ стояли на Акрополѣ. Эти имена указываютъ намъ пути, которыми двигалось аттическое искусство, его заимствованія, его уроки у чужихъ, иноземныхъ учителей. Послѣ этихъ открытій сдѣлалось несомнѣннымъ, что и въ Аттику искусство проникло съ востока, съ островомъ Эгейскаго моря, изъ Іоніи, подобно тому, какъ съ греческаго востока перешло искусство ваянія въ другія художественные центры собственной Греціи, на островъ Эгину, въ Пелопоннесъ и пр.

Результаты раскопокъ Аѳинскаго Акрополя составляютъ теперь главное украшеніе тамошняго музея. Это—цѣлая галлерея почти исключительно женскихъ статуй, [1] сохранившихся если далеко не вполнѣ, то все же въ такой степени, что является полная возможность судить и о типѣ ихъ лицъ, драпировкѣ прическѣ, ихъ позахъ, ихъ чрезвычайно-искусной раскраскѣ. Въ другомъ мѣстѣ, [2] на страницахъ нашего журнала, мы должны будемъ говорить объ этихъ скульптурахъ подробнѣе. Теперь же ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Этотъ богатый скульптурный кладъ найденъ былъ, вмѣстѣ съ разными архитектоническими обломками, архаическими надписями и пр.; расположенъ онъ былъ тремя рядами, которые лежали одинъ

ныхъ Искусствъ Императорскаго Московскаго Университета. См. также ст. *Th. Reinach* въ Gazette des Beaux-Arts, 1892, 3-e période, T. VII, p. 89 слѣд.; VIII, p. 177 слѣд. Право фотографированія этихъ памятниковъ принадлежитъ администраціи Константинопольскаго музея, а потому полное знакомство съ ними возможно будетъ только съ окончаніемъ вышеназваннаго роскошнаго и дорогаго изданія. Въ свое время мы представимъ на страницахъ нашего журнала отчетъ объ этой рѣдкой и по истинѣ удивительной находкѣ.

[1] Antike Denkmäler, herausgegeb. von Deutsch. Kais. Archäol. Institut. I, Taf. 19, 39, 53; *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. №№ 22, 576; нашъ Учебный Атласъ античн. ваянія I, табл. XVII—XIX.

[2] Мы разумѣемъ очерки «По Элладѣ», печатаніе которыхъ продолжится въ осеннiе мѣсяцы.

надъ другимъ и были раздѣлены между собою насыпями щебня. Несомнѣнно, статуи заложены были сюда одновременно, заразъ. Объясняютъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ. Когда солдаты Ксеркса въ 480 г. до Р. Хр. проникли на Акрополь, они сожгли храмы и разрушили находившіеся въ разныхъ мѣстахъ Акрополя памятники искусства и въ томъ числѣ и посвятительныя мраморныя статуи, сбросивъ ихъ съ постаментовъ, обломавъ имъ ноги, руки и отбивъ или совсѣмъ разбивъ имъ головы. По возвращеніи своемъ въ городъ, Аѳиняне рѣшили прежде всего укрѣпить Акрополь, построить храмы, возстановить поруганныя святыни и сдѣлать новыя изображенія боговъ. Разрушенныя статуи потеряли въ своемъ обезображенномъ видѣ всякую религіозную цѣну. Возстановить ихъ на прежнихъ мѣстахъ было невозможно. И такъ какъ для новыхъ построекъ необходимо было расширить и уравнять площадь Акрополя посредствомъ насыпей, то Аѳиняне воспользовались для этого всѣмъ, что находили на поверхности Акрополя послѣ персидскаго погрома: статуи, надписи, камни отъ сожженныхъ и разрушенныхъ зданій,—все это правильными рядами закладывалось вглубь, какъ простой матеріалъ, служившій для нивеллировки поверхности Акрополя. Возможно, конечно, что Аѳиняне скрыли эти, нѣкогда священныя статуи въ землю и для того, чтобы предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго поруганія. Способствуя возвышенію почвы Акрополя, онѣ при этомъ лежали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не досягало ихъ никакое оскверненіе.

Изученіе этихъ скульптуръ и эпиграфическихъ данныхъ показываетъ, что со времени Пизистрата, величайшаго любителя искусствъ, начавшаго цѣлый рядъ большихъ построекъ въ Аѳинахъ, сюда стали стекаться художники со всѣхъ странъ, по призыву правительства или же сами, въ ожиданіи выгодныхъ для себя заказовъ. Скульпторы Малой Азіи, Самоса, Хіоса, Пароса, Наксоса явились сюда и украсили городъ своими изваяніями. Работая на виду у всѣхъ, сообщая уроки другимъ, эти художники греческаго востока передавали новыя начала искусства мѣстнымъ скульпторамъ. Вмѣстѣ съ подражаніемъ новымъ образцамъ, аѳинскіе мастера научались вмѣстѣ съ тѣмъ и техникѣ работы въ новомъ матеріалѣ. Дѣлая свои изваянія до той поры изъ дерева, мягкаго известняка и частію изъ гимметскаго мрамора, аѳинскіе ваятели съ вѣка Пизистрата начинаютъ употреблять въ дѣло по преимуществу паросскій мраморъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ у нихъ только въ эту эпоху, благодаря переселенію

скульпторовъ съ островов Эгейскаго моря. Этотъ мраморъ отнынѣ вытѣсняетъ известнякъ пирейскихъ копей навсегда и входитъ въ большое употребленіе въ аттическомъ ваяніи.

Но если данныя новѣйшихъ раскопокъ позволяютъ теперь говорить о работахъ для Аѳинъ восточныхъ художниковъ, Эндея (Ἔνδοιος), ставшаго изъ природнаго Аѳинянина прежнихъ ученій теперь Іонянином ъ, Архерма, главы—Хіосской школы, Аристіона съ острова Пароса, Алксенора съ острова Наксоса, то тѣ же раскопки показываютъ намъ имена скульпторовъ, пришедшихъ въ этотъ періодъ съ запада, изъ Пелопоннеса и съ острова Эгины. Имена Каллона и Оната, эгинскихъ художниковъ, указываютъ, что вліяніе западныхъ скульптурныхъ школъ появилось позднѣе іонійскаго вліянія и потому его относятъ къ самому концу разсматриваемаго періода, ко времени приблизительно 500—480 г. до Р. Хр.

Вмѣстѣ съ художниками-пришельцами работаютъ въ разсматриваемую эпоху и природные Аѳиняне: Эпистемонъ, Каллонидъ, Эвенорь, Пиѳій, Филонъ, Филермъ, Ѳебадъ, Элевферъ, Эвтиклъ, Антенорь.

Проф. Коллиньонъ рядомъ сопоставленій эпиграфическихъ свидѣтельствъ и важнѣйшихъ образцовъ скульптуры, найденныхъ при недавнихъ раскопкахъ Акрополя, знакомитъ съ существенными чертами искусства этого времени. Въ виду того, что археологическій матеріалъ представленъ, главнымъ образомъ, женскими фигурами, и нашъ авторъ болѣе занимается характеристикой женскаго типа. Начавши съ образца, напоминающаго форму древнѣйшихъ ксоана (τὰ ξόανα первоначально грубыхъ деревянныхъ изваяній, а потомъ, на подобіе ихъ дѣланныхъ и изъ камня), онъ рисуетъ затѣмъ типы наиболѣе изысканные, указывая, какъ постепенно совершенствовалось искусство въ своемъ развитіи, какъ мало-по-малу исчезала обязательная прежде улыбка въ изваяніяхъ этого рода, какъ вырабатывались въ искусствѣ болѣе правильныя и болѣе изящныя черты женскаго лица.—Вопросъ объ искусствѣ раскраски (полихроміи) этихъ статуй, проявляющійся въ волосахъ, украшеніяхъ головы, по краямъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ одеждъ, вопросъ о томъ, насколько могутъ считаться эти посвятительныя статуи жрицъ, дочерей и женъ богатыхъ Аѳинянъ настоящими портретами дарительницъ, вопросы костюма Аѳинянокъ этой эпохи и многое другое находятъ себѣ удовлетворительные отвѣты въ

очеркѣ профессора Коллиньона, являющемся лишь краткимъ *резюме* его подробной статьи объ этомъ предметѣ, помѣщенной имъ, въ 1890 году, въ журналѣ Revue des Deux Mondes.

Гораздо менѣе у насъ данныхъ для сужденія о *мужскихъ* статуяхъ Аѳинъ даннаго времени, хотя и здѣсь имѣется нѣсколько образцовъ мужскихъ головъ, принадлежавшихъ нѣкогда статуямъ. И тутъ одинъ и тотъ же законъ развитія. Некрасивыя и неправильныя лица, съ глазами, живо напоминающими косточку миндаля, съ обязательною улыбкой, уступаютъ затѣмъ мѣсто формамъ болѣе правильнымъ, въ которыхъ только архаическая прическа да какая-то суровость выраженія, ничѣмъ не мотивируемая, говорятъ за принадлежность ихъ къ до-фидіевскому вѣку.

Раскопки на Акрополѣ Аѳинъ не только открыли изваянія скульпторовъ, неизвѣстныхъ дотолѣ въ исторіи греческаго ваянія, но и пополнили наши свѣдѣнія касательно аѳинскаго художника *Антенора*, имя котораго связано съ исторіей группъ *Гармодія и Аристогитона*. Антенору былъ сдѣланъ Аѳинянами заказъ воздвигнуть памятникъ убійцамъ Гиппарха, сына Пизистрата, какъ мученикамъ за свободу отечества, вскорѣ послѣ паденія тиранніи Пизистратидовъ въ 510 году до Р. Хр. Исполненная имъ изъ бронзы, эта группа *Тиранноубійцъ* (Τυραννόκτονες) поставлена была на главной площади города ('Αγορά) и здѣсь стояла до 480 года, пока Ксерксъ не увезъ её съ собою въ Экбатану. Аѳиняне, огорченные этою потерей, заказали воспроизвести эту группу двумъ скульпторамъ, Критію и Несіоту. А спустя приблизительно двѣсти лѣтъ Антіохъ, сынъ Селевка, возвратилъ Аѳинянамъ и группу Антенора. Съ теченіемъ времени обѣ группы исчезли съ лица земли и память о „Тиранноубійцахъ“ сохранилась для ученаго міра, помимо литературныхъ источниковъ, въ изображеніяхъ на аѳинскихъ монетахъ, въ вазовой живописи, въ одномъ мраморномъ барельефѣ, найденномъ въ Аѳинахъ, и въ большой мраморной группѣ Неаполитанскаго музея и пр.

Если новѣйшія археологическія раскопки не возвратили намъ ни одной изъ вышеназванныхъ бронзовыхъ группъ, то онѣ подарили насъ женскою статуей съ постаментомъ, носящимъ имя Антенора. Профессоръ Коллиньонъ воспользовался и прежними, и новыми данными для сужденія о достоинствѣ мраморной копіи Неаполитанскаго музея.[1] Изучая новооткрытую женскую статую[2] со сто-

[1] Ср. между прочимъ нашъ Учеб. Атласъ античн. ваянія I, таб. XXX.

[2] *Bruun-Bruckmann*, указ. изд. № 22; Antike Denkmäler herausgegeb. vom Kais. Deutsch. Arch. Instit. I, Taf. 53.

роны стиля, онъ склоняется къ мысли, что неаполитанская группа была воспроизведеніемъ изваянія Антенора, а не повторенія, исполненнаго Критіемъ и Несіотомъ. При отсутствіи слѣдовъ какъ той, такъ и другой группы, положительное сужденіе въ этомъ темномъ вопросѣ, конечно, невозможно. Удачнѣе представляется намъ сопоставленіе одной ново-найденной мраморной статуи юноши съ изваяніемъ Гармодія неаполитанской группы. Сходство въ строеніи черепа, сходство чертъ лица здѣсь дѣйствительно близко съ Гармодіемъ; также справедливы и замѣчанія о близости прически его къ извѣстнымъ намъ образцамъ пелопоннесскаго ваянія этой эпохи. Если столь очевидно вліяніе іонійскихъ мастеровъ въ сферѣ пышно одѣтыхъ и кокетливо причесанныхъ женскихъ статуй, то вліяніе пелопоннесскихъ художниковъ на аттическое искусство несомнѣнно проявилось въ моделировкѣ обнаженнаго тѣла мужскихъ изваяній.

Памятники рельефной скульптуры Аѳинъ занимающей насъ эпохи въ настоящее время также далеко нестоль малочисленны, какъ это было до раскопокъ новѣйшаго времени. Въ распоряженіи науки теперь существуютъ и отрывки фронтонной группы храма Аѳины, построеннаго Пизистратомъ на Аѳинскомъ Акрополѣ, причемъ свое мѣсто получила и голова этой богини, извѣстная уже издавна; бóльшую ясность получили фрагменты какой-то процессіи боговъ, отъ которой съ давняго времени имѣются изображеніе женской (?) фигуры, восходящей на колесницу, [1] и часть изображенія Гермеса въ позѣ быстрой ходьбы. Матеріалъ увеличился изображеніемъ принесенія даровъ Аѳинѣ со стороны цѣлаго семейства, отца, матери и дѣтей; явились новые надгробные памятники съ рельефными изображеніями, хотя ни одинъ изъ нихъ не превосходитъ надгробной стелы Аристіона, [2] давно сдѣлавшейся классическою для этой эпохи. Этотъ „мараѳонскій воинъ“, какъ его прежде называли, и доселѣ удерживаетъ свое первенствующее мѣсто.

Разсмотрѣніе новыхъ статуй и рельефовъ Аѳинъ и Аттики приводитъ проф. Коллиньона къ указанію изящества позъ, стройности тѣлодвиженій женскихъ фигуръ,

[1] *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. № 40; нашъ Учебн. Атласъ I, табл. XXV № 4; XXVI, № 4.

[2] *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. № 41 *a*; нашъ Атласъ I, табл. XXV, № 3.

чистоты очертаній и необычайной законченности работы, какъ основныхъ свойствъ всѣхъ произведеній аттическаго архаизма. „Таково наше впечатлѣніе,—говоритъ онъ,—когда мы оставляемъ древнюю аттическую скульптуру. Если мы должны были указывать на вліянія, которымъ она подвергалась, обозначать послѣдовательныя воздѣйствія на нее школъ Іоніи и Пелопоннеса, то, съ другой стороны, мы не можемъ не признать и этихъ высшихъ качествъ, которыя составляютъ племенное достояніе Аѳинянъ. Правда, во время Пизистратидовъ аѳинскіе художники доводятъ эти качества до излишества, ихъ инстинктъ къ изящному, ихъ утонченность даже въ мелочахъ, ихъ любовь къ отчетливости приводятъ ваятелей часто къ манерности и сухости. Но это какъ бы недостатки юности. Выдѣлите требованія условности и неопытность архаизма, и вы узнаете свойства, которыя обѣщаютъ силу традиціи и блестящую самобытность. Такъ, эта жилка аттицизма не затеряется, и мастера, какъ Каламидъ и Пракситель, будутъ прямыми наслѣдниками этихъ старинныхъ аттическихъ скульпторовъ, столь искренно увлеченныхъ красотой и мягкостію пластической формы.“

Очеркомъ общихъ свойствъ греческаго архаизма заканчивается третья книга занимающаго насъ сочиненія.

Основныя черты этой заключительной характеристики слѣдующія. Первые успѣхи въ искусствѣ Греція сдѣлала въ восточной половинѣ своей территоріи и была здѣсь ученицей Египта и Ассиріи. Отъ нихъ она получила первыя указанія, у нихъ она заимствовала и техническіе пріемы, и типы. Но она не остановилась на этихъ заимствованіяхъ, не ограничилась простымъ копированіемъ своихъ образцовъ. Оттого исторія греческаго архаизма является исторіей искусства, которое, будучи обязано учиться, беретъ уроки, но на практикѣ дѣйствуетъ противъ своихъ наставниковъ. Самобытное свойство греческаго искусства древней поры заключается въ постоянномъ исканіи лучшихъ формъ, въ постоянномъ стремленіи къ идеалу. Поэтому-то греческіе ваятели успѣваютъ въ разсмотрѣнный періодъ дойти отъ грубаго типа обнаженнаго „Аполлона“ изъ Орхомена до изящной фигуры Аполлона Дидимейскаго въ произведеніи Канаха, отъ грубаго деревяннаго женскаго идола до кокетливыхъ женскихъ фигуръ Аѳинскаго Акрополя. Путемъ постояннаго изученія костюма они достигаютъ необычайнаго для всего восточнаго искусства изящества драпировки какъ мужскихъ, такъ, въ особенности, жен-

скихъ изваяній; благодаря тому же исканію уроковъ у природы, они дѣлаютъ значительные успѣхи въ изображеніи божескихъ лицъ, въ отличіе отъ страшныхъ ликовъ божествъ Востока; постоянный прогрессъ замѣчается и въ выработкѣ типовъ человѣческихъ лицъ.

Не зная стѣсненія ни Египта, гдѣ искусство постоянно чувствуетъ свою декоративную и погребальную роль, ни Ассиріи, гдѣ оно призвано было только для прославленія деспотовъ и ихъ дѣяній, греческое ваяніе поступаетъ свободно въ выборѣ сюжетовъ и ставитъ своей цѣлью лишь красоту формы и возможное для архаической поры приближеніе къ природѣ. Культъ формы появляется впервые въ Греціи. Онъ возбуждаетъ старательное изученіе пропорцій человѣческаго тѣла и анатоміи. Греческіе скульпторы не ограничиваются каноническими формами Востока, но въ школахъ Эгины и Пелопоннеса предаются спеціальному изученію строенія въ особенности мужскаго организма; внимательно слѣдятъ за игрой мускуловъ, жилъ и венъ, стараются уловить изящество внѣшней формы въ своемъ, еще пока тѣсномъ, кругѣ условныхъ позъ.—Новую замѣчательную черту архаическаго искусства Грековъ составляетъ необычайная способность ваятелей въ усвоеніи техники. Дерево, мягкій известнякъ, бронза, золото, свинецъ и мраморъ—все идетъ у нихъ въ дѣло, и къ концу занимающаго насъ періода греческіе художники проявляютъ замѣчательныя способности и большую опытность въ техникѣ скульптурнаго дѣла.

При такихъ свойствахъ греческаго характера, дальнѣйшее развитіе искусства само собою становилось несомнѣннымъ. Лишь бы обстоятельства внутренней жизни не оказали тому противодѣйствія. Историческія же судьбы Греціи послѣ 480 года, напротивъ, содѣйствовали подъему художественнаго духа какъ нельзя болѣе. Они вызвали и создали ту „эпоху великихъ мастеровъ ваянія“, изображенію которой посвящена четвертая и послѣдняя книга сочиненія профессора Коллиньона.

Существенную черту искусства эпохи, слѣдующей за Персидскими войнами, составляетъ то, что вмѣсто обилія и разнообразія художественныхъ школъ прежняго времени скульпторы группируются отнынѣ въ двухъ центрахъ, въ Аѳинахъ и Аргосѣ. Художники всѣхъ другихъ мѣстъ играютъ лишь второстепенное

значеніе. Эпоха великихъ мастеровъ достигаетъ своего зенита въ лицѣ Фидія. Но и этотъ величайшій изъ скульпторовъ міра не явился самъ собою, а имѣлъ многихъ предшественниковъ, которые облегчили и подготовили ему путь. Обозрѣнію дѣятельности этихъ предшественниковъ исторія удѣляетъ подобающее мѣсто и вниманіе. Гегія, Критій, Несіотъ, Каламидъ, Миронъ, работавшіе въ Аѳинахъ, Пиѳагоръ изъ Регіона (въ южной Италіи), представитель направленія Пелопоннесскаго искусства—вотъ наиболѣе извѣстные изъ этихъ скульпторовъ, которые шли непосредственно предъ Фидіемъ и младшимъ современникомъ его Поликлетомъ, главой Пелопоннесской школы. На время, предшествующее Фидію, приходятся и скульптурныя украшеніе храма Зевса Олимпійскаго.

Археологическія раскопки послѣднихъ десятилѣтій для этого періода были благодѣтельны преимущественно выясненіемъ характера скульптуръ Олимпіи и нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ относительно Фидія и его вѣка. Но это нисколько не означаетъ того, чтобы ученіе о предшественникахъ великаго ваятеля не подвинулось впередъ въ литературѣ послѣдняго времени. Нѣтъ, именно этой эпохѣ посвящено новѣйшими учеными много труда и оттого многіе памятники западно-европейскихъ музеевъ получили иное освѣщеніе и образъ нѣкоторыхъ мастеровъ этого времени становится теперь яснѣе прежняго. Проф. Коллиньонъ принялъ въ соображеніе и новые археологическіе и художественные матеріалы, и важнѣйшія изслѣдованія, относящіяся къ этому періоду греческаго искусства. Внимательное отношеніе его къ этому прогрессу науки дало ему возможность и здѣсь представить нѣкоторыя главы полнѣе своихъ предшественниковъ. Таковы, напримѣръ, его характеристика Мирона съ его вліяніемъ на современниковъ и потомство, такова въ общемъ его глава о художникахъ переходнаго времени (maîtres de transition). Тому, кто слѣдилъ за археологическою литературой послѣднихъ лѣтъ, ясно, откуда г. Коллиньонъ черпаетъ эти пополненія о Каламидѣ, Миронѣ и о нѣкоторыхъ памятникахъ античнаго ваянія, теперь объясняемыхъ иначе, чѣмъ прежде. Эти нововведенія въ общемъ сочиненіи по исторіи греческой скульптуры являются плодомъ старательнаго изученія г. Коллиньономъ новѣйшей археологической литературы какъ своей, такъ и иностранной и преимущественно нѣмецкой.

Представителями переходной эпохи отъ строгаго арха-

изма къ свободному искусству вѣка Фидія были главнымъ образомъ Каламидъ и Пиѳагоръ изъ Регіона (въ южной Италіи, нынѣ Reggio въ Калабріи). Каламидъ, происхожденіе котораго въ наукѣ доселѣ не установлено съ точностію, былъ современникомъ Кимона и работалъ въ Аѳинахъ. Значеніе его художественнаго таланта опредѣляется чрезвычайною распространенностью его произведеній по всей Греціи и стеченіемъ заказовъ къ нему со всѣхъ сторонъ греческаго міра. Заказчики направлялись къ нему съ сѣвернаго берега Понта Эвксинскаго (Черное Море), изъ Сициліи, изъ разныхъ городовъ Пелопоннеса; нѣсколько произведеній его было въ Беотіи, много статуй и группъ въ Олимпіи, его изваянія стояли въ Аѳинахъ. Отличный литейщикъ изъ бронзы, онъ съ большимъ успѣхомъ работалъ въ золотѣ, слоновой кости и въ мраморѣ. Судьба не пощадила ни одного изъ произведеній этого художника, игравшаго при Кимонѣ такую же роль, какъ Фидій при Периклѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ перевезены были въ Римъ, какъ, напримѣръ, статуя Аполлона, взятая Лукулломъ изъ Аполлоніи на Понтѣ Эвксинскомъ.

Литературныя свидѣтельства, помогающія въ другихъ случаяхъ нѣкоторому возстановленію образа древнихъ художниковъ, въ отношеніи Каламида наиболѣе связаны съ группой Гермеса, несущаго барана на плечахъ (Гермесъ Кріофоръ), исполненной имъ по заказу жителей Танагры въ Беотіи. Происхожденіе этой группы ставилось въ связь съ избавленіемъ Танагры отъ моровой язвы чудомъ Гермеса, обнесшаго, по преданію, вокругъ этого города барана на раменахъ своихъ. Отраженіе этого изваянія Каламида видятъ обыкновенно на танагрійской монетѣ съ тожественнымъ изображеніемъ. Нѣкоторые ученые склонны были видѣть копіи, хотя бы и отдаленныя, той же скульптуры въ одной статуэткѣ Гермеса съ бараномъ на плечахъ, находящейся въ Wilton-House въ Англіи,[1] и еще болѣе въ барельефномъ изображеніи одного маленькаго жертвенника Національнаго музея въ Аѳинахъ.[2] Но уже одно обстоятельство, что Гермесъ

---

[1] *Clarqck*, Musée de Sculpture pl. 658, № 1545 B; нашъ Учебн. Атласъ античн. ваянія II, табл. I, № 1. Кабинетъ Изящныхъ Искусствъ Московскаго университета владѣетъ фотографіей съ этого памятника, нарочно снятой съ гипсоваго слѣпка, находящагося въ музеѣ South-Kensington въ Лондонѣ.

[2] Lutzow, Annali dell' Inst. di Corrisp. Archeol. 1869, tav. d'agg. J. K., нашъ Учебн. Атласъ II, табл. I, № 2.

танагрійской монеты считается безбородымъ, [1] а въ этихъ двухъ послѣднихъ изваяніяхъ этотъ богъ представленъ съ густою бородой, отнимаетъ вѣру въ это сопоставленіе. Нашъ авторъ также не находитъ возможнымъ сопоставлять эти изображенія Гермеса съ группой Каламида.

Не менѣе скептицизма проявляетъ проф. Коллиньонъ и въ вопросѣ о другихъ памятникахъ древности, пріурочиваемыхъ къ этому ваятелю. Извѣстно, что талантъ Каламида, выпускавшаго изъ своей мастерской обѣтныя группы, статуи божествъ, квадриги и изображенія конскаго бѣга, отличался большимъ разнообразіемъ; работы его славились изяществомъ и граціей (λεπτότης, χάρις), которыя указываются критиками какъ основное достоинство его произведеній. Нѣкоторые ученые новаго времени въ Аполлонѣ Choiseul-Gouffier, мраморной статуѣ Британскаго музея и „Аполлонѣ на Омфалосѣ“, какъ ложно называли его раньше, [2] мраморной статуѣ Національнаго музея въ Аѳинахъ, видѣли реплики статуи Каламида „Аполлонъ Алексикакосъ“, стоявшей въ Аѳинахъ съ лукомъ въ одной рукѣ и лавровою вѣтвью, перевитою шерстяными повязками, символомъ очищенія, въ другой. Къ этой ли именно статуѣ нужно относить выше названныя мраморныя копіи, сказать, конечно, трудно; несомнѣнно только, что въ основѣ ихъ лежитъ какой-то оригиналъ, пользовавшійся большою славой, такъ какъ кромѣ этихъ изваяній есть еще и другія копіи того же самаго типа. Не отрицая возможности отнесенія этихъ статуй къ прототипу Каламида, вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ готовъ приписать оригиналъ этихъ скульптуръ какому-нибудь современнику Каламида, работавшему между 460 и 450 годами до Р. Хр. Къ этой же приблизительно эпохѣ и къ художнику Аттической школы относитъ онъ и мраморную статую Ватикана, извѣстную прежде подъ именемъ „Горюющій Пенелопы“ и недавно развѣнчанную въ безыменный надгробный памятникъ какой-то Аѳинянки. [3]

Каламидъ былъ главнымъ представителемъ скульптурнаго искусства переходной поры въ Аттической школѣ. Таково же зна-

[1] Изображеніе этой монеты съ очень блѣднымъ рельефомъ см. Archäol. Zeitung 1879, Taf. 9 № 12 и въ нашемъ Учебн. Атласѣ II, табл. XL III, № 1.

[2] Conze, Beiträge zur Gesch. d. griech. Plastik Taf. III–IV; Journal of Hellen. Studies I, tab. V; *Brunn-Bruckmann* указ. изд. № 42; нашъ. Учеб. Атласъ, I, таб. XXXI, №№ 3 и 5.

[3] Antike Denkmäler, herausg. vom. Kais. Deutsch. Arch. Instit. I, Taf. 31 A.

ченіе Пиѳагора изъ Регіона, скульптора дорической школы, жившаго и работавшаго одновременно съ Каламидомъ. Самосецъ по происхожденію, онъ въ ранней юности переселился въ Южную Италію и здѣсь сдѣлался ученикомъ дорическаго ваятеля изъ бронзы, Клеарха изъ Регіона, подъ руководствомъ котораго и усвоилъ себѣ главнѣйшіе пріемы Пелопоннесскихъ художниковъ. Подобно имъ, онъ дѣлалъ много бронзовыхъ статуй атлетовъ, которыя послѣ стояли въ Олимпіи. Талантъ его былъ чрезвычайно разнообразенъ, и произведенія его, воплощавшія въ бронзѣ различные миѳы религіознаго и героическаго цикла, славились въ Ѳивахъ, въ Дельфахъ, въ Сиракузахъ, въ Тарентѣ.

Но среди длиннаго ряда его статуй и группъ особымъ почетомъ пользовался его „Хромой Филоктетъ", стоявшій въ Сиракузахъ. Герой, раненый змѣей у жертвенника Аѳины и оставленный на островѣ Лемносѣ, изображенъ былъ переставляющимъ ноги съ страшною болью въ ранѣ. Вѣрность изображенія патетическаго сюжета возбуждала въ древнихъ состраданіе къ этому бронзовому изваянію, какъ живому человѣку. Мастерство исполненія этой сложной по своимъ мотивамъ статуи вызывало подражаніе въ рѣзчикахъ камней, и потому археологи готовы относить нѣкоторые образцы ихъ къ изваянію Пиѳагора. [1]—Древніе приписывали этому художнику усовершенствованіе изображенія волосъ, до него представлявшихся лишь схематически, въ условныхъ формахъ; къ нему относили особую заботу о передачѣ игры мускуловъ и выступа венъ въ разныхъ положеніяхъ человѣческаго организма; онъ же положилъ много изученія надъ вопросами симметріи и ритма въ движеніяхъ тѣла. Но объ этомъ художникѣ можно говорить исключительно по литературнымъ даннымъ, такъ какъ доселѣ не удалось ни одну изъ статуй древности пріурочить къ его имени.

О характерѣ вліянія Пелопоннесскаго искусства половины V вѣка до Р. Хр. можно судить по горельефамъ метопъ храма Геры въ Селинунтѣ; изъ нихъ лучше сохранились изображенія Аѳины, сражающейся съ гигантомъ, наказанія Актеона Артемидой, борьбы Геракла и Амазонки и особенно изображеніе свадьбы Зевса и Геры. [2]

---

[1] Снимокъ наиболѣе вѣрный съ геммы Берлинскаго музея намъ довелось помѣстить въ Учебн. Атласѣ II, таб. XLIII, № 2.

[2] *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. №№ 290; 291; нашъ Учебный Атласъ I, табл. XIV, №№ 2, 3, 4.

О характерѣ литейнаго дѣла собственнаго Пелопоннеса за эту переходную эпоху археологи судятъ лишь по нѣкоторымъ бронзамъ европейскихъ музеевъ. Ни происхожденіе этихъ бронзъ, ни ихъ авторы неизвѣстны. Поэтому пріуроченіе ихъ къ кануну Фидіева вѣка и къ школѣ Пелопоннеса чисто гадательное. Такова статуя „Мальчика, вынимающаго занозу изъ ноги", принадлежащая Капитолійскому музею, бронзовый бюстъ молодаго атлета, находящійся въ Мюнхенской глиптотекѣ, Танцовщица, найденная въ Геркуланѣ и стоящая теперь въ Неаполитанскомъ музеѣ и нѣкоторые другіе бронзы и мраморы.

Особую главу въ исторіи этой переходной эпохи проф. Коллиньонъ отводитъ скульптурамъ храма Зевса въ Олимпіи. Неизвѣстны въ точности ни годъ основанія, ни время окончанія сооруженія этого храма. Начатый на средства Элейцевъ, принесшихъ сюда всю свою военную добычу, полученную ими въ войнѣ со своими сосѣдями, жителями Писатской области, какъ думаютъ, вскорѣ послѣ 469 года до Р. Хр., этотъ храмъ въ 456 году былъ украшенъ щитомъ съ изображеніемъ Горгоны, который былъ прикрѣпленъ на восточномъ конькѣ Спартанцами въ благодарность за побѣду при Танагрѣ надъ союзническими силами Аѳинъ и Аргоса. Еслибы предположить, что къ этому году не были готовы украшенія фронтоновъ храма, то скульптурныя изваянія метопъ, поставленныхъ на своемъ мѣстѣ одновременно съ кладкою верхнихъ рядовъ стѣнъ целлы, должны были быть уже готовы. Оттого обзоръ скульптуръ храма Зевса Олимпійскаго принято начинать съ метопъ, затѣмъ переходить къ фронтонамъ и позднѣе всего разсматривать знаменитую статую бога, дѣланную Фидіемъ.

Метопъ, украшенныхъ изваніями, было двѣнадцать, и расположены были онѣ по шести съ восточной и съ западной стороны храма въ пронаосѣ и опистодомѣ. Содержаніемъ ихъ служили подвиги Геракла.

Только незначительная часть ихъ найдена во время раскопокъ въ удовлетворительномъ состояніи. А потому естественно, что нашъ авторъ для характеристики ихъ остановился лишь на четырехъ образцахъ: Гераклъ и Атлантъ, очищеніе Геракломъ конюшенъ Авгія, Гераклъ, подносящій Аѳинѣ Стимфалидскихъ птицъ, Гераклъ и Критскій волъ. Занимаясь тѣмъ же вопросомъ три года назадъ, при составленіи пособія для студентовъ университета, мы вынуждены были ограничиться этими же самыми

образцами и тѣмъ же числомъ ихъ. [1]—Описаніе изображеній этихъ метопъ у проф. Коллиньона не отличается подробностями, ограничиваясь лишь существенно важнымъ въ ученіи о стилѣ. Сравнительное разсмотрѣніе метопъ приводитъ его къ заключенію о принадлежности этихъ изваяній мастерамъ, которые владѣли художественнымъ взглядомъ широкимъ и свободнымъ, знали требованія декоративной скульптуры, обладали способностію техники въ одно и то же время плавной и трезвой (une execution à la fois coulante et sobre). Все это уполномочиваетъ насъ видѣть въ нихъ мастеровъ широкаго стиля, хотя еще и платящихъ свою дань архаизму и въ композиціи, то иногда слишкомъ сухой, то болѣе должнаго допускающей пустоты, и въ манерѣ оставлять многое на долю живописи или раскраски (полихроміи), не доводя скульптурной работы до полной оконченности въ произведеніяхъ, предназначенныхъ стоять высоко надъ зрителемъ.

Объясненію фронтоновъ, оцѣнкѣ ихъ художественнаго стиля и обсужденію связаннаго съ этимъ вопроса о творцахъ этихъ сложныхъ по сюжету и исполненію изваяній отведено мѣста, какъ и слѣдовало ожидать, несравненно болѣе. Положивъ въ основу своего разсужденія тотъ распорядокъ фигуръ восточнаго и западнаго фронтоновъ, въ какомъ онѣ размѣщены въ музеѣ Олимпіи, мѣстѣ ихъ храненія, г. Коллиньонъ принимаетъ въ разсчетъ и сказанія миѳологіи для выясненія сюжета, и описаніе Павсанія [2], видѣвшаго фронтоны на своихъ мѣстахъ во II вѣкѣ нашей эры, и свое непосредственное впечатлѣніе, вынесенное изъ знакомства съ оригиналами, и главнѣйшее изъ новѣйшей ученой литературы, которая растетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, такъ что конца не видно предложеніямъ разныхъ реставрацій цѣлаго.

Содержаніемъ восточнаго фронтона служило приготовленіе Ѳномая, царя Писы, и Пелопса, царевича Лидіи, къ состязанію въ скачкѣ, которая должна была происходить на пространствѣ между Олимпіей и Коринѳскимъ перешейкомъ. Центръ этой скульптурной картины занимала статуя Зевса; по бокамъ ея размѣщены были: Ѳномай съ женой своею Стеропой и Пелопсъ съ будущею невѣстой Ипподаміей. Колесницы съ конями, конюхи и другія второстепенныя фигуры вмѣстѣ съ лежавшими по угламъ изва-

[1] Учеб. Атласъ антич. ваянія I, таб. XXXV.
[2] Pausan. V, 10, 6 и слѣд.

яніями рѣкъ Кладея и Алфея дополняли остальное. Послѣ описанія главнѣйшихъ фигуръ и характеристики ихъ со стороны стиля, нашъ авторъ останавливается на реставраціи проф. Трея, предпочитая ее всѣмъ другимъ, своимъ и иностраннымъ.

Восточному фронтону, отличающемуся сравнительною бѣдностью замысла композиціи и поражающему глазъ своею монотонностью, которая не исчезаетъ ни въ одной изъ предложенныхъ реставрацій, совершенную противоположность представляетъ западный фронтонъ, сюжетомъ котораго служилъ миѳъ о битвѣ Лапиѳовъ съ Кентаврами на свадьбѣ Пириѳоя. Мраморная картина этой борьбы людей и героевъ съ полуживотными, злодѣйски наругавшимися надъ священными правами своихъ хозяевъ, исполнена чрезвычайнаго движенія и силы, при всѣхъ свойствахъ этой, еще во многомъ архаической, работы. Группы враговъ представлены въ самыхъ сложныхъ и трудныхъ позахъ, по два и по три лица, симметрически расположенными по обоимъ крыльямъ фронтона, середина котораго отведена для стоящей фигуры Аполлона, отца, по одной изъ версій преданія, Кентавровъ и Лапиѳовъ. Во главѣ послѣднихъ, вмѣстѣ съ Пириѳоемъ, бьется и Ѳесей, прибывшій изъ Аѳинъ на свадебный пиръ своего друга. По композиціи западной фронтонъ стоитъ несравненно выше восточнаго, страдающаго и отъ пустотъ, и отъ этого сопоставленія рядомъ нѣсколькихъ вертикальныхъ фигуръ въ одной линіи, какъ бы на какомъ-то парадѣ. Свойство сюжета дало возможность художникамъ развить всю свою силу въ изображеніи контраста, лежавшаго между Лапиѳами, какъ культурной расой людей, и Кентаврами, съ ихъ инстинктами чисто животной природы. Эта противоположность выступаетъ съ особою очевидностью, при сравненіи лицъ участниковъ этой битвы: на лицахъ Пириѳоя, Лапиѳянокъ и молодыхъ Лапиѳовъ лежитъ несомнѣнная печать благородства, налагаемая культурою, образованіемъ и тѣмъ ярче отражающая дикость физіономій Кентавровъ.

Группу за группой и фигуру за фигурой этой картины проводитъ предъ читателями нашъ авторъ, пользуясь при своихъ объясненіяхъ превосходными изображеніями памятника, воспроизведенными съ небывалымъ изяществомъ и точностью двумя французскими учеными, Лалу и Монсо (Laloux et Monceaux) въ ихъ роскошномъ изданіи La Restauration d'Olympie (Paris 1889), и указываетъ и достоинства изваяній и недостатки исполненія

ихъ, какъ бы спѣшнаго, не останавливающагося долго на отдѣлкѣ подробностей.

Обозрѣніе скульптуръ храма Зевса Олимпійскаго, являющихся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній науки послѣднихъ десятилѣтій и открывшихъ собою новые горизонты въ исторіи архаическаго періода греческаго ваянія, профессоръ Коллиньонъ заканчиваетъ обсужденіемъ вопроса о творцахъ этихъ фронтоновъ.

Павсаній, вѣроятно со словъ своихъ проводниковъ по святынямъ Олимпіи, назвалъ Пэонія, уроженца города Менды во Ѳракіи, авторомъ восточнаго фронтона, и Алкамена, одного изъ учениковъ Фидія авторомъ западнаго. Такъ держалось это преданіе до открытія самихъ памятниковъ въ новое время. Но съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна знаменитая теперь Ника Пэонія,[1] богиня побѣды, летящая по воздуху, исполненная этимъ художникомъ по заказу Мессенянъ и Наупактійцевъ, вѣроятно, около 423 года до Р. Хр., которые поставили эту статую въ Олимпіи, предъ храмомъ Зевса, въ память пораженія, нанесеннаго Лакедемонянамъ въ 425 году (такова одна изъ двухъ версій объясненія повода къ посвященію этой статуи Зевсу),—для большинства ученыхъ стало невозможнымъ отнесеніе къ тому же художнику восточнаго фронтона. Этому препятствуютъ и хронологическія данныя, указывающія промежутокъ между окончаніемъ фронтона и Никой почти въ тридцать слишкомъ лѣтъ. Какъ бы ни была продолжительна карьера этого скульптора, но нельзя предположить, чтобы Элейцы поручили исполненіе восточнаго фронтона человѣку, еще начинавшему свое дѣло. Не менѣе затрудненій представляетъ здѣсь и коренное различіе скульптурныхъ стилей фронтона и Ники Пэонія, поражающей смѣлостью замысла и успѣхомъ его исполненія. Въ виду этихъ основаній, профессоръ Коллиньонъ не вѣритъ въ принадлежность восточнаго фронтона Пэонію, какъ и западнаго Алкамену, превосходному Аѳинскому ваятелю второй половины V вѣка до Р. Хр., находившемуся уже подъ полнымъ вліяніемъ своего учителя, Фидія. Все, что̀ извѣстно изъ литературныхъ источниковъ о характерѣ таланта этого ваятеля, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ манерой скульптора западнаго фронтона, носящаго еще несомнѣнныя черты

[1] Ausgrabungen zu Olympia I, Taf. IX и слѣд.; Funde von Olympia Taf. XVI; нашъ Учебный Атласъ II, таб. XXXVI, №№ 3 и 4.

архаизма. Въ одинаковой степени оказывается невозможнымъ пріуроченіе къ нему этого фронтона, оконченнаго въ первой половинѣ V вѣка, и по хронологическимъ даннымъ, когда извѣстно, что Алкаменъ онъ работалъ для Аѳинскаго Акрополя послѣ 405 года.

Вопросъ объ авторахъ этихъ фронтоновъ создалъ обширную литературу въ Западной Европѣ, подѣливъ ученыхъ въ данномъ случаѣ на нѣсколько лагерей: одни изъ нихъ держатся показаній Павсанія, другіе совершенно отрицаютъ ихъ достовѣрность, утверждая, что греческій путешественникъ II столѣтія по Р. Хр. былъ введенъ въ заблужденіе проводниками Олимпіи, которые и сами не имѣли о томъ надлежащихъ свѣдѣній, и лишь по традиціи, на этотъ разъ совершенно ложной, называли здѣсь имена славныхъ художниковъ V вѣка. Третьи стараются отыскать двухъ Алкаменовъ, одного, старшаго, уроженца острова Лемноса, и другаго, младшаго, Аѳинянина, и приписываютъ западный фронтонъ первому изъ нихъ.

Не входя въ подробное обсужденіе этого длиннаго и сложнаго спора, профессоръ Коллиньонъ, на основаніи личнаго изученія оригиналовъ, отрицаетъ всякую возможность вѣры въ свидѣтельство Павсанія и относитъ оба фронтона къ Пелопонесскимъ художникамъ, хотя и не оставившимъ намъ своихъ именъ, но несомнѣнно воспитаннымъ въ школѣ Аргоса. Раздѣляя въ этомъ случаѣ догадку одного нѣмецкаго молодаго ученаго, [1] онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняетъ прежнія толкованія, какъ Брунна, видящаго здѣсь художниковъ Сѣверной Греціи, и Кекуле́, выводящаго искусство этихъ фронтоновъ изъ Сициліи.

Остальную часть своей книги г. Коллиньонъ посвящаетъ Мирону, Поликлету и Фидію, тремъ славнѣйшимъ ваятелямъ V вѣка до Р. Хр.

Въ отношеніи Мирона археологическія раскопки послѣднихъ десятилѣтій не представили почти никакихъ новыхъ матеріаловъ. Но зато изученіе нѣкоторыхъ памятниковъ скульптуры этого вѣка, издавна принадлежащихъ различнымъ европейскимъ музеямъ, дало возможность отнести ихъ къ школѣ Мирона. Эти

---

[1] *Studniczka*, Römische Mittheilungen 1887, стр. 53, 202 и слѣд.; Athenische Mittheilungen XII, стр. 375 и слѣд.

[2] *Kekulé*, Archaeol. Zeitung 1883, стр. 241 и слѣд.

успѣхи археологической науки нашли себѣ полное отраженіе въ трудѣ нашего автора. Изображенія такъ-называемаго Idolino, бронзовой статуэтки Флорентинскаго музея (Museo Archeologico) [1], статуи атлета, готовящагося къ натиранію масломъ, принадлежащей Мюнхенской Глиптотекѣ, [2] и фрагмента бронзовой статуи музея въ Константинополѣ [3] появляются съ такимъ изяществомъ въ первый разъ въ общей исторіи греческой скульптуры.

Что касается до главныхъ копій, съ которыми соединяется въ наукѣ понятіе объ искусствѣ Мирона, какъ Марсій Латерана, Марсій, бронзовая статуэтка Британскаго музея, Аѳина и Марсій рельефъ мраморной вазы, находящейся въ Національномъ музеѣ Аѳинъ. Дискоболъ, мраморная статуя въ palazzo Lancelotti въ Римѣ, то онѣ представлены профессоромъ Коллиньономъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Особенно цѣнно изображеніе послѣдняго памятника въ достойномъ видѣ. Доселѣ онъ, несмотря на всѣ свои достоинства научнаго характера, оставался мало доступнымъ, а потому еще въ третьемъ изданіи своей „Исторіи греческой пластики“ Овербекъ вынужденъ былъ ограничиться стариннымъ рисункомъ, дѣланнымъ отъ руки. Только нынѣшній собственникъ этой статуи, князь Торлонія сдѣлалъ ее достояніемъ науки; поэтому пріобрѣтеніе фотографій этого цѣннаго мрамора и изданіе его въ точномъ видѣ, стало возможнымъ съ самаго недавняго времени. [4] Новую особенность иллюстрацій г. Коллиньона составляетъ изображеніе Коровы, бронзовой статуэтки Кабинета древностей Парижской Національной библіотеки, приводимое имъ, впрочемъ съ большою осторожностью, въ заключеніе рѣчи о знаменитой въ древности Коровѣ Мирона.

Такъ значительно число иллюстрацій, сопоставленныхъ профессоромъ Коллиньономъ для выясненія характера искусства Мирона и его школы. Этой полнотѣ памятниковъ соотвѣтствуетъ и достоинство сопровождающаго ихъ текста: онъ и достаточно полонъ, и по свойству обработки вполнѣ убѣдителенъ. Авторъ воспользовался

---

[1] *Kekulé*, Über den sogenannten Idolino von Florenz. 188 ; нашъ Учебный Атласъ антич. ваянія II, таб. IV, № 1.

[2] *Brunn-Bruckman*, указ. изд. № 131; нашъ Учебный Атласъ II, таб. IV, № 2.

[3] Gazette Archéologique 1883, pl. I.

[4] *Baumeister*, Denkmäler des klassischen Alterthums II, стр. 1003; *Paris* La sculpture antique. Paris 1889, стр. 187; нашъ Учеб. Атласъ античнаго ваянія II, таб. II, № 3; *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. № 132; *Overbeck*, Gesch. der griech. Plastik I, стр. Fig 74 по 4 изд.

здѣсь и главнѣйшими свидѣтельствами древнихъ литературъ и новыми изслѣдованіями разныхъ вопросовъ, касающихся предмета. Благодаря краткости или ошибочности показаній древности, и доселѣ многое остается невыясненнымъ относительно этого художника. Такъ неизвѣстны даже приблизительно ни годъ рожденія, ни годъ его смерти, или время прекращенія его дѣятельности. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, только путемъ различныхъ соображеній, возбуждаемыхъ хронологіей его нѣкоторыхъ произведеній, рѣшаются остановиться на предположеніи, что онъ родился около 492 года, около 472 года онъ учился у знаменитаго Агелаида въ Аргосѣ и около 452 года достигъ наибольшей зрѣлости своего таланта. Эти чисто коньектуральныя числа ставятъ Мирона старшимъ современникомъ Фидія и Поликлета, превосходящимъ перваго приблизительно на двадцать лѣтъ.

Художественный талантъ Мирона отличался большимъ разнообразіемъ. Статуи и группы божескаго міра, сцены изъ миѳологіи героевъ, изображенія атлетовъ въ сложныхъ и наиболѣе трудныхъ позахъ, изваянія животныхъ,—вотъ тотъ кругъ, въ которомъ вращались интересы, изобрѣтательность и техника этого ваятеля. Уроженецъ города Елевѳеръ, въ мѣстности пограничной съ Беотіей и Аттикой, Миронъ жилъ и работалъ въ Аѳинахъ. Заказы направлялись къ нему и съ ближайшей Эгины, и изъ отдаленнаго Эфеса, съ острова Самоса, (жители котораго заказали ему колоссальную бронзовую группу Зевса, Аѳины и Геракла, впослѣдствіи привезенную Антоніемъ въ Римъ въ числѣ военной добычи и возвращенную за исключеніемъ фигуры Зевса Самосцамъ императоромъ Августомъ), изъ Сициліи, не говоря о многочисленныхъ заказахъ со стороны разныхъ городовъ и лицъ собственной Греціи.

Миронъ былъ ваятелемъ изъ бронзы и потому самый матеріалъ долженъ былъ возбуждать жадность варваровъ, погубившихъ античную цивилизацію. Изъ всей массы отлитыхъ Мирономъ статуй и группъ остались на долю новаго міра слѣды только въ нѣсколькихъ мраморахъ, являющихся копіями исчезнувшихъ оригиналовъ и въ нѣкоторыхъ литературныхъ описаніяхъ и свидѣтельствахъ древности. Болѣе или менѣе рельефное представленіе мы можемъ составить себѣ лишь объ одной изъ фигуръ его группы „Аѳина и Марсій“ [1] и объ его

[1] *Hirschfeld*, Athena und Marsyas. Berlin 1872; нашъ Учебный Атласъ античн. ваянія II, таб. II.

„Дисколѣ"; только по литературнымъ свидѣтельствамъ мы можемъ судить о той высокой славѣ, которой пользовались его „Ладъ", бронзовая статуя скорохода, испускающаго духъ въ самый моментъ полученія побѣднаго вѣнка послѣ труднаго состязанія въ длинномъ бѣгѣ на стадіѣ, и его знаменитая въ древности бронзовая „Корова", служившая украшеніемъ Аѳинъ еще во времена Цицерона и позднѣе стоявшая на Форумѣ Мира въ Римѣ, до эпохи нашествія Готовъ.

Прежде темный вопросъ о заслугѣ Мирона въ изображеніи человѣческой головы, о caput Myronis, какъ предметѣ достойномъ удивленія, рекомендуемомъ у одного римскаго писателя, въ новое время въ значительной степени выяснился благодаря сопоставленію нѣсколькихъ бюстовъ и головъ статуй этой эпохи съ „Дискоболомъ" Мирона. Лицо этой статуи выражаетъ твердую волю, брови ея подымаются рѣзко выступающею дугой, лобъ ея низкій и перерѣзанный морщиной, волосы короткіе, работанные въ массѣ, черепъ высокій и выпуклый. Достойно замѣчанія, что этотъ типъ сталъ общимъ для головъ атлетовъ на долгое время въ греческомъ искусствѣ, нашедши себѣ подражателей и совершенствуясь главнымъ образомъ въ обработкѣ волосъ, которые получаютъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ болѣе отдѣлки и близости къ природѣ. Статуя атлета, льющаго себѣ масло на руку, принадлежащая школѣ Мирона, настолько развиваетъ этотъ типъ головы,[1] что въ IV столѣтіи Пракситель нашелъ себѣ въ немъ въ значительной степени готовый образецъ при созданіи своего, теперь знаменитаго Гермеса съ маленькимъ Діонисомъ на рукахъ.

Сравнительное изученіе литературныхъ свидѣтельствъ и памятниковъ скульптуры, относимыхъ къ Мирону и его школѣ, приводитъ къ заключенію, что этотъ художникъ не былъ исполнителемъ типовъ, установленныхъ его предшественниками, а, напротивъ, самъ создавалъ новые типы, самъ прокладывалъ новые пути въ искусствѣ. Никто изъ греческихъ художниковъ не избиралъ такихъ быстрыхъ, скоропреходящихъ моментовъ, какъ моментъ его Дискобола, или сложная, исполненная противоположныхъ движеній поза Марсія въ вышепоименованной группѣ, или, въ высокой степени трудный моментъ умирающаго Лада. По смѣлости замысла ближе къ нему

---

[1] Ср. сопоставленіе данныхъ въ нашемъ Атласѣ II, таб V.

подходитъ только одинъ Пиѳагоръ изъ Реґіона. Знаніе не только анатоміи, но и статики человѣческаго тѣла, глубокія свѣдѣнія въ законахъ гармоніи и симметріи также возвышаютъ его надъ предшественниками. Все это ставитъ его, какъ новатора, главой новой школы. Но устремивъ все свое вниманіе на изученіе тѣла въ труднѣйшихъ его движеніяхъ и частей его въ наиболѣе сложныхъ сочетаніяхъ, Миронъ не былъ надлежащимъ выразителемъ душевныхъ движеній. Величайшій знатокъ человѣческаго организма, онъ былъ небывалымъ до той поры ваятелемъ трудныхъ положеній тѣла. Несоотвѣтствіе выраженія лицъ съ изображаемыми тѣлесными движеніями, обращало на себя вниманіе уже древнихъ цѣнителей искусства.

Если Миронъ былъ несравненнымъ выразителемъ трудныхъ и сложныхъ положеній тѣлеснаго организма, то позы спокойныя и движеніе тихое были излюбленными темами Поликлета, главы Аргосской школы и младшаго современника Фидія [1].

Уроженецъ, можетъ-быть, города Сикіона, онъ всю жизнь провелъ въ Аргосѣ, продолжая традиціи Пелопоннесскаго искусства въ этомъ городѣ, насчитывавшемъ въ числѣ своихъ сыновъ цѣлый рядъ именитыхъ ваятелей. Наука новаго времени касалась многихъ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ художникомъ. Такъ, древнее преданіе объ Агелаидѣ, какъ его наставникѣ, подвергнуто сильному сомнѣнію со стороны однихъ и совершенному отрицанію со стороны другихъ ученыхъ. Смерть Агелаида относится приблизительно ко времени 465 года, тогда какъ есть, повидимому, возможность доказать продолженіе дѣятельности Поликлета почти до конца V столѣтія: около 417 года онъ исполнилъ изъ золота и слоновой кости знаменитую статую Геры для святилища этой богини, стоявшаго близъ Аргоса; къ годамъ болѣе позднимъ относится его статуя Зевса Милостиваго (Ζεῦς Μειλίχιος), заказан-

[1] Мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ общихъ трудахъ по исторіи греческой скульптуры обозрѣніе художественной дѣятельности Поликлета ранѣе Фидія. Профессоръ Коллиньонъ не выясняетъ причины такого нововведенія, ни въ какомъ случаѣ не оправдываемаго хронологіей. Едва ли это не сдѣлано имъ исключительно по соображенію условій мѣста въ книгѣ. Трудъ его разсчитанъ на два равные тома. Фидій съ его школой очевидно не могли быть окончены въ первомъ томѣ, по обширности темы и большому количеству художественнаго матеріала. Оттого нашъ авторъ и пустилъ впередъ главу о Поликлетѣ, обозрѣніе же дѣятельности Фидія прервалъ въ этомъ томѣ лишь на половинѣ.

ная ему Аргивянами, по совершеніи ими одного политическаго убійства. Нѣкоторые ученые склонны приписать тому же художнику, а не младшему Поликлету, работавшему въ первой половинѣ IV столѣтія, и статую Афродиты, поставленную Аргивянами въ Амиклахъ послѣ 405 года, въ благодарность за побѣду при Эгосъ-Потамосѣ. Еслибы послѣднее оказалось возможнымъ, то годъ рожденія Поликлета пришелся бы около 470 года, слѣдовательно, приблизительно, за пять лѣтъ до смерти Агеланда. Но и не бывши прямымъ ученикомъ этого великаго мастера, Поликлетъ, основавшійся и работавшій въ томъ же городѣ, былъ прямымъ продолжателемъ художественныхъ традицій его школы, былъ его преемникомъ. Таково одно изъ объясненій этого труднаго хронологическаго вопроса. Къ нему склоняется и профессоръ Коллиньонъ.

Ваятель большаго количества статуй боговъ, героевъ и людскихъ изображеній, Поликлетъ выступаетъ въ нашемъ представленіи главнымъ образомъ двумя своими произведеніями, создавшими его наибольшую славу въ потомствѣ: его Дорифоромъ (Копьеносцемъ) и Діадуменомъ (Повязывающимъ побѣдную повязку). Обѣ эти статуи дошли до новаго міра въ достаточно удовлетворительныхъ копіяхъ. Говорить подробно объ этихъ изваяніяхъ, давно извѣстныхъ, можетъ показаться излишнимъ. Но на дѣлѣ оказывается это далеко не такъ. Во-первыхъ, въ трудахъ общаго характера доселѣ не было вполнѣ точныхъ изображеній ни одной изъ этихъ статуй и впервые являются фотографически вѣрные рисунки только въ этой книгѣ французскаго ученаго. Во-вторыхъ, число подражателей этимъ изваяніямъ Поликлета, находившихся въ распоряженіи науки, въ новое время значительно увеличилось, благодаря археологическимъ находкамъ и изысканіямъ ученыхъ въ различныхъ музеяхъ и художественныхъ собраніяхъ Западной Европы. Профессоръ Коллиньонъ воспользовался главнѣйшими изъ нихъ и нѣкоторыя изображенія, какъ бронзовая статуэтка Пана, представляющая подраженіе Дорифору, бронзовый бюстъ Дорифора Неаполитанскаго музея, дѣланный Аполлоніемъ, современникомъ Августа, бронзовая статуэтка Діадумена изъ кабинета древностей Парижской Національной библіотеки, мраморная статуя Атлета, протягивающаго руку къ побѣдной повязкѣ, принадлежащая Британскому музею, бронзовая статуэтка Гермеса и др., вносятся имъ въ общую исторію греческой скульптуры въ первый разъ.

Научныя изслѣдованія новаго времени не оставляютъ ни одного изъ великихъ мастеровъ древности; въ значительной степени увеличился и литературный и монументальный матеріалъ и относительно Поликлета не только въ подробностяхъ, но и въ своихъ главныхъ вопросахъ. Еще въ послѣднемъ изданіи „Исторіи греческой пластики" Овербека (1881 года) рекомендовалась въ качествѣ лучшей копіи Поликлетовскаго Діадумена мраморная статуя Британскаго музея, носящая въ археологической практикѣ имя Діадуменосъ-Фарнезе; но послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, это значеніе получилъ мраморъ того же музея, найденный на югѣ Франціи въ Везонѣ (Vaison), а прежняя статуя или переставляется въ школу Мирона, или считается намѣреннымъ видоизмѣненіемъ Поликлетовскаго образца, въ стилѣ предшествующей эпохи.

Извѣстно, что Поликлетъ много занимался вопросомъ о пропорціяхъ человѣческаго тѣла и оставилъ по себѣ особое сочиненіе по этому предмету (Κάνων). Практическимъ олицетвореніемъ его ученія считалась уже въ древности его статуя Дорифора (Копьеносца). Въ новѣйшее время теорію Поликлета подвергъ изслѣдованію французскій ученый Гильомъ (Guillaume), пришедшій въ главномъ къ достаточно яснымъ результатамъ. Такъ-какъ за наименьшую единицу измѣренія Поликлетъ бралъ д а к т и л ь или поперечникъ указательнаго пальца, который, повторенный четыре раза, равняется ширинѣ ладони въ мѣстѣ соединенія ея съ пальцами, или п а л ь м ѣ, то слишкомъ дробныя счисленія по дактилямъ, въ переводѣ на пальмы, образуютъ такую схему Дорифора: „Ширина ладони въ мѣстѣ соединенія съ пальцами, или п а л ь м а, заключается среднимъ числомъ три раза въ длинѣ ступни; шесть разъ пальма повторяется въ длинѣ голени; шесть разъ между надколѣнною чашкой и пупомъ, шесть разъ между пупомъ и ушнымъ отверстіемъ; шестью пальмами измѣряется торсъ отъ соединенія шеи съ ключицей до нижняго предѣла лобковой кости. Четыре пальмы укладываются между первымъ суставомъ средняго пальца и локтемъ, четыре между локтемъ и вершиною плеча; тремя пальмами измѣряется голова отъ подбородка до темени. Длина ручной кости, длина лица, ширина грудной кости, пространство, лежащее между грудью и пупомъ, и отъ пупа до низа живота—всѣ эти подраздѣленія измѣряются двумя пальмами.[1] Съ полученіемъ этого результата измѣреній

[1] *E. Guillaume* въ изд. *Rayet*, Monuments de l'art antique I.

Неаполитанской статуи Дорифора, считающейся лучшею между всѣми древними репликами произведенія Поликлета, является полная возможность судить о пропорціяхъ Поликлетовскаго Канона. Съ помощью этихъ измѣреній становится понятнымъ опредѣленіе его статуй, какъ квадратныхъ, даваемое древними критиками [1].

Заключительная глава сочиненія профессора Коллиньона посвящена обозрѣнію біографіи Фидія и оцѣнкѣ его статуарныхъ произведеній, каковы Аѳина-Воительница (Πρόμαχος), статуя Зевса Олимпійскаго, Аѳина-Дѣва (Παρθένος). Скульптурныя украшенія Парѳенона и окончаніе рѣчи объ этомъ великомъ художникѣ въ исторіи всего человѣчества нашъ авторъ отлагаетъ до слѣдующаго тома. Не желая разрывать обсужденіе этого вопроса на двѣ части, органически между собой не связанныя, отлагаемъ рѣчь объ отношеніи французскаго ученаго къ Фидію и мы—до выхода окончанія его замѣчательнаго труда. Дай Богъ, чтобы завершеніе его явилось предъ нами возможно скорѣе. Сочиненію профессора Коллиньона суждено отнынѣ распространять наиболѣе новыя и изящнѣе другихъ изложенныя свѣдѣнія по исторіи ваянія Грековъ.

И. Цвѣтаевъ.

[1] Plin. Nat. Hist. XXXIV, 56.

АРТИСТЪ СВОБОДИНЪ.

(Очеркъ).

«*С.-Петербургъ, 9 октября.*—Сегодня въ Михайловскомъ театрѣ, въ концѣ спектакля, умеръ на сценѣ отъ разрыва сердца артистъ Свободинъ. По требованію публики спектакль прекратили». (*Телеграмма Рус. Вѣдом.*).

Я не знаю въ жизни болѣе потрясающаго впечатлѣнія, чѣмъ то̀, которое производитъ внезапная смерть близкаго человѣка,—все равно — будь это добрый пріятель, кровный родственникъ или просто хорошій знакомый!.. Подумайте только—можетъ быть, не далѣе какъ вчера, вы съ нимъ отлично пообѣдали, онъ былъ особенно въ духѣ, острилъ, смѣялся... и вдругъ, на утро, къ вамъ звонитъ заморенный посыльный и, оглушивъ васъ страшнымъ извѣстіемъ, обязательно присовокупляетъ, что панихида назначена „ро̀вно въ два часа"... Вы ошеломлены, пришиблены, растеряны и совсѣмъ машинально, точно во снѣ, начинаете одѣваться, чтобы не опоздать на панихиду, въ глубинѣ души своей все еще не вѣря неожиданному сообщенію... Вы нанимаете извощика, ѣдете въ знакомую улицу, подъѣзжаете къ знакомому подъѣзду—и все еще не вѣрите. Но вотъ на лѣстницѣ вы сталкиваетесь съ „Иваномъ Ивановичемъ", а Иванъ Ивановичъ, увидя васъ, значительно и печально вамъ подмигиваетъ и, пожимая руку, вздохнувъ, произноситъ: „Что̀ и говорить — хорошій онъ *былъ* человѣкъ!.." Въ передней васъ встрѣчаетъ пасмурная горничная, вся въ черномъ и, торопливо снимая съ васъ пальто, полушепотомъ докладываетъ: „*Покойникъ* лежатъ налѣво-съ, въ залѣ!.." — Въ

передней, кромѣ васъ, тѣснятся еще нѣсколько человѣкъ, очевидно только-что прибывшихъ и переговаривающихся между собою вполголоса:

— Говорятъ, жена *покойнаго* совсѣмъ убита горемъ?

— Еще бы, такой ужасный случай!...

— А гдѣ лежитъ *тѣло*—налѣво?

— *Тѣло*—налѣво!..

Вы протискиваетесь въ хвостѣ толпы „налѣво" и, не рѣшаясь пока поднять голову въ конецъ залы, гдѣ мигаетъ пламя траурной свѣчи, съ стѣсненнымъ сердцемъ прислушиваетесь къ монотонному голосу читальщика... „Вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смертный... Но пріидите вси любящія мя и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ"... Въ вашей головѣ, какъ нарочно, вертится съ обидною неотвязчивостью его вчерашняя застольная острота — и вдругъ сегодня: „пріидите... цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ!" Ужасно! Ужасно!.. Да, что бы тамъ ни проповѣдывали на этотъ счетъ гг. толстовцы—*это* было, есть и будетъ ужасно!!.

Со смертью Павла Матвѣевича Свободина, разумѣется, понесла потерю не одна простая человѣческая дружба — съ нимъ родное сценическое искусство не досчитывается въ наличномъ спискѣ одного изъ своихъ преданнѣйшихъ и даровитѣйшихъ сыновъ.—Должно сказать, это совсѣмъ особое чувство, вдвойнѣ болѣзненное, непередаваемое по своей скорбной остротѣ, когда писатель и драматургъ теряетъ хорошаго пріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ артиста художника, въ родѣ покойнаго П. М. Чувствуется, что вы какъ бы утратили вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторую дорогую часть самого себя, затеряли безвозвратно одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ элементовъ вашей творческой лабораторіи, тотъ именно таинственный элементъ художественнаго, сценическаго перевоплощенія, благодаря которому ваша вещь оживала всегда передъ зрителемъ ея тончайшею и нагляднѣйшею внутреннею стороной. Если справедливо слово Гоголя „что піеса живетъ только на сценѣ и что безъ нея она какъ душа безъ тѣла"...—то что же можетъ сравниться послѣ этого съ печалью драматическаго автора, оплакивающаго своего лучшаго друга и толкователя?! О, этотъ авторъ отлично знаетъ, что на смѣну умершаго услужливо явятся современемъ другіе, болѣе бойкіе, исполнители, что онъ самъ напишетъ современемъ другія, болѣе удачныя, піесы и будетъ имѣть другіе, болѣе шумные, успѣхи, но что онъ знаетъ

навѣрное про себя—это то̀, что никто изъ этихъ другихъ исполнителей, въ этихъ другихъ его піесахъ, никогда *такъ* не сыграетъ, какъ сыгралъ бы покойный — можетъ-быть сыграетъ ярче, виртуознѣе, эффектнѣе, но никогда такъ человѣчно, такъ душевно тонко, такъ дружески неразрывно съ внутреннимъ смысломъ текста. И эта мысль, урывками и невзначай, но безотвязно какъ тѣнь, будетъ преслѣдовать такого драматурга пріятеля до конца жизни. Въ уединеніи рабочаго кабинета, задумчиво пересматривая наброски своей новой комедіи, драматургъ пріятель не разъ вздохнетъ при невольномъ воспоминаніи о своемъ незамѣнимомъ сотрудникѣ: „Какъ бы *онъ* былъ хорошъ вотъ въ этой сценѣ! Съ какимъ бы чувствомъ мѣры сумѣлъ бы *онъ* произнести вотъ эту фразу! Сколько сердечности вложилъ бы въ заключительный монологъ!..“

И *его* нѣтъ.—Простой деревянный крестъ на Волковскомъ кладбищѣ, да пятокъ бѣглыхъ неряшливыхъ рецензій, пріуроченныхъ ко дню похоронъ—вотъ все, что̀ осталось на память о „незамѣнимомъ сотрудникѣ!..“

По отношенію къ такому артисту, какъ П. М. Свободинъ, подобную скупую память можно признать не только незаслуженною, но прямо постыдною. — Утверждаютъ, что на похоронахъ П. М. собственно „публики“ было немного и что, вообще, петербургская публика сравнительно мало знала Свободина. Не удивляюсь, если это дѣйствительно такъ. Петербургъ вѣдь не Москва, гдѣ всякій истинно-даровитый артистъ какъ бы сростается съ публикой, входитъ до извѣстной степени въ обиходъ московской жизни и распространяетъ свою популярность отъ семьи университетскаго профессора до послѣдняго трактирнаго половаго.

Въ Петербургѣ артистическій міръ живетъ болѣе обособленною жизнью, и тамъ артистъ или артистка никогда не могутъ разсчитывать на подобныя живыя, полуродственныя связи. На нихъ ли можно было разсчитывать Павлу Матвѣевичу, пробывшему на столичной сценѣ какихъ-нибудь восемь лѣтъ? Всего восемь лѣтъ, послѣ долгихъ и горькихъ мытарствъ по провинціальнымъ сценамъ,—и въ эти восемь лѣтъ много, много восемь „капитальныхъ“ ролей, давшихъ возможность обнаружить истинный блескъ таланта! А затѣмъ, въ расцвѣтѣ силъ, въ самый разгаръ успѣха, нежданно-непрошенно—смерть, на тѣхъ самыхъ театральныхъ подмосткахъ, для которыхъ онъ всю жизнь столь-

ко страдалъ и трудился... Какая роковая, какая обидно-великолѣпная участь!!.

Но пусть нынѣшняя публика забывчива и опрометчива, дѣтски падка на рекламу и требуетъ для своей столичной впечатлительности чуть не ежедневнаго газетнаго вспрыскиванія—мы, писатели и драматурги, видѣвшіе Свободина въ его лучшихъ роляхъ, жившіе и дружившіе съ нимъ, находимся внѣ этихъ дешевыхъ вліяній и можемъ и должны сказать о немъ свое посильное обдуманное слово. Что дѣлать, мало, досадно мало пожилъ онъ среди насъ, но въ этотъ восьмилѣтній промежутокъ, силой своего таланта, изящною мягкостью своей бесѣды и обращенія, неотразимою симпатіей всей своей личности, П. М. сумѣлъ привязать къ себѣ сердца крѣпче и неразрывнѣе, чѣмъ это удалось бы когда-нибудь сдѣлать на его мѣстѣ другому, болѣе талантливому, въ добрыя двадцать лѣтъ.

Первый разъ мнѣ пришлось увидѣть Свободина на сценѣ лѣтъ шесть тому назадъ, въ комедіи Салова *Самородокъ*, въ роли старика Курганова, помѣщика изъ отставныхъ военныхъ. — Если правду говорятъ, что первое впечатлѣніе самое сильное и самое вѣрное, то впечатлѣніе отъ игры Свободина въ этой роли, несмотря на всю ея досадную эпизодичность, осталось для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ и неизгладимыхъ воспоминаній... Какъ сейчасъ вижу—на сцену вышелъ небольшой, слегка сгорбленный, сѣденькій старичокъ, въ военной фуражкѣ и николаевской шинели и, какъ только онъ вышелъ, заговорилъ, улыбнулся—со сцены вдругъ повѣяло въ публику чѣмъ-то совсѣмъ не актерскимъ, чѣмъ-то до такой степени человѣчнымъ и задушевнымъ, что зритель сразу какъ-то невольно вступалъ въ интимное знакомство съ этимъ старичкомъ. Всѣмъ и каждому дѣлалось ясно, съ перваго же выхода П. М., что этотъ сгорбившійся старичокъ, съ его мягкою, шепотливою рѣчью, съ его добродушно-мигающими глазками и ласковою, почти младенческою улыбкой—весь, одна воплощенная доброта, съ головы до пятъ. Въ этой роли Свободинъ былъ рѣшительно неподражаемъ.—Были, разумѣется, у П. М. другія роли, значительнѣе и сложнѣе, гдѣ представлялся бо́льшій просторъ разнообразію его таланта; но нигдѣ, казалось, не представлялось такого счастливаго повода, какъ въ помянутой роли, обнаружить одновременно и самую сущность своей человѣческой натуры и наиболѣе выразительную черту своего артистическаго темперамента:

мягкость, нѣжность, безконечную доброту сердца. Въ этой роли человѣкъ и артистъ какъ бы сливались вмѣстѣ въ одно безыскусственное цѣлое или—вѣрнѣе сказать—артистъ подавлялся „человѣкомъ“ — и впечатлѣніе, которое отсюда получалось, было единственное по своей глубинѣ и тонкости.

Во второмъ дѣйствіи *Самородка* есть слѣдующая небольшая сценка между старикомъ Кургановымъ и преданнымъ ему слугой Савельичемъ (котораго, кстати сказать, въ этотъ вечеръ игралъ В. Н. Давыдовъ и игралъ мастерски, округляя впечатлѣніе до полноты настоящей жанровой картинки). Послѣ двухнедѣльнаго отсутствія Кургановъ возвращается къ себѣ домой. Старикъ-слуга, соскучившійся по своемъ баринѣ, въ неописанной радости. Не менѣе радъ возвращенію и самъ баринъ. Оба старика весело разбалтываются:

Савельичъ. Небось всего-то разломало?.. И спина-то болитъ, и ноги-то стонутъ...

Кургановъ. Разломало, братецъ, разломало.

Савельичъ. Вѣдь десять лѣтъ съ мѣста не двигались, сиднемъ сидѣли...

Кургановъ. Хе, хе, хе! Всѣ удивились, глазамъ не вѣрили!.. Откуда, говорятъ, какими судьбами?

Савельичъ. Хе, хе, хе! Съ того свѣта, молъ...

Кургановъ. Именно, что съ того свѣта! (*Оба добродушно хохочутъ.*)

Савельичъ. По крайности, хорошо съѣздили?

Кургановъ. Отлично, братецъ, отлично... (*Хлопнувъ Савельича по плечу.*) Вообрази, даже танцовалъ!

Савельичъ (*всплеснувъ руками*). Ну?

Кургановъ. Ей-Богу!.. У предводителя цѣлыхъ двѣ кадрили отчубучилъ. Пристали всѣ барышни да барыни: если вы, говорятъ, не хотѣли намъ сына своего привезти, такъ извольте сами танцовать!

Савельичъ. Вотъ это такъ ловко!

Кургановъ. И танцовалъ.

Савельичъ (*щелкнувъ себя по галстуху*). И сюда было?

Кургановъ. Было, братецъ!

Савельичъ. По молодецки, значитъ?

Кургановъ. По молодецки! Знай нашихъ! (*Оба хохочутъ.*)

Вся эта сценка въ исполненіи Свободина верхъ совершенства! Фраза: „Вообрази, даже танцовалъ!“ отмѣчена была такимъ

искреннимъ взрывомъ добродушнаго комизма, что положительно трудно было не влюбиться въ этого чудеснаго старичка... Въ этой мимоходной, пустяковинной сценкѣ Свободинъ умудрялся и насмѣшитъ зрителя до слезъ и, вмѣстѣ, тронуть и умилить. По преобладающему въ большинствѣ ролей тону — этого не актерски-человѣчнаго, почти личнаго добродушія, П. М. Свободинъ очень напоминалъ мнѣ извѣстнаго французскаго комика Баррѐ, котораго мнѣ удалось видѣть въ парижской „Comedié Française" въ 1881 году. У того этого рода тонъ обратился въ своего рода спеціальность, и онъ игралъ исключительно роли, совпадавшія съ родственнымъ ему чувствомъ, сдѣлавъ себѣ во Франціи довольно почтенное имя однимъ, такъ сказать, тономъ. Увы, у насъ въ Россіи, даровитый артистъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ восемь тоновъ и все-таки едва ли будетъ оцѣненъ по достоинству!—Свободину удалось, впрочемъ несмотря на его кратковременное пребываніе на Александринской сценѣ и всякія закулисныя препятствія и передряги, связать свое имя съ именами высшихъ представителей иностранной и отечественной драматургіи: съ именами Шекспира, Мольера, Лопе де Вега, Гоголя, Грибоѣдова, Писемскаго, Островскаго, Льва Толстаго; не говоря уже о драматургахъ меньшей величины — Аверкіевѣ, Сухово-Кобылинѣ, Шпажинскомъ, Боборыкинѣ, Суворинѣ, Гнѣдичѣ и начинающихъ, въ родѣ Антона Чехова и вашего покорнѣйшаго слуги.

Какую удивительно яркую, тонко выточенную фигуру создавалъ онъ изъ роли банкира Зоненштейна въ Суворинской *Татьянѣ Рѣпиной*! Или что̀ могло быть трогательнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, картиннѣе, характернѣе того добродушно-комическаго образа, который воспроизводилъ онъ изъ эпизодической, мимоходной роли графа Лудовика въ комедіи Лопе де Вега *Собака Садовника*! Кто, наконецъ, сыграетъ Антону Чехову въ его *Ивановѣ* такъ неизгладимо типично и глубоко человѣчно злополучнаго старика графа Шабельскаго?!. Одинъ гримъ П. М. въ этихъ піесахъ чего стоилъ!.. Впрочемъ, гримъ его всегда былъ артистическій, тонко обдуманный и, если къ фигурамъ Шабельскаго, Зоненштейна и графа Лудовика добавить его изображенія Плюшкина (сцены изъ *Мертвыхъ душъ)*, Ростоковскаго *(Ревизоръ)*, Никона (*Горькая Судьбина*), Любима-Торцова (*Бѣдность не порокъ*), Курганова (*Самородокъ*) и проч.—можно бы составить цѣлый маленькій художественный альбомъ, особенно драгоцѣнный для провинціальныхъ артистовъ, въ родѣ знаменитаго „альбома ролей" покой-

наго В. В. Самойлова. Перебираю свои недавнія театральныя воспоминанія, перелистываю сохранившіяся въ цѣлости петербургскія афиши, и передо мной проходитъ новая вереница его сценическихъ воспроизведеній: Полоній въ *Гамлетѣ*, Оргонтъ въ *Тартюфѣ*, Репетиловъ въ *Горѣ отъ ума*, Счастливцевъ въ *Лѣсѣ* и Кучумовъ въ *Бѣшеныхъ деньгахъ* Островскаго, Муромскій въ *Свадьбѣ Кречинскаго* и *Дѣлѣ* Сухово-Кобылина, Иванъ Манохинъ въ *Раздѣлѣ* Писемскаго, Михалко Жирославичъ въ *Ульянѣ Вяземской* Аверкіева, Звѣздинцевъ въ *Плодахъ Просвѣщенія* графа Л. Толстаго, Фирсовъ въ *Божьей Коровкѣ* Боборыкина, Мамыровъ въ *Чародѣйкѣ* Шпажинскаго и т. д.—Съ особенною признательностью вспоминаю участіе Свободина въ двухъ моихъ піесахъ—въ фарсѣ *Въ горахъ Кавказа* и въ комедіи *Господа Театралы*: въ первой, шедшей въ Высочайшемъ присутствіи, въ Красносельскомъ театрѣ, онъ игралъ генерала-маньяка Ребусова, а во второй—суфлера любительскаго кружка Высочина.—Насчитывались, разумѣется, въ этой пестрой галлереѣ у Свободина и не совсѣмъ удачныя роли—это именно тѣ, которыя требовали особеннаго трагическаго подъема и слишкомъ рѣзко противорѣчили его артистическому темпераменту (какъ, напримѣръ, роль Іоанна Грознаго въ *Василисѣ Мелентьевой* Островскаго или роли князя Трубчевскаго въ *Княгинѣ Курагиной* Шпажинскаго)—но не было ни одной, которую можно было бы назвать „пошлою". Отъ пошлыхъ, ремесленныхъ и передѣлочныхъ піесъ онъ сторонился съ болѣзненною чуткостью прирожденнаго художника и всяческими способами старался такія роли сбыть съ рукъ. Къ такимъ выигрышнымъ, но завѣдомо фабричнымъ ролямъ, онъ чувствовалъ просто физическое отвращеніе. „Вы только подумайте", жаловался онъ мнѣ однажды по поводу одной такой навязанной ему роли: „*какъ* я стану это играть?.. Я, образованный, литературный человѣкъ—и вдругъ долженъ буду громко со сцены говорить публикѣ всякія пошлости?!. Вѣдь это же *страданіе*, которому имени нѣтъ!!" И, послѣ разныхъ формальныхъ проволочекъ, онъ всегда отказывался.

При такомъ строгомъ артистическомъ направленіи и при господствѣ на столичной сценѣ ремесленнаго репертуара, могъ ли, разумѣется, Свободинъ выразить себя, какъ артиста, въ полной мѣрѣ, запечатлѣть въ публикѣ свое настоящее художническое значеніе? Къ сожалѣнію, нѣтъ!.. Ужь такъ хитроумно

устроены кулисы Александринскаго театра, что, право, тамъ легче выиграть двѣсти тысячъ театральному ламповщику, чѣмъ получить даровитому артисту подходящую роль въ хорошей литературной піесѣ!.. Это равно относится какъ къ умершему Свободину, такъ и къ его благополучно здравствующимъ сценическимъ сотоварищамъ.

Скажутъ — Савина играетъ! Вотъ это-то убійственно, что *все*... Безспорно, она оживила своимъ талантомъ цѣлую галлерею Сашенекъ-Машенекъ изъ музея восковыхъ куколъ Виктора Крылова—этихъ репертуарныхъ механическихъ куколъ, которыя произносятъ ясно по-русски лишь „папа... мама", а все остальное у нихъ заграничнаго издѣлія; безспорно, она виртуозно сыграла за послѣднія шесть, семь лѣтъ не одинъ десятокъ душевно больныхъ барынь, умирающихъ отъ яда и кинжала; но значитъ ли это еще, что она сказала публикѣ свое послѣднее слово? У М. Г. Савиной такой громадный, непочатый запасъ живаго, совсѣмъ своеобразнаго комизма, что ей предстоитъ еще удивить публику, когда волею судьбы крыловскія восковыя куклы растаютъ на солнцѣ сценической правды, а трагическія барыни перепробуютъ всѣ роды смертоубійствъ... Какая она была чудесная Липочка *(Свои люди—сочтемся)*, Глафира *(Волки и Овцы)*, Поликсена (*Правда хорошо—счастье лучше!*).. Кто не восхищался ея тонкимъ комизмомъ въ гоголевскомъ *Ревизорѣ* (Марья Антоновна) или своеобразною манерой исполненія въ *Собакѣ Садовника* Лопе де Вега (графиня Діана)!!. Но это все счастливыя исключенія, и эту сторону своего дарованія симпатичной премьершѣ почти не пришлось разработывать. Приблизительно то же, съ соотвѣтствующими, разумѣется, измѣненіями, могли мы сказать о гг. Варламовѣ и Давыдовѣ...

А у Е. Н. Жулевой—„сей остальной изъ стаи славной" Каратыгиныхъ, Брянскихъ, Самойловыхъ и т. п.—много ли найдется за послѣднее время ролей (при всемъ ихъ внѣшнемъ изобиліи) достойныхъ ея строгаго и тщательнаго обработаннаго таланта?!. Только развѣ, что она вынесла на своихъ плечахъ *Смерть Агриппины* Буренина, да удивительно характерно сыграла г-жу Пернэль и Филаминтувъ *Ученыхъ Женщинахъ* Мольера? А то все приходилось играть или шаблонно-слезоточивыхъ матерей, или же слабонервныхъ тетушекъ съ флакономъ нашатырнаго спирта въ ридикюлѣ.

А талантливый М. И. Писаревъ, справлявшій еще недавно

двадцатипятилѣтіе артистической дѣятельности,—много ли онъ можетъ насчитать въ своемъ репертуарѣ капитальныхъ ролей со времени своего поступленія на Александринскіе подмостки? Насколько мнѣ помнится, за послѣднія пять лѣтъ у М. И. изъ таковыхъ капитальныхъ ролей насчитывается всего три: Ивана Грознаго въ драмѣ Островскаго *Василиса Мелентьева* и купца Прибыткова въ піесѣ же Островскаго *Послѣдняя Жертва*, да еще, пожалуй, Ревякина въ *Кручинѣ* Шпажинскаго. Который уже годъ добивается онъ сыграть *Короля Лира*, но до сихъ поръ такъ и остается при своихъ благородныхъ мечтаніяхъ.

Обстоятельства артистовъ столичной казенной сцены какъ-то такъ странно складываются, что они весь день свободно могутъ мечтать о хорошихъ роляхъ, за исключеніемъ вечера, когда имъ приходится играть всякую ремесленную дребедень. Зато, когда на долю истинно-даровитаго артиста выпадаетъ случай сыграть достойную его роль—это ужь какъ бы выходитъ бенефисъ изъ бенефисовъ, изъ праздниковъ праздникъ...

Такой именно праздникъ выпалъ и на долю Павла Матвѣевича, когда нынѣшнею осенью ему пришлось выступить въ роли старика Оброшенова въ возобновленной комедіи Островскаго *Шутники*.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, отправляясь въ этотъ вечеръ въ театръ, Свободинъ волновался, какъ юный дебютантъ—вѣдь чѣмъ рѣже приходилось ему играть капитальныя роли, тѣмъ слѣдовательно рѣже приходилось напоминать о себѣ публикѣ настоящимъ образомъ.—Могла ли ожидать эта самая публика, такъ единодушно привѣтствовавшая его артистическое исполненіе въ *Шутникахъ*, что этотъ артистическій праздникъ превратится неожиданно въ печальную тризну? Могли ли думать его близкіе, что имъ придется положить бездыханное тѣло дорогаго имъ человѣка на тотъ самый столъ, за которымъ они его поджидали послѣ театра ужинать? Могъ ли, наконецъ, самъ П. М. предчувствовать, уходя со сцены подъ бурные аплодисменты всей залы, что это былъ его послѣдній уходъ со сцены театральной и житейской?!.

На этотъ разъ едва ли; хотя предчувствіе близкаго конца, очевидно, томило его уже около года... Помню, осенью 1891 года, столкнулись мы на Моховой улицѣ, предъ домомъ только-что скончавшагося тогда романиста Гончарова. Послѣ панихиды къ намъ присоединился извѣстный бытописатель С. В. Максимовъ,

и мы всѣ трое завернули въ ближайшій трактирчикъ, чтобы напиться чайку и потолковать...

Несмотря на оживленную и любопытную бесѣду Максимова, П. М. только дѣлалъ видъ, что слушаетъ, но его случайныя меланхолическія поддакиванія и грустный разсѣянный взглядъ невольно свидѣтельствовали, что его угнетали совсѣмъ иныя, жестокія и неотвратимыя мысли. Это свиданіе какъ разъ происходило за годъ до смерти Свободина! Съ этого времени онъ постоянно производилъ на меня впечатлѣніе человѣка, который дѣлалъ лишь усиліе, чтобы жить наравнѣ со всѣми, видимо принуждая себя, чтобы похожѣе обнаружить предъ другими настоящую жизнь—точно лицедѣй, играющій въ піесѣ, которую должны скоро снять съ репертуара.

Неужели же не было никакихъ средствъ, чтобъ удержать *эту піесу* въ репертуарѣ возможно дольше?

Правда, Свободинъ прихварывалъ не первый годъ, правда и то, что докторъ Захарьинъ обнаружилъ у него порокъ сердца: но кто же, спрашивается, не прихварываетъ, а порокомъ сердца въ наше время развѣ только не страдаютъ одни биржевые зайцы да драматическіе поставщики... Все дѣло въ томъ, что П. М. *слишкомъ сильно жилъ*—не въ общепринятомъ прожигательномъ смыслѣ, нѣтъ—*душевно* слишкомъ сильно жилъ! Въ наше время всевозможныхъ спеціальностей жизнь до того загадочно усложнилась, что человѣкъ, разсчитывающій „совершить въ предѣлѣ земномъ все земное“, долженъ нѣкоторымъ образомъ спеціализироваться въ своемъ чувствѣ такъ же, какъ и въ своемъ ремеслѣ, и наблюдать по отношенію къ своему сердцу почти такую же благоразумную экономію, какъ и по отношенію къ своему карману. Еще Некрасовъ предупредилъ нашего брата, художника:

„Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни.“

А жизнь Свободина вся именно сложилась изъ такихъ порывовъ. Одна сценическая дѣятельность уже беретъ такой запасъ нервовъ, что дай Богъ благополучно справиться съ собою; но П. М., очевидно, рѣшительно былъ не въ силахъ заключиться въ эту художнически-эгоистичную, но спасительную раковину своей спеціальности и неразсчетливо отдавался жизни и людямъ весь, безъ оглядки. Судите сами!.. — Онъ секретарь „Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ“—бѣгаетъ, хло-

почетъ, отписывается, тратитъ время и здоровье для своихъ провинціальныхъ собратьевъ... Онъ же принимаетъ къ сердцу дѣло народнаго театра, находитъ досугъ засѣдать въ „Обществѣ Трезвости“ и читать въ собраніяхъ „Литературнаго Общества“... Въ то же время онъ сотрудничаетъ въ *Артистѣ*, *Новомъ Времени*, печатаетъ стихи въ *Русской Мысли*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, *Живописномъ Обозрѣніи* и т. д. Превосходный музыкантъ, импровизовавшій на слухъ на фортепіано цѣлыя оперы, онъ никогда не отказывался акомпанировать пѣвцу на артистической вечеринкѣ или разыграть роль добровольнаго тапера на доброй пріятельской пирушкѣ... Кромѣ того, будучи человѣкомъ разносторонне образованнымъ, знатокомъ трехъ языковъ, онъ жадно слѣдитъ за всѣмъ выдающимся въ художественномъ мірѣ, переписывается о прочитанномъ, искренно волнуется послѣднею литературною злобой. Добавьте сюда неизбѣжныя въ его положеніи безчисленныя знакомства сценическія, музыкальныя, литературныя, разныя огорчительныя служебныя отношенія—и вы поймете, въ какое безпощадно-неугомонное колесо втянулъ себя этотъ сердце-расточительный человѣкъ.

Таковъ ли заправскій, казенный актеръ?!.

Любитель и знатокъ музыки, цвѣтовъ и живописи, самъ недурный рисовальщикъ и страстный коллекціонеръ, поэтъ и беллетристъ, превосходный чтецъ и незамѣнимый собесѣдникъ, Свободинъ какъ бы соединялъ въ своей щедро-отзывчивой натурѣ, самые разнородные элементы артистическаго арсенала. О, онъ нисколько не подходилъ подъ тотъ обычный типъ „актера“, съ которымъ вседневно приходится сталкиваться; да и самъ онъ, кажется бы, обидѣлся, еслибы кто назвалъ его этимъ именемъ, въ томъ смыслѣ, разумѣется, въ какомъ бы могъ обидѣться писатель-художникъ названію „сочинителя“, неумышленно приравнивающаго его къ ремесленникамъ и газетчикамъ. Это былъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ другъ литературы и литераторовъ, и провести съ нимъ вмѣстѣ свободный вечеръ было истиннымъ наслажденіемъ!.. Мнѣ особенно дорогъ и памятенъ одинъ такой вечеръ, проведенный съ П. М. Онъ читалъ въ собраніи „Литературнаго Общества“ комедію Толстаго *Плоды Просвѣщенія*, тогда еще ненапечатанную и раздобытую кѣмъ-то въ рукописномъ спискѣ. Разумѣется, аудиторія была переполнена слушателями, и всѣ покатывались со смѣху, какъ одинъ человѣкъ. Это былъ, вообще, очень знаменательный вечеръ. Какихъ-нибудь два

мѣсяца тому назадъ, въ той же самой литераторской аудиторіи читалась новоявленная рукопись *Крейцеровой Сонаты*, и тогда пререканіямъ и ехиднымъ выходкамъ противъ Толстаго не было конца, и само засѣданіе Общества затянулось необычно долго. На этотъ разъ здоровый, чисто-мольеровскій смѣхъ этой злой шутки примирилъ своею художественною жизненностью всѣ партіи, и чтеніе окончилось при дружныхъ, восторженныхъ апплодисментахъ. Кстати сказать, Свободинъ былъ особенно въ духѣ и читалъ мастерски, съ увлеченіемъ. Послѣ чаепитія я, художникъ Каразинъ и редакторъ одного журнала сошлись въ „Маломъ Ярославцѣ“ совмѣстно поужинать и пробесѣдовали далеко за полночь. Одушевленіе, вызванное въ П. М. геніальною шуткой геніальнаго автора, не покидало его и здѣсь: онъ продолжалъ восторгаться Толстымъ и его комедіей, острилъ, смѣялся, сыпалъ яркими характеристиками и мѣткими замѣчаніями. Выйдя изъ „Малаго Ярославца“ и распростившись съ нашими собесѣдниками, мы еще долго пробродили со Свободинымъ по набережной Невы. Это было въ срединѣ марта, ночь стояла тихая и лунная, и П. М., оживленный, какъ юноша, продолжалъ восторгаться, повѣрялъ мнѣ свои задушевныя мечты, декламировалъ отрывки стиховъ. О чемъ только тогда не было переговорено? Мы говорили рѣшительно обо всемъ, въ перемежку, что шло отъ сердца на языкъ: о высокомъ значеніи театра и литературы, о Шекспирѣ и отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, о Дузе и объ Оптиной пустыни, о томъ, какъ хороша сегодняшняя ночь и какъ вообще превосходна человѣческая жизнь ..

Таковъ ли заправскій, казенный актеръ?!.

Заправскій казенный актеръ уже потому долголѣтнѣе, что свою актерскую жизнь располагаетъ гораздо гигіеничнѣе: за исключеніемъ тѣхъ часовъ, когда онъ занятъ на сценѣ, все остальное время онъ занятъ лишь тѣмъ, что всласть ругаетъ своихъ товарищей, начальство и рецензентовъ и, такимъ образомъ, изливъ за день, на людяхъ, всѣ свои скорби, засыпаетъ завиднымъ сномъ праведника.

Свободинъ, по деликатности своей натуры, напротивъ того, всячески избѣгалъ заговаривать о всѣхъ этихъ малыхъ и большихъ артистическихъ огорченіяхъ, отравлявшихъ его жизнь, считая какъ бы недостойнымъ своего званія артиста — посвящать другихъ въ этотъ закулисный дрязгъ, такъ принижавшій высокое дѣло, которому онъ служилъ. Былъ ли то подвохъ товарища

по сценѣ, несправедливость начальства, оскорбительная рецензія—онъ все это джентельменски таилъ про себя и все это, разумѣется, скапливалось около его тонко-чувствительнаго сердца.

Какъ-то наканунѣ его бенефиса, въ одной распространенной газетѣ, появилось нѣсколько невѣжественныхъ, но очевидно доброжелательныхъ строкъ, предупреждавшихъ почтеннѣйшую публику „что на завтра назначенъ бенефисъ *довольно добросовѣстнаго* артиста П. М. Свободина“... Лишь спустя годъ, совсѣмъ случайно, когда у меня съ нимъ зашелъ по какому-то поводу разговоръ о газетной неряшливости, онъ вспомнилъ объ этой „доброжелательной“ замѣткѣ.

„И вотъ за подвиги—награда!“ продекламировалъ онъ полушутливо, но съ видимою горечью:—„Мыкался полжизни по провинціальнымъ сценамъ, наконецъ добрался до столичной, добился успѣха, бенефиса — и вдругъ... *довольно добросовѣстный* артистъ!.. Можетъ-быть, это все мелочь и сдѣлано неумышленно—но каково же переживать все это истинному артисту, положившему жизнь и душу на любимое дѣло... Вѣдь это вотъ гдѣ скапливается, ...вотъ!!“—И онъ указалъ на сердце.—Послѣ подобнаго совсѣмъ невиннаго откровенія П. М. обыкновенно какъ-то сконфуженно затихалъ, стараясь не глядѣть на собесѣдника, внутренно каясь за это невольное изліяніе своего наболѣвшаго сердца — но въ его задумчивыхъ меланхолическихъ глазахъ я, казалось, читалъ въ ту минуту тотъ скорбный стихъ Полонскаго, который онъ любилъ иногда повторять при жизни:

„И я тянусь, тянусь, какъ лучъ, въ одну струну—
Что... если сердце оборвется?“

И оно оборвалось...

Да, смерть Свободина — потеря незамѣнимая. Мы потеряли въ немъ артиста-художника въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, необычайно чуткаго ко всѣмъ запросамъ литературы, театра и гуманности, любившаго свое искусство такъ, какъ мало кто его теперь уже любитъ въ наше копѣечное время и державшаго знамя этого искусства высоко, несмотря на всѣ невзгоды закулисныя и житейскія!..

Мнѣ не случилось быть на похоронахъ П. М. и, проживая въ настоящее время въ глухомъ провинціальномъ городкѣ, о самой его смерти я узналъ всего на третій день, изъ вышеприведенной телеграммы *Русскихъ Вѣдомостей*. И вотъ, когда пер-

выя минуты горестнаго ошеломленія прошли, мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову одно старо-знакомое четверостишіе изъ сборника поэта Кускова... Если на могилѣ Свободина, на мѣстѣ дешеваго деревяннаго креста, суждено когда-нибудь возникнуть иному, достойнѣйшему памятнику—болѣе подходящей эпитафіи, право, трудно будетъ подыскать:

„Жизнь, слава Богу, пройдена—
Средь смрада, пламени и дыма.
Грудь?—Грудь, конечно, сожжена...
Но знамя?—Знамя невредимо!"

Иванъ Щегловъ.

„НА ТРОЙКАХЪ".

(Очерки поѣздки на Ирбитскую ярмарку.)

ЧАСТЬ 2-я.

Лѣса и дороги.

(Окончаніе.)

VI.

Метель.

Часа уже два прошло, какъ покинули станцію.

Лошади бѣжали, часто спотыкаясь. Ямщикъ гикалъ на нихъ и взмахивалъ рукавицей. За чепчикомъ повозки злилась непогода, и тоскующій вѣтеръ неотвязчиво лѣзъ подъ фартукъ, съ нытьемъ и нетерпѣніемъ; то справа, то слѣва забѣгалъ онъ и, казалось, вотъ-вотъ ворвется, но отставалъ и силился вновь догнать и, догоняя, хлесталъ сзади по крышкѣ, или опять скучалъ гдѣ-нибудь около. Мракъ и вьюга были кругомъ; ни неба, ни пути, ни бугровъ—все смѣшалось въ муть, которая безтолково крутилась... Сиротливо дѣлалось на душѣ. Колокольчикъ звонилъ неугомонно, точно плакалъ, какъ голодный младенецъ, и все вокругъ плакало на разные голоса. Было похоже, что въ природѣ пропало что-то очень нужное и дорогое, за которымъ во всѣ стороны полетѣли гонцы, подъ страхомъ смерти старавшіеся найти пропажу, по чьему-то велѣнію. Рыскали по низу, взлетали высоко къ небу, кружились на одномъ мѣстѣ, аукались и, очумѣвъ со страха, оплакивали свою горькую участь. И

гдѣ-то тутъ же открылся надъ ними полевой судъ: милліонъ писцовъ бойко шуршали перьями по бумагѣ, а гонцы разносили экстренные приказы и тащили кого-то на казнь. Глухо звучала съ одной стороны побѣдная музыка, а съ другой — доносилось тихое похоронное пѣніе... Еще тоскливѣе дѣлалось на сердцѣ... Живая сила разгулялась въ полѣ; все жило своей особенною непонятною жизнью—и вьюга, и поле, и взбаломученные хлопья снѣга, и только кони, люди, да колокольчики замѣшались сюда ни къ чему, какъ лишніе гости на чужой праздникъ.

Ѣхали все тише и тише. Колокольчикъ вздрагивалъ и стоналъ, но не заливался, какъ раньше, беззаботною пѣснью.

Лошади пошли шагомъ.

— Да, ну! дьяволы! раздался сердитый окрикъ, точно сквозь стиснутые зубы, и слѣдомъ за тѣмъ щелкнули два рѣзкіе удара кнута.—Вытягивай!!.

Лошади потянули недолго изо всей силы и вскорѣ остановились, тяжело дыша. Слышно было, какъ кнутъ много разъ врѣзывался въ ихъ спины, но повозка стояла на одномъ мѣстѣ.

— Что такое? спросилъ Бородатовъ, высунувши голову, однако ничего не могъ разглядѣть кромѣ мутнаго вихря, который тотчасъ же влѣпился ему въ лицо и хлестнулъ по глазамъ. Тройка стояла, понуривъ головы, и вздрагивала отъ безпощадныхъ ударовъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ лошадиныхъ хвостахъ и гривахъ, шуршалъ по крышкѣ и по оглоблямъ. Становилось холодно, двойныя шубы отказывались грѣть стынувшее тѣло, а вѣтеръ злился и радовался, съ неумолимою жестокостью отыскивая малѣйшія щелочки, и проникалъ до тѣла, и ничѣмъ нельзя было закрыться, ни во что нельзя было закутаться такъ, чтобы онъ не разыскалъ лазейку и не пробѣжалъ по груди и ногамъ. Всѣ присмирѣли, всѣ думали одну общую думу: какъ быть?.. Въ темнотѣ передъ глазами прыгали и носились снѣжные призраки, и ужасъ безсилія охватывалъ душу.

— Что, ямщикъ? спросилъ заискивающимъ голосомъ Панфиловъ.

Ямщикъ, который съ кнутомъ въ рукахъ ходилъ отыскивать дорогу, выросъ вдругъ изъ мрака, какъ привидѣніе, и, подойдя къ повозкѣ, сказалъ, не слыхавъ вопроса:

— Нѣту пути.

— Да ты поѣзжай, голубчикъ, какъ-нибудь,—авось, выберемся на дорогу.

— Гдѣ выбраться!.. Ишь, темень-то, хоть глазъ выколи!.. Да и бура разыгралась на диво.

— А ты все-таки поѣзжай, милый! Авось, какъ-нибудь...

Ямщикъ, что-то проворчавши, усѣлся покрѣпче и потомъ, хлопнувъ рукавицами, подобралъ возжи. Лошади рванули было впередъ, но подъ полозьями намело кучи снѣга. Долго бились, напрягая всѣ силы, чтобы стронуть съ мѣста повозку, и, наконецъ, поѣхали шагомъ.

А вьюга разыгрывалась все пуще. Какая-то сила съ шумомъ и свистомъ мчалась поверху и вдругъ упадала внизъ, и пробѣгала дальше понизу, кувыркаясь и жалуясь.

— И дернулъ насъ чортъ поѣхать въ этакую погоду! удивлялся Кротовъ, доставая бутылку: на смерть озябъ!.. Даже лошади не идутъ.

Дѣйствительно, повозки опять стали. А вѣтеръ метался по полю, какъ угорѣлый, точно самъ не зная, куда дѣваться, и кидался въ разныя стороны; то вдругъ онъ затихалъ и плакалъ, то вдругъ набрасывался съ бѣшенствомъ на повозку и стучалъ по ней словно кулаками, желая выворотить наизнанку чепчикъ, который весь тряся подъ его ударами, какъ молчаливый невольникъ. Вдругъ гдѣ-то вблизи послышался мрачный аккордъ, рѣзкій, звучный, постепенно переходившій въ протяжный вой. Лошади захрапѣли. Не было видно однако, прыгали онѣ, или нѣтъ, но только колокольчики зазвонили часто, безтолково, тревожно и повозки дернулись сильно назадъ. Ямщикъ, сошедшій было на землю, бросился какъ угорѣлый въ повозку, закричавъ.

— Волки! волки!

Кротовъ высунулъ голову. Сквозь мракъ и вьюгу глядѣли на него зловѣщія точки, горѣвшія фосфорическимъ блескомъ. Трудно было опредѣлить разстояніе—не то онѣ были около, не то вдалекѣ, но онѣ вспыхивали тутъ и тамъ, и, казалось, росли и приближались. Порывы вѣтра, дергавшіе повозки, на всѣхъ наводили ужасъ.

— Пошелъ!! вдругъ закричалъ Кротовъ, напрягши весь свой громовой голосъ, отъ котораго вздрогнули всѣ спутники, и вслѣдъ за крикомъ раскатился неожиданный выстрѣлъ.

Сучковскій прикащикъ весь съежился и дрожалъ: выстрѣлъ перепугалъ его окончательно, а отвѣтившее ему завываніе, протяжное, злое, заставило креститься и шептать молитвы.

— Тро-гай!! гремѣлъ Кротовскій басъ, такой свирѣпый и рѣ-

пительный, и такой громкій, что доносился до передней повозки, несмотря на вой и свистъ непогоды.

— Трогай!.. Гони!.. кричалъ безъ устали Кротовъ, оглашая просторъ то голосомъ, то выстрѣломъ. Опасаясь бѣды, Сучковъ тоже пробовалъ кричать ему: „Въ небо стрѣлять! Кверху! Въ волковъ не надо!", но своего голоса онъ не слыхалъ даже самъ.

Свистъ кнутовъ и крики слились съ общимъ гуломъ. Обезумѣвшія отъ страха лошади напрягли послѣднія силы, и повозки тронулись, ныряя по ухабамъ и разворачивая передъ собою сугробы снѣга. Выстрѣлы между тѣмъ сыпались одинъ за другимъ; ихъ зловѣщій рокотъ прорѣзывался сквозь стоны вьюги, и страшная ночь становилась еще страшнѣе. Встревоженныя тройки, храпя и косясь, бѣжали наудачу впередъ, безъ пути, еле переводя дыханіе, а зловѣщіе огоньки отдалялись и многіе потухали... Уже нѣсколько верстъ отъѣхали повозки, уже давнымъ-давно исчезли огоньки, а лошади все бѣжали, фыркая, спотыкаясь и настороживъ уши. Онѣ бѣжали безъ направленія и отъ усталости чуть не падали; наконецъ, измученныя, тяжело дыша, остановились сами.

Было черно вокругъ. Вьюга не унималась.

— Взглянуть-бы, Матвѣй Матвѣевичъ, нѣтъ ли кабака близко: сами остановились! посовѣтовалъ Бородатовъ.—Лошади на этотъ счетъ понятливы.

— Чего кабакъ! сердито возразилъ ямщикъ.—Тутъ и кабаковъ нѣту.

Однако онъ слѣзъ и пошелъ куда-то.

— Поищи, нѣтъ ли дороги! крикнули ему вслѣдъ.

Ямщикъ минутъ черезъ десять вернулся.

— Не зги не видать, сокрушенно сказалъ онъ, подходя къ повозкѣ.—Какіе тутъ кабаки! Отъ города далече—кабаковъ не бываетъ.

— Такъ гдѣ-же мы стоимъ?

— А Богъ-е знаетъ,—нѣту пути! Ишь какая метель, развѣ что видно... Всю ночь плутали; чай, скоро свѣтать начнетъ.

Бородатовъ полѣзъ за часами и, испортивъ десятка два спичекъ, наконецъ разглядѣлъ: было около пяти.

— Ночевать, что-ли, будемъ? спросилъ ямщикъ. Въ его голосѣ слышалось раздраженіе. Онъ и самъ не зналъ, что теперь лучше - ѣхать-ли неизвѣстно куда, или остаться на Божью волю.

Кони еле дышали, измученные долгою тяжелою ѣздой.

— Не далеко до свѣта, сказалъ на это Панфиловъ, тоже колеблясь въ рѣшеніи: безъ пути и направленія ѣхать казалось ему безразсудно, но было жутко и ночевать подъ метелью.

Ямщикъ нѣсколько разъ крякалъ, какъ крякаетъ русскій человѣкъ только въ самыя затруднительныя минуты, когда бываетъ очень, очень досадно, а не знаешь, чѣмъ помочь горю, или за что приняться, или хоть кого обвинить въ этомъ, и даже не находишь ни одного надлежащаго слова, чтобы выразить имъ свою грусть. Покрякавъ, ямщикъ опять удалился и долго совѣщался съ товарищами. Тѣ такъ же, какъ и онъ, долго крякали и чмокали, и ходили искать дорогу.

— Инъ быть по-Божьему! сердито рѣшилъ ямщикъ, возвращаясь къ повозкѣ.—Значитъ, до свѣта!

Онъ еще поворчалъ, хотя словъ его уже не было слышно.. О чемъ-то громко спросили съ другой повозки, но онъ прокричалъ въ отвѣтъ что-то бранное. Опять раздался окрикъ... Ямщикъ только махнулъ рукой и сердито прошепталъ себѣ въ бороду: „Все одно! Что жь теперь будешь дѣлать!..“

Выходилъ нѣсколько разъ искать дорогу и Кротовъ, но всякій разъ возвращался ни съ чѣмъ и на вопросы Матвѣя Матвѣевича отвѣчалъ коротко: „Темнота!“ Наконецъ всѣ успокоились и замолчали. Прислушалась вьюжная пѣсня, ухо привыкло къ ея скучной музыкѣ; завернувшись поглубже въ доху, становилось уже безразлично, воетъ метель, или нѣтъ. Ноги начали остывать. Глотокъ коньяку отраднымъ тепломъ разливался по крови. Усталая спина отдыхала послѣ долгихъ ухабовъ. Клонила дремота... Снѣгъ порошилъ по повозкѣ, улегаясь на крышку; подъ ноги лошадямъ наметалъ вѣтеръ цѣлыя кучи, которыя все росли и возвышались, а крутящаяся муть все еще не свѣтлѣла, продолжая ныть и напѣвать свои долгія похоронныя пѣсни, и вѣтеръ все гонялся по полю, задѣвая за верхушки повозокъ...

Долго царили мракъ и вихрь, долго крутились снѣжные хлопья пока, наконецъ, не засвѣтлѣло въ воздухѣ. Мало-по-малу блѣднѣла ночная мгла и сумракъ дѣлался рѣже, и затихала вьюга, но небо было сплошь затянуто грязными тучами и все еще порошило снѣгомъ. Начинало свѣтать... Понемногу, сквозь сыпавшійся снѣгъ, очерчивались сначала ближайшіе предметы, виденъ сталъ облучокъ, силуэты коней, потомъ стало можно различить и лицо ямщика, и образовавшіеся за ночь снѣжные холмы, и,

наконецъ, впереди сталъ виденъ заборъ, въ который почти упирался коренникъ.

— Батюшки! да вѣдь это станція! воскликнулъ удивленный ямщикъ, хлопнувъ себя обѣими руками по бедрамъ.—Ишь ты, лукавый попуталъ!!. И онъ пришелъ вдругъ въ такую ярость, что началъ ругаться, оговариваясь на каждомъ словѣ: „прости ты мое согрѣшеніе!"

— Ахъ, ты лукавый!.. Ахъ, ты, сила нечистая, куда завела!!. Вотъ чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки!

Въ бѣшенствѣ онъ много разъ ударялъ изо всей силы кнутомъ по свѣжему снѣгу, и прежде чѣмъ разбудить сѣдоковъ, онъ вволю отругалъ разсѣявшійся мракъ и насулилъ такихъ невзгодъ лукавому и всей его роднѣ, что горькая обида отлегла, наконецъ, отъ души, и облегчилось его русское сердце.

— Я говорилъ, что кабакъ! разсердился на него Бородатовъ. Лошади остановились—значитъ, кабакъ!

— Гдѣ же онъ кабакъ? разсердился ямщикъ въ свою очередь. Станція нешто кабакъ?

— Какъ же ты станцію не знаешь!

— Гдѣ же ее знать? Очень хорошо ее знаю,—а развѣ видно? Вонъ она,—теперь ее видно, а давеча развѣ можно!.. Ахъ, ты сила нечистая!! чтобъ тебѣ...

Въ огорченіи онъ опять началъ ругаться, припоминая, какъ было дѣло: наѣхалъ ли онъ на станціонный задворокъ или лошади сами дошли по памяти, когда всѣ спали,—но только нечистая сила была здѣсь больше всѣхъ виновата, и въ этомъ онъ былъ твердо увѣренъ.

Жалкіе, продрогшіе вошли путники въ станціонную залу. Раздѣвшись, всѣ сѣли и старались опомниться. Матвѣй Матвѣевичъ молчалъ и не могъ помириться съ мыслью, что станцію въ какихъ-нибудь двадцать верстъ ѣхали цѣлую ночь.

Тутъ же въ комнатѣ, развалившись на креслѣ, спалъ бритый мужчина, а на диванѣ маленькая худенькая дама; ея лицо отъ утренняго сѣраго свѣта казалось очень непривлекательнымъ, со слѣдами утраченной красоты. Голоса прибывшихъ разбудили обоихъ. Сначала проснулся мужчина и, взглянувъ на свѣтъ съ такимъ несчастнымъ выраженіемъ, точно отъ этого взгляда у него заболѣли всѣ нервы, протеръ глаза и откашлялся, а потомъ проговорилъ, ни къ кому собственно не обращаясь:

— Ну, ночка! Чортъ знаетъ, что за погода!

— Большая бура! сказалъ на это староста, вышедшій на встрѣчу. Всеё ночь крутило.

— А дальше какова дорога? спросилъ Матвѣй Матвѣевичъ.

- Нырковата, сударь. Ямщики вчерась были, сказываютъ, очень нырковата, къ тому же много обрѣзовъ [1].

Послѣ мучительной ночи всѣмъ хотѣлось отдохнуть, и сообщеніе старосты ихъ огорчило.

„Нырковата...“ Легко сказать—нырковата! когда опытный ѣздокъ заранѣе чувствуетъ отъ этого слова боль въ поясницѣ.

- Охъ, ужь эти мнѣ деревянныя станціи! вздохнулъ Матвѣй Матвѣевичъ, называя такъ предстоявшія Кленово, Сосново, Дуброво, гдѣ всегда бываетъ отвратительная дорога, и кромѣ того начинаются опять Аракчеевскія аллеи, съ которыми не можетъ помириться ни одинъ путникъ и не можетъ забыть ихъ долгое время.

VII.

Столкновеніе.

Послѣдній день!...

Впереди еще цѣлыя сутки, а всѣ уже говорятъ: „слава Богу“! и мечтаютъ объ отдыхѣ и спокойныхъ вагонахъ. Однообразенъ и безконеченъ кажется этотъ послѣдній день, желаніе отдыха возрастаетъ при видѣ каждой новой станціи и, несмотря на ухабы, всѣ кричатъ въ нетерпѣніи: „Пошелъ! Пошелъ!“

Почти до полдня не переставало хмуриться; сѣрыя тучи обложили весь небосклонъ, и только тамъ, гдѣ было солнце, онѣ казались свѣтлѣе и рѣже. Однако мало-по-малу тучи начали двигаться,—поплыли сперва легкія, какъ дымъ, облака; за ними двинулись мохнатые, сѣдые клочья; мѣстами дѣлалось чернѣе отъ нихъ, мѣстами проглядывала синева; иногда прорѣзывался внезапный лучъ солнца и вдругъ окрашивалъ огромную тучу въ золотисто-грязный цвѣтъ и кидался скорѣе на дорогу, озаряя на минуту бѣлоснѣжную окрестность ослѣпительнымъ блескомъ... Въ небѣ творилось что-то невѣдомое: было тихо въ воздухѣ, почти безвѣтрено, но тучи, разорвавшись на множество кусковъ, цѣлыми полчищами двинулись къ сѣверу; а съ юга вслѣдъ за ними выплывали новыя облака и тянулись дружными вереница-

[1] Обрѣзами называютъ почти отвѣсныя стѣны наметенныхъ вьюгою горъ.

ми; за этими слѣдовали еще новыя, но уже не пахмурыя, а веселыя, румяныя, потомъ бѣлыя, которыя серебрились на солнцѣ, плывя вразсыпную по голубому небу, — и день засіялъ во всей своей силѣ.

Впереди по дорогѣ, такъ же какъ первыя вереницы тучъ, тянулся нескончаемый обозъ, занимая собою цѣликомъ всю узкую дорогу, и тройкамъ нельзя было проѣхать. Шагъ за шагомъ двигались нагроможденные воза, прикрытые брезентами и рогожами, затянутые веревками; около нихъ шли одинъ за однимъ мужики на большомъ разстояніи другъ отъ друга, и всѣ почему-то глядѣли внизъ на дорогу.

По совѣту Бородатова, никогда не терявшагося въ затруднительныхъ положеніяхъ, ямщикъ еще издали закричалъ обозникамъ:

— Свора-чи-вай!!

Но тѣ продолжали свой путь, ни мало не заботясь.

— Свора-чи-вай!!. кричалъ во весь голосъ ямщикъ, нагоняя обозъ.—Гу-бер-наторъ ѣдетъ!.. Свора-чи-вай!

Ближніе обозники оглянулись.

— Гу-бер-наторъ!!. услыхали они и, не понявъ въ чемъ дѣло, бросились къ возамъ и замахали руками переднимъ.

— Губернаторъ! губернаторъ! кричали они уже сами.

— Губер-наторъ!! перекликались дальнѣйшіе.—Губер-наторъ!

И по всему обозу, до самыхъ переднихъ погонщиковъ, которые виднѣлись отсюда сѣрыми точками, мгновенно донеслось это магическое слово, передававшееся изъ устъ въ уста.

— Губернаторъ! раздавалось все дальше и дальше на разные голоса, и всѣ бросались къ своимъ подводамъ и спихивали лошадей въ придорожные сугробы, освобождая путь, по которому во весь духъ мчались тройки, а задніе мужики, поснимавшіе было шапки, но, увидѣвъ обманъ, стали кричать переднимъ:

— Держи! держи!

Но колокольчики громкимъ звономъ и ямщики своими криками заглушали ихъ голоса, и когда передніе обозники догадались въ чемъ дѣло, повозки были уже далеко впереди, и только снѣжная пыль летѣла отъ нихъ въ обѣ стороны.

Дорога, дѣйствительно, была „нырковата“, и путники безъ всякой энциклопедіи догадывались, откуда произошло слово *ухабъ!* Повозки съ шумомъ проваливались въ ямы и, выползая изъ нихъ, снова проваливались съ такимъ же шумомъ, точно кричали все время: ухъ! ухъ! ухъ!

Скоро появились и вьюжные „обрѣзы“. Дорога пошла сильно подъ гору и повозки напирали на лошадей. Какъ ни выдерживалъ коренникъ, но пристяжная споткнулась и повозка всей тяжестью насѣла ему на плечи, отчего, противъ воли, онъ прибавилъ шагу; пристяжныя, глядя на него, тронули рысью, а затѣмъ всѣ трое, потерявъ опору, помчались во весь духъ внизъ по крутому скату, гдѣ чернѣлъ на оврагѣ животрепещущій бревенчатый мостикъ. Боясь, что лошади промахнутся съ налета и вмѣсто моста попадутъ въ оврагъ, сѣдаки кричали тревожно: „держи! держи!“ Намотавши на руки возжи, ямщикъ весь перегнулся, сдерживая тройку, и почти лежалъ, касаясь головой кибитки, но лошади не могли уже справиться.

— Держи! держи! не своимъ голосомъ кричали всѣ, видя какъ со встрѣчной горы спускалась къ оврагу чужая тройка.—Осади! осади!..

Но было поздно: разбѣжавшись и потерявъ опору, у самаго мостика лошади сшиблись съ встрѣчными лошадьми, повозки зацѣпились боками одна о другую, и Панфиловъ, поднявшійся было для команды, отъ сильнаго толчка вылетѣлъ на снѣгъ и растянулся ничкомъ, растопыривъ руки. Въ первую минуту никто ничего не могъ разобрать. Чужая тройка впуталась въ панфиловскую тройку, перемѣшались постромки, сломалась оглобля, чей-то багажъ вылетѣлъ на снѣгъ. Лошади старались выпутать ноги, колокольчики звонили на всѣ лады, а коренникъ, у котораго морда попала на спину чужой лошади, кричалъ во всю мочь тонкимъ пронзительнымъ голосомъ. Увидавъ лежащаго хозяина, прикащики поспѣшили къ нему на помощь.

— Не ушиблись ли, Матвѣй Матвѣевичъ, сказалъ Бородатовъ, помогая ему подняться, и вопросительно глядѣлъ на его вспыхнувшее лицо, съ блестѣвшими сердитыми глазами.

Не отвѣчая ни слова, Панфиловъ рѣшительными шагами направился къ повозкѣ, молча схватилъ за шиворотъ своего ямщика и трясъ до тѣхъ поръ, пока съ того не свалилась шапка. Послѣ этого онъ направился къ чужому ямщику и молча продѣлалъ съ нимъ то же самое, только добавилъ, въ знакъ окончанія:

— Мерзавецъ!..

И хотѣлъ было уходить, какъ вдругъ изъ глубины повозки выглянуло красное, круглое лицо, бритое, какъ у актера, необычайно торжественное, точно масляное, улыбающееся съ уха на

ухо, и прозвучалъ затѣмъ сладкій голосъ, похожій больше на пѣніе, чѣмъ на окрикъ:

— Достопочтеннѣйшій Матвѣй Матвѣевичъ!

Панфиловъ остановился.

Отвязывая наскоро фартукъ и подбирая полы дохи, изъ повозки вылѣзъ пожилой человѣкъ, средняго роста, сохраняя свою прежнюю торжественную гримасу и улыбаясь съ уха на ухо, спѣшно приблизился, заключивъ въ объятія Матвѣя Матвѣевича.

— Достопочтеннѣйшій другъ! Васъ ли вижу, милѣйшій?!

— Сидоръ Евгеньевичъ! воскликнулъ въ удивленіи Панфиловъ. — Какими судьбами?

— По дѣламъ, любезнѣйшій, все по дѣламъ! Какъ живете-можете?.. При какихъ, такъ-сказать, обстоятельствахъ увидались! Это Богъ такъ велѣлъ,—Богъ-съ!—Чтобъ я встрѣтился съ своимъ почтеннѣйшимъ Матвѣемъ Матвѣевичемъ! На ярмарку ѣдете? Ну, дай вамъ Господи!

— Вы-то куда?

— А какъ же? У меня теперь, мой милѣйшій, дѣловъ не по этихъ поръ (онъ указалъ на горло), а вотъ по этихъ! (и онъ махнулъ пальцемъ выше шапки.) Вездѣ теперь, любезнѣйшій мой, дѣла завелись! Вездѣ, голубчикъ, Матвѣй Матвѣевичъ!

— Что̀ такъ?

— Обыватели наши почетомъ меня удостоили: городскимъ головой выбрали. Поздравьте, любезнѣйшій! радостно засмѣялся онъ, съ очевиднымъ желаніемъ, чтобы радовался и Панфиловъ. Тружусь по мѣрѣ возможности,—только дѣловъ, дѣловъ! Во вѣкъ не передѣлаешь!

Пока они разговаривали, лошадей приводили въ порядокъ, надвязывали оборвавшіяся постромки, ставили запасную оглоблю, которая всегда имѣется при повозкѣ, и укладывали выброшенный багажъ.

— Какой это кладъ у васъ въ городѣ отыскали? полюбопытствовалъ Матвѣй Матвѣевичъ.—Въ газетахъ читалъ: говорятъ, археологическая рѣдкость.

— Именно рѣдкость, я вамъ скажу, мой милѣйшій! Конечно, если сказать, положа руку на сердце,—ничего я въ ней не нашелъ, голубчикъ... Да мнѣ и наплевать на нее! Только очень замѣчательная вещь!

И городской голова завелъ безконечный разсказъ о томъ, какъ онъ пожертвовалъ двадцать тысячъ на устройство училища, какъ

пріѣзжали власти осматривать домъ, какъ ему обѣщали за это „крестишко“, какъ потомъ понадобилось рыть колодезь, гдѣ рабочіе и наткнулись на плиту.

— При мнѣ все это случилось: роетъ Пантелей подъ заборомъ, а я ему говорю, „забирай, Пантелей, вправо“. А онъ говоритъ, „упирается что-то“... Я говорю, рой, а онъ все говоритъ: „упирается“...

Панфиловъ, не любитель длинныхъ разсказовъ, не зналъ уже какъ отдѣлаться, а городской голова все говорилъ, говорилъ,—наконецъ, Матвѣй Матвѣевичъ не выдержалъ.

— Ну, я лучше самъ на обратномъ пути къ вамъ заѣду. До свиданія! сказалъ онъ, нетерпѣливо прерывая разсказъ.

— Милѣйшій мой! обрадовался тотъ.—Вотъ одолжили бы! Ужъ я бы вамъ показалъ — ризница какая у насъ въ соборѣ! а потомъ въ училище съѣздили бы: дѣвочки тамъ поютъ—чисто вотъ ангелы небесные! Да нѣтъ! я васъ такъ не пущу. Дайте мнѣ слово, что заѣдете!

— Хорошо, хорошо, непремѣнно.

— Да, нѣтъ-съ, почтеннѣйшій Матвѣй Матвѣевичъ! дайте мнѣ честное слово.

— Если только будетъ возможность, непремѣнно, Сидоръ Евгеньевичъ!

— Нѣтъ-съ, вы скажите честное слово!

— Да мнѣ самому пріятно, началъ отвиливать Панфиловъ, пятясь къ своей повозкѣ.—При первой возможности.

— Безъ честнаго слова забудете! Ну, вы хоть узелокъ завяжите на память.

— Федоръ Николаевичъ! крикнулъ тотъ Бородатову,—напомни мнѣ на обратномъ пути непремѣнно заѣхать къ Сидору Евгеньевичу!

— Тутъ крюкъ небольшой, голубчикъ. А все-таки дайте мнѣ честное слово, я и буду спокоенъ. Скажите, какъ передъ Богомъ!

— Ну-съ, до свиданія! рѣзко прервалъ его Панфиловъ, а тотъ протянулъ руку и снова заключилъ въ объятія Матвѣя Матвѣевича и стоялъ, улыбаясь своей широкой улыбкою все время‘ пока онъ усаживался въ повозку.

— Трогай!

— Такъ помните, любезнѣйшій: честное слово дали! крикнулъ вдогонку городской голова.

VIII.

Проигрышъ.

Чѣмъ ниже опускалось солнце, тѣмъ больше безпокоился Матвѣй Матвѣевичъ; его нетерпѣніе возростало съ каждой минутой: еще какихъ-нибудь три-четыре часа, и пермскій поѣздъ уйдетъ вмѣстѣ съ Тирманомъ... А до Перми еще цѣлыхъ три станціи!

— Нѣтъ, не поспѣешь! думалъ онъ съ сокрушеніемъ.

Пока въ Оханскѣ мѣняли лошадей, Сучковъ отвѣдалъ вкусныхъ пельменей [1] и браги, [2] а Панфиловъ все ходилъ около повозокъ и въ волненіи поглядывалъ на небо. Ему хотѣлось остановить время; но время неумолимо: вернуть бы четыре часа, только четыре часа!.. Часто вытаскивалъ онъ свой женевскій хронометръ и глядѣлъ почти съ ненавистью, какъ маленькая проворная стрѣлка бѣжала по циферблату.

— Нѣтъ, не поспѣешь!

Вихремъ летѣли быстрые кони, духъ занимался отъ скорой ѣзды, а вечернее солнце давно уже закатилось, и сумерки вновь затемнили дорогу.

— Ура! Здѣсь Тирманъ! воскликнули въ одинъ голосъ Сучковъ и Матвѣй Матвѣевичъ, когда, подъѣхавши къ „Култаеву“, они увидали знакомую повозку, и прежде чѣмъ войти на станцію, поторопились ее оглядѣть.

— Она! Она! Это тирманская повозка! ликовалъ Сучковъ. Глядите, Матвѣй Матвѣевичъ: тирманская!

— Ну, теперь не ускачетъ! сказалъ тотъ и, войдя въ комнаты, торопливо освѣдомился у смотрителя.

— Гдѣ Тирманъ?

— Тирманъ? Давно ужъ проѣхали. Страсть какъ летятъ! Все боялись къ поѣзду запоздать: ихъ гдѣ-то очень метель задержала, да потомъ лошадь околѣла на дорогѣ, — такъ на парѣ и ѣхали, и деньги за нее отдали ямщику.

— Да онъ здѣсь! возразилъ Панфиловъ.

---

[1] Пельмени—маленькіе пирожки изъ тѣста, съ свинымъ фаршемъ, варимые въ водѣ.

[2] Брага—любимый напитокъ пермяковъ, замѣняющій у нихъ русскій квасъ.

— Нѣтъ-съ, уѣхали! усмѣхнулся смотритель.—А насчетъ повозки,—дѣло пустое. Очень ужь они торопились: бросили и багажъ, и повозки, а сами взяли салазки, впрягли лошадей,—да и были таковы. Не знаю, какъ только доѣдутъ. Страсть, какъ спѣшили на поѣздъ, а повозку вмѣстѣ съ багажемъ велѣли выслать въ Ирбитъ.

Панфиловъ слушалъ смотрителя съ нахмуреннымъ челомъ и, вздохнувши, проговорилъ спокойно:

— Ну, и чортъ его побери, когда такъ!

Спѣшить теперь было уже некуда: поѣздъ, судя по времени, ушелъ, и если Тирманъ поспѣлъ, то его все равно ничѣмъ уже не догонишь, а если опоздалъ хоть минутой, то и самъ никуда не уйдетъ до слѣдующаго вечера,—поэтому не торопясь, перепрягли лошадей, выпили чаю, и около полуночи подкатили съ шумомъ и звономъ къ пермской заставѣ, у которой въ былыя времена опрашивали паспорта. Ямщики соскочили съ облучковъ и стали подвязывать колокольчики, звонъ которыхъ по городу считался дѣломъ предосудительнымъ.

Впереди стояли два каменныхъ столба, похожихъ на пирамиды,—съ гербами Пермской губерніи, изображавшими безхвостаго медвѣдя съ высунутымъ языкомъ и торжественно приподнятою лапой. За заставой тянулась длинная освѣщенная улица, съ вывѣсками, номерами, харчевнями.

— Куда прикажете? спросили ямщики.

— На вольную почту!

И тройки тихо въѣхали въ дремлющій городъ, безъ докучнаго звона, къ которому такъ привыкло ухо за эти нѣсколько дней, и понеслись по безлюдной улицѣ.

Вотъ она, пресловутая Пермь, изъ-за которой перепутались свѣдущіе люди, отыскивая ея корневое слово!.. Свѣдущему человѣку не легко живется на бѣломъ свѣтѣ: роется, роется по архивамъ, разгонитъ всю пыль, сидѣвшую на книгахъ, и, наконецъ, откопаетъ гдѣ-нибудь истину и начнетъ ее разрабатывать, и сочинитъ исторію о томъ, какъ дошли новгородцы до верховьевъ Камы и увидали высокія горы, гдѣ жилъ какой-то народъ, у котораго гора называлась „Пармою“, а сами жители, какъ нагорные,—Пармаками, отсюда и—Пермь. Коротко и ясно; и свѣдущій человѣкъ доволенъ, и простой человѣкъ, слушая его, умиляется,—какъ все это просто да вѣрно!.,

Но въ то время, какъ свѣдущій человѣкъ обрабатывалъ истину

въ одномъ углу,—въ другомъ углу сидѣлъ другой свѣдущій человѣкъ и тоже обрабатывалъ истину, тоже рылся въ архивахъ, и, разогнавъ много пыли, объяснилъ, что „пармакп“ вовсе не нагорные жители, а украинцы – отъ слова „paarma, что означаетъ украйну...

А третій свѣдущій человѣкъ, услыхавши это, воскликнулъ: Оба вы врете!—„Кто не знаетъ, что Пермь въ древности называлась Біармія? Вотъ слово, которое надобно принять за объясненіе происхожденія Перми!..“ [1]

Въ первый разъ послѣ долгой дороги путники успокоились на диванахъ въ комнатахъ вольной почты, хотя, несмотря на удобства, Панфиловъ долго не могъ заснуть; ему все еще мерещилось движеніе и тряска; забываясь на минуту, онъ сейчасъ же пробуждался, воображая, будто диванъ нырнулъ по ухабу; и долго чудились ему эти ухабы и качка, долго звучали въ ушахъ колокольчики, и даже во снѣ онъ бесѣдовалъ съ Тирманомъ и воевалъ съ ямщиками.

По утру, когда всѣ сѣли за самоваръ, Матвѣй Матвѣевичъ наскоро выпилъ стаканъ чаю и, уходя, сказалъ прикащикамъ, что они свободны до вечера.

— Прямо на вокзалъ пріѣзжайте!

Съ этими словами онъ вышелъ, торопясь узнать о судьбѣ Тирмана. На вокзалѣ онъ отыскалъ знакомаго начальника станціи, который былъ занятъ и сидѣлъ за грудой бумагъ.

— Скажите, пожалуста, обратился къ нему послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій Матвѣй Матвѣевичъ,—не видали вы вчера Тирмана?

— А что?

— Мнѣ до него дѣло. Боюсь, не уѣхалъ ли.

Начальникъ въ отвѣтъ пожалъ плечами и спросилъ въ свою очередь, съ оттѣнкомъ насмѣшливой укоризны:

— Скажите лучше, живъ ли вашъ Тирманъ?

— Неужто не былъ? обрадовался Панфиловъ.

— Какой не былъ! Вчера прискакалъ прямо къ поѣзду, передъ третьимъ звонкомъ...

— Успѣлъ-таки, разбойникъ!

— Измученный, еле языкомъ шевелитъ, продолжалъ начальникъ.—Понимаете: Христомъ-Богомъ меня молилъ, чтобъ я задержалъ поѣздъ, пока тамъ его товарища приведутъ... молодой

[1] Поправка А. Игнатовича къ объясненію названій русскихъ городовъ.

человѣкъ какой-то, не знаю, кто онъ... Удивляюсь, гдѣ ихъ угораздило этакъ измучиться, вѣдь Богъ знаетъ, на что похоже! Молодой человѣкъ всѣ ноги отмялъ, почти на рукахъ втащили въ вагонъ.

— Вотъ онѣ, салазки-то! Вотъ онѣ! наставительно и раздраженно сказалъ Панфиловъ и крѣпко постучалъ по столу указательнымъ пальцемъ.—Все-таки уѣхали? спросилъ онъ сейчасъ же.

— Что жь съ ними подѣлаешь! Задержалъ поѣздъ на три минуты, отвѣтилъ начальникъ покровительственнымъ тономъ.—Не сидѣть же имъ, въ самомъ дѣлѣ, цѣлыя сутки изъ-за какой-нибудь минуты... Только, чортъ знаетъ, какъ измучились! даже жалко! Кстати, совсѣмъ было позабылъ,—Тирманъ велѣлъ передать вамъ вотъ это письмо.

Панфиловъ съ недоумѣніемъ принялъ изъ рукъ начальника толстый пакетъ, безъ всякой надписи и, распечатавъ, вынулъ изъ него листъ бумаги, сложенный вчетверо. На листѣ былъ нарисованъ длиннѣйшій носъ...

У Матвѣя Матвѣевича задрожали пальцы отъ безсильной досады. Скомкавъ бумагу, онъ гнѣвно бросилъ ее въ уголъ и опустился на диванъ, проворчавъ сквозь зубы:

— Скотина!!

Однако проигрышъ былъ уже очевиденъ.

IX.

Отъ нечего дѣлать.

Цѣлый день прикащикамъ нечего было дѣлать; они отдали свои подорожныя, которыя засалились въ пути отъ множества смотрительскихъ рукъ, отдали на храненіе свои повозки, затѣмъ бродили безцѣльно по городу, забрели въ трактиръ, сыграли на билліардѣ—и все-таки оставалось много времени, которое не во что было убить.

Въ раздумьѣ они вышли опять на улицу, рѣшительно не зная куда дѣваться.

— Извощикъ! куда бы намъ дѣваться? спросилъ Бородатовъ.

Тотъ, видя, что съ нимъ шутятъ, не хотѣлъ было отвѣчать, опасаясь не кроется ли здѣсь хитрая уловка, чтобы послѣ поднять его на смѣхъ, какъ это водится за нѣкоторыми обывателями, но Бородатовъ сказалъ серьезно:

— Свози куда-нибудь за заставу: мы люди пріѣзжіе.

— На Мотовилиху? осторожно предложилъ извощикъ, все еще не довѣряясь.—Туда часто пріѣзжіе нанимаютъ: очень смотрѣть любопытно, какъ тамъ пушки льютъ.

— Пушки льютъ?

— Сейчасъ умереть, пушки! Пріѣзжіе часто туда нанимаютъ.

Прикащикамъ было совершенно все равно, куда ни ѣхать, лишь бы скоротать время до вечера, тѣмъ болѣе, что Мотовилиха стояла недалеко отъ города, всего версты на четыре. Дорогой извощикъ разговорился и много разсказывалъ объ этомъ заводѣ, существующемъ, какъ ему казалось, съ незапамятныхъ временъ. [1]

— Вотъ вывезутъ они, это, на рѣку пушку, разсказывалъ извозчикъ,—и давай ее пробовать, пытать! Пороху туда всыпятъ по самое, по нельзя: прямо двойную препорцію... Сейчасъ умереть, двойную! добавилъ онъ, боясь, что ему не повѣрятъ.—Вотъ это всыпятъ туда пороху, а сами далече убѣгутъ и схоронятся: потому—страшно! А потомъ ка-акъ шаркнутъ!..

Извощикъ сильно крякнулъ и не зналъ, что говорить дальше.

— Такъ инда земля содрагается! Страсть, какъ палятъ! А ежели тамъ деревья на встрѣчу, или что-нибудь этакое,—сейчасъ умереть, однѣ щепки останутся! Онъ покрутилъ головой въ раздумьѣ и сказалъ вопросительно,—этакимъ манеромъ да въ непріятеля?

— А не разрываются пушки?

— Съ тѣмъ, значитъ, и пробуютъ, чтобы не ръзорвало! Разъ да другой испытаютъ, коли ничего, — стало-быть, ее въ дѣло опредѣляютъ, а коли что, такъ это ужъ... дѣло ихнее.

Еще далеко не доѣзжая до завода, стали доноситься глухіе удары, точно сказочный великанъ прыгалъ съ мѣста на мѣсто, и чѣмъ болѣе приближались, тѣмъ слышнѣе становились эти удары, но были попрежнему глухи и непонятны.

— Это у нихъ молотъ куетъ, сказалъ извощикъ.—Страшное дѣло, какой молотъ: пудовъ три тысячи вѣсомъ! Слышь, какъ ахаетъ?

Мало-по-малу стали выглядывать высокія заводскія трубы,—

[1] Стале-пушечный заводъ начатъ постройкой въ—1736 году; черезъ два года пущенъ въ дѣло; въ 1757 году пожалованъ гр. Воронцову, а въ 1780 году взятъ обратно казной.

кирпичныя и чугунныя,—изъ нихъ клубами валилъ черный дымъ, разносившійся вѣтромъ, а изъ нѣкоторыхъ даже пламя.

Къ глухимъ ударамъ молота примѣшивались постепенно другіе звуки—шумъ, свистъ, почти непрерывный стукъ и пыхтѣніе. Къ воротамъ подъѣзжали сани, груженыя металломъ, и отъѣзжали воза съ готовыми издѣліями; вездѣ суетились люди; одни, казалось, бѣгали безъ всякой цѣли по двору, другіе разгружали и нагружали подводы. Испросивъ разрѣшенія, прикащики вошли на огромный заводскій дворъ—это былъ даже не дворъ, а почти цѣлый городъ, застроенный разными домами и корпусами; повсюду виднѣлись надъ низенькими длинными постройками черныя трубы, порознь и группами, однѣ стояли колоннами, другія тянулись горизонтально, соединяя зданія съ зданіями; и все вокругъ шипѣло, грохотало, дымилось. Въ сторонѣ близъ забора валялись кучи старья, не то колесъ, не то какихъ-то остатковъ и лома; какое-то странное зданіе стояло среди двора, съ небольшою вышкой, обширное точно храмъ, но несоразмѣрно низенькое, какъ бы придавленное тѣми громадными трубами, которыя торчали изъ его крыши, выбрасывая зловѣщій дымъ и искры. Страшно становилось непривычному человѣку отъ этого шума и стука, но еще страшнѣе было внутри большаго корпуса, гдѣ царилъ зловѣщій полусумракъ; дневной свѣтъ, проникая туда сквозь закопченныя стекла, загрязненныя сажей и пылью, мѣшался съ яркимъ заревомъ печей, когда ихъ отворяли рабочіе. Тамъ клокотало адское пламя, но трудно было понять, что именно клокотало—огонь ли, широкимъ заревомъ отражавшійся на стѣнахъ, на окнахъ, на лицахъ рабочихъ, или расплавленная сталь, которая брызгала мелкими каплями. Что̀ здѣсь такое происходило,—никто этого не понималъ. Было невыносимо жарко, почти горячо, такъ что при взглядѣ ломило глаза. Бородатовъ что-то говорилъ, указывая пальцами, но было только видно, какъ онъ шевелилъ губами, хотя и старался кричать во весь голосъ. Пыхтѣла и грохотала машина, лязгали тяжелыя цѣпи, сыпались искры; около печей суетились рабочіе въ грязныхъ прожженныхъ одежахъ, подвозили огромные куски горячей стали, которая сіяла ослѣпительнымъ блескомъ, и разливали по формамъ, точно воду, расплавленный металлъ, и онъ бѣжалъ въ эти формы тяжелою свистящею струей. А чудовище-молотъ, упадая съ невѣроятною силой на наковальню, при каждомъ ударѣ потрясалъ все зданіе, и отъ ударовъ его, казалось, вздрагивала даже земля.

„Вотъ бы голову положить!" подумалъ Анютинъ. Эта мысль показалась ему забавною, и онъ хотѣлъ сообщить ее Кротову, но тотъ опять ничего не разслышалъ. Анютинъ похлопалъ себя по шеѣ и указалъ на наковальню, по которой вновь ударился молотъ.

Среди общаго шума и стука нигдѣ не слышалось человѣческой рѣчи, только изрѣдка раздавалось случайное слово, или просто гортанный звукъ, сейчасъ же заглушаемый стукомъ, ударомъ, или зловѣщимъ шипѣніемъ... Кротовъ тронулъ по плечу Бородатова и молча кивнулъ головой на выходъ, а чтобы тотъ понялъ причину, онъ оглянулся по сторонамъ, какъ бы жалуясь на удушье, и показалъ себѣ на лицо. Дѣйствительно у него въ головѣ помутилось отъ этой жары и адскаго пламени, зіявшаго на загорѣлыхъ лицахъ рабочихъ и багровымъ заревомъ разливавшагося по стѣнамъ, отъ этого стука, шума, пыхтѣнія, отъ блеска расплавленнаго металла, слѣпившаго зрѣніе, отъ страшныхъ ударовъ молота и удушья...

За то какъ свободно дышалось ему на свѣжемъ морозномъ воздухѣ, который онъ съ жадностью вдыхалъ полною грудью.

— Нѣтъ, Богъ съ ними и съ пушками! сказалъ онъ, вытирая загрязнившееся лицо.— Ну, ихъ совсѣмъ! Чуть не задохся!.. А рабочіе-то,—словно черти въ аду! Вотъ, братъ, Федоръ Николаевичъ, гдѣ труженики,—не намъ чета! А мы потряслись по ухабамъ пять сутокъ, да и думаемъ,—батюшки, какъ тяжело!

Всю дорогу они не переставали удивляться, какъ рабочіе переносятъ такой адскій трудъ. Прислушавшись къ разговору, извощикъ замѣтилъ:

— А вотъ старателямъ,—этимъ будетъ еще труднѣе! То-есть такъ тяжело, что, сейчасъ умереть, хуже всякаго дѣла.

— Какимъ старателямъ?

— А вотъ, которые, стало-быть, по пріискамъ: золото ищутъ, или тамъ, скажемъ, платину... старателями называются. Худо живутъ. Изъ нашихъ тамъ одинъ старателемъ тоже былъ: очень тяжелое дѣло. Теперича померъ.

Пріѣхавши въ городъ, прикащики опять бродили цѣлый часъ по улицамъ. Кротовъ все жаловался на головную боль и не соглашался идти въ трактиръ, поэтому всѣ отправились на катокъ, устроенный на Камѣ, гдѣ и просидѣли вплоть до вечера, скучая своимъ бездѣльемъ.

X.

Желѣзная дорога.

Сколько оживленія было на вокзалѣ, переполнившемся къ вечеру всевозможною публикой и самыми разнохарактерными лицами. Тутъ виденъ и степенный русскій купецъ, съ мясистыми щеками, и забулдыга—прикащикъ, и скупой татаринъ, болтающій непонятныя рѣчи, и съ видомъ иностранца разгуливающій еврей, который воображаетъ себя англичаниномъ потому, что волосомъ рыжъ и имѣетъ зубъ со свистомъ; тутъ же вьется и мелкій еврейчикъ, тутъ же сидитъ за пустымъ приборомъ бритый актеръ, одѣтый какъ-нибудь да не такъ, какъ одѣваются люди, и щеголяя убогой оригинальностью, глядитъ съ полупрезрѣніемъ на всѣхъ остальныхъ, какъ бы говоря каждому: что я, молъ, не такой дуракъ, какъ ты,—а совсѣмъ въ другомъ родѣ!.. Гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ пристроилась одинокая дама, у которой во всѣхъ движеніяхъ лѣнь и нѣга, и глаза съ поволокой; гдѣ-нибудь быстро знакомится и бесѣдуетъ пріятный, но скучающій молодой человѣкъ, который бранитъ забавы и карты, а впрочемъ отъ скуки непрочь сыграть въ стуколку, или метнуть банчишко. Всюду громкій оживленный говоръ, смѣхъ и разсказы. Этотъ говоръ и смѣхъ переносятся съ вокзала на платформу, съ платформы въ вагоны и тамъ раздаются еще оживленнѣе, пока не засвиститъ паровозъ и поѣздъ не двинется съ мѣста.

Послѣ нѣсколькихъ сутокъ утомительнаго пути на лошадяхъ по морозу и вьюгѣ какъ хорошо и пріятно очутиться вдругъ въ теплыхъ вагонахъ, уже не страшась болѣе ни холода, ни проклятыхъ ухабовъ, и отдохнуть на мягкихъ спокойныхъ диванахъ подъ веселый говоръ попутчиковъ. Сутки въ вагонѣ кажутся пустяками въ сравненіи съ сутками на лошадяхъ. Тутъ и словоохотливые сосѣди со свѣжими новостями, тутъ и разсказчики, потѣшающіе публику русскими завѣтными сказками, отъ которыхъ въ горлѣ пересыхаетъ отъ хохота и за которыя жестоко попадаетъ впослѣдствіи отъ благонамѣренныхъ женъ.

Сильно утомленный дорогою Матвѣй Матвѣевичъ спалъ какъ убитый всю ночь, вплоть до Кушвы, извѣстной не столько своею

магнитною горой Благодатью, сколько вкусными пирожками со всевозможными начинками, на которые набрасываются всѣ пассажиры и въ моментъ расхватываютъ цѣлыя горы такихъ пирожковъ. Несмотря на утро, въ Кушвѣ, за семнадцать минутъ стоянки, выпивается цѣлое море водки. Видно, таково уже свойство русскаго человѣка,—день ли, ночь ли, время, или не время,—а если закуска вкусна, безъ водки дѣло не обойдется. Кушва—желанная станція! Кушва—граница; до нея все тихо и скромно, послѣ Кушвы—дымъ коромысломъ! Время летитъ уже незамѣтно: промелькнулъ Тагилъ, знаменитое Демидовское гнѣздо съ ихъ чугунными заводами, промелькнула Шайтенка—чертова станція, и Невьянскъ, гдѣ подсѣлъ извѣстный по всему Уралу золотопромышленникъ Лоболомовъ, берущій въ дорогу вмѣсто чемодана боченокъ водки и угощающій всѣхъ налѣво и направо. Съ его появленіемъ почти уже никто не интересовался видами, только молчаливый татаринъ, не принимавшій участія въ общемъ гамѣ, усердно глядѣлъ въ окошко на живописную горную дорогу; а когда путь пролегалъ надъ такими тѣснинами, что голова мутилась, татаринъ еще усерднѣе приглядывался къ мѣстности и выражалъ большое нетерпѣніе, когда поѣздъ начиналъ идти по такимъ мѣстамъ черепашьимъ шагомъ.

Когда передъ вечеромъ остановились у Екатеринбурга, Матвѣй Матвѣевичъ насилу нашелъ свою свиту. Оказалось, что Кротовъ успѣлъ проиграться въ карты и съ горя былъ пьянъ. Взглянувъ на него, Матвѣй Матвѣевичъ только топнулъ ногой и весь покраснѣлъ, но ничего не сказалъ, однако не посадилъ съ собою обѣдать, и огорченный Кротовъ въ одиночествѣ напился еще сильнѣе.

Отъ Екатеринбурга подсѣло много актеровъ и одинокихъ дамъ, у которыхъ глаза съ поволокой, а въ движеніяхъ такъ много лѣни и нѣги, что онѣ сейчасъ же завербовали себѣ толпу поклонниковъ. Но удрученный Кротовъ заснулъ богатырскимъ сномъ и не зналъ уже, что происходило въ вагонѣ, не слыхалъ ни громкаго смѣха, ни хоровыхъ пѣсенъ. Разбудилъ его среди ночи кондукторъ.

— Ваши билеты! До Камышлова билеты! взывалъ онъ громкимъ голосомъ, стараясь говорить какъ можно пренебрежительнѣе, отчего и казалось, будто онъ кого-то передразниваетъ.

— Ваши билеты! ваши билеты!

Поѣздъ сталъ медленнѣе идти и вскорѣ остановился. Въ ва-

гонахъ происходила давка. Почти всѣ пассажиры ѣхали до этой станціи и всѣ торопились слѣзать.

— Скорѣй, скорѣй, господа! торопилъ Панфиловъ, когда прикащики, волоча за собою чемоданы, вышли на станцію. У вокзала ихъ уже дожидались повозки, вытребованныя телеграммой. Ночь была ясная; луна освѣщала станціонный задворокъ, гдѣ толпились ямщики.

— Панфилову тройки! крикнулъ во весь духъ Бородатовъ.

— Здѣсь! отозвались голоса.

Къ крыльцу подкатили двѣ повозки, почти такія же, какъ и прежнія, только пошире и потяжеле. Артельщики вынесли багажъ, прикрутили его къ повозкамъ и свирѣпо скомандовали, получивши на чай:

— Пошелъ! отъѣзжай!

Опять заболтали колокольчики подъ дугою, и тройки, миновавши дворъ, гдѣ шумно рядились извощики съ сѣдоками, понеслись по скрипучему снѣгу среди безмолвія зимней ночи.

XI.

Заря.

Востокъ разгорался ярче и ярче. Широкою полосою разливалась по небу румяная заря; звѣзды гасли и только луна не успѣла еще уйти и глядѣла во всѣ глаза, притаившись на западѣ, какъ застигнутый яснымъ утромъ ночной гуляка, возвращающійся съ пирушки домой.

Тройки летѣли, обгоняя запоздавшіе обозы, которые тянулись почти безпрерывно, распространяя далеко отъ себя по свѣжему воздуху рѣзкій запахъ не то козла, не то лука, не то еще чего-то въ родѣ вкуса моченой бумаги. Эти запахи, мѣшаясь между собою, сливались въ одно цѣлое и далеко разносились окрестъ.

Около возовъ шли молчаливые обозники, находясь другъ отъ друга на большомъ разстояніи.

Всѣ шли, понуривъ головы; только двое изъ нихъ шли рядомъ и толковали о чемъ-то важномъ и невеселомъ. Лошади тянули подводы съ такимъ же унылымъ и сосредоточеннымъ видомъ, будто тоже сокрушаясь о своемъ житьѣ-бытьѣ, трудовомъ и безрадостномъ.. А вокругъ уже все просвѣтлѣло. Уже брыз-

нули по небу солнечные лучи и засверкала дорога, когда Матвѣй Матвѣевичъ открылъ глаза и толкнулъ Бородатова:

— Проснись! Скоро Ирбитъ!

Дѣйствительно, вскорѣ показались двѣ остроконечныя башенки городской заставы, а за ними крыши построекъ. Чувствуя близость конца, лошади помчались во весь духъ, обгоняя обозъ за обозомъ...

А городская застава все выростала и приближалась; вотъ уже ясно виднѣются ея остроконечные столбики, вотъ городская окраина и длинная улица, по которой замелькали дома и прохожіе, вывѣски, лавки съ товарами; вотъ, наконецъ, театръ и Сибирскій банкъ, вотъ нотаріусъ, докторъ, биржа и гостиный дворъ, у котораго стояла группа людей, глядѣвшихъ съ любопытствомъ на проѣзжихъ.

Прежде всѣхъ Матвѣй Матвѣевичъ замѣтилъ въ этой группѣ Тирмана. Онъ стоялъ высоко на порожкѣ и, узнавши Панфилова, замахалъ ему шапкой и крикнулъ во весь голосъ:

— Съ пріѣздомъ, Матвѣй Матвѣевичъ! Добро пожаловать!

— Скотина! прошипѣлъ въ отвѣтъ ему Панфиловъ, услыхавши вслѣдъ за собою хохотъ.

Тройка остановилась на углу гостинаго двора предъ запертымъ магазиномъ. Матвѣй Матвѣевичъ перекрестился и вылѣзъ. Ямщикъ предъ нимъ заискивающе улыбался, снявъ съ головы шапку.

— Счастливыхъ успѣховъ! говорилъ онъ Панфилову.—Съ ярмаркой васъ! Чайку попить бы за ваше здоровье!

Между тѣмъ Бородатовъ доставалъ ключи изъ кармана, а подбѣжавшіе сторожа готовились отворять желѣзныя ставни, у которыхъ Анютинъ и Кротовъ осматривали печати.

— Сходи за попомъ, чрезъ часъ будемъ молебенъ служить, сказалъ Панфиловъ и обратился къ Бородатову:

— Съ Богомъ! Ломай печати!

Подъ звуки желѣзныхъ болтовъ, загремѣвшихъ по желѣзнымъ ставнямъ, на Матвѣя Матвѣича вдругъ нахлынули дѣловыя заботы о срочныхъ векселяхъ, товарѣ и покупателяхъ, а дорожные интересы, со всѣми приключеніями, видами и природой, отодвинулись на задній планъ.

Ярмарочная суетливая жизнь захватила всѣ его мысли.

Н. Телешовъ.

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

(Изъ А. де Мюссэ).

Муза.

Возьми, о поэтъ, сладкозвучную лиру,
Рукою могучей ударь по струнамъ,
И звуки польются, подобно волнамъ,
Про муки поэта разсказывать міру...
Востокъ превращается въ царственный храмъ
Отъ ясной зари, разостлавшей порфиру.

Поэтъ.

Въ эту майскую ночь
Овладѣлъ всѣми сонъ;
Тихъ ночной небосклонъ;
Думы черныя, прочь!
Надъ долиной скользитъ
Блѣдный призракъ ночей,
А въ долинѣ звенитъ
Серебристый ручей.

Муза.

О, поэтъ, посмотри! Эта майская ночь
Опустила на лугъ свой прозрачный покровъ,
Тихо дремлетъ дыханія майскаго дочь,
Ароматная роза, царица цвѣтовъ;

Вся природа заснула . . . и сердце твое
Видитъ въ грезахъ туманныхъ царицу души...
Пусть же лира твоя запоетъ про нее
Въ эту майскую ночь, въ ароматной тиши!
Знай, поэтъ, въ эту ночь возродилася вновь,
Разстилая цвѣты, золотая весна,
И земля отдается вліянію сна...
Встань, поэтъ, и запой про весну и любовь!

Поэтъ.

После грустнаго дня
Сердце больно болитъ,
Сердце ноетъ, горитъ...
Страсть сильнѣе огня
Это сердце томитъ
И сжигаетъ меня...
Вотъ и лампы погасъ
Свѣтъ, мерцавшій сейчасъ.
Лучъ исчезъ,—черный мракъ,
Черный мракъ настаетъ...
Слышу трепетный шагъ,
Слышу стукъ!.. Кто идетъ?
Неужель это другъ?
Нѣтъ, все это мечта:
Мнѣ мерещится стукъ,
То обманчивый звукъ...
Я одинъ, а вокругъ
Темнота, темнота!..

Муза.

Въ руки—лиру, поэтъ, и ударь по струнамъ!
Снова пѣсни твои зазвучатъ,
Эти пѣсни, подобныя луннымъ лучамъ,
Душу блѣднымъ огнемъ озарятъ...

О, мой бѣдный поэтъ, ты забылъ про меня!
Я же жажду тебя увидать...
Я зажгу твою страсть пѣсней полной огня,
Буду грёзы тебѣ навѣвать.

О, поэтъ, ты забылъ поцѣлуи любви
И объятья, въ которыхъ горѣлъ,
И желанья, рожденныя въ жгучей крови,
И тѣ пѣсни, которыя пѣлъ.

Но забвенье—могила! погибнешь ты самъ,
И умретъ твоя муза съ тобой...
О, поэтъ, поскорѣе ударь по струнамъ,
О любви и о мукѣ запой!

Поэтъ.

О, муза, царица моя, это ты,
Узналъ я тебя наконецъ;
Я вижу, средь мрака ночной темноты
Блеститъ твой алмазный вѣнецъ.
На крыльяхъ воздушныхъ лазурной мечты
Летишь ты въ объятья мои,
Священный огонь разгорѣлся въ крови,
Я вижу твои дорогія черты
И слышу напѣвы любви;
Богиня явилась ко мнѣ въ темнотѣ
Страданья мои раздѣлить,
Опять я отдался крылатой мечтѣ,
Я жажду пѣть гимны одной красотѣ
И жажду безумно любить.

Муза.

О, поэтъ, стономъ лиры, какъ блескомъ огня,
Отгони отъ себя мрачный призракъ ночей,
Знай, поэтъ, что не скроетъ ничто отъ меня
Муки вѣчно-блуждающей мысли твоей.
О, мой другъ, ты страдаешь, скажи отчего?
Почему твое сердце болитъ,
Можетъ-быть страсть любви снова мучитъ его
И безплодною жаждой томитъ?
Сбрось съ себя женской власти могучую сѣть,
Знай, что счастье земное есть дымъ!
Мы съ тобою опять будемъ пѣть, только пѣть
И на крыльяхъ мечты полетимъ.
Будемъ пѣть про твои молодыя мечты,

Про тоску безъ надежды и слезъ,
И съ отчетливой ясностью вспомнишь вдругъ ты
Свои за̀мки воздушные грёзъ.

Я, богиня твоя, я тебѣ пропою
Утѣшительный сердцу привѣтъ,
Успокою усталую душу твою,
Показавши тебѣ цѣлый свѣтъ.

Вотъ вершины безплодныя царственныхъ горъ,
Снѣгъ сверкаетъ, какъ пѣна волны!
О, поэтъ, увидалъ твой восторженный взоръ
Выси горной Шотландской страны.
Ты обрызганъ душистою майской росой,
Ты окутанъ въ серебряный дымъ,
Намъ сверкаетъ заря золотой полосой,
Мы съ тобою летимъ и летимъ.
Вотъ Италіи чудной златая страна,
Но летимъ мы съ тобою опять,
О, поэтъ, вотъ и Грецiя, знай, что она
Твоей музы безсмертная мать.

И летишь ты волшебной мечтой окрыленъ,
Ты счастливъ, ты безумно счастливъ!..
Показался въ дали голубой Пеліонъ
И лѣса ароматныхъ оливъ.

Продолжается твой очарованный сонъ,
Лучезарный, какъ отблескъ небесъ,
Предъ тобою сверкаетъ, какъ снѣгъ Олоссонъ,
А вдали засинѣлъ Титаресъ.

. . . .

О, поэтъ дорогой, отъ меня не таись,
Разскажи мнѣ желанья твои,
Разскажи, чтобъ къ тебѣ изъ дали принеслись
Всѣ волшебныя грёзы любви.

И на крыльяхъ изъ воздуха легкихъ, какъ дымъ,
Я спущуся къ печали твоей,
Какъ посланникъ небесъ голубыхъ—серафимъ
Или призракъ весеннихъ ночей.

Я спою тебѣ пѣсни лазурнаго дня,
Я тебѣ набросаю цвѣтовъ.

О, поэтъ, для тебя много есть у меня
Чудныхъ грёзъ, фантастическихъ сновъ.

Я тебѣ покажу обольстительный садъ
Зеленѣющихъ вѣчно дерёвъ,
И я много тебѣ пропою серенадъ
Про цвѣты, про весну, про любовь;

И про звѣзды, которыя ярко блестятъ
Въ черномъ бархатѣ нѣжныхъ небесъ,
И о томъ, какъ весеній ночной ароматъ
Опьяняетъ дыханіемъ лѣсъ.

Мы, летая на крыльяхъ божественныхъ грёзъ,
Будемъ видѣть и жемчугъ морей
И вершины, гдѣ стаи испуганныхъ козъ
Убѣгаютъ, завидя людей.

Вотъ охотникъ суровый, поднявши ружье,
Цѣлитъ... вѣренъ охотника глазъ,
Пуля сдѣлала черное дѣло свое,
Кровь на зелень травы полилась.

Ты увидишь событія прежнихъ вѣковъ,
Славу Франціи, родины милой твоей,
Ты услышишь и звуки военныхъ роговъ,
Звонъ мечей и походное ржанье коней.

Ты увидишь картины кровавыя битвъ,
Гордыхъ рыцарей, въ шелкъ разодѣтыхъ пажей,
Ты услышишь унылые звуки молитвъ,
Раздававшихся въ сумракѣ темныхъ церквей.

Застилаетъ твой взоръ очарованный дымъ,
Разсѣвается быстро опять...
Начинаетъ мелькать передъ взоромъ твоимъ
Безконечная водная гладь.

Гладь, облитая свѣтомъ луны, съ высоты
Серебромъ отливаютъ валы.
Ты летишь, ты летишь въ этомъ вихрѣ мечты,
Ты летишь съ быстротою стрѣлы.

Вотъ и маленькій островъ средь бѣшеныхъ волнъ
И на берегѣ въ тягостной мглѣ,
Все стоитъ человѣкъ, думъ мучительныхъ полнъ,
Приковавъ взоръ орлиный къ землѣ.

Полководецъ великій стоитъ одинокъ...
Мука грустныхъ, безсонныхъ ночей
Сушитъ сердце его, какъ пустыню песокъ,
Раскаленный сверканьемъ лучей.

О, поэтъ, неужель эта грусть не найдетъ
Состраданія въ сердцѣ твоемъ?
Про мученье безплодныхъ надеждъ и заботъ
Въ эту ночь мы съ тобой пропоемъ.

И сатирой къ позорному казни столбу
Мы съ тобою начнемъ пригвождать
Человѣка, который, подобно рабу,
Смѣлъ великаго мужа пятнать.

. . . .

О, поэтъ, возьми лиру,—воскреснетъ мечта,
Вѣдь весна возвратилася вновь,
И опять заблестѣла луговъ красота,
И опять воцарилась любовь.

Возьми лиру, поэтъ, и ударь по струнамъ,
О любви и о счастьѣ запой,
Пой, поэтъ! А не то вѣдь погибнешь ты самъ,
И умретъ твоя муза съ тобой.

Вотъ и вѣтеръ тебѣ ароматы принесъ,
Ароматы полуночныхъ розъ,
Приближается рой фантастическихъ грезъ...
Пой, поэтъ! Я хочу твоихъ слезъ.

Поэтъ.

Мое сердце томится въ кручинѣ
Отъ гнетущаго злаго недуга,
Если нуженъ волшебной богинѣ
Поцѣлуй ея вѣрнаго друга,
Пусть звенитъ его чудная лира,
Пусть забудется черное горе,
Пусть утонетъ онъ въ морѣ эфира,
Въ этомъ вѣчно-лазурномъ просторѣ.
Пѣсенъ нѣтъ! Пѣсенъ нѣтъ! Ночь сомнѣній
Настаётъ безъ зари и разсвѣта,
Исчезаетъ божественный геній,
Какъ исчезли надежды поэта.

Муза.

О, поэтъ! Я не вѣтеръ осенняго дня,
Я не пью твоихъ слезъ! Я терзающій мечъ,
Я хочу тебя рѣзать и искрой огня
Въ твоемъ сердцѣ хочу вдохновенье зажечь.

Ты желаешь совсѣмъ исцѣлиться отъ ранъ,—
Грусть твоя никогда не пройдетъ!
Знай, что сердце поэта есть пылкій вулканъ,
Онъ погасъ, но онъ снова блеснетъ.

Твоя грусть есть мученье великой души
И источникъ безсмертныхъ идей.
Знай! въ такой одинокой и грустной тиши
Много мучилось славныхъ людей.

Знай, поэтъ, что всего обаятельнѣй звукъ
Тотъ, который въ душѣ родился,
Когда ты отъ порыва отчаянныхъ мукъ
Въ мою волю вполнѣ отдался.

Пусть же лира твоя задрожитъ и замретъ
Отъ порыва великой души,
Она пѣсни любви музыкальнѣй споетъ
Въ ароматной, полночной тиши.

Эхо темныхъ лѣсовъ эту пѣснь повторитъ,
Донесетъ и до слуха людей;
Человѣка та пѣсня твоя оживитъ,
Онъ насытится грустью твоей.

Но я снова картиной хочу показать
Назначенье твое, о, поэтъ!
Синій дымъ разостлался завѣсой опять
И сверкнулъ фосфорическій свѣтъ.

Ты несешься стрѣлой черезъ мглу и туманъ,
И картина открылась опять:
Берегъ моря, безбрежная водная гладь
И у моря стоитъ пеликанъ.

Пищи нѣтъ у него, онъ печально глядитъ,
Берегъ моря безмолвенъ и дикъ...
Вѣтерокъ пробѣгаетъ едва, шелеститъ

И качается грустный тростникъ,
А птенцы пеликана стремятся толпой,
Жаждутъ пищи, подарка морей;
Пеликанъ ничего не принесъ имъ съ собой
Изъ охоты безплодной своей.

Онъ дрожитъ и подходитъ къ утесу. Утесъ
Разрѣзаетъ несчастному грудь,
Пеликанъ кровь свою въ пищу дѣтямъ принесъ,
Онъ нашелъ для спасенья ихъ путь..

И на камнѣ холодномъ, въ ужасной тоскѣ,
Пеликанъ, умирая, лежитъ
У подошвы утеса, на желтомъ пескѣ,
Струйка алая крови бѣжитъ...

А колеблемый вѣтромъ дрожащій тростникъ
Все качаетъ своей головой,
Слышенъ, громкій, протяжный, пронзительный крикъ...
Стихло! Снова безмолвный покой.

Пеликанъ вдругъ, въ порывѣ слабѣющихъ силъ,
Сталъ крылами отчаянно бить;
Онъ какъ будто бы смерть безотступно молилъ
Его жизнь и покой пощадить

. . . .

Всѣ поэты подобны видѣнью тому,—
Всѣ страдаютъ, но раны таятъ,
И поютъ они пѣсни, но міру всему
Неизвѣстенъ душевный ихъ ядъ.
Эти пѣсни чудесныя грезы дарятъ
Про весну, про цвѣты и любовь,
Но въ душѣ у поэта мучительный ядъ,
Открываются раны старинныя вновь,
И ручьями изъ нихъ изливается кровь,
И старинныя раны болятъ.

Поэтъ.

О, муза, свѣтлый богъ любви,
Лучъ золотой моихъ ночей!
Горитъ огонь въ моей крови,
И слезы льются изъ очей.
Я прежде пѣлъ. Я молодъ былъ,

Сверкала мнѣ любви звѣзда,
И я не зналъ еще тогда
Измѣнъ, проклятій и могилъ...
Но улетѣли тѣ года,
И лира смолкла навсегда...
Ахъ! много сердцемъ я болѣлъ,
И рокъ преслѣдовалъ меня...
Что еслибъ я теперь запѣлъ?
Я пѣлъ бы съ силою такой,
Что сжегъ бы искрою огня
Всѣ струны лиры золотой...

А. О.

Малоярославецъ.

ВЪ АЗІИ.[1]

Путевые очерки и картины.

IV.

Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ...

Почтовая станція Казбекъ помѣщается въ большомъ двухъэтажномъ каменномъ зданіи весьма затѣйливой архитектуры. Изъ оконъ прямо видъ на Терекъ, который своимъ аккомпаниментомъ чудесно баюкаетъ и усыпляетъ усталые отъ дороги нервы; по ту сторону Терека поднимается Квенемъ-Мта съ храмомъ на вершинѣ, а за нею высится прямо къ небесамъ гигантъ Казбекъ со своею бѣлоснѣжною шапкой на головѣ. Между станціей и Терекомъ каменьщики подготовляютъ фундаментъ для имѣющаго здѣсь быть поставленнымъ монумента въ память проѣзда Царя и Царицы въ 1888 году. Памятникъ высѣкается изъ какой-то зеленой каменной глыбы, взятой изъ Дарьяльскаго ущелья. Верхній этажъ станціоннаго дома занятъ нумерами для проѣзжающихъ; стóятъ эти нумера очень дешево (50 к.), но нужно имъ отдать справедливость содержатся омерзительно грязно. Не лучше содержится и кухня, наполняющая весь домъ какимъ-то зеленоватымъ чадомъ. Вообще всѣ станціи по Военно-Грузинской дорогѣ по отношенію къ опрятности оставляютъ желать весьма многаго; буфеты всюду также ниже всякой критики; особенно плохъ буфетъ на Казбекѣ, содержимый какою-то русскою дамой, вышед-

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 3 1893 г.

шею замужъ за Грузина-повара. При массѣ туристовъ на этой единственной въ своемъ родѣ дорогѣ такое отношеніе просто непростительно. Стыдно даже и въ Азіи являться такими Азіатами. Одна лишь станція на всей дорогѣ — Млеты — представляетъ пріятное исключеніе, но о ней будетъ рѣчь ниже.

Ни на одномъ кавказскомъ великанѣ я не видалъ такого блестящаго головнаго убора, какъ на Казбекѣ; въ шапкѣ его точно вкраплены цѣлые десятки сотенъ крупныхъ брилліантовъ, которые переливаютъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Но за то Казбекъ не производитъ своимъ видомъ того потрясающаго впечатлѣнія, которое на меня произвелъ Эльборусъ съ Бермамотской скалы. Тамъ что-то сдавливаетъ горло, а здѣсь человѣкъ остается равнодушнымъ. Вѣроятно это объясняется тѣмъ, что Казбекъ слишкомъ заставленъ другими горами, изъ-за которыхъ видна только его снѣжная голова. Обыкновенно принято считать Казбекъ второй по вышинѣ вершиной послѣ Эльборуса. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Каштанъ-Тау выше Казбеца на 550 футовъ, а Дыхъ-Тау на 389 футовъ. У насъ не только въ Россіи, но и на самомъ Кавказѣ, какъ-то мало интересуются восхожденіемъ на вершины главныхъ кавказскихъ горъ. Альпійскій спортъ у насъ совсѣмъ не имѣетъ адептовъ: во всей странѣ нѣтъ ни одного горнаго клуба, ни одной газеты, посвященной вопросамъ горной жизни; между тѣмъ высочайшія горныя вершины находятся именно у насъ, на Кавказѣ, гдѣ наберется, пожалуй, болѣе десятка горъ, которыя выше и грандіознѣе швейцарскаго Монъ-Блана.

Въ 1888 году англійскіе альпинисты Донкинъ и Фоксъ пріѣхали на Кавказъ съ цѣлью изслѣдовать главный хребетъ между Эльборусомъ и верховьемъ рѣки Уруха. Проф. Донкинъ уже бывалъ раньше на Кавказѣ, знакомъ былъ съ мѣстностью и съ жителями и потому отклонилъ предложеніе члена Кавказскаго Географическаго Общества, Н. Жукова, предоставлявшаго въ распоряженіе англійскихъ альпистовъ двухъ казаковъ изъ своей команды.

Съ Англичанами были два швейцарскихъ проводника, Фишеръ и Штрейхъ. Альписты начали восхожденіе на ледники Каштанъ-Тау около середины августа (собственно 13 августа), 16-го отъ нихъ была получена записка съ просьбой выслать хлѣбъ, чай, сахаръ и табакъ къ балкарской караулкѣ подъ главнымъ хребтомъ на рѣкѣ Дыхъ-Су, куда намѣрены они были спуститься, побывавъ

на Каштанъ-Тау. Затѣмъ объ Англичанахъ никто не слыхалъ и когда ихъ хватились, то прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ и всѣ слѣды ихъ экспедиціи были потеряны. Всѣ розыски, хотя и поздніе, но подъ конецъ весьма энергичные, не повели ни къ чему. Члены Лондонскаго Альпійскаго Клуба хотѣли сами ѣхать разыскивать пропавшихъ товарищей, но въ это время на горахъ Кавказа уже выпалъ глубокій снѣгъ, и высокіе ледники стали совершенно недоступными.

Всестороннее выясненіе дѣла привело къ убѣжденію, что причиной несчастія могло быть только паденіе снѣжнаго завала или большой массы льда, висѣвшей въ видѣ карниза на краю какой-нибудь скалы, подъ которой пробиралась экспедиція, или же наконецъ нужно предположить, что альписты безслѣдно погибли, проходя по крутому склону, покрытому густымъ слоемъ снѣга.

Снѣгъ, слабо-приставшій къ ледяному основанію, съѣхалъ внизъ, и мягкая могила закрыла на вѣки отважныхъ изслѣдователей. До сихъ поръ отъ нихъ не найдено клочка перчатки или куска сапога. Изъ послѣднихъ восхожденій на Эльборусъ стоитъ отмѣтить восхожденіе русскаго топографа Пастухова, совершенное въ іюлѣ 1891 года. Вмѣстѣ съ нимъ достигли высшей вершины (западной) горы (18.470 фут.) и три казака: Дорофей Мерновъ, Дмитрій Нехорошій и Яковъ Тарановъ. Восхожденіе началось 27 іюля въ 10 ч. утра изъ Баксанскаго ущелья, между рѣками Азау и Терсколъ. Пастухова сопровождало 7 человѣкъ казаковъ Хоперскаго полка, изъ коихъ названные три достигли съ нимъ вмѣстѣ вершины. Подъемъ считался собственно съ высоты 6.944 футъ и начался изъ небольшаго хуторка, въ которомъ живутъ Татары. Всякая растительность прекратилась на высотѣ 11.081 футъ, гдѣ путешественники и расположились на ночлегъ, такъ какъ началась гроза съ дождемъ и градомъ. Весь слѣдующій день Пастуховъ шелъ ледниками, но благодаря оттепели подвигаться было очень трудно; люди, связанные между собой веревками, ежеминутно проваливались въ трещины, къ тому же съ запада надвигались страшныя тучи, предвѣщавшія непогоду, и потому рѣшено было сдѣлать второй ночлегъ на высотѣ 12.040 футъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы продолжать восхожденіе рано утромъ, когда отъ мороза снѣга станутъ крѣпче. Дѣйствительно, на слѣдующее утро въ четыре часа термометръ показывалъ пять градусовъ мороза, и казаки пошли дальше. Было 29 іюля. Въ

этотъ день безъ особыхъ приключеній взобрались они до высоты 16.590 футъ, то-есть на 44 фута выше горы Казбекъ, на которую, кстати сказать, тотъ же Пастуховъ вошелъ въ 1890 году также въ іюлѣ мѣсяцѣ. На ночлегъ, въ виду дурной погоды, снова остановились очень рано, за нѣсколько часовъ до сумерекъ. Въ девять часовъ вечера морозъ на этой высотѣ достигъ десяти градусовъ, а внизу гремѣлъ громъ, блестѣла молнія и началась сильная гроза. Сверху небо оставалось темно-голубымъ, и на немъ ярко блестѣли звѣзды. Спали между камней, плотно прижавшись другъ къ другу и накрывшись бурками. Всѣмъ было тепло и спалось хорошо. Утромъ тридцатаго стали подниматься дальше, тутъ нѣкоторые казаки стали чувствовать тошноту, а вскорѣ и всѣ стали страдать тѣмъ же. При движеніи тошнота усиливалась, при остановкахъ замѣтно уменьшалась, а потому подвигались медленно и съ трудомъ.

Лимончый сокъ и гофманскія капли не уменьшали тошноты. За весь день шли всего четыре часа и поднялись до высоты 17.514 футъ. Головокруженіе и тошнота нѣсколько смягчались отъ питья чая, который изготовлялся изъ талаго снѣга на фотогенной печкѣ. На слѣдующій день, то-есть 31 іюля, въ семь часовъ пошли дальше, но съ Пастуховымъ пошли лишь три казака, а остальные вслѣдствіе тошноты и головокруженія не могли идти. Морозъ дошелъ до осьмнадцати градусовъ по Цельсію, и въ девять часовъ утра неутомимые путники достигли своей цѣли, то-есть высшей точки Эльборуса. Здѣсь термометръ никогда не поднимается выше нуля, а слѣдовательно, никогда не происходитъ и таянія. Снѣгъ сухъ, и избытокъ его легко сносится вѣтромъ. Такимъ образомъ на все восхожденіе потребовалось четверо сутокъ, да на возвратную дорогу по тому же самому пути потребовалось двое сутокъ.

Нѣсколько раньше, именно въ 1879 г., другая русская экспедиція, имѣя въ своемъ составѣ двухъ особъ женскаго пола, взбиралась на Эльборусъ, но, не доходя на 3.500 футъ до вершины, экспедиція повернула обратно. Женщины поднялись лишь на высоту 12.000 футъ, то-есть были ниже Монблана, на который, какъ извѣстно, не разъ уже взбирались туристки разныхъ націй. Отчетъ объ этой экспедиціи напечатанъ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1880 г. (т. VI, № 3). Всѣ кавказскія вершины окружены ореоломъ недоступности, и о каждой изъ нихъ имѣется

цѣлая серія легендъ. Всѣхъ недоступнѣе считается, конечно, Эльборусъ, который у горцевъ носитъ названіе „царя духовъ" (джинъ-падишахъ), что одно уже указываетъ на эту гору, какъ на центральное мѣстожительство всякихъ духовъ. Народная фантазія увѣряетъ, что въ пещерахъ Эльборуса прикованъ великанъ, который рвется оттуда и, потрясая цѣпи, вызываетъ бури и обвалы; дуновеніе его сметаетъ дерзкаго смѣльчака, осмѣливающагося взбираться на вершину горы.

Казбекъ считается еще неприступнѣе, чѣмъ Эльборусъ, а туземцы и до сихъ поръ пресерьезно утверждаютъ, что ни одному живому существу еще не удавалось достигать вершины этого гиганта. Я много разспрашивалъ у туземцевъ про восхожденіе Англичанъ (Фрешфельдъ, Мори и Текеръ) на Казбекъ, но всѣ они увѣряютъ, что этого никогда не было и что дѣйствительно много иностранцевъ пріѣзжало пробовать свои силы, но войти не удавалось никому. Одинъ проводникъ-Грузинъ, сопровождавшій подобную компанію иностранцевъ, пріѣхавшихъ подняться на Казбекъ, пресерьезно увѣрялъ насъ, что компанія эта, понявъ всю тщету своихъ усилій, воротилась обратно на станцію и склоняла его обѣщаніемъ денежной награды показать, что они взобрались до самой вершины. Проводникъ, будто бы, съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе.

По грузинскому преданію на Казбекѣ спрятаны ясли, въ которыхъ родился Христосъ. Ни одинъ смертный не можетъ добраться до этого мѣста; лишь только смѣльчакъ-охотникъ или кто-нибудь взберется до извѣстной вышины, тотчасъ начинается буря, и идти дальше можно лишь рискуя жизнью. Всѣхъ осетинскихъ и грузинскихъ фантазій о Казбекѣ не перечислишь, да въ этомъ и нѣтъ надобности, такъ-какъ съ 1868 года англійскіе туристы первые нарушили иллюзію этихъ дѣтски-наивныхъ вѣрованій и съ тѣхъ поръ не мало людей перебывало на вершинѣ Казбека и даже твердо установлено, что хорошій горный ходокъ, при благопріятной погодѣ, легко въ два дня можетъ совершить это восхожденіе. На границѣ вѣчныхъ снѣговъ, то-есть на высотѣ 11.000 футовъ, еще, въ 1811 году проф. Парротъ открылъ на самомъ краю ледниковъ нѣкое подобіе примитивнаго, пещернаго монастыря. Очевидно здѣсь когда-то жили, потому что въ кельяхъ до сихъ поръ сохранились остатки жернововъ и мельницъ, на которыхъ монахи готовили свою грубую пищу. Существуетъ очень поэтическое преданіе относительно монаховъ-старцевъ,

спасавшихся возлѣ этихъ ледниковъ. Эти старцы, въ числѣ семи, управляли якобы съ вершинъ Казбека судьбами всего міра. Пищу и все нужное они имѣли отъ Бога. Но любопытство одной дѣвушки погубило ихъ. Доступъ къ нимъ женщинамъ былъ строго воспрещенъ; она же, желая видѣть ихъ житье, переодѣлась въ мужское платье, нарядилась охотникомъ за турами и явилась уже къ нимъ поздно вечеромъ, прося пристанища для ночлега. Послѣ продолжительныхъ отказовъ со стороны святыхъ отцовъ и угрозъ со стороны дѣвушки, что она оповѣститъ всему міру объ ихъ безчеловѣчьи, по настоянію младшаго изъ святыхъ, ей дозволено было переночевать, но только подальше отъ нихъ, у дверей. Но младшаго святаго, близъ котораго ей пришлось лечь, вдругъ обдало ночью женскимъ духомъ... Когда святые проснулись на другой день, то Богъ отъ нихъ все отнялъ. Даже солнечный лучъ, являвшійся къ нимъ прежде всѣхъ, на которомъ они просушивали свои платья, и тотъ не явился. На усиленныя ихъ мольбы Богъ простилъ имъ, но взялъ ихъ всѣхъ на небо,— и они съ тѣхъ поръ, въ видѣ семи звѣздъ Большой Медвѣдицы, изъ которыхъ самая маленькая принадлежитъ самому младшему, постоянно вращаются кругомъ горы Казбека. Существуетъ много варіантовъ этой легенды, и идея ея найдется и въ другихъ странахъ, подобно тому, какъ извѣстный миѳъ о Прометеѣ существуетъ чуть ли не у всѣхъ народовъ міра. Кстати о Прометеѣ, который, какъ извѣстно, также страдалъ на Кавказскихъ горахъ, гдѣ онъ былъ прикованъ на цѣпь за дерзновенное похищеніе небеснаго огня. По преданію кавказскихъ народовъ, Прометей былъ прикованъ именно къ Эльборусу, и Евгенію Маркову въ его путешествіи изъ Имеретіи въ Сванетію показывали даже обрывистую „скалу Прометея“. Горцы пріурочиваютъ всѣ историческіе факты къ своимъ знаменитымъ снѣговымъ великанамъ; по ихъ понятіямъ, послѣ потопа первымъ открылся Кавказскій хребетъ; Ноевъ Ковчегъ остановился на Эльборусѣ и, толкнувъ его, разбилъ его вершину на двѣ части.

Вмѣсто недоступнаго Бешламъ-Корта мы, остановившись на станціи Казбекъ, рѣшили ограничиться восхожденіемъ на Квенемъ-Мта и осмотромъ выстроенной тамъ съ незапамятныхъ временъ церкви. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, военный врачъ, ѣхавшій въ Батумъ, отправился верхомъ, я же вмѣстѣ съ его женой и еще однимъ юношей рѣшились совершить это восхожденіе пѣшкомъ въ сопровожденіи двухъ оборванныхъ грузин-

скихъ мальчугановъ, которые, какъ стаи галчатъ, поджидаютъ путниковъ возлѣ ауловъ. Эти босоногіе карапузики вмѣстѣ съ осетинскими ребятишками одолѣваютъ проѣзжихъ своимъ попрошайничествомъ на всей Военно-Грузинской дорогѣ. Они то бѣгутъ вэапуски возлѣ колесъ экипажа, повторяя жалобнымъ голосомъ „дай копѣйку", то пляшутъ лезгинку, то суютъ вамъ въ руки кусокъ горнаго хрусталя или другаго, болѣе рѣдкаго минерала, находимаго тутъ же въ горахъ. Обыкновенно подобнымъ нищенствомъ занимаются мальчуганы, и только въ одномъ случаѣ мы видѣли въ этой роли дѣвочку-Осетинку. Наши крошечные чичероне прекомично отгоняли другихъ дѣтей, желавшихъ также предложить намъ свои услуги и сопровождать на гору, и пресерьезно, на ломаномъ русскомъ языкѣ, желали дознать отъ насъ, сколько собственно они получатъ за свои труды. Сначала подъемъ идетъ очень полого, начинаясь тотчасъ по переходѣ на другой берегъ Терека по прекрасному желѣзному мосту. Поднявшись на пригорокъ, вступаешь въ аулъ Гергеты, гдѣ дорога извивается то по узенькимъ уличкамъ точно умышленно посыпаннымъ мелкими и преострыми камнями, то ведетъ по дворамъ, то по крышамъ сакель. Въ аулѣ при нашемъ появленіи все пришло въ движеніе: всѣ ребятишки высыпали изъ сакель, на крышахъ появились женскія головы, и даже огромные и очень свирѣпые грузинскіе псы выскочили насъ привѣтствовать. Не безъ труда отбившись отъ собакъ, при помощи подоспѣвшаго взрослаго Грузина, мы выбрались изъ аула и стали подниматься на гору, къ которой прислоненъ аулъ Гергеты. Каждые 15—20 шаговъ приходилось отдыхать, до того тяжелъ здѣсь подъемъ и остры камни, которыми усыпана горная тропинка. Отправляясь въ путь, мы еще со станціи посылали сторожа къ грузинскому священнику, проживающему въ аулѣ Казбекъ, за ключомъ отъ нагорной церкви; но намъ отвѣтили, что священникъ самъ пошелъ туда и что мы навѣрное застанемъ его еще въ церкви. И дѣйствительно, не прошли мы и полпути, какъ навстрѣчу показался худенькій черненькій батюшка въ сопровожденіи другаго очень грузнаго и очевидно русскаго „батюшки" и церковнаго сторожа. Послѣ взаимныхъ привѣтствій оказалось, что русскій батюшка пріѣхалъ издалека и по обѣту служилъ обѣдню на вершинѣ горы, и теперь они, усталые, спускаются уже внизъ. Грузинскій священникъ охотно предлагалъ снова подняться съ нами, показать намъ свой храмъ, въ которомъ служба идетъ

раза два въ недѣлю, но мы, видя его утомленіе, отклонили эту любезность и согласились взять съ собой церковнаго сторожа съ огромными ключами въ рукахъ. Распростившись съ „батюшками", мы двинулись дальше круговою дорогой, которая довольно полого вьется вокругъ горы и поднимается сзади ея по очень живописному ущелью. Тропинка, по которой мы поднимались, идетъ все время въ виду Казбска, который въ этотъ день, какъ и во всѣ дальнѣйшіе дни нашего пребыванія возлѣ него, былъ совершенно свободенъ отъ облаковъ и тумана. Бѣлый великанъ ободряюще смотрѣлъ на насъ съ небесной выси, и мы любовались имъ, не спуская съ него глазъ. Подъемъ занялъ добрыхъ три часа, и мы, страшно измученные, подошли къ церкви, когда въ воздухѣ уже засвѣжѣло и въ ущелье спустилась вечерняя тѣнь. Казбекъ горѣлъ огнями, и его вершина казалась столь близкою, что просто рукой подать. Наши мальчуганы ни мало не утомились, всю дорогу они кувыркались, плясали лезгинку и въ трудныхъ мѣстахъ разомъ протягивали мнѣ свои ручонки и тянули вверхъ. Церковь Самеба-Цминда пользуется у Грузинъ большою популярностью. Это одна изъ стариннѣйшихъ церквей Грузіи, въ которой нѣсколько разъ въ годъ стекаются кавказскіе паломники. Грузія вся полна этими нѣмыми памятниками сѣдой старины, и народъ свято чтитъ эти святыя развалины, служившія оплотомъ въ безконечной борьбѣ съ мусульманствомъ. По преданію церковь эту выстроила все та же легендарная царица Тамара, которая натворила столько чудесъ по всей Грузіи. Церковь сложена также незатѣйливо, какъ и сакли въ горныхъ аулахъ. Вся разница въ величинѣ камней, и если на постройку сакли идутъ камни величиной съ нашъ тротуарный плитнякъ, то сюда, почти на отвѣсную неприступную гору древніе христіане ухитрились вкатить цѣлыя каменныя глыбы, чудовищныя плиты, изъ коихъ безъ цемента и сложена эта единственная въ своемъ родѣ ветхая церковь. Стиль постройки древне-грузинскій; рядомъ съ церковью стоитъ крошечная каменная колокольня, въ которой живетъ столѣтній сторожъ, съ лицомъ величаваго патріарха, какъ ихъ рисуютъ на ветхозавѣтныхъ картинахъ. Патріархъ напоилъ насъ ключевою водой, которую онъ принесъ за нѣсколько верстъ съ Казбека въ глиняномъ кувшинѣ. Внутри церковка совершенно темна, и все въ ней ветхо самымъ невѣроятнымъ образомъ. Любителямъ старины это цѣлая находка. Въ длину церковь имѣетъ не болѣе де-

сяти шаговъ, да столько же въ ширину; стѣны не только безъ живописи, но даже не выбѣлены; иконостасъ низенькій, на которомъ свѣтлыми пятнами выдаются нѣсколько образовъ, въ томъ числѣ одинъ подаренный однимъ изъ нашихъ великихъ князей. Алтарь крошечный, а престоломъ служитъ простая каменная глыба. Все бѣдно и просто, какъ въ Евангельскія времена. Лермонтовъ зналъ эту церковь, и вѣроятно къ ней относятся знаменитыя строфы изъ „Демона", говорящія про церковь, построенную разбойникомъ, братомъ Гудала—отца Тамары близъ Казбека. Какъ бы то ни было, покоятся ли здѣсь кости стараго грѣшника или нѣтъ, нужно было спѣшить уходить изъ церкви; начинало сильно смеркаться, а спускъ ожидалъ насъ нешуточный. Окрестныя горы одѣвались румяною пеленой заката,

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головой,
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

Я чувствовалъ себя до того измученнымъ совершоннымъ восхожденіемъ, что съ радостью согласился на предложеніе патріарха воспользоваться при спускѣ услугами двухъ охотниковъ-Грузинъ, зашедшихъ навѣстить старика. Предложеніе это было тѣмъ болѣе заманчиво, что мы рѣшили, для выигрыша времени, идти назадъ не старой дорогой, а спускаться напрямки. Охотники подхватили подъ руки меня и мою спутницу, и мы тронулись съ кручи. Я кажется во вѣки не забуду этой ужасной дороги; казалось конца не будетъ этому страшному спуску: ослабѣвшія ноги поминутно скользили по осыпавшимся острымъ камнямъ, которые дырявили сапогъ и рѣзали ноги. Но молодцы-Грузины не давали упасть, ловко держали подъ руки, и уже совсѣмъ стемнѣло когда мы, еле передвигая ноги, явились на станцію, употребивъ на всю прогулку около шести часовъ. Отъ станціи Казбекъ по направленію къ станціи Коби Терекъ становится совсѣмъ смирнымъ, вовсе „не дикъ и не злобенъ", ущелье расширяется, однако подъемъ все еще крутъ и мрачныя до самыхъ небесъ скалы, лишенныя всякой растительности, тянутся вдоль всей дороги. Всѣ тоны вокругъ дики, суровы и мрачны. Въ воздухѣ свѣжо и пахнетъ по зимнему. Около Казбека любимое мѣсто охоты за турами. Сюда съѣзжается охотиться не только разная мѣстная кавказская знать, разные кавказскіе князьки, но даже

Англичане изъ Лондона, любители сильныхъ ощущеній и дикаго горнаго спорта.

Я не люблю охоты и такихъ чувствъ не понимаю, но говорятъ, что охота за турами можетъ перейти въ чистѣйшую страсть, причемъ несчастный охотникъ, весь въ лохмотьяхъ, лазитъ цѣлые дни по убійственнымъ кручамъ, откуда, даже и подстрѣливъ звѣря, нѣтъ возможности притащить его въ селеніе и слѣдовательно воспользоваться трудами нѣсколькихъ дней. Остаются одни рога, которыхъ никто не хочетъ покупать, хотя въ старину ихъ оправляли въ серебро и пили изъ нихъ катехинское. Турьи рога можно пріобрѣсти на каждой станціи по военно-грузинской дорогѣ, и Грузины наравнѣ съ Осетинами охотно приносятъ эти украшенія въ даръ, какъ христіанскому Богу, такъ и своимъ языческимъ божествамъ. Увѣряютъ, что и теперь туры сохранились въ достаточномъ количествѣ въ Дагестанѣ, гдѣ они подпускаютъ къ себѣ человѣка очень близко. То же самое продѣлываетъ и нашъ камчатскій медвѣдь въ Сибири, который не боится человѣка и не бѣжитъ при его приближеніи. Мнѣ удалось видѣть четыре превосходныхъ экземпляра туровъ (Aegoceros Pallasi), самцовъ и самокъ, въ Тифлисскомъ музеумѣ. Это большой коренастый козелъ ростомъ въ годовалаго теленка, и не будь у него прекраснаго головнаго убора, на него право не стоило бы обращать никакого вниманія. Въ томъ же музеумѣ имѣется превосходная коллекція турьихъ роговъ изъ часовенъ Сванетіи.

По дорогѣ къ станціи Коби попадается нѣсколько желѣзистыхъ ключей, съ богатымъ содержаніемъ въ нихъ угольной кислоты. Почти у каждаго ключа мы останавливались и пили безъ конца эту холодную, вкусную, кисленькую воду съ слабымъ отвкусомъ желѣза. Вода одного ключа показалась намъ даже вкуснѣе пресловутаго Кисловодскаго Нарзана. Ручьи этой воды, впадая въ Терекъ, окрашиваютъ почву яркимъ желто-краснымъ цвѣтомъ,— результатомъ осажденій желѣзныхъ соединеній. Отъ Коби Терекъ отходитъ въ сторону, вправо, и ущелье дороги тянется вдоль одного изъ притоковъ Терека—Байдары. Между Коби и слѣдующею станціей Гудауръ лежитъ собственно высшая точка всей Военно-Грузинской дороги. Это такъ-называемый „перевалъ“, отъ котораго начинается спускъ въ Грузію. Перевалъ теперь совсѣмъ не тотъ, по которому проѣхалъ Пушкинъ и Лермонтовскій Максимъ Максимовичъ. Отъ прежней крутизны не осталось и слѣда. Старая дорога остается много влѣво, и ее житомъ по-

казывалъ бойкій ямщикъ-Татаринъ, сидѣвшій у насъ на козлахъ. На высшей точкѣ дороги стоитъ бѣлый столбъ, съ надписью: „Крестовый перевалъ, высота 7.690 фут. Мнѣ думается, что взамѣнъ маленькаго столбика здѣсь слѣдовало поставить грандіозный монументъ, съ двумя обращенными въ разныя стороны досками. На одной нужно было бы написать Азія, на другой Европа. Вышло бы и трогательно, и грандіозно. Такой монументъ мы видѣли на Уральскомъ перевалѣ, при переѣздѣ на лошадяхъ, кажется, изъ Перми въ Екатеринбургъ. Тутъ же, недалеко отъ дороги, на вершинѣ Крестовой Горы, чуть виднѣется крестъ, поставленный Ермоловымъ и почему-то приписываемый туземцами Петру Великому, который, какъ извѣстно, здѣсь никогда и не бывалъ, а былъ лишь въ Дагестанѣ.

Отъ этого же креста и самый перевалъ принято называть „Крестовымъ". Путешественникъ Гамба, бывшій при Ермоловѣ французскимъ консуломъ въ Тифлисѣ, не понявъ значенія названія Крестовая Гора, передѣлалъ ее въ Mont Saint-Christophe. Отъ Гамбы это названіе перешло въ нѣкоторыя французскія и даже русскія сочиненія о Кавказѣ. Про это поминаетъ и Лермонтовъ въ своей „Белѣ". Отъ Коби до Гудаура бываютъ самые страшные снѣжные завалы. Обыкновенное время этихъ заваловъ отъ декабря по мартъ и даже до середины апрѣля. Завалы эти тѣ же лавины, которыя также страшны, если не больше, чѣмъ описанный нами выше девдоракскій обвалъ. Ледниковые обвалы по крайней мѣрѣ рѣдки, а снѣжныя лавины въ горахъ могутъ въ любой зимній день похоронить подъ своею бѣлою пеленой цѣлый караванъ проѣзжающихъ. Отъ этихъ лавинъ Военно-Грузинская дорога пока обезпечена весьма слабо. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ возведены плотные каменные заборы, шириной въ добрый крѣпостной бастіонъ, и какими жалкими кажутся предъ этими стѣнами щиты, устанавливаемые желѣзными дорогами въ защиту отъ заносовъ. Устроенъ по дорогѣ и небольшой туннель подъ горой Майоршей, названной такъ потому, что здѣсь засыпало когда-то лавиной сварливую майоршу, ѣхавшую вмѣстѣ съ молодою служанкой, которую она терзала всю дорогу. Служанку вихремъ отнесло въ сторону, и она осталась цѣла, а майоршу погребла подъ собою холодная лавина. Съ Майорши обыкновенно завалы и начинаются, она подаетъ сигналъ, и сотрясеніе воздуха отъ первой лавины заставляетъ осыпаться и другія снѣжныя горы. Тутъ же по дорогѣ путейское вѣдомство для пробы

выстроило небольшой тоннель, съ полукруглою желѣзною крышей. Тоннель долженъ простоять въ самомъ опасномъ мѣстѣ три года, и если крыша выдержитъ, то проектируютъ протянуть подобную же постройку на много верстъ, гдѣ завалы всего страшнѣе. Зимой вся перевальная дорога до того бываетъ засыпана снѣгомъ, что на перевалѣ днюютъ и ночуютъ въ особо устроенныхъ казармахъ цѣлыя сотни спеціальныхъ рабочихъ съ лопатами, которые заняты постоянною очисткой пути и прорытіемъ траншей для проѣзда экипажей въ снѣжныхъ сугробахъ. Тутъ же на горѣ пріютился каменный домикъ, въ которомъ поселена осетинская семья, обязанная звонить въ колоколъ во время заваловъ и подавать помощь путникамъ. Въ этомъ домикѣ когда-то останавливался на ночлегъ Печоринъ съ извѣстнымъ Максимомъ Максимовичемъ. У подножія Крестовой Горы чернѣетъ извѣстная Чертова Долина, (отъ слова „черта", а не „чортъ"). Здѣсь когда-то была черта Старой Грузіи. Послѣднія версты до станціи Гудауръ дорога проложена по бокамъ знаменитой Гудъ-Горы, которая и въ нашъ проѣздъ „курилась", а „по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ". „На вершинѣ Гудъ-горы лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ". Моросилъ дождь, и мы кутались во все теплое, что было подъ рукой. Про мрачное чудовище, именуемое Гудъ-горой, пылкая фантазія Осетинъ сложила слѣдующую поэтическую легенду. „Давно, очень давно въ одномъ аулѣ жила бѣдная семья, которую Господь, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, останавливались и, любуясь ею, забывали свои обязанности; проѣзжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старый Гудъ-духъ, властитель Гудъ-горы, не видавшій во все время своей продолжительной жизни такой красавицы. Онъ полюбилъ ее со всею пылкостію юноши. Хотѣла ли Нина подняться на гору—влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой, искала ли Нина съ своими подругами цвѣтовъ и травъ—Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при ея приближеніи. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добы-

чею злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицею всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ,—такъ любилъ ее могучій старецъ.

„Прошло пятнадцать лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданною красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онъ сталъ даже подумывать о томъ— нельзя ли какъ-нибудь изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хотя бы даже и бѣднымъ Осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда, она засматривалась на молодаго красавца, своего сосѣда Сасико.

„Сасико былъ молодъ, статенъ, славился силою и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ не только танцовать свой осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, чѣмъ могли похвалиться немногіе.

„Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико; началъ преслѣдовать его, заводить въ трущобы во время охоты, застилать туманомъ пропасти подъ его ногами, или засыпать его неожиданно мятелью. Однако же всѣ хитрые замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; зато Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсился и, наконецъ, ярость его достигла крайнихъ предѣловъ.

„Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ, влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ оставаться наединѣ другъ съ другомъ.

„Разведя огонь, они сѣли около него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и кусокъ сыру утолили не надолго ихъ голодъ. Прошелъ еще день, и вмѣсто веселаго разговора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви,—они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, голодъ еще больше усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился; впалые глаза его устремились на Нину,—онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка

вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ.

„Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу...

„Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнилась взаимною ненавистью; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита...“

На Гудаурѣ очень холодно; да и не мудрено, такъ какъ средняя годовая температура здѣсь равняется 4 градусамъ, а средняя лѣтняя температура едва достигаетъ 12 градусовъ. Замѣчательно при этомъ, что всякій разъ при двукратномъ нашемъ проѣздѣ черезъ Гудауръ здѣсь шелъ дождь, горы курились, и весь ландшафтъ напоминалъ глубокую осень, хотя дѣло было въ концѣ августа и началѣ сентября. Отъ Гудаура начинается спускъ, и если часть дороги отъ Ларса до Казбека можетъ считаться верхомъ совершенства съ точки зрѣнія величія и грандіозности окружающей природы, то часть шоссе между Гудауромъ и слѣдующей станціей, Млетами, можно смѣло признать за верхъ совершенства съ точки зрѣнія инженернаго искусства. Гудауръ лежитъ подъ обломками, а Млеты почти прямо подъ нимъ, въ ущельи на берегу Арагвы. Паденіе сразу совершается на $3^1/_2$ т. футовъ, и вы точно въ сказкѣ въ какіе-нибудь полчаса отъ глубокой осени, даже отъ зимы, переходите къ цвѣтущему лѣту. Прямымъ путемъ изъ Млетъ въ Гудауръ пѣшеходъ можетъ спуститься въ двадцать минутъ, а почтовое шоссе на этомъ же пространствѣ дѣлаетъ десятки зигзаговъ, равняющихся въ общей сложности пятнадцати верстамъ. Обратные ямщики верхами также иногда рискуютъ спускаться напрямки, и въ день нашего проѣзда одинъ такой смѣльчакъ, пустившись съ четверкой по крутымъ горнымъ тропинкамъ, едва не сдѣлался жертвой своей отваги. Двѣ лошади у него сорвались съ кручи и убились на мѣстѣ, самъ же онъ и другая пара уцѣлѣли. Бѣднягу, конечно, тотчасъ же разсчитали. Когда мы спускались въ Млеты, то нашъ ямщикъ, нагнувшись надъ пропастью, показывалъ намъ темно-красный мѣшокъ съ костями, въ который превратились упавшія лошади. Млетскій спускъ открытъ только въ 1861 году, причемъ его дѣлали въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ-рядъ. Четыре года рвали динамитомъ скалы и создали воистину замѣчательную дорогу, строи-

тель которой, инженеръ Статковскій, съ полнымъ резономъ начерталъ свое имя на одномъ изъ зигзаговъ этого гигантскаго сооруженія. Очевидно, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не ѣздили этимъ спускомъ, хотя и поднимались отъ Коби на Крестовый перевалъ. Между тѣмъ многіе описатели Кавказа и Военно-Грузинской дороги, и даже наиболѣе обстоятельные, какъ, напримѣръ, С. Филипповъ, впадаютъ въ эту странную ошибку и не замѣчаютъ, что извѣстное описаніе Пушкина въ его „Путешествіи въ Арзерумъ" относится не къ Млетскому спуску, котораго въ то время не существовало, а къ необычайно крутому спуску, который велъ отъ Крестовой горы чрезъ Койшауръ. Въ тѣ времена ни Млетской, ни Гудаурской станцій не существовало, и творецъ „Евгенія Онѣгина" прямо изъ Коби переѣзжалъ на Койшаурскую станцію, нынѣ упраздненную и остающуюся влѣво отъ теперешней дороги, съ которой виденъ и этотъ Пушкинскій спускъ. „Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, писалъ Пушкинъ, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза, его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣни, благодарилъ Бога и пр., что очень изумило проводниковъ"... Теперь на Млетскомъ спускѣ ничего подобнаго не бываетъ, да и не можетъ быть. Самые тяжелые экипажи, громадные, пузатые, почтовые дилижансы спускаются безъ тормазовъ, и всѣ предосторожности сводятся къ тому, что отпрягаютъ пристяжныхъ лошадей. Тѣмъ не менѣе спускъ въ Земомлетскую долину остается и очаровательнымъ, и грандіознымъ, и къ нему вполнѣ до мельчайшихъ подробностей можно примѣнить то, что сказано Лермонтовымъ про сосѣднюю Койшаурскую долину: „славное мѣсто эта долина! со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, и очерченные промоинами, а тамъ, высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуей".

Въ Млетахъ было чудное, жаркое лѣто, когда мы подъѣзжали къ станціи. „Роскошная" Грузія смотрѣла на насъ своимъ горячимъ, южнымъ солнцемъ, всюду роскошная зелень, въ воздухѣ свѣтло и прозрачно, и мы быстро забыли про Гудаурскую не-

погоду и мрачныя краски Крестоваго перевала. Здѣсь предъ нами „иной картины красы живыя расцвѣли“:

Счастливый пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ Грузинки молодой.

Въ Млетахъ мы рѣшили сдѣлать дневку и ночевать на станціи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Святловскій.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ ТЕЙСЬЕ.

Соч. **Эдуарда Рода.**

(Переводъ съ французскаго **Е. Поливановой.**)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Тейсье, Бланшъ и Сюзанна быстро обмѣнялись между собою нижеслѣдующими письмами. Описываемый въ нихъ переломъ продолжался полтора сутокъ.

Письмо *Мишеля къ Бланшъ*, написанное имъ тотчасъ послѣ его разговора съ Сюзанной:

„Не пріѣзжайте завтра, Бланшъ: наша бѣдная тайна открыта, и открыта именно тою, которая не должна была знать ее. Я говорю вамъ это безо всякихъ предосторожностей; простите, что причиняю вамъ страданіе, но есть ли такія средства, которыя бы могли что-либо измѣнить въ существующемъ положеніи? Часто предвидѣлъ я эту минуту, часто спрашивалъ я себя, что надобно будетъ дѣлать. Ни одно изъ тѣхъ рѣшеній, на которыхъ я останавливался, непримѣнимо. А между тѣмъ минута эта наступила...

„Не отчаивайтесь, прошу васъ, не теряйте мужества. Именно въ эту минуту, вслѣдствіе опасности, и необходимо мужество: не существуетъ такого неразрѣшимаго положенія, изъ котораго нельзя было бы выдти, разъ это положеніе, въ силу честности, опредѣлено откровенно. Что до меня, то я чувствую себя болѣе сильнымъ теперь, когда мы уже находимся внѣ той лжи, кото-

рая давила насъ. Мнѣ кажется даже, что я радовался бы, избавившись отъ этой лжи, до такой степени я страдалъ отъ нея, еслибы только я не видалъ того горькаго страданія, которое мы причинили, еслибъ я не видалъ тѣхъ опасностей, которыя возникаютъ въ данную минуту. И есть опасность, которая превышаетъ всѣ прочія опасности, самую мысль о которой я отъ себя отгоняю: я не хочу лишиться васъ, Бланшъ; я буду васъ защищать, какъ свою собственность.

„Что̀ будетъ? я не знаю. Вчера у насъ было съ Сюзанной очень дурное объясненіе. Но она не будетъ продолжать оставаться въ томъ настроеніи духа, въ какомъ она находится теперь: я достаточно хорошо ее знаю, чтобы быть въ этомъ увѣреннымъ.

„Чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ менѣе я вижу, что̀ намъ слѣдуетъ дѣлать. Все же, мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы написать ей. Да, напишите ей. Скажите ей все, съ полною откровенностью. Душа у нея высокая, можетъ-быть, она пойметъ, что мы столь же несчастны, какъ и она. Во всякомъ случаѣ, она будетъ знать то, что̀ ей слѣдуетъ знать: что любовь наша не принадлежитъ къ числу случайныхъ увлеченій, которымъ поддаются праздныя сердца, что любовь наша представляетъ собою одно изъ тѣхъ чувствъ, которыми бываютъ преисполнены двѣ жизни и которыя въ своей силѣ, въ своей продолжительности, въ своемъ свойствѣ имѣютъ себѣ нѣкотораго рода оправданіе. Можетъ-быть она будетъ отъ этого страдать еще болѣе, но иначе, но болѣе высокимъ страданіемъ, которое будетъ выше ранъ самолюбія, отъ котораго можно выздоровѣть безъ тяжкихъ дурныхъ слѣдовъ. Она уже знаетъ, что мы принесли ей въ жертву всякую надежду, что вы были и всегда остались бы для меня лишь другомъ... обожаемымъ другомъ. Я сказалъ ей это, и она мнѣ повѣрила: она вполнѣ видитъ, что я не хочу болѣе лгать.

„Бланшъ, дорогая моя Бланшъ, мнѣ кажется, что мы могли бы любить другъ друга всю жизнь такъ, какъ мы любили другъ друга третьяго дня, всю жизнь до самой смерти, никогда не принадлежа другъ другу, но ни на одно мгновеніе не переставая быть вмѣстѣ, соединенными, не взирая ни на людей, ни на вещи, соединенными, не взирая ни на что̀, что насъ разъединяетъ. Теперь эта мечта, на которой зиждилось все счастіе, котораго мы могли ожидать отъ будущаго, мечта эта уже является невозможною. И мнѣ страшно.

„Я не смѣю, я не хочу думать о томъ, что, можетъ-быть, намъ придется отказаться отъ того, чтобы видаться другъ съ другомъ. Этой жертвы она требуетъ: я не въ состояніи принести ей этой жертвы, она выше моихъ силъ. Я болѣе не понимаю жизни безъ васъ; вы—самъ я.

„Я также напишу ей завтра утромъ, потому что въ настоящую минуту я неспособенъ писать ей. Все зависитъ отъ этого письма. Боже мой! гдѣ же найти слова, которыя здѣсь надобны? Какъ уврачевать эту пораненную душу, когда правда можетъ только причинить ей еще бо̀льшее страданіе, такъ какъ я не могу болѣе любить ее, потому что я всецѣло принадлежу вамъ? Снова лгать? Нѣтъ, нѣтъ, я не сумѣлъ бы снова лгать, да и она бы мнѣ не повѣрила. Въ такомъ случаѣ что̀ же сказать?

„Прощайте, будемъ бороться вмѣстѣ, дѣло идетъ о нашей любви.

„Мишель“.

Мишель Сюзаннѣ.

„Не знаю, Сюзанна, что̀ ты думаешь обо мнѣ въ настоящую минуту. Но послѣ вчерашней сцены такъ же, какъ и прежде, какъ и всегда, я продолжаю смотрѣть на тебя, какъ на моего лучшаго друга. И вотъ къ другу-то и обращаюсь.

„Что ты оскорблена до глубины души, разумѣется, я этому не удивляюсь. Однако, мнѣ кажется, что когда я честно и вполнѣ покаюсь тебѣ, когда ты все узнаешь, рана твоя будетъ менѣе жестока, гнѣвъ твой менѣе силенъ.

„Ты, можетъ-быть, скажешь мнѣ, что то, что̀ произошло, что̀ ты видѣла, даетъ тебѣ право сомнѣваться въ моей честности. Но нѣтъ! Правда, я лгалъ тебѣ, я скрывался отъ тебя, а между тѣмъ я не лгунъ, не лицемѣръ. Ты достаточно знаешь меня, чтобы понимать, чего мнѣ стоила такая роль. Если я молчалъ, если я самъ не сказалъ тебѣ всего, какъ меня сотни разъ тянуло это сдѣлать, какъ я теперь сожалѣю о томъ, что не сдѣлалъ этого теперь, когда несчастье уже наступило Повѣрь мнѣ, я поступалъ такъ не изъ порочности, не изъ эгоизма, не для того, чтобы жить сравнительно спокойно своею двойною жизнью: я поступалъ такъ ради тебя, ради одной тебя. Да! дорогой мой другъ, я желалъ избавить тебя отъ страданія: я былъ слабъ, я не сумѣлъ противостоять обаянію преступнаго чувства, хотя оно и не было настолько преступно, какъ, можетъ-быть, ты это полагаешь, но я думалъ, что единственно, что̀ можетъ хотя

немного извинить меня, это сохраненіе моего чувства втайнѣ. Да, лицемѣріе представилось мнѣ нѣкотораго рода добродѣтелью, и мнѣ стоило несравненно бо̀льшихъ усилій скрываться отъ тебя, чѣмъ во всемъ тебѣ сознаться. Ты видишь, если я и лгалъ тебѣ до сихъ поръ, ты стала бы неправильно предполагать, что я снова стану тебѣ лгать. Время лжи миновало. И повѣришь ли? не взирая на испытываемое мною мученіе, не взирая на терзанія и упреки совѣсти, я чувствую облегченіе отъ тяжкаго бремени. Маска теперь совсѣмъ сдернута! Если насъ и можетъ еще что-нибудь спасти въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, такъ это только одна правда. Итакъ, что̀ бы ни воспослѣдовало изъ нашихъ объясненій, они должны быть вполнѣ откровенны: я не желаю вносить въ нихъ ни хитрости, ни разсчета.

„Едва ли мнѣ нужно говорить тебѣ, что Бланшъ мнѣ не любовница и ни въ какомъ случаѣ не была бы ею: какъ бы ты ни чувствовала себя оскорбленною, ты не можешь настолько презирать насъ, чтобы думать, что мы не сумѣли бороться противъ самихъ себя. Но я пламенно люблю ее, я долженъ сказать тебѣ это, и пламенно любимъ ею. Между нами вполнѣ существуетъ тотъ союзъ, какой только можетъ существовать между двумя людьми, разъединенными и мірскими и божескими законами, союзъ сердецъ, союзъ тѣмъ болѣе тѣсный вслѣдствіе громадности препятствій. Никакихъ иныхъ узъ между нами нѣтъ. Единственно въ чемъ мы можемъ упрекнуть себя, такъ развѣ только въ нѣсколькихъ поцѣлуяхъ. Разумѣется, было бы лучше, еслибы любовь наша была превыше этого, и мы это очень хорошо сознавали. Но ни тотъ, ни другая, мы не святые, и, если мы не были настолько сильны, насколько мы должны были бы быть сильны, то, по крайней мѣрѣ, мы умѣли подавлять свои слабости

„Я не стану тебѣ разсказывать, какъ я ее полюбилъ. Это было бы безполезно, да я и не сумѣлъ бы: когда я замѣтилъ свой недугъ, было уже слишкомъ поздно, чтобъ я могъ отъ него излѣчиться. Но мое чувство къ ней никогда и ни въ чемъ не уменьшило моей привязанности къ тебѣ. Увы! Я очень боюсь еще болѣе оскорбить тебя, говоря такъ! Моей привязанности: почему же не любви? Не знаю, дорогой другъ мой. Не знаю почему, любя тебя такъ, какъ ты знаешь, я допустилъ, что любовь моя мало-по-малу превратилась въ чувство твердой и спокойной привязанности, въ чувство, которое, какъ мнѣ казалось,

еще лучше любви. Когда я принимаюсь размышлять объ этомъ, мнѣ это представляется естественнымъ послѣдствіемъ брака, мнѣ кажется, что счастливая любовь не можетъ сохранять экзальтированнаго состоянія, придаваемаго ей препятствіями. Большинство, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, принимаютъ это естественное превращеніе и примиряются съ нимъ. Я полагалъ, что и я принялъ его: я ошибся. Несчастье заключается въ томъ, что я слишкомъ поздно замѣтилъ свою ошибку. Впрочемъ, къ чему всѣ эти разсужденія? Бѣда наступила, не будемъ терять времени, отыскивая ея причину. Прежде всего необходимо отыскать средство какъ-нибудь ее поправить.

„Еслибы ты знала, чрезъ какія муки мы прошли, еслибы ты знала, какъ обильна страданіями была наша любовь, право, мнѣ кажется, ты бы простила. Успокойся, у насъ не было радостей, которыя могли бы возбуждать твою ревность!..

„Ты знаешь, что я вовсе не человѣкъ легкомысленныхъ наслажденій, что совѣсть громко говоритъ во мнѣ во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ. Когда я открылъ въ себѣ это чувство, которое выросло во мнѣ безъ моего вѣдома подъ покровомъ почти отеческаго расположенія, когда я понялъ, что всѣ мои усилія безсильны исторгнуть его изъ моего сердца, я тотчасъ же созналъ всю свою ошибку, испыталъ все отчаяніе человѣка, которому сообщили о неисцѣлимости его недуга. Сначала я затаилъ это чувство въ себѣ, твердо рѣшившись скрывать его, какъ рану, даже отъ своихъ собственныхъ глазъ. Въ то время, мнѣ кажется, я былъ близокъ къ умопомѣшательству, до такой степени колебался я между самыми противорѣчивыми чувствами, до такой степени предавался я невозможнымъ надеждамъ, которыя въ концѣ-концовъ всегда гаснутъ среди истинныхъ мученій. Чтобы моя исповѣдь была полною, чтобы ты не могла заподозрить ея полную искренность, я сообщу тебѣ эти безумныя мысли, возникновенію которыхъ я не былъ въ состояніи воспрепятствовать. Да, у меня бывали минуты безумнаго возбужденія, когда я мечталъ о томъ, чтобы бѣжать съ нею, если она меня любитъ, и испытывалъ преступное наслажденіе рисовать себѣ подробности подобнаго романа. Признаюсь, я думалъ также и о разводѣ, и мнѣ было необходимо полное напряженіе моего ума для того, чтобы понять весь ужасъ подобнаго дѣйствія. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, днемъ, ночью, среди занятій, въ то время, какъ я говорилъ, какъ я писалъ, въ то время, какъ я

игралъ съ дѣтьми, какъ я находился съ тобою, всегда и всюду, у меня не было никакихъ иныхъ мыслей. Я уже болѣе не принадлежалъ себѣ. То была тираннія какой-то посторонней побѣдоносной овладѣвшей мною силы.

„Время отъ времени меня доводили до отчаянія какія-нибудь внезапныя опасенія. Такъ, ты помнишь, какъ въ прошломъ году зашла было рѣчь о замужествѣ Бланшъ. Я заранѣе перестрадалъ всю муку этого событія: я представлялъ себѣ церемонію бракосочетанія, на которой я не могъ бы не присутствовать, видѣлъ ее въ ея подвѣнечномъ нарядѣ, видѣлъ, какъ другой бралъ ее руку! А между тѣмъ, ты помнишь, я ровно ничего не сдѣлалъ, чтобъ помѣшать осуществленію этого проекта. О, если я былъ виновенъ, такъ и много же я выстрадалъ! И та же мысль, которая и составляетъ мою виновность, и приняла на себя обязанность жестоко наказать меня!..

„Въ минуту безумія у меня вырвалась моя тайна. Тогда, мнѣ кажется, Бланшъ еще не любила меня: да и какъ бы могла она думать о томъ, чтобы полюбить меня? Но она поняла, до какой степени я искрененъ, до какой степени я страдаю, и ей сдѣлалось жалко меня: женщинъ всегда губитъ чувство состраданія. Вмѣсто того, чтобъ оттолкнуть меня, она вздумала, въ чистотѣ своего невѣдѣнія, постараться залѣчить ту рану, которую она безъ своего вѣдома нанесла мнѣ. Но вѣдь всякій недугъ заразителенъ, она сама сдѣлалась его жертвой, она вступила въ тотъ огненный кругъ, среди котораго терзался я...

„Я стыжусь своей слабости и ужасаюсь при мысли о томъ, насколько она была благородна и великодушна. Она спокойно принесла мнѣ въ жертву свое будущее, то будущее, которое для женщины составляетъ всю прелесть и всю цѣль жизни; потому что съ самаго начала она лучше меня поняла, какая единственная связь возможна между нами. Раза два или три я имѣлъ низость полусловами заговаривать съ нею о моихъ самыхъ безумныхъ планахъ: она заставляла меня немедленно умолкнуть. Мы оба вполнѣ сознавали несбыточность этихъ плановъ, и самъ я говорилъ о нихъ, не вѣря въ нихъ, лишь для того, чтобъ хотя на мгновеніе убаюкать себя напрасными, пустыми надеждами. Никогда, ни она, ни я, она еще менѣе, чѣмъ я, мы не рѣшились бы купить себѣ счастіе, посѣявъ вокругъ себя незаслуженныя страданія. Мы никогда не забывали этого: между нами и нашею мечтой находились дѣти, находилась ты. Да, ты, не

взирая на все, что бы ты ни думала. О, какъ я сознавалъ всю силу соединяющихъ насъ узъ, какъ сознавалъ всю ихъ прочность въ тѣ самые часы, когда меня преслѣдовала мысль о возможности ихъ расторженія. И она все это вполнѣ понимала, увѣряю тебя, и довольствовалась скромнымъ незамѣтнымъ сокровеннымъ мѣстечкомъ, которое она могла занимать въ моей жизни. Вся ея надежда заключалась лишь въ томъ, чтобы сохранять это мѣстечко долго, долго, — всегда, какъ мы иногда говорили.

„Теперь все измѣнилось. Неправильное равновѣсіе, въ которомъ мы жили, нарушено. Что будетъ дальше?

„Какъ сдѣлать выборъ между соединяющею насъ привязанностью и разъединяющею насъ любовью? Это зависитъ отъ тебя, Сюзанна, потому что сила, право, на твоей сторонѣ, ты можешь требовать отъ насъ чего захочешь. Будешь ли ты менѣе великодушною, чѣмъ она? Пожелаешь ли ты ее изгнать изъ того маленькаго мѣстечка, которымъ она довольствуется? Пожелаешь ли ты потребовать отъ меня полностью той жертвы, на которую я не могъ рѣшиться въ самомъ началѣ? Подумай, мой другъ. Ты вершительница нашей судьбы, точно такъ же, какъ и своей собственной. Но, умоляю тебя, не требуй слишкомъ многаго, не злоупотребляй тѣмъ правомъ, которое я признаю за тобою. Умоляю тебя, подумай и отвѣчай мнѣ лишь, когда ты будешь болѣе спокойна и, слѣдовательно, болѣе справедлива. Я и не думалъ угрожать тебѣ вчера, когда я сказалъ „берегись!“, что тебя такъ раздражило. Я только желалъ предостеречь тебя относительно опасностей, которыя создались бы для насъ всѣхъ, вслѣдствіе чрезмѣрной строгости и чрезмѣрной требовательности съ твоей стороны.

„Какъ много желалъ бы я еще тебѣ сказать! Но къ чему? Предшествующаго достаточно, ты знаешь все, что тебѣ слѣдуетъ знать, и мнѣ кажется, не можешь сомнѣваться ни въ моей искренности, ни даже, не взирая ни на что, въ моей привязанности къ тебѣ.

„Мишель“.

Бланшъ Сюзаннѣ.

„Я желала какою бы то ни было цѣной, хотя бы цѣной спокойствія моей совѣсти и чувства моего собственнаго достоинства, уберечь васъ отъ того, чтобы вы узнали нашу тайну. Но такъ

какъ вы уже узнали ее, я испытываю безконечное облегченіе вслѣдствіе того, что могу сбросить маску и явиться такою, какова я въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія виновною и несчастною, но, не взирая на всю видимость, не лицемѣрною.

„Я сдѣлала все, что могла, чтобы вы ничего не знали, потому что, пока вы ничего не знали, вы могли оставаться спокойны и счастливы. И чтобы не смущать вашего счастія, или, по крайней мѣрѣ, чтобы оставлять вамъ иллюзію счастія, я лгала, хитрила, скрытничала, какъ будто хитрость, ложь и скрытность вполнѣ мнѣ свойственны. Я должна была ради васъ играть роль и по мѣрѣ силъ моихъ я играла ее. Мы не хотѣли, чтобы вы страдали по нашей винѣ, мы подчинялись необходимости лжи, какъ чему-то должному; вы, которая такъ хорошо насъ обоихъ знаете, вы догадываетесь, не правда ли, съ какимъ внутреннимъ возмущеніемъ мы покорились этой необходимости; и понимаете, что эта ложь до сихъ поръ была нашимъ самымъ тяжелымъ искупленіемъ.

„Какъ сознаю я себя виновною, когда я начинаю все вспоминать!..

„Вы приняли къ себѣ ребенка, сироту, почти лишенную семьи, такъ какъ мать ея не обращала на нее никакого вниманія. Вы были для нея матерью, потомъ, впослѣдствіи, когда годы сблизили возрасты, старшею сестрой. Ваше расположеніе доставило ей семейный очагъ въ этомъ радушномъ, дорогомъ домѣ, съ которымъ связаны всѣ ея воспоминанія. Безъ васъ ея юность была бы одинока и печальна; благодаря вамъ она была почти счастлива, окружена семейною атмосферой, хорошо направляема. Вы оказывали ей довѣріе, дарили ее своею дружбой, вы были вправѣ разсчитывать на довѣріе и благодарность съ ея стороны. И какъ платитъ она вамъ за то добро, которое вы ей сдѣлали?

„О, это гадкая исторія! Ищешь смягчающихъ обстоятельствъ и не находишь ихъ: всѣ подробности, наоборотъ, еще болѣе усиливаютъ вѣроломство. И вы тщетно должны спрашивать себя, какъ могла эта молодая дѣвушка, которую вы почти воспитали, которую вы считали чистою и прямою, въ привязанности которой вы не сомнѣвались, какъ могла она почти цѣлый годъ хладнокровно разыгрывать отвратительную комедію, жертвой которой были вы!

„Что могу я вамъ сказать? Мишель испытывалъ слишкомъ

большое состраданіе ко мнѣ, видя меня столь одинокою въ мірѣ. Какъ его великодушное сочувствіе могло перейти въ иное чувство? Я не знаю, это его тайна. Что же до меня, то мнѣ кажется, что я любила его всегда, только любовь эта дремала въ глубинѣ моей души; одного слова было достаточно для ея пробужденія, и любовь эта была настолько сильна, что я противъ нея оказалась безсильна. Развѣ моя вина, что Мишель самый благородный человѣкъ, какой только можетъ быть въ мірѣ? И потомъ у меня была такая потребность любви! И такъ пріятно быть любимою!.. И такъ безумно это, потому что я знала, что отъ нашей любви мнѣ нечего ждать, кромѣ этого позора и этого отчаянія!..

„Я уѣду: вы уже не будете имѣть меня на своемъ пути. Вы меня позабудете. Мишель тоже меня позабудетъ: въ концѣ-концовъ все позабывается. Мало-по-малу воспоминаніе обо мнѣ поблѣднѣетъ въ вашей памяти: оно будетъ лишь чѣмъ-то въ родѣ далекаго, непріятнаго сна; затѣмъ, еще позднѣе, можетъ-быть, оно вернетъ васъ, уже безо всякаго злопамятства, къ тому времени, когда мы были дружны между собою. Можетъ-быть, тогда вы уже не будете такъ дурно думать обо мнѣ.

„Можетъ-быть также, для меня утѣшеніе такъ думать, для васъ еще и возможно будетъ счастіе, потомъ, позднѣе, когда въ душу къ вамъ низойдутъ успокоеніе и прощеніе. И взгляните, не вамъ ли приходится лучшая доля, такъ какъ вы можете простить, можете надѣяться? Я же удалюсь, уѣду и снова буду одинока, какъ прежде, но только съ сознаніемъ своего стыда и съ угрызеніями своей совѣсти. У васъ же остается вашъ семейный очагъ, у васъ есть дѣти, вашъ мужъ еще вернется къ вамъ. Но, умоляю васъ, Сюзанна, не отстраняйте его отъ себя чрезмѣрною строгостью. Я боюсь вамъ причинить страданіе, говоря это, а между тѣмъ я должна вамъ это сказать ради нашей общей пользы: любовь его еще слишкомъ близка ему и потому щадить его необходимо. Да, если раздражать его, говоря ему, напримѣръ, дурно обо мнѣ, то какъ знать, до чего возможно его довести и на что онъ можетъ оказаться способнымъ...

„Я долгое время размышляла обо всѣхъ этихъ предметахъ: переживаемый нами переломъ долженъ былъ неизбѣжно произойти, а когда первая мука его минуетъ, то мнѣ кажется, что всѣ мы будемъ почти-что счастливы, какъ послѣ перенесенной необходимой операціи. Операція бываетъ мучительна, но какое бываетъ

облегченіе послѣ того, какъ она уже бываетъ совершена!.. Не лгать болѣе, какое облегченіе!..

„Моя дорогая пріемная мать, умоляю васъ, будемъ стараться о томъ, чтобы не ненавидѣть другъ друга! На насъ, правда, обрушилось несчастье, и одна изъ насъ должна уступить мѣсто другой. И вы видите, я ухожу. Мнѣ не хотѣлось бы уносить съ собою мучительной мысли о томъ, что я нарушила покой васъ обоихъ и что за то, что я слишкомъ любила Мишеля, онъ остается лишеннымъ чувства всякой привязанности. Скажите, Сюзанна, развѣ онъ не заслуживаетъ лучшей доли? Прошу васъ, будемте думать о немъ больше, чѣмъ о себѣ, будемъ стараться о томъ, чтобъ онъ не страдалъ еще сильнѣе.

„Я желала бы быть въ состояніи слить мою любовь, мое страданіе, мои угрызенія вмѣстѣ съ вашей нѣжностью и вашимъ прощеніемъ и создать изо всего этого одинъ потокъ чувства совершенной любви, который захватилъ бы его всего, въ которомъ душа его нашла бы успокоеніе и радость. Я желала бы отдать ему все, что̀ въ насъ есть лучшаго, украсить его жизнь всѣмъ, что̀ есть самаго чистаго въ женскомъ сердцѣ: нѣжностью и состраданіемъ. Но мнѣ лично недоступно, я это знаю; одна вы, Сюзанна, можете выполнить это и хотя сердцу вашему и нанесенъ ударъ, оно достаточно великодушно для подобнаго стремленія.

„Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы вы простили, простили безо всякой задней мысли, безо всякаго злопамятства. Вы простите, я въ этомъ вполнѣ увѣрена. Въ концѣ-концовъ наша любовь виновна лишь въ томъ, что она существовала: въ этомъ нѣтъ ничего такого, чего бы не могла предать забвенію жена. Что̀ до меня, то я исчезну изъ его жизни, я вамъ это обѣщаю. И если эта жертва окажется въ состояніи хотя бы нѣсколько исправить содѣянное мною зло, если она окажется въ состояніи принести ему и возвратить вамъ хоть немного счастія, я буду считать себя прощеною и буду чувствовать себя почти счастливою.

„Бланшъ Эстевъ“.

Бланшъ Мишелю.

„Что̀ дѣлать? что̀ дѣлать? Роковая минута наступила, и мука моя тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ я могла это думать. Не оставляйте меня, Мишель, никогда не оставляйте, что̀ станется со

мною безъ васъ? Еслибъ я могла хотя бы на минуту видѣться и поговорить съ вами, я сдѣлалась бы спокойнѣе, я была бы въ состояніи яснѣе обсудить наше положеніе. Но я даже не могу размышлять, я только чувствую себя подавленною стыдомъ и мнѣ кажется, что я никогда уже не буду въ состояніи снова поднять голову. Я не стыжусь того, что я васъ любила, нѣтъ, но я стыжусь всего этого лицемѣрія, до котораго мы такое продолжительное время спускались. Да, наша ложь возстаетъ предо мною. Она меня душитъ, она ядъ моей раны. Какъ было бы проще и благороднѣе сказать всю правду!.. Но тогда страдала бы Сюзанна и вы... Боже мой! мы думали все устранить къ лучшему, а теперь я уже совсѣмъ теряюсь!.. Наша ложь не послужила ровно ни къ чему. Сюзанна страдаетъ по нашей винѣ. Безъ сомнѣнія она презираетъ насъ, она не знаетъ какъ много мы боролись сами съ собою, не знаетъ, что прежде всего мы оба несчастны...

„Но вѣдь она добра, и когда минуетъ первый порывъ отчаянія, она проститъ, я въ этомъ увѣрена, можетъ-быть, она даже пожалѣетъ насъ.

„Я уѣду, Мишель, уѣду въ Ліонъ къ моимъ друзьямъ С..., которые уже такъ давно приглашаютъ меня къ себѣ. И я буду стараться еще болѣе исчезнуть изъ вашей жизни. Но, вы понимаете, я не могу дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, мнѣ необходимо соблюдать нѣкоторую осторожность. Мать моя ничего не знаетъ, нужно дѣйствовать такъ, чтобъ она попрежнему ничего не знала.

„Вы, Мишель, вы останетесь и не будете пытаться ни слѣдовать за мною, ни писать мнѣ. Дорогой, дорогой другъ мой, вы должны понять, что жертва эта необходима, если вы желаете снова пріобрѣсти уваженіе и любовь вашей жены. Вы счастливѣе меня, и это служитъ мнѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Да, у васъ есть высокія обязанности государственнаго дѣятеля, которыя васъ будутъ разсѣявать, которыя будутъ препятствовать вамъ думать объ иныхъ вещахъ; кромѣ того, у васъ есть дѣти. Я же не буду болѣе пользоваться счастіемъ видѣть, какъ растутъ эти дорогія дѣвочки, которыхъ я такъ любила, потому что онѣ ваши дочери! Онѣ тоже любили меня. Можетъ-быть, онѣ будутъ спрашивать, почему я больше не бываю у васъ... Дай Богъ, чтобъ онѣ никогда не знали такихъ минутъ, какія мы переживаемъ теперь!..

„Я буду такъ одинока, такъ одинока, когда я лишусь васъ, что все мужество колеблется при этой мысли и мнѣ хочется закричать: „Придите, придите за мною, уѣдемъ вмѣстѣ, уѣдемъ далеко, далеко, въ такую страну, гдѣ мы можемъ быть счастливы!“

„Вы видите, насколько я слаба. Во мнѣ нѣтъ ничего геройскаго, Мишель. Я страдаю, я нуждаюсь въ томъ, чтобы меня утѣшали, какъ ребенка, вотъ и все. Однако, вы понимаете, что я говорю вамъ все это по сладостной привычкѣ ничего не скрывать отъ васъ, но что въ сущности, ни въ какомъ случаѣ, я не желала бы бѣжать съ вами. У насъ было бы слишкомъ много угрызеній: они разбили бы наше счастіе... а, можетъ-быть, и нашу любовь. А я не хочу, чтобы любовь наша умерла, я хочу сохранить ее неприкосновенною, безъ малѣйшаго пятнышка, до послѣдней минуты вѣчной разлуки. Единственное хорошее и прекрасное въ моей жизни, это наша любовь, она вся моя вѣра! Въ дѣйствительности я повѣрила въ Бога лишь съ тѣхъ поръ, какъ вы меня полюбили, вы помните это? потому что я не была въ состояніи постичь ни конца нашей любви, ни вѣчности, гдѣ не было бы васъ. Теперь же, когда меня постигло горе, мнѣ кажется, что я стала ближе къ Богу, Котораго я видѣла прежде такъ далеко отъ себя. Говорятъ, что Онъ ниспосылаетъ утѣшеніе страждущимъ: можетъ-быть, если я обращу свои взоры къ Нему, Онъ ниспошлетъ мнѣ силы, мужество; можетъ-быть, Онъ поможетъ мнѣ переносить ваше отсутствіе, мое ужасное одиночество, безмолвіе, на которое мы отнынѣ осуждены. Потому что я вамъ не стану писать; вы будете имѣть обо мнѣ извѣстія только оффиціальныя, черезъ мою мать или черезъ нашихъ общихъ друзей. Слѣдуетъ положить полный конецъ нашимъ бѣднымъ счастливымъ минутамъ, потому что необходимо, чтобы Сюзанна была вполнѣ спокойна и вполнѣ увѣрена въ томъ, что между нами уже ровно ничего нѣтъ. Ровно ничего, кромѣ любви, которая будетъ продолжаться, не взирая на разстояніе...

„Мой дорогой другъ, сердце мое полно воспоминаніями: я думаю о нашихъ счастливыхъ дняхъ, которые уже болѣе не вернутся... Я желала бы кончить мое письмо, потому что я вамъ уже сказала все, что могла вамъ сказать. Но я не въ силахъ кончить; я чувствую, что пишу послѣднія откровенныя строки, что въ послѣдній разъ даю я волю своему сердцу, что наступитъ окончательная разлука послѣ того какъ я сложу этотъ листокъ бумаги.

„Помните ли вы мое первое письмо?.. Я вамъ писала: „Что бы теперь ни случилось, будетъ ли хороша или плоха моя жизнь, мнѣ все равно! Я имѣла свою долю юности и счастія,—этого достаточно для того, чтобъ освѣтить мнѣ мрачные дни, и, если они наступятъ, я не буду имѣть права жаловаться"...

„Мрачные дни наступили, Мишель, и я не стану жаловаться... Но зачѣмъ они наступили такъ скоро?..

„Еще одно послѣднее слово: если вы желаете, чтобъ я была совершенно спокойна, ни въ чемъ не раскаивайтесь, ни въ чемъ не упрекайте себя по отношенію ко мнѣ, будьте твердо увѣрены въ томъ, что виновны вы не передо мною. И въ чемъ бы вы могли винить себя? Въ томъ, что вы дали мнѣ душу? Вы познакомили меня съ единственною вещью, ради которой стоитъ жизнь: съ чувствомъ любви. До васъ я не жила. Не сожалѣйте же о томъ, что вы доставили мнѣ такъ много счастія...

„А теперь, прощайте, мой дорогой, дорогой другъ, прощайте! Я говорю вамъ прощайте и все-таки остаюсь вашею... Прощайте! какъ это слово печально, но какъ хорошо оно выражаетъ всю горесть, которую оно заключаетъ въ себѣ!..

„Бланшъ".

Сюзанна Мишелю.

„Что хочешь ты, чтобъ я отвѣчала тебѣ, Мишель? Ты обрѣтаешься внѣ жизни, живешь въ разгарѣ романа, пишешь мнѣ безумныя, невозможныя вещи!..

„Я вѣрю всему, что ты мнѣ говоришь: дѣйствительно я знаю тебя достаточно для того, чтобъ понимать, чего стоило тебѣ скрытничать. Но теперь, когда ты сбросилъ маску, скажи мнѣ, развѣ самая твоя откровенность не эгоистична, не жестока?..

„Не лучше ли бы тебѣ было продолжать еще лгать, если ужь ты такъ заботишься о томъ, чтобъ щадить меня?.. Не могъ ли бы ты, по крайней мѣрѣ, высказать мнѣ въ своей исповѣди истину такъ, чтобы она была для меня менѣе тягостной?.. Напротивъ, можно подумать, что ты поставилъ себѣ задачей высказать мнѣ все то, что могло сдѣлать для меня еще болѣе горькимъ то разочарованіе, которымъ я тебѣ обязана. Такъ, ты заявляешь мнѣ, что Бланшъ не любовница тебѣ. Что же мнѣ изъ того? Для меня было бы въ тысячу разъ лучше, чтобъ она была ею: положеніе было бы болѣе откровеннымъ, я лучше бы сознавала что мнѣ слѣдуетъ о васъ думать. Еслибъ я еще была

увѣрена, что ты щадилъ ее ради меня! Но нѣтъ: ты щадилъ ее ради себя, ради нея, преимущественно ради нея... Если она не твоя любовница, то только потому, что ты слишкомъ сильно любишь ее для этого, вотъ и все!..

„Вы думаете растрогать меня, потому что она написала мнѣ въ томъ же смыслѣ какъ и ты,— разсказывая мнѣ о вашей мнимой борьбѣ съ самими собою, о вашихъ мукахъ, о вашихъ угрызеніяхъ, о всѣхъ вашихъ ничтожныхъ страданіяхъ. Но вѣдь вы сами того хотѣли! По всей вѣроятности, вы находили себѣ и нѣкоторое вознагражденіе. А мои-то страданія, думаешь ли ты о нихъ? Развѣ ты полагаешь, что я также не страдаю? А за что? Въ чемъ моя вина? Если я въ чемъ-нибудь и виновата, то развѣ только въ томъ, что я тебя слишкомъ сильно любила, Мишель. А между тѣмъ ты только намекаешь мнѣ, что ты уже не любишь меня любовью, что у тебѣ осталось ко мнѣ только чувство привязанности; можно подумать, что ты находишь, что и этого уже черезчуръ много. Ты питаешь ко мнѣ привязанность! А что, если я еще питаю къ тебѣ чувство любви? Подумалъ ли ты объ этомъ? Взвѣсилъ ли ты, если только это такъ, то страданіе, которое мнѣ должны причинять твои слова? Пожалѣлъ ли ты меня, ты, который желаешь, чтобъ я пожалѣла васъ, не взирая на причиняемыя вами мнѣ страданія? Нѣтъ: ты обрадовался только тому, что тебѣ не надобно болѣе лгать, ты почувствовалъ облегченіе отъ тяжкаго бремени, какъ ты самъ въ этомъ признаешься, и тебѣ безразлично, или въ родѣ того, что это тяжкое бремя обрушилось на мое сердце... Мужчины бываютъ всегда эгоистичны и часто грубы, даже лучшіе изъ нихъ. Я всегда считала тебя въ числѣ лучшихъ изъ нихъ, не взирая ни на что считаю еще и теперь. А между тѣмъ!..

„Ты откровенно говорилъ со мною. И надобно, чтобъ я за это была тебѣ признательна, не такъ ли? Откровенность за откровенность, я также скажу тебѣ все, что я думаю, а ты на это не жалуйся. Да это и необходимо, потому что вы теперь это поняли сами, я все знаю, и намъ надлежитъ дѣлать нѣчто иное, чѣмъ всѣмъ троимъ умиляться другъ надъ другомъ съ романтическимъ великодушіемъ, которое можетъ быть пріятнымъ для васъ, но на которое я совершенно неспособна.

„Такъ слушай же: я готова довольствоваться твоею привязанностью, такъ какъ ты не питаешь ко мнѣ ничего болѣе, кромѣ чувства привязанности; но я не хочу, чтобы ты питалъ

чувство любви къ другой. Понимаешь? Право, это было бы ужь черезчуръ удобно! На мою долю спокойное чувство, безъ фразъ, безъ нѣжности, безъ иныхъ волненій, кромѣ волненія надзора за твоимъ хозяйствомъ, заботы о твоемъ домѣ, пріема твоихъ друзей. На долю же другой все, что только въ тебѣ сохранилось поэтическаго и экзальтированнаго... А ты не подумалъ, что, подобно тебѣ, и я нуждаюсь въ этой поэзіи, въ этой экзальтаціи, но что я не стану искать ихъ гдѣ бы то ни было, потому что только ты одинъ въ состояніи ихъ мнѣ доставить... И ты требуешь, чтобъ я спокойно смотрѣла на то, какъ ты отдаешь посторонней женщинѣ все, что ты отнимаешь у меня, все, что я желаю имѣть сама! И ты смѣешь мнѣ говорить обо всѣхъ этихъ чувствахъ, наполняющихъ твою жизнь? Знаешь ли? Я сержусь на тебя за то, что ты не задавалъ себѣ ни одного изъ этихъ вопросовъ, за то, что ты вообразилъ меня слишкомъ безкорыстною, слишкомъ великодушною, слишкомъ совершенною, главнымъ образомъ слишкомъ равнодушною. Ты мнѣ говоришь, что вы не святые. Почему же ты хочешь, чтобъ я была святою? Я не лучше васъ, хотя мнѣ и не въ чемъ упрекать себя относительно тебя. Я такая же женщина, какъ и всѣ другія женщины, и не желаю быть покинутой.

„Ты видишь, ты долженъ сдѣлать свой выборъ, какъ я уже тебѣ говорила и какъ я тебѣ снова повторяю: она или я. Обѣ вмѣстѣ, это невозможно. У меня также есть свой эгоизмъ. Говоря тебѣ то, что я говорю, я думаю о себѣ, объ одной только себѣ. Я знаю, что не ко мнѣ влечетъ тебя сердце, что борьба неравная, что, по всей вѣроятности, я въ ней потерплю пораженіе и что тогда наши дѣти пострадаютъ вмѣстѣ со мною и въ теченіе всей своей будущности будутъ терпѣть за твою слабость, потому что дочери въ глазахъ свѣта за проступки отца несутъ отвѣтственность почти столь же тяжкую, какъ и за проступки матери. Но это соображеніе меня не останавливаетъ: ты хочешь этого. Я поступаю такъ, какъ поступала бы на моемъ мѣстѣ всякая другая женщина. Я защищаю то, что принадлежитъ мнѣ, я защищаю свои права. Пусть у меня ихъ украдутъ, если хотятъ; но сама я ихъ не уступлю.

„Вопреки всему, во мнѣ таится еще нѣкоторая надежда на то, что у тебя хватитъ настолько благоразумія, чтобы не жертвовать мною, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ тебѣ пришлось бы пожертвовать и дѣтьми, а, можетъ быть, и положеніемъ. Ты

видишь, я представляю тебѣ аргументы, которые я стараюсь ставить внѣ себя. Это до нѣкоторой степени унизительно для меня, но мнѣ необходимо стараться придумать все, что̀ возможно, чтобъ заставить тебя поразмыслить, чтобы спасти тебя. Если ты останешься со мною, Мишель, не для меня, я это вполнѣ буду сознавать и готово ли это новое испытаніе. Можетъ-быть чувство твоей *привязанности* не окажется достаточно сильнымъ, чтобъ удержать тебя, — хотя ты и стараешься меня убѣдить въ противномъ, этого я очень боюсь. Но я призываю на помощь долгъ, значеніе котораго понимаетъ подобный тебѣ человѣкъ даже и въ чаду своихъ заблужденій; я призываю твое вниманіе на интересы твоего положенія, которыхъ ты не можешь забывать, потому что это такты и интересы твоихъ дѣтей. Умоляю тебя, подумай объ этихъ двухъ несчастныхъ малюткахъ! Представляешь ли ты себѣ какъ я беру ихъ за руку, чтобъ увести ихъ изъ твоего дома, слышишь ли ты какъ я говорю имъ:— „Мы уходимъ... Папа не желаетъ болѣе имѣть насъ?..“—Поразмысли еще, если только твое сердце даетъ тебѣ возможность размышлять. по крайней мѣрѣ будь съ собою такъ же откровененъ, какъ былъ ты откровененъ со мною: не пускайся въ разсужденія, не строй софизмовъ, не трать понапрасну усилій на то, чтобы согласить свою совѣсть съ своими желаніями; или признай, что у тебя уже нѣтъ ни силы на добро, ни чувствъ долга, и тогда иди до конца своей страсти, какъ потерпѣвшій крушеніе, который отдается на волю волнъ, какъ слѣпецъ, который уже болѣе не видитъ передъ собою своего пути.

„Ты мнѣ писалъ, и я тебѣ отвѣчаю. Но мое бѣдное письмо ни въ чемъ не измѣнитъ твоихъ плановъ, я не думаю этого. Но, впрочемъ, какъ знать? Душа у тебя прямая, слишкомъ прямая для того, чтобы слова разума и справедливости не оказали бы на тебя ровно никакого вліянія. Не знаю, что́ сказать тебѣ еще: твое дѣло рѣшиться на что-нибудь. Дѣти тутъ, пока я пишу. Анни спрашивала почему ты не цѣловалъ ее со вчерашняго дня. Развѣ ты ее не видалъ?

„Рѣшайся же, безо всякихъ размышленій. Къ чему еще размышлять? Положеніе крайне просто!

„Прощай!

„Сюзанна“.

Мишель Бланшъ.

„Она не хочетъ ничего слушать, дорогая! Я посылаю вамъ ея письмо, потому что вамъ должны быть извѣстны малѣйшія подробности всего происшедшаго. Послѣ этихъ писемъ мы снова имѣли разговоръ; онъ былъ спокойнѣе нашей первой бесѣды, но столь же рѣшителенъ. Я не подозрѣвалъ въ ней такой энергіи, или вѣрнѣе такого упорства. На все, что бы я ни говорилъ ей, она отвѣчала: „Надобно выбирать!“ Ничего инаго добиться отъ нея невозможно. И я вполнѣ сознаю, что она готова на все.

„Выбирать! но какъ же мнѣ выбирать? Я люблю васъ, теперь особенно, васъ одну, больше чѣмъ когда-либо. Еслибы вы знали, съ какою силой, съ какою пламенностью я стремлюсь къ вамъ! Еслибы вы знали, съ какою радостью я посвятилъ бы вамъ всю жизнь! Но вотъ мною овладѣваетъ нѣчто въ родѣ страха, когда я представляю себѣ, какой переполохъ вызоветъ разрывъ между моею женой и мною. Прошу васъ, Бланшъ, не думайте ни одной минуты, не думайте, чтобы тутъ дѣло шло о какихъ бы то ни было интересахъ или о какомъ бы то ни было честолюбіи. Нѣтъ, но я вижу потрясеніе цѣлой соціальной группы, слышу тотъ ропотъ, который будетъ насъ преслѣдовать всюду, куда бы мы ни скрылись. Ахъ, еслибы я былъ простымъ, частнымъ человѣкомъ! Но Тейсье, дѣятель нравственнаго преобразованія! Признаюсь вамъ, я боюсь этой бури и не стыжусь признаться въ своей боязни: всѣ убѣжденія всей моей жизни возстали бы противъ меня, и въ одно мгновеніе я уничтожилъ бы ту ничтожную крупицу добра, которую мнѣ удалось сдѣлать на своемъ вѣку...

„И это еще не все, Бланшъ! Я думаю о моихъ дѣтяхъ, о моей женѣ... Да, даже и о ней, хотя ея жестокость къ намъ какъ бы и уничтожила во мнѣ всякую къ ней привязанность. Вы помните, я не разъ говорилъ вамъ, что мое чувство любви къ вамъ нисколько не уменьшаетъ моего чувства привязанности къ ней. Но теперь уже не то: всякое чувство привязанности умерло, и я чувствую, какъ вмѣсто него во мнѣ зарождается чувство какой-то злобы. Но въ концѣ-концовъ до такой степени чудовищно несправедливо, чтобъ она была принесена въ жертву, чтобъ она страдала ради насъ, за нашу вину, и не имѣя ничего, въ чемъ бы она могла упрекать себя!.. А страдала бы она

сильно! Даже болѣе того, чѣмъ я могъ ожидать: я ощупалъ ея рану и испытываю и ужасъ, и угрызенія совѣсти при мысли о томъ, что̀ я сдѣлалъ.

„Я ничего не говорю вамъ о дѣтяхъ; ваше сердце говоритъ вамъ о нихъ все, что̀ могъ бы сказать я, и даже больше, потому что ваше сердце лучше моего.

„А затѣмъ, я думаю о васъ, о васъ, которую я люблю, о васъ, любовь которой я знаю. И что же! если страданія придутся не на ихъ долю, не на ея долю, то, слѣдовательно, на вашу долю! Но вѣдь это такъ же несправедливо, такъ же жестоко!.. О, какъ я сознаю свое преступленіе! какъ было низко съ моей стороны вызывать вашу любовь! Зачѣмъ не хватило у меня силы молчать, пока было еще время? Вы, вы можете меня простить, но самъ я никогда не прощу себѣ!..

„И вотъ, вы понимаете, я совсѣмъ теряюсь, колеблюсь, то рѣшаюсь на одно, то на другое. Въ сущности, я ни на что̀ не въ состояніи рѣшиться. И я не хочу просить васъ рѣшать за меня; это было бы новою низостью. Тѣмъ болѣе я заранѣе знаю, какое было бы ваше рѣшеніе; я слишкомъ хорошо знаю ваше благородство, чтобъ имѣть въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшее сомнѣніе.

„Среди всего этого надобно ходить, двигаться, жить, говорить, дѣйствовать. Сегодня я долженъ говорить въ палатѣ, какъ будто голова моя свободна и нѣтъ этой ужасной муки въ сердцѣ. Бланшъ, возлюбленная моя Бланшъ, я желалъ бы найти самыя нѣжныя слова, чтобы написать ихъ вамъ, а также и самыя грустныя, чтобы выразить вамъ весь мракъ моей души. Еслибъ я могъ надолго уйти въ самого себя, долгое время думать, размышлять, можетъ-быть въ концѣ-концовъ я и отыскалъ бы какъ-нибудь выходъ. Но существуетъ жизнь, которая мнѣ мѣшаетъ думать точно такъ же, какъ она мѣшаетъ мнѣ принадлежать вамъ.

„Но, вы знаете, довольно одного вашего слова, и я бросаю все и уѣзжаю съ вами. Мы уѣхали бы далеко-далеко, въ такую страну, гдѣ насъ никто не знаетъ, на другой континентъ. Мы могли бы все позабыть въ объятіяхъ другъ друга. Бланшъ, вотъ что̀ говоритъ мнѣ мое сердце; скажите, хотите ли вы?

„Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! И однако же это было бы возможно, еслибы вы того захотѣли, еслибъ у васъ на это было достаточно силъ, еслибъ у меня у самого было бы достаточно

силы. И почему бы намъ не имѣть этой силы? Вмѣстѣ мы могли бы ничего не бояться, презирать всякія опасности!

„Но, какъ вы говорите, мы не могли бы быть счастливы, мы не могли бы отдѣлаться отъ самихъ себя.

„Еслибы, по крайней мѣрѣ, я страдалъ бы одинъ! Но нѣтъ, именно я былъ слабъ, именно я совершилъ преступленіе, а вамъ и ей приходится изъ этого страдать. Я просто не въ состояніи думать о содѣянномъ мною злѣ, оно доводитъ меня до полнаго отчаянія.

„Бланшъ, неужели я долженъ проститься съ вами? Дайте мнѣ еще подумать, подумать и поискать выхода. Долженъ же существовать какой-нибудь выходъ. Мы отыщемъ его. Невозможно, чтобы жизнь наша была разбита и чтобы для насъ больше не было никакого счастія. До свиданія, дорогая, я не говорю вамъ прощайте.

„Мишель.“

Бланшъ Мишелю

„Какъ мы были слѣпы, Мишель! Теперь я такъ ясно вижу истинный путь, которому мы должны были слѣдовать съ самаго начала! Наша любовь преступна уже потому, что она существуетъ: мы были уже виновны тогда, когда она зарождалась въ нашемъ сердцѣ и когда мы не сдѣлали ничего, чтобы воспрепятствовать ея развитію. Вотъ тогда-то мы и должны были подавить въ себѣ это чувство. Мы этого не сдѣлали, мы были слабы, мы поддались своимъ собственнымъ софизмамъ. Теперь намъ приходится искупать свою вину. Это справедливо.

„Вы строги по отношенію къ вашей женѣ, мой другъ: не забывайте того, что обиженная она. Если она медлитъ своимъ прощеніемъ, вы не имѣете права раздражаться этимъ. Думайте о томъ, что вы разбили въ ней; думайте о томъ, что если довѣріе разъ уничтожено, то возобновиться оно можетъ не скоро, думайте о томъ, что надобно много терпѣнія, много смиренія и много жертвъ для того, чтобы побѣдить ея сердце.

„Что до меня, я жаловаться не буду; беззаконная любовь заключаетъ въ себѣ свое наказаніе, тѣмъ хуже для тѣхъ женщинъ, которыя рѣшаются на подобную любовь. Впрочемъ время умиленія надъ самимъ собою для насъ миновало; намъ слѣдуетъ примириться съ тѣмъ, что есть, и постараться какъ можно лучше поправить сдѣланное нами зло. Мы усыпили свою совѣсть, чтобы

слушаться только нашего сердца. Это было дурно: сердце плохой совѣтникъ. Теперь совѣсть мститъ за себя.

„Я прочла письмо Сюзанны; у нея больше здраваго смысла чѣмъ у насъ. На ея мѣстѣ я разсуждалъ бы какъ она, или почти такъ же, какъ она. Правда, жизнь не романъ. О, Боже мой, нѣтъ! Съ нашей стороны нелѣпо, что мы не хотимъ принимать жизнь такою, какова она есть, а, напротивъ, стремимся во что бы то ни стало наполнить ее своими мечтаніями. Еслибы мы представили все наше дѣло на усмотрѣніе третьихъ лицъ, то они бы не поняли насъ, они стали бы смѣяться надъ нами, и мнѣ кажется, они были бы правы. Спросить себя, какъ стали бы вы сами судить человѣка въ вашемъ положеніи, человѣка серьезнаго, напримѣръ одного изъ вашихъ сотоварищей, я разумѣю одного изъ тѣхъ, которыхъ вы уважаете, еслибы вы услыхали какъ онъ говоритъ о томъ, чтобы пожертвовать всѣмъ ради романтической любви, отъ которой ему нечего ожидать? Вы осудили бы его, вы сказали бы: „Онъ сошелъ съ ума“, и еслибы вы имѣли надъ нимъ какое-нибудь вліяніе, то употребили бы всѣ старанія, чтобы вернуть его къ долгу. Вернитесь же къ вашей семьѣ, Мишель, и не думайте болѣе обо мнѣ. Мое будущее такъ же крайне просто. Почему же мнѣ не выдти замужъ? Развѣ я чѣмъ-нибудь выше другихъ, чтобы не устроить свою жизнь какъ другія? Мы живемъ въ свѣтѣ, мы должны слѣдовать законамъ и обычаямъ свѣта; будемъ же подобно свѣту избѣгать всего, что можно назвать преувеличеніемъ, крайностью.

„Еслибы только у меня была любовь матери! Но еслибы это было такъ, то любовь матери сумѣла бы уберечь меня отъ горя. Я обратилась бы къ ней, я ей повѣрила бы мою горькую любовь, она защитила бы меня отъ меня самой! Увы! у меня были только вы! Я была любящею и была лишена самаго заряднаго сочувствія. Я полюбила тамъ, гдѣ встрѣтила любовь, потому что мнѣ хотѣлось жить. Еслибъ я была счастлива, вы бы не полюбили меня, я въ этомъ увѣрена, и никогда не рѣшились бы заговорить со мною о любви.

„Но прежде всего я желаю успокоиться относительно васъ, Мишель, я желаю надѣяться, что ваша жизнь не испорчена. Припомните вашей столь строгой и столь прямой женѣ, что она обѣщала быть съ вами какъ въ счастливые, такъ и въ темные дни. Неужели же она васъ покинетъ при первой ошибкѣ съ вашей стороны? Неужели же она способна въ одно мгновеніе

позабыть о всѣхъ годахъ счастія, которые вы ей дали? О, еслибъ я была на ея мѣстѣ, то меня не зачѣмъ было бы убѣждать простить васъ! Я сумѣла бы васъ вернуть къ себѣ нѣжностью и снисходительностью.

„Я немедленно уѣзжаю въ Ліонъ и полагаю пробыть тамъ долго, такъ долго какъ того потребуетъ нашъ общій интересъ. Потомъ и потомъ любовь наша уже почти отойдетъ въ область далекаго прошлаго... Можетъ-быть я выйду замужъ, не все ли равно что̀ станется со мною, если я не могу принадлежать вамъ?

„Но я буду всегда, всегда любить васъ.

„Бланшъ.“

„P. S. Не пишите мнѣ болѣе, я не стану отвѣчать. Надобно кончить, дѣйствительно все кончить. Я посылаю вамъ безвозвратное прости.

Мишель къ Монде (письмо писанное три дня спустя послѣ предыдущихъ писемъ).

„Любезный другъ,

„Пишу тебѣ послѣ бури, среди развалинъ всего, что красило мнѣ жизнь, что дѣлало ее почти счастливою. Ты былъ правъ, Сюзанна знала все, и знала все съ самаго дня твоего посѣщенія. Она скрывала свою муку пока только была въ силахъ: она должна была сильно страдать, потому что отъ природы она очень общительна и подобное бремя на сердцѣ должно было казаться ей крайне тяжелымъ. Но наконецъ наступила такая минута, когда она не была болѣе въ состояніи сдерживать своихъ горькихъ и мучительныхъ чувствъ. И тогда у нея произошелъ взрывъ, безо всякаго новаго повода, изъ-за пустяка.

„Первое наше объясненіе было такъ внезапно, такъ мало разсчитано съ ея стороны, такъ непредвидѣнно съ моей стороны, что оба мы лишились хладнокровія, и всѣ слова, которыя мы говорили другъ другу, она, обвиняя меня, я, защищаясь, только еще болѣе растравили наши раны. Это нѣсколько походило, мнѣ кажется, на сцену на театрѣ. Я находилъ только такія слова, которыя не достигали цѣли. Она едва слушала меня и только повторяла, что она уйдетъ изъ дома, если я не дамъ ей обѣщанія совершенно порвать съ Бланшъ; даже она требовала, чтобъ я немедленно сдѣлалъ свой выборъ. Я почти убѣжалъ; это было единственное средство къ тому, чтобы положить конецъ разговору, который обоихъ насъ только еще болѣе раз-

дражалъ. Кромѣ того я имѣлъ наивность думать, что когда она болѣе ознакомится со свойствомъ нашего чувства и узнаетъ каковы наши отношенія, гнѣвъ ея успокоится и уступитъ мѣсто ея обычному великодушію. И потому я ей написалъ полную и откровенную исповѣдь того, что происходило между нами и во мнѣ самомъ. Бланшъ по моему совѣту также написала ей. Тщетныя старанія! Ничто изъ того, что мы говорили, нисколько ее не тронуло. Бѣдная Бланшъ, со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ, такъ чудесно сочетающимся у нея съ удивительною чуткостью, тотчасъ же сообразила положеніе: безъ малѣйшихъ колебаній она тотчасъ же предложила уѣхать, не видаться болѣе со мною, исчезнуть изъ моей жизни. Не находишь ли ты, что такое великодушное предложеніе должно было вызвать и великодушный отвѣтъ? Но нѣтъ; все, что бы мы не писали Сюзаннѣ, только еще болѣе возбуждало ее. Каждое наше слово, каждое наше признаніе, все сильнѣе и глубже задѣвали ея сердце и ея самолюбіе. Боюсь особенно ея самолюбіе, потому что на мой взглядъ оно-то болѣе всего и страдало, и возбуждалось. Сердце, которое страждетъ, не имѣетъ злобы, только оскорбленная гордость возмущается и ухудшаетъ человѣка. Но надобно думать, что большинство женщинъ таковы и что самолюбіе у нихъ всегда бываетъ наравнѣ съ чувствомъ.

„Послѣ нашего безполезнаго обмѣна письмами у насъ былъ вторичный разговоръ. Увѣряю тебя, онъ былъ весьма странный. Рѣзкость исчезла: мы оба были чрезвычайно спокойны и степенно бесѣдовали, какъ люди, обсуждающіе вопросъ второстепенной важности, каждый выставлялъ свои основанія. Я говорилъ ей, что полный разрывъ съ Бланшъ для меня невозможенъ, потому что это походило бы на низость; что разрывъ этотъ былъ бы замѣченъ всѣми, кто знаетъ существующую между нами близость; что требовать этого разрыва значило бы воздвигнуть между нами нѣчто непоправимое. Я старательно доказывалъ ей, что въ сущности ей выпадаетъ лучшая доля, потому что мы находимся въ ея власти и признаемъ ее самою сильною изъ насъ. Я предлагалъ ей уступки: видаться съ Бланшъ очень рѣдко, или даже вовсе не видаться, а только переписываться съ нею.

„— Просьба о такомъ разрѣшеніи, говорилъ я, безъ чего мнѣ было бы такъ легко обойтись, развѣ не служитъ лучшимъ доказательствомъ покорности и благихъ намѣреній?..

„Она мнѣ отвѣчала съ дѣланымъ и раздражающимъ спокойствіемъ, что она желаетъ или всего, или ничего; что мы ее оскорбили и что она вправѣ требовать удовлетворенія; что она слишкомъ страдала сама, чтобы соболѣзновать нашимъ вполнѣ заслуженнымъ страданіямъ; что она больше не думаетъ ни о насъ, ни о свѣтѣ, а лишь о себѣ, лишь объ одной себѣ; что мои уступки являются можетъ-быть и безсознательными увертками и что она не желаетъ и слушать о нихъ.

— „Пока между вами будетъ существовать какая бы то ни было связь, ты будешь продолжать любить ее, твердила она мнѣ. И затѣмъ какъ мнѣ знать, держите ли вы ваши обѣщанія? Вы мнѣ лгали въ теченіе года, будете и еще лгать: я желала бы вамъ вѣрить, не могу...

„Мы разговаривали такимъ образомъ долго, она все болѣе выигрывала почвы, я все болѣе терялся. Потомъ вдругъ спокойствіе ее покинуло, она залилась слезами и воскликнула:

— „О, я очень хорошо вижу, что ты предпочитаешь ее и что я буду принесена въ жертву!

„Я почти готовъ думать, что это было комедіей, такъ кстати являлись эти слезы, чтобъ окончательно смутить мою совѣсть и окончательно побѣдить меня. Я не могъ видѣть ея слезъ. Я уступилъ подъ вліяніемъ досады и на нее, и на себя, а также и съ отчаянія.

— „Нѣтъ, сказалъ я, ты не будешь жертвой, потому что ты наименѣе великодушная. Какъ и всегда лучшій человѣкъ будетъ всѣхъ болѣе страдать!..

„Разумѣется было безполезно такъ оскорблять ее: и чрезъ минуту я уже раскаявался въ этихъ дурныхъ словахъ, столь же мало великодушныхъ, какъ и ея требованія. Но у меня было какое-то непреодолимое желаніе заставить ее страдать изъ-за жертвы, которой ей удалось отъ меня добиться.

„Теперь все кончено. Понемногу наступаетъ успокоеніе, я разумѣю внѣшнее, потому что въ душѣ я...

„Бланшъ уѣхала вчера въ Ліонъ, какъ она мнѣ и говорила. Она уѣхала не простившись со мною, чтобы доказать мнѣ, безъ сомнѣнія, что приносимая ею жертва рѣшительная, что она уѣзжаетъ безо всякой задней мысли, безо всякой надежды. Бѣдная, бѣдная дорогая Бланшъ! Какъ она будетъ страдать! Только я одинъ могу знать это, потому что только единственно я и постигъ тайну этой глубокой души, которая вся состоитъ изъ нѣж-

ности и потребности любви. Еслибы ты только зналъ до какой степени меня терзаетъ сознаніе того зла, которое я ей причинилъ! Да, мнѣ представляется, что я испортилъ ея жизнь, что я заронилъ въ ея сердце сѣмя страданія, котораго никакое счастіе въ будущемъ, если только оно суждено ей, не въ силахъ будетъ исторгнуть. И я ничего, ничего не могу для нея сдѣлать, у меня нѣтъ никакого средства для исправленія того зла, въ которомъ я виновенъ, я даже не могу сказать ей слово утѣшенія, не могу даже дать ей знать, что я страдаю тѣмъ же страданіемъ и не забываю ее! И мнѣ кажется, что любовь моя еще пріумножилась вслѣдствіе обнаруженнаго ею великодушія. До сихъ поръ, въ сущности, я только и зналъ, что любилъ ее: теперь я ей поклоняюсь. Она мнѣ представляется однимъ изъ тѣхъ исключительныхъ созданій, которыя сіяютъ особеннымъ свѣтомъ на сѣроватомъ болѣзненномъ фонѣ человѣческаго рода, она мнѣ представляется одною изъ тѣхъ высокихъ душъ, въ которыхъ соединяются лучи всего добраго, всего великаго, всего святаго...

„Что будетъ между мною и Сюзанной? Какова отнынѣ будетъ наша семейная жизнь съ этимъ разъединяющимъ насъ воспоминаніемъ? Да, съ этимъ воспоминаніемъ, котораго ничѣмъ не избудешь! Теперь я узналъ свою жену: ей нужны цѣлые годы для того, чтобы простить, если только простить она въ состояніи. Да и у меня также есть какое-то злобное чувство противъ нея; она была въ своемъ правѣ, я это сознаю, но она могла бы и не доходить до жестокости. Выказать себя великодушною было бы просто ловкимъ поступкомъ съ ея стороны, потому что я не принадлежу къ числу людей, поддающихся силѣ. Да, во мнѣ таится противъ нея чувство злобы: точно будто я заглянулъ въ самую глубь ея сердца и нашелъ его и хуже, и менѣе чистымъ чѣмъ предполагалъ. Мнѣ представляется, что мы два товарища, которые ужь болѣе не понимаютъ другъ друга, которые имѣютъ какія-то глухія основанія къ взаимному недовѣрію и взаимному чувству антипатіи, которые наблюдаютъ другъ за другомъ, стараются взаимно уловитъ другъ друга въ проступкѣ, но которыхъ неразрывно связываетъ между собою общность взаимныхъ интересовъ или обязанностей. Вотъ уже три дня какъ мы избѣгаемъ другъ друга, взвѣшиваемъ каждое свое слово, обмѣниваемся между собою только самыми незначительными фразами. Каждый изъ насъ идетъ своей дорогой. Когда я возвращаюсь

домой, меня принимають почти какъ посторонняго человѣка, котораго переносятъ только потому, что не могутъ выгнать вонъ. Дѣти, какъ мнѣ кажется, тоже перемѣнились: бѣдныя дѣвочки какъ будто о чемъ-то догадываются и держатся матери. Вокругъ меня гаснетъ малѣйшая искра какой бы то ни было привязанности...

„Ты можешь вообразить себѣ насколько я чувствую себя несчастнымъ. Я знаю, что я самъ въ этомъ виноватъ, но мнѣ отъ этого не легче, наоборотъ. И неужели же я такъ виновенъ? Какъ могъ бы я бороться противъ этого чувства, которое совершенно незамѣтно для меня овладѣло мною? Человѣкъ не сильнѣе своего сердца. Все, что я могъ дѣлать, это сдерживать его; и это уже много. Я не дурной, не испорченный человѣкъ; у меня была только безграничная потребность въ любви. Но къ чему разсуждать, отыскивать причины и оправданія? Допустимъ, что я вполнѣ виновенъ, что я негодяй, что я преступникъ... я только еще болѣе вслѣдствіе этого страдаю и только и думаю что о своемъ страданіи.

„Пиши мнѣ, мой добрый другъ, прошу тебя, потому что вѣдь ты единственный человѣкъ, съ которымъ я могу говорить вполнѣ откровенно.

„Впрочемъ, ожидай того, что мы скоро пріѣдемъ въ Аннесу. Въ этомъ году я возьму отпускъ, постараюсь даже ускорить себѣ каникулы. Работать становится для меня невыносимымъ, и ты легко можешь представить себѣ какимъ тяжкимъ гнётомъ давятъ меня мои занятія, мои дѣла, моя роль. Мнѣ хотѣлось бы забиться въ какую-нибудь дыру, какъ какому-нибудь раненому животному, чтобы видѣть только свое горе, прислушиваться только къ своему страданію.

„Твой Мишель Тейсье“.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эдуардъ Родъ.

ПЕЧАТНЫЙ ПЕЧЕРСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

I.

Житія святыхъ появились въ Церкви Христовой съ самыхъ первыхъ вѣковъ ея земнаго существованія. Желаніе сохранить память о великихъ трудахъ святыхъ на славу и умноженіе Церкви, а вмѣстѣ и передать ея умножающимся сынамъ живые уроки христіанскаго благочестія и христіанскаго мужества въ борьбѣ съ „княземъ міра сего"—заставило первыхъ христіанъ записывать славныя событія жизни святыхъ и дивные подвиги мучениковъ. Съ расширеніемъ земныхъ предѣловъ Церкви, съ умноженіемъ ея святыхъ подвижниковъ, житія увеличивались и распространялись все больше и больше. Новые христіане, не всегда готовые къ принятію высокаго христіанскаго богословія, но всегда жаждавшіе жизнію своею исповѣдать великое Христово ученіе, нуждались именно въ такого рода урокахъ. Именно изъ житій, доступныхъ всякому возрасту и всякому пониманію, они научались и христіанскому богословію и христіанскому благочестію. Въ житіяхъ они находили изложеніе того, что нужно исповѣдать, и правило того, какъ нужно исповѣдать Христово ученіе, чтобы быть христіаниномъ. Само собою понятно, что такая потребность и проповѣдническая служба житій святыхъ съ ранняго времени содѣйствовали весьма большому распространенію ихъ.

Кромѣ житій отдѣльныхъ святыхъ, въ Церкви весьма рано начали появляться цѣлые *сборники* житій и изреченій отцовъ, подвизавшихся въ различныхъ обителяхъ и пустыняхъ. Такіе

сборники, по главному содержанію ихъ, составлявшемуся изъ изреченій и житій *отцовъ*, назывались Отечниками, а по-гречески Патериками. Нѣкоторые изъ нихъ составлялись однимъ извѣстнымъ лицомъ, а нѣкоторые собирались и составлялись въ разное время и разными лицами. Изъ числа первыхъ извѣстны: *Лавсаикъ*, епископа Палладія, жившаго въ IV вѣкѣ, *Исторія Боголюбцевъ*, Блаженнаго Θеодорита, епископа Кирскаго, умершаго въ 457 году, *Лимонарь*, монаха Іоанна Мосха, умершаго въ 620 году, и *Собесѣдованіе* папы св. Григорія Двоеслова, умершаго въ 604 году. Кромѣ этихъ четырехъ сборниковъ житій на Востокѣ были весьма распространены Патерики, собиравшіеся разными лицами и въ разное время. Такіе Патерики содержали въ себѣ житія и изреченія святыхъ, подвизавшихся въ одной какой-либо мѣстности, или однимъ подвигомъ, отъ имени которыхъ они и получали свое названіе, таковы, напримѣръ, Скитскій Патерикъ, Египетскій. Или же въ азбучномъ порядкѣ записывались имена подвижниковъ съ ихъ изреченіями и житіями. Такъ составился Патерикъ Азбучный.

Вскорѣ послѣ просвѣщенія Руси христіанствомъ, и у насъ появились, вмѣстѣ съ другими церковными книгами богослужебными и назидательными, восточные Патерики, переведенные на славянскій языкъ. Такъ, академикъ Срезневскій относитъ славянскія рукописи патериковъ Синайскаго и Скитскаго къ XII и XIII вѣкамъ. Съ XVI вѣка въ различныхъ рукописныхъ собраніяхъ сохранилось уже значительное количество Патериковъ. Но эти переведенные восточные Патерики не были на Руси единственными.

Въ Русской Церкви, съ первыхъ лѣтъ ея существованія, явились свои святые, способствовавшіе своимъ ученіемъ и подвигами утвержденію у насъ вѣры Христовой. Благоговѣйная память о великихъ трудахъ ихъ и глубокая назидательность ихъ святой жизни заставили нашихъ первыхъ дѣеписателей предать письмени все, что они сами видѣли, или что слышали о нихъ. Такъ весьма рано явились у насъ житія первыхъ русскихъ страстотерпцевъ святыхъ князей Бориса и Глѣба и одного изъ святыхъ основателей Кіево-Печерской Лавры, преподобнаго игумена Θеодосія, написанныя первымъ русскимъ лѣтописцемъ, преподобнымъ Несторомъ, монахомъ Печерскимъ. Такъ какъ каждая область Русской земли, южная, восточная и сѣверная, имѣла своихъ святыхъ подвижниковъ, то житія ихъ скоро обособились

въ отдѣльныя мѣстныя собранія, или мѣстные сборники, получившіе названіе, по мѣсту прославленія святыхъ, Патериковъ Печерскаго, Владимірскаго и Соловецкаго.

Началомъ Патерика Печерскаго послужило одно случайное, повидимому, обстоятельство.

Въ началѣ XIII вѣка (по лѣтописи, съ 1214 до 1226 года) епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ былъ св. Симонъ, мужъ учительный и книжный, изъ черноризцевъ Печерскаго монастыря. Въ Печерскомъ монастырѣ въ это время пребывалъ его „братъ" и духовный сынъ, черноризецъ Поликарпъ. Св. епископъ съ большою заботливостью относился къ этому умному иноку, и Поликарпъ со своей стороны питалъ смиренное уваженіе и полное довѣріе къ своему „господину". Отличный умъ и примѣрная жизнь настолько выдвинула его изъ общаго ряда Печерскихъ иноковъ, что многіе монастыри желали имѣть Поликарпа своимъ настоятелемъ, а княгиня Верхуслава сильно хотѣла доставить ему санъ епископа. Св. Симонъ не допустилъ исполниться ея желанію. Онъ не видѣлъ еще въ юномъ Поликарпѣ той высоты христіанскаго смиренія, потребной для столь великаго служенія, когда и въ отличнѣйшихъ подвигахъ добродѣтели христіанинъ видитъ свой простой и обыкновенный долгъ и отличныя способности своего ума считаетъ за даръ Божій и орудіе Его воли. Очевидно Поликарпъ былъ не чуждъ высокомѣрія и честолюбія. Видя недостатки и дурные поступки другихъ, онъ высоко цѣнилъ себя и свои достоинства. Снѣдаемый честолюбіемъ, онъ желалъ высшихъ степеней и не былъ спокоенъ, если не оказывали ему должнаго уваженія. Недовольный то настоятелемъ, то братіею, онъ не разъ покушался оставить монастырь Печерскій, чтобы принять игуменство въ другомъ монастырѣ.

Въ одну изъ минутъ такого смущеннаго расположенія онъ и описалъ въ письмѣ всѣ свои досады и огорченія и письмо это послалъ къ своему господину, Св. епископу Симону. „А еже вписалъ ми еси досаду свою, лютѣ тебѣ!" отвѣчалъ ему Св. епископъ. Отвѣтъ былъ убѣдительный и строгій. Св. Симонъ понималъ, какіе помыслы обуревали Поликарпа, понималъ и великую опасность ихъ на пути иноческой жизни. Чтобы заставить Поликарпа не покидать Печерскаго монастыря, въ которомъ онъ рѣшилъ проводить свои дни, Св. Симонъ и отправилъ ему свое „Посланіе". Въ немъ онъ описалъ Поликарпу, въ поучительный

примѣръ, житія нѣкоторыхъ подвижниковъ, которые самоотверженіемъ и твердостію въ вѣрѣ прославили Печерскій монастырь. Въ немъ же онъ представилъ на примѣрахъ и ужасныя послѣдствія поступковъ, противныхъ духу христіанства, которыхъ иноку всячески убѣгать должно. Въ заключеніи, въ доказательство необычной славы Печерскаго монастыря, Св. Симонъ передалъ сказаніе о чудесномъ созданіи церкви Печерской.

Это Посланіе Св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго и было зерномъ будущаго Патерика Печерскаго. Въ немъ, въ этомъ Посланіи, житія святыхъ не отдѣльно каждое описаны, но приводятся какъ поучительные примѣры въ разныхъ, иноку приличныхъ, добродѣтеляхъ, наставленіе въ коихъ и составляетъ собственно предметъ Посланія.

Получивъ это Посланіе, Поликарпъ, надо думать, рѣшительно смирилъ свои помыслы и остался въ Печерскомъ монастырѣ. Въ это время ревность о славѣ, пріютившей его обители, заставила самого Поликарпа принять участіе въ сохраненіи памяти о святыхъ подвижникахъ, возвеличившихъ и прославившихъ Печерскій монастырь. Съ этою цѣлью онъ и изложилъ, въ формѣ Посланія къ печерскому архимандриту Акиндину, житія святыхъ Печерскихъ, которыя слышалъ отъ своего „господина“, Св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго.

Эти два посланія—Св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, къ Поликарпу и черноризца Поликарпа къ Печерскому архимандриту Акиндину—и составили собою первоначальный Печерскій Патерикъ, благодаря тѣмъ житіямъ печерскихъ святыхъ, которыя въ нихъ переданы.

Въ послѣдующее время къ этому первоначальному Печерскому Патерику прибавлялись житія и сказанія другихъ составителей, имѣвшія своимъ содержаніемъ какъ первоначальную, такъ и послѣдующую исторію Печерскаго монастыря. Такъ къ первымъ двумъ Посланіямъ было прибавлено житіе Св. Ѳеодосія, игумена Печерскаго, составленное преподобнымъ Несторомъ, а также житія нѣкоторыхъ Печерскихъ святыхъ и сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, взятыя изъ Несторовой лѣтописи. Такимъ образомъ и составился рукописный Печерскій Патерикъ, въ составъ котораго вошли житія святыхъ Печерскаго монастыря и сказанія о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ его исторіи. Содержаніе его слѣдующее:

1. Житіе Святаго Θеодосія, игумена Печерскаго, описанное Преподобнымъ Несторомъ.

2. Похвала Святому Θеодосію, неизвѣстнаго составителя.

3. Посланіе Св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, содержащее въ себѣ житіе угодниковъ Печерскихъ и сказаніе о созданіи церкви Печерской.

4. Посланіе черноризца Поликарпа къ Акиндину, архимандриту Печерскому, заключающее въ себѣ также житія Печерскихъ угодниковъ.

5. Житія святыхъ Даміана, Іеремія, Матθея и Исакія, сказанія объ обрѣтеніи мощей Св. Θеодосія и о началѣ Печерскаго монастыря, взятыя изъ Несторовой лѣтописи.

6. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Патерика находятся еще двѣ краткія выписки: одна изъ Новгородской лѣтописи о блаженномъ Нифонтѣ, архіепископѣ Новгородскомъ, другая изъ Кіевской лѣтописи объ избраніи попа Василія на мѣсто умершаго архимандрита Поликарпа въ 1182 году.

7. Въ одномъ спискѣ Патерика помѣщена служба преподобному Θеодосію.

8. Въ нѣкоторыхъ спискахъ находится сочиненіе подъ названіемъ: отвѣтъ Θеодосія на вопросъ великаго князя Изяслава о Латинахъ.

Такого содержанія рукописный Печерскій Патерикъ сохранился во многихъ спискахъ, не одинаковыхъ по полнотѣ этого содержанія и по порядку его расположенія. Много разъ Патерикъ списывался разными лицами, въ разное время и для разныхъ цѣлей. Поэтому-то въ различныхъ спискахъ его и наблюдается теперь не одинаковая полнота и не одинаковый строй содержанія. Такихъ измѣненій рукописный Печерскій Патерикъ за два съ половиной столѣтія (отъ 1406 года до половины XVII вѣка) потерпѣлъ пять, какъ можно судить по сохранившимся до нашего времени спискамъ. Древнѣйшій изъ сохранившихся списковъ Печерскаго Патерика относится къ 1406 году и составленъ „замышлениемъ Боголюбиваго Епископа Арсенья Тфѣрьскаго“. Послѣднее по счету и по времени измѣненіе въ составѣ рукописнаго Печерскаго Патерика было совершено въ половинѣ XVII вѣка, когда „Патериконъ Кіево-Печерскій... мало пространнѣе... сочиненъ и воедино совокупленъ тщаніемъ и по-

велѣніемъ боголюбиваго архимандрита святыя великія, пресвѣтлыя царскія Лавры Печерскія киръ Іосифа Тризны“ (1647—1656).

Между этими предѣлами времени совершены были въ XV вѣкѣ еще три измѣненія въ составѣ Патерика, изъ которыхъ два— въ 1640 и 1642 годахъ—„повелѣніемъ смиреннаго інока Касіана уставьника Печерскаго“. [1]

II.

Въ 1661 году Патерикъ Печерскій былъ напечатанъ въ первый разъ на славянскомъ языкѣ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Незадолго предъ этимъ, въ той же Лаврѣ, онъ былъ впервые напечатанъ въ 1635 году, по желанію Кіевскаго митрополита Петра Могилы, Сильвестромъ Коссовымъ, епископомъ Мстиславскимъ, Оршанскимъ и Могилевскимъ, но на польскомъ языкѣ. Поэтому печатный славянскій Патерикъ 1661 года по справедливости можетъ-быть названъ первопечатнымъ. Это изданіе представляетъ собою дальнѣйшее измѣненіе содержанія Патерика Печерскаго, по счету шестое, если измѣненіе Іосифа Тризны можно назвать пятымъ. Всѣ эти измѣненія производились всякій разъ новыми составителями Патерика Печерскаго и зависѣли отъ тѣхъ цѣлей, которыя полагались для его составленія.

„Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого-либо человѣка“, говоритъ епископъ Макарій въ своемъ „Обзорѣ“. „Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали Патерика. Первый составилъ только Житіе Преп. Ѳеодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ Печер-

---

[1] Подробнѣе о рукописномъ Печерскомъ Патерикѣ смотри слѣдующія статьи и изслѣдованія: *А. М. Кубарева*, «О Патерикѣ Печерскомъ», въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1847 года, № 9, I, 1—40 стр.; „О редакціяхъ Патерика Печерскаго вообще“, ibid., 1856 года, книга 3, I, 95—128 стр.; *Макарія, Епископа Винницкаго*, «Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ“, въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности», томъ пятый, 1856 г., 129—167 ст.; *В. М. Ундольскаго* „Іосифъ Тризна, редакторъ Патерика Печерскаго“, въ «Чтеніяхъ И. О. И. и Древн. Р.», 1846 года, № 4, IV, 5—10 стр.; *Владиміра Яковлева* „Древне-Кіевскія религіозныя сказанія“, Варшава, 1875 года, и „Памятники Русской литературы XII и XIII вѣковъ“, Спб., 1872 года, и *М. А. Викторовой* „Составители Кіево-Печерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба“, Воронежъ, 1871 года.

скихъ. Второй написалъ свое Посланіе къ частному лицу, въ назиданіе которому упомянулъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое Посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ и дѣлаетъ обращеніе къ частному лицу". Писанія этихъ трехъ лицъ и послужили основаніемъ Патерика Печерскаго. Дальнѣйшіе, уже *не писатели*, а *составители* Патерика Печерскаго пользовались ихъ трудами, какъ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго *составляли* одну цѣльную, особую книгу, подъ названіемъ Патерика Печерскаго. Поэтому, когда начали изъ отдѣльныхъ сочиненій составлять общій Патерикъ, то могли поступать двоякимъ образомъ: „или такъ, чтобы сочиненія эти сохранить въ подлинномъ видѣ безъ всякой перемѣны, соединивъ только ихъ въ одинъ сборникъ, или такъ, чтобы, принявъ эти сочиненія за основаніе Патерика, воспользоваться ими по усмотрѣнію, дополнить ихъ другими свѣдѣніями и статьями, относящимися къ Печерскому монастырю, и изъ всего вмѣстѣ образовать такой сборникъ, который бы, соотвѣтствуя идеѣ Патерика, имѣлъ въ виду одну цѣль—представить рядъ жизнеописаній Св. Отцовъ Печерскихъ для назидательнаго чтенія благочестивыхъ христіанъ."

Первой цѣли—сохраненія писаній Преп. Нестора, Св. Симона и Поликарпа, въ подлинномъ видѣ, цѣли собственно историко-литературной, не имѣлъ ни одинъ изъ составителей Патерика Печерскаго. Не для исторіи и не для литературы писали и Несторъ, и Симонъ и Поликарпъ. „Сеже, якоже, о братіе, въспоминающю ми житіа преподобнаго, не суще же списано ни отъ кого же, печалію по вся дни съдержимо бѣхъ и молихся Богу, да сподобитъ мя вся поряду списати и житіи богоноснаго Отца нашего Ѳеодосіа, *да и по насъ сущіи черноризцы, пріимше писаніе и почитающе, ти видяще мужа доблесть, въсхвалятъ Бога, и угодника его прославяще, на крѣпкій подвигъ укрѣпятся*,—говоритъ Преп. Несторъ въ своемъ предисловіи къ житію Преп. Ѳеодосія: *си на успѣхъ и на устроеніе бесѣдующимъ списати хощу*". „*Разумѣй*, брате, *колика слава и честь манастыря того и стыдився покайся*, и изволи си тихо и безмятежно житіе, къ нему же Господь призывалъ тя есть",—писалъ Св. Симонъ смущенному Поликарпу. Возглаголю дивныхъ и блаженныхъ мужъ житіа, дѣяніа и знаменія, бывшихъ въ святомъ семъ монастыри Печерскомъ... *да и сущіи по насъ черноризци увѣдятъ благодать Божію, быв-*

шую въ святомъ семъ манастырѣ и прославятъ Отца небеснаго, показавшаго таковыи свѣтильникы въ Рустей земли въ Печерскомъ манастырѣ",—писалъ черноризецъ Поликарпъ своему архимандриту Акиндину. Не исторію, и не художественныя произведенія писали всѣ они, но *поучительную* повѣсть о житіяхъ угодниковъ Печерскихъ съ цѣлію *назиданія* своихъ читателей.

Эту же назидательную цѣль имѣли въ виду и всѣ составители Патерика Печерскаго. Они желали дать благочестивымъ читателямъ такую книгу, въ которой соотвѣтственно названію Печерскаго Патерика, говорилось бы о Печерскомъ монастырѣ и объ его святыхъ отцахъ подвижникахъ, въ которой излагалось бы, по возможности, полная и послѣдовательная исторія этого монастыря въ его лучшій періодъ. Но такъ какъ матеріаломъ для ихъ труда служили произведенія разныхъ писателей, не имѣвшія между собою ни связи, ни единства, то долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о Печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы по возможности соотвѣтствовалъ идеѣ Патерика, представлялъ собою одно цѣлое, назидательное для всѣхъ христіанъ православныхъ. Поэтому-то всѣ составители Патерика свободно относились къ готовому матеріалу, которымъ были для нихъ сочиненія Нестора, Симона и Поликарпа, и въ своихъ Патерикахъ придавали имъ такой видъ, какой, по ихъ мнѣнію и силамъ, наиболѣе соотвѣтствовалъ и удовлетворялъ намѣченной ими цѣли. Поэтому сочиненія эти не сохранились въ ихъ Патерикахъ въ подлинномъ неприкосновенномъ видѣ. Такъ, въ древнѣйшемъ рукописномъ Патерикѣ 1406 года, передъ житіями, описанными Симономъ и Поликарпомъ, Посланіе и потомъ всѣ обращенія перваго къ Поликарпу и втораго къ Акиндину выпущены. Очевидно, что составитель Патерика имѣлъ въ виду представить въ немъ одни только житія Печерскихъ угодниковъ. Въ Патерикѣ XV вѣка, Өеодосіевскомъ, какъ его назвалъ преосвященный Макарій, совсѣмъ нѣтъ житія Преп. Өеодосія, тогда какъ есть статьи о крещеніи Св. Ольги, Св. Владиміра и мученичествѣ князя Черниговскаго Михаила. Посланія Св. Симона и Поликарпа въ немъ разорваны на части и перемѣшаны; имена самихъ сочинителей вовсе не упомянуты; напротивъ, вмѣсто ихъ, упоминается имя какого-то Өедосія. Обращенія Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину въ однихъ мѣстахъ оставлены, въ другихъ опущены, въ третьихъ замѣнены обращеніями вообще къ христолюбцамъ.

Кромѣ того, какъ статьи изъ этихъ Посланій, такъ и другія изложены, большею частію, сокращенно и не всегда удачно, имѣютъ нѣкоторыя искаженія и вставки. Въ Патерикахъ 1460 и 1462 годахъ являются еще новыя составныя части, прямо отвѣчающія идеѣ Патерика. Посланія Св. Симона и Поликарпа сохранены въ нихъ въ полномъ видѣ, хотя нѣкоторыя части перваго отдѣлены и помѣщены особо. Въ житіи Преп. Ѳеодосія сдѣланы вставки, о которыхъ рѣчь будетъ послѣ. Патерикъ Іосифа Тризны является самымъ распространеннымъ по количеству составныхъ частей или статей, хотя статьи эти вовсе не относятся къ Патерику Печерскому, а статьи, собственно составляющія Патерикъ, здѣсь разорваны на части и перемѣшаны.—Словомъ, каждый составитель Патерика относился совершенно свободно къ своему матеріалу и измѣнялъ его по собственному усмотрѣнію, желая дать своимъ читателямъ благочестивое и назидательное чтеніе. Отсюда всѣ добавленія, сокращенія, вставки и перестановки въ рукописныхъ Патерикахъ Печерскихъ.

Такую же поучительную цѣль имѣли въ виду и составители первопечатнаго Патерика Печерскаго и сообразно съ этою цѣлію сочли необходимымъ сдѣлать свои измѣненія въ его содержаніи, или, вѣрнѣе сказать, придать Патерику такой видъ и форму, какіе наиболѣе отвѣчали ихъ цѣли. „Поминайте наставники ваша иже глаголаша вамъ слово Божіе, и взирающе на скончаніе жительства ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. XIII, 7), — этотъ стихъ они поставили эпиграфомъ для своего труда, почему и представили въ своемъ Патерикѣ преимущественно *Житія* своихъ „наставниковъ“. Для этой цѣли извѣстія о каждомъ Святомъ они собрали въ отдѣльныя житія и къ этимъ житіямъ прибавили свои вступленія и заключенія. Чтобы составленныя такимъ образомъ житія имѣли цѣльный видъ отдѣльныхъ повѣстей, они многое, что̀ авторы житій говорили отъ лица своего и о себѣ самихъ, исключили, равно измѣнили и порядокъ первоначальнаго повѣствованія, перенеся разныя сказанія съ одного мѣста на другое. Кромѣ всего этого они въ разныхъ мѣстахъ добавили многое свое, или же приписали извѣстному автору то, что̀ ему не принадлежитъ. Языкъ Патерика они точно также поновили, и непонятныя слова замѣнили болѣе понятными. Всѣ эти измѣненія составители дѣлали съ понятною цѣлію придать жизнеописаніямъ болѣе связи и порядка. Въ общемъ ихъ трудъ представляетъ собою поучительную повѣсть о Печерскомъ монастырѣ и его

святыхъ, и въ этомъ отношеніи—цѣльности и назидательности—они достигли возможнаго успѣха: „лучшая изъ всѣхъ редакцій есть, несомнѣнно, редакція печатная“, какъ засвидѣтельствовалъ преосвященный Макарій,—„никакая изъ извѣстныхъ редакцій не можетъ сравниться по достоинству съ печатною и замѣнить ее собою въ церковномъ употребленіи“.

III.

Составители печатнаго Патерика Печерскаго неизвѣстны. Нужно думать, что подготовительныя для печати работы были начаты гораздо раньше 1661 года. Такъ, изображенія для печатнаго Патерика, какъ видно изъ надписей на нихъ, заготовлялись въ 1655—56 годахъ. Можетъ-быть, желаніе напечатать Патерикъ на церковно-славянскомъ языкѣ было современно печатанію Патерика на польскомъ языкѣ. Можетъ-быть, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна трудился надъ составленіемъ Патерика, имѣя въ виду напечатать свой трудъ въ лаврской типографіи. Несомнѣнно извѣстно одно, что Кіевскимъ митрополитомъ до 1657 года былъ Сильвестръ Коссовъ, напечатавшій въ 1635 году Патерикъ на польскомъ языкѣ, а Печерскимъ архимандритомъ въ 1661 году былъ Иннокентій Гизель. Несомнѣнно, они-то и принимали самое большое участіе въ напечатаніи Печерскаго Патерика. Во всякомъ случаѣ въ 1661 году впервые былъ напечатанъ Печерскій Патерикъ на церковно-славянскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Патерикъ или Отечникъ Печерскій, содержащъ Житія Святыхъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ просіявшихъ въ пещерахъ, на три части раздѣленъ. Составленъ треми Печерскими Святыми: Несторомъ лѣтописцемъ Россійскимъ, Сvмономъ Епископомъ Владимерскимъ и Суждалскимъ и Поликарпомъ архимандритомъ Печерскимъ. Повеленіемъ же и Благословеніемъ Пречестнаго о Христѣ Господина отца Іннокентіа Гизеля, милостію Божіею архимандрита Святыя великія чудотворныя Лавры Печерскіа Кіевскіа, исправленъ и типомъ изображенъ. Въ той же святой великой чудотворной Лаврѣ Печерской Кіевской. Ставропигіи Святѣйшаго Патрі-

арха Константинопольскаго. Въ лѣто отъ Созданія Міра 7669, отъ Рождества же Христова 1661“. [1]

Въ этомъ Патерикѣ есть нѣкоторыя особенности въ содержаніи и изображеніяхъ, особенности, которыя не встрѣчаются уже въ слѣдующихъ изданіяхъ его. Второй заглавный листъ занятъ изображеніями. На лицевой сторонѣ его символическое изображеніе небеснаго покрова Печерской Лавры. На верху въ облакахъ изображенъ благословляющій Спаситель съ короною на главѣ и съ крыльями; надъ нимъ надпись: *яко орелъ покры гнѣздо свое*, Второзак. XXXII, 11. Посрединѣ — изображеніе въ облакахъ Божіей Матери, также съ короной и крыльями, краями одежды своей покрывающей гербъ Московскаго Государства. Надъ нею надпись: *и даны быша женѣ двѣ крылѣ орла великаго*, Апок., XII, 14. Внизу изображена Печерская Церковь, къ которой справа и слѣва идутъ братія съ архимандритомъ во главѣ. Отъ лѣвой половины братіи идетъ надпись къ Богоматери: „Покрый насъ кровомъ крылу твоею“, а отъ правой—„Во кровѣхъ крылу твоею возрадуемся“. На оборотной сторонѣ листа изображенъ государственный гербъ съ надписью: „Божіею Милостію, Благочестивый Господаръ Царъ нашъ, и Великій Князь, Алексій Михаиловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и многихъ иныхъ царствъ Самодержецъ и Обладатель“. Отличіе этого герба отъ предшествующаго въ томъ, что двуглавый орелъ на оборотѣ листа держитъ въ правой своей лапѣ мечъ. Въ эту же сторону ѣдетъ и Св. Георгій Побѣдоносецъ, вооруженный шлемомъ и щитомъ и поражающій копьемъ звѣря на лѣвой сторонѣ отъ себя. На первомъ же гербѣ лапы орла изображены распростертыми, и Св. Георгій Побѣдоносецъ ѣдетъ въ лѣвую сторону орла, вооруженъ только копьемъ, которымъ и поражаетъ звѣря съ правой стороны отъ себя. За этимъ заглавнымъ листомъ слѣдуютъ восемь листовъ, на которыхъ напечатана похвала и посвященіе Господу нашему Іисусу Христу и Божіей Матери: „Прежде всѣхъ Цареви царемъ Цареви вѣкомъ и Цареви славы Богу и Человѣку Господу на-

---

[1] Нѣкоторыя подробности о первопечатномъ Патерикѣ Печерскомъ находятся въ сочиненіяхъ: *Евгенія* Митрополита Кіевскаго «Описаніе Кіевопечерской Лавры», изданіе третье, Кіевъ, 1847, 123—125 стр; *П. Пекарскаго* «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», томъ II, Спб., 1862, 62—64 стр.; *Макарія*, Епископа Винницкаго, въ вышеуказанномъ «Обзорѣ», 163—167 стр, и въ указанномъ изслѣдованіи *А. М. Кубарева* «О Патерикѣ Печерскомъ», 15—22 стр.

шему Іисусу Христу Хлѣбу животному, Источнику живота, и самому Животу. Онемже живемъ и движемся и есмы. Такожде и Его предстоящей одесную Царици Пресвятой Чистой и Преблагословенной Владычици нашей Богородици Приснодѣвѣ Маріи Матери живущихъ и Древу Живота нашей единой Заступници Прибѣжищу и Покрову". За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ пространное посвященіе, вмѣстѣ съ похвалой, первонапечатаннаго Патерика Печерскаго Сыну Божію и Божіей Матери. Въ немъ, между прочимъ, объясняются причины такого посвященія: „Изображеніе житій Святыхъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ, днесь языкомъ Словенскимъ ново свѣту изданное прежде всѣхъ Тебѣ Цареви и Господеви Господемъ, животдавцу нашему, и Пречистой ти Матери присно Дѣвѣ Маріи, Царици небесе и земли, и Матери живота, приносимъ и вописуемъ... По твоей же заповѣди сія ти творимъ... аки нѣкоего Первенца сію Книгу Житій Преподобныхъ Отецъ нашихъ, первѣе языкомъ Словенскимъ въ тѵпографіи нашей нынѣ изображенну тебѣ приносимъ... Усердіе здѣ наше, но дѣло твое: трудъ нашъ, но благодать твоя: тщаніе наше, но совершеніе твое". Здѣсь же объяснена и цѣль напечатанія Патерика Печерскаго: „дабы всякъ отъ тебе пріемъ, хваля въ ней Преподобныхъ, тебе хвалилъ... Не токмо же сами тя славимъ Царю славы, но и всѣхъ чтущихъ ко славословію твоему подвизаемъ. Кто бо Житія Преподобныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ читая не отнесетъ отъ нихъ велія души своей ползы". За этимъ посвященіемъ слѣдуетъ постоянное содержаніе всѣхъ печатныхъ Патериковъ Печерскихъ. Оно начинается обширнымъ, на восьми листахъ, предисловіемъ: „Предословіе, къ читателю православному, содержащее отвѣты противу хуленіямъ на святыхъ печерскихъ". За нимъ слѣдуетъ: „Оглавленіе или съчисленіе всѣхъ главизнъ, обрѣтающихся по ряду въ Книзѣ сей", и, наконецъ, самый Патерикъ или Житія. Собственное содержаніе самого Патерика раздѣлено на три части. Въ первой части содержатся житія самыхъ первыхъ подвижниковъ Печерскихъ, между прочимъ Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, и другія статьи, относящіяся къ нимъ, похвалы, напримѣръ, и къ первоначальной исторіи Печерскаго монастыря, основанныя преимущественно на сочиненіяхъ Преп. Нестора и дополненныя, по мѣстамъ, изъ Посланій Св. Симона и Поликарпа. Вторую часть составляютъ Житія святыхъ Печерскихъ, изложенныя въ Посланіи Поликарпа. Въ заключеніи этой части

помѣщена статья подъ названіемъ Посланія Поликарпа къ архим. Акиндину, въ которой соединены собственно всѣ обращенія Поликарпа къ Акиндину, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Посланія, и общія отзывы Поликарпа о подвижникахъ Печерскихъ. Къ третьей части отнесены Житія святыхъ Печерскихъ, описанныя въ Посланіи Симоновомъ. Къ нимъ присоединено Житіе Нифонта Новгородскаго, составленное на основаніи лѣтописей, и въ заключеніе всего помѣщена статья подъ именемъ Посланія Симона къ Поликарпу, заключающая въ себѣ собственно первую нравоучительную часть Посланія и всѣ послѣдующія обращенія Симона къ Поликарпу. Послѣ третьей части помѣщено приложеніе или „Пристяжаніе", въ которомъ самими издателями изложены: 1) Житія трехъ преподобныхъ Печерскихъ, послуживпившихъ своими писаніями составленію Печерскаго Патерика, то-есть Нестора, Симона и Поликарпа; 2) краткое сказаніе о чудѣ, бывшемъ въ пещерѣ въ день Св. Пасхи и 3) такое же сказаніе о мvроточивыхъ главахъ въ Печерскомъ монастырѣ. Заканчивается Патерикъ алфавитнымъ указателемъ—„Собраніе вещей изрядныхъ".

Раньше было сказано, что составители печатнаго Патерика Печерскаго сами излагали Житія Печерскихъ угодниковъ на основаніи твореній преподобныхъ Нестора, Симона и Поликарпа. Ни одного изъ бывшихъ до нихъ рукописныхъ Патериковъ они не напечатали дословно, но данный въ нихъ матеріалъ раздѣлили на части, привели въ порядокъ и изложили сами. Основаніемъ такого труда была цѣль печатанія Патерика: желаніе дать благочестивое чтеніе православнымъ христіанамъ о Печерской Лаврѣ и ея угодникахъ. Поэтому можно только указать на тотъ матеріалъ, которымъ пользовались составители печатнаго Патерика. Такимъ матеріаломъ служили для нихъ печатный Патерикъ на польскомъ языкѣ и рукописный, составленный въ 1462 году. Изъ сказанія послѣдняго объ основаніи Печерскаго монастыря они вновь составили житіе Преподобнаго Антонія, а также по нему изложили и другія сказанія. [1] Предисловіе же и сказанія о чудѣ и о главахъ святыхъ мvроточивыхъ, по словамъ Пекарскаго, прямо переведены съ польскаго Патерика. Ставить же систему изложенія житій въ Патерикѣ печатномъ въ зависимость

[1] См. у Кубарева.

отъ Польскаго Патерика едва ли возможно, такъ какъ такая система замѣтна въ самомъ раннемъ рукописномъ Патерикѣ 1406 года.

Такимъ образомъ составители первопечатнаго Патерика Печерскаго имѣли въ виду не сохранить въ цѣлости сочиненія первыхъ повѣствователей о Печерскомъ монастырѣ и его святыхъ, но желали собрать и привести въ порядокъ сказанія о сихъ послѣднихъ, представить отдѣльныя житія о каждомъ Печерскомъ угодникѣ и заключить ихъ въ одну книгу, благочестивое чтеніе которой служило бы для прославленія Господа, Лавры и ея святыхъ и для душевной пользы читающихъ. Этою цѣлію руководились и всѣ составители Патерика Печерскаго, но лучшее, хотя и не совершенное, исполненіе ея принадлежитъ составителямъ первопечатнаго Патерика. Поэтому Патерикъ Печерскій является церковною книгой, назначенною для назиданія православныхъ христіанъ.

IV.

Съ этого первопечатнаго изданія Патерикъ Печерскій былъ напечатанъ въ Лаврской типографіи, безъ измѣненій въ составѣ и содержаніи собственно Патерика, еще три раза: въ 1678 году и въ іюнѣ и декабрѣ 1702 года. Въ этихъ трехъ изданіяхъ только была исправлена опечатка въ первой части оглавленія первопечатнаго Патерика, гдѣ житіе Исаакія Затворника ошибочно помѣчено 26 днемъ апрѣля мѣсяца вмѣсто 14 дня февраля. Исправлены также и другія опечатки, показанныя на послѣдней страницѣ первопечатнаго Патерика. Есть несущественныя измѣненія въ языкѣ: такъ изданіе 1678 года изложено кіевскимъ языкомъ, а послѣдующія ближе къ великорусскому. Словомъ, главное содержаніе Патерика, начинающееся предисловіемъ къ читателю православному и заканчивающееся алфавитнымъ указателемъ, находится во всѣхъ четырехъ кіевскихъ изданіяхъ Печерскаго Патерика безъ перемѣны. Перемѣнѣ подлежали только заглавные листы и посвященія. Между прочимъ на выходномъ листѣ всѣхъ послѣдующихъ изданій объ авторахъ Патерика говорится: „составленъ прежде тремя списате-

лями Печерскими святыми". Второе изданіе было въ 1678 году, въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, но при томъ же архимандритѣ Иннокентіи Гизелѣ. На лицевой сторонѣ втораго заглавнаго листа этого изданія помѣщено изображеніе Божіей Матери, окруженной солнцемъ, луной и звѣздами,—въ первомъ изображенъ ликъ Преп. Антонія, во второй преп. Θеодосія, а въ послѣднихъ вписаны имена всѣхъ игумновъ Кіевопечерской Лавры. Изображеніе это въ первопечатномъ Патерикѣ помѣщено передъ алфавитнымъ указателемъ. На оборотѣ втораго заглавнаго листа напечатанъ выходъ, въ которомъ такъ объяснена цѣль втораго изданія Патерика Печерскаго: „на прочитаніе и на слышаніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, о богоугодномъ и чудномъ житіи преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, къ умиленію души, сокрушенію сердца, смиренію ума, и возревнованію добрымъ ихъ дѣломъ; въ нихже подвизающеся, да тожде воспріятіе вѣчныя почести отъ Подвигоположника Христа Господа уготованныя всѣмъ любящимъ и хранящимъ законъ его улучити постигнутъ".

Третіе изданіе Патерика Печерскаго въ Кіевопечерской типографіи совершено было, почти безъ перемѣнъ со втораго, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1702 года, въ царствованіе Петра Алексѣевича, при архимандритѣ Іосафѣ Кроковскомъ. Незначительныя измѣненія сдѣланы были только въ выходномъ листѣ. Такъ какъ въ 1685 году, при архимандритѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, Кіевопечерская Лавра подчинена была патріарху Московскому, вмѣсто Константинопольскаго, то на выходномъ листѣ Патерика 1702 года Лавра названа ставропигіей „Святѣйшаго Архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріарха". На оборотѣ втораго выходнаго листа преподобные Антоній и Θеодосій уже не названы Россійскими Патріархами, какъ въ Патерикѣ 1678 года.

Четвертое кіевское изданіе Патерика Печерскаго, въ декабрѣ 1702 года, было повтореніемъ третьяго, почему на выходномъ листѣ его и удержано означеніе третьяго изданія: „Третіе тvпомъ обновися". Отличается оно отъ третьяго изображеніями, выходомъ и предисловіемъ. Изображенія Патерика четвертаго изданія всѣ отчетливо вырѣзаны на мѣди, тогда какъ изображенія всѣхъ прежнихъ изданій были вырѣзаны на деревѣ. На лицевой сторонѣ втораго выходнаго листа помѣщено символическое изображеніе міра, объясненное въ стихахъ на оборотѣ перваго выход-

наго листа, озаглавленныхъ: „Миръ дому Цареву. Лук. X. На Его Царскаго Пресвѣтлого Величества мирное знаменіе". Съ оборота втораго выходнаго листа начинается обширное, на 12½ листахъ „Предословіе до Его Царского Пресвѣтлого Величества". Въ немъ Іоасафъ Кроковскій, архимандритъ Печерскій, вмѣстѣ со всею братіей проситъ Государя принять новоизданный Патерикъ въ даръ: „Богоугодныхъ житій и многотрудныхъ подвиговъ Книгу, тvпомъ обновленную, доброхотнымъ Пресвѣтлѣйшій нашъ Монархо, благоволи пріяти и усерднымъ лицемъ? а чтеніемъ и употребленіемъ ея, Царское свое услаждающи сердце, Святыя и цѣлебныя мощи ихъ защищеніемъ твоимъ богомудрымъ соблюдающи, насъ недостойныхъ Богомолцевъ Ваше Царское Пресвѣтлое Величество своею да не презираетъ милостію". Здѣсь же весьма подробно объясняется символическое изображеніе и восхваляются добродѣтели царскія. Дальнѣйшее, постоянное содержаніе Патерика, и въ этомъ изданіи оставленно неизмѣннымъ. [1]

Авторъ вышеуказаннаго „Описанія Кіевопечерской Лавры" говоритъ еще о двухъ Кіевскихъ изданіяхъ Патерика Печерскаго: въ 1680 году при архимандритѣ Иннокентіи Гизелѣ и въ 1688 году при архимандритѣ Варлаамѣ Ясинскомъ. Не имѣя положительныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшительно отрицать дѣйствительность этихъ двухъ изданій, все-таки необходимо высказать сомнѣніе въ справедливости свидѣтельствуемаго факта. Прежде всего, показанія автора далеко не отличаются полнотой. Такъ, автору осталось неизвѣстнымъ изданіе Патерика въ іюнѣ 1702 года. Затѣмъ, называя изданіе Патерика 1702 года пятымъ, а по исправленіи *третьимъ*, онъ допускаетъ явную несообразность, потому что *первымъ* поправленнымъ изданіемъ Патерика онъ самъ, двумя строками выше, считаетъ изданіе 1678 года. Наконецъ, позднѣйшіе описатели старопечатныхъ книгъ, Сахаровъ, Ундольскій, Бычковъ и Викторовъ, не знаютъ изданій Патерика Печерскаго 1680 года и 1688 года.

Поэтому надежнѣе положиться на свидѣтельство самихъ издателей, назвавшихъ изданіе Патерика Печерскаго въ іюнѣ 1702 года третьимъ, послѣ перваго въ 1661 году и втораго въ 1678 году.

---

[1] Описаніе послѣднихъ двухъ изданій см. у Пекарскаго.

Напечатаніемъ Патерика Печерскаго въ декабрѣ 1702 года закончились кіевскія изданія его, безъ перемѣны и исправленій съ первопечатнаго. Слѣдующее пятое изданіе его было совершено уже съ нѣкоторыми исправленіями и уже не въ Кіевопечерской типографіи, а въ Московской Синодальной. Нѣкоторыя обстоятельства задержали скорое появленіе въ свѣтъ пятаго изданія Патерика: онъ былъ напечатанъ въ 1759 году, черезъ 57 лѣтъ послѣ четвертаго изданія.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Григорій Георгіевскій.

БЕЗСОННИЦА.

Неотвязныя, черныя мысли
Надо мною какъ тучи нависли;
Тщетно сонъ я на помощь зову:
Въ эту ночь мнѣ не вѣдать покою,
То закрою глаза, то открою,—
Это бредъ, только бредъ на яву.

Какъ томительно тянется время;
На душѣ, словно тяжкое бремя,
Безотрадная дума легла,
Что къ минувшему нѣтъ мнѣ возврата,
Что огонь, мнѣ свѣтившій когда-то,
Охватила зловѣщая мгла.

Позади—неудачи да горе,
Впереди—необъятное море
Опасеній, сомнѣній, тревогъ...
О когда бъ лучезарной надеждѣ
И теперь беззавѣтно, какъ прежде,
Всей душою отдаться я могъ!

О когда бы сквозь сумракъ ненастья
Улыбнулось мнѣ свѣтлое счастье—
Какъ могучій, отважный орелъ,
Горделивый питомецъ лазури,
Самъ на встрѣчу бъ я кинулся бури,
И съ весельемъ ее поборолъ!

Но въ грядущемъ—ни проблеска свѣта,
Та же темная ночь безъ разсвѣта...
Овладѣла душою печаль—
И, съ сознаніемъ горькимъ безсилья,
Самъ сложилъ я дрожащія крылья
И не рвусь въ непроглядную даль!

Д. Павловъ.

КЛИМАТЫ И ЭНДЕМІИ.

Локалистическое ученіе о холерѣ, желтой лихорадкѣ и маляріи P. Ch. Pauly.[1]

(Переводъ съ нѣмецкаго реферата H. Reimer'a, съ дополненіями изъ подлинника д-ра И. Ф. Лебедева.)

(Окончаніе.)

Индія. Наконецъ Pauly приводитъ насъ въ отечество холеры. Введеніемъ къ изслѣдованію климата Индіи служитъ обозрѣніе ея растительности по Гризебаху. Потомъ онъ описываетъ устья Ганга и Брамапутры, которые, вытекая изъ снѣжныхъ хребтовъ Гималая и Тибета, и принимая обильные водяные осадки Индостана, несутъ въ море громадную массу воды. Идя вверхъ по теченію Гугли (западный рукавъ Ганга), достигаемъ Калькутты, расположенной какъ-разъ на срединѣ дельты Ганга. Эта область состоитъ изъ плоскихъ болотистыхъ острововъ, покрытыхъ высокою травой, густыми кустарниками и даже цѣлыми лѣсами. Всѣ острова состоятъ изъ аллювіальной наносной почвы, на которой, подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, разлагается громадное количество животныхъ и растительныхъ остатковъ. Когда по направленію къ морю мы пройдемъ опасныя преграды Ганга, вступаемъ въ страну Зандербуада, печальную лѣсную

[1] Climats et endémies. Esquisses de Climatologie comparée par P. Ch. Pauly, médecin principal de premier classe, médecin en chef de l'hôpital militaire d'Oran et de la division d'Oran. Paris, G. Masson, éditeur. Предисловіе помѣчено: Oran, juillet 1874 г., 744 стр.

пустыню; въ извѣстныя времена года мы только изрѣдка встрѣтимъ человѣческое существо, на этихъ зараженныхъ берегахъ. Калькутта стоитъ на болотистой аллювіальной почвѣ, которая по временамъ осѣдаетъ и производитъ при этомъ трещины въ зданіяхъ. Равнина нижняго теченія Ганга въ періодъ дождей, съ іюня по августъ, покрывается водой на 5—6 футовъ, изъ которой часто только на 7—8 футовъ выстоятъ лежащія на низкихъ холмахъ селенія. Поверхностный слой почвы Калькутты на глубинѣ 10 футовъ состоитъ изъ песчанаго ила; подъ нимъ лежитъ слой синей глины въ 40 футъ толщиной, въ которомъ встрѣчаются прослойки известняка и песчаника. Нижній слой глины мало проницаемъ, такъ что Mak-Clelland могъ сказать: еслибы въ Бенгаліи не было 10 фут. верхняго слоя порозной земли, она представляла бы сплошное болото, а безъ слоя подпочвенной глины—песчаную пустыню. Климатъ Калькутты жаркій и разслабляющій; воздухъ почти постоянно влаженъ; влажность достигаетъ своего максимума въ періодъ разлитія Ганга, съ іюня по августъ. Разливъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 30 французскихъ миль отъ береговъ.

Всякій Европеецъ, который по дѣламъ заѣдетъ въ Калькутту, старается какъ можно скорѣе вернуться въ Европу. Несмотря на великолѣпные дома съ тѣнистыми верандами, роскошные сады, задыхаешься въ этой насыщенной всевозможными міазмами атмосферѣ, которую нужно искусственно приводить въ движеніе, чтобы заснуть. Подъ вліяніемъ этого жаркаго, влажнаго и малоподвижнаго воздуха скоро развивается анэмія, сопровождаемая разслабленіемъ и вялостью мышцъ. Стальныя и желѣзныя вещи скоро становятся негодными къ употребленію отъ высокой степени влажности. Какая-нибудь дѣятельность возможна только рано утромъ или поздно вечеромъ. Анэмія скоро придаетъ физіономіи характеристическое выраженіе. Свѣжій цвѣтъ лица Англичанъ въ нѣсколько недѣль измѣняется въ свинцовый, блѣдно-желтый—„цвѣтъ лица Калькутты", или „индійскій". Ѣзда верхомъ даже становится затруднительною и тамъ предпочитаютъ пассивныя движенія въ каретахъ или на носилкахъ. При недостаткѣ тѣлесныхъ движеній падаетъ аппетитъ; тогда его стараются раздражать самыми пикантными приправами. Отъ марта до іюня самое жаркое время года (hot winds), когда пунка (искусственный вентиляціонный аппаратъ) рѣдко отдыхаетъ, а температура напоминаетъ раскаленную печь. Съ іюня по августъ

или сентябрь дождливое время года; оно начинается около 14, 18 іюня, и часто предшествуется небольшими майскими дождями. Зима характеризуется небольшимъ пониженіемъ температуры, на 5°—6° Ц., но очень прохладными ночами. Отъ такого охлажденія воздуха страдаетъ бѣдное туземное населеніе, которое недостаточно одѣто, питается только овощами, фруктами и рисомъ, при неосторожности получаетъ бронхитъ и катарры кишекъ, изъ коихъ послѣдніе часто переходятъ въ настоящую холеру. По берегу Гугли, въ черномъ городѣ, виднѣются дома смерти, въ которыхъ сжигаются тѣла умершихъ Индусовъ, а остатки бросаются въ Гангъ. Очень рѣдко трупы сжигаются совершенно, а большею частью только въ половину и въ такомъ видѣ отправляются въ рѣку. У бѣдныхъ же происходитъ только символическая церемонія сжиганія, и ихъ трупы цѣликомъ бросаются въ рѣку на съѣденіе акуламъ и крокодиламъ. Для дополненія картины нужно еще упомянуть, что часть обугленныхъ труповъ тутъ же на мѣстѣ разрывается стадами коршуновъ, аистовъ и другихъ хищныхъ птицъ, которые безпрепятственно летаютъ цѣлыми тучами около домовъ смерти.

Легко себѣ представить вліяніе на здоровье описанныхъ гигіеническихъ условій Калькутты. Несмотря на всѣ старанія Англичанъ противодѣйствовать растлѣвающему климату Калькутты, рано или поздно является та характерная окраска лица, которая указываетъ на глубокое разстройство кроветворенія. Перемежающіяся и ремиттирующія лихорадки, холера и дизентерія свойственны всей Индіи, но въ особенности онѣ опустошаютъ долину Ганга. Эти эндеміи обусловливаются тѣми же причинами, которыя отражаются на моральномъ и физическомъ развитіи населенія. Индіи недостаетъ въ теченіе большей части года благодѣтельнаго дѣйствія освѣжающихъ вѣтровъ. „Въ этой неподвижной атмосферѣ, въ которой развивается масса смертельныхъ міазмъ, прозябаютъ сотни милліоновъ людей, недостигая полнаго развитія силъ и безъ всякаго политическаго значенія".

Pauly переходитъ потомъ къ вопросу о распространеніи холеры и съ убѣдительностью возражаетъ противъ ученія контагіонистовъ. Очень часто начало эпидеміи приписывалось появленію какого-нибудь носителя заразы, но при этомъ не обращалось достаточнаго вниманія на гигіеническія условія пораженной мѣстности и на состояніе здоровья ея жителей передъ эпидеміей. Въ большинствѣ случаевъ можно доказать, что въ

тѣхъ мѣстахъ, въ которыя холера, повидимому, была занесена, долгое время до занесенія господствовали поносы, дизентерія и наблюдались спорадическіе случаи холеры. Такъ, напримѣръ, доказано, что холера въ Египтѣ въ 1831 году не была занесена мекксними пилигримами, въ Галлиполи въ 1854 году кораблемъ *Alexandre*, въ Марсель въ 1865 г. кораблемъ *Stella* и т. п. Изъ таблицы Huillet, врача въ Пондишери, оказывается, что холера тамъ никогда не прекращается, но свой эпидемическій характеръ она сохраняетъ только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; она достигаетъ максимума при сѣверо-восточныхъ массунахъ, при юго-западныхъ она ослабѣваетъ, короче, холера въ Индіи является всюду, гдѣ болота и рисовыя поля распространяютъ міазмы. Въ Европѣ, говоритъ Huillet, можно быть контагіонистомъ, въ Индіи—нѣтъ Ranald-Martin (Influence of tropical climats p. 513.), говоритъ, что въ Индіи онъ не встрѣчалъ ни одного врача, который бы вѣрилъ въ заразительность эпидемической холеры. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Jameson'a, изъ 250—300 врачей, находившихся большею частію въ самыхъ зараженныхъ мѣстахъ Индіи, заболѣли холерой только трое, изъ нихъ умеръ одинъ. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, думаетъ Ranald-Martin, холера можетъ быть прилипчива.

Очень замѣчательное обстоятельство въ исторіи холеры—это ясно выраженная ея связь съ перемежающеюся лихорадкой. Часто эпидеміи послѣдней предшествуютъ холерѣ, слабѣютъ при ея появленіи и снова усиливаются по минованіи холеры. Pauly слѣдующимъ положеніемъ формулируетъ результаты своихъ наблюденій въ этомъ направленіи въ Алжиріи, а также наблюденія другихъ писателей: *Малярійныя лихорадки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ господствуютъ эндемически, а также въ тѣхъ, гдѣ онѣ появляются только изрѣдка, передъ самой холерой или за нѣсколько мѣсяцевъ раньше, достигаютъ необыкновенной силы и распространенія. Больныя, пораженныя тяжкими болѣзнями (чахоткой, дизентеріей, тифомъ), всѣ безъ исключенія за нѣсколько недѣль или дней передъ появленіемъ холеры находятся въ большой опасности.* Противъ теоріи почвенной воды — Петтенкофера, которую Pauly называетъ „довольно эластичною", онъ приводитъ свои наблюденія въ Алжиріи, гдѣ холера развивалась на почвѣ, свободной отъ всякихъ ферментовъ. Онъ говоритъ далѣе, что въ своей многолѣтней госпитальной практикѣ въ Алжиріи, мѣстѣ весьма благопріятномъ для наблюденій—онъ

никогда не могъ убѣдиться въ вѣрности извѣстнаго положенія Петтенкофера, Гирша, Гризингера и многихъ французскихъ контагіонистовъ, что холера распространяется посредствомъ экскрементовъ, свѣжихъ или старыхъ изверженій, рвотой холерныхъ больныхъ, [1] подпочвой и т. п.

По климатическимъ условіямъ средиземноморскаго побережья конецъ лѣта (періодъ наибольшаго затишья) есть самое опасное время для здоровья. Соотвѣтственно этому начало холерныхъ эпидемій падаетъ тамъ на время отъ августа до ноября. Какую важную роль играетъ затишье въ атмосферѣ при эпидеміяхъ въ Индіи, доказываетъ то, что, исключая годы жестокихъ эпидемій, смертность отъ холеры наблюдается преимущественно въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, то-есть въ мѣсяцы тумановъ и неподвижности атмосферы. Pauly убѣжденъ, что, еслибы врачи прежде всего считали холерину, европейскую и азіатскую холеру только за различныя степени одной и той же болѣзни и, не боясь страшнаго названія холеры, внимательно слѣдили бы за ними, тогда они увидѣли бы, что эпидеміи не имѣютъ того правильнаго поступательнаго шествія, которое имъ обыкновенно приписывается. Въ 1865 году можно было замѣтать, что въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности разомъ появилась холера; тяжелые и легкіе случаи наблюдались одновременно въ Александріи и Марсели, въ Тулонѣ, Барцелонѣ, Кадиксѣ и т. д.; въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали малярія или же большая бѣдность и скученіе людей, эпидемія сконцентрировалась и принимала опустошительный характеръ. Такой способъ распространенія холеры наиболѣе близокъ къ истинѣ. Съ этой точки зрѣнія все казалось бы яснымъ и удобопонятнымъ. Усвоивши такой взглядъ, не нужно было бы всю вину за эпидемію сваливать на какого-нибудь араба, какъ носителя заразы, и безъ того уже полумертваго отъ старости и бѣдности. *См. прил. 7.*

Океанія. Въ послѣдней изъ своихъ климатическихъ картинъ Pauly изображаетъ *Океанію*, архипелаги Тихаго Океана. Остро-

---

[1] Въ то время, когда Pauly издавалъ свою книгу, бактеріологія заразныхъ болѣзней была въ зародышѣ; теперь этотъ отдѣлъ медицины широко разработанъ; доказано, что холерныя изверженія содержатъ заразное начало; но относительно подлинности коховской «запятой» споры еще не окончены.

Примѣчаніе переводчика.

ва Товарищества, Памату, Самоа, Фиджи, Новая Каледонія, Сандвичевы, Каролинскіе и др. постоянно обдуваются пассатами или западными вѣтрами, а потому они отличаются замѣчательною здоровостью, мягкимъ и оживляющимъ климатомъ, роскошною растительностью, легкою акклиматизаціей домашнихъ животныхъ; все это привлекаетъ туда массы переселенцевъ и мореплавателей.

Уже давно описанъ благорастворенный климатъ этихъ островов Cook'омъ Bongainville'емъ и другими. Замѣчательная особенность медицинской географіи Таити, говоритъ Gallerand, есть совершенное отсутствіе болотныхъ лихорадокъ. Объ островахъ Фиджи Pauly цитируетъ сообщеніе Graesse въ журналѣ Петермана: „Поразительно, что несмотря на присутствіе большаго болота (Mongrave), тамъ не наблюдалось ни одного случая перемежающейся лихорадки". Что касается Новой Каледоніи, то болота тамъ встрѣчаются во множествѣ, рѣки часто разливаются, морскіе приливы наводняютъ берега, густо поросшіе ризофорами; казалось бы, даны всѣ благопріятныя условія для развитія болотныхъ лихорадокъ, однако же онѣ тамъ почти неизвѣстны; очень рѣдко обращаются къ хинину, и смертность гарнизона на 50% меньше смертности во внутренней Франціи.

Лихорадокъ нѣтъ даже между туземцами, которые преимущественно заселяютъ берега моря, жилища строятъ часто на болотистыхъ мѣстахъ, спятъ почти безъ одежды на сырой землѣ и дурно питаются.

Однако, нѣкоторые острова южнаго полушарія далеко не отличаются такими благопріятными условіями для здоровья, напротивъ, есть мѣста, получившія извѣстность по своимъ опустошительнымъ міазматическимъ болѣзнямъ; таковы—Мадагаскаръ, Манатта и противоположный восточный берегъ Африки, сѣверный берегъ Явы и берега Суматры. Эти мѣста считаются самыми нездоровыми на землѣ; на нихъ дуютъ муссоны не постоянно и часто прерываются. Жара здѣсь болѣе разслабляющая, чѣмъ на островахъ Тихаго океана, гдѣ влажность уносится постояннымъ сильнымъ теченіемъ воздуха. Отъ пролива Зундъ до Борнео море очень неглубоко и представляетъ такимъ образомъ большую поверхность сильно нагрѣтой воды. Здѣсь часто господствуетъ совершенное затишье, облегчающее пиратамъ ихъ промыселъ на весельныхъ судахъ. Pauly приводитъ примѣры вреднаго дѣйствія штилей въ этомъ морѣ на экипажи задержанныхъ кораблей; эти примѣры пополнились многими интерес-

ными наблюденіями во время войны Голландцевъ съ Ачинцами. *См. прилож. 8.*

Заключенія. Изъ приведенныхъ выше изслѣдованій климатическихъ условій отдѣльныхъ областей Pauly ставитъ на видъ чрезвычайную важность свободнаго доступа вѣтровъ въ зависимости отъ очертанія почвы для здоровья извѣстной мѣстности. Болѣе всего это замѣтно въ жаркихъ странахъ. Въ самомъ дѣлѣ вѣтры играютъ роль, значеніе которой недостаточно цѣнится въ гигіеническомъ отношеніи. На нихъ лежитъ задача распредѣлять влажность на поверхности земли и очищать атмосферу, изъ которой мы беремъ элементы, необходимые для вдыханія, а растенія — для образованія своихъ тканей. Западные вѣтры въ южныхъ моряхъ подъ высокими градусами широты дуютъ съ поразительнымъ постоянствомъ и силой. Область распространенія пассатовъ южнаго полушарія гораздо болѣе таковой же сѣвернаго: въ первомъ они занимаютъ 30 градусовъ ширины 3300 kilm., во второмъ 18—10 (2000—2200 kilm.). Болѣе значительная сила южныхъ вѣтровъ совпадаетъ еще съ другимъ фактомъ: мореплаватели нашли, что на 1000 дней въ сѣверной половинѣ Атлантическаго океана приходился 41 день штиля, въ южной половинѣ только 24 дня; въ сѣверной половинѣ Тихаго океана 49, въ южной—23 дня на 1000.

Эта большая энергія вѣтровъ въ южномъ полушаріи обусловливаетъ большую здоровость мѣстъ, привлекающихъ туда массы колонистовъ; таковы долина Ла-Плата, острова Океаніи, Новая Зеландія, Новая Каледонія и Австралія. Поселяясь въ этихъ странахъ, какъ бы застрахованныхъ отъ маляріи, европеецъ тотчасъ же принимается обработывать богатую почву ихъ, не испытывая того глубокаго нарушенія кроветворенія, какъ, напримѣръ, въ Центральной Америкѣ, Батавіи, гдѣ въ нѣсколько дней мѣняется цвѣтъ лица и убивается всякая мышечная энергія. Правда, и въ Австраліи, и въ штатахъ Ла-Платы встрѣчаются лихорадки; но только въ области тропиковъ („затишье Козерога") они достигаютъ нѣкоторой силы и безъ труда объясняются мѣстными неблагопріятными условіями.

На сѣверо-западѣ Ла-Платы, въ провинціяхъ Тукуманъ, Сальта и Хахіи, встрѣчаются глубокія долины, загражденныя отрогами Андъ; во время тропическихъ дождей въ нихъ застаивается вода, а горы препятствуютъ свободной вентиляціи, тогда наблюдается перемежающіяся лихорадка. Остальныя же провин-

ціи Ла-Платы, Шако-Сантьяго, Коріентесъ, Парагвай и Уругвай, занимающія ровную или слегка волнистую степь, отличаются, какъ выше было упомянуто, замѣчательною здоровостью. Такой же здоровый климатъ имѣютъ необозримыя равнины внутренней Австраліи. Маларія встрѣчается только по ту сторону тропика на берегахъ, омываемыхъ водами Торресова пролива и Тимарскаго моря. Тамъ, дѣйствительно, есть болотистыя береговыя лощины, покрытыя ризофорами, и въ то же время въ высшей степени лихорадочныя; но замѣчательно, что эти мѣста лежатъ въ полосѣ безвѣтрія, простирающейся до Зундскаго моря и Батавіи. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гризебахъ, что поясъ экваторіальнаго безвѣтрія, наблюдается не только на открытыхъ моряхъ, но и на материкахъ, гдѣ сильное нагрѣваніе почвы подымаетъ просто вверхъ накаленные слои воздуха и водяныхъ паровъ. Такая полоса затишья находится въ Южной Америкѣ къ сѣверу отъ р. Амазонки между р. Ріо-Негра и подошвами Андъ. Тамъ преобладаетъ совершенное безвѣтріе или только слабые перемѣнные вѣтры съ низкимъ стояніемъ барометра; нижніе слои воздуха направляются вверхъ и почти весь годъ идетъ дождь. Почва покрыта сплошь густыми первобытными лѣсами, воздухъ застаивается въ той листвѣ и обусловливаетъ крайне нездоровый климатъ; жители высматриваютъ изнуренными и безсильными. Далѣе на востокъ и югъ долина р. Амазонки, постоянно обдуваемая пассатами, представляетъ обширные луга, мѣстами прерываемые лѣсомъ; климатъ тамъ одинъ изъ здоровѣйшихъ.

Въ сѣверной Австраліи дожди гораздо сильнѣе, чѣмъ въ южной, и экваторіальное затишье Зундскаго моря выражается уже довольно сильно. Юго-восточные пассаты, которые здѣсь должны бы дуть при нормальныхъ условіяхъ, очень слабы и непостоянны; какъ причину этой слабости Maury выставляетъ направленіе берега отъ тропика до Торресова пролива съ юго-востока на сѣверо-западъ, совпадающаго съ направленіемъ пассатовъ, которые не могутъ такимъ образомъ проникать на материкъ. Неудивительно послѣ этого, если въ сѣверной Австраліи встрѣчаются довольно сильныя перемежающіяся и ремиттирующія лихорадки и колонизація идетъ тамъ очень туго. Въ остальныхъ же 3/4 Австраліи дуютъ постоянные вѣтры, и болотныя лихорадки тамъ не наблюдаются, несмотря даже на благопріятныя условія для ихъ появленія. Съ 19° по 29° ю. ш. господствуютъ по Петерману, юго-восточные вѣтры, за 30°—западные вѣтры. Количество во-

дяныхъ осадковъ равняется 25 дюймамъ въ часъ, что соотвѣтствуетъ количеству падающей воды въ южной Германіи; только эта влага недолго держится въ почвѣ Австраліи, благодаря очень сильному испаренію отъ солнца и вѣтровъ; оттого засухи составляютъ бичъ Австраліи, выражающійся особенно на растительности, вообще бѣдной листвой. Несмотря на большія наводненія во время періода дождей и присутствіе болотъ, рѣки тамъ пересыхаютъ, оставляя на своемъ пути группы грязныхъ лужъ (Creeks), хорошая питьевая вода—большая рѣдкость въ Австраліи. Однако же малярія не встрѣчается какъ въ необозримыхъ равнинахъ материка, такъ и въ эвкалиптовыхъ лѣсахъ южнаго побережья.

Такимъ образомъ быстрота и постоянство циркуляціи воздуха констатированы всѣми наблюдателями какъ условія здоровости климата. Если и встрѣчаются малярійныя лихорадки въ южномъ полушаріи, то онѣ зависятъ или отъ тропическаго безвѣтрія (Ява, Суматра, сѣверная Австралія), или отъ прямыхъ препятствій вѣтрамъ со стороны горныхъ цѣпей (Мадагаскаръ, Мозамбикъ, Новая Гвинея, восточный бразильскій берегъ). На всѣхъ же прочихъ мѣстахъ южнаго полушарія постоянно дуютъ вѣтры съ большею или меньшею силой, освѣжая атмосферу. Въ Южной Африкѣ, какъ сообщаетъ Livingstone, внутреннее плато постоянно обдувается юго-восточными пассатами. Алмазныя копи въ верховьяхъ Оранжевой рѣки даютъ новое доказательство вліянія свободной вентиляціи мѣстностей. Почва тамъ изрыта во всѣхъ направленіяхъ, копи ведутся иногда въ болотахъ, по рѣчкамъ, однакожь между рабочими лихорадокъ совсѣмъ не встрѣчается, несмотря на жаркіе дни и холодныя ночи, дурное помѣщеніе и недостатокъ хорошей воды.

Въ умѣренномъ поясѣ преобладающіе западные вѣтры поддерживаютъ луга, пересѣкаемые иногда лѣсами, доставляя прекрасныя пастбища домашнимъ животнымъ; таковы острова Великобританіи. Климатъ Европы въ большей части мѣстъ приближается къ тому типу совершенства, который мы видѣли въ Новой Каледоніи, Сандвичевыхъ островахъ, островахъ Океаніи и т. п., лѣса перемѣшаны съ лугами и обработанными полями. Здѣсь получились условія для развитія высшихъ интеллектуальныхъ качествъ человѣческаго рода. Страны, какъ Европа, гдѣ господствуютъ западные вѣтры, почти свободны отъ маляріи. Причины легкихъ формъ лихорадокъ, которыя встрѣчаются въ западной Франціи,

островахъ Британіи и др. мѣстахъ, легко понятны; тамъ онѣ наблюдаются или вблизи соленыхъ озеръ, или въ долинахъ, закрытыхъ горами, особенно въ узкихъ прибрежныхъ бухтахъ, гдѣ почвенная вода не отведена дренажемъ.

Слѣдующія три модификаціи свойствъ воздушныхъ теченій могутъ наблюдаться въ любомъ мѣстѣ: 1) можетъ быть совершенное затишье или очень слабое движеніе атмосферы; 2) могутъ преобладать континентальные или вѣтры пустынь; 3) господствующіе вѣтры умѣренно насыщены парами (Evaporationswinde)—пассаты и западные вѣтры. Послѣдніе касаются открытыхъ мѣстъ земной поверхности послѣ того, какъ они прошли надъ моремъ или надъ большими лѣсами, гдѣ происходитъ дѣятельное испареніе,—воздухъ насыщается водяными парами, озономъ и заряжается положительнымъ электричествомъ. Вѣтры 1—2 категорій понижаютъ жизнедѣятельность организма, нарушаютъ его функціи и вообще принадлежатъ къ опаснымъ для здоровья, обусловливая или постоянныя эндеміи маляріи, или по временамъ опустошительныя эпидеміи; вѣтры же третей категоріи, напротивъ, самые благопріятные для здоровья.

По наблюденію д-ра Tamin-Despalles, которое сообщилъ Elie de Beaumant въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 20 января 1873 года, оказалось, что maximum озона содержится въ воздухѣ, когда вѣтры дуютъ съ юго-запада, minimum при юго-восточныхъ вѣтрахъ. Въ августѣ и сентябрѣ 1865 года холера показалась въ Парижѣ послѣ предшествовавшихъ сухихъ восточныхъ вѣтровъ. Въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ было 52 дня съ юго-восточнымъ направленіемъ вѣтра, на 18.043 смертныхъ случая приходилось 5.952 отъ холеры. Эпидемія свирѣпствовала съ различною интенсивностью до сентября 1866 г. Около этого времени дули въ теченіе 25 дней западные вѣтры съ частыми дождями (94 мм. осадковъ), очистившіе атмосферу настолько, что за октябрь, ноябрь и декабрь на 9.776 смертныхъ случаевъ вообще отъ холеры было только 200. Итакъ, подъ вліяніемъ восточныхъ вѣтровъ въ сентябрѣ 1865 г. явилась холера, въ сентябрѣ же 1866 г. западные вѣтры ее значительно ослабили, а въ декабрѣ эпидемія прекратилась совершенно. Энергичное окисленіе крови подъ вліяніемъ содержащаго озонъ воздуха поднимаетъ общее питаніе и силы организма. Этимъ объясняется благодѣтельное дѣйствіе богатаго озономъ морскаго воздуха, воздуха лѣсовъ и луговъ или деревенскаго, гдѣ какъ слѣдствіе

усиленнаго обмѣна является, между прочимъ, бо́льшій аппетитъ. На морскихъ берегахъ воздухъ также богаче озономъ, чѣмъ внутри материковъ, особенно когда вѣтеръ долго дуетъ съ моря. Нервозныя особы, а также ведущія сидячій образъ жизни во время западныхъ вѣтровъ, испытываютъ непріятное ощущеніе вслѣдствіе сильнаго возбуждающаго дѣйствія на центральную нервную систему воздуха богатаго озономъ—что, впрочемъ, не всегда зависитъ отъ усиленнаго процесса окисленія, но также и отъ значительнаго паденія атмосфернаго давленія при западныхъ вѣтрахъ. Parville замѣчаетъ, что давно уже извѣстно, какъ при восточныхъ вѣтрахъ увеличивается смертность, но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы состояніе больныхъ улучшалось при западныхъ вѣтрахъ; наблюдалось много обратныхъ фактовъ.

Въ „заключеніи“ Pauly говоритъ, что онъ не имѣлъ намѣренія изслѣдовать различныя болѣзнетворныя начала (Krankheits-keime), изъ коихъ въ одномъ случаѣ происходитъ малярія, въ другомъ желтая лихорадка, въ третьемъ холера, и не беретъ на себя смѣлости разсѣять тотъ мракъ, [1] который до сихъ поръ еще господствуетъ въ ученіи о заразныхъ болѣзняхъ. Онъ выходилъ изъ того твердо установившагося факта, что воздухъ постоянно подвергается порчѣ отъ различныхъ причинъ—отъ почвенныхъ и болотныхъ испареній, отъ скученія людей и т. п.—и что могутъ происходить однѣ и тѣ же болѣзненныя формы въ атмосферѣ различнымъ образомъ зараженной. Причина, которая всегда поддерживаетъ нечистоту воздуха [2] въ большихъ горо-

[1] Изслѣдованія заразныхъ началъ холеры въ прошломъ году въ Гамбургѣ, Парижѣ и у насъ еще не разсѣяли этого «мрака». Въ Гамбургѣ въ 442 вскрытыхъ трупахъ холерныхъ найдены «запятыя» Коха, *въ 94—таковыхъ не оказалось* (*Врачъ* 1893 г. стр. 184). Въ Парижѣ, изъ выздоровѣвшихъ отъ холеры, у 106 «запятыя» найдены, у 15—не оказалось; у 47 умершихъ отъ холеры были «запятыя», а у *13 — ихъ не найдено.* (l. c. стр. 102). Геройскіе опыты Петтенкофера и Эммериха, а также случайный опытъ ребенка, безнаказанно съѣвшаго холерныя испражненія своего отца, въ Гамбургѣ, въ разгарѣ эпидеміи, пошатнули значеніе коховскаго открытія. (*Прим. перев.*).

[2] Французскій бактеріологъ, Miquel, давно занимается изслѣдованіями микроорганизмовъ воздуха. Въ іюлѣ 1883 г. онъ нашелъ на 1 куб. метръ воздуха: въ Парижѣ, на улицѣ Риволи, 55.000 микробовъ, въ паркѣ Монсури—7.600, на Тунскомъ озерѣ (въ Швейцаріи, на высотѣ 560 метр. надъ ур. м.) 8 микробовъ; на высотѣ отъ 2.000 до 4.000 метровъ—ни одного микроба. Тотъ же Miquel нашелъ въ Парижѣ совпаденіе смертности отъ заразныхъ болѣзней съ количествомъ микроорганизмовъ воздуха; подобныя изслѣдованія какъ бы подтверждаютъ основы ученія Pauly. (*Прим. перев.*).

дахъ или извѣстныхъ странахъ, заключается или въ совершенной неподвижности атмосферы, или, что почти то же самое, въ слабыхъ и перемѣнныхъ вѣтрахъ. Большіе города и жаркія страны подвергаются въ этомъ отношеніи большой опасности. Напротивъ, быстрое движеніе воздуха предохраняетъ отъ заразы даже въ мѣстахъ очень благопріятныхъ для развитія міазмъ. По этому случаю укажемъ еще на примѣры, цитируемые Pauly. Въ Мексиканскую войну генералъ Дуэ расквартировалъ свои войска на мѣстѣ лагеря, оставленнаго непріятелемъ, въ арміи котораго свирѣпствовалъ тифъ. Нѣсколько африканскихъ стрѣлковъ во время сильнаго дождя помѣстились на одинъ день въ хижинѣ, только что оставленной непріятелемъ. На другой день 12 стрѣлковъ занемогли лихорадкою со всѣми признаками тифознаго зараженія. Врачъ рѣшился увезти больныхъ съ собою на мулахъ, хотя болѣзнь обнаруживалась уже столь опасными симптомами, что смерть для многихъ казалась неизбѣжною. На бивуакѣ они лежали въ большой палаткѣ на открытомъ воздухѣ. Черезъ нѣсколько дней всѣ тифозные выздоровѣли, и новыхъ случаевъ заболѣванія въ войскахъ не наблюдалось. Въ Крымскую войну также сдѣлано наблюденіе, что тифозные, лежавшіе въ палаткахъ, выздоравливали въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ лежавшіе въ баракахъ. Подобный же результатъ наблюдалъ Pauly въ Оранѣ, куда были доставлены во время Франко-Прусской войны изнуренные и деморализиванные оспенные больные; благодаря постоянной вентиляціи, днемъ и ночью, изъ 531 умерло 39, то-есть изъ 14 умеръ только 1. K. Iackson, врачъ англійской арміи, во время войны съ Соединенными Штатами и Голландіей, съ 1780 по 1810 г., указывалъ какъ на главное средство при лѣченіи лихорадокъ съ послѣдующей анэміей, противъ кишечныхъ катарровъ и хроническихъ дизентерій перевозку больныхъ въ открытыхъ экипажахъ. Pauly предлагаетъ подобное же лѣченіе въ легкихъ и тяжелыхъ случаяхъ холеры, примѣняя только свѣжій воздухъ и свѣжую воду, въ слѣдующихъ трехъ формахъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, что заболѣвающаго холерою заставляютъ ходить по открытому воздуху сколько позволятъ его силы. Въ 88 полку въ Марокко офицеры заставляли водить больныхъ подъ руки, когда силы ихъ уже были ослаблены; эта мѣра имѣла блестящій успѣхъ: судороги прекращались, лицо окрашивалось, синюха исчезала, прохладный воздухъ ночью или дождь нисколько не вредили. Когда этотъ способъ почему-либо не примѣнимъ, то

пробовали пассивныя движенія на свѣжемъ воздухѣ, а когда и это оказывается невозможнымъ, тогда ограничиваются самой тщательной вентиляціей помѣщенія у постели больнаго.

Наблюденія, сдѣланныя въ Англіи на орошаемыхъ водой и нечистотами поляхъ, показали, что дренажъ и разрыхленная почва обработанныхъ полей благопріятствуютъ свободной циркуляціи воздуха. Кончая разборъ книги Pauly, мы настоятельно совѣтуемъ ея изученіе нашимъ читателямъ, даже тѣмъ, которые не во всемъ согласны съ авторомъ. *(См. прил. 9).*

Приложенія.

Прилож. 7. Долины Sikkim у подножія Гималаевъ, противъ дельты Ганга, наводняются необычайнымъ количествомъ осадковъ—600 дюймовъ (15,000 миллим.) въ годъ; небо почти постоянно покрыто тучами, температура воздуха поразительно равномѣрна въ періодъ дождей, съ апрѣля до половины октября; оттого здѣсь такая же богатая флора, какъ въ Борнео и Суматрѣ, подъ экваторомъ. Зимою же на плоскогорьяхъ обильныя росы, а въ долинахъ густые туманы. Фрукты созрѣваютъ по окончаніи дождливаго времени; Heber видѣлъ въ Kémaon'ѣ спѣлыя вишни въ декабрѣ.

По пути отъ Bareily къ Almora и Kémaon находится полоса лѣса Teraï, почва болотистая и атмосфера столь же удушливая и ядовитая, какъ въ знаменитомъ Собачьемъ гротѣ, говоритъ Heber. Буквально это полоса смерти, къ которой даже туземцы боятся приближаться; въ дождливое время, которое продолжается почти ²/₃ года, все живое исчезаетъ въ Teraï: птицы, обезьяны, тигры перебираются въ горы съ апрѣля до декабря. Жители деревень, ближайшихъ къ Teraï, имѣютъ жалкій, крайне болѣзненный видъ: исхудалые, блѣдные, съ выпяченнымъ животомъ, безобразною наружностью. Горы мѣшаютъ доступу свѣжаго воздуха и задерживаютъ вредныя испаренія. M'Clelland въ горномъ проходѣ Burmdéo среди роскошной тропической флоры не встрѣтилъ ни одного человѣка; малярія въ этимъ мѣстѣ до того убійственна въ теченіе большей части года, что пѣшеходы рѣшаются пользоваться этимъ путемъ только съ ноября по мартъ.

По временамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Индіи, могутъ являться условія, подобныя вышеописаннымъ. Pauly вспоминаетъ необыкновенно жаркое лѣто въ долинахъ Алжиріи въ 1854 году, когда тамъ свирѣпствовала холера, особенно въ долинѣ Sig. Пріѣзжавшіе европейцы въ нѣсколько дней становились неузнаваемы: лицо дѣлалось блѣдно-желтымъ, являлись одышка, сердцебіеніе, головокруженіе, потеря аппетита и, наконецъ, рано или поздно холерные приступы; безвѣтріе, томительная жара днемъ и туманы ночью совершенно напоминали тогда Бенгалію.

Плоскогорья Белуджистана и Авганистана, лежащія въ одной широтѣ съ долиною Ганга, открыты вѣтрамъ, которые часто переходятъ въ бури зимою и весною; Dubois de Iancigny подробно описываетъ цвѣтущія здоровьемъ и мужественныя племена этихъ плоскогорій.

Господствующіе вѣтры въ Индіи довольно правильно располагаются въ теченіе года. Сѣверо-восточные муссоны дуютъ съ половины октября до конца февраля или средины марта; они при-

носятъ холодный и сухой воздухъ и поглощаютъ много влаги въ центральной и западной Индіи, осушая тамъ болота и пруды; только на Бенгалію они не имѣютъ такого вліянія по причинѣ большаго запаса почвенной влаги и дождямъ, которые не вполнѣ прерываются даже въ сухое время. Съ марта до половины іюня дуетъ горячій западный вѣтеръ, hot-winds, чрезвычайно сухой; въ это время въ Калькуттѣ температура доходитъ до 38° Ц. Съ половины іюня до октября юго-западные муссоны приносятъ пары съ океана и поддерживаютъ постоянные дожди и разливъ Ганга. Всѣ эти вѣтры слабы въ Индіи; напримѣръ, ходъ подъ парусами по Гангу крайне медленъ; частые густые туманы, особенно въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, также говорятъ за преобладающую неподвижность атмосферы. Pauly припоминаетъ по этому поводу, что въ Западной Европѣ въ концѣ октября и началѣ ноября чаще бываютъ туманы и въ это время замѣчено возрастаніе заболѣваній какъ въ количествѣ, такъ и въ тяжкости.

Перемежающіяся (febris intermittens) и послабляющія лихорадки (f. remittens)[1] въ Индіи очень распространены и по временамъ производятъ большія опустошенія. Ives передаетъ, что въ 1756 году изъ отряда майора Kilpatrick'а въ 340 человѣкъ осталось только 30; остальные погибли отъ лихорадокъ, которыя свирѣпствовали съ августа по декабрь. Iohn Clark жилъ въ Калькуттѣ въ 1768 и въ 1771 годахъ; онъ пишетъ, что лихорадки часто кончались смертью черезъ 12 часовъ послѣ заболѣванія; фатальность жизни тогда была такъ велика, что, разставшись съ знакомымъ въ полномъ здоровьѣ вечеромъ, на другой день узнаешь, что онъ уже умеръ. Тотъ же Clark сообщаетъ, что въ эпидемію 1770 года умерло въ Калькуттѣ 1.500 европейцевъ и 80.000 туземцевъ отъ лихорадокъ, при которыхъ *ознобъ продолжался 12 часовъ*. По отчету A. Tulloch'а, съ 1823 года по 1836 годъ изъ 23.431 европейскихъ солдатъ въ Бенгаліи 13.596 болѣли ремиттирующими лихорадками и 8.499 дизентеріей и поносами. Въ 1824 году жестокая эпидемія маляріи свирѣпствовала въ Іессорѣ, колыбели холеры.

Ranald-Martin, M'Clelland, Steyne утверждаютъ, что лихорадки особенно сильны тамъ, гдѣ почва богата красною желѣзистою глиной и на днѣ ручьевъ и рѣкъ лежитъ красный песокъ, какъ въ провинціяхъ Orissa, Midnapour и Sumbhulpour. Та же красная желѣзистая глина наблюдалась другими авторами въ крайне нездоровыхъ и лихорадочныхъ мѣстностяхъ, въ Гонконгѣ, Арканзасѣ, Гвинеѣ, по рѣкѣ Нигеру, а Pauly видѣлъ такое же совпаденіе въ Алжиріи.

---

[1] Тяжкая форма болотныхъ лихорадокъ тропическихъ странъ; приступы слѣдуютъ одинъ за другимъ только съ небольшимъ послабленіемъ жара; ремиттирующія лихорадки часто осложняются желудочно-кишечными разстройствами и желтухой; иногда онѣ убиваютъ больныхъ въ первые два, три дня; въ лучшихъ случаяхъ приступы тянутся 1—2 недѣли.

Hirsch разслѣдовалъ, что первая слабая холерная эпидемія была въ 1816 году въ округѣ Behar, а въ іюнѣ 1817 года она показалась въ Nouserabad'ѣ, Patna, Nouddéa и на Hougly; наконецъ уже холера разразилась опустошительною эпидемій въ Іессорѣ, въ дельтѣ Ганга. Внѣ постоянныхъ очаговъ маляріи, то-есть замкнутыхъ и болотистыхъ долинъ Гималаевъ, какъ Teraï, Kemaoun, Sonderbund, холера въ Индіи часто имѣла доброкачественный характеръ; такъ въ Бомбеѣ, напримѣръ, смертность была въ 7,5% на 14.000 больныхъ. Европейцы состоятельныхъ классовъ рѣдко заболѣваютъ холерой, но солдаты Ирландцы, привычные пьяницы, умираютъ отъ холеры въ большомъ количествѣ.

Теоріи контагіонистовъ о разнесеніи заразы имѣютъ выдающихся представителей и въ Академіи Наукъ, и въ медицинскихъ обществахъ, и въ прессѣ. Правительственные органы также всегда проводятъ строго контагіонистическія мѣропріятія. Населеніе обыкновенно находится подъ вліяніемъ сильнаго страха занесенія холеры; но къ счастію этихъ трусливыхъ массъ, говоритъ Cazalos [1]—онѣ очень непослѣдовательны въ способахъ примѣненія контагіонистическихъ доктринъ; онѣ привѣтствуютъ строгія карантинныя мѣры на корабляхъ, а сами разбѣгаются сухимъ путемъ изъ холерныхъ очаговъ. 20.000 тулонцевъ, 100.000 марсельцевъ и 200.000 парижанъ въ разгаръ холеры разсѣялись по окрестностямъ съ опасеніемъ занести съ собой заразу, но однакожь этого не произошло; даже города — Авиньонъ, Валенція, Ліонъ, Римъ, Флоренція, наводнявшіеся эмигрантами изъ холерныхъ мѣстъ, нисколько отъ нихъ не пострадали. Послѣ этого кажутся странными увѣренія контагіонистовъ, какъ одинъ арабъ занесъ холеру въ Марсель, одинъ путешественникъ — въ Givet, одинъ солдатъ — въ Fumay, одна женщина изъ Константинополя въ Альтенбургъ. Разбирая подобные случаи, Pauly достовѣрными документами возстановляетъ истину.

Холера въ Галлиполи, а отсюда въ Константинополѣ, Адріанополѣ и Варнѣ, въ 1854 года приписывалась занесенію изъ Марсели кораблемъ *Alexandre*. Этотъ корабль вышелъ изъ Марсели 26 іюня и прибылъ въ Галлиполи 3 іюля; на пути умерли три холерныхъ и высадили двухъ, а не 40, какъ тогда утверждали; вскорѣ послѣ этого холера началась въ помянутыхъ городахъ. Въ рапортѣ Grellois, старшаго врача госпиталя въ Галлиполи, значится: „Въ послѣднихъ числахъ іюня поносы сдѣлались преобладающею болѣзнью въ гарнизонѣ; врачи *часто* наблюдали холероподобные припадки; съ 25 по 30 іюня поступили въ госпиталь три солдата, находившіеся въ Галлиполи съ апрѣля, съ полною картиной азіатской холеры“. Scrive [2] пишетъ:

---

[1] Examen théorique et pratique de la question relative à la cantogion et à la non-contagion du cholera. 1866 г.

[2] Relation medico-chirurgicale de l'armée d'Orient.

„Въ послѣднихъ числахъ іюня, въ Варнѣ, въ 2-мъ полку зуавовъ и 9-мъ баталіонѣ стрѣлковъ наблюдалось большое количество холерины и холерныхъ поносовъ, а 3 іюля поступилъ въ госпиталь холерный солдатъ 42-го полка и въ тотъ же день умеръ. Врачъ въ Адріанополѣ сообщилъ, что холера у мѣстныхъ жителей появилась до прибытія французскихъ войскъ.

Корабль *Stella* вышелъ изъ Александріи 1 іюня 1865 года съ двумя чистыми патентами, египетскимъ и французскимъ; прибылъ въ Марсель 11 іюня. Первый холерный случай въ Александріи былъ 2 іюня. 12 іюня въ фортѣ Saint-Iean умеръ старикъ Ben-Kaddour, возвращавшійся на *Stella* изъ Мекки; врачъ Renard далъ заключеніе, что смерть послѣдовала отъ хронической дизентеріи и старости. Собирая данныя за предшествовавшее время, оказалось, что 26 мая гренадеръ 80-го полка поступилъ въ Марсельскій госпиталь съ холериной; 2 іюня марселецъ P. Vidol умеръ отъ *холеры*; въ тотъ же день умеръ ребенокъ двухъ мѣсяцевъ отъ *амидной холеры*; 5 и 6 іюня поступило въ госпиталь еще двое холерныхъ, выздоровѣвшихъ.

Въ Тулонѣ уже 11 мая умеръ черезъ 40 часовъ солдатъ отъ *спорадической холеры;* 17 мая и 6 іюня еще по одному такому случаю. Вотъ что показали точныя разслѣдованія о ходячихъ фактахъ занесенія холеры.

Ranald-Martin въ своемъ классическомъ трудѣ *Influence of tropical climates*, между прочимъ, касается атмосферическихъ условій во время холерныхъ годовъ въ Англіи:

1832 годъ. Барометръ стоялъ высоко, дожди съ малымъ количествомъ выпадавшей воды; вѣтры перемѣнные, то NE, то SO, но *очень слабые*; электрическое напряженіе воздуха слабое.

1849 годъ. Барометрическое давленіе большое, температура высокая, воздухъ удушливый; вѣтры тѣ же, перемѣнные; *сила ихъ менѣе половины обыкновенной скорости;* когда эпидемія достигла высшей степени, господствовали густые туманы, особенно въ мѣстахъ низкихъ, не было дождя и грозъ, положительное атмосферное электричество слабое.

1854 годъ. Барометръ стоялъ высоко, температура воздуха высокая; вѣтры такіе же, перемѣнные; *скорость ихъ уменьшилась на половину противъ средней;* на высотѣ эпидеміи бездождіе, густые туманы въ лощинахъ, отсутствіе атмосфернаго электричества и озона, удушливая жара (l'air stagnant); температура Темзы выше обыкновенной.

Подобное же состояніе атмосферы въ Новомъ Орлеанѣ описываетъ Barton во время эпидеміи желтой лихорадки и холеры.

Сославшись на указанія Griesinger'а и Hirsch'а объ наблюдавшемся ожесточеніи перемежающихся лихорадокъ въ холерные годы въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ и Константинополѣ, Pauly еще до знакомства съ этими фактами былъ пораженъ въ 1854 году, какъ за три мѣсяца до холеры поступленія въ госпиталь Saint-Denis du Sig (пров. Оранъ) съ ремиттирующими и злока-

чественными лихорадками возрасли необычайно; въ предъидущее же лѣто малярійныхъ больныхъ было мало. То же Pauly наблюдалъ въ 1859 году въ Марокко, въ лагеряхъ Ras-el-Mouïlah и Kyss; тамъ за два мѣсяца до холеры ожесточились малярійныя лихорадки, а потомъ къ нимъ присоединились дизентеріи и поносы.

Относительно теоріи почвенныхъ водъ Петтенкофера Pauly напоминаетъ о многихъ наблюденіяхъ въ Европѣ, говорящихъ противъ сущности теоріи. Въ жаркомъ поясѣ также собрано не мало противорѣчивыхъ фактовъ. Напр. Griesinger приводитъ случаи сильной холеры въ караванахъ, шедшихъ по песчанымъ пустынямъ Африки, на почвѣ сухой, совершенно безводной и незагрязненной никакими органическими отбросами. Pauly былъ очевидцемъ многихъ подобныхъ фактовъ. Въ 1859 году, въ Марокко, войска прибыли вечеромъ 21 октября въ Aïn-Regada,— мѣсто сухое, совершенно чистое; однакоже ночью умерло болѣе сотни солдатъ отъ холеры; такія же опустошенія холерой наблюдались въ Mohamed-Aberkam, Sidi-Bou-Houria и Zekkaras; на каждый изъ этихъ бивуаковъ армія приходила вечеромъ въ совершенно новое и чистое мѣсто; это были поля, съ которыхъ хлѣбъ убранъ четыре мѣсяца тому назадъ, луговыя степи выжженныя солнцемъ. Гдѣ здѣсь почвенная вода, органическіе остатки и испражненія холерныхъ, которыя успѣли бы выработать ядъ, столь убійственный для каравановъ и для нашей арміи? спрашиваетъ Pauly. Всѣ эти мѣста находились въ холерной полосѣ 1859 и 1860 годовъ, которая занимала только Марокко и противоположный берегъ Испаніи до Картагены, полоса рѣзко очерченная и не имѣвшая связи съ холерой въ Индіи.

Въ лазаретахъ Kyss и Aberkam Pauly съ 8 фельдшерами и 40 служителями постоянно находился въ палаткахъ, гдѣ солома и земля подъ нею были пропитаны холерными изверженіями, запахъ въ палаткахъ доводилъ персоналъ до тошноты и обмороковъ; однакожъ умерли отъ холеры только одинъ фельдшеръ (отъ рѣзкой погрѣшности въ діетѣ) и четыре служителя; процентъ смертности получился меньше, чѣмъ во всемъ нашемъ отрядѣ; мы, говоритъ Pauly, исполняя днемъ и ночью наши опасныя обязанности, совершенно презирали мѣры предосторожности противъ зараженія, но за то наша гигіена питанія была самая строгая.

Говоря о поступательномъ шествіи холеры, Pauly упоминаетъ, что полосы нездороваго затишья переходятъ по поверхности земли и занимаютъ иногда обширныя пространства по широтѣ и долготѣ. Движеніе холеры чаще было съ востока на западъ, изъ Индіи, но нерѣдко она принимала обратный ходъ, съ запада на востокъ. Холерные очаги бываютъ также очень ограничены, какъ, напр., въ Маскарскомъ округѣ въ 1868 году; обычныя людскія сношенія не распространили оттуда холеры даже въ Алжиріи.

На санитарное состояніе Индіи вліяли также опустошенія и разрушенія завоевателей; англійская „Индійская Компанія“ уни-

чтожила много осушительныхъ, водопроводныхъ и оросительныхъ сооруженій, устроенныхъ во время владычества моголовъ, лѣса безжалостно и безъ разбора вырубались; такимъ образомъ возникли мѣстами опасныя болота, а на открытыхъ пространствахъ засухи и голодъ стали часто повторяться.

Прилож. 8. По статистическимъ выводамъ Dutroulau, смертность гарнизона Таити за восемь лѣтъ 0,98%, а въ 1850 году только 0,39%; во французскихъ же гарнизонахъ на островѣ Майоптѣ, къ сѣверу отъ Мадагаскара, смертность 7%, на Антильскихъ островахъ—6,68% и 11,50%.

Прилож. 9. Въ своихъ заключеніяхъ Pauly приводитъ интересныя выдержки изъ „Физической географіи моря“ Maury; воздухъ обоихъ полушарій обмѣнивается вмѣстѣ со взвѣшенными въ немъ водяными парами, а иногда пылью; благодаря бо̀льшему испаренію съ болѣе обширной поверхности воды южнаго полушарія объясняется многоводность громадныхъ рѣкъ сѣвернаго полушарія. Дожди съ красною пылью (кровавые) падали на Канарскихъ островахъ, въ Марокко, Мальтѣ, Генуѣ, Ліонѣ и Тиролѣ; когда Ehremberg изслѣдовалъ подъ микроскопомъ эту красную пыль, то она оказалась панцырями малѣйшихъ животныхъ съ льяносовъ Венесуеллы по притокамъ рѣки Ориноко; кровавые дожди наблюдались въ мартѣ и сентябрѣ, когда Венесуелла находится въ періодѣ засухи. Экваторіальное затишье во время нашего лѣтняго солнцестоянія поднимается иногда до 14° с. ш., а во время зимняго спускается до 1° с. ш.

Pauly описываетъ, какъ онъ пользовалъ своихъ оспенныхъ больныхъ въ Оранскомъ военномъ госпиталѣ во время франко-прусской войны. Большая часть молодыхъ солдатъ были волонтеры изъ бѣднаго населенія Парижа, а также изъ Эльзаса и Лотарингіи, деморализованные неудачами войны и истощенные всевозможными лишеніями. Самыхъ тяжелыхъ, со сливною оспой, Pauly помѣстилъ въ верхнемъ этажѣ госпиталя, въ палатѣ съ 44 койками; 13 большихъ оконъ смотрѣли къ морю на сѣверъ, столько же на югъ; всѣ окна днемъ и ночью держались открытыми; въ близкомъ разстояніи, при изслѣдованіи больныхъ, замѣчался тяжелый запахъ, свойственный оспеннымъ, но въ двухъ шагахъ отъ постели воздухъ былъ такъ же чистъ, какъ внѣ госпиталя; все лѣченіе заключалось въ большихъ пріемахъ вина, малыхъ дозахъ хины.

Robert Jackson, утверждаетъ, что ни одинъ способъ лѣченія малярійныхъ ремиттирующихъ лихорадокъ, хроническихъ дизентерій не давалъ такихъ хорошихъ результатовъ, какъ перевозка больныхъ въ открытыхъ экипажахъ. Во время отступленій передъ побѣдоноснымъ непріятелемъ больные подвергались всякимъ невзгодамъ, попадали подъ дождь, ночью терпѣли отъ холода и росъ; и несмотря на все многіе выздоравливали сверхъ всякаго ожиданія. Jackson слышалъ возраженія, что слабыхъ больныхъ опасно подвергать столь суровымъ условіямъ; но онъ

настаивалъ, что именно такихъ-то больныхъ нужно держать на открытыхъ повозкахъ, такъ какъ обычные способы лѣченія для нихъ безсильны. (Ranald-Martin, *Influence of tropical climate.* Gestation in open air, Remittent fever).

Въ 1859 году, въ Марокко, Pauly видѣлъ результаты и самъ примѣнялъ способъ лѣченія холеры движеніями на открытомъ воздухѣ, по идеѣ Jackson'a (la gestation en plein air, la marche forcée). Въ 88-мъ полку офицеры первые заставили водить подъ руки заболѣвающихъ солдатъ; трудно себѣ представить, какъ быстро измѣнялся видъ больныхъ подъ вліяніемъ этихъ прогулокъ и какъ возвращались къ нимъ силы, часто до поразительности эффектно. Командиръ эскадрона, Beauprêtre, 19 октября заболѣваетъ поносомъ, рвотой и судорогами; немедленно онъ приказалъ осѣдлать свою лошадь и въ сопровожденіи нѣсколькихъ арабовъ своего кавалерійскаго отряда выѣхалъ въ поле; проскакавъ нѣсколько верстъ, больной уже не чувствовалъ никакихъ припадковъ холеры. 22 октября, когда почти всѣ заболѣвшіе холерой умерли, у лазаретнаго служителя (Potel) началась холера сильнымъ приступомъ, съ быстро наступившею синюхой; я приказалъ его товарищамъ помогать больному въ ходьбѣ, и черезъ два часа опасность совершенно миновала. Младшій врачъ лазарета М. А. въ полночь на 21 октября пришелъ въ нашу общую съ нимъ палатку, жалуясь на головокруженіе, позывы на рвоту и судороги; пульсъ очень слабый, кожа холодная; по моему настоятельному совѣту онъ всталъ съ постели, быстро одѣлся, взялъ мою руку, и мы съ нимъ гуляли по двору до двухъ часовъ ночи; постепенно болѣзненныя ощущенія проходили, и товарищъ просилъ меня продолжать съ нимъ прогулку, видя на себѣ благотворное ея дѣйствіе. Могутъ сказать, что въ этихъ случаяхъ еще не было рѣзко выраженной холеры; но я напомню, что указанныя числа октября 1859 года были самыя ужасныя для нашей дивизіи; молніеносные случаи холеры были очень обыкновенны; головокруженіями очень часто начинались тяжелыя формы холеры. Когда я вернулся съ д-ромъ М. А. въ свою палатку, меня позвали къ полковнику Lafont'у; я его нашелъ уже умирающимъ, а заболѣлъ онъ только вечеромъ 20 октября.

Во время холерной эпидеміи 1867—68 г. въ Tlemcen'ѣ, Pauly много разъ практиковалъ прогулки у тяжелыхъ больныхъ съ успѣхомъ; но когда у нѣкоторыхъ больныхъ этотъ способъ примѣнялся послѣ продолжительнаго альгиднаго періода—болѣе сутокъ—результаты иногда бывали безуспѣшны.

Переводомъ реферата H. Reimer'a съ дополненіями мы представили только краткій обзоръ классическаго труда Pauly. Познакомившись обстоятельно съ его книгой, можно видѣть, какой громадный матеріалъ онъ разработалъ, выходя изъ безспорно вѣрнаго основанія; онъ возвелъ въ систему то, о чемъ упоминалось отрывочно, практиковалось случайно, безъ опредѣленнаго

плана, а потому иногда приводило къ результатамъ совершенно противоположнымъ (вспомнимъ перемѣщеніе войскъ на бугоръ Aïn-Tafughal и переселеніе арестантовъ въ лощину Saint-Hippolyte). Въ вопросахъ о распространеніи и силѣ холеры Pauly съ наибольшею ясностію указалъ сущность мѣстныхъ и временныхъ условій.

Если тщательными провѣрками прошлыхъ и предстоящихъ эпидемій подтвердятся у насъ доводы Pauly, то получатся болѣе послѣдовательные и радикальные способы борьбы съ холерой; въ годы не эпидемическіе его работа дастъ много указаній къ оздоровленію населенныхъ мѣстъ. Въ этихъ видахъ ученіе Pauly [1] заслуживаетъ серьезнаго вниманія и дальнѣйшей разработки.

И. Лебедевъ.

---

[1] Pauly скончался въ Оранѣ 1 сентября 1892 года (н. с.).

КОНСУЛЫ И КОНСУЛЬСКІЙ УСТАВЪ.

(Къ вопросу о поощреніи русскаго мореходства и судостроенія).

I.

Въ послѣднее время сдѣлалось моднымъ толковать о развитіи русскаго судостроенія и мореходства. Образовываются „при надлежащихъ учрежденіяхъ“ многочисленныя коммиссіи, долженствующія на бумагѣ выразить это развитіе; при ученыхъ обществахъ назначаются преміи за наилучшее собраніе такихъ бумагъ, которое и будетъ тогда называться премированнымъ сочиненіемъ по этому вопросу, и т. д.

Ознакомился я съ заключеніями г. И. Милютина въ *Гражданинѣ*, г.г. Скальковскаго, Кази и профессора Менделѣева, занимающихся этимъ дѣломъ въ Петербургѣ; ознакомился съ программой „сочиненія“, предложенной на конкурсѣ Обществомъ поощренія русскаго мореходства, и нахожу, что лучше намъ не имѣть никакого развитія судостроенія и пр., лучше даже отказаться и отъ того, что у насъ теперь по этой части есть, чѣмъ развивать эту область народнаго хозяйства по тому пути, по которому предлагаютъ означенныя лица!

Говорить о „развитіи“, въ смыслѣ увеличенія числа судовъ и командъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ—а всѣ эти господа только о томъ и хлопочутъ—значитъ то же самое, что бѣдняку, не могущему прокормить и какъ слѣдуетъ взростить свое наличное семейство, рекомендовать народить еще какъ можно болѣе дѣтей.

Всѣ хлопочутъ объ развитіи, а никто не хочетъ вникнуть въ положеніе тѣхъ немногихъ представителей нашего коммерческаго флота, которые уже существуютъ.

Всѣ хлопоты идутъ къ тому, чтобы судовъ и командъ было какъ можно больше, и всѣ даже сбиваются въ ту сторону, чтобы ихъ было „числомъ побольше,—цѣною подешевле"...

Не лучше ли, чѣмъ развивать несуществующее, посмотрѣть повнимательнѣй, что̀ такое наше *уже существующее*, въ чемъ его нужды, какъ его поддержать, какъ дать ему начать жить полною жизнью и приносить полную пользу, которую это существующее можетъ приносить.

Тогда, видя, что русскій коммерческій флотъ живетъ полною жизнью, даетъ хорошій заработокъ, поставленъ въ нормальныя условія къ лицамъ и учрежденіямъ, съ которыми ему приходится сталкиваться—можно будетъ толковать о дальнѣйшемъ развитіи его, и можно быть увѣреннымъ, что такое естественное развитіе непремѣнно совершится, найдутся для этого и люди и средства.

Теперь же что̀ мы видимъ? Черное море—въ рукахъ Австрійцевъ, Грековъ, Турокъ, Румынъ, Италіанцевъ, Французовъ; Балтійское — въ рукахъ Нѣмцевъ, Шведовъ, Финновъ; Сѣверный океанъ—въ рукахъ Норвежцевъ; Тихій—Американцевъ, Китайцевъ, и всѣ они вмѣстѣ въ рукахъ Англичанъ.

Русское же судно или компанія — помимо невозможной конкурренціи со всѣми сими двунадесятью языками — должно бороться съ еще болѣе невозможными условіями, въ которыя поставлено законами, и нашими и международными, съ прибавленіемъ особаго вида напасти, которая называется „консуломъ" за границей.

Короче сказать—важнѣе всего измѣнить условія существованія нашего наличнаго коммерческаго флота, и для этого необходимо: 1) Пересмотрѣть и переработать сообразно современнымъ національнымъ требованіямъ всѣ положенія, относящіяся къ этому предмету, какъ по части нашихъ русскихъ судовъ и ихъ командъ, такъ равно и по части судовъ и командъ иностранцевъ, плавающихъ *въ нашихъ моряхъ.* 2) Сдѣлать то же самое относительно взаимныхъ отношеній нашего флота къ флотамъ иностраннымъ *въ иностранныхъ моряхъ* и 3) Озаботиться, чтобы не только у насъ въ Россіи были должные исполнители

этихъ законовъ, что̀ уже и есть, слава Богу, но чтобы и за границей таковые были, въ лицѣ консуловъ, консульствъ и т. п.

Безъ людей—тщетно законы писать!...

Правительство наше, ставъ на истинно-русскую точку зрѣнія въ своей политикѣ внѣшней и внутренней, видимо сознаетъ ту же необходимость, видимо рѣшило не ограничиваться словопреніями коммиссій и выводами премированныхъ сочиненій.

Въ добрый часъ! Чѣмъ меньше пустыхъ разговоровъ, чѣмъ больше дѣла, тѣмъ лучше!

II.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, [1] мы наканунѣ новой, окончательной реформы консульской части, связанной съ учрежденіемъ при Министерствѣ Финансовъ особаго комитета по дѣламъ внѣшней торговли.

Эта реформа должна коснуться нѣсколькихъ вѣдомствъ: Министерства Финансовъ, Иностранныхъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ, Путей Сообщенія и Морскаго и, по важности своей, должна на всѣхъ ихъ значительно отразиться, измѣнивъ нынѣ существующій строй и порядокъ веденія дѣлъ.

Коснется она и насъ, моряковъ, военныхъ и коммерческихъ, и съ этой послѣдней стороны скорѣйшее осуществленіе этой благой реформы нельзя не привѣтствовать, какъ новое доказательство заботливости правительства о родномъ флотѣ и объ его развитіи.

Для другихъ вѣдомствъ вопросъ о консулахъ имѣетъ безъ сомнѣнія важное значеніе, но никому не приходится такъ близко, непосредственно соприкасаться съ консулами и консульскими порядками, какъ плавающему за границей моряку, и если для другихъ вѣдомствъ вопросъ этотъ имѣетъ болѣе теоретическое значеніе, то для морскаго вѣдомства—это есть, кромѣ того, и вопросъ чисто-практическій.

Если русскій туристъ за границей и можетъ обойтись, съ грѣхомъ пополамъ, безъ содѣйствія консула, можетъ не нуждаться въ его совѣтахъ, указаніяхъ, покровительствѣ и т. п., то нашъ морякъ, военный и коммерческій, безъ всего этого обойтись не можетъ, да подчасъ и не имѣетъ права.

[1] См. № 45 *Вѣстника Финансовъ* за прошлый годъ.

Начать съ того, что консулъ по большей части самъ указываетъ, гдѣ и почемъ военное судно можетъ купить уголь, провизію, тотъ или иной недостающій инструментъ или снасть, а если и предположить, что найдется такой опытный командиръ, который сумѣетъ обойтись и безъ указаній консула или его агента, то все-таки консулъ долженъ дать ему оффиціальныя справки о существующихъ въ данномъ портѣ цѣнахъ на тотъ или иной товаръ, безъ чего не можетъ вестись судовая отчетность.

Это—сторона коммерческая, и если припомнить, что годовой бюджетъ нашихъ плавающихъ въ заграничныхъ моряхъ военныхъ судовъ достигаетъ очень и очень крупныхъ цифръ, исчисляется почти въ шесть милліоновъ, и что эти милліоны проходятъ, такъ сказать, чрезъ руки нашихъ консуловъ и ихъ агентовъ, то и надъ ней, надъ этой стороной надо будетъ призадуматься.

Но есть сторона еще болѣе важная, сторона, которая касается чести русскаго военнаго флага, чести роднаго флота.

Что же можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи нашъ теперешній консулъ, незнакомый подчасъ вовсе съ нашей обширнѣйшей въ мірѣ страной, коей онъ является представителемъ, не знающій ея быта, законовъ, жизни, даже языка, и являющійся для русскаго моряка въ полномъ смыслѣ чужимъ человѣкомъ?

А если, при этомъ, консулъ будетъ еще не на высотѣ своего призванія, будетъ небезупреченъ какъ человѣкъ, не будетъ пользоваться мѣстнымъ уваженіемъ и т. п.?

Для моряка коммерческаго еще хуже.

Командиръ военнаго судна — лицо оффиціальное, штабъ-офицеръ, самъ являющійся для консула своего рода начальствомъ, да и „средства воздѣйствія" у командира военнаго судна всѣ на лицо,—стоитъ только ихъ пустить въ ходъ, стоитъ дать просто подробную телеграмму своему начальству, и неисполнительный, нерадивый и недобросовѣстный консулъ получитъ по дѣламъ его.

Что же сдѣлаетъ нашъ коммерческій морякъ, какой-нибудь крестьянинъ Иванъ Ивановъ изъ Херсона, пришедшій съ какимъ-нибудь парусным бригомъ и съ 5 — 6 человѣками такой же „сѣрой" команды?

Вѣдь для всѣхъ этихъ сѣрыхъ моряковъ консулъ—начальство, „генералъ", отъ расположенія котораго зависитъ все: и потеря времени на проволочки по канцелярскимъ отпискамъ, и потеря

денегъ и довѣрія грузоотправителей, которые, видя, что наши суда порою [illegible] мѣсяцы, тамъ гдѣ „просвѣщенный мореплаватель" управляется [illegible] судны, — не разсуждаютъ, что [illegible] Ивана Ивановича, а въ консулѣ и грузоотправителяхъ [illegible] то что за дѣло разбирать горести и мытарства нашего моряка, имъ нужно чтобы дѣло [illegible]

III.

Говоря объ неудовлетворительности положенія русскихъ консульствъ, неудовлетворительности почти всѣми давно признанной, всегда ссылаются на „отсталость консульскаго устава" и на „недостатокъ матеріальныхъ средствъ".

Эти ссылки на „отсталость" того или иного узаконенія и на „недостатокъ средствъ" стали у насъ вообще какимъ-то общимъ мѣстомъ, сдѣлались привычкой и, по моему, привычкой дурного тона.

Такое сказаніе: „men not means" или законы святы, да люди [illegible] Ссылка [illegible] недостатокъ средствъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ, съ одной стороны, наши консулы получаютъ весьма порядочный доходъ отъ исполненія своихъ обязанностей, получаютъ подчасъ весьма солидное содержаніе, доходящее до нѣсколькихъ тысячъ рублей, получаютъ разныя награды и отличія и проч., а съ другой, не надо забывать, что разъ наша торговля, наши сношенія съ тѣмъ пунктомъ, гдѣ учреждено то или другое консульство, разовьются и увеличатся, отъ этого самого увеличится и доходъ самого консула. Если же теперь и есть у насъ консульства, вице-консульства и агентства въ такихъ городахъ, гдѣ не было да и не можетъ быть никогда въ нихъ надобности, и если такія учрежденія не получаютъ ничего или получаютъ очень мало, то самъ собой является вопросъ: зачѣмъ они существуютъ? Лучше сократить ихъ общее число и учредить меньше консульствъ, но вполнѣ отвѣчающихъ своему важному назначенію.

IV.

Въ чемъ же главная причина ненормальности нашего консульскаго дѣла?

Безъ сомнѣнія—въ *людяхъ*, въ самихъ консулахъ, въ ихъ составѣ.

Не говоря уже о томъ, что $^9/_{10}$ нашихъ консуловъ иностранцы, [1] которымъ до Россіи и русскихъ интересовъ, въ лучшемъ случаѣ, нѣтъ дѣла, а въ худшемъ — которые заинтересованы ими лишь настолько, насколько это составляетъ для нихъ личную выгоду, — обратимъ вниманіе, изъ кого теперь формируется штатъ консуловъ?

Если не считать какого-нибудь десятка свѣтлыхъ и талантливыхъ личностей, извѣстныхъ и дорогихъ всякому Русскому — Островскаго, К. Н. Леонтьева и др., — то остальныя по преимуществу неудачники нашего дипломатическаго вѣдомства, или иностранцы, думающіе о своихъ выгодахъ, а вовсе не о благѣ и чести Россіи.

Какъ же можно отъ такихъ неудачниковъ ожидать, что они не только будутъ достойными представителями нашими, но и сумѣютъ отстоять наши интересы отъ стремленія подорвать ихъ консулами другихъ державъ, когда эти послѣдніе назначаются изъ среды самыхъ испытанныхъ, самыхъ талантливыхъ и способныхъ лицъ?

Между тѣмъ, какъ то и указывалось неоднократно, у насъ есть готовый контингентъ консуловъ, есть цѣлый классъ людей, который всей своей предшествующей службой какъ бы готовился къ занятію этихъ должностей, классъ людей, изъ которыхъ наши западные сосѣди и формируютъ почти исключительно личный составъ своихъ консульствъ,—это наши отставные моряки.

Отставной морякъ, проплававшій нѣсколько десятковъ лѣтъ за границей въ разныхъ моряхъ, не можетъ не знать, что̀ надо

[1] Не желая заслужить упрека въ голословности, отмѣтимъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, изъ одиннадцати вице-консуловъ нѣтъ *ни одного* Русскаго, въ Бразиліи—изъ девяти—тоже ни одного, въ Англіи—изъ 25 только *одинъ*, назначенный при томъ очень недавно, въ Бельгіи, Даніи, Греціи — ни одного Русскаго, даже *между консулами*, въ Италіи—изъ 23 консуловъ одинъ Русскій; это въ Европѣ и Америкѣ, — нечего и говорить, что дѣло еще хуже стоитъ въ Азіи, Африкѣ и Австраліи.

Русскому: онъ это испыталъ на самомъ себѣ; тотъ же морякъ, отслуживъ вѣрой и правдой родинѣ 25—35 лѣтъ, не можетъ не знать ея законовъ и не можетъ не дорожить честью русскаго флота, и тотъ же морякъ, заслуживъ пенсію и довольствуясь ею, съ радостію пойдетъ снова служить, если ему предложатъ *сверхъ того* получать еще и консульское содержаніе, которое кажется такимъ недостаточнымъ нашимъ теперешнимъ консуламъ.

Все дѣло въ томъ, чтобы выбрать изъ многихъ сотенъ нашихъ пенсіонеровъ, служащихъ по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ, конторамъ, въ разныхъ думахъ и земствахъ, людей отвѣчающихъ данной задачѣ и предложить имъ поступить снова на службу консулами, не лишая ихъ въ то же время выслуженной пенсіи.

Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ согласятся съ радостію служить и многіе изъ теперь числящихся по флоту, оставшихся не у дѣлъ по новымъ правиламъ о морскомъ цензѣ, и тѣмъ самымъ выведутъ изъ затрудненія наше Морское Министерство, долженствующее теперь разрѣшить весьма сложную задачу: какъ быть съ лицами не удовлетворяющими цензу?

V.

Какъ извѣстно, подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища Министра Финансовъ, (нынѣ управляющаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ) тайнаго совѣтника Ермолова, была образована коммиссія для обсужденія мѣръ къ поощренію русскаго судостроенія и судоходства; коммиссія эта уже получила на этотъ предметъ три проекта: отъ гг. Скальковскаго, Кази и профессора Менделѣева. Не касаясь въ частности всѣхъ предлагаемыхъ этими проектами мѣръ, мы отмѣтимъ только, что всѣ они обходятъ молчаніемъ важный вопросъ *о консулахъ*, безъ рѣшенія котораго, по нашему крайнему разумѣнію, никакія мѣры поощренія мореходства немыслимы. Изъ массы изустныхъ разсказовъ о подвигахъ нашихъ консуловъ за границей можно бы было составить цѣлый томъ, но... nomina sunt odiosa, особенно когда дѣло касается такого щекотливаго вопроса, какъ наше заграничное представительство, а потому приведу здѣсь хоть одинъ изъ немногихъ разсказовъ, попавшихъ въ печать.

Въ *Русскомъ Обозрѣніи*, за декабрь мѣсяцъ, помѣщено письмо г. И. Струнина.

Разсказъ этотъ такъ характеренъ, что я рѣшаюсь напомнить его читателямъ *Русскаго Обозрѣнія* снова. Г. Струнинъ — торговецъ по Дунаю; судя по роду его торговли—это человѣкъ небогатый, безъ большихъ оборотовъ,—поэтому его слово особенно интересно, такъ какъ такіе-то средніе и небогатые торговцы и нуждаются преимущественно въ помощи и защитѣ консула.

Авторъ ставитъ вопросъ прямо — *что̀ значитъ правильное рѣшеніе вопроса о русскихъ консулахъ?* И прямо же отвѣчаетъ, что̀ это значитъ „удовлетворить торгово-промышленный людъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, чтобы намъ, Русскимъ, не приходилось искать подчасъ защиты своихъ интересовъ у консуловъ иностранныхъ, какъ это теперь сплошь и рядомъ бываетъ" и прекрасно и безыскусственно иллюстрируетъ этотъ выводъ разсказомъ о томъ, что̀ было съ нимъ самимъ:

„Можетъ-быть люди серединной Россіи не могутъ взять въ толкъ, какъ это (покровительство иностраннаго консула) можетъ быть? А это очень просто: мнѣ самому по дѣламъ торговымъ приходилось просить защиты у иностранныхъ консуловъ и находить защиту дѣйствительную; конечно, не самъ лично обращался къ нимъ, а чрезъ купцовъ ихъ національности. Привезъ я разъ изъ Одессы въ Браилу сушеный горохъ—не пускаютъ, поѣхалъ къ нашему консулу. Говорятъ—въ канцеляріи, что я пришелъ рано; поѣхалъ попозднѣе, говорятъ—поздно; поѣхалъ на другой день—и засталъ, хотя ждалъ выхода его часа два; я къ нему съ жалобой, а онъ даже по-русски не понимаетъ. Сталъ я съ нимъ объясняться по-румынски. Вышло такъ: горохъ привозить я не имѣлъ права. Пошелъ къ одному пріятелю-Нѣмцу, и тотъ чрезъ своего консула получилъ разрѣшеніе, и не потребовалось на это болѣе трехъ часовъ времени. Другой примѣръ: привезъ я въ Сулинъ „образа" для вымѣна; румынскія власти стали дѣлать мнѣ всякія притѣсненія; я къ консулу, и тутъ оказалось, что этотъ господинъ по-русски не понимаетъ: Нѣмецъ, да къ тому же австрійскій чиновникъ. Пошелъ я тогда къ консулу греческому — православному, и тотъ помогъ. Вотъ еще на моей памяти было что̀: собралось насъ человѣкъ двадцать Русскихъ на Пасхѣ въ Букурештѣ; отстояли заутреню, пошли было къ посланнику по русскому обычаю христосоваться, а насъ даже не допустили, сказавъ, что у посланника Пасха уже кончилась, онъ справляетъ ее не по нашему."

Какое же тутъ „поощреніе мореплаванія“ можетъ имѣть мѣсто, когда идетъ для русскаго морехода вопросъ не о льготѣ въ нѣсколько рублей, а о потерѣ всего его груза?

Если же сравнить при этомъ дѣятельность нашихъ консуловъ съ таковой же консуловъ иностранныхъ, то сдѣлается вполнѣ понятно, почему наши коммерсанты предпочитаютъ имѣть дѣло съ иностранными агентами и перевозятъ свои товары на иностранныхъ судахъ: что ни говори про патріотизмъ и про разныя отечественныя „поощренія“, а своя рубашка всегда будетъ къ тѣлу ближе, и всякій предпочтетъ отдать грузъ въ руки иностранца, чѣмъ подвергать его въ рукахъ нашихъ консуловъ всѣмъ казнямъ египетскимъ.

Черноморецъ.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

VII.

„Живъ, живъ Курилка!“ А вѣдь многіе думали, что и самъ Гладстонъ, и вѣрная жена его непремѣнно угаснутъ въ началѣ этого года. Это ожиданіе поддерживалось, во-первыхъ: преклонностію лѣтъ обеихъ, во-вторыхъ: какимъ-то спиритическимъ предсказаніемъ, по которому въ концѣ января, и никакъ не позже начала февраля, оба неминуемо сойдутъ въ могилу. На замѣчаніе, что изъ десяти предсказаній девять, по крайней мѣрѣ, не сбываются, отвѣчали, что именно въ данномъ предсказаніи сомнѣваться нельзя, и что оно непремѣнно сбудется. Но вотъ и апрѣль уже проходитъ, и май на дворѣ, а „Курилка“ все еще живъ, и не только живъ, но даже поетъ гимны въ церкви въ Брайтонѣ, куда доктора его послали отдохнуть отъ продолжительныхъ и крайне бурныхъ парламентскихъ преній. Замѣчаніе лорда Маколея, что парламентскія страны управляются разговоромъ (не болтовнею ли?) оправдалось особенно рельефно за послѣднее время. Можно только удивляться, какъ 83-лѣтній ораторъ устоялъ передъ такимъ упорнымъ нападеніемъ, когда уже въ 68 году, то есть когда онъ на четверть вѣка былъ моложе, парламентской травлѣ однажды удалось совершенно парализовать его силы, къ тому же безсовѣстная игра въ обструкціонизмъ не доходила въ то время до теперешнихъ возмутительныхъ размѣровъ. Въ 1868 году произошло слѣдующее. Въ одной изъ своихъ рѣчей Гладстонъ упомянулъ о „Сателитахъ“ главы оппозиціи. Это выраженіе почему-то вызвало такой шумъ и крики, что ораторъ остановился. „Со-

вершенно потерявъ нить своей рѣчи. „На чемъ это я остановился?“ воскликнулъ онъ. Дизраели вскочилъ съ своего мѣста. „Вы остановились на моихъ *Сателитахъ*“—поспѣшилъ онъ отвѣтить.—Гладстонъ могъ снова говорить. Но въ нынѣшнюю сессію такихъ сценъ не повторялось. А его враги не сомнѣвались въ его паденіи; увлекаясь „воображеніемъ игривымъ“, они даже толковали о торжественности предстоящихъ похоронъ „Гладстона“. Всѣ собирались на нихъ присутствовать; кстати о похоронахъ важныхъ людей вспоминали отвѣтъ нашего стараго посла Бруннова одному изъ своихъ коллегъ. Когда въ очень преклонныхъ лѣтахъ умеръ Желѣзный герцогъ (Веллингтонъ)' королева Викторія изъявила желаніе, чтобъ дипломатическій „корпусъ“ присутствовалъ въ полномъ составѣ на его похоронахъ. Этимъ желаніемъ немало смутился представитель Франціи, который поспѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ тогдашнему главѣ дипломатовъ барону Бруннову. „Я совершенно поставленъ втупикъ“, говорилъ онъ. — „Королева непремѣнно требуетъ насъ всѣхъ на погребальную церемонію, очевидно, забывъ, что покойный былъ злѣйшій врагъ Франціи, человѣкъ, съ именемъ котораго связаны самыя тяжелыя воспоминанія всякаго Француза. Что мнѣ дѣлать? ума не приложу!“ — „Не смущайтесь“, отвѣчалъ, улыбаясь, баронъ. „Вамъ было бы неприлично и тяжело присутствовать на его воскресеніи, но предавать его землѣ можетъ быть только очень пріятно всѣмъ вашимъ соотечественникамъ“. Такъ намѣревались скоро похоронить и Гладстона, но къ досадѣ своихъ враговъ — онъ живъ и здравъ. Теперь враги запѣли другую пѣсню: „Да вѣдь Гладстонъ переживетъ Маѳусаила, его ничто не беретъ, ни время, ни усталость, ни борьба, ни лондонскіе туманы! Онъ, пожалуй, сократитъ Пасхальную вакацію“.—Дѣйствительно, прощаясь съ Палатой, премьеръ, улыбаясь, назначилъ пренія о второмъ чтеніи Ирландскаго билля въ самый четвергъ Пасхи.

Пробывъ немного дней въ Брайтонѣ, онъ вернулся въ Парламентъ бодрый, веселый, съ бѣлою розой въ петличкѣ. Голосъ его сталъ свѣжѣе и долеталъ до всѣхъ угловъ большой залы Палаты Общинъ. Усилилась даже и его память. Всѣ свои цитаты и ссылки онъ дѣлалъ на память, безъ записокъ, или справокъ, а его саркастическія шутки задѣвали торіевъ за живое. Вотъ его рѣчь передъ перерывомъ сессіи:

„Я предлагаю второе чтеніе билля о лучшемъ управленіи Ир-

ландіей. Позволяю себѣ вамъ напомнить, что онъ теперь достигъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, своей главной стадіи. Онъ уже извѣстенъ Палатѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и потому я считаю моею обязанностью не пускаться въ подробные доводы, а обратить вниманіе Палаты на разсмотрѣніе его общихъ чертъ и на принципы, которые его обусловливаютъ. Въ этихъ видахъ, я бы особенно желалъ вызвать ваше серьезное отношеніе къ одному вопросу. Къ вопросу о томъ: *гдѣ, когда и какъ кончится этотъ великій споръ? (Рукоплесканія министеріалистовъ).* Хотя этотъ вопросъ болѣе относится, конечно, къ противникамъ билля, чѣмъ къ его друзьямъ, я его, однако, ничуть не ставлю исключительно почтеннымъ джентльменамъ оппозиціи, я только требую признанія, что составители этого билля одушевлены сознаніемъ чести и долга. Я желаю обратиться къ нашимъ оппонентамъ на условіяхъ совершеннаго равенства. Но я серьезно и настойчиво обращаюсь къ ихъ сердцу и разсудку. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу не смотрѣть иначе какъ серьезно на то, что, несмотря на цѣлыхъ семь лѣтъ, употребленныя на разсмотрѣніе этого вопроса, онъ все еще замыкаетъ нашу парламентскую дѣятельность, и даже болѣе чѣмъ когда-либо. Въ продолженіе этихъ семи лѣтъ каждый дополнительный выборъ вызывалъ, благодаря этому вопросу, маленькую горячку въ умахъ общества, волновавшагося его исходомъ. Мы указываемъ на мнѣніе Парламента, уже заявленное въ этой Палатѣ; мы указываемъ на различныя части Соединеннаго Королевства, уже выразившія свое мнѣніе самымъ рѣшительнымъ образомъ, а также на то, что та же Англія, которая выставила противъ насъ, въ 1886 году, враждебное нашимъ мнѣніямъ парламентское большинство, теперь уже далеко подвинулась въ нашу сторону и отмѣнила свое прежнее рѣшеніе. *(Рукоплесканіе министеріалистовъ и крики „нѣтъ“ со стороны оппозиціи).* Все это, какъ намъ кажется, должно повліять на соображенія, которыми слѣдуетъ проникнуться всѣмъ членамъ этой Палаты, къ какой бы они ни принадлежали партіи“.—Тутъ Гладстонъ однако счелъ нужнымъ снова указывать на соображенія, вытекавшія изъ его прежнихъ рѣчей и извѣстныя даже въ отдаленныхъ частяхъ Россіи.

Очевидно, что даже послѣ втораго чтенія анти-ирландская агитація не прекратится, но смѣшно указывать на протесты Ульстера (Ulster), когда *всѣ* восемьдесятъ представителей Ирландіи, въ томъ числѣ ульстерцы, какъ одинъ человѣкъ, стоятъ

за гладстоновскую реформу. На одномъ Ирландскомъ банкетѣ предсѣдатель собранія и вождь ирландской партіи поднялъ тостъ за „Ирландію, какъ націю“. Онъ очень замѣчателенъ:

„Въ извѣстномъ смыслѣ, замѣтилъ онъ, тостъ этотъ излишенъ, ибо Ирландія уже превратилась въ націю. *(Рукоплесканія.)* Развѣ кто-нибудь можетъ еще сомнѣваться, что черезъ годъ или два Ирландія пріобрѣтетъ право издавать законы для себя, по абсолютному усмотрѣнію Ирландскаго народа? *(Рукоплесканія.)* Мы тяжко боролись за этотъ результатъ. Многіе изъ насъ еще помнятъ время, когда въ числѣ 7—8 ирландскихъ членовъ мы одиноко стояли въ палатѣ депутатовъ, поддерживаемые лишь однимъ или двумя англійскими членами. Тѣ, которые помнятъ то время, поймутъ сдѣланные нами успѣхи. Тогда нашимъ долгомъ было привести наше дѣло въ извѣстность. Намъ приходилось прибѣгать къ оружію обструкціонизма (который теперь ложно понимается, неумѣстно примѣняется, и которому такъ плохо подражаетъ оппозиція), *(Рукоплесканія.)* дабы добиться только того, чтобы насъ слушались. Насъ тогда обвиняли несправедливо и нелѣпо въ стремленіи довести англійскій Парламентъ до безсилія, въ желаніи остановить его дѣятельность. Наши цѣли были не таковы. У насъ была лишь одна цѣль, ясная для нашего ума и созрѣвшая въ годы страшнаго удрученія; мы боролись въ началѣ—безъ надежды на успѣхъ; ясное предвидѣніе успѣха явилось гораздо позднѣе. Мы искали трибуны, съ которой мы могли бы привлечь вниманіе демократіи на необходимость изученія нашего національнаго дѣла.

„Англія, Шотландія и Валлисъ тогда спали и были глухи къ нашему голосу. Но мы разсуждали такъ: „Палата Общинъ есть единственная великая „платформа“, каѳедра, съ которой мы можемъ аппеллировать къ англійской демократіи, гдѣ можемъ заявить, что у насъ есть дѣло, имѣющее право на симпатію Англіи, дѣло, которое она поддержитъ, какъ только его пойметъ“. *(Рукоплесканія.)* И что же, развѣ мы теперь не слышимъ отвѣтъ на эту аппелляцію въ этой же залѣ? *(Рукоплесканія.)* Развѣ здѣсь не присутствуютъ члены и даже самые вліятельные члены англійской либеральной и демократической партіи, готовые поддержать наши требованія? *(Рукоплесканія.)* Пусть мнѣ скажутъ, какое другое великое и трудное національное дѣло подвинулось такъ быстро въ такой сравнительно короткій періодъ лѣтъ. Да, недавно еще, вчера ирландскіе національные члены (гомрулеры)

представляли при голосованіяхъ кучку въ семь, восемь, много въ десять человѣкъ; вся Палата Общинъ, и либералы, и торіи, всѣ были на противоположной сторонѣ. И какъ мы добились этой перемѣны? Просто тѣмъ, что обратили Палату Общинъ въ платформу, съ которой мы аппеллировали къ англійской, валлійской и шотландской демократіи, къ которой мы съ самаго начала питали полное довѣріе, убѣжденные, что намъ только нужно было выяснить предъ ними положеніе дѣла, дабы обратить ихъ въ друзей, союзниковъ и братьевъ. *(Рукоплесканія.)* Мы исполнили свое дѣло. Ирландія будетъ узаконенною націей, когда будетъ издавать сама свои мѣстные законы. Мы хотимъ самоуправленія, а не вмѣшательства въ управленіе англійскимъ, шотландскимъ или валлійскимъ народомъ, хотя намъ желательно участвовать въ имперскихъ дѣлахъ. *(Рукоплесканія.)* Вопреки безразсудному увѣренію лорда Рандольфа Черчиля, эта великая имперія не была сдѣлана одними Англичанами. *(Рукоплесканія.)* Не оспаривая заслугъ нашихъ англійскихъ друзей, мы позволяемъ себѣ утверждать, что геній, энергія, терпѣніе и кровь Ирландцевъ много содѣйствовали образованію этой блестящей имперіи. *(Рукоплесканія.)* Требуя самоуправленія въ домашнихъ дѣлахъ, мы полагаемъ, поэтому, что мы также въ правѣ вымолвить слово и въ дѣлахъ имперіи, для сооруженія которой мы принесли свою толику. *(Рукоплесканія.)* Надѣюсь, что это намъ будетъ разрѣшено, причемъ обнаружится общая польза существованія Ирландіи, какъ самоуправляющагося государства или, вѣрнѣе, какъ самоуправляющейся націи, которой и въ голову не приходитъ отдѣлиться отъ имперской системы. *(Крики: „Нѣтъ!“ „Чепуха!“)* Никому не желательно отдѣлиться отъ полезной и справедливой системы управленія. *(Рукоплесканія.)* Дайте Ирланцамъ принадлежащее имъ право завѣдыванія своими собственными дѣлами, и вы увидите, какіе Ирландцы желаютъ отдѣлиться отъ имперской системы!! Существованіе отдѣльнаго Ирландскаго Парламента послужитъ въ пользу Британцамъ, интересы которыхъ неминуемо страдаютъ отъ превратной системы законодательствованія для Ирландіи въ Имперскомъ Парламентѣ. Каждый искренній либералъ изъ Шотландіи или Валлиса вздохнетъ свободно, когда ирландскія дѣла будутъ поручены вѣдѣнію Ирландскаго Парламента. При всей моей преданности моей собственной странѣ, борясь за Гомруль, я также имѣлъ въ виду и пользу Англіи, Шотландіи и Валлиса. *(Рукоплесканія.)* Великій иностранный государствен-

ный мужъ сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моемъ присутствіи, что Англія будетъ считаться нулемъ въ европейской политикѣ, пока она будетъ ослабляема Ирландскимъ народомъ. Если же Ирландскій вопросъ будетъ разрѣшенъ, Англія будетъ приниматься въ разсчетъ при всякомъ политическомъ вопросѣ, могущемъ возникнуть на континентѣ Европы или за ея предѣлами. Ей больше не придется предварительно сговариваться съ внутреннимъ непріятелемъ въ ту минуту, когда потребуется выступить противъ внѣшняго врага. *(Рукоплесканія.)* Вмѣсто угрюмаго, недовольнаго и невольнаго спутника своей системы, Англія пріобрѣтетъ свободнаго и добровольнаго товарища, друга, союзника и брата". *(Громкія рукоплесканія.)*

Интересно тоже заявленіе Ирландца Т. Гили (Timothy Healy), просидѣвшаго нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ за его оппозицію Англіи:

... „Мы приближаемся къ окончанію борьбы гораздо быстрѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ могъ надѣяться нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы вступали безъ всякой надежды въ эту борьбу, завѣщанную намъ, какъ священный долгъ, сѣдою стариной, и вотъ послѣ немногихъ лѣтъ нашимъ взорамъ уже открывается ирландское законодательное собраніе..

„Правда, боевая туча какъ будто поднимается съ Ульстера, но надѣюсь, что опасность будетъ отстранена достаточно сильнымъ громоотводомъ. Противъ оппозиціи нашихъ воинственныхъ земляковъ въ Ульстерѣ, у насъ имѣется поддержка государственныхъ мужей Англіи, великой англійской партіи, англійской демократіи и девяти десятыхъ Ирландіи." *(Рукоплесканія.)*

Но Ирландія несомнѣнно разорилась въ эти послѣдніе десятки лѣтъ, тогда какъ ея переселенцы въ Америку и въ Австралію благоденствуютъ и богатѣютъ все болѣе и болѣе. Воззваніе здѣшнихъ бѣдняковъ къ заокеанскимъ братьямъ, конечно, не останется безъ желаннаго отвѣта. Вотъ это краснорѣчивое воззваніе:

„Мы достигли крайне критическаго момента въ исторіи долгой борьбы Ирландіи за ея права. Премьеръ Англіи, глава правительства и партіи, управляющихъ Британской имперіей, внесъ билль о Гомрулѣ, составляющій, вообще говоря, широкій, твердый и прочный планъ національнаго самоуправленія Ирландіей. Билль этотъ предлагаетъ Ирландскому народу Парламентъ, съ фактической свободой распоряжаться всѣми мѣстными дѣлами Ирландіи, и исполнительную власть, отвѣтственную предъ этимъ Парламентомъ. Вдобавокъ, Ирландія будетъ имѣть право уча-

ствовать, по этому биллю, въ управленіи имперіей, посредствомъ делегаціи изъ восьмидесяти членовъ.

„Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, положеніе 1893 года ставитъ Ирландію на высшій національный уровень, чѣмъ законопроектъ 1886 года, даетъ ей большее мѣсто въ управленіи міромъ и представляетъ болѣе твердыя гарантіи въ исполненіи великаго между нею и Великобританіей договора.

„Представители Ирландіи приняли, не колеблясь, предлагаемую биллемъ конституцію, какъ подобающее окончаніе многовѣковыхъ жертвъ и трудовъ Ирландскаго племени, и полагаютъ, что могутъ считать узаконеніе этой мѣры окончательнымъ и торжественнымъ завершеніемъ долгой, кровавой и печальной борьбы.

„Враги Ирландіи, однако, не признаютъ еще, что конецъ близокъ и вѣренъ. Хотя они знаютъ, что этотъ билль навѣрное пройдетъ неразрушимымъ большинствомъ чрезъ Палату Депутатовъ, а всякая мѣра, находившая большинство въ народной палатѣ, въ концѣ-концовъ всегда переходила въ законъ. Враги наши, тѣмъ не менѣе, взываютъ къ помощи Палаты Лордовъ, желая отсрочить примиренія. Мы, поэтому, должны предвидѣть возможность продолжительной и отчаянной компаніи для уничтоженія всѣхъ благородныхъ усилій г. Гладстона для сокрушенія ирландскаго дѣла.

„Въ виду ядовитыхъ, неразборчивыхъ и неизмѣримо богатыхъ непріятелей, намъ невозможно вести даже короткій остатокъ борьбы, безъ помощи нашихъ братьевъ и друзей во всѣхъ частяхъ свѣта. Поэтому мы и просили помощи и принимали ее отъ нашихъ сродниковъ по крови, а также отъ Американцевъ и Австралійцевъ, сочувствующихъ нашимъ принципамъ.

„Въ борьбѣ послѣднихъ четырнадцати лѣтъ матеріальная поддержка была намъ необходима. Вся наша нація, доведенная до бѣдности долгимъ періодомъ дурнаго управленія, не имѣла голоса, кромѣ враждебнаго, въ Палатѣ Депутатовъ. Арендаторовъ представляли выселяющіе ихъ помѣщики. Стремленіе къ религіозной свободѣ считалось закоренѣлымъ фанатизмомъ, а несокрушимое стремленіе къ національному самоуправленію жестоко преслѣдовалось и торіями, и вигами, измѣнившими своей партіи.

„Могучее движеніе О'Коннеля объ отмѣнѣ уніи было сломано вслѣдствіи того, что требованія Ирландцевъ не находили соотвѣтственнаго представительства въ Палатѣ Депутатовъ. Цѣлую

четверть столѣтія послѣ его кончины, конституціонное движеніе спало мертвымъ сномъ.“

Какъ могутъ торіи, въ виду всѣхъ этихъ ирландскихъ демонстрацій, увѣрять, что Ирландія враждебно относится къ Гомрулю? Вѣдь этому сами торіи не могутъ серьезно вѣрить. Дѣло въ томъ, что въ Англіи все сводится къ вопросу партіи и ея возвращенію ко власти!

„Я не помню ни одного случая въ нашей парламентской исторіи, который выражалъ бы такъ ясно желаніе оппозиціи помѣшать всякому теченію дѣла“, говорилъ недавно Гладстонъ. „Мы представляемъ Палатѣ много законопроектовъ величайшей важности. Оппозиція вноситъ предложенія, которыя всѣ начинаются выраженіями сожалѣнія. Но вѣдь „*сожалѣнія*“ Палаты ни что иное, какъ ея *порицанія*. Правительству загораживаютъ дорогу, прежде чѣмъ оно имѣло случай представить Палатѣ свои предположенія, планы со своими объясненіями. Такое парламентское нововведеніе не послужитъ къ преуспѣянію страны.“

Горячія воззванія престарѣлаго борца за справедливость и состраданіе къ ближнему, казалось, должны были бы вызвать сочувственный откликъ всей страны, но вышло наоборотъ: ему отвѣчаютъ новымъ взрывомъ ненависти; въ торійскомъ лагерѣ даже нашелся преступный безумецъ Таузендъ, покусившійся на его 83-лѣтнюю жизнь...

Намъ, Русскимъ, трудно понять многое происходящее въ Англіи не только въ сферѣ законодательства, въ парламентской жизни, но и въ сферѣ журналистики. О многомъ, что для насъ представляется аксіомой, въ Англіи еще ведутся ожесточенные споры. Такъ, напримѣръ, предлагая переустройство прихода, Гладстонъ желалъ дать сельскому рабочему доступъ къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ. Предложеніе это возбудило негодующую оппозицію. У насъ давно поняли необходимость этой мѣры, вѣдь громадное большинство нашихъ крестьянъ — собственники! Да, Англіи еще многому должно поучиться! Это замѣчаніе относится и къ ея журналистикѣ; англійская печать переходитъ въ очень жалкія и часто недостойныя руки, руководствуется далеко не однимъ желаніемъ служить истинѣ.

Мы уже привыкли къ деморализаціи англійской прессы; мы уже перестали удивляться безобразнымъ выходкамъ такихъ газетныхъ проходимцевъ, какъ Вамбери или псевдонимъ „Е. Лапинъ“. Всѣмъ извѣстно, при какихъ условіяхъ и тотъ, и другой продаютъ свою

совѣсть и свое перо! Живо помня такихъ редакторовъ, какъ Катковъ и Аксаковъ, намъ, Русскимъ, совершенно непонятно, какъ могутъ англійскіе редакторы чернить свои редакціи такими сотрудничестами? Конечно о вкусахъ не спорятъ; но вѣдь тутъ дѣло идетъ о самой элементарной нравственности, основанной на десяти заповѣдяхъ, данныхъ еще Моисею! Англичане часто упрекаютъ Америку въ теперешнемъ направленіи ея легкомысленной прессы. Но это обвиненіе не вполнѣ основательно. Въ Америкѣ появляются книги, въ родѣ „The Russian Famine of 1891 et. 92 by W. C. Edgar“ [1], которая могла бы служить примѣромъ любой прессѣ. „На сдѣланный мнѣ г. Шатохпнымъ въ Москвѣ вопросъ, говоритъ Edgar, буду ли я писать книгу о Россіи, я отвѣчалъ:“

„Избави Боже, чтобы я, простой иноземецъ, быстро проѣзжающій безконечно малую часть вашей неизмѣримой страны, безъ знанія вашего языка, народа и обычаевъ, вздумалъ толковать о непонятныхъ мнѣ предметахъ, прибавляя еще одну книгу къ слишкомъ обильному списку лживыхъ и вводящихъ въ заблужденіе сочиненій о Россіи. Я самъ прочелъ ихъ цѣлую дюжину, но одно мое двухнедѣльное пребываніе уже убѣдило меня въ ихъ недобросовѣстности.“

.. Я отправился въ Россію по спеціальному дѣлу, по совершеніи котораго я теперь возвратился. Объ *этомъ* дѣлѣ я и говорю, ибо кое-что о немъ знаю. Но признаюсь, что о „нигилистахъ“, о „ссыльныхъ“, о „положеніи Евреевъ“ и другихъ весьма интересныхъ предметахъ я нахожусь въ такомъ же невѣдѣніи, въ которомъ очутился бы Русскій, пріѣхавшій въ Нью-Йоркъ или Миннеаполисъ для добытія свѣдѣній о хлѣбной торговлѣ, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ бы понять положеніе Негровъ въ Тексасѣ, рабочихъ въ Пенсильваніи и Индѣйцевъ въ Аризонѣ. Знаю, что я рискую вызвать самую негодующую критику, но осмѣливаюсь заявить, что еслибы добросовѣстный путешественникъ случайно написалъ бы правду о Россіи, *то его книга никогда бы не распродалась...*

Россія намъ просто непонятна, если станемъ ее измѣрять по нашимъ западнымъ шаблонамъ. Напримѣръ, Русское правитель-

---

[1] «The Russian Famine» by Edgar. Published by «The Millers manufactures» Minneapolis. Minn.

ство самодержавно, а между тѣмъ деревня организована по плану чисто республиканской теоріи.

Хотя для насъ Россія составляетъ загадку, мы не имѣемъ причины не признавать простаго добросердечія, чистаго великодушія, терпѣнія въ тяжкихъ бѣдствіяхъ, храбрости, мужества и геройства ея народа.

Позволю себѣ еще сдѣлать выписку изъ предисловія Эдгара, которое еще болѣе обрисовываетъ его отношенія къ намъ.

„Русскій народъ — великодушенъ, гостепріименъ и пылокъ, и невольно привлекаетъ насъ, Американцевъ, когда мы его сравниваемъ съ фарисеями Европы. Другія страны кичатся своимъ пресловутымъ просвѣщеніемъ, много толкуютъ о свободѣ, прогрессѣ и богатствѣ. Быть-можетъ такъ и слѣдуетъ дѣйствовать; но Россія говоритъ о себѣ очень мало. Она безмолвна даже предъ гнусными клеветами, наполняющими, по невѣжеству или злонамѣренности, столбцы европейскихъ и американскихъ газетъ ложными и злобными выдумками неотвѣтственныхъ, порочныхъ или невѣжественныхъ писателей. При своихъ неизмѣримыхъ природныхъ богатствахъ, еще ожидающихъ развитія, Россія, презирая несправедливую критику, повидимому, размышляетъ надъ глубокими и торжественными задачами, обусловливающими ея будущность, задачами, которыя можетъ разрѣшить одно лишь время... Случайный путешественникъ можетъ, правда, составить себѣ цѣлую „теорію“ о Россіи, но онъ не компетентенъ даже и въ элементарномъ объясненіи политической и нравственной жизни Россіи и ея своеобразныхъ учрежденій. Если онъ честенъ, онъ можетъ разсказать имъ видѣнное или показавшееся ему; но если его претензіи идутъ дальше, то онъ врядъ ли избѣгнетъ заблужденій, прибавляя свою лепту къ массѣ лживыхъ нелѣпостей и ошибочныхъ мнѣній о Россіи и Русскихъ, которыя, къ несчастію, такъ преобладаютъ и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и дѣлаютъ Россію наиболѣе оклеветанною націей на лицѣ земли.“

Остановлюсь на этихъ выпискахъ, которыя могли бы служить примѣромъ добросовѣстности для Англичанъ, отложивъ до слѣдующаго письма нѣкоторые любопытные факты объ отношеніяхъ англійскихъ избираемыхъ къ своимъ избирателямъ: въ нихъ много возмутительнаго и поучительнаго!

Ольга Новикова.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Старое старится.—Заслуги и ошибки политическихъ дѣятелей поколѣнія Ж. Ферри.—Похороны живыхъ людей въ день mi-carême.—Какъ спасали республику.—Двѣнадцать милліоновъ Корнеліуса Герца.—Предвѣстники новой партіи «французской молодежи».

Умеръ Ж. Ферри, благополучно кончился второй панамскій процессъ, вышло два тома „Исторіи Франціи отъ паденія второй имперіи до 1873 г.“ Теодора Дюре, и настала весна, сверкающая и ласковая. Вѣтви каштановъ, которые окаймляютъ тротуары Елисейскихъ полей и большихъ бульваровъ, потемнѣли, покрылись множествомъ крупныхъ почекъ; сочная зелень претъ изъ земли, согрѣтой солнцемъ, кусты сирени передъ моимъ окномъ уже начинаютъ распускаться, и воробьи радостно чирикаютъ во все свое крохотное горло. Никто изъ нихъ не знаетъ о томъ, что Ферри умеръ, но всѣ чувствуютъ, что великая, созидательная, вѣчно новая и вѣчно прекрасная работа природы продолжается какъ ни въ чемъ не бывало, и шумно радуются жизни... Я былъ на похоронахъ этого человѣка, который зналъ всѣ упоенія и всѣ разочарованія борьбы, который наносилъ удары жестокіе и безжалостные, и получалъ обратно такіе-же удары прямо въ сердце, и не выдержалъ, свалился въ ту самую минуту, когда собирался праздновать побѣду. Тѣ самые рабочіе, которые додѣлывали его президентскую квартиру въ Люксенбургскомъ дворцѣ, куда онъ долженъ былъ переѣхать на-дняхъ, гдѣ собирался давать балы и пиршества, оставили работу внутри аппартаментовъ, чтобы смастерить и украсить на скорую руку въ почетномъ дворѣ сената приготовленья для послѣдняго пріема Ферри.

И въ то время какъ я стоялъ подъ великолѣпнымъ навѣсомъ изъ черного сукна съ серебряными позументами передъ колоссальнымъ катафалкомъ, у подножія котораго возвышались груды вѣнковъ изъ яркихъ и живыхъ цвѣтовъ, когда я смотрѣлъ на прозрачное зеленое пламя въ тяжелыхъ серебряныхъ шандалахъ, на шитые золотомъ мундиры военныхъ и дипломатовъ, на красныя, желтыя и фіолетовыя мантіи представителей судебныхъ и ученыхъ корпорацій, на черные фраки и бѣлые галстухи республиканской знати, мнѣ пришло въ голову, что вмѣстѣ съ Ферри мы опускаемъ въ могилу цѣлое поколѣніе. Это было еще такъ недавно, кажется, вчера. Гамбетта, Поль Беръ, Флоке, Ферри, Ранкъ, Спюллеръ, Клемансо, Алленъ-Тарже были молоды, были героями, на которыхъ съ симпатіей останавливалось вниманіе молодежи. Эти Давиды, такіе самоувѣренные, такіе задорные, побѣждали Голіаѳовъ, выворачивали старыя деревья съ корнями, уравнивали землю, строили, вколачивали, мастерили, обѣщая соорудить нѣчто небывалое и удивительное. Тьеръ былъ для нихъ рутинеромъ, Ж. Симонъ клерикаломъ. И они не успокоились до тѣхъ поръ, пока не согнали со свистомъ и съ шиканьемъ съ общественной арены всѣхъ старыхъ работниковъ. И вотъ! Не успѣли они еще порядкомъ вывести фундаментовъ новаго зданія, какъ одни изъ нихъ сами безпомощно опускаютъ руки, другихъ новыя артели работниковъ прогоняютъ съ мѣста съ подзатыльниками и подколѣнниками, со злыми шутками и съ шиканьемъ. Такъ все идетъ въ исторіи. Это—жизнь, и ничего противъ этого не подѣлаешь! Каждому поколѣнію отведенъ предѣлъ, дальше котораго оно идти не можетъ. И ежели оно все-таки упорствуетъ, желая идти впередъ, оно или топчется на одномъ мѣстѣ, или задомъ напередъ идетъ назадъ, не замѣчая, что жизнь давно опередила его. Это и случилось съ поколѣніемъ Гамбетты, Ферри и товарищей.

Когда я слушалъ взволнованныя, прерываемыя рыданіями рѣчи надъ гробомъ Ферри, рѣчи о томъ, что „республика въ траурѣ", что покойный „оставилъ послѣ себя пустое мѣсто, которое долго останется незанятымъ", мнѣ казалось, что я слышу не надгробныя, а загробныя рѣчи, и что я присутствую при томъ, какъ мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ.

* * *

Историческая роль поколѣнія Гамбетты была двоякая: оно должно было избавить Францію отъ истощавшей и разорявшей ее второй имперіи и на развалинахъ трона Бонапартовъ прочно основать республику. То и другое было выполнено блистательно. Старыя партіи разрушены окончательно. Во всей странѣ не найти теперь ни одного сколько-нибудь авторитетнаго бонапартиста или орлеаниста, который съ глаза на глазъ не сознался бы, что династическое было проиграно окончательно. Изъ обломковъ этихъ партій уже формируется новая, конституціонно-консервативная, роль которой можетъ быть большая и въ высокой степени благотворная. Люди земли, въ качествѣ земельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ эта партія, чуждые міру космополитовъ, финансистовъ и биржевиковъ, опираясь при томъ на морально-религіозные принципы, столь симпатичные массѣ народной, они имѣютъ въ ней гораздо больше корней, чѣмъ это думаютъ другіе, и даже чѣмъ они думаютъ сами. Съ другой стороны, французскій крестьянинъ, вообще сторонникъ установленной власти, какъ бы она ни называлась, совершенно вошелъ во вкусъ республиканскихъ нравовъ съ тѣхъ поръ, какъ понялъ, что при республикѣ онъ полновластный господинъ, что онъ не подчиняется, а приказываетъ. Поэтому онъ держится за существующій режимъ руками и ногами. Это онъ убилъ буланжизмъ, какъ раньше разрушилъ козни людей 16-го мая, пославши въ палату знаменитыхъ „363", какъ теперь, несмотря на панамскіе скандалы, регулярно посылаетъ въ палату республиканцевъ при каждыхъ отдѣльныхъ выборахъ.

Это воспитаніе народныхъ массъ въ духѣ установленнаго порядка—несомнѣнная и большая заслуга республиканской партіи поколѣнія Гамбетты, Ферри и К°. Они первые поняли важное значеніе крестьянства для третьей республики и хотя пересолили въ смыслѣ рабской услужливости по отношенію къ нему, но своего добились и перетянули его на свою сторону.

Въ этой, такъ сказать, черной работѣ закладки зданія, упроченія фундамента, республиканцы выказали большой организаторскій духъ, много энергіи и настойчивости, и замѣчательный, почти безпримѣрный въ исторіи духъ дисциплины. Они могли быть раздѣлены между собою по всевозможнымъ, часто очень важнымъ, вопросамъ сколько угодно; но разъ дѣло заходило о существованіи республики, мгновенно исчезали личные счеты, партійные оттѣнки, враги встрѣчали передъ собою сплоченную массу орга-

низованной арміи. Это было то, что называлось (и теперь еще называется) *республиканскою концентраціей.*

Но боевой періодъ республики кончился давнымъ-давно. И вотъ чего республиканцы-основатели не понимали, не понимаютъ и никогда не поймутъ. Они все продолжаютъ топтаться на одномъ мѣстѣ, подозрительно оглядываясь во всѣ стороны, воображая, что упрочиваютъ фундаментъ, что обязаны охранять свое дѣтище отъ опасности, которая уже давно не существуетъ. Представьте себѣ войско, занявшее крѣпость, защитники которой сдались безусловно, прося, какъ милости, только одного: возможности вернуться спокойно къ своимъ мирнымъ занятіямъ. И представьте, что это войско, не внимая мольбамъ, заперло всѣ ворота крѣпости, приставивши къ нимъ часовыхъ, и, разбившись на патрули, день и ночь расхаживаетъ по мирному городу, подозрительно прислушивается къ малѣйшему шуму, готовое забить фальшивую тревогу. Вотъ точное изображеніе душевнаго настроенія республиканцевъ-побѣдителей и ихъ отношеніе къ старымъ партіямъ.

Уже шесть лѣтъ назадъ во всей странѣ поднялись шумные протесты: раскройте настежъ двери республики, перестаньте трепетать, никто вамъ не угрожаетъ, правые и лѣвые займитесь общимъ дѣломъ улучшенія жизни мирныхъ горожанъ, бросьте политику, забудьте прошлое, думайте о томъ, что живымъ людямъ нужно жить!

Республиканцы не поняли. Въ этомъ крикѣ страны они услыхали только шумъ, вообразили, что отечество въ опасности и схватились за оружіе. Въ толпѣ, которая кричала, они увидали генерала на черномъ конѣ изъ цирка Франкони, и забили въ барабанъ, затрубили въ трубы, закричали: „Измѣна, измѣна! Спасайте республику!“

Я не отрицаю: конечно, въ толпѣ, которая окружала этого бѣднаго генерала, болѣе впрочемъ похожаго на армейскаго поручика, находились всякіе, находились и ложные друзья. Но я положительно свидѣтельствую, что главная масса этой толпы состояла изъ людей благонамѣренныхъ, которые искренно хотѣли того, чего требовали.

Толпу разогнали. Бѣжавшій герой ея кончилъ жизнь, какъ сантиментальный поручикъ, очевидно самъ не понимая хорошенько, почему онъ сдѣлался героемъ и чего отъ него требовали. Страна, въ доказательство своихъ лояльныхъ чувствъ къ

республикѣ, отправила въ палату новое огромное большинство республиканцевъ, ожидая, что теперь-то наконецъ они поймутъ, въ чемъ дѣло и серьезно возьмутся за реформы.

Ничуть не бывало! Въ видѣ благодарности къ массѣ выборщиковъ они провели совершенно нелѣпый и зловредный для страны вообще законъ о таможенныхъ тарифахъ, законъ, окружающій Францію своего рода китайскою стѣной, и уже перессорившій ее съ ея лучшими друзьями. А затѣмъ... затѣмъ опять они принялись усердно утаптывать фундаментъ, показывая кулакъ несуществующимъ врагамъ!

* * *

Эти воины положительно превратились въ инвалидовъ. Никакого взмаха воображенія, никакого чутья по отношенію къ требованіямъ времени! Когда послѣ боеваго періода они принялись за архитекторскую работу, оказалось, что у нихъ нѣтъ ни своего плана, ни своихъ идей, ни даже собственнаго вкуса, что они самые ординарные средніе люди. Править государствомъ для нихъ значило править для тѣхъ, кто больше всего кричитъ: для рантьеровъ, для биржевиковъ, даже для международныхъ авантюристовъ. Биржевой курсъ сталъ барометромъ государственнаго благосостоянія, воля избирательнаго агента — закономъ. Кабатчикъ сталъ значить больше литератора, философа, ученаго, репортеръ-интервьюеръ сдѣлался глашатаемъ истины, а учитель слова Христова — врагомъ! Распятіе, этотъ символъ любви и милосердія, стало безпощадно удаляться изъ школъ, а книжка сберегательной кассы заняла мѣсто Евангелія. Интересъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ, тѣхъ, которые обязаны работать по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, чтобы не остаться безъ обѣда, интересъ дѣтей, бросаемыхъ на произволъ судьбы, тѣхъ, кто не видитъ свѣта Божьяго, работая изъ-за куска хлѣба въ рудникахъ и шахтахъ, кто едва прикрытый, въ рубищахъ бродитъ по большимъ дорогамъ, не зная, гдѣ преклонить голову, ища работы, — всѣ эти интересы были оставлены въ сторонѣ, они не входили въ „систему“. Другіе важные вопросы занимали законодателя: отдѣленіе Церкви отъ государства, проведеніе никому ненужныхъ желѣзнодорожныхъ линій, въ угоду вліятельнымъ избирателямъ, монополіи большихъ компаній, интересы содержателей питейныхъ домовъ.

Во внѣшней политикѣ—все та же узкая близорукость, отсут-

ствіе собственной иниціативы, стремленіе идти по избитой, проторенной дорожкѣ. Англія, такъ часто предательски измѣнявшая Франціи, много разъ загребавшая жаръ ея руками, всегда эгоистическая и фальшивая, долго привлекала къ себѣ магнитизированные взгляды республиканцевъ. Они готовы были даже скорѣе согнуть спину передъ Бисмаркомъ, чѣмъ открыто и смѣло предложить свою дружбу Россіи. Сближеніе ихъ съ Россіей произошло только подъ могучимъ и нарочитымъ давленіемъ народа. Онъ, этотъ удивительный народъ, чуткій и полный здраваго смысла, повернулъ международную политику Франціи на новую дорогу, энергично заказавши своимъ представителямъ не сворачивать съ нея въ сторону. Республиканцы не посмѣли ослушаться и только впослѣдствіи поняли, на сколько народное сознаніе глубже ихъ собственнаго. И тотъ же народъ, совершившій франко-русское сближеніе, „величайшее событіе въ жизни третьей республики", по выраженію покойнаго Ферри, онъ первый поднялъ тревогу по поводу завоевательныхъ притязаній республиканцевъ въ Тонкинѣ. Парламентъ вознегодовалъ уже послѣ того, какъ народъ высказалъ свое чувство.

* * *

Республиканцы поколѣнія Гамбетты и Ж. Ферри, которые шли впереди народа, когда цѣлью было завоеваніе республики, немедленно очутились позади него, какъ только это сдѣлалось совершившимся фактомъ. Вотъ почему для нихъ уже теперь наступила исторія. Книга Теодора Дюра, о которой сказано въ началѣ этого письма, появившаяся одновременно со смертью Ферри, — золотая книга прошлаго поколѣнія и надгробный памятникъ надъ его дѣятельностью. Оно совершило все, что могло, пѣсенка его спѣта, роль его сыграна. Вотъ чѣмъ объясняется необыкновенная легкость, съ которой удалось разрушить такія, казалось, прочно установившіяся репутаціи какъ Флоке, Антонена Пруста, Ж. Роша и ихъ товарищей, и съ другой стороны полнѣйшее равнодушіе публики къ обоимъ панамскимъ процессамъ, особенно къ послѣднему. На скамьѣ подсудимыхъ было шесть членовъ парламента, два бывшихъ министра; обвиненіе, тяготѣвшее надъ ними, было такое позорное, такое чудовищное, а въ залѣ суда даже то небольшое мѣсто, которое было отведено для обыкновенныхъ смертныхъ, не все было занято! Вокругъ „Дворца Пра-

восудія"—ни одного любопытнаго, только городскіе сержанты уныло прогуливались, скучая отъ бездѣлья, не имѣя кого толкать, кого хватать за шиворотъ и тащить въ кутузку.

Публика, занятая обыденными заботами жизни, торопливо проходила мимо, какъ проходишь мимо кладбища, спѣша по важному дѣлу. И когда я сравнивалъ это равнодушіе уличной толпы съ нервнымъ возбужденіемъ въ корридорахъ и въ залѣ суда, мнѣ вспомнилась одна встрѣча на пароходѣ, который нѣсколько лѣтъ назадъ везъ меня изъ Гибралтара въ Танжеръ. Въ толпѣ великолѣпныхъ, точно изъ бронзы вылитыхъ Арабовъ въ бѣлыхъ бурнусахъ, въ чалмахъ и фескахъ, я обратилъ вниманіе на тщедушнаго Еврея съ блуждающими глазами, въ потертомъ пиджакѣ съ чужаго плеча и въ кругломъ картузѣ съ пуговицей на макушкѣ. Онъ взволнованно бѣгалъ по палубѣ, поминутно поправляя рукава, слѣзавшія ему на пальцы, и бормоча какія-то русскія слова. Онъ ѣхалъ безъ билета и безъ багажа, бѣлье на немъ было грязное, и весь онъ былъ такой испитой и жалкій! Я разговорился съ нимъ. Оказалось, что онъ изъ Одессы уже нѣсколько лѣтъ, и все это время рыскаетъ по свѣту безъ гроша въ карманѣ, безъ дѣла, безъ цѣлей. Но зачѣмъ? спросилъ я его.—Я хочу, отвѣтилъ несчастный, чтобъ обо мнѣ забыли въ Европѣ!

Вотъ такое именно впечатлѣніе, какъ этотъ жалкій Еврей, производили на меня въ судѣ бывшіе министры и вліятельные депутаты, которые дефилировали въ процессѣ въ качествѣ подсудимыхъ и свидѣтелей. Они не понимали, что они жалки, и воображали, что, какъ съ парламентской трибуны, говорятъ предъ лицомъ всей страны, и что страна ловитъ на лету каждое ихъ слово. А страна ихъ знать не хочетъ. Она презрительно отвернулась отъ нихъ, думаетъ о своихъ дѣлахъ, о томъ, какъ она введетъ порядокъ въ безпорядочный міръ представителей, злоупотребляющихъ своею властью. Взоръ страны направленъ на будущее, а вовсе не на этихъ людей, которые оказались ниже своей роли.

* * *

Вотъ почему приговоръ суда общественной совѣсти надъ этими людьми оказался такимъ мягкимъ, отечески-снисходительнымъ. Ихъ высѣкли и прогнали вонъ съ глазъ. Неужели ихъ казнить? Не за что казнить, потому что присяжные отлично понимали, что преданные ихъ суду выхвачены изъ цѣлой толпы наудачу и для примѣра, и выхвачены даже не наиболѣе виновные... Въ самомъ

началѣ этого удивительнаго процесса у одного изъ главныхъ подсудимыхъ, Шарля Лесепса, вырвалось ужасное слово. Оно упало тяжелымъ ударомъ на сознаніе присутствующей публики и сразу придало должную окраску всему дѣлу.—Почему, спросилъ предсѣдатель,—съ самаго начала панамскаго предпріятія, вы стали подкупать печать?—*Таковъ обычай*, отвѣтилъ подсудимый,—вы не можете меня винить въ этомъ. Само государство такъ дѣлаетъ. А мы платили даже меньше его. Мы пробовали непосредственно обращаться къ публикѣ и потерпѣли неудачу. Вы—дѣти, говорили намъ опытные люди. Ежели печать и банкиры не будутъ съ вами, они будутъ противъ васъ. Мы отказались заплатить банкамъ, въ которыхъ былъ заинтересованъ Эмиль-де-Жирарденъ, и немедленно появилась статья за его подписью противъ Панамы...

А разъ панамцы рѣшили купить „вліяніе", они и пользовались имъ. Бывшій министръ Алленъ-Тарже показалъ, что Шарль Лесепсъ приходилъ къ нему торговаться, какъ равный съ равнымъ.—Поддержите насъ, говорилъ онъ, и мы васъ поддержимъ (то-есть правительство!). Vous avez une mauvaise presse, а она вся въ нашихъ рукахъ.

Алленъ-Тарже разсказываетъ это теперь, восемь лѣтъ спустя, когда онъ не министръ, и даже не депутатъ. Но въ свое время онъ благоразумно остерегался вступить въ открытую войну съ этой новою великою державой. И онъ, повидимому, даже не подозрѣваетъ, что этимъ показаніемъ онъ произноситъ смертный приговоръ себѣ самому и всей своей партіи. Онъ, честный человѣкъ, министръ великаго государства, выслушиваетъ шантажныя угрозы отъ финансиста, и боится говорить, не имѣетъ ни смѣлости, ни власти наказать его. Сильна же, стало-быть, власть золота, сильнѣе государственной! Что же удивительнаго, ежели люди болѣе слабые, съ меньшей отвѣтственностью, не устояли предъ соблазномъ, покорились этой власти! Борьба нужна, но не съ такими людьми какъ Гобронъ, Пруста, Бероли, а со всемогуществомъ золота, съ неправильностью всесокрушающей финансовой системы, все покупающей, все сводящей на куплю-продажу.

Но для этой борьбы нужны свѣжіе люди, съ новымъ и широкимъ міровоззрѣніемъ, а не тѣ, которые признавали законность существованія этого государства въ государствѣ, которые вступали съ нимъ въ политическіе союзы, или малодушно терпѣли его рядомъ съ собою.

Въ періодъ борьбы за существованіе республики содѣйствіе принималось со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни приходило. А оно приходило въ большей мѣрѣ со стороны финансистовъ и банкировъ. Партія опортунистовъ кишмя кишитъ ими. Отъ этого общежитія произошло полное смѣшеніе взглядовъ и понятій. Гамбетта имѣлъ въ своемъ штабѣ банкира Бишофсгейма, и его секретаремъ былъ Жозефъ Рейнакъ, зять пресловутаго героя панамскихъ скандаловъ. Самъ не финансистъ, онъ просвѣщался отъ нихъ по части финансовыхъ вопросовъ. Они—друзья республики, не естественно ли пользоваться ихъ совѣтами по вопросамъ, въ которыхъ они—спеціалисты, и въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ? Всѣ другіе вожаки республиканцевъ поступали какъ Гамбетта. Многіе изъ нихъ, какъ Ранкъ, Ж. Ферри, Фрейсине были сами по себѣ люди вполнѣ безкорыстные. Но и они находили совершенно естественнымъ, чтобъ ихъ друзья наживались на политико-финансовыхъ спекуляціяхъ, и ихъ міровоззрѣніе рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ міровоззрѣнія любаго финансиста. Разсказываютъ, что Алленъ-Тарже, назначенный министромъ финансовъ въ „великомъ министерствѣ", сознался однажды Гамбеттѣ, что ему бы очень хотѣлось воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы разбогатѣть, „но честно".

— О, это очень легко, шутливо отвѣтилъ бывшій диктаторъ,—накупите побольше государственной ренты и подайте въ отставку. Рента поднимется, и вы разбогатѣете.

Положимъ, что это простой анекдотъ, но онъ характеренъ въ томъ смыслѣ, что ни Гамбетта, ни Алленъ-Тарже не находили ничего предосудительнаго въ такого рода наживѣ, и думали, что спекуляція можетъ быть „честною". Ферри, насколько это извѣстно, не занимался самъ спекуляціями. Но его братъ занимался. А онъ былъ интимнѣйшимъ другомъ министра; они даже жили въ одномъ домѣ и никогда не разставались. Одно время Жюля Ферри жестоко упрекали за поддержку, которую онъ оказывалъ своему брату въ разныхъ спекуляціяхъ въ Тунисѣ и въ Тонкинѣ. И я, лично знавшій покойнаго, могу подтвердить, что въ смыслѣ политико-финансовыхъ вопросовъ онъ былъ настоящимъ сыномъ своего времени, то-есть раздѣлялъ всѣ ходячіе взгляды мелкихъ буржуа, рантьеровъ и биржевиковъ.

* * *

Въ качествѣ людей, игравшихъ большую роль въ основаніи республики, старое поколѣніе республиканцевъ имѣетъ слабость отождествлять себя съ нею. „Республика—это мы...“ Оно, конечно, пусть бы думали, пусть бы тѣшились ихъ „возвышающимъ обманомъ“. Никому въ сущности ни тепло, ни холодно оттого, что г-жа Флоке считаетъ себя и своихъ друзей принадлежащими къ „республиканской аристократіи“, отодвигая такимъ образомъ всѣхъ другихъ къ разряду республиканской сволочи. Но когда такими идеями заражены государственные люди, служащіе по выборамъ, когда они идеи эти проводятъ систематически въ жизнь, самообманъ выражается цѣлымъ рядомъ крупныхъ ошибокъ, которыя имѣютъ видъ вопіющихъ злоупотребленій, и за которыя рано или поздно приходится расплачиваться очень дорого.

Посмотрите, что̀ случилось съ Фрейсине, Флоке и Ранкомъ.

Герцъ, знаменитый Герцъ, сдѣлавшись великимъ человѣкомъ третьей республики, началъ шантажировать Рейнака, другаго великаго человѣка. Ему нужно 12 милліоновъ, и онъ требуетъ настоятельно, нахально. Ежели онъ не получитъ немедленно эти милліоны, онъ „взорветъ на воздухъ“ своего недавняго друга, а съ нимъ и всѣхъ его политическихъ друзей. Другими словами,—онъ сдѣлаетъ скандалъ, обнаружитъ имена парламентскихъ дѣятелей, которыхъ онъ же вмѣстѣ съ Рейнакомъ и Ортономъ подкупалъ для Панамы. Герцъ — интимный другъ Клемансо и его банкиръ. И хотя у Клемансо очень интересные глаза, но деньги ему такой практическій человѣкъ, какъ Герцъ, даетъ очевидно не за нихъ, а за нѣчто другое. Клемансо принимаетъ взволнованный видъ владѣтеля республики, которой угрожаетъ опасность, и вмѣстѣ съ Ранкомъ бѣжитъ къ вліятельному военному министру Фрейсине, чтобы предупредить о великой опасности. „Нужно де ради высшихъ интересовъ отечества, чтобы Рейнакъ заплатилъ. Но у Рейнака двѣнадцати милліоновъ нѣтъ, а имѣются они у администраціи Панамы; стало-быть, надо заставить ее раскошелиться“. Деньги Панамы, вы понимаете, не ея собственность; это чужія, народныя деньги, отданныя ей на храненіе. Объ этомъ однако никто не думаетъ. И немедленно Фрейсине принимаетъ озабоченный видъ. Ему ни на минуту не приходитъ въ голову, что взять у Панамы 12.000.000—значитъ пустить по міру населеніе цѣлаго города маленькихъ акціонеровъ. Нѣтъ, онъ думаетъ только объ „интересахъ республики“, то-есть двухъ-трехъ десятковъ подкупленныхъ депутатовъ и сенаторовъ, интересы

которыхъ легкомысленно отождествляетъ съ интересами цѣлаго режима. Нашихъ друзей обвинять, значитъ обвинять насъ самихъ, а безъ насъ Францiя въ опасности. Отсюда выводъ простой: лучше погубить десять тысячъ человѣкъ, чѣмъ всю Францiю. Какъ разсужденiе, это—мысль совершенно идiотская, потому что режимъ могъ только выиграть отъ того, что сами же республиканцы предали бы общественному суду тѣхъ изъ своей среды, которые во зло употребили свои полномочiя. Но сила фразы велика и могущественна. „Республика въ опасности" произвело на Фрейсине такое же впечатлѣнiе, какъ слово „жупелъ" на извѣстную героиню. Онъ зоветъ Лесепса и „совѣтуетъ" ему уладить дѣло. Лесепсъ упирается. Тогда его призываетъ президентъ совѣта министровъ, джентльменъ-республиканецъ Флоке, и то же совѣтуетъ. Онъ хорошенько даже не знаетъ, въ чемъ собственно дѣло, но ему непремѣнно хочется спасать „высшiе интересы"... Ни Флоке, ни Ранкъ, ни Фрейсине, не поживившись ни сантимомъ изъ этихъ денегъ, ограбили, благодаря нелѣпому отождествленiю себя съ Францiей, панамскихъ акцiонеровъ на огромную сумму, и въ пользу кого? Въ пользу негодяя, шантажиста, вселили ему увѣренность, что онъ въ самомъ дѣлѣ опасенъ для спокойствiя Францiи, и погубили себя самихъ, тридцатилѣтнюю репутацiю честныхъ и безкорыстныхъ людей! По истинѣ, у этихъ людей умъ за разумъ зашелъ!

* * *

И вѣдь, что̀ всего удивительнѣе, эти люди воображаютъ до сихъ поръ, что поступили очень хорошо, что они пострадали за свои идеи, за честь партiи, что они сдѣлались жертвами клеветъ враговъ существующаго порядка вещей. Въ ихъ положенiи много самаго заправскаго трагизма, такого, отъ котораго морозъ проходитъ по тѣлу.

Я былъ въ судѣ, когда вызвали Флоке свидѣтельствовать. Я давно знакомъ съ нимъ и присутствовалъ при всѣхъ его трiумфахъ. Я привыкъ къ его открытому, симпатичному лицу съ сѣдою гривой, когда онъ, возсѣдая на высокомъ президентскомъ креслѣ, однимъ остроумнымъ словомъ, удачнымъ выраженiемъ усмирялъ парламентскiя бури, заставлялъ смѣяться даже въ такiя минуты, когда въ воздухѣ пахло грозой. Я зналъ его радушнымъ хозяиномъ дома, всегда веселымъ и ласковымъ. Еще недавно я видѣлъ его въ его кабинетѣ, въ Бурбонскомъ дворцѣ,

въ синемъ домашнемъ костюмѣ съ небрежно повязаннымъ бѣлымъ галстухомъ, такимъ счастливымъ, такимъ моложавымъ. Но когда я увидѣлъ его теперь входящимъ въ залу суда, мнѣ стало жутко,—его трудно было узнать. Передо мной былъ желтый и сморщенный старикъ, съ неподвижными глазами, съ перекошеннымъ въ ужасную улыбку лицомъ человѣка, котораго ведутъ на гильотину. И этотъ человѣкъ, который, какъ Марія-Антуанета, „искупалъ ошибки, а не преступленіе", имѣлъ видъ преступника. Онъ самъ понималъ это и растерянно оглядывался, ничего не видя, сохраняя на лицѣ ужасную и въ то же время необыкновенно жалкую улыбку. Онъ путался въ объясненіяхъ, сбивался, стараясь сохранить достойный видъ, а толпа злорадно смѣялась. Это было ужасно...

И ужаснѣе всего было то, что онъ не понималъ, что̀ имѣетъ противъ него эта безсердечная толпа, приводилъ оправданія (онъ, свидѣтель!), о которыхъ слѣдовало бы умолчать, и умалчивалъ о томъ, что послужило бы къ его оправданію.

Въ сравненіи съ нимъ, Клемансо, дѣйствительно виновный, какъ интимный другъ и покровитель Герца, имѣлъ видъ почти спокойный. Онъ понималъ, что лучшее средство избавиться отъ ударовъ — наносить ихъ первому, и онъ наносилъ, нападая на одного адвоката, остря надъ другимъ, не теряя хладнокровія, чтобы не показаться жалкимъ, и, главное, не возмущаясь, не ударяясь въ лиризмъ. И вотъ вамъ психологія толпы: виноватый, но нападающій, произвелъ на эту толпу положительно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ невинный, но растерявшійся и возмущенный.

* * *

Слушая этотъ длинный рядъ свидѣтелей-подсудимыхъ и подсудимыхъ-обвинителей, вникая въ ихъ жалкія оправданія, которыя сводились къ тому, что „всѣ такъ дѣлаютъ, не я одинъ", „это обычай", „я бралъ потому, что спекулировалъ", — я ясно сознавалъ, что присутствую при похоронахъ цѣлаго поколѣнія. Еще недавно оно стояло на аванпостахъ, несло новое слово и увлекало толпу. Теперь оно одряхлѣло и опустилось, говоритъ на смѣшномъ архаическомъ языкѣ и не понимаетъ того, на которомъ говорятъ свѣжіе люди, которые пришли послѣ насъ. Ничто не можетъ сравниться съ трагизмомъ людей, которыхъ живыми кладутъ въ гробъ. Человѣкъ спокойно благодушествуетъ

въ министерскомъ дворцѣ, строитъ планы будущаго, думаетъ, что онъ — соль земли, что судьбы родины зависятъ отъ него; вдругъ стукъ въ дверь. — Пожалуйте въ могилу, вы умерли, похоронныя дроги подали!...

И въ то время какъ его, барахтающагося, кладутъ въ тѣсный и узкій гробъ, толпа, не замѣчая похоронъ, со смѣхомъ и съ шутками, освѣщенная весеннимъ солнцемъ, празднуетъ карнавалъ. Въ золотистомъ воздухѣ цѣлыя тучи разноцвѣтныхъ лепестковъ конфетти, которые падаютъ яркимъ дождемъ на свѣтлыя платья, на цвѣты весеннихъ шляпокъ, на возбужденныя весельемъ лица молодежи. Громадныя кареты съ напудренными королевами, съ маркизами въ малиновыхъ кафтанахъ и въ треуголкахъ съ золотыми позументами, въ батистовыхъ жабо, въ сопровожденіи курьера и герольда прорѣзываютъ толпу, подъ грохотъ музыки. Безконечныя бумажныя ленты разныхъ цвѣтовъ шмыгаютъ въ воздухѣ, обвивая шеи и шляпы. Множество рукъ подхватываютъ ихъ, превращаютъ въ пучки и дерутся ими, щекочутъ щеки и затылки молодыхъ женщинъ, которыя хохочутъ во все горло.

Это не кошмаръ и не сказка Эдгара По, то, что я разсказываю вамъ. Я это видѣлъ въ день втораго засѣданія суда по второму панамскому процессу, когда, выйдя изъ душнаго и мрачнаго зала окружнаго суда, попалъ на улицу. Былъ праздникъ прачекъ, mi-carême. День былъ сверкающій и теплый, и толпа отличалась буйнымъ, бѣшенымъ весельемъ, какого я еще не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ живу въ Парижѣ. Парламентскіе дѣятели, преданные суду, но не находившіеся подъ предварительнымъ арестомъ, все это видѣли, возвращаясь домой. Затерянные въ толпѣ, которая когда-то оказывала имъ почести и дѣлала оваціи, развѣ они не должны были чувствовать себя заживо погребенными! Особенно въ виду того, что эта толпа не дѣлала имъ теперь даже контръ-овацій...

Чего она хочетъ, эта толпа? Почему она такъ спокойна и весела? Почему вся эта газетная агитація послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, эти скандалы въ парламентѣ, только скользнули по ней, не задѣвши ее?

Потому что она знаетъ, что на смѣну сходящему поколѣнію явится новое, которое лучше пойметъ ея инстинкты и желанія, и что даже это поколѣніе уже находится за кулисами и вскорѣ выступитъ на сцену, что на прошлогодній снѣгъ, стало-быть,

нечего негодовать. Придетъ весна-красна, все зазеленѣетъ и опять покроется цвѣтами. Это, можетъ-быть, иллюзіи... Но развѣ весною кто-нибудь думаетъ о предстоящей зимѣ!

Когда я писалъ мое предыдущее письмо, въ которомъ я старался представить душевное настроеніе современной французской молодежи, я самъ не подозрѣвалъ, что она такъ близка къ тому, чтобы выступить на политическую арену съ твердымъ желаніемъ играть большую и серьезную роль. Съ кѣмъ изъ нихъ, бывало, чуть не вчера, ни заговоришь о политикѣ и о томъ, что молодежь волей-неволей призвана будетъ заниматься ею, тотчасъ раздается раздраженная или презрительная рѣчь.—Вступить въ міръ болтуновъ и карьеристовъ, узколобыхъ, жадныхъ, готовыхъ на всевозможныя сдѣлки съ совѣстью для достиженія пустой и мелкой цѣли,—ни за что, никогда! Что мы будемъ тамъ дѣлать, о чемъ будемъ говорить? Они насъ засмѣютъ и задушатъ. За нихъ избирательные комитеты, за ними матеріальная сила и деньги. Какъ они ни грызутся между собою, но когда дѣло дойдетъ до того, чтобъ отнять у нихъ насиженныя синекуры, они всѣ соединятся противъ насъ, какъ противъ враговъ. Они побѣдятъ, а мы останемся ни причемъ, осмѣянные и жалкіе.

Теперь новое дуновеніе пронеслось въ воздухѣ. Молодежь запѣла новыя пѣсни. Куда ни повернись, вездѣ однѣ и тѣ же рѣчи, точно всѣ сговорились. Можно подумать, что кто-то невидимо и неслышно шепнулъ каждому на ухо лозунгъ: соединяйтесь! Они говорятъ теперь: „Франція принадлежитъ намъ, потому что мы будущіе. Мы не можемъ долѣе оставлять ее въ добычу политиканамъ, они вскорѣ превратятъ ее въ одну обширную биржу. Деньги и денежные воротилы уже теперь заправляютъ всѣмъ. Народное представительство превратилось въ монополію дѣльцовъ, которые составили между собою настоящее тайное общество, куда, какъ въ масонскія ложи, принимаются только тѣ, кто знаетъ пароль, кто заранѣе отчуждаетъ свою независимость и рѣшился идти съ завязанными глазами вслѣдъ за вожаками, повторяя нелѣпыя, яко бы магическія формулы „декляраціи человѣческихъ правъ“. Чтобъ удержать свое положеніе, они подлоугодничаютъ толпѣ, и не управляютъ, а управляются ею. Идеи принизились и измельчали, искусство падаетъ и вырождается, а народное благосостояніе не улучшается, жить становится труднѣе съ каждымъ днемъ, и городской пролетаріатъ растетъ съ поражающею быстротой, становясь грозною, разлагающею силой.

Чтобы дать исходъ накопляющемуся неудовольствію, политиканы морочатъ толпу шовинистскими фразами, пугаютъ ее перспективой обще-европейской войны, развлекаютъ предпріятіями въ отдаленныхъ колоніяхъ, въ Дагомеи, Тонкинѣ, на Мадагаскарѣ.

„Только мы, молодежь, не принимавшая участія до сихъ поръ въ политической жизни, не отравленная ядомъ политическихъ взглядовъ и аппетитовъ, только мы имѣемъ право явиться предъ избирателями и раскрыть имъ глаза.“

И молодежь (литературная, а не журнальная) волнуется, небольшими группами обсуждаетъ, что̀ дѣлать, какъ взяться за борьбу, вырабатываетъ планъ компаніи. Цѣль заключается въ томъ, чтобы соединить и объединить учащуюся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній Франціи въ одну „Лигу французской молодежи“, послушную общей программѣ. Мнѣ говорили о предварительномъ частномъ собраніи организаторовъ, которое имѣетъ состояться на-дняхъ, и гдѣ будутъ выработаны основы для большой публичной сходки парижскихъ студентовъ. На эту сходку будетъ допущена печать, но только по именнымъ приглашеніямъ. Слово же будетъ дано только тѣмъ молодымъ людямъ, которые до сихъ поръ не заявили себя никакою *политическою* дѣятельностью и не завербованы ни въ одну изъ существующихъ политическихъ группъ и фракцій, какая бы она ни была, парламентская или внѣ-парламентская. „Мы не желаемъ, говорили мнѣ организаторы,—имѣть въ своей средѣ ни одного изъ тѣхъ, кто уже имѣлъ какую-нибудь политическую этикетку, чтобы не подумали, что мы идемъ позади кого-нибудь изъ нихъ. Потому, что мы и въ дѣйствительности ни за кѣмъ не пойдемъ. Ежели этотъ кто-нибудь будетъ одинъ изъ ораторовъ соціалистическихъ или анархическихъ сходокъ, такъ мы ихъ знать не хотимъ, потому что для нихъ агитація—ремесло, которымъ они живутъ; они мутятъ воду, чтобы выуживать выгодныя общественныя положенія. Они не просвѣтить желаютъ толпу, а только раздражить ее. Ежели же это будетъ хотя бы самый молодой и передовой изъ нынѣшнихъ депутатовъ,—онъ уже спутанъ по рукамъ и по ногамъ парламентскими обязательствами, парламентскою фразеологіей и тою ненавистною политическою ловкостью, которая заключается въ томъ, чтобъ обкарнать и урѣзать всякую, самую простую идею, въ угоду тѣмъ, кто думаетъ наоборотъ, чѣмъ они, и предложить ее въ исковерканномъ видѣ. А главное, такой человѣкъ всегда связанъ избирательными комитетами,

предъ которыми угодничаетъ и которымъ льститъ, въ ущербъ своимъ убѣжденіямъ. Ни тѣхъ, ни другихъ намъ не нужно. Мы желаемъ явиться предъ страной свободными отъ всякихъ путъ, и для насъ не столько важно быть выбранными, сколько изложить предъ нею наши идеи: чего мы желаемъ и чего мы не желаемъ"...

На этомъ мы и прекратимъ пока нашу бесѣду, чтобы не вдаваться въ подробности о томъ, чего хочетъ партія, которая еще не существуетъ. Будущее покажетъ, перейдетъ ли это *настроеніе* въ нѣчто реальное и осязательное.

И. Яковлевъ.

КРИТИКА.

НАРОДЪ И НАРОДНЫЯ „КНИЖКИ".

(Статья вторая).

«Зачѣмъ же пишутся въ книгахъ такія видѣнія? Значитъ—они были...»

(Разсужденіе крестьянина).

I.

Народные писатели и прогрессивная критика, повидимому, мѣняютъ настроеніе. Прежнее низведеніе святости на степень обыкновенной благотворительности и житейской порядочности, въ образѣ различныхъ Прекрасныхъ Азъ, богоугодныхъ дровоколовъ, Панфалоновъ, стариковъ,—прежнее стремленіе нигилизировать народъ, повидимому, оставляется. Прогрессивная критика, умудренная опытомъ столькихъ неудачъ по дѣлу народнаго „перевоспитанія", уже отказывается отъ народныхъ книжекъ гр. Толстаго и Лѣскова. Она сознала, [1] наконецъ, что либеральныя силы всего свѣта не могутъ ни на волосъ сдвинуть народъ нашъ съ его святаго мѣста. Поэтому она предлагаетъ теперь дать народу не „книжку для чтенія", но „книгу для жизни". создать „прогрессивную спеціально-крестьянскую литературу", которая могла бы „освѣтить народную жизнь и поднять ея коренные устои на высшую ступень".

[1] По крайней мѣрѣ заставляетъ думать такъ статья г. Ан—скаго въ №№ 7, 8, 9 и 10 «Русскаго Богатства» прошлаго года.

Новѣйшія народныя изданія, въ такомъ изобиліи печатаемыя Сытинымъ въ Москвѣ, дѣйствительно слово „Богъ" изъ книжекъ не изгоняютъ, святыхъ называютъ святыми и даже излагаютъ ихъ житія, не стѣсняясь указывать и церковный, излюбленный народомъ, источникъ изложенія—„составлено по Четіи-Минеи Святаго Димитрія Ростовскаго",—или же обозначая источникъ заимствованія такъ: „изъ прим. благ. Бажанова", то-есть изъ извѣстной книги покойнаго протопресвитера В. Б. Бажанова „Примѣры благочестія изъ житій Святыхъ".

Дѣло, повидимому, клонится къ тому, чтобы отвѣтить исконному желанію народа—почитать житія угодниковъ,—помолиться и поплакать въ благочестивой бесѣдѣ. Но такъ только повидимому, на дѣлѣ же все обстоитъ по старому.

Правда, заглавія нынѣшнихъ книжекъ—самыя церковныя,—житія, наставленія. Но вѣдь нынѣшніе критики рекомендуютъ „поднять коренные устои на высшую ступень". Какъ же это „поднять на высшую ступень" Библію, Четіи-Минеи, или творенія святыхъ отцовъ? Посмотримъ, что̀ изъ этого выходитъ.

II.

Народъ, напримѣръ, съ открытымъ сердцемъ внимаетъ житію Св. Іоанна Воина, какъ оно изложено въ Четіи-Минеи:

„Въ той же день (мѣсяца Іулія въ 30 день) память Святаго Іоанна Воина, иже въ царство Іуліана отступника посланъ бысть со иными воины на убіеніе христіанъ, и являшеся видящимъ яко гонитель, тайно же пособствоваше христіаномъ, овымъ прежде ятія возвѣщая бѣжати, овымъ же ятымъ бывшимъ даруя свободу. Бысть же и къ нищимъ милостивъ, и подаяше имъ потребная, и посѣщаше немощныя, и скорбящія утѣшаше: украшаше же свое житіе молитвами и пощеніемъ и чистотою, и добрѣ Богу угодивъ преставися къ Нему въ вѣчныя обители". Въ этой краткости и простотѣ народъ находитъ много трогательнаго и поучительнаго, и Іоаннъ Воинъ сталъ у него однимъ изъ самыхъ чтимыхъ святыхъ.

Но вотъ ему предлагаютъ „разсказъ изъ временъ первыхъ христіанъ", № 20, подъ заглавіемъ—„Іоаннъ Воинъ", на 36 страницахъ. Въ немъ подробно излагается, какъ Юліанъ приказалъ „исправному солдату" Іоанну идти на христіанъ, какъ дорогой

Іоаннъ терзался думами о несправедливости гоненій на „лучшихъ изъ людей“, какъ въ лѣсу онъ услышалъ пѣніе „Тебе Бога хвалимъ“ и тайно предупредилъ христіанъ объ опасности. Между тѣмъ сопровождавшіе его воины рисовали слѣдующія картины будущихъ гоненій христіанъ:

„— И ужь искалѣчимъже ихъ - вотъ какъ! Кажется, ни единаго въ цѣльномъ видѣ по начальству не представимъ.

„— Это ужь безпремѣнно, подхватилъ третій...—Зачѣмъ ему, напримѣръ, въ тюрьмѣ хоть бы двѣ ноги? Одной—такъ и то много! Куда ее? Въ походъ не ходить, на маршировку—тоже не потребуютъ“.

Разсказывается далѣе, какъ воины не нашли въ городѣ христіанъ, какъ Іоаннъ посѣтилъ заключенныхъ христіанъ и умолялъ слабыхъ „не отступать отъ правды“, какъ схватили здѣсь Іоанна и самого заключили въ темницу. Потомъ, послѣ Юліана, его выпустили.

„Съ этихъ поръ, продолжаетъ разсказъ,—Іоаннъ бросилъ военную службу и отдалъ себя на служеніе ближнему. Онъ не ушелъ въ монастырь, какъ уходили другіе. Онъ говорилъ:

„— Богъ велитъ не уходить отъ людей, а любить ихъ, помогать имъ. Въ жизни у каждаго много горя, много тяжелаго. Иногда одному человѣку съ своимъ горемъ и не справиться. Вотъ тутъ и помочь ему. Пусть каждый смотритъ на человѣка въ нуждѣ и горѣ, какъ на роднаго брата, пусть помогаетъ ему, заботится о немъ,—такъ велитъ Христосъ...“

Всю остальную жизнь Іоаннъ отдалъ обиженнымъ, и по смерти, согласно завѣщанію, „его положили при дорогѣ, съ бѣдняками“.

Разумѣется, такой разсказъ останется чуждымъ нашему народу. Послѣдній даже не увидитъ изъ него, о святомъ ли эта рѣчь, а потому стоитъ ли его читать.

Или вотъ, напримѣръ, умиленно читаетъ народъ въ житіи Св. мученицы Евлаліи на 22 августа: „И тече ко граду влекома веліею любовію небеснаго жениха своего Христа Господа, желаніе имѣя положити за него свою душу“. А въ книжкѣ изданія В. И. № 25 — „Святая дѣвица Евлалія“ — (гдѣ тоже весьма много подробностей), — ему разсказываютъ: „у Евлаліи была другая цѣль, другія мысли. Ей хотѣлось избавить христіанъ отъ предстоящихъ мукъ, хотѣлось образумить Дакіана (мучителя). Но развѣ она можетъ, развѣ она въ силахъ? Ей кажется, что мо-

жетъ. Она сознаетъ, что должна помочь, должна остановить правителя отъ его безумныхъ дѣйствій,—а въ случаѣ нужды самой пострадать.“

„Судіе неправедный, — вычитываетъ народъ далѣе въ Четіи-Минеи, — на высокомъ престолѣ сѣдяй, сущаго же превыше всѣхъ Бога не боядся, того ли ради здѣ сидиши да неповинныя погубляеши человѣки, ихъ же созда Богъ по образу и подобію своему въ службу ему, ты же въ службу сатанину влечеши нхъ, и казниши смертми не слушающыя тя“. А въ книжкѣ ему предлагаютъ эту рѣчь мученицы въ такомъ видѣ: „Знаешь, кто ты? Ты... ты—не правильный (sic) судья, — судья, не боящійся Того, Кто выше всѣхъ на свѣтѣ (sic)! Выше всѣхъ, выше твоихъ боговъ—Христосъ! Твой царь не правъ, и если ты послушаешь его, ты будешь судья неправедный, ты...“

„Азъ есмь Евлалія,—продолжаетъ онъ въ Четіи-Минеи,— раба Господа Іисуса Христа, иже есть Царь царей и Господь господей, на него же уповая не убояхся волею пріити и обличити тя, почто тако безумно дѣлаеши, презираеши Бога, Его же суть вся, небо, земля, море, и вся яже на нихъ и въ нихъ, почитаеши же діавола: еще же и человѣки Богу истинному служащыя убѣждаеши различными муками къ поклоненію идоламъ, иже не суть бози, но бѣси, съ ними же вси вы почитающіи ихъ предани будете огню вѣчному“. А въ книжкѣ Евлалія патетически восклицаетъ:—„Ты хочешь знать, кто я?—И Евлалія гордо выпрямилась. — Я — христіанка! Зовутъ меня Евлалія. Я пришла, чтобы сказать тебѣ о твоемъ беззаконіи, сказать при всѣхъ, при всемъ народѣ—и прямо въ глаза. А то вѣдь вамъ—верховнымъ правителямъ — никто никогда не говоритъ правды. Вы не знаете ея. Ваши уши привыкли только къ лести, къ словамъ лжи. Такъ знай еще разъ, что ты совершаешь величайшую несправедливость, преслѣдуя тѣхъ, кто вѣритъ въ истиннаго Бога. Твои боги—идолы, деревянные(?) истуканы, — и ты велишь поклоняться этимъ жалкимъ деревяшкамъ!“

Въ Четіи-Минеи, на предложеніе поклониться идоламъ, Св. Евлалія отвѣчаетъ: „Власть же Господа моего Іисуса Христа есть безконечна, яко же и Самъ Онъ есть вѣченъ. Не могу убо солгати: понеже боюся Владыки моего, иже лживыхъ и неправедныхъ всѣхъ предастъ гееннѣ огненной на сожженіе“. А вотъ какъ въ книжкѣ: „Не жалѣй! — послышался въ отвѣтъ слабый,

измученный голосъ окровавленной Евлаліи. — Мнѣ не нужно твоего сожалѣнія. Ты хочешь заставить меня найти свое оправданіе во лжи? Благодарю! Тотъ, кто позналъ истиннаго Бога, позналъ и сердцемъ, и разумомъ, — для того ложь не можетъ служить спасеніемъ, тотъ презираетъ ложь, отворачивается отъ нея—и готовъ лучше претерпѣть муки, лишь бы не прибѣгать ко лжи. И я готова опять повторить все, что сказала. Ты..."

„Видѣвъ же игемонъ, повѣствуется далѣе въ Четіи-Минеи,— яко уже умре мученица, постыдѣся побѣжденъ бывъ отъ юныя дѣвицы, и яряся воста отъ судилища и отъиде въ домъ". А вотъ въ книжкѣ: „А самъ, чтобы не видѣть ея мукъ, закрылъ лицо, сошелъ съ возвышенія и направился домой. Толпа трусливо разступилась передъ нимъ, хотя въ душѣ, можетъ-быть, многіе готовы бы были побить его камнями. Но толпа труслива. И Дакіанъ невредимо и даже съ почетомъ дошелъ до дому".

О душевномъ состояніи родителей мученицы такъ излагается въ Четіи-Минеи: „Кіихъ рыданій не творяху; и кіихъ плачевныхъ словесъ не глаголаху; обаче и радовахуся, яко дщерь ихъ любезная прія вѣнецъ мученическій и вниде въ чертогъ жениха небеснаго". А вотъ что въ книжкѣ разсказывается объ этомъ же самомъ: „Когда на ихъ вопросы: гдѣ же мученица? Имъ указали на крестъ — они упали передъ ней на колѣни и огласили воздухъ раздирающими душу рыданіями.—Мать и отецъ стоятъ у ногъ твоихъ, говорили они. — Ты святая! — Одно утѣшеніе теперь осталось для нихъ: похоронить тѣло дочери вмѣстѣ съ другими христіанскими мучениками".

Конечно, это сравненіе говоритъ отнюдь не въ пользу новой редакціи житій Святыхъ въ народныхъ книжкахъ. И это нужно сказать не только о четіи-минейныхъ житіяхъ, но и о житіяхъ новыхъ мучениковъ, которыя переведены съ новогреческаго и изложены священникомъ Петромъ Соловьевымъ въ книгѣ: „Христіанскіе мученики, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя Турками". Такъ, въ этой книгѣ, на одной 82 стр. изложено житіе и мученіе „Св. мученика Іоанна отрока", преданнаго Евреемъ и пострадавшаго *20 декабря* 1652 года. Эта страница развита въ цѣлую книжку *Читальни Народной Школы*, на 15 стр. „Св. Іоаннъ съ острова Патоса". Въ ней много разныхъ подробностей, но предалъ мученика уже не Еврей, а просто лавочникъ, и Св. Іоаннъ пострадалъ почему-то *20 августа.*

III.

Русскій народъ всегда любитъ читать и слушать житія Святыхъ, особенно мучениковъ и милостивцевъ. Внимая ихъ чудеснымъ подвигамъ, онъ воспитываетъ въ себѣ благоговѣніе предъ великою силою благодати, совершающейся въ немощахъ человѣческихъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ именно изъ нихъ, изъ этихъ житій, постигаетъ просто и наглядно глубочайшее таинство вѣры Христовой, таинство Іисуса Христа Сына Божія — Богочеловѣка. Каждое слово, каждый подвигъ Святыхъ со всею убѣдительностью научаетъ его видѣть тлѣнность и суету рѣшительно всего на землѣ, даже всѣхъ людей, и всею душой стремиться и любить одно постоянное, одно вѣчное — Бога и блаженную жизнь у Него, въ другомъ лучшемъ, духовномъ мірѣ за гробомъ. Изъ нихъ онъ ясно видитъ, что ничто на свѣтѣ, даже самая жизнь не имѣетъ никакой цѣны, лишь душа человѣка, образъ и подобіе Божіе, вѣчна, какъ вѣченъ и самъ Богъ. Для спасенія души, для вѣчной жизни ея съ Богомъ ему понятны всякія страданія, понятна борьба съ плотію и царствомъ міра сего: онъ видитъ жизнь не тамъ, гдѣ живетъ теперь, а тамъ, гдѣ Богъ, и гдѣ самъ онъ будетъ вѣчно жить съ Богомъ. Во имя Божіе, во имя вѣчной духовной жизни у Него на небесахъ Святые подняли на себя земныя страданія, и народъ научается у нихъ любить Бога и духовную жизнь. Зачѣмъ привязываться къ этой жизни, зачѣмъ любить людей, если все это сегодня есть, а завтра какъ трава засохнетъ и не будетъ? И житія учатъ его жить для Бога, служить Ему, а въ людяхъ любить только ихъ образъ Божій и заботиться только о спасеніи ихъ душъ. Вѣра въ Бога—живаго Духа - вотъ драгоцѣнный урокъ, которому житія Святыхъ научаютъ народъ. „Не буди ми то, дабы имѣлъ отврещися Христа Бога моего“,—читаетъ онъ въ житіи, и ему понятенъ весь смыслъ страданій во имя Божіе, весь смыслъ борьбы мученика съ міромъ и его княземъ, который властенъ надъ тѣломъ, надъ ничтожнымъ прахомъ, надъ душей же не имѣетъ никакой власти, а она одна только и цѣнна, какъ вѣчная и безсмертная. Для ея спасенія, для сохраненія ея во власти Небеснаго Царя, народу понятны всѣ страданія Святыхъ и *радость родителей мученицы*, „яко дщерь ихъ

любезная прія вѣнецъ мученическій и вниде въ чертогъ жениха небеснаго".

Съ другой стороны изъ житій Святыхъ народъ научается любить Церковь Христову, какъ единственный корабль, спасающій его душу отъ погибели въ волнахъ житейскаго моря, и въ ея установленіяхъ видѣть единственныя средства спасенія.

Такимъ образомъ, житія Святыхъ научаютъ народъ вѣровать въ Бога и будущую жизнь и жить установленіями Церкви.

IV.

Обращаясь къ новымъ книжкамъ, народъ уже не найдетъ знакомыхъ ему уроковъ. Онъ привыкъ читать въ каждой строкѣ церковныхъ книгъ, что Христосъ есть Сынъ Бога живаго. Но вотъ въ книжкѣ „Какъ жить по Слову Божію?" онъ открываетъ статьи: „Свойства Мессіи—Избавителя міра" и „Пророчество о Христѣ Спасителѣ". Въ нихъ собраны пророчества Ветхаго Завѣта о Спасителѣ: Исаіи XI, 1 — 9; LXI, 1; II, 3 — 5; LVI 1; XLII, 1 — 4, 6 — 7; Псал. XLIV, 3 — 5, 8. Общій смыслъ ихъ тотъ, что Мессія будетъ „судить бѣдныхъ по правдѣ", „проповѣдывать узникамъ открытіе темницы", что при немъ „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ", что при немъ „не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать". Толкованій при этихъ пророчествахъ не приложено никакихъ. Единственно же понятныя народу пророчества о Мессіи—Сынѣ Божіемъ, о страданіяхъ Его, смерти и тридневномъ воскресеніи—въ этой книжкѣ не приведены. Равно безъ толкованій приведена и рѣчь Ап. Павла къ Аѳинянамъ (Дѣян. XVII, 22—30), въ которой говорится, что „Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду". Между тѣмъ, не разсказано о женѣ, возліявшей мvро на ноги Спасителя, когда его, повидимому, съ большею пользою можно было продать и деньги раздать нищимъ (Матѳ. XXVI, 6—13, Ср. Іоан. XII, 3—8).

Въ книжкѣ № 78 „Жизнь древнихъ христіанъ" разсказывается, что „христіане твердо вѣрили, что всякое гоненіе ихъ служитъ къ торжеству правды и добра *на землѣ*", что они, „признавъ высоту и истину ученія Христа, устраивали свою жизнь по но-

вому, *безстрашно слѣдуя велѣніямъ своей совѣсти и своего разума*" что они „боялись только своей совѣсти".

Въ книжкѣ „Святые Трудолюбцы", изданіе М. Конусова, прямо объясняется: „Язычники не потому такъ преслѣдовали христіанъ что тѣ исповѣдывали различную съ ними религію (они терпѣли людей всякихъ исповѣданій), а потому, что ученіе Христа грозило ихъ власти, ихъ роскошной и развратной жизни... Язычники видѣли, что если ученіе Христа распространится, то естественно сами собою должны будутъ измѣниться отношенія людей между собою въ пользу дотолѣ угнетенныхъ безправныхъ, и тогда нельзя уже будетъ жить безмездно чужимъ трудомъ!"

Ученіе же Христа по представленію этой книжки заключается въ слѣдующемъ: „чтобъ исполнить заповѣди Евангелія, недостаточно кормить, поить и одѣвать своимъ трудомъ только себя и свою семью: — человѣкъ долженъ быть еще полезенъ и своему ближнему, насколько можетъ". Для развитія этой мысли книжка высказываетъ такую сентенцію: „при немъ, то-есть при Преп. Даніилѣ, Даниловъ монастырь былъ обширнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ (чѣмъ долженъ быть каждый монастырь.")

Такого ученія Христова народъ не привыкъ слышать. Въ тѣхъ же Четіихъ-Минеяхъ онъ узналъ, что только язычники, враги христіанъ, не понимали небеснаго характера Царства Христова и Божественнаго Лица его Основателя. Тамъ, въ Четіихъ-Минеяхъ, онъ слышитъ такія рѣчи только изъ устъ гонителей святыхъ мучениковъ: „понеже не восхотѣлъ еси богóмъ принести жертвы, но презрѣлъ еси повелѣніе царское нѣкоего ради человѣка глаголемаго Христа".

Еще удивительнѣе ему слышать, что не Святая Церковь, а „народная память" сохранила ему житія Святыхъ, какъ сказано въ той же книжкѣ по поводу житія Св. Іуліаніи: „болѣе трогательнаго примѣра любви къ ближнему не сохранила народная память".

V.

Но совсѣмъ уже непонятно то, что въ тѣхъ же самыхъ житіяхъ, которыя изложены въ народныхъ книжкахъ, въ Четіихъ-Минеяхъ и „Примѣрахъ благочестія" протопресв. Бажанова ясно обрисованъ не земной, а небесный и божественный характеръ христіанства, ясно указанъ долгъ христіанъ служить не себѣ и

не этимъ видимымъ людямъ, а Богу невидимому, но живому;—тогда какъ въ книжкахъ такого разграниченія не проведено и даже, какъ будто, служеніе Богу сведено на служеніе людямъ. Въ Четіихъ-Минеяхъ и книгѣ Бажанова указаны средства служенія Богу въ церкви, указано небесное назначеніе земной жизни человѣка, точно изложено и ученіе о грѣхахъ и главномъ виновникѣ ихъ—діаволѣ, а также о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ въ адѣ. Этой простоты, ясности и отчетливости уже не найти въ народныхъ книжкахъ. Въ подтвержденіе этого пришлось бы перепечатать цѣликомъ всѣ книжки. Поэтому мы приведемъ только нѣкоторыя мѣста изъ нихъ въ сопоставленіи съ источникомъ ихъ.

Въ житіи Св. Филарета Милостиваго сказано о вдовѣ его, что она, по погребеніи честнаго тѣла мужа своего, вернулась въ отечество, „и тамо многія имѣнія, яже прія отъ царя и царицы, раздаде на созиданіе и обновленіе церквей Божіихъ древле сожженныхъ отъ безбожныхъ Персовъ, даде же тѣмъ церквамъ служебныя святыя сосуды, и одежды и вся украшенія: еще же и монастыри тамо созда, и домы на пріятіе странныхъ и на упокоеніе нищихъ и болящихъ“. Въ книжкѣ же № 10 „Житіе Святаго Филарета Милостиваго“ только и сказано: „Вдова Филарета, желая сдѣлать угодное его памяти, раздала свое имущество бѣднымъ и жила въ одиночествѣ“.

По четіи-минейному житію Св. Петра мытаря нищій былъ орудіемъ милосердія Божія для спасенія Петра. Въ книжкѣ № 15 „Житіе Св. Петра мытаря“ это дѣло представлено обыкновеннымъ житейскимъ случаемъ. Въ Четіи-Минеи Св. Петръ зоветъ раба своего въ Іерусалимъ, „да поклонимся Животворящему Гробу Христову“, а въ № 15—безъ всякихъ объясненій: „пойдемъ въ Іерусалимъ“. Въ этомъ же житіи, а равно въ житіяхъ Святыхъ Моисея Мурина и Θеодора мученика, въ книжкѣ № 15 четіи-минейныя видѣнія названы сномъ, а всѣ чудеса и явныя сверхъестественныя дѣйствія благодати Божіей совсѣмъ пропущены. Въ Четіи-Минеи о Св. Моисеѣ Муринѣ говорится, что его искушалъ „бѣсъ блудный“, и онъ лишь *молитвою и постомъ* избавился отъ него, а въ книжкѣ № 15 уже разсказывается: „часто смущали Моисея нечистыя мысли и тянуло его къ прежней грѣховной жизни. Отъ этихъ соблазновъ Моисей спасался неустаннымъ тяжелымъ трудомъ на пользу своихъ ближнихъ, которые окружали его“. Въ Четіи-Минеи вражда Св. мученика Ни-

кифора съ пресвитеромъ Саприкіемъ объяснена такъ: „позавидѣ ненавидяй добра врагъ и всѣя между ими плевелъ вражды“, а въ книжкѣ № 15 сказано просто: „потомъ возненавидѣли они другъ друга“: Поучительный же конецъ этого житія совсѣмъ опущенъ: „и пойде (Св. Никифоръ) радуяся ко Христу Господу пріяти вѣнецъ побѣды отъ десницы Его и предстати Ему въ лицѣ святыхъ мучениковъ, славящихъ Отца и Сына и Святаго Духа“... Объ одномъ пустынникѣ у Бажанова (76—77 стр.) сказано: „обрадовавшись, и, познавши въ своей непріязни къ пришельцу дѣйствіе вражеской зависти, старецъ упалъ къ ногамъ ученика своего“, а въ книжкѣ изданія В. И. № 23: — „обрадовавшись и устыдившись своей зависти и вражды, старецъ упалъ къ ногамъ ученика своего“. У Бажанова въ сказаніи о „истинномъ дружествѣ“ сказано о Поліевктѣ, что „онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, имѣлъ большое уваженіе къ христіанству, и соблюдалъ даже христіанскіе обычаи, но онъ не принадлежалъ къ Церкви Христовой, безъ которой нѣтъ спасенія“. Въ книжкѣ того же издателя № 25 это мѣсто передано такъ: „Послѣдній, т. е. Поліевктъ, былъ человѣкъ добродѣтельный, имѣлъ большое уваженіе къ христіанству, но онъ не былъ христіаниномъ“. Когда же христіанинъ Неархъ передалъ ему свою скорбь по этому поводу, то, у Бажанова, „Поліевктъ тотчасъ понялъ, чего хочетъ отъ него Неархъ, и, озаренный свѣтомъ благодати Божіей, сказалъ: „Не бойся, любезный другъ! Мы не разлучимся... Буди слава Христу, Богу Истинному! Съ этой минуты я исповѣдую себя рабомъ Его“. Въ книжкѣ же это мѣсто передано такъ: „Услышавши это, Поліевктъ тотчасъ понялъ, чего хочетъ отъ него Неархъ. И онъ твердо рѣшилъ стать христіаниномъ, несмотря ни на что... И онъ сказалъ:—Не бойся, любезный другъ! Мы не разлучимся... Съ этой минуты я исповѣдую ученіе Христа“. Въ этой же книжкѣ, въ разсказѣ о преподобномъ Макаріѣ тоже исключено чудо и служеніе Богу сведено на служеніе людямъ: „Пусть только человѣкъ никого не обижаетъ да дѣлаетъ добро другимъ“. Въ подлинникѣ же, у Бажанова, это мѣсто выражаетъ совсѣмъ не то:“ (Богъ) призираетъ на благія намѣренія сердечныя, принимая ихъ за самыя дѣла, и подаетъ благодать свою всѣмъ хотящимъ спастись“. Въ слѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Преподобнаго Нифонта книжка также опускаетъ все, касающееся спасенія именно въ Церкви, и сводитъ благочестіе и

человѣколюбіе на любовь и помощь людямъ и даже на болѣе простое чувство: кто „будетъ жалѣть ближняго своего, тотъ спасетъ душу свою“. Свидѣтельство объ участіи благодати Божіей въ дѣлѣ спасенія людей опущено и въ „Житіи Св. Николая, Мурликійскаго чудотворца“, того же изданія № 21. Въ слѣдующей статьѣ „разбойникъ, помогающій въ несчастьи „желаніе“ угодить Богу“ передѣлано въ желаніе „остаться честными“, а раскаяніе разбойника въ томъ, что онъ „никогда и не помыслилъ въ умѣ своемъ, что есть Богъ“, въ сожалѣніе о томъ, что „никогда и не помыслилъ въ умѣ своемъ, что есть на свѣтѣ добро и правда“. Не точно и не полно переданъ въ книжкѣ и разсказъ о Св. Павлинѣ.

VI.

Впрочемъ, эта неточность замѣчается не только въ житіяхъ, но даже и въ историческихъ разсказахъ народныхъ книжекъ. Вотъ читаемъ, напримѣръ, въ книжкѣ „Свв. Кириллъ и Меѳодій“ изданія „Народной Библіотеки“: „Принявшіе христіанскую вѣру отъ греческихъ священниковъ въ церковномъ отношеніи подчинялись Константинопольскому патріарху, а крещеные латинскимъ (римскимъ) духовенствомъ находились въ вѣдѣніи римскаго епископа или папы, какъ его называютъ. Такъ какъ и *патріархъ* и *папа* старались каждый упрочить *свое* вліяніе на тѣ народы, среди которыхъ посланные ими проповѣдники распространяли христіанство, то понятно, что послѣднимъ, особенно греческимъ проповѣдникамъ, часто приходилось бороться съ латинскими“.

Но всего и не перечтешь. Да это намъ и не нужно. Мы хотѣли указать только нѣкоторыя черты изъ народныхъ книжекъ, чтобы по этимъ чертамъ можно было судить о непригодности этихъ книжекъ для народа. Міръ безъ Бога, душа безъ помощи благодати и соблазновъ діавола, эта жизнь безъ вѣчной загробной, словомъ, вся матеріалистическая философія православному чужда, чужда до отвращенія, какъ смрадное празднословіе, совсѣмъ не отвѣчающее цѣлямъ его жизни. Еще въ старину одинъ

грамотѣй такъ выразился по этому поводу въ прописи: „Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты жъ ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ смрадными философы въ бесѣдѣ не бывахъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно мою грѣшную душу очистити отъ грѣхъ".

Для душеспасенія и книги нужны ему, а не для безбожной „жизни"...

Старинщикъ.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Живое слово и проповѣдь.—Наша дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Съ оживленіемъ въ наше время церковной жизни и пробужденіемъ религіознаго чувства на очередь выступаютъ вопросы церковнаго проповѣдничества. Въ прошломъ году появилась книга преосвященнаго Амвросія *Живое Слово*, посвященная разработкѣ этихъ вопросовъ. Книга эта была уже отмѣчена въ *Русскомъ Обозрѣніи* (іюль, 1892 г.). Главная мысль преосвященнаго автора—необходимость поставить дѣло нашего проповѣдничества на живую почву импровизацій и желаніе дать для этого нѣсколько соотвѣтствующихъ указаній. Въ Петербургскомъ Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви дѣло проповѣдничества поставлено, какъ нигдѣ, въ прекрасныя условія; нѣкоторые члены Общества образовали изъ себя особый проповѣдническій кружокъ съ цѣлью, путемъ взаимнаго обученія и указаній, практически совершенствоваться въ произнесеніи импровизацій.

Въ послѣднемъ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 15 апрѣля, священникомъ отцомъ Владиміромъ Никольскимъ читано было сообщеніе „О современныхъ требованіяхъ по отношенію къ церковной проповѣди". Основная мысль отца Никольскаго та же, что̀ и у преосвященнаго Амвросія—необходимость оживить нашу проповѣдь и развить преимущественно тотъ видъ ея, который называется импровизаціей. Но отецъ Никольскій не даетъ намъ положительныхъ указаній на то, какими способами это сдѣлать; онъ только высказываетъ увѣ-

ренность, что импровизированное проповѣдничество разовьется само собою, какъ только проповѣдь при богослуженіи станетъ *обязательною* по закону и займетъ въ богослуженіи опредѣленное мѣсто, какъ его необходимая составная часть. Эта же регламентированная закономъ обязательпость проповѣди будетъ имѣть слѣдствіемъ еще и то, что народъ *привыкнетъ* къ ней. Все дѣло, по словамъ отца Никольскаго, зависитъ отъ сложившагося взгляда, по которому проповѣди считаются при богослуженіи лишними, не необходимыми при немъ, и какъ бы только удлиняютъ затягиваютъ его. „Введите ее, какъ необходимую, въ составъ богослуженія, какъ вводятся въ него, напримѣръ, молитвы, прошенія по особеннымъ случаямъ, тогда получится иной оборотъ. Невольно народъ привыкнетъ къ ней, и, конечно, даже тотъ, который бы не дарилъ ее вниманіемъ, вынужденъ будетъ къ обязательному выслушиванію ея"... Вотъ то-то и есть, что *„вынужденъ"* будетъ; пастырь вынужденъ по закону произнести слово, да еще *живое*, прихожанинъ вынуждается, хочешь не хочешь, слушать это слово. Можетъ ли быть отъ этого польза? Не противоположные ли результаты получатся у насъ? Совмѣстимо ли *живое*, стало-быть *свободное*, слово съ обязательностью и принужденіемъ?

Намъ кажется, для объясненія какого-либо явленія необходимо всегда обращать вниманіе на причину его; тогда только, измѣнивъ самую причину, возможно будетъ ожидать измѣненія явленія. *Живое слово* есть всегда *внѣшнее выраженіе живаго религіознаго чувства*, есть потребность живой переполненной души высказаться: „отъ избытка сердца глаголютъ уста". Стало-быть, если до сихъ поръ у насъ нѣтъ живаго проповѣдничества, то причиной тому или недостатокъ сердечной теплоты, сухость, холодность къ своему дѣлу со стороны пастырей, „не избытокъ сердца", или недостаточно ясное *сознаніе* необходимости постояннаго благовѣстія („горе мнѣ, аще не благовѣствую"), или же какія-либо внѣшнія обстоятельства, стѣсняющія свободное живое слово. Мы лично склонны думать, что наше духовенство *нельзя* обвинить въ сердечной сухости и холодномъ отношеніи къ своему дѣлу; немалое число истыхъ подвижниковъ среди нашихъ бывшихъ и современныхъ пастырей указываетъ на высокій уровень духовенства, на „горѣніе духа" его. Но при всемъ томъ, ему именно не хватаетъ яснаго *сознанія* всей *важности* и необходимости живаго учительнаго слова. И это отсутствіе внутренняго

сознанія главнымъ образомъ замыкаетъ уста и служитъ причиною пастырской молчаливости. Къ этому присоединяется еще извѣстная школьная привычка говорить по заученному образцу и историческія условія жизни, стѣснявшія живое слово. О послѣдней причинѣ говоритъ и преосвященный Амвросій въ своей книгѣ: „Когда ораторъ беретъ на себя трудъ, какъ напримѣръ церковный проповѣдникъ, постоянно дѣйствовать на народъ живымъ словомъ, къ нему обращаются съ недовѣріемъ и сомнѣніями, какъ бы онъ не произвелъ смущенія въ народѣ своею неумѣлостью и не сказалъ чего лишняго, неумѣстнаго и даже опаснаго. Самый законъ нашъ не даетъ защиты столь естественнымъ проповѣдникамъ ученія Христова; на церковную проповѣдь *не писанную* нѣтъ разрѣшенія въ нашихъ законахъ, и самыя писанныя проповѣди подчинены цензурѣ“ (*Жив. Сл.* стр. 3).

Таковы причины малой распространенности у насъ живой проповѣди или импровизаціи. Устраните ихъ—измѣнится явленіе, и результаты будутъ достигнуты. Принужденіемъ же каждаго пастыря непремѣнно говорить за каждымъ богослуженіемъ будетъ достигнуто лишь то, что самое живое слово превратится въ мертвую проповѣдь, отъ которой слушатели будутъ убѣгать толпами.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія такого важнаго вопроса церковной жизни, какъ проповѣдничество, не мѣшаетъ прислушаться къ голосу такихъ столповъ нашей Русской Церкви, какъ почившій архіепископъ Никаноръ Херсонскій, проповѣдями котораго зачитывается вся образованная Русь. Говоря о содержаніи нашихъ современныхъ проповѣдей и о несоотвѣтствіи ихъ духу и потребностямъ времени, преосвященный Никаноръ останавливается на этомъ предметѣ подробно. „Замѣтьте“, говоритъ онъ, „что самое требованіе несмолкающей проповѣди указываетъ на совершающійся переворотъ въ христіанскомъ обществѣ. Это требованіе, которое раздается со всѣхъ сторонъ въ наше время, указываетъ, что христіанство нужно не только насаждать, но и охранять и защищать. Когда христіанство въ убѣжденіяхъ людей стояло твердо, тогда ораторская проповѣдь не была особенно нужна. Замѣчательно, что наша Православная Россійская Церковь не мало вѣковъ, можно сказать, чуждалась проповѣди, живой ораторской проповѣди. Чуждалась не по одному только мало развитію какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, но и по духу глубокой вѣры. Придутъ вѣрные въ храмъ, здѣсь слушаютъ устав-

ныя слова молитвъ церковныхъ, благоговѣйно внимаютъ каждому слову протяжно раздающихся священныхъ чтеній слова Божія, умиленно, по мѣрѣ разумѣнія, проникнутъ въ словенскія реченія святоотеческихъ поученій и, помолившись, соутѣшившись общецерковною вѣрой, укрѣпившись духомъ, исходятъ изъ церкви безъ сомнѣній и колебаній, съ духовнымъ утѣшеніемъ и умиленіемъ, часто съ веселіемъ и миромъ о Духѣ Святѣ въ душѣ. Былъ свой глубокій смыслъ въ нашемъ древле-церковномъ строѣ и бытѣ. А теперь духъ этого строя отлетѣлъ, древній бытъ исчезъ, настроеніе душъ стало иное. Мало ли теперь глаголемыхъ христіанъ, которые дома не молятся никогда и въ церковь не ходятъ почти никогда? Между тѣмъ и такихъ пастыри обязаны же удерживать въ оградѣ церковной. А чѣмъ? Конечно, словомъ ученія. А какъ заставить ихъ послушать это слово? Тѣмъ же словомъ, его привлекательностію. Нѣтъ ли и такихъ, которые ходятъ нынѣ въ церковь по нуждѣ,—сказать бы такъ, что по стороннему побужденію или же по приказу? Лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ, самые развитые и серьезные люди идутъ въ церковь съ запросами въ душѣ, вытекающими изъ повсемѣстно распространяющагося невѣрія и возникающихъ изъ него обычаевъ, несогласныхъ съ духомъ христіанства, идутъ однако же безъ малѣйшей надежды, что эти запросы ихъ будутъ въ церкви сколько-либо разъяснены... Что̀ же наша проповѣдь? Она или вовсе молчитъ, или же обходитъ именно эти запросы современнаго маловѣрія, а если и толкуетъ, то объ извѣстныхъ всѣмъ общихъ положеніяхъ вѣры и морали, не касаясь ихъ отрицательной стороны." (Поученія Никанора, арх. Херс., томъ V, стр. 260.)

* * *

Возвращаемся къ вопросу, затронутому нами въ предыдущей книгѣ *Русскаго Обозрѣнія*,—*о нашей дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ*.

Несмотря на все разнообразіе взглядовъ на задачи нашей политики въ этомъ краѣ, всѣ онѣ сводятся къ двумъ основнымъ типамъ, формулированнымъ очень ясно г. Владиміровымъ въ концѣ своей статьи: *Или западно-русское католичество должно быть очищено отъ польщизны, или Западная Россія должна быть очищена отъ католичества.* Обѣ эти мѣры—чисто-политическаго характера и интересуютъ насъ постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ жизни церковной.

Послѣдняя часть приведенной альтернативы была отчасти испробована еще графомъ М. Муравьевымъ; это такъ-называемыя „обращенія католиковъ". Имѣли ли они какой-либо результатъ? Какъ мы видѣли, пришлось обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ церковной власти, которая, въ лицѣ архіепископа Макарія, отказалась отъ этого содѣйствія. Въ этомъ отношеніи мы еще не совсѣмъ прониклись „духомъ папежскимъ", несмотря на соотвѣтствующую школу, и не легко поддаемся соблазну внѣшняго прозелитизма. Опытъ обращать католиковъ былъ произведенъ въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ, и мы потому не можемъ судить о результатахъ подобной мѣры; но для насъ достаточно будетъ указать лишь на аналогичные случаи. Въ Холмско-Варшавской епархіи дѣло присоединенія уніатовъ было ведено не такъ осторожно и мягко, какъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и въ результатѣ получилось тамъ гораздо бóльшее число „упорствующихъ", то-есть лицъ, не принадлежащихъ ни къ какой религіи. Тамъ, гдѣ силой приходилось выбрасывать органы изъ церкви, тамъ теперь нѣтъ ни одной души въ церкви и то, что было сдѣлано „ревностью не по разуму", то теперь придется пастырямъ церкви поправлять въ теченіе десятилѣтій, а быть-можетъ и болѣе. Репрессивныя мѣры по отношенію къ раскольникамъ также имѣли результатъ совершенно не тотъ, который ожидался. Это понятно, если принять въ соображеніе, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ совѣстью, то-есть съ самою чувствительною частью человѣческаго существа.

Гораздо выше по своему значенію надо признать другую предлагаемую мѣру, именно *располяченіе католицизма*. Мѣра эта заключается въ томъ, чтобы дополнительное католическое богослуженіе было совершаемо не на польскомъ языкѣ, а на мѣстномъ, народномъ, то-есть на русскомъ для Бѣлоруссовъ, на литовско-жмудскомъ для Литвиновъ и на латышскомъ для Латышей. Мѣра эта имѣетъ цѣлью отдѣлить католичество отъ польщизны и тѣмъ ослабить ту и другую силу. Мы далеки отъ того, чтобы придавать этой мѣрѣ то значеніе, какое ей придается нашими „обрусителями". Конечно, въ политическомъ отношеніи располяченіе католицизма, благоразумно и послѣдовательно проведенное, можетъ имѣть благіе результаты: ослабленіе, если не полное уничтоженіе, *польской* пропаганды, такъ какъ языкъ есть главное орудіе народности; отсюда можетъ слѣдовать оживленіе національнаго самосознанія въ русскомъ народѣ, по-

давленномъ теперь польщизной. Но въ религіозномъ отношеніи врядъ ли располяченіе католицизма принесетъ ту пользу, какая отъ этой мѣры ожидается. Большая ошибка думать, что сила католицизма въ Западномъ краѣ зависитъ преимущественно отъ связи его съ польщизной; отчасти это такъ, но только отчасти. Сила католицизма зависитъ преимущественно отъ его *воинственности*; сила католицизма заключается въ немъ самомъ. Для пониманія этого достаточно только вспомнить тѣ страны, въ которыхъ католицизмъ ведетъ борьбу съ Православіемъ, напримѣръ, православный востокъ или славянскія земли, какъ Боснія, Болгарія, Сербія. О національной враждѣ тамъ нѣтъ и рѣчи, а борьба между обороняющимся Православіемъ и наступающимъ латинствомъ идетъ не на животъ, а на смерть. Стало-быть, сколько ни отдѣляйте католицизмъ отъ польщизны, сила латинства отъ этого не изсякнетъ. Попрежнему ксендзъ будетъ маленькій непогрѣшимый папа въ своемъ приходѣ, попрежнему въ его рукахъ будетъ сила объединеннаго и организованнаго братства, попрежнему онъ будетъ вліять на совѣсть и души своихъ прихожанъ, будетъ пользоваться всѣми средствами для достиженія намѣченной цѣли, и попрежнему католики Западной Россіи будутъ только частью одного громаднаго вселенскаго войска, называемаго римскою церковью, подъ главенствомъ папы. У Православія есть враги и среди Русскихъ; достаточно вспомнить нашихъ сектантовъ, какъ, напримѣръ, штундистовъ, которые на русскомъ языкѣ ведутъ ожесточенную войну не только противъ Церкви, но и противъ государства и націи. На русскомъ языкѣ пропагандировать можно все, что угодно. Стало-быть, полагать большую надежду на ослабленіе католицизма чрезъ его располяченіе—нельзя. Національное дѣло отъ этой мѣры можетъ очень много выиграть, дѣло Православія—очень мало. Для торжества нашего дѣла въ Западномъ краѣ необходимо искать средствъ болѣе надежныхъ, чѣмъ насильное „обращеніе“ и болѣе положительныхъ, чѣмъ располяченіе.

„Чѣмъ тверже Православіе въ краѣ, тѣмъ прочнѣе въ немъ русская народность“—это положеніе является для всѣхъ безспорною аксіомой. Стало-быть, все наше вниманіе должно быть обращено на укрѣпленіе Православія. Въ этомъ *вся* наша *задача*. А если такъ, то значитъ все то, что не служитъ этому дѣлу—является для насъ средствомъ второстепенной важности. Къ такимъ средствамъ мы относимъ и располяченіе католициз-

ма, какъ мѣру чисто политическую по цѣли. Въ понятіе „укрѣпленія Православія" не входятъ ни борьба, какъ задача нашей дѣятельности, ни такая мѣра вообще, которая по существу противна самому духу Православія. Это понятіе обусловлено содержаніемъ положительнымъ. Укрѣпляетъ Православіе прежде всего то, что защищаетъ и возвышаетъ внѣшній престижъ Православной Церкви. Затѣмъ укрѣпляетъ Православіе все то, что способствуетъ развитію православныхъ учрежденій (благотворительныхъ, ученыхъ и чисто церковныхъ) и тѣмъ способствуетъ воспитанію народа въ православномъ духѣ. Наконецъ, главное условіе для укрѣпленія Православія это наша собственная жизнь въ Церкви Православной, наша живая связь съ Церковью по духу, а не внѣшняя только связь по метрическимъ записямъ. Чѣмъ болѣе мы сами будемъ дѣйствительно православными, тѣмъ болѣе этимъ самымъ укрѣпится Православіе. Итакъ, сталобыть, средства для нашего дѣла, то-есть укрѣпленія Православія, двоякія: одни зависятъ отъ правительственной власти, отъ государства, другія отъ общества, отъ насъ самихъ. Мы остановимся здѣсь только на средствахъ втораго рода, такъ какъ разсмотрѣніе мѣръ государственныхъ завело бы насъ слишкомъ далеко и не входитъ въ нашу задачу.

Кому неизвѣстно, что наша интеллигенція, оторвавшись отъ народа въ своемъ историческомъ развитіи, представляетъ изъ себя дѣтей заблудшихъ по отношенію къ Церкви? Надо ли говорить, что *такая* интеллигенція, колеблемая вѣтромъ разныхъ лжеученій, а чаще вѣтромъ одного легкомыслія, не только не можетъ служить дѣлу укрѣпленія Православія въ Западномъ краѣ, но часто, сознательно или безсознательно, служитъ дѣлу его умаленія. Всякая книга или журнальная статья, посвященная нуждамъ Западнаго края, всякая газетная корреспонденція, оканчивается всегда одною безконечною жалобой на мѣстную русскую интеллигенцію. Это тѣмъ болѣе печально, что въ такомъ многочисленномъ и многоплеменномъ краѣ интеллигенція не сливается съ общею массой, не стушевывается, какъ въ центральной Россіи, а рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ мѣстной жизни. Печально и то, что къ мѣстной русской интеллигенціи принадлежитъ почти исключительно людъ чиновный, такъ какъ русскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ въ краѣ слишкомъ мало, а свободныя профессіи заняты не Русскими; это обстоятельство имѣетъ большое значеніе, такъ-какъ чиновникъ, какого бы ранга онъ ни

былъ, всегда является въ глазахъ народа авторитетнымъ представителемъ власти. Въ статьѣ г. Владимірова „О положеніи Православія“ мы находимъ много фактическихъ данныхъ, указывающихъ на отношеніе этихъ „интеллигентовъ“ къ Церкви Православной; повторять эти данныя мы не станемъ; отчужденіе отъ Церкви и ея жизни, полное непониманіе духа церковнаго, незнаніе ея установленій, несоблюденіе ея уставовъ—все это слишкомъ знакомо намъ и по обще-русской жизни; все это одинаково, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Вологдѣ.

Но въ Западномъ краѣ, къ несчастію, вопросъ осложняется. Тотъ же интеллигентъ, который гдѣ-нибудь въ Вологдѣ никакими высокими цѣлями не задается—въ Вильнѣ долженъ уже „поддерживать и укрѣплять Православіе“. Это его прямая обязанность; укрѣпленіе русскихъ началъ государственности и народности невозможно безъ укрѣпленія Православія; чиновникъ (онъ же „интеллигентъ“), служа первому, волей-неволей долженъ служить и второму. Выходитъ очень грустное положеніе. Тотъ же интеллигентъ, который и въ церковь приходитъ лишь въ табельные дни, да и то къ молебну, является въ роли защитника Православія и старается эту роль исполнить по мѣрѣ своего разумѣнія и силъ. Что̀ же въ результатѣ? Одинъ чиновникъ „распространяетъ“ Православіе, съ ревностью достаточною лучшей участи, другой же удивляется, отчего такіе плачевные результаты, и ищетъ причины тому. По истинѣ, sancta simplicitas!

Но если горькіе плоды своей дѣятельности пожинаютъ эти чиновники-миссіонеры, то не лучшими результатами могутъ похвалиться и „боевые священники“. Объ этомъ типѣ пастыря словесныхъ овецъ мы уже говорили въ прошлый разъ. Типъ этотъ сложился подъ вліяніемъ двухъ условій: вѣковой борьбы за права своей народности и воздѣйствія на характеръ мѣстной жизни католическаго строя понятій. Благодаря этому воздѣйствію типъ западно-русскаго священника приблизился къ типу ксендза, насколько это возможно для православнаго человѣка; не надо при этомъ забывать, что унія, охватившая собою весь Сѣверо-Западный край, покончила свое существованіе лишь 54 года тому назадъ, и что до сихъ поръ есть много священниковъ, получившихъ воспитаніе въ уніатскихъ коллегіяхъ. Молодое поколѣніе священниковъ, конечно, уже освобождается отъ историческаго наноснаго слоя, но и до сихъ поръ самымъ серьезнымъ обвиненіемъ западно-русскаго священника является об-

виненіе въ высокомѣрномъ отношеніи къ прихожанамъ. Тамошній священникъ не хочетъ „быть всѣмъ вся" по слову Апостола; онъ хочетъ быть властителемъ душъ своихъ прихожанъ и большею частью имъ бываетъ. Затѣмъ, благодаря историческимъ условіямъ жизни, западно-русскій священникъ привыкъ къ борьбѣ политической. За все время польскаго ига священникъ съ честью несъ знамя русской народности и всегда былъ душой братствъ, имѣвшихъ такое большое значеніе въ Западной Руси. Привычка осталась до сихъ поръ, и въ настоящее время многіе пастыри занимаются политикой гораздо болѣе, чѣмъ своимъ непосредственнымъ дѣломъ. Но именно въ настоящее время, при измѣнившихся условіяхъ жизни, это приноситъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Любовь къ политикѣ въ связи съ важнымъ положеніемъ священника въ приходѣ и съ заимствованными у ксендзовъ пріемами борьбы—порождаетъ „боевую" дѣятельность, отъ которой прихожане безъ оглядки бѣгутъ въ разныя стороны. А дѣло настоящее, дѣло творческое воспитанія народа и созданія церковнаго единства стоитъ, и немудрено, что въ результатѣ получается отрицательная величина.

Но, къ счастію, не всѣ священники „боевые"; есть много и такихъ добрыхъ пастырей, которые понимаютъ, что дѣло Православія растетъ и укрѣпляется не борьбой только, а неусыпнымъ трудомъ, горячею любовью ко всѣмъ и творчествомъ созидающаго духа. И какіе дивные, богатые плоды пожинаютъ они, эти безвѣстные труженики! Одинъ подобный священникъ былъ назначенъ въ приходъ, въ которомъ всѣ были упорствующіе. Его встрѣтили, конечно, насмѣшками, враждой, грязью изъ-за угла; въ церкви не было ни души. Черезъ пять лѣтъ этотъ священникъ былъ назначенъ въ другое мѣсто; его провожала плачущая толпа, любящихъ его и послушныхъ прихожанъ. Церковь была уже полна возвращенными въ нее прихожанами. „Отторженная возвратихъ"—чѣмъ? Преслѣдованіемъ, судомъ, страхомъ наказанія? Нѣтъ, одною любовью и только любовью. Онъ сумѣлъ только стать на высоту православнаго пастыря, съ любовью идущаго за погибшею овцой, и этимъ все было сдѣлано. Такова сила истинно-христіанской пастырской любви. Она творитъ чудеса; предъ нею не можетъ устоять ни одна стѣна закоренѣлаго фанатизма, ни одна кора грубаго невѣжества. Эта пастырская любовь къ своему стаду, беззавѣтная, горячая любовь, созидаетъ тысячи невидимыхъ нитей не только между пастыремъ

и его прихожанами, но даже и между пастыремъ и чужими ему лицами, которыхъ невольно притягиваетъ къ нему сила его дѣйственной любви.—Мало ли бываетъ случаевъ, что православный пастырь пользуется авторитетомъ среди иновѣрцевъ? Мало ли и въ Западномъ краѣ такихъ священниковъ, къ которымъ за третейскимъ судомъ въ своихъ распряхъ обращаются паны-Поляки? Чѣмъ они достигли такого авторитета среди политическихъ враговъ? Исключительно только тѣмъ, что, вѣрные завѣту Христову, они являютъ въ лицѣ своемъ примѣръ истинно-православной пастырской дѣятельности. И эти факты совершенно понятны въ своей сущности. Православіе есть истина; духъ Православія есть духъ Христовъ; достаточно намъ проникаться этимъ, дѣлаться причастниками этого духа, носителями его, для того, чтобы обладать несокрушимою силой. И достаточно обладать этою силой для того, чтобы связать невидимыми нитями всѣхъ окружающихъ на далекое пространство.

Истину чуетъ каждый, какъ бы онъ ни былъ запутанъ ложью; къ солнечнымъ лучамъ тянется всякая жизнь, въ какомъ бы темномъ мѣстѣ она ни находилась.

Въ прошломъ году намъ пришлось видѣть умилительное зрѣлище. Мимо одного изъ городовъ Западной Россіи проѣзжалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. На станціи была громадная толпа. Къ о. Іоанну въ вагонъ пробивались съ бою, въ страшной давкѣ; толпа на половину состояла изъ католиковъ, и они же оказались самыми горячими поклонниками о. Іоанна. Гдѣ же былъ ихъ фанатизмъ и ненависть къ Православію? Куда дѣвалось ихъ презрѣніе къ православнымъ попамъ?

Въ Вильнѣ еще помнятъ, какое громадное впечатлѣніе произвело на Поляковъ слово митрополита Платона на юбилеѣ возсоединенія уніатовъ. Что же онъ сказалъ? Съ чѣмъ обратился къ нимъ? Съ словомъ любви и примиренія, какъ истинный слуга Христовъ и добрый пастырь его стада.

Да, почва вездѣ для насъ богатая. И въ Западномъ краѣ нива та же, что и въ другомъ мѣстѣ. И тамъ требуются добрые дѣлатели, чтобы обработать эту ниву. Мы хотимъ тамъ распространить Православіе, укрѣпить его? Не мудрствуя лукаво, просто, *мы сами должны прежде стать истинно-православными дѣтьми Церкви*, и тогда сама собою рухнетъ та стѣна лжи и недоразумѣній, которая вѣками образовалась на этой искони русской и православной нивѣ.

ХРОНИКА.

Преосвященный Никодимъ (Милашъ), епископъ Далматинско-Истрійскій (въ Австріи), обратился къ протопресвитерамъ своей епархіи съ слѣдующимъ окружнымъ посланіемъ:

„Съ нѣкотораго времени утвердился у насъ обычай употреблять при сопровожденіи умершихъ *искусственные вѣнки*, съ различными надписями, коими родственники и знакомые желаютъ выразить свои чувства къ умершему и отдать ему послѣднее почитаніе. Эти вѣнки затѣмъ вѣшаются по стѣнамъ храма и тутъ сохраняются какъ бы нѣкое церковное украшеніе. Обычай сей противенъ апостольскому ученію и духу православной христіанской Церкви. Противенъ апостольскому ученію, ибо Апостолъ Павелъ учитъ, что въ Церкви *вся благообразно и по чину да бываютъ* (1 Кор. 14, 40). На основѣ сей апостольской заповѣди учреждены и утверждены всѣ *чины и послѣдованія* въ нашей Церкви, между коими и *послѣдованіе погребенія*. Отъ того *послѣдованія*, также какъ и отъ другихъ, никто не смѣетъ отступить, а равно никто не смѣетъ и вводить ничего такого, что *послѣдованіемъ* не предписано. Въ послѣдованіи же томъ нѣтъ и слѣда какихъ-либо вѣнковъ, и посему употребленіе ихъ есть нарушеніе апостольскаго повелѣнія. Противенъ сей обычай и духу православной христіанской Церкви. У язычниковъ употребляли тѣ вѣнки при похоронахъ въ разныхъ видахъ и значеніяхъ. Когда пастыри и учители Церкви замѣтили, что то же самое дѣлаютъ нѣкоторые христіане, сопровождая своихъ покойниковъ, они возвысили гласъ свой противъ того обычая и осудили его. Наша Святая Церковь строго смотритъ за тѣмъ, дабы сохраняемо было ученіе первыхъ временъ христіанства и дабы не измѣнялось ничто изъ того, что въ томъ ученіи содержится и что есть выраженіе апостольскаго преданія, а посему она осуждаетъ и обычай употребленія вѣнковъ, какъ то осуждено было въ первыя времена Церкви. А посему употребленіе вѣнковъ при проводахъ умершихъ противится какъ апостольскому ученію, такъ и самому духу Православія, то я препоручаю всему пречестному приходскому священству настоять всѣми пастырскими средствами на искорененіи сего обычая и постараться разъяс-

нить вѣрнымъ, сколь прегрѣшаютъ они тѣмъ обычаемъ противъ православнаго христіанскаго вѣрованія и апостольскаго и отеческаго преданія."

Въ заключеніе посланія преосвященный Никодимъ предлагаетъ, въ замѣнъ языческихъ вѣнковъ, для почтенія памяти покойниковъ жертвовать деньги на какое-либо дѣло благотворенія (*Церк. Вѣд.*).

* * *

Въ селѣ Устьѣ, Владимірскаго уѣзда, стараніями вдовы умершаго священника образованъ церковный женскій хоръ. Мелодичное, тихое, простое пѣніе привлекаетъ подъ своды сельскаго храма массу народа. Насколько благодѣтельное вліяніе производитъ это пѣніе на крестьянъ, видно изъ того, что среди православныхъ въ церкви замѣчается присутствіе и раскольниковъ. Послѣднимъ особенно нравится простое, не партессное пѣніе.

* * *

Въ Алеутской епархіи (въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки) открываются новые приходы изъ присоединившихся къ Православной Церкви уніатовъ. Занять священно-церковно-служительскія мѣста во вновь открываемыхъ приходахъ изъявили желаніе студенты, оканчивающіе курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи (шесть человѣкъ). *Моск. Церк. Вѣд.*

* * *

Отчетъ о дѣятельности алтайской миссіи въ минувшемъ 1892 году сообщаетъ слѣдующій примѣръ апостольской ревности къ дѣлу евангельской проповѣди со стороны сотрудниковъ миссіи и столь же усерднаго отношенія къ сей проповѣди со стороны алтайскихъ инородцевъ. Къ одному изъявившему желаніе креститься Алтайцу, живущему вдали отъ миссіонерскаго стана, миссіонеръ посылаетъ своего толмача приготовить его къ крещенію. Пора была самая рабочая. Алтаецъ, готовящійся ко крещенію, какъ недавній пахарь, цѣлый день на пашнѣ; вечеромъ же послѣ продолжительнаго труда, къ которому онъ начинаетъ только привыкать,—требуется отдыхъ. Какъ соединить два дѣла одновременно? Ревность толмача изобрѣтаетъ такой способъ: за

сохой идетъ пахарь, а за нимъ толмачъ; пахарь, держась рукой за рало, повторяетъ молитвы, которыя подсказываетъ ему идущій за нимъ толмачъ. Пропахавъ нѣсколько полосъ земли и выучивъ одну краткую молитву, настаетъ время обѣда, состоящаго обычно изъ одного кирпичнаго чая съ разведеннымъ въ немъ толокномъ. Пахарь обѣдаетъ, а толмачъ знакомитъ его съ истинами христіанскаго ученія, разсказываетъ изъ священной исторіи или объясняетъ выученную молитву. Послѣ обѣда, пахарь за рало, а толмачъ—за диктовку слѣдующей молитвы. Такимъ образомъ одновременно воздѣлываются двѣ нивы: вещественная и духовная. (*Церк. Вѣд.*).

* * *

Петербургскія газеты сообщаютъ, что, вслѣдствіе представленія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркулярнымъ предложеніемъ на имя губернаторовъ предложило озаботиться, чтобы къ началу будущаго учебнаго года въ каждомъ уѣздѣ были учреждены двѣ или болѣе двуклассныя церковно-приходскія школы съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства для приготовленія учителей въ школы грамоты. Въ отдаленныхъ отъ церквей деревняхъ должны быть построены избы для школъ грамоты по планамъ и смѣтамъ, составленнымъ по соглашенію мѣстныхъ епархіальныхъ совѣтовъ съ земскими управами. Изъ земскихъ средствъ должно быть установлено ежегодное ассигнованіе пособій школамъ грамоты, въ размѣрѣ не менѣе 25 рублей на каждую, смотря по мѣстнымъ средствамъ и потребностямъ. Со своей стороны, училищный при Святѣйшемъ Синодѣ совѣтъ снабдитъ означенныя школы руководствами, учебниками и учебными пособіями, которыя въ настоящее время заготовляются совѣтомъ въ достаточномъ количествѣ.

—Ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Судьба германскаго военнаго законопроекта.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.—Ожиданіе Царя въ Москвѣ.—Предстоящая закладка памятника Императору Александру II. — Третьяковская картинная галлерея. — Смерть П. Е. Астафьева.

Итакъ, шестимѣсячное ожиданіе и волненіе Германіи, а съ нею и остальныхъ членовъ тройственнаго союза, разрѣшилось именно тѣмъ, чего и слѣдовало ожидать: рейхстагъ значительнымъ большинствомъ голосовъ послѣ втораго чтенія отклонилъ военный законопроектъ графа Каприви. Вслѣдъ затѣмъ германскій канцлеръ прочелъ указъ императора о распущеніи рейхстага и назначеніи новыхъ выборовъ на 15 іюня.

Посмотримъ, что скажутъ эти новые выборы... Но, принимая во вниманіе тѣ соображенія, которыя намъ уже неоднократно приходилось высказывать по поводу этого несчастнаго законопроекта, можно думать, что и новые выборы едва ли дадутъ результатъ, отвѣчающій желаніямъ правительства.

Эта борьба германскаго императорскаго правительства съ парламентскими партіями, борьба упорная, но безсильная, представляетъ зрѣлище по истинѣ печальное и чреватое не малыми осложненіями въ будущемъ...

* * *

Но еще болѣе печальную картину и еще больше всяческихъ осложненій представляетъ настоящее положеніе дѣлъ въ несчастной Болгаріи.

Принцу Фердинанду удалось-таки наконецъ найти себѣ невѣсту и жениться, но его *законное супружество*, несмотря на всѣ происки его австрійскихъ, англійскихъ и итальянскихъ друзей, еще далеко не сдѣлало его *законнымъ княземъ* Болгаріи.

На дняхъ это весьма рѣшительно далъ ему почувствовать осторожный и благоразумный султанъ Абдулъ-Гамидъ, доказавъ съ несомнѣнною очевидностью, что государственные люди Турціи относятся съ большею осмотрительностію къ обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ международными трактатами, чѣмъ западно-европейскіе министры, въ родѣ совѣтниковъ императора Франца-Іосифа и короля Гумберта.

Дѣло было такъ. Послѣ своего бракосочетанія съ принцессой Пармской, устроеннаго въ Италіи, на виллѣ Піанорѣ, принцъ Фердинандъ отправился на яхтѣ провести свой медовый мѣсяцъ въ водахъ Средиземнаго моря и Архипелага, разсчитывая чрезъ Мраморное море и Проливы вступить торжественно въ Болгарію. Вѣнскія оффиціозныя газеты говорили объ этомъ маршрутѣ, какъ объ окончательно рѣшенномъ, и выражали увѣренность, что султанъ не только великодушно разрѣшитъ яхтѣ принца Кобургскаго проходъ чрезъ Проливы, но и воспользуется этимъ случаемъ, чтобы лично привѣтствовать принца и его новобрачную супругу во время стоянки ихъ у Золотаго Рога. Но этотъ планъ, повидимому, столь хитроумно придуманный австро-мадьярскою дипломатіей, неожиданно разстроился энергическимъ рѣшеніемъ султана. Когда новобрачные приблизились къ берегамъ Греціи, онъ послалъ имъ чрезъ вѣстовое турецкое судно отказъ въ пропускѣ ихъ яхты чрезъ Проливы и предложилъ имъ избрать иной путь для возвращенія въ Болгарію.

Neue Freie Presse посвящаетъ этому „инциденту“ настоящую „элегію въ прозѣ“.

„На волнахъ Средиземнаго моря, говоритъ газета, качается яхта, на которой княжеская (?) новобрачная чета понеслась изъ Піаноры въ свое отечество. Широкія борозды, производимыя этимъ кораблемъ, облиты солнечнымъ сіяніемъ какъ предвѣстникомъ будущаго счастія, но и черныя тѣни омрачаютъ эту свѣтлую картину. Между тѣмъ сколько было симптомовъ, предвѣщавшихъ будущія радости! Когда принцъ поѣхалъ для обрѣтенія супруги, онъ былъ воодушевленъ гордостію и сознаніемъ своего достоинства, а фортуна щедро усѣяла путь его дарами: онъ и его министры приняты были въ вѣнскомъ Гофбургѣ, а король Италіянскій лично

привѣтствовалъ жениха во дворцѣ Питти во Флоренціи. И вдругъ, на обратномъ пути, самая свѣтлая мечта его не исполнилась. Онъ разсчитывалъ на Босфорѣ въ первый разъ предстать предъ очи своего властелина и сюзерена и удостоиться быть въ гостяхъ въ Илдызъ-Кіоскѣ; это вознаградило бы его достаточно за неполное признаніе его княжескаго титула европейскими державами. Но ему не суждено ступить ногой на почву Византіи, ему запрещенъ входъ въ Илдызъ-Кіоскъ. Вотъ какая тѣнь спустилась на голубыя волны, по которымъ плыветъ его яхта!"

Но если вдуматься глубже и вглядѣться внимательнѣе, то можно замѣтить, что по голубымъ волнамъ, за яхтой принца бѣжитъ и иная тѣнь; гораздо болѣе мрачная.

Мы разумѣемъ тѣ истинныя (уже не дутыя и не эфемерныя) бѣдствія, то крайне тяжелое положеніе, которое переживаетъ страна, куда легкомысленно, съ закрытыми тщеславіемъ глазами, стремится непризнанный „князь" съ своею новобрачною „княгиней".

Необыкновенно яркую, рельефную и жизненную картину этого положенія рисуетъ въ помѣщенной въ газетѣ *Pilzenskie Listy* статьѣ чешскій инженеръ г. Когушъ, долго проживавшій въ Болгаріи и хорошо знакомый съ ея жизнію.

„Болгарская торговля, говоритъ онъ, въ совершенномъ упадкѣ; поэтому всюду большой недостатокъ въ деньгахъ. Съ 1885 года положеніе становится все хуже. Дома и всѣ недвижимыя имущества, какъ въ столичномъ городѣ, такъ и въ провинціи отягощены долгами. Кредиторомъ ихъ является одинъ „Болгарскій Банкъ", но онъ самъ по уши въ долгахъ за границей и теперь уже въ третій разъ дѣлаетъ заемъ, чтобы хотя на нѣкоторое время продолжить свое отчаянное существованіе. Если Стамбуловщина будетъ продолжаться неизмѣнно, „Болгарскій Банкъ" сдѣлается банкротомъ, и всѣ недвижимыя имущества, заложенныя въ немъ, будутъ проданы съ аукціона. „Болгарскій „Банкъ совершенно находится въ рукахъ австрійскихъ капиталовъ.

„Правительство думало удивить новую „болгарскую княгиню" великолѣпнымъ народнымъ даромъ и объявило на этотъ даръ народную подписку, но никакихъ народныхъ пожертвованій не послѣдовало. Поэтому правительство пріобрѣтетъ „народный даръ" на государственныя средства, а подписи „жертвователей" просто поддѣлаетъ. У чиновниковъ по всей Болгаріи правительство вычло на означенный даръ пять процентовъ изъ мѣсячнаго

жалованья, но сумма, добытая такимъ образомъ, оказалась недостаточною, такъ какъ что̀, съ одной стороны, правительство отниметъ у чиновниковъ, то должно отдать на другую сторону— шпіонамъ.

„Шпіоновъ въ Болгаріи что насѣкомыхъ, такъ какъ это званіе почетное и многіе добиваются его. Безчестность этого рода службы въ послѣднее время сдѣлалась предразсудкомъ. Одинъ шпіонитъ за другимъ, а всѣми шпіонами управляютъ командированные въ Болгарію австрійскимъ правительствомъ испытанные шпіоны. Какъ широко распространено шпіонство, можно судить по тому, что въ Софіи не брезгаютъ этимъ ремесломъ милліонеры, какъ банкиръ Канковъ и Бойко Нашевъ, которые за шпіонство получаютъ изъ софійской полиціи ежемѣсячно по четыреста франковъ. Шпіонство процвѣтаетъ и между молодыми Болгарами, которые обучаются въ заграничныхъ университетахъ. Правительство просто ставитъ имъ шпіонство въ условіе, если они желаютъ получать правительственную стипендію и заслужить вниманіе правительства для своей будущности. Недавно правительствомъ была отнята стипендія у десяти студентовъ Женевскаго университета и возвышена тѣмъ, которые донесли на нихъ. Шпіоны находятся и между тѣми Болгарами, которые учатся въ Россіи. Даже и дамы усердно занимаются шпіонствомъ.

„Бѣдственное положеніе Болгаріи подтверждается и данными, приведенными въ болгарскомъ оффиціальномъ органѣ *Державенъ Вѣстникъ*. Данныя эти относятся къ различнымъ отраслямъ умственной и промышленной жизни княжества. Грамотныхъ въ Болгаріи всего 11%. Несмотря на то, что на сто жителей приходятся 73 земледѣльца, въ Болгаріи нѣтъ ни одного земледѣльческаго училища и спеціальной земледѣльческой газеты. Значительная половина страны остается невоздѣланною, чего не было при турецкомъ игѣ. Въ Болгаріи всего пять, шесть суконныхъ фабрикъ, именно въ городѣ Сливнѣ, нѣсколько десятковъ станковъ, изготовляющихъ шнуры для турецкаго платья, одинъ столярный станокъ въ Родопахъ и арсеналъ въ Рущукѣ, на которомъ работаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ; производство ихъ не превышаетъ одного милліона франковъ.

„Въ торговомъ отношеніи Болгары уступаютъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Главный ввозъ и вывозъ находится въ рукахъ Грековъ, Евреевъ и даже Валаховъ (Румынъ). За послѣднія пять

лѣтъ ввозъ превышаетъ вывозъ (исключительно въ пользу Австріи) на двѣнадцать милліоновъ франковъ ежегодно.

„Что касается умственной жизни княжества, то литература, являющаяся ея выразительницей, находится въ первобытномъ состояніи, и едва ли произведенія хоть одного болгарскаго писателя заслуживаютъ перевода на иностранные языки. Лучшіе болгарскіе писатели Вазовъ (его разсказы переводили и на русскій языкъ), Славейковъ, Дриновъ, Бобчевъ, Маджаровъ, Мыларовъ (недавно повѣшенный), Михайловскій, митрополитъ Климентъ, Сарафовъ, или публицисты Каравеловъ, Радославовъ, молодой Славейковъ, Даневъ, Франчи и др. принадлежали или принадлежатъ къ оппозиціи нынѣшнему правительству и потому не могутъ свободно писать; нѣкоторые же изъ нихъ находятся въ тюремномъ заключеніи. Нынѣшніе болгарскіе лжеправители люди почти безграмотные. Министръ народнаго просвѣщенія Живковъ нигдѣ не учился, министръ юстиціи Славковъ—румынскій аптекарь, Стамбуловъ—недоучившійся бурсакъ. Въ настоящее время лучшимъ публицистомъ въ Болгаріи считается фальсификаторъ—Еврей Якобсонъ, сотрудникъ оффиціозной *Свободы*, личнаго органа Стамбулова".

Эта картина настоящаго положенія дѣлъ въ Болгаріи достаточно говоритъ сама за себя и не требуетъ комментарій...

* * *

Отъ такихъ грустныхъ, душу томящихъ картинъ, какъ картина болѣзненной и безсильной борьбы императорской воли съ волей парламентскихъ партій (Германія), или какъ картина страны, изнывающей подъ гнетомъ чуждой, незаконной, извнѣ, чужими интригами навязанной власти (Болгарія), невольно хочется отдохнуть на картинахъ иного рода, — и вотъ взоръ съ удовольствіемъ останавливается на картинѣ Первопрестольной Москвы, этого сердца Россіи, замирающаго въ благоговѣйно-трепетномъ и сладостномъ ожиданіи встрѣчи съ вѣнчаннымъ въ ея священныхъ стѣнахъ Державнымъ Хозяиномъ Русской Земли...

Въ этомъ благоговѣйномъ, радостно-оживленномъ ожиданіи Царя, въ этихъ восторженныхъ крикахъ, которыми встрѣтитъ Его Москва, въ этихъ взорахъ, горящихъ умиленіемъ, счастіемъ и любовью, которыми она будетъ провожать Его, въ этомъ единеніи Царя съ народомъ, въ этомъ согласномъ біеніи сердца

Русскаго народа съ сердцемъ Русскаго Царя и сердца Русскаго Царя съ сердцемъ Русскаго народа сказывается вѣяніе великаго историческаго духа, могучаго, живаго и животворнаго, могущаго служить залогомъ великой государственной будущности...

* * *

Въ виду предстоящаго торжества закладки памятника Императору Александру II въ московскомъ Кремлѣ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о проектѣ этого грандіознаго памятника, составленнаго художникомъ П. Жуковскимъ и гражданскимъ инженеромъ Н. Султановымъ.

Памятникъ будетъ поставленъ на южномъ склонѣ Кремлевскаго холма и обращенъ фасадомъ внутрь Кремля. Верхнею площадью онъ примкнетъ ко внѣшнему краю плацпарада, а нижнею своею лѣстницей выйдетъ на аллею нижняго Кремлевскаго сада, ведущую къ церкви Свв. Константина и Елены. Разстояніе отъ памятника до Кремлевской стѣны предполагается около 20 саж., а до Николаевскаго Дворца около 25 саж. Памятникъ имѣетъ 19 саж. протяженія по лицевому фасаду и 17 саж. по боковому и занимаетъ площадь въ 323 саж. Такимъ образомъ, онъ представляетъ собою весьма значительные размѣры, но, будучи поставленъ на склонѣ холма, нисколько не отнимаетъ мѣста, необходимаго въ Кремлѣ во время большихъ стеченій народа, какъ, напримѣръ, въ Свѣтло-Христову заутреню, при крестныхъ ходахъ, чтеніи Высочайшихъ манифестовъ и проч.

Высочайше утвержденный Комитетъ по сооруженію означеннаго памятника указываетъ между прочимъ въ своемъ описаніи на три пункта, то-есть на тѣ главныя затрудненія, которыя встрѣтились при составленіи проекта памятника въ Кремлѣ. Эти затрудненія, заключаясь въ условіяхъ мѣстности и въ одной чертѣ русской народности, сводятся къ слѣдующимъ даннымъ:

„1) Всякая статуя, какъ бы велика она ни была, будетъ казаться чрезвычайно малою въ сравненіи съ тѣми великанами, между которыми ей придется стоять, то-есть между Иваномъ Великимъ и Спасскою башней.

2) Всякій поворотъ статуи находится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ окружающею ее обстановкой; если поставить ее лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, то она будетъ обращена спиной къ Соборной площадкѣ, то-есть къ священнѣйшему въ Россіи мѣсту,

а также къ Николаевскому Дворцу — мѣсту рожденія покойнаго Государя; если же повернуть статую лицомъ къ соборамъ, она будетъ крайне разногласить со всѣмъ Кремлемъ, который обращенъ фасадомъ къ рѣкѣ.

3) Русскій народъ, отъучаемый въ продолженіе девяти вѣковъ восточнымъ православіемъ отъ скульптурныхъ изображеній Божества и Святыхъ, совсѣмъ разучился понимать *одно* ваяніе въ его *чистомъ* видѣ, а потому одна статуя обыкновенно ничего не говоритъ его уму и сердцу, чѣмъ только и можно объяснить унылую безлюдность всѣхъ нашихъ памятниковъ."

Таковы затрудненія, высказываемыя Комитетомъ, который для разрѣшенія ихъ призналъ слѣдующіе пріемы, отвѣчающіе тремъ изложеннымъ пунктамъ:

„1) Статуя помѣщена подъ *сѣнью*, которая имѣетъ семнадцатисаженную высоту, и слѣдовательно придаетъ памятнику такіе размѣры, что его вовсе не будетъ подавлять высота окружающихъ сооруженій.

2) Статуя съ сѣнью помѣщена на выступѣ, который обнесенъ по верху галлерейкой, почти до половины закрывающей статую съ задней стороны, чѣмъ, слѣдовательно, совершенно устраняется вопросъ, почему статуя обращена спиной къ Москвѣ-рѣкѣ.

3) Поставленная надъ статуей *сѣнь* тотчасъ же придаетъ памятнику въ глазахъ народа священный характеръ, вполнѣ приличествующій памяти въ Бозѣ почившаго Императора, потому что народъ нашъ привыкъ видѣть сѣнь только надъ мѣстами особенно священными, какъ, напримѣръ, въ церквахъ, надъ алтарными престолами и надъ царскими или патріаршими мѣстами и во дворцахъ надъ тронами."

Таковы пріемы, принятые Комитетомъ въ отвѣтъ возникшимъ затрудненіямъ. Что же касается прочихъ частей памятника, то верхняя площадка, представляющая собою императорскій форумъ, еще болѣе увеличиваетъ торжественный характеръ памятника и, слѣдовательно, усиливаетъ впечатлѣніе производимое сѣнью. А галлерейка со скамьями, на сводахъ которой будутъ картины изъ царствованія покойнаго Государя, должна этими картинами пояснить смыслъ памятника и въ то же время служить народу мѣстомъ отдохновенія и созерцанія чудной панорамы Замоскворѣчья. Несомнѣнно, что эти два условія будутъ постоянно привлекать къ памятнику народъ и придавать ему то оживленіе,

котораго обыкновенно такъ недостаетъ всѣмъ, даже наилучшимъ изъ нашихъ монументовъ.

По общему своему виду памятникъ состоитъ изъ выступа, обрамленнаго по верху съ трехъ сторонъ сквозною галлерейкой, посрединѣ котораго стоитъ статуя покойнаго Государя подъ высокимъ балдахиномъ, или *сѣнью*, съ шатровымъ верхомъ. Выступъ этотъ, высотой въ 7 саженей, имѣетъ фасадъ, обработанный на подобіе стѣнъ и башенъ Кремля и Китая-города для сохраненія общаго стиля. По двумъ сторонамъ его тянутся по склону горы боковыя лѣстницы, которыя соединяются внизу въ одинъ общій широкій сходъ, выходящій въ нижній Кремлевскій садъ. Всѣ части выступа, за исключеніемъ ступеней, предполагается соорудить изъ песчаника, известняка или какой-либо другой породы свѣтлаго тона. Ступени же и площадки лѣстницъ будутъ сдѣланы изъ свѣтло-сѣраго олонецкаго гранита.

Галлерея, идущая по верхнему краю выступа, имѣетъ 35 саж. длины, 2 сажени высоты (до крыши) и 7 аршинъ ширины; она проектирована вся сквозная и будетъ сооружена также изъ свѣтло-сѣраго гранита; ея арки и своды будутъ поддерживаться 152 свѣтло-розовыми гранитными колоннами. Она покроется мѣдными листами, высеребренными и вызолоченными въ шахматномъ порядкѣ, и украсится прорѣзнымъ вызолоченнымъ же конькомъ.

Въ галлерейку ведутъ два входа, покрытые шатровыми крышами; надъ правымъ входомъ, на шатрѣ, будетъ помѣщенъ гербъ дома Романовыхъ—грифонъ съ мечемъ и щитомъ; а надъ лѣвымъ входомъ — гербъ Москвы, то-есть изображеніе Георгія Побѣдоносца. Самые входы будутъ сооружены изъ свѣтло-сѣраго гранита, а кровли—серебро съ золотомъ въ шахматъ; гербы—золоченые.

Внутри галлерейки, по обѣимъ сторонамъ ея, пойдутъ гранитныя скамьи, а на сводахъ ея будутъ мозаичныя картины изъ исторіи царствованія покойнаго Государя.

Верхняя площадка самаго выступа возвышается на четыре ступени надъ уровнемъ плаца; обнесенная галлерейкой она представляетъ собой какъ бы небольшой императорскій форумъ, на подобіе форумовъ древняго Рима и Царьграда. Площадь эта будетъ выстлана темно-краснымъ олонецкимъ гранитомъ.

Расположенное четырьмя большими уступами подножіе средней сѣни соорудится изъ темно-сѣраго сердобольскаго гранита, а на

немъ будетъ помѣщаться пьедесталъ изъ краснаго гранита со статуей изъ темно-зеленой бронзы.

Высота статуи около 9 аршинъ. Исполненіе ея возложено на академика скульптуры А. М. Опекушина.

Государь будетъ изображенъ въ полной генеральской формѣ и въ императорской порфирѣ, то-есть въ томъ одѣяніи, въ которомъ онъ вѣнчался на царство. Голова слегка наклонена впередъ, лѣвая рука держитъ скипетръ, а правая простерта къ народу, какъ бы въ ознаменованіе преподанныхъ ему милостей.

Статуя помѣщена подъ сѣнью, которая имѣетъ 17 саж. высоты отъ поверхности площади до вершины орла и $4^1/_2$ сажени ширины; пролетъ ея арокъ равняется 9 аршинамъ. Эта сѣнь будетъ сооружена изъ свѣтло-сѣраго, почти бѣлаго гранита, а ея мѣдная, выдѣланная чешуею, шатровая кровля будетъ сплошь вызолочена и увѣнчана трехсторонним двуглавымъ орломъ.

Никакихъ фонарей около памятника не будетъ, но зато въ розеткахъ купола средней сѣни помѣстится множество электрическихъ лампъ, которыя ночью будутъ обливать статую цѣлымъ потокомъ свѣта; причемъ, если смотрѣть издали, сильно освѣщенная фигура будетъ ярко выступать изъ темнаго обрамленія не освѣщенныхъ арокъ и столбовъ.

Относительно стиля памятника слѣдуетъ замѣтить, что онъ соотвѣтствуетъ стилю Кремля, представляющему собой смѣсь итальянскихъ формъ съ русскими, такъ напримѣръ: стѣны и нижнія части Кремлевскихъ башенъ сооружены въ концѣ XV вѣка итальянскими зодчими и потому отличаются безусловно итальянскимъ характеромъ; верхи же ихъ сооружены въ XVII столѣтіи московскими каменными мастерами и поэтому являются формами вполнѣ русскими. Затѣмъ еще другимъ весьма нагляднымъ доказательствомъ этого сліянія стилей является Архангельскій соборъ: по своему общему виду онъ представляетъ собой совершенное подобіе всѣхъ нашихъ древнихъ соборовъ, но построившій его въ 1505 году итальянскій зодчій Алевизъ Фрязинъ не могъ отрѣшиться отъ стиля своего времени, то-есть ранняго Возрожденія, господствовавшаго тогда въ Италіи, и украсилъ его деталями свое московское произведеніе.

Согласно этому и проектированный памятникъ Императора Александра II представляетъ собой сліяніе двухъ стилей: по общему виду и по формѣ крышъ—это сооруженіе вполнѣ русское,

а по деталямъ—это зданіе въ стилѣ Возрожденія. Такимъ образомъ и по цвѣту своихъ матеріаловъ—золота, серебра и камней свѣтлыхъ породъ, и по своему стилю онъ вполнѣ согласуется съ общимъ характеромъ бѣлокаменнаго, златоглаваго, итальяно-русскаго Кремля.

Очень похвальнымъ слѣдуетъ считать выраженное въ № 3 „затрудненій" стремленіе строителей, чтобы памятникъ, помимо всѣхъ своихъ достоинствъ, еще говорилъ „уму и сердцу" русскаго простаго народа, такъ какъ въ собранныхъ на постройку милліонахъ участвуетъ безчисленное множество тѣхъ грошей и пятачковъ, которые присылались народомъ отъ чистаго сердца въ память Царя-Освободителя; собранныя суммы являются какъ бы отвѣтомъ на слова манифеста отъ „всѣхъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечомъ на защиту отечества, до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохой или плугомъ".

* * *

Въ нынѣшнемъ маѣ мѣсяцѣ открывается для обозрѣнія публики городская художественная галлерея Павла и Сергѣя Михайловичей Третьяковыхъ, перешедшая минувшею осенью въ собственность города Москвы. Самый фактъ передачи городу этой знаменитой коллекціи является крупнымъ событіемъ, укрѣпившимъ за Москвой высокое значеніе если не центра русскаго современнаго искусства, то, во всякомъ случаѣ, очень важнаго пункта. Сдѣлавшись достояніемъ города, эта житница русской живописи уже не можетъ быть раздроблена по частямъ и развезена по бѣлу свѣту, какъ это могло случиться при иныхъ обстоятельствахъ. Въ ознаменованіе такого событія, недавно Московское Общество Любителей Художествъ въ своемъ экстренномъ засѣданіи постановило поднести адресъ П. М. Третьякову, пріобрѣсти и поставить въ залѣ Общества художественно исполненный его портретъ, ходатайствовать о разрѣшеніи созвать первый имени П. М. Третьякова съѣздъ художниковъ и любителей художествъ въ декабрѣ текущаго года и учредить ежегодный художественный праздникъ по случаю открытія національной художественной Третьяковской галлереи.

Далѣе, изъ условій, на которыхъ состоялось пожертвованіе городу этой галлереи, читатель увидитъ, что она и по смерти своихъ собирателей не утратитъ прежняго благотворнаго характера и будетъ всегда пополняться лучшими произведеніями русскаго искусства.

„Такъ какъ братъ мой, Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, выразилъ мнѣ свое намѣреніе пожертвовать городу Москвѣ свою художественную коллекцію,—говоритъ въ своемъ завѣщаніи покойный Сергѣй Михайловичъ,—и предоставить въ собственность Городской Думы свою часть дома, обще намъ принадлежащаго, гдѣ помѣщается его коллекція, то и я часть этого дома, принадлежащую мнѣ, предоставляю въ собственность Московской Городской Думѣ“.

Далѣе С. М. Третьяковъ проситъ своего брата присоединить къ коллекціи и его собраніе художественныхъ произведеній живописи и скульптуры, чтобы въ галлереѣ имѣлись образцы произведеній иностранныхъ художниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ пожертвовалъ 125.000 рублей, проценты съ которыхъ должны употребляться на пріобрѣтеніе живописныхъ и скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ для присоединенія ихъ къ подаренной городу коллекціи.

Въ свою очередь, и Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, желая сохранить на вѣчное время собранную имъ картинную коллекцію, передалъ ее вмѣстѣ съ домомъ въ собственность города на слѣдующихъ условіяхъ.

Галлерея помѣщается въ жертвуемомъ домѣ и должна быть открыта на вѣчное время для безплатнаго обозрѣнія ея всѣми желающими, не менѣе четырехъ дней въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніемъ того времени, когда необходимо будетъ производить ремонтныя работы. Въ табельные и праздничные дни галлерея должна быть открыта, за исключеніемъ перваго дня Пасхи, Рождества Христова и Новаго года. Первымъ попечителемъ пожизненно остается П. М. Третьяковъ, а послѣ его смерти—пожизненно же его племянникъ Н. С. Третьяковъ, послѣ смерти котораго избираетъ попечителя Городская Дума. Павлу Михайловичу пожизненно предоставляется право замѣнять одну картину другою, если въ видахъ улучшенія коллекціи онъ найдетъ это необходимымъ, съ условіемъ лишь, чтобъ общая стоимость коллекціи отъ этого не уменьшалась. Но такое право никакъ не можетъ принадлежать будущимъ попечителямъ. Въ домѣ ни-

какихъ помѣщеній не будетъ отдаваемо внаймы; въ немъ могутъ жить только смотритель и необходимое для охраны число служащихъ, но и эти помѣщенія желательно бы устроить не въ связи съ коллекціей.

Сколько стоитъ вся коллекція, самъ г. Третьяковъ не рѣшился отвѣтить, но, по словамъ покойнаго Н. А. Алексѣева, цѣнность пожертвованія несомнѣнно достигаетъ не менѣе двухъ милліоновъ рублей.

Братья Третьяковы, имени которыхъ будетъ посвящена открываемая теперь картинная галлерея, воздвигли себѣ въ ней памятникъ на вѣчныя времена и сослужили высокую службу русскому обществу и искусству!

* * *

Еще одного изъ крупныхъ дѣятелей нашей ученой литературы, могучихъ пролагателей бороздъ на небогатой работниками нивѣ нашего самобытнаго, истинно-русскаго самосознанія, подкосила безпощадная смерть...

Мы разумѣемъ нашего незабвеннаго сотрудника, учителя и друга, П. Е. Астафьева.

Ниже мы помѣщаемъ его подробный некрологъ, а въ одной изъ слѣдующихъ книгъ надѣемся помѣстить особую статью, посвященную оцѣнкѣ его самобытной, крайне знаменательной и плодотворной, учено-литературной дѣятельности.

П. Е. АСТАФЬЕВЪ.

(Некрологъ.)

7 апрѣля, въ Петербургѣ, умеръ, отъ разрыва сосудовъ и кровоизлiянiя въ мозгу, Петръ Евгенiевичъ Астафьевъ. Внезапная смерть застигла его въ полномъ расцвѣтѣ силъ, едва 47 лѣтъ. П. Е. родился въ 1846 году 7 декабря въ деревнѣ Евгенiевкѣ, Воронежской губернiи, Острогожскаго уѣзда. Дворянинъ по происхожденiю, родившись въ богатой семьѣ, онъ еще дома получилъ блестящее воспитанiе. Окончивъ курсъ Воронежской Гимназiи, онъ въ 1864 году поступилъ на юридическiй факультетъ Московскаго Университета. По окончанiи курса, въ 1868 году, два года пробылъ кандидатомъ на судебныя должности. Съ 1872 года въ качествѣ приватъ-доцента началъ лекцiи философiи права въ Ярославскомъ Лицеѣ. Въ 1879—80 годахъ былъ мировымъ посредникомъ въ Юго-Западномъ краѣ. Съ 1881 года поступилъ преподавателемъ въ Лицей Цесаревича Николая, а съ 1885 года временно служилъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Съ 1890 года онъ сталъ приватъ-доцентомъ Московскаго Университета.

Эти разнородныя занятiя не мѣшали П. Е. постепенно входить въ его настоящую роль — ученаго философа и психолога, составившую его общественное значенiе.

П. Е. Астафьевъ, при самой разносторонней учености, отличался, сверхъ того, рѣдкою самостоятельностью мысли. Не компиляторомъ, а двигателемъ науки являлся онъ. Его философскiя и психологическiя изслѣдованiя давали каждый разъ цѣнный

вкладъ въ сокровищницу знанія. Дѣтски неумѣлый и безпомощный въ дѣлахъ практической жизни, онъ былъ настоящимъ хозяиномъ въ области мысли. Во всеоружіи знанія, онъ смѣло подходилъ къ самымъ труднымъ задачамъ. Ничто его тутъ не пугало, никакой авторитетъ не способенъ былъ подавить. Онъ не останавливался передъ самыми сложными проблемами, которыя часто побѣждалъ своимъ тонкимъ анализомъ, своею не менѣе замѣчательною способностію къ синтезу. Такіе подвижники мысли рѣдки и дороги вездѣ. Тѣмъ болѣе тяжело ихъ терять у насъ.

Философія многимъ еще представляется чѣмъ-то не имѣющимъ отношенія къ жизни. И, однако, — это источникъ общаго міросозерцанія, источникъ, изъ котораго вытекаютъ общія направленія, опредѣляющія человѣческую дѣятельность. То, что̀ представляетъ философія, передается попутно всѣмъ ищущимъ знанія. Дряблость, компилятивность, безжизненность въ этомъ первоисточникѣ направленій отражается затѣмъ на всемъ творчествѣ образованнаго слоя страны. Нынѣ весь цивилизованный міръ страдаетъ этою болѣзней, но мы еще болѣе другихъ. Неоцѣнимы заслуги тѣхъ немногихъ, которые вносятъ сюда сильную, свѣжую мысль. Такимъ былъ покойный П. Е. Астафьевъ. Его общественное значеніе еще болѣе усиливается тѣмъ, что онъ мыслитель глубоко національный, русскій. То, что̀ онъ устанавливаетъ въ философіи, какъ истину *научную*, лишь развиваетъ міросозерцаніе, которое потенціально кроется въ Русскомъ народѣ, въ его вѣрованіяхъ и историческихъ инстинктахъ.

Несмотря на преждевременную кончину, Астафьевъ оставилъ богатое литературное наслѣдство. Еще гимназистомъ, онъ написалъ свой первый литературный трудъ — небольшой очеркъ: „Отъ Острогожска до Ивановки“, и напечаталъ его въ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (1864 года, № 26).

Въ 1873 году явилось его первое философское произведеніе „Монизмъ или дуализмъ“, составлявшее вступительную лекцію въ Ярославскомъ Лицеѣ. Съ 1876 по 1878 годъ въ *Русской Газетѣ* помѣщенъ рядъ его передовыхъ статей и иностранныхъ обозрѣній. Въ бытность мировымъ посредникомъ онъ написалъ „Послѣднее десятилѣтіе экономической жизни Подольской губерніи (*Сборникъ Подольскаго Статистическаго Комитета* за 1880 годъ) и „Очерки экономической жизни Подольской губерніи“ (*Кіевлянинъ*, 1880 года).

Много мелкихъ замѣтокъ библіографическаго содержанія по-

мѣстилъ онъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* Изъ крупныхъ трудовъ его должно назвать: „Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки" *(Русскій Вѣстникъ* 1881 г., кн. 12; 1882 г., кн. 6 и 10; отдѣльно: М. 1882 г., IV+156 стр.). „Понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологіи половъ" (М. 1882 г., 60 стр.). „Симптомы и причины современнаго настроенія: наше техническое богатство и наша духовная нищета", двѣ публичныя лекціи (М. 1885 года, 100 стр.), „Смыслъ исторіи и идеалы прогресса" *(Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія* 1885 г., кн. 7—8; отдѣльно: М. 1886 г., 62 стр.), „Страданіе и наслажденіе жизни: вопросъ пессимизма и оптимизма" (Спб. 1885 г., 70 стр), „Чувство, какъ нравственное начало", психологическій очеркъ (М. 1886 года, VIII+84 стр.), „Старое недоразумѣніе, по поводу вопроса тенденціозности въ искусствѣ" *(Русское Дѣло* 1888 г., № 43), „Къ вопросу о свободѣ воли (М. 1889 г., II+92 стр.), „Ученіе графа Л. Н. Толстаго въ его цѣломъ", критическій очеркъ (М. 1890 г., 48 стр.), „Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи" *(Русское Обозрѣніе* 1890 годъ, кн. 3), „Гипнотизмъ какъ психологическая задача" *(Русское Обозрѣніе* 1890 годъ, кн. 9), „Идеалъ и страсть" *(Сборникъ Московской Иллюстрированной Газеты,* 1891 г., вып. I), „Религіозное обновленіе нашихъ дней" *(Московскій Листокъ* 1891 г., №№ 311—344), „Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни", популярный очеркъ (М. 1892 г.), „Родовой грѣхъ философіи" *(Русское Обозрѣніе* 1892 г., кн. 11), „Перерожденіе слова" *(Русскій Вѣстникъ* 1892 г., кн. 11—12), „Наше знаніе о себѣ" *(Русское Обозрѣніе* 1892 г., кн. 12), „Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ" *(Вопросы Философіи и Психологіи* 1892 г., кн. 13—14), „Урокъ эстетики" съ посвященіемъ памяти А. А. Фета-Шеншина *(Русское Обозрѣніе* 1893 г., кн. 2) и, наконецъ, книга „Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія (Опытъ началъ критической монадологіи)", Москва, 1893.

Ученый по натурѣ, П. Е. Астафьевъ былъ однако глубоко проникнутъ стремленіемъ служить своею мыслью на пользу людей. Онъ прямо отрекался отъ той старой философіи, которая ничего не даетъ для жизни. Истинная философія должна освѣщать человѣку жизнь, быть источникомъ увлеченія, идеала, помогать развитію личности. Философія не просто *даетъ* человѣку міросозерцаніе. Это, говоритъ Астафьевъ, даже невозможно. Міро-

созерцаніе есть только у того, чья мысль, воля и чувство *самодѣятельно* участвуютъ въ его выработкѣ. Задача философа въ томъ, чтобы придти на помощь этой самодѣятельной работѣ, указавъ ищущему истины самую *проблему* міровоззрѣнія, вѣрные *пути* и основныя *начала* ея разрѣшенія. Философія, такимъ образомъ, является на помощь каждому, указываетъ ему средства осмыслить жизнь и дѣятельность. Астафьевъ прекрасно сознавалъ, что такая роль философіи особенно важна въ нашъ извѣрившійся, изжившійся, скептическій вѣкъ. Еще сильнѣе, чѣмъ И. Кирѣевскій отмѣчалъ онъ тотъ фактъ, что чѣмъ болѣе распространяются міросозерцанія считаемыя научными, тѣмъ сильнѣе замѣчается оскудѣніе человѣческой личности, исчезновеніе идеаловъ, господство холоднаго скептицизма. Вмѣсто того чтобы все лучше уяснять себѣ смыслъ своей жизни, человѣчество приходитъ къ убѣжденію, что жизнь не имѣетъ никакого смысла. Вопросъ о *цѣляхъ* изгнанъ изъ „научнаго“ міросозерцанія и замѣненъ понятіемъ о простой послѣдовательности явленій, совершающихся неизвѣстно зачѣмъ и почему.

Вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ, онъ хорошо видѣлъ источникъ, изъ котораго проистекала ошибка старѣющей философіи, дѣлающая ее безплоднымъ ученіемъ отупѣнія или отчаянія. Но то, что̀ И. Кирѣевскому было открыто десятилѣтнимъ самоуглубленіемъ и изученіемъ отцовъ Церкви, у П. Е. Астафьева явилось въ результатѣ самостоятельнаго изученія точной психологіи. То, что̀ у И. Кирѣевскаго осталось какъ бы геніальною догадкой, у Астафьева сложилось въ стройную научную систему.

Основная ошибка, омертвившая господствующую нынѣ философію, состоитъ, по Астафьеву, въ неправильномъ анализѣ души человѣческой, а потому въ произвольномъ суженіи *источниковъ познанія*. Познавательною способностью человѣка признается только *разумъ*, при такомъ пониманіи суживаемый до *разсудка*. Это — коренная ошибка. Современная психологія, говоритъ Астафьевъ, установила несомнѣнный фактъ, что душевная жизнь никогда не являетъ ни чистаго *представленія*, безъ примѣси волевыхъ и эмоціональныхъ элементовъ, ни чистой *воли*, ни чистаго *ощущенія*. Единство, цѣлостность человѣческаго существа такова, что эти три основныя его способности—разумъ, воля и чувство — только логически расчленяются: фактически онѣ неразрывны, составляютъ проявленія одного существа, одной способности, одного и того же *бытія*. Жизнь есть *бытіе*,

а не одно *разсужденіе.* Познаніе, способное дать намъ истину, должно относиться къ цѣлому *бытію*, а не къ одной его части. Человѣкъ познаетъ не въ одномъ представленіи, но и въ волѣ, и въ чувствѣ. Отрицаніе этого приводитъ насъ къ познанію фиктивному, не соотвѣтствующему дѣйствительности. А между тѣмъ именно таковъ путь раціонализма. Потому-то раціоналистическія міровоззрѣнія приводятъ къ такимъ омертвляющимъ выводамъ, съ которыми неспособенъ согласиться живой человѣкъ.

Искать цѣлаго познанія въ одномъ разсужденіи — ошибка тѣмъ бо́льшая, что она устраняетъ отъ изслѣдованія именно *активныя* способности души и сохраняетъ, какъ бы единственныя, ея *пассивныя* способности. Вотъ почему въ этой философіи исчезаютъ *цѣли* жизни. Въ представленіи и въ логикѣ нѣтъ цѣли. Они представляются лишь средствомъ бытія. То познаніе, какое дается представленіемъ и логикой, есть познаніе *невольное*, въ которомъ человѣкъ беретъ не то, что̀ есть, а то, что̀ къ нему само идетъ. Активныя способности души—въ которыхъ человѣкъ *беретъ* міръ и познаетъ его въ самомъ существѣ — это *воля* и *чувство*, столь ошибочно игнорируемыя раціонализмомъ, какъ способности познавательныя. Стоя на точкѣ зрѣнія, подсказываемой научною психологіей, П. Е. Астафьевъ, покинувъ избитые пути философіи, посвятилъ себя на изслѣдованіе *воли* и *чувства*.

Этотъ рядъ изслѣдованій самъ Астафьевъ считалъ далеко не полнымъ. Въ его умѣ роился рядъ коренныхъ вопросовъ гносеологіи, ждущихъ разработки. Но и то, что̀ онъ уже успѣлъ создать—представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ науку. Изслѣдованія Астафьева цѣнны не только потому, что выясняютъ отдѣльныя *частности* коренныхъ вопросовъ человѣческаго познанія. Его изслѣдованія дѣлаютъ больше. Они открываютъ предъ наукой *новый путь*, по которому она пойдетъ, какія бы частныя поправки или дополненія къ изслѣдованіямъ Астафьева ни приходилось дѣлать позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Безъ сомнѣнія, Астафьевъ, какъ философъ-новаторъ, имѣетъ противъ себя въ ученой средѣ громадную силу — умственныхъ *привычекъ*, въѣвшихся столѣтіями общихъ мѣстъ раціонализма и матеріализма. Этотъ врагъ давилъ покойнаго и при жизни его, осуждая его на одиночество, создавая лѣнивое невниманіе къ его работамъ. Этотъ врагъ будетъ, конечно, давить его и послѣ

смерти. Дѣйствительно, вводя въ сферу философіи волю и чувство,—стремясь къ міровоззрѣнію, которое понимало бы жизнь въ цѣлостномъ бытіи, Астафьевъ точно также неизбѣжно возстановляетъ права *религіи*, какъ неизбѣжно они забывались въ урѣзанномъ міросозерцаніи раціонализма. Анализъ дѣятельныхъ силъ души, какъ воля и чувство, приводитъ нашего философа къ идеѣ о Богѣ, и притомъ въ удивительномъ согласіи съ ученіемъ христіанства. Такимъ образомъ противъ философіи, путь которой прокладываетъ Астафьевъ, возстаетъ все, что̀ не допускаетъ идеи Божества. Противъ же Астафьева и тѣ компромиссы съ религіей, которые столь многочисленны въ настоящее время, и которые сознательно и безсознательно стремятся утопить вѣру въ знаніи. Анализъ *вѣры* и *знанія*, указаніе ихъ существенной разности, при одинаковой равноправности, какъ источниковъ общаго познанія человѣческаго,—составляетъ видную долю трудовъ Астафьева. Астафьевъ оказывается противъ всѣхъ модныхъ и господствующихъ теченій.

Но за Астафьева та широта міросозерцанія, которое сложилось въ этомъ тонко развитомъ умѣ, одинаково умѣвшемъ понять и научную истину, и красоту художественнаго образа, и откровенную истину вѣры.

Его философія столь же мало допускаетъ упраздненіе вѣры, какъ и знанія. Эта философія, твердо стоящая на почвѣ цѣлостности человѣческой природы и не уступающая правъ ни одной стороны этой природы, ставитъ какъ предъ личностью, такъ и предъ наукой требованіе *всесторонняго* гармоническаго развитія. Въ этомъ трудность усвоенія идей Астафьева, въ этомъ же ихъ жизненность. Всѣ направленія мысли, въ которыхъ проявляется разложеніе человѣка — омертвѣніе той или иной способности души, — отвращаются отъ этихъ идей. Наоборотъ — все, что̀ цѣло въ человѣкѣ, не разложено — невольно къ нимъ тянется.

Значеніе Астафьева будетъ расти, пока развивается русская мысль, и даже дольше, потому что его работы закладываютъ прочный фундаментъ той *новой* философіи, которой необходимость и неизбѣжность, для обновленія современной культуры, предвидѣлъ еще проницательный умъ И. Кирѣевскаго.

Л. Т.

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

УПАДОКЪ ТВОРЧЕСТВА.

Хотя современной работѣ русской мысли нельзя отказать въ извѣстныхъ успѣхахъ, но они постоянно оказываются только частными. Послѣ долгаго мучительнаго претерпѣванія послѣдствій своего традиціоннаго міросозерцанія, мы наконецъ оказываемся не въ силахъ больше терпѣть, — и отрекаемся отъ извѣстнаго частнаго вывода. Затѣмъ — намозолитъ шею другое послѣдствіе того же міросозерцанія — не хватаетъ силы терпѣть: опять выкидываемъ за бортъ и эту частность. Вотъ собственно каковы наши успѣхи. Такимъ путемъ мало-по-малу можно отречься отъ всѣхъ выводовъ міросозерцанія 40—60 годовъ, но что же получается на ихъ мѣстѣ? Вотъ тутъ и бѣда. Творческая сила души оказывается истощенною прошлымъ, и успѣхи освобожденія слишкомъ часто сопровождаются только расширеніемъ внутренней пустоты. Когда же ее пытаются наполнять,—то, не имѣя широкой основы, выдумываютъ совершенныя ничтожности, ослабленныя и пониженныя варіаціи того же, отъ чего отрекаются.

Эти особенности современнаго исканія идеаловъ проявились и въ разсужденіяхъ объ упадкѣ художественнаго творчества. Споръ объ этомъ предметѣ тянется понемножку вотъ уже съ полгода. Многіе объ этомъ писали, въ частностяхъ немало высказали вѣрнаго, но въ общемъ — правду сказать, разговоръ производитъ весьма тоскливое впечатлѣніе.

Повидимому, нынче всѣ согласны въ томъ, что наша литература находится въ упадкѣ. Фактъ прискорбный, особенно для

страны, которая, въ различныхъ областяхъ своего творчества, за все XIX столѣтіе, могла по преимуществу гордиться именно художественною литературой. Успѣхи нашего художества слова были безспорны. Изъ, такъ-сказать, ничего оно за 100 лѣтъ создало литературу, получившую всемірное признаніе. Какія же причины могли, хотя бы на время, подорвать жизненность этого цвѣтущаго ростка русской жизни, такъ много обѣщавшаго?

На разъясненіе этого вопроса въ наибольшихъ подробностяхъ и съ чрезвычайными претензіями выступилъ г. Мережковскій въ книжкѣ [1] „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы". Это изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ авторы, какъ говорится, изъ-за деревьевъ не замѣчаютъ лѣса. Г. Мережковскій старается, дѣйствительно, не упускать изъ виду ни одного изъ элементовъ вопроса, но—по недостатку ли смѣлости, или по недостаточной проницательности, онъ не анализируетъ ихъ глубоко и не умѣетъ ихъ расположить въ должной перспективѣ. О какихъ-нибудь пустякахъ, въ родѣ системы гонораровъ или значенія гг. Скабичевскаго и Протопопова, онъ распространяется съ самымъ страннымъ пафосомъ, о значеніи критики 60-хъ годовъ — отдѣлывается одною фразой. Я ниже приведу замѣчанія г. Волынскаго объ этомъ анализѣ. Но поверхностное разсмотрѣніе фактовъ и не имѣетъ особеннаго значенія для работы г. Мережковскаго, потому что его общій выводъ дѣлается не изъ нихъ. Его выводъ — чисто теоретическій, воздушная идея, и весьма неосновательная. Онъ понимаетъ дѣло такъ: литературы въ сущности у насъ нѣтъ и не было. Были только отдѣльные таланты, не составляющіе ничего цѣлаго, преемственнаго. Они создали только какъ бы матеріалъ для литературы. Теперь „предъ нами—огромная, переходная и подготовительная работа. Мы, говоритъ г. Мережковскій, *должны вступить изъ періода поэзіи творческаго, непосредственнаго и стихійнаго, въ періодъ критическій, сознательный и культурный.* Это два міра, между которыми цѣлая бездна. Современное поколѣніе имѣло несчастіе родиться между этими двумя мірами, предъ этою бездной. Вотъ чѣмъ объясняется его слабость, болѣзненная тревога, жадное исканіе новыхъ идеаловъ и какая-то безплодность всѣхъ усилій".

Этого взгляда я позволю себѣ совсѣмъ не разбирать. Онъ

---

[1] Первоначально—публичныя лекціи.

слишкомъ очевидно произволенъ. Всѣ основанія, которыя служатъ г. Мережковскому для отрицанія существованія русской литературы, одинаково пригодны для отрицанія всякой другой, французской, англійской, нѣмецкой. Слабость, тревога и безплодность мысли тоже замѣчается не у насъ однихъ. Раздѣленіе творчества на непосредственное и сознательное сдѣлано также очень топорно. Но разговоръ обо всѣхъ этихъ предметахъ создалъ бы намъ совсѣмъ иную тему. Теперь посмотримъ только, не замѣчаетъ ли г. Мережковскій чего-нибудь и дѣйствительно существующаго?

Оказывается, что—да. Самъ ли, или воспринимая настроеніе общества, г. Мережковскій все-таки замѣчаетъ губительное для художества вліяніе *критики* нашей. Онъ обрушивается по преимуществу на людей маленькихъ и невліятельныхъ, гг. Скабичевскаго, Протопопова и т. д. Но осуждая ихъ, онъ тѣмъ самымъ осуждаетъ и учителей ихъ, даже прямо замѣчаетъ: „*Русская критика*, за исключеніемъ лучшихъ статей Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Страхова, отдѣльныхъ очерковъ Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, геніальныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ письмахъ Пушкина, *всегда являлась силой противонаучною и противохудожественною*". Фактъ вѣренъ, хотя объясненіе его дается совершенно слабое. „Горе (будто бы) въ томъ, полагаетъ г. Мережковскій, что наши критики не были ни настоящими учеными, ни настоящими художниками". Собственно въ этомъ никакого „горя" нѣтъ. Г. Мережковскій просто плохо понимаетъ „творчество" критика, который именно долженъ совмѣщать въ себѣ извѣстныя свойства ученаго и художника, а потому „настоящимъ" ученымъ или „настоящимъ" художникомъ не можетъ и не долженъ даже быть.

Но фактъ вреднаго вліянія критики во всякомъ случаѣ признается г. Мережковскимъ. Гораздо рѣзче говоритъ объ этомъ г. Волынскій (*Сѣверный Вѣстникъ*, мартъ). Упрекая г. Мережковскаго въ поверхностности сужденій, онъ замѣчаетъ: „Было бы необходимо разобраться въ критической дѣятельности Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, и въ ней отыскать противонаучную и противохудожественную силу, которая, постоянно возрастая, расширяясь и распространяясь по всѣмъ направленіямъ русской жизни, привела литературу къ упадку и разложенію. Причины современнаго положенія вещей не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ... Въ Бѣлинскомъ, продолжаетъ онъ, появились

уже тѣ два начала, которыя послѣ его смерти раздѣлились и стали развиваться независимо другъ отъ друга съ такою различною силой и съ такимъ различнымъ успѣхомъ: начало эстетическое и начало утилитарно-общественное, публицистическое. ...Прочтите „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности"... Кто ищетъ объясненія тому прогрессивному параличу, который по смерти Бѣлинскаго сразу поразилъ нашу журнальную критику, долженъ изучить произведенія автора *Эстетическихъ отношеній*: это самый сжатый кодексъ русскаго утилитаріанизма, самое яркое выраженіе начавшагося умственнаго декаданса".

Совершенно справедливо, но, какъ видимъ, г. Волынскій только смѣло высказываетъ то, что очень робко думаетъ г. Мережковскій.

Мысли этого рода носятся въ воздухѣ, въ той или иной формулировкѣ ихъ встрѣчаешь повсюду.

Въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* (мартъ) мы находимъ статью г. Аврелина, *Секретъ творчества*. Упадокъ современнаго творчества и этотъ авторъ признаетъ едва ли не рѣзче кого бы то ни было.

„Повидимому, говоритъ онъ, секретъ творчества (у насъ) *потерянъ*. Нѣкоторые молодые художники и писатели, какъ и въ доброе старое время, сначала обѣщаютъ очень много. Но проходятъ годы и обѣщанія не сдерживаются". Начинающіе таланты не развиваются или даже быстро идутъ подъ гору. Многіе, говоритъ г. Аврелинъ, думаютъ, что это происходитъ просто отъ случайнаго отсутствія истинныхъ талантовъ. Но объясненія этого нельзя признать, по крайней мѣрѣ исключительно. Г. Аврелинъ совершенно правильно говоритъ: „Все дѣло въ убѣжденіяхъ, взглядахъ, духовныхъ началахъ жизни". И съ этой точки зрѣнія онъ приходитъ точно также къ полному осужденію міросозерцанія, на которомъ выросла современная интеллигенція.

„Прежній русскій писатель жилъ, говоритъ онъ, больше всего, а иногда исключительно, творчествомъ, духовною работой, духовною жизнью... Онъ страдалъ среди толпы и въ чаду наслажденій, ему было стыдно попусту растрачивать свои силы, его преслѣдовалъ наплывъ образовъ и картинъ". Нынѣшній писатель совсѣмъ не таковъ. Первый успѣхъ и онъ „уже пожинаетъ лавры и наслаждается и не страдаетъ больше, *такъ какъ мечты его исполнились*... Отчего онъ такъ доволенъ, такъ скоро удо-

влетворенъ, такъ дешево купленъ? Оттого, конечно, что его идеалъ — слава, извѣстность, поклоненіе толпы, матеріальная обезпеченность, а не безсмертіе, не вѣчность и духовное совершенство... Почему такъ мелки его мечты и стремленія? Потому, что онъ считаетъ человѣка *только* организмомъ, матеріальною машиной, болѣе или менѣе совершеннымъ автоматомъ“. Что̀ такое творчество для современнаго писателя, спрашиваетъ г. Аврелинъ? „Творчество — вѣдь это только полнота воплощенія пробужденной и взбудораженной нервной энергіи. Творчество — высшая оргія мозга, самоуслаждающееся развитіе существа. Это психофизіологическій процессъ мозговаго аппарата при высшей степени возбужденія и раздраженія. Утѣшительная теорія! Цѣль творчества—наслажденіе творящей личности, средство – гиперестезія мозга, орудіе—вино, любовь и иныя возбужденія...“

Не такъ, говоритъ онъ, творили Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, которые считали творчество *тяжелымъ подвигомъ жизни*. Почему же? Потому что, говоритъ г. Аврелинъ, „въ творчествѣ нужно искать божественнаго и идеальнаго, хотя бы его и не пришлось достигнуть и осуществить на землѣ“.

Вотъ какъ нынче отрекаются отъ стараго!

Пока слушаешь эти осужденія, думаешь, что въ душахъ современниковъ происходитъ какой-то полный переворотъ. Но, Боже мой, какъ измѣняется впечатлѣніе, когда начинаются положительныя формулы, совѣты о средствахъ возвратить художника на путь „божественнаго“ и „идеальнаго“! Ну право, кажется, прежніе отрицатели, на словахъ и по разсудку отвергавшіе все „идеальное“, по чувству были ближе къ нему, нежели наши произносители прекрасныхъ словъ. Этихъ словъ сколько угодно найдется и у г. Мережковскаго. У него „Богъ“ черезъ каждыя три строчки, и „духъ“ и „божественное“, и всякія тирады изъ Св. Писанія. *Слова*, какъ будто очень радикально идущія противъ міросозерцанія, загубившаго русское творчество. Но какой *смыслъ* влагается въ эти слова? Невольно вспоминаешь покойнаго П. Е. Астафьева, говорившаго, что нынѣшнее якобы *возрожденіе* религіозно-нравственной идеи есть только *продолженіе и расширеніе* позитивно-утилитарнаго направленія мысли. Это какое-то приспособленіе къ требованіямъ *общественной среды*, отворачивающейся отъ старыхъ идей. Но общественная

среда имѣетъ не одни слова, а и чувства, въ нихъ выражающіяся. Въ критикѣ и публицистикѣ—видишь только новую кожу, а сердце все то же, что раньше.

Вотъ какъ г. Мережковскій даетъ формулу *новаго*, какъ онъ выражается, искусства. „Три главные элемента *новаго* (?) искусства, говоритъ онъ,—это *мистическое содержаніе*, *символъ* и *расширеніе художественной впечатлительности* (!?).“ Относительно послѣдняго — умолчимъ. Отъ души конечно можно пожелать г. Мережковскому „расширенія художественной впечатлительности“, но позволительно конечно усумниться, чтобы въ этомъ отношеніи Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Гете—уступали „новымъ“ художникамъ. Не стоитъ объ этомъ и говорить. Но первые два „элемента“? „Мистическое содержаніе“, „символизмъ“...

Ново ли это? Охъ, что-то, помнится, мы уже это тысячи лѣтъ слышимъ и знаемъ. Если тутъ есть что-либо новое, то конечно не въ самомъ символизмѣ, не въ самомъ мистическомъ содержаніи, а въ томъ, что подъ ними понимается, и въ побужденіяхъ, по которымъ они „вводятся“ въ искусство.

Зачѣмъ г. Мережковскому понадобился мистицизмъ? И что такое *его* мистицизмъ?

Мистицизмъ вообще мы знаемъ. Это нѣкоторый суррогатъ религіознаго чувства, которое тоже сопровождается ощущеніемъ *таинственнаго*, „сокровеннаго“. Но религіозное чувство знаетъ, чего хочетъ и къ чему стремится. Къ Богу. Когда религіозное чувство ослабѣваетъ, это стремленіе къ „сокровенному“ легко смѣшивается съ болѣзненнымъ раздраженіемъ нервовъ, ноющихъ сами не зная по чемъ и по комъ. Поэтому, какъ выражается преосв. Θеофанъ *(Письма о духовной жизни*, 1882 г., стр. 13) „Мистицизмъ и квіетизмъ суть болѣзненныя порожденія ложно направленной религіозности“. Но у г. Мережковскаго дѣло даже не въ этомъ. Онъ требуетъ мистицизма не для собственнаго употребленія, а для публики, для ея, такъ-сказать, уловленія. Мистицизмъ появляется какъ нѣчто, способное связать невѣріе художника съ вѣрой публики. Въ этомъ все открытіе г. Мережковскаго.

Никогда прежніе матеріалисты не позволяли себѣ говорить объ отрицаемомъ ими Богѣ такъ легко, беззаботно, съ полнымъ отсутствіемъ уваженія къ вѣрѣ вѣрующихъ, какъ новые проповѣдники „художественнаго мистицизма“. Но это невѣріе прикрывается теперь дымкой.

Такъ сильнѣе подѣйствуешь на публику. Теоріи г. Мережковскаго состоятъ собственно въ объясненіи художнику, какимъ способомъ онъ, оставаясь невѣрующимъ, можетъ употреблять сильно дѣйствующія на религіозную публику слова. Для облегченія художника, понятіе о мистицизмѣ получаетъ особую формулу. Мистицизмъ—это для него „сознаніе себя около бездны невѣдомаго". Символъ — простая недоговоренность. „Въ поэзіи то, что *не сказано*, и *мерцаетъ* сквозь красоту символа, дѣйствуетъ сильнѣе на сердце, чѣмъ то, что выражено словами". Пожалуй это и правда для плохой поэзіи, дряннаго чувства, слабой мысли. Высказать ясно—конечно будетъ скверно. Наговорить неопредѣленныхъ словъ—выгоднѣе для „поэта": читатель посмотритъ, повертитъ, да авось и вложитъ какое-нибудь *свое* содержаніе, примѣнитъ къ *своему* чувству.

Весь „мистицизмъ" г. Мережковскаго и не идетъ дальше этого. Послѣдній дикарь „натуральной религіи" болѣе живо ощущаетъ реальное существованіе духовнаго міра, чѣмъ этотъ изжившійся „символистъ", для котораго даже сошествіе Св. Духа—не больше, какъ „символическій разсказъ". Онъ очевидно даже не понимаетъ, не вѣритъ, чтобы люди могли вѣрить, но замѣчая въ нихъ это „нѣчто", относится къ нему какъ къ *спросу*, на который „художество" должно отвѣтить *предложеніемъ*. Самъ лично онъ стало-быть даже и въ матерію не можетъ увѣровать настолько, чтобы хотя ее твердо исповѣдывать, какъ прежніе люди. Правъ г. Аврелинъ! Всѣ помышленія этого „творчества"—въ публикѣ, ему дорого только отыскать, *чѣмъ произвести сильное впечатлѣніе*. Не истина созданія нужна, а покореніе вниманія читателей.

Это, допустимъ, не есть какой-нибудь преднамѣренный обманъ, а просто послѣдствіе пустоты души. Когда своего ничего нѣтъ, одно рухнуло, другаго нѣтъ, — легко становится сообразоваться съ публикой. А насколько своего нѣтъ, это видно еще больше у г. Аврелина. Онъ хочетъ найти свое, но это *свое* ужаснѣе всякихъ мистицизмовъ г. Мережковскаго. У г. Мережковскаго видно хоть энергическое помышленіе объ успѣхѣ въ публикѣ, а г. Аврелинъ—самымъ внимательнымъ образомъ изслѣдуетъ вопросъ о душѣ, духѣ, „божественномъ", вдумывается какъ ихъ возродить и ничего не отыскиваетъ понятнаго себѣ, кромѣ помощи капусты и моркови. Вѣдь, право, это не шутка. Дѣйствительно такъ.

Г. Аврелинъ въ концѣ статьи говоритъ: „секретъ творчества потерянъ, но секреты нервнаго и душевнаго разстройства и вырожденія открыты. Какъ создавать и воспитывать духовныя силы и таланты—мы забыли, а какъ ихъ губить и уничтожать—мы знаемъ“. То-то бѣда, что и этого не знаемъ. Еслибы знали, какъ губить, то хоть теоретически узнали бы и то, какъ оздоровлять, воскрешать. Но въ дѣйствительности, узнали пока лишь одно: что дѣло скверно, что оно чѣмъ-то загублено. А чѣмъ? Въ отвѣтъ на это г. Аврелинъ представляетъ разсужденія и рецепты до того грубо-матеріалистичные, что страхъ беретъ. Это—идеи графа Льва Толстаго, но не того, готорый *творилъ*, а того, который уже погасилъ душевный огонь свой, погасилъ духовное воспріятіе тѣмъ самымъ процессомъ, какимъ погасло оно въ послѣднихъ побѣгахъ интеллигенціи сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ. Великія истины, открываемыя г. Аврелинымъ — вотъ какія:

„Самый великій врагъ творчества—современный образъ жизни, долгій сонъ, обильная жирная пища, излишество въ винопитіи куреніи, недостатокъ здороваго движенія, легкое отношеніе къ половымъ наслажденіямъ“. Г. Аврелинъ поэтому полагаетъ, что кто захочетъ творить, тотъ „насильно будетъ заставлять себя не досыпать, не доѣдать, жить цѣломудренно и воздержно“. Такимъ путемъ г. Аврелинъ надѣется возродить русское творчество!

Грустно даже читать! Понятно, что всѣ эти излишества, животныя, чувственныя наслажденія и т. п., конечно и предосудительны и вредны. Но они составляютъ послѣдствіе, а не причину. Г. Ю. Николаевъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 95, „Наивная статья“) совершенно правильно замѣтилъ г. Аврелину, что онъ напрасно воображаетъ старыхъ художниковъ какими-то воспитанниками толстовскихъ колоній.

„Прочтите-ка нѣкоторые отрывки изъ *Исповѣди* графа Толстаго, припомните молодость Пушкина или Лермонтова. А Байронъ? Г. Аврелинъ ошибается. Дѣло вовсе не въ скромномъ поведеніи этихъ писателей, а въ томъ, что, увлекаясь всѣмъ, они *ничему не подчинялись*, въ томъ, что *въ ихъ душѣ было заложено стремленіе къ идеалу*, стремленіе быть лучшими, погасавшее въ нихъ только съ послѣднимъ дыханіемъ жизни; дѣло въ томъ, что они боролись со своими страстями во имя *того высшаго, что̀ жило въ ихъ душѣ*, и среди этой трагической борьбы вы-

нашивали въ душѣ своей свои произведенія; дѣло въ томъ, что это были *большіе люди*, съ умомъ возвышеннымъ и съ сердцемъ великимъ, а потому, и заблуждаясь, они все же стремились къ истинѣ".

Еще бы! Заблуждались они и посильнѣй нынѣшнихъ, разгулъ страстей у нихъ бывалъ такой, къ какому нынѣшніе просто физически неспособны. Но зато у тѣхъ, старыхъ, и духъ былъ силенъ. А нынче о духѣ такъ позабыли, что *прямо* къ нему и обратиться не умѣютъ. Только поэтому конечно г. Аврелинъ и прибѣгаетъ къ смоему „симптоматическому" леченію. Душа больна, но гдѣ она—наукой еще не открыто. Стало-быть неизвѣстно, какъ на нее подѣйствовать. Извѣстно только, что пьютъ, курятъ, развратничаютъ. Отсюда рецептъ: „воздерживайся отъ вина, табаку, излишествъ"... Плохо дѣло. Хуже, чѣмъ думаетъ г. Аврелинъ.

Нельзя однако согласиться и съ г. Ю. Николаевымъ, который говоритъ: „Какую кличку къ гг. Потапенкамъ ни примѣни, либерала или консерватора, матеріалиста или спиритуалиста, отъ этого ничего не измѣнится, и они останутся тѣмъ, что̀ есть, то-есть бездарностями. О чемъ бы эти бездарности ни мечтали, о славѣ, или о гонорарѣ—это опять тоже ничего не измѣнитъ".

Нѣтъ, вопросъ о малыхъ людяхъ гораздо важнѣе. Напротивъ, именно обративъ вниманіе на нихъ, мы скорѣе уяснимъ себѣ, почему не является крупныхъ талантовъ. „Въ потенціи", какъ говоритъ г. Аврелинъ, они навѣрное есть въ странѣ. Но почему они не развиваются, не создаютъ? Конечно, если „матеріализмъ" или „спиритуализмъ" только „кличка", то перемѣна ея ничего не измѣняетъ. Но маленькіе или большіе люди, геніи и бездарности—*живутъ* извѣстнымъ душевнымъ содержаніемъ, такъ или иначе *относятся* къ жизни, и далеко не все равно, чѣмъ живетъ маленькій и бездарный человѣкъ, къ чему стремится, къ Богу или маммонѣ. Особенно важно этого не упускать изъ виду именно, когда рѣчь идетъ о *художествѣ*, потому что художникъ творитъ въ значительной степени безсознательно, и его творческая сила направляется на великое или ничтожное не столько его личными убѣжденіями, какъ извѣстнымъ *настроеніемъ*, тѣмъ великимъ или ничтожнымъ отношеніемъ къ жизни, въ какомъ его воспитываетъ среда. А эта среда состоитъ изъ маленькихъ людей. Если милліоны маленькихъ и большею частью мало даровитыхъ людей проникнуты стремленіемъ къ

духовной жизни (по мѣрѣ своихъ силъ), большой человѣкъ выростаетъ среди нихъ съ неистребимымъ стремленіемъ къ идеальному. Странны санитарно-діэтетическіе рецепты г. Аврелина, но онъ правъ, говоря, что *„паденіе талантовъ и творчества въ наше время объясняется всецѣло царящимъ въ наши дни матеріалистическимъ міросозерцаніемъ*,—взглядомъ на человѣка какъ на *высшее животное*, безъ души, безсмертія, свободы воли и божественной сущности“.

Только тутъ дѣло не столько въ личномъ разсудочномъ *убѣжденіи* художника, сколько въ его *настроеніи*, выработкѣ, какую даетъ ему выростившая его среда.

Собственно говоря, источникъ „идеальнаго“ отношенія къ жизни есть *религія*, не разсудочное убѣжденіе въ существованіи Божества, а самое *чувство вѣры*, этотъ невидимый тонкій органъ духовнаго воспріятія. Большая разница—что человѣкъ понимаетъ теоретически и что онъ понимаетъ чувствомъ. Вотъ и г. Аврелинъ—въ теоретической формулѣ говоритъ о безсмертіи души, свободѣ воли и т. п. А когда нужно приступить къ дѣлу практически, онъ чувствомъ вѣритъ только въ гигіену, діэтетику, гимнастику. Для художника значеніе теоріи еще меньше, значеніе чувства еще больше. Когда въ средѣ общественной большинство заботится о сохраненіи и развитіи вѣры, органа духовнаго воспріятія, то устанавливается извѣстная *выработка* людей, которая и создаетъ духовные интересы, идеальные. Устанавливается отношеніе къ жизни именно духовное. Оно устанавливается вовсе не одними великими талантами, а всѣми людьми, даже самыми маленькими. Иногда—даже очень неспособные въ прочихъ отношеніяхъ люди достигаютъ великой мудрости религіозной, духовной, и этой своей стороной оказываютъ огромное вліяніе на людей геніально-способныхъ къ внѣшнимъ отраслямъ творчества. Поэтому—въ дѣлѣ охраны и освѣженія *духовнаго* отношенія къ жизни никакъ не слѣдуетъ пренебрегать „бездарностями“. Дары бываютъ разные, и то, что кажется, по внѣшнему творчеству, бездарностью, можетъ быть величайшею даровитостью въ отношеніи творчества внутренняго. Люди величайшаго художественнаго творчества, какъ, напримѣръ, графъ Л. Толстой—въ отношеніи самого чувства духовнаго,—обязаны маленькимъ и можетъ-быть даже „бездарнымъ“ людямъ.

Наше русское художественное творчество въ его золотыя времена есть творчество не религіозныхъ людей, а глубоко-религі-

ознаго *народа*, который накладывалъ свой духовный отпечатокъ на Пушкиныхъ, Гоголей, Лермонтовыхъ, Толстыхъ... Культъ добра, истины и красоты, какъ выражались въ старину, былъ сроденъ душѣ ихъ какъ *національное* наслѣдіе. Это было не дѣло міросозерцанія, въ смыслѣ разсудочнаго убѣжденія, а дѣло душевной выработки, создававшей именно такое, а не иное отношеніе къ жизни.

Къ несчастью такая выработка должна была неизбѣжно хирѣть по мѣрѣ усиленія образованнаго слоя. Онъ одухотворялся соками той самой *исторической* Россіи, которую уничтожить считалъ своею историческою миссіей, какъ авангардъ европейской культуры, выдвинутый противъ русскаго варварства. Всею силой разсудочнаго убѣжденія эта культура и большимъ и малымъ людямъ внушала совсѣмъ иное отношеніе къ жизни, и по мѣрѣ того, какъ росъ численно слой этихъ лжеобразованныхъ людей, кандидаты на творчество отрѣзывались имъ отъ вѣрующей части народа. Г. Аврелинъ, предлагая свой рецептъ „возрожденія" посредствомъ воздержанія отъ папиросъ и дамскаго пола, въ доказательство вспоминаетъ будто бы въ старыя времена дѣти помѣщиковъ получали „спартанское воспитаніе". Объ этомъ спартанствѣ можно бы справиться въ дѣвичьихъ помѣщичьихъ дворовъ... Лучше бы г. Аврелинъ вспомнилъ, что дѣти помѣщиковъ росли окруженные глубочайше-вѣрующимъ народомъ, невольно и вольно слышали его молитвы, его обращеніе къ Богу въ горѣ и радости они *видѣли* тамъ, гдѣ не могли слышать, да и въ женскомъ элементѣ своихъ семей встрѣтили то же, что въ народѣ. Сколько получали они отъ однѣхъ странницъ-богомолокъ, сколько получали въ поѣздкахъ по монастырямъ! Это чувство оставалось и потомъ, когда уже легкій скептицизмъ дешеваго „просвѣщенія" начиналъ нашептывать ироническія фразы о бывшей святынѣ. Творчество жило пышно до тѣхъ поръ, пока „интеллигентный" слой не разросся достаточно, чтобы вариться въ собственномъ соку, не только не освѣжаемый уже народными воздѣйствіями, но — сознательно и не безуспѣшно начавши уже развращать и самый народъ.

Изъ чего же было питаться идеаламъ духовной жизни? *Въ себѣ* нашъ образованный слой не имѣлъ крѣпкаго источника вѣры, изъ которой рождается способность жить идеально. Воздѣйствія народныя онъ самъ отъ себя отрѣзывалъ. Разростаясь,

ылъ задушить самъ себя, что, судя по общему сознанію цѣлаго ряда писателей его, и наступаетъ въ наши дни.

Что же дѣлать? Не курить, вина не пить, издавать „этику пищи“ и „Руководство къ половому воздержанію“... Все это смѣшно и жалко, и право хуже всякаго разврата, потому что развратъ по крайней мѣрѣ хоть безобразіе. Развратникъ можетъ быть еще опомнится, а санитарно-гигіеническая школа нравственности способна выработать только неисправимо самодовольныхъ тупицъ.

Если это „движеніе“ можно привѣтствовать, то не потому, чтобы изъ него могло выйти какое-нибудь возрожденіе духовныхъ силъ, а какъ послѣдній признакъ — угасанія безплоднаго слоя.

Но гдѣ же возрожденіе? Какъ видятъ читатели, что-то плохо его видно. Мѣсто для него мало-по-малу очищается. Но можно сказать безъ ошибки, не будетъ возрожденія ни откуда, кромѣ *вѣры*. Ни папиросами, ни виномъ, ни овощами такія дѣла не рѣшаются. Остается ждать, не пробудится ли чувство *вѣры*, связывающее человѣка съ источникомъ духовной жизни, то-есть съ источникомъ стремленія къ идеалу.

Отъ многаго уже отреклись нынѣшніе люди, и уже немного осталось имъ иллюзій. Пусть еще испытаютъ свои „растительные“ идеалы, пусть окончательно убѣдятся, что и безъ папиросъ и дамъ, на одной рѣпѣ и моркови, — не найдутъ покоя своей душѣ, не избавятся отъ внутренной пустоты. Можетъ-быть тогда они почувствуютъ рѣшимость пойти къ единственному источнику духовной жизни, который такъ близко отъ всѣхъ, его безхитростно ищущихъ.

Л. Тихомировъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) РУССКАЯ.

Праздники Господни. (Продается въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна 75 коп.)

„Всякую душу, говоритъ авторъ въ предисловіи, какъ бы ни была она погружена и въ молву людскую и въ безмолвіе одиночества, праздникъ призываетъ *пѣть* пѣснь Вседержителю Богу. Слово это понятно и сочувственно русскому человѣку, съ дѣтства воспитанному въ благочестивомъ обычаѣ, съ дѣтства знающему церковь съ ея праздниками. Русскій человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время, привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому, кого благочестивые родители съ дѣтства пріучили чтить праздникъ, съ радостнымъ чувствомъ ждать его и услаждаться его освѣжающею и возвышающею силой. А церковь наша своимъ богослуженіемъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряя ее тихимъ свѣтомъ благодати.“

Приведенный отрывокъ изъ предисловія указываетъ на характеръ книги. Это не описаніе праздниковъ, не сухое изложеніе ихъ значенія или особенности праздничныхъ службъ, это—собраніе прекрасныхъ стихотвореній въ прозѣ, написанныхъ подъ впечатлѣніемъ торжественныхъ моментовъ праздничной церковной жизни. Темы для этихъ стихотвореній—самыя разнообразныя:

воспоминанія дѣтства, внѣшняя обстановка праздничной службы, самое событіе праздника и т. п. На этомъ фонѣ авторъ рисуетъ чудныя картины, одухотворенныя неподдѣльнымъ, искреннимъ лирическимъ чувствомъ, доходящимъ до паѳоса; и при всемъ томъ онъ нигдѣ не впадаетъ въ излишество; чувство мѣры, гармоніи, изящества видно на каждой страницѣ. И ничего новаго говоритъ а невторъ; все это такъ просто, такъ знакомо каждому живущему сознательною церковною жизнію: родныя, знакомыя картины, родныя чувства, общія всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простымъ, духовнымъ и мірянамъ, всѣмъ намъ—объединеннымъ одною церковною жизнью. Но оттого-то такъ и отрадно видѣть все это знакомое, выраженное въ такой удивительно художественной формѣ, съ такою глубиной поэтическаго чувства. Таково именно и есть истинно художественное произведеніе: соотвѣтствіе формы съ содержаніемъ и простота,—„да, это именно то, что я самъ думалъ и чувствовалъ". Къ достоинствамъ книги надо присоединить еще глубину мысли автора и тихую, грустную вдумчивость, придающую всѣмъ описаніямъ элегическій тонъ.

Хотѣлось бы думать, что *Праздники Господни* не послѣднее произведеніе неизвѣстнаго автора; хотѣлось бы думать, что онъ подаритъ насъ еще и еще такими же „пѣснями въ прозѣ". Вѣдь кругъ нашего церковнаго богослуженія даетъ такой неистощимый, богатый матеріалъ для художника слова и мысли!

Свящ. І. Фудель.

В. И. Шенрокъ. *Матеріалы для біографіи Гоголя.* Томъ второй. Москва. 1893 г.

Авторъ этой книги началъ свои изслѣдованія о Гоголѣ лѣтъ семь назадъ изданіемъ „*Указателя*" къ его письмамъ и продолжаетъ ихъ безостановочно, обратясь къ біографіи великаго писателя. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ была книжка „Ученическіе годы Гоголя", за которой послѣдовала серія работъ, печатавшихся въ журналахъ и объединенныхъ въ двухъ томахъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя". Вторая часть ихъ вышла только недавно. Интересъ самой темы, для разработки которой со времени изданія прекрасной книги Кулиша накопилась цѣлая литература мемуаровъ, новыхъ свѣдѣній о Гоголѣ,

его писемъ и т. п., и значительный и добросовѣстный трудъ, положенный г. Шенрокомъ на это дѣло, обратили на его работу вниманіе печати, и книга его въ дѣлѣ изученія Гоголя несомнѣнно принесла уже пользу. Повидимому, какъ предметъ изслѣдованія, такъ и планъ и задачи его выяснялись передъ составителемъ по мѣрѣ того, какъ трудъ его подвигался впередъ. Въ означеніе подготовительнаго характера своихъ книгъ, г. Шенрокъ назвалъ ихъ „Матеріалами для біографіи Гоголя". Названіе это нельзя признать отвѣчающимъ сущности теперь, когда методъ и свойства работы г. Шенрока вполнѣ опредѣлились, и замѣчаніе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное однимъ изъ рецензентовъ книги, напрасно возбуждаетъ негодованіе составителя. Матеріалы для біографіи это сочиненія, письма, замѣтки, слова поэта, воспоминанія и замѣтки о немъ, разсказы знавшихъ его лицъ, письма къ нему и о немъ, статьи о его сочиненіяхъ, источники ихъ. Всякій, кто задается трудною задачей писать біографію Гоголя, обратится несомнѣнно къ этимъ первоисточникамъ; книги же г. Шенрока, гдѣ нѣкоторыя черты біографіи довольно разработаны, другія только намѣчены, матеріаломъ будутъ только для него самого въ окончательномъ изводѣ его почтенной работы. Правильнѣе всего назвать ихъ *этюдами о Гоголѣ*, расположенными въ порядкѣ хода его жизни. Эпизодичность очерковъ г. Шенрока, собранныхъ въ группы, носитъ совершенно этюдный характеръ. Касаясь автора такого огромнаго значенія въ исторіи русской литературы и жизни, этюды эти, уже однимъ сводомъ разбросанныхъ доселѣ свѣдѣній и фактовъ, получаютъ значительный интересъ. Они подкупаютъ вдобавокъ любовью изслѣдователя къ своему предмету и герою. Опредѣляя очерки г. Шенрока названіемъ этюдовъ, мы имѣемъ въ виду не одну лишь формальную сторону дѣла. Такое свойство ихъ ставитъ и насъ на надлежащую точку зрѣнія для сужденія о нихъ, и оправдываетъ ихъ нѣкоторую отрывочность, частыя отступленія и возвращенія къ прежнему и наличность всего того аппарата, который свойственъ кропотливому, предварительному изученію.

При этомъ характерѣ труда, на ряду съ группировкой біографическихъ данныхъ, характеристикъ отношеній Гоголя, его настроеній и вытекающихъ изъ этого фактовъ творчества, дѣлается возможнымъ и появленіе длинныхъ „разборовъ произведеній" Гоголя, рѣдко дающихъ что-нибудь новое. Нельзя не

сказать впрочемъ, что эти разборы едва ли не напрасно загромождаютъ книгу. Для самобытнаго освѣщенія теперь Гоголевскихъ вещей нужна большая сила и особое критическое дарованіе, повторять же прежнее нѣтъ надобности. Настоящему тому особенную мозаичность сообщаетъ и полемика г. Шенрока съ суровымъ его критикомъ г. Витбергомъ, испещрившая всю книгу. Она то потухаетъ мѣстами, то возгорается вновь. Читателю, интересующемуся Гоголемъ, дѣлается досадно, какъ становится досадно гостю въ домѣ, гдѣ хозяева, несмотря на присутствіе посторонняго человѣка, занимаются между собою бесѣдами домашняго характера. Въ началѣ книги г. Шенрокъ пишетъ: „Приведенные два-три примѣра, кажется, достаточно показываютъ мелочность критики этого рецензента, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшія опроверженія его замѣтокъ считаемъ возможнымъ отнести просто въ приложенія“ (стр. 26). Но обѣщанія этого онъ не сдерживаетъ и возвращается къ г. Витбергу такъ часто, что хочется напомнить ему, что герой его книги не Витбергъ, а Гоголь.

Въ первой половинѣ разбираемаго тома, гдѣ г. Шенрокъ разсматриваетъ сочиненія Гоголя съ содержаніемъ изъ малороссійской жизни, замѣтно отсутствіе непосредственнаго знакомства его съ этой жизнью, которое сообщило бы его заключеніямъ бо́льшую опредѣленность и увѣренность. Этого обстоятельства, конечно, мы и не думаемъ ставить въ вину уважаемому изслѣдователю, но болѣе близкое знакомство съ печатными трудами по части исторіи и быта Малороссіи облегчило бы и ему самому принятую на себя задачу. Въ разборѣ „Ученическихъ годовъ Гоголя“ въ другомъ журналѣ (*Кіевская Старина* 1887 г. № III) мы указывали на это обстоятельство. Съ того времени въ свѣдѣніяхъ г. Шенрока по этой части замѣчается очень большая разница. Но и теперь такія сочиненія, какъ трудъ Аскоченскаго о Кіевской Могилянской Академіи, значительно расширили бы сферу заключеній автора при сужденіи, напримѣръ, о „Віѣ“. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ малороссійскою исторіографіей, вопросъ о томъ, писалъ ли Гоголь въ тридцатыхъ годахъ „Исторію Малороссіи“, не могъ бы быть даже вопросомъ. Г. Шенрокъ не увѣренъ въ этомъ фактѣ, но допускаетъ однако въ одномъ мѣстѣ своей книги, хотя условно, его возможность. „*Исторія Малороссіи* можетъ быть еще и найдется“, говоритъ онъ (стр. 261). Противникъ же г. Шенрока, г. Витбергъ положи-

тельно вѣритъ въ то, что Гоголь писалъ такую исторію или могъ ее писать, такъ какъ у него были тѣ же книги, что и у написавшаго эту „Исторію“ Бантышъ-Каменскаго. Какія книги? спросимъ мы, становясь на сторону г. Шенрока. До появленія „Исторіи“ Бантыша печатныхъ трудовъ по малороссійской исторіи всего то и было, что изданный Рубаномъ „Лѣтописецъ“, маленькіе отрывки въ журналахъ Максима Берлинскаго, крошечная книжка Якова Марковича, историческая часть. которой относится къ древнѣйшему періоду, да совершенно ничтожныя иностранныя сочиненія Шерера и Энгеля. Бантышъ-Каменскій писалъ свою „Исторію“ по даннымъ рукописей Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (гдѣ сосредоточены малороссійскія дѣла), который отецъ его, бывшій директоромъ этого Архива, привелъ въ порядокъ, да по немногимъ польскимъ печатнымъ трудамъ. Ни въ какомъ Архивѣ Гоголь не работалъ никогда и съ польскою исторической литературой, кажется, былъ совершенно незнакомъ, почему не могъ писать, не повторяя Бантыша, никакой исторіи Малороссіи, кромѣ развѣ какой-нибудь вымышленной, на что̀, конечно, не былъ способенъ.

Тщательное собираніе г. Шенрокомъ мельчайшихъ фактовъ, уясняющихъ личность и творчество Гоголя, даетъ намъ право сдѣлать два маленькихъ указанія, относящихся къ этому же отдѣлу его книги. Говоря объ изученіи Гоголемъ произведеній малороссійской народной словесности и собиранія ихъ, г. Шенрокъ упустивъ изъ виду сборникъ Метлинскаго *Народныя южнорусскія пѣсни* (Кіевъ 1854 г.), гдѣ сообщенныя Гоголемъ произведенія сопровождены даже особыми помѣтками. Въ перечисленіи источниковъ *Вія* г. Шенрокъ и проф. Сумцовъ пропустили легенду, близкую къ *Вію* по содержанію, записанную г. Мордовцевымъ въ Полтавской губерніи. Она помѣщена въ его очеркѣ *Подъ небомъ Украины.*

За этюдами „Гоголь въ періодъ Арабесокъ“ и „Миргорода“ слѣдуютъ очерки „Гоголь какъ историкъ и педагогъ“,—положительно лучшіе въ книгѣ. Кромѣ тщательнаго подбора фактовъ этого періода жизни поэта, мы находимъ здѣсь прекрасный анализъ его университетскихъ лекцій и историко-драматическаго наброска „Альфредъ“. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ вполнѣ въ своей сферѣ, и намъ сдается, что научная критика болѣе сродни ему, чѣмъ художественная. Лишними кажутся намъ только двѣ послѣднія главы этого отдѣла: „О Гоголѣ какъ историкѣ“ (поле-

мика съ г. Витбергомъ) и „Типы воспитателей и задачи воспитанія по произведеніямъ Гоголя“, въ особенности послѣдняя, очень напоминающая классныя „сочиненія на тему“. Въ главѣ этой, вдобавокъ, болѣе говорится о Пушкинѣ, чѣмъ о Гоголѣ, а выводы вовсе не оправдываютъ такого искусственнаго растяженія предмета.

Книга г. Шенрока кончается разборомъ драматическихъ произведеній Гоголя. Трудно сказать что-нибудь новое по части исторіи ихъ созданія послѣ изслѣдованій Тихонравова. Въ главѣ о *Женитьбѣ* г. Шенрокъ даетъ однако удачный очеркъ генезиса этой пьесы. Въ разборѣ *Ревизора* онъ мало воспользовался интереснымъ текстомъ этой комедіи, изданнымъ въ книжкѣ *Царь-Колокола*. Тамъ очень ярко комментированы женскія лица, стушеванныя въ окончательной редакціи комедіи въ интересахъ общаго впечатлѣнія. Жаль также, что г. Шенрокъ не воспользовался современной появленію Гоголевскихъ комедій періодической печатью, не приведя ея замѣтокъ и отзывовъ, интересныхъ какъ голосъ современности. Онъ вообще мало касается критической литературы о Гоголѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть, особенно въ виду пріостановки на первомъ выпускѣ интереснаго сборника съ этой задачей г. Зелинскаго.

Г. Шенрокъ имѣетъ основаніе сѣтовать, быть-можетъ, на излишнюю придирчивость рецензентовъ къ его труду. Задача имъ на себя взятая и герой имъ выбранный объясняютъ эту требовательность. Во всякомъ случаѣ, такихъ обстоятельныхъ и добросовѣстныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, какъ его книги, у насъ не много, и мы искренно желаемъ г. Шенроку довести свой почтенный трудъ до конца.

Z.

Н. Н. Бахтинъ. *Основы русскаго правописанія.* (Правописаніе отдѣльныхъ словъ). Часть теоретическая. Варшава. 1892.

Въ системахъ правописанія отдѣльныхъ европейскихъ языковъ наблюдаемъ два начала: фонетическое и историко-этимологическое. Въ системахъ съ фонетическимъ началомъ письмо стремится выражать явленія живой рѣчи, не имѣя въ виду исторіи словъ и словосочетаній; въ системахъ съ историко-этимологическимъ началомъ наблюдается передача исторіи словъ, а согласованіе

написаній съ выговоромъ не принимается во вниманіе. Господство перваго начала правописанія видимъ, напримѣръ, у Сербовъ, втораго у Англичанъ. Современное русское правописаніе построено на обоихъ началахъ, съ преобладаніемъ втораго, но безъ точнаго разграниченія ихъ компетенцій. Установившаяся уже въ отдѣльныхъ европейскихъ языкахъ (напримѣръ, въ сербскомъ, итальянскомъ, испанскомъ) замѣна историческаго правописанія фонетическимъ даетъ право надѣяться, что согласованіе письма съ выговоромъ возможно и для другихъ языковъ, а слѣдовательно и для русскаго. Но, несмотря на вѣскія данныя въ пользу фонетическаго письма, самая неудача попытокъ ввести его, напримѣръ, у Англичанъ и Французовъ показываетъ, что и на сторонѣ исторической системы правописанія есть сильные доводы, которые легче поколебать, чѣмъ уничтожить.

Пока не явится у насъ преобразователь въ родѣ Вука Караджича и не разрѣшитъ трудной задачи русскаго правописанія такъ же удачно, какъ разрѣшилъ ее послѣдній у Сербовъ, желательное въ виду практическихъ цѣлей сближеніе русскаго правописанія съ выговоромъ все же можетъ достигаться постепенно болѣе точнымъ разграниченіемъ смѣшанныхъ въ этомъ правописаніи двухъ началъ. Если по отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ русскаго правописанія представится возможнымъ опредѣлить, когда предпочтительнѣе слѣдовать фонетическому началу, и когда историко-этимологическому, то построенная на этихъ основаніяхъ система письма будетъ по крайней мѣрѣ удовлетворять требованіямъ логики, если даже и не выразитъ вполнѣ явленій русской рѣчи. Необходимое условіе построенія такой системы заключается въ объединеніи подъ твердыми и ясно выраженными принципами тѣхъ по большей части случайныхъ, несистематическихъ завоеваній, которыя уже достигнуты фонетическимъ началомъ насчетъ этимологическаго. А такъ какъ исторія русскаго правописанія показываетъ, что эти завоеванія постепенно увеличиваются, то при разграниченіи компенціи двухъ началъ фонетическое должно преобладать.

Изъ сказаннаго ясно, что задача примѣнимой практически системы русскаго правописанія заключается въ слѣдующемъ: 1) возведя въ орѳографическіе законы тѣ случаи, гдѣ уже дѣйствуетъ фонетическое начало письма, распространить примѣненіе этихъ законовъ и на аналогичные случаи, гдѣ оно еще не утвердилось; 2) во всѣхъ случаяхъ точно разграничить области

примѣненія обоихъ началъ. При несоблюденіи перваго изъ этихъ принциповъ система правописанія не будетъ практически примѣнимою, при несоблюденіи втораго не будетъ удовлетворять теоретическимъ требованіямъ.

Разсматривая предлагаемую Н. Н. Бахтинымъ систему русскаго правописанія, видимъ, что въ ней съ достаточною ясностью различены случаи, въ которыхъ, по мнѣнію автора, желательно примѣненіе того или другаго начала правописанія. Авторъ дѣлитъ свою книгу на три главы: I—письмо, II—фонетика, III—морфологія. Указавъ, что необходимыя условія практическаго письма заключаются въ его легкости, ясности, удобствѣ и гибкости (§§ 10—16), авторъ находитъ, что приблизительно точное фонетическое письмо удовлетворяетъ этимъ четыремъ условіямъ въ большей степени, чѣмъ историко-этимологическое письмо, въ которомъ недостаетъ гибкости (§ 43), и чѣмъ научная транскрипція, не имѣющая легкости и удобства (§§ 20—24). Приблизительно точное фонетическое письмо должно передавать обще-литературную живую рѣчь (§ 47), т. е. московскій говоръ (§ 58). Вторая глава, содержащая изложеніе фонетики этого говора, раздѣлена на два отдѣла: статическая фонетика разсматриваетъ членораздѣльные звуки и ихъ сочетанія (§§ 60—253), динамическая—чередованія этихъ звуковъ (§§ 254—315). Систематически расположивъ на основаніи данныхъ акустики звуки русскаго языка, авторъ разсматриваетъ по отношенію къ напряженію и тембру гласные (§§ 96—113) и согласные (§§ 114—143). Въ составѣ сочетаній тѣ и другіе звуки могутъ быть свободными, то-есть сравнительно менѣе подчиняющимися вліянію смежныхъ звуковъ (§ 193), и несвободными (§ 194). Если несвободные звуки передавать фонетическими начертаніями, то письмо (какъ и рѣчь) будетъ имѣть случаи смысловой неясности (то-есть звуковыя совпаденія вызовутъ и совпаденіе начертаній словъ); а такъ-какъ отъ письма требуется смысловой ясности больше, чѣмъ отъ рѣчи, то и слѣдуетъ несвободные звуки передавать не фонетическимъ письмомъ, а начертаніями, указывающими на смыслъ, впрочемъ, не нарушая окончательно звуковой ясности (§§ 249—250). Что касается фонетико-морфологическихъ (§§ 267—296) и фонетико-этимологическихъ явленій (§§ 297—314), разсматриваемыхъ во второмъ отдѣлѣ этой главы, то эти явленія должны передаваться фонетически (§ 315). Третья глава разсматриваетъ морфемы (простѣйшія съ морфологической точки зрѣнія составныя части

словъ) и ихъ сочетанія (§§ 316—409). А такъ-какъ для цѣлей правописанія необходимо нѣкоторое умѣнье расчленять слова на морфемы, то второй отдѣлъ морфологіи посвященъ морфологическому анализу словъ (§§ 410—466). Примѣненіе результатовъ этого анализа къ правописанію отдѣльныхъ словъ должно выразиться въ начертаніяхъ, соотвѣтствующихъ современно (§ 39) понимаемому составу словъ (§ 471).

Удовлетворяя, какъ построеніе мысли, въ достаточной степени теоретическимъ требованіямъ, система Н. Н. Бахтина гораздо менѣе удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя уже заявлены практикой русскаго правописанія. Если даже та система, которая будетъ построена только на преобладаніи, а не на полномъ господствѣ фонетическаго начала, удовлетворитъ, какъ сказано выше, больше логикѣ письма, чѣмъ логикѣ рѣчи, то тѣмъ менѣе желательной является такая система, гдѣ фонетическому началу отводится мѣсто меньшее того, которое имъ уже занимается въ письмѣ,—а такою именно и является система автора „Основъ русскаго правописанія". Да и по заявленію его самого, „практическую цѣнность можетъ имѣть только то правописаніе, которое по возможности цѣликомъ основано на данныхъ живой рѣчи" (§ 411); но такъ какъ не эти данныя, а взятыя *a priori* положенія составляютъ исходный пунктъ выводовъ автора, то и его система, по его собственному приговору, не должна имѣть практической цѣнности.

Однимъ изъ такихъ положеній *a priori* является ученіе о передачѣ на письмѣ несвободныхъ звуковъ нефонетическими начертаніями. Одобряемыя авторомъ написанія въ родѣ *розпять*, *возтокъ*, *где*, *сдесь* (§ 252) противорѣчатъ не только даннымъ живой рѣчи, но и даннымъ исторіи языка, такъ-какъ переходъ звонкихъ согласныхъ передъ глухими въ глухіе, чувствуемый слухомъ и отчасти выражаемый въ приводимыхъ и подобныхъ случаяхъ современной ороографіей (распять, востокъ, гдѣ, здѣсь), имѣетъ примѣры въ русской письменности, начиная съ XI вѣка: *распоустьныя* (ОЕ. 74), *въстрѣбоують* (Изб. 1076.40). Древняя ороографія по отношенію къ графическому выраженію этого закона была послѣдовательнѣе современной, и предлоги *безъ*, *чрезъ*, не измѣняющіе въ современномъ письмѣ конечнаго звонкаго, слѣдовали нѣкогда тому же закону: бес памяти (Изб. 1076), чрѣсъ слоутие (Изб. 1073, 113). Желательно и въ современномъ правописаніи провести послѣдовательнѣе, а не игнорировать, какъ

дѣлаетъ г. Бахтинъ, выраженіе этого закона, яснаго въ явленіяхъ живой рѣчи и оправдываемаго исторіей русскаго письма.

Другое положеніе *a priori*, высказанное въ § 471, осуществлено въ предлагаемыхъ авторомъ написаніяхъ въ родѣ *розискъ*, *сигровка* (§ 466), по аналогіи *игра*. Эти написанія также не удовлетворяютъ ни фонетическимъ, ни историко-этимологическимъ требованіямъ. Живая рѣчь обнаруживаетъ въ приведенныхъ словахъ *ы*, а исторія языка показываетъ, что это *ы* возникло изъ *ъ* предлога+*и* кореннаго слова. И въ этомъ случаѣ древняя орѳографія была послѣдовательнѣе современной: въ древнерусскихъ памятникахъ находимъ, напримѣръ, не только *възыграся* (Арх. Ев 1092.126 об), но и *к ыному* (Ев. Пант. XII в.). Думаю, что болѣе послѣдовательное примѣненіе наблюдаемаго въ подобныхъ написаніяхъ закона также удовлетворило бы и требованіямъ живой рѣчи, и даннымъ исторіи языка.

Предѣлы журнальной рецензіи заставляютъ ограничиться высказанными возраженіями противъ общихъ положеній Н. Н. Бахтина. Присоединяю еще нѣсколько частныхъ замѣчаній по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ § 78 сказано слѣдующее о тембрѣ музыкальныхъ звуковъ: „слѣдуетъ отличать основной тембръ голоса (личный, индивидуальный характеръ голоса) отъ тембра отдѣльныхъ членораздѣльныхъ звуковъ: первый одинаковъ для всѣхъ музыкальныхъ звуковъ, произносимыхъ какимъ-нибудь однимъ человѣкомъ, послѣдній одинаковъ для каждаго отдѣльнаго членораздѣльнаго звука у всѣхъ людей, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ или говорѣ“. Такое опредѣленіе тембра, говоря словами автора, „чередуется съ нулемъ“ (§ 264): если произносимые какимъ-либо лицомъ А звуки *а*, *е*, *і* имѣютъ одинъ и тотъ же (личный) тембръ, и кромѣ того произносимое даннымъ лицомъ *а* одного тембра съ *а* лицъ В, С и т. д., *е* одного тембра съ *е* тѣхъ же лицъ и т. д., то лица А, В, С ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга по тембру голоса, а слѣдовательно и тембра, какъ совокупности признаковъ, отличающихъ одинъ музыкальный звукъ отъ другаго, не существуетъ. Но такъ какъ все-таки тембръ, наперекоръ § 78, существуетъ, то опредѣленіе его г. Бахтинымъ невѣрно.—Въ § 91 встрѣчаемъ терминъ: „безголосный гласный“, справедливо осужденный Я. К. Гротомъ.—Въ § 117 смычные согласные раздѣлены на взрывные и носовые. Нельзя признать удачной классификаціи, исходною точкой которой служитъ не одно, а нѣсколько основаній.—Въ § 180 при-

ведены фонетическія написанія: *іихъ, іимѣть;* но въ московскомъ говорѣ, фонетику котораго имѣетъ въ виду авторъ (§ 58), произносятъ *имѣть*, какъ и пишутъ.—Утвержденіе, что начальнаго *ы* не встрѣчается, должно ограничить словами: „въ современномъ правописаніи" (хотя кромѣ приводимаго авторомъ нерусскаго *ыргалазъ* можно еще назвать *ыныrга, ыныргинцы*, селеніе въ Алтаѣ—прибавл. къ *Церк. Вѣд.* 1889. № 19); въ живой же рѣчи *ы* возникаетъ изъ *и* подъ вліяніемъ предшествующаго твердаго согласнаго, какъ внутри, такъ и въ началѣ словъ.—Польск. złoty не „изъ первоначальнаго златый" (§ 180), а изъ *златъи* = *златы*. — § 202: „*житьё* — сокращеніе формы *житеё* черезъ выпаденіе звука *э*". Это утвержденіе не оправдывается исторіей языка: первая форма древнѣе второй, ибо *ь* вм. *и* передъ гласной обычно уже въ русскихъ памятникахъ XI вѣка, а переходъ этого *ь* въ *е*—съ XII вѣка.—§ 203. Написаніе *прійдти* ни съ фонетической, ни съ историко-этимологической точки зрѣнія не можетъ быть оправдано, равно какъ и *подчевать* § 397.—§ 301. Форма *золотого* (р. ед. м.) не можетъ быть названа возникшей „вслѣдствіе незнанія исторіи языка" вм. *золотаго*; первая форма исконная русская, вторая—видоизмѣненіе старо-славянской.—Въ § 385 авторъ утверждаетъ, что inf. *пекти* „нигдѣ не говорится", а въ § 380 читаемъ: „*печь* ср. малорусск. *пекти*".—Въ § 457, причисляя *е, и* къ облеченнымъ или іотованнымъ гласнымъ, авторъ смѣшиваетъ іотацію съ мягкостью.

Этимъ заканчиваю разборъ изслѣдованія Н. Н. Бахтина. Жаль, что система автора, теоретически стройная, утверждается не на тѣхъ основаніяхъ, которыя уже отчасти выработаны и исторіей письма. Когда необходимость согласованія письма съ выговоромъ сознана, задача правописанія становится ясною, а разрѣшеніе ея есть дѣло времени и усилій тѣхъ изслѣдователей, которые будутъ работать въ этомъ направленіи. Авторъ же „Основъ русскаго правописанія" двигаетъ дѣло этого правописанія не столько впередъ, сколько назадъ.

Константинъ Трушъ.

Силы природы. По наблюденіямъ I. И. Пашкова. Изданіе второе. Москва. 1893.

Мы не видали перваго изданія этой брошюры и не знаемъ, было ли оно такъ же *оригинально*, какъ и лежащее предъ нами въ настоящую минуту. Здѣсь оригинально все, начиная отъ замысловатой и довольно эффектной обложки и кончая содержаніемъ, весьма разнообразнымъ, несмотря на небольшой размѣръ брошюры (28 стр., напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ).

Авторъ *Силъ природы* проходилъ 10 марта 1887 года по набережной отъ Москворѣцкаго моста къ Воспитательному Дому и между прочимъ задалъ себѣ вопросъ, „откуда берется тѣло у животныхъ? почему изъ родившихся малютокъ выростаютъ такіе богатыри?“ „Съ того часа, говоритъ авторъ, я не могъ забыть этого вопроса, и во всякую свободную минуту дня и ночи моя мысль неуклонно развивалась, какъ кусокъ снѣга, брошенный съ горы, который, стремясь къ низу, все болѣе и болѣе увеличивается въ объемѣ и не можетъ ни остановиться, ни вернуться“.

Результаты этихъ долгихъ и упорныхъ размышленій надъ силами природы и собраны авторомъ въ этой брошюрѣ. Здѣсь есть все—тутъ вы найдете и главу „о безцвѣтности междупланетнаго пространства“ и главу „о замерзаніи воды“, „о распредѣленіи атмосферы надъ землей“ и, наконецъ, нѣсколько главъ, посвященныхъ описанію жизни дерева, какъ понимаетъ ее г. Пашковъ.

Мы не станемъ смѣяться надъ авторомъ, хотя не скрываемъ, что его произведеніе, къ сожалѣнію, можетъ дать обильную пищу для дешеваго зубоскальства мелкой прессы.

Мы скорѣе готовы выразить наши сожалѣнія по поводу того, что благія намѣренія г. Пашкова такъ неудачно осуществлены имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, кто способенъ задумываться надъ причинами, производящими окружающія насъ явленія природы, кто тратитъ свободныя минуты дня и ночи на попытки проникнуть своимъ умомъ въ тайны міровзданія — уже этимъ самымъ заслуживаетъ нашего полнаго уваженія.

Такія размышленія о силахъ природы, хотя бы и не приводящія къ новымъ и важнымъ результатамъ, могутъ имѣть только благотворное вліяніе на человѣка, ибо предметомъ своимъ имѣютъ природу, какъ чудное созданіе Всемогущаго Бога.

Приходя въ соприкосновеніе съ природой, пытаясь постичь ея сокровенныя тайны, человѣкъ облагораживается, набирается вновь духовной силы, такъ щедро имъ обыкновенно растрачиваемой на разные пустяки и мелочи, наполняющія собою нынѣ жизнь „цивилизованнаго“ человѣка.

Но для того, чтобъ эти размышленія надъ силами природы не служили только заполненіемъ досужихъ часовъ, а могли принести свою пользу, большую или малую—это все равно, чтобъ они не пропали даромъ, а заняли со временемъ свое, хотя бы и ничтожное мѣсто, въ общей сокровищницѣ знаній—необходимо соблюденіе нѣкоторыхъ условій и, главнымъ образомъ, строгая, безпощадно строгая, критика результатовъ своихъ личныхъ наблюденій.

Только въ томъ случаѣ, если тѣ выводы, къ которымъ пришелъ пытливый умъ наблюдателя природы, не противорѣчатъ ранѣе открытымъ и уже незыблемо установленнымъ законамъ, если они тщательно провѣрены опытами, если они не носятъ въ себѣ внутренняго противорѣчія, если посылки вѣрны и умозаключеніе выведено изъ нихъ вполнѣ строго—только тогда можно и должно обнародовать свои наблюденія, свои изысканія.

Скрывать ихъ долѣе—было бы преступленіемъ предъ наукой.

Къ сожалѣнію, нынче и признанные ученые иногда слишкомъ спѣшатъ съ выводами и обобщеніями своихъ изысканій, а отъ того многое въ современной наукѣ подвержено сомнѣнію и гадательно.

Съ другой стороны необходимо свои изслѣдованія излагать точнымъ, логически-научнымъ языкомъ, надо, чтобы слово точно выражало передаваемое имъ понятіе, чтобы не было мѣста никакимъ неясностямъ и двусмысленнымъ толкованіямъ.

Ни тому, ни другому условію не удовлетворяютъ наблюденія надъ силами природы г. Пашкова. Входить въ детальное разсмотрѣніе и критику по существу дѣлаемыхъ имъ выводовъ мы не будемъ, такъ какъ намъ пришлось бы излагать здѣсь элементы физики и космографіи, на что у насъ нѣтъ ни мѣста, ни времени.

Скажемъ только, что г. Пашковъ, говоря, напримѣръ, о томъ, что не можетъ быть основанія „утверждать возможность проникновенія земной влаги или испареній (?), съ такимъ слабымъ стремленіемъ, которое они имѣютъ, черезъ корни дерева, столь напряженно наполненные соками“—очевидно, совершенно незнакомъ съ явленіемъ волосности, о чемъ однако обстоятельное

изложеніе онъ можетъ встрѣтить въ любомъ учебникѣ физики и притомъ провѣрить лично простыми опытами.

Питаніе дерева г. Пашковъ объясняетъ такъ:

„Для дерева такъ же движеніе необходимо, какъ и для животной жизни. Движеніе въ деревѣ производятъ теченія вѣтровъ (!?); они своимъ потокомъ наклоняютъ дерево, которое въ свою очередь, противодѣйствуя, обращается въ прежнее прямое положеніе. Такое дѣйствіе вѣтровъ приводитъ дерево въ колебаніе, и это колебаніе, несомнѣнно, самымъ энергичнымъ образомъ обращается во влагу и поступаетъ на образованіе древесины".

Объясненіе несомнѣнно оригинальное, но и только! Серьезной критики оно не выдерживаетъ, такъ какъ не объясняетъ, какимъ же образомъ происходитъ ростъ дерева въ закрытыхъ помѣщеніяхъ—въ комнатѣ, въ теплицахъ, гдѣ, очевидно, нѣтъ никакихъ теченій вѣтровъ, и гдѣ тѣмъ не менѣе растительность иногда развивается необыкновенно пышно. Съ другой стороны изъ вышеприведеннаго объясненія естественно вытекаетъ такое заключеніе, что если дерево подвергнуть сильному трясенію, т. е. искусственно увеличить дѣйствіе вѣтровъ, то возрастаніе его и вообще развитіе ускорится...

Интересно знать, дѣлалъ ли г. Пашковъ такой опытъ? По нашему мнѣнію—это непремѣнно слѣдовало сдѣлать.

Оканчиваетъ г. Пашковъ свою брошюру патетическимъ обращеніемъ къ природѣ и сожалѣніемъ о безсмысленной рубкѣ лѣсовъ...

„О, могучая мать природа, говоритъ онъ, всѣми воспѣтая и всѣми оставленная! Кто только не нарушалъ твоей строгой заботливости о жизни земной...

„Одни воспѣваютъ и славятъ, другіе рубятъ и рѣжутъ; и безстройный ладъ пилы съ топоромъ, и стройные звуки инструментовъ, и гулъ падающихъ гигантовъ—все сливается вмѣстѣ...

„Теперь иные звуки, теперь иныя пѣсни. Обнаженныя болота и ручьи высыхаютъ, озера и рѣки мелѣютъ, дѣло урожаевъ пошло подъ гору, мать природа обезсилена; всюду засуха".

Къ этимъ сѣтованіямъ автора мы, конечно, вполнѣ присоединяемся, да, я думаю, и всякій присоединится, кто не окончательно потерялъ, не только поэтическое чувство, но и простое элементарное чувство самосохраненія, заботливости о будущемъ, для кого девизомъ жизни не сдѣлалось еще ужасное „après nous le deluge!"

А. Ш.

2) ИНОСТРАННАЯ.

Introduction à la psychologie du musicien par L. Dauriac. Paris. 1891. F. Alcan éd.

Psychologie du peintre par L. Arréat. Paris. 1892. F. Alcan éd.

„Истинное произведеніе искусства“, говоритъ Гёте въ своей статьѣ о Лаокоонѣ, „подобно созданіямъ природы, вѣчно останется неисчерпаемымъ для нашего разума; мы его созерцаемъ, мы имъ проникаемся, оно воздѣйствуетъ на насъ, но постигнуть его вполнѣ мы все же собственно не можемъ, а тѣмъ менѣе можемъ въ словѣ выразить его сущность и его достоинство.“

Справедливость этого замѣчанія, принадлежащаго великому художнику и глубочайшему знатоку искусства, ощущается особенно живо, когда мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, съ произведеніями музыки, которыя обыкновенно не возбуждаютъ въ нашемъ представленіи никакихъ конкретныхъ, яркихъ образовъ, но заставляютъ насъ послѣдовательно переживать рядъ душевныхъ настроеній, зачастую съ трудомъ поддающихся какому бы то ни было опредѣленію или анализу. Въ этомъ случаѣ слово дѣйствительно оказывается совершенно безсильнымъ для воплощенія тѣхъ психическихъ состояній, тѣхъ тончайшихъ оттѣнковъ чувства, тѣхъ многоразличныхъ органическихъ ощущеній и ихъ сочетаній, которыя вызываются въ насъ музыкой. Но, спрашивается, сильнѣе ли оно по отношенію къ другимъ искусствамъ? Попробуйте подыскать точную формулу для выраженія всей совокупности впечатлѣній, получаемыхъ вами отъ картины, статуи, лирическаго стихотворенія, драмы. Какъ передадите вы иллюзію, производимую разнообразными комбинаціями красокъ и линій, прихотливою игрою свѣта и тѣни? Какъ изобразите вы бѣдными средствами обыденной рѣчи мягкую, полупрозрачную бѣлизну мрамора, строгій тонъ бронзы, нѣжные изгибы поверхностей, красоту положеній, чарующую прелесть формъ? Какъ опишете гармонію ритма, потокъ созвучій, богатство поэтическихъ символовъ, сравненій, метафоръ, возвышенный полетъ мысли, заключенной въ оболочку выпуклаго, живаго образа и украшенной обаятельными цвѣтами фантазіи? Въ лучшемъ случаѣ вамъ удастся выразить лишь *нѣкоторую долю* пережитыхъ впечатлѣ-

ній, но и тогда душевные процессы, вызванные произведеніемъ искусства, отразятся въ словѣ далеко не со всею ихъ интенсивностью, не во всей ихъ полнотѣ и глубинѣ.

Дѣло еще болѣе осложнится, когда вы зададитесь мыслью на основаніи данныхъ непосредственнаго воспріятія опредѣлить *общій смыслъ* художественнаго произведенія, его внутреннее значеніе, его идею. Извѣстный афоризмъ Вильгельма Гумбольдта, гласящій, что „всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и непониманіе, а всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ и несогласіе“, въ этомъ случаѣ цѣликомъ находитъ себѣ оправданіе. Вспомните, сколько споровъ велось и ведется донынѣ о великихъ созданіяхъ искусствъ. Кто дерзнетъ, напримѣръ, утверждать, что въ гётевскомъ *Фаустѣ* или шекспировскомъ *Гамлетѣ* не осталось уже ничего невыясненнаго и неразгаданнаго, что гравюры Дюрера постигнуты во всѣхъ подробностяхъ, что значеніе милосской Афродиты съ точностью опредѣлено, что необозримая литература, порожденная Сикстинскою Мадонной Рафаэля, не оставила мѣста для новыхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ? И не случалось ли вамъ самимъ многократно, возвращаясь снова и снова къ художественнымъ произведеніямъ, серьезно занимавшимъ нѣкогда вашъ умъ, видѣть ихъ въ новомъ свѣтѣ, открывать въ нихъ новыя стороны, а иногда даже и существенно измѣнять свою первоначальную точку зрѣнія на нихъ?

Да, истинныя произведенія искусства неисчерпаемы для нашего разума, какъ говоритъ Гёте, — неисчерпаемы потому, что горизонты, ими открываемые, слишкомъ широки и необъятны. Они стоятъ неизмѣримо выше уровня средняго пониманія и оттого являются факторами, способными могущественно воздѣйствовать на нашу психію, будить нашу мысль, подстрекать наше воображеніе, трогать чувство и служить для насъ источникомъ сильнаго душевнаго подъема. По мѣрѣ возростающей сложности пріобрѣтаемаго нами опыта и накопляемыхъ нами познаній таинственный міръ искусства, правда, становится намъ доступнѣе и ближе, а трудный языкъ художественныхъ образовъ—роднѣе и понятнѣе. Но не въ томъ ли именно и кроется истинная причина неотразимой притягательности великихъ продуктовъ художественнаго генія, что они все же не даютъ окончательнаго отвѣта на вызываемые ими вопросы и, дразня нашъ умъ, возбуждая въ насъ пытливость, открываютъ просторъ для нашей самодѣятельности? Не оттого ли такъ глубоко западаютъ въ

душу производимыя ими впечатлѣнія, что въ нихъ таятся элементы экстатическаго воздѣйствія, — что они пробуждаютъ къ жизни дремлющія въ насъ самихъ творческія силы и устанавливаютъ незримую связь между нами и тою чудесною лабораторіей, въ которой возникли?

Эта лабораторія—свободный духъ художника, и проникнуть въ нее настолько глубоко, насколько возможно, изслѣдовать природу и опредѣлить условія художественнаго творчества, выяснить, что̀ именно дѣлаетъ музыканта музыкантомъ, а живописца живописцемъ, поставили своею задачей авторы тѣхъ сочиненій, заглавія которыхъ стоятъ въ началѣ нашей статьи. Правда, и по объему, и по характеру изложенія, и по самому методу разработки вопроса, эти сочиненія весьма различны между собою, но сходство избранныхъ ихъ авторами темъ можетъ оправдать наше желаніе, несмотря на такое различіе, разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Въ ходячемъ представленіи художественное творчество признается существенно отмѣннымъ отъ творчества научнаго, и самое названіе „*творчества*“ закрѣплено собственно только за нимъ. При этомъ художнику приписывается особенная, болѣе тонкая организація, дѣлающая его непохожимъ на другихъ людей. Онъ и мыслитъ, и чувствуетъ не такъ, какъ всѣ люди. Онъ—высшая, избранная натура, не подходящая подъ уровень толпы. Возьмите любое сочиненіе по эстетикѣ, и вы встрѣтитесь съ этимъ воззрѣніемъ. Оно повторяется во всѣхъ біографіяхъ художниковъ, сквозитъ въ критическихъ статьяхъ о предметахъ искусства и, повидимому, подтверждается и фактами исторіи, и наблюденіемъ надъ современностью. Прочтите отзывы Гёте о живописцѣ Тишбейнѣ (въ „Путешествіи по Италіи“), о поэтѣ Гюнтерѣ (въ „Поэзіи и правдѣ моей жизни“), о Ленцѣ (тамъ же), вспомните сужденіе Гейне о Францѣ Листѣ, сообщенія Вазари о Микель Анджело, слова Маколея о Мильтонѣ или, напримѣръ, поэтическій образъ художника Михайлова въ романѣ Л. Н. Толстаго „Анна Каренина“. Вездѣ вы встрѣчаете указанія, какъ на характеристическія черты, на необычайную остроту, чуткость и отзывчивость чувствъ, силу воображенія, воспріимчивость къ прекрасному, способность быстро схватывать и вѣрно воспроизводить, даръ памяти, находчивость и остроуміе, умѣнье открывать въ предметахъ стороны и улавливать черты, которыхъ никто другой и не запримѣтилъ бы, свойство быстро и свободно преодолѣвать техническія трудно-

сти, плодовитость и неутомимость и т. п. Нетрудно однако видѣть, что всѣ подобныя характеристики страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: точные научные термины въ нихъ уступаютъ мѣсто метафорамъ и уподобленіямъ, природа художественнаго генія изображается картинно или же обозначается такими признаками, которые сами по себѣ представляютъ величины неизвѣстныя или неопредѣленныя. Несмотря на всю талантливость описаній, особенности артистической натуры какъ-то не укладываются въ вашемъ умѣ въ отчетливый и связный комплексъ ясныхъ представленій, а процессы художественнаго творчества продолжаютъ оставаться попрежнему загадочными и таинственными. Очевидно, что или та дѣятельность сознанія, которую мы именуемъ творческою силой, вообще не подлежитъ анализу, какъ достояніе немногихъ исключительныхъ натуръ, — и такой выводъ приблизилъ бы насъ къ младенческому воззрѣнію древняго человѣка, смотрѣвшаго на художника, какъ на кудесника и чародѣя, на избранника неба и носителя божественнаго откровенія,— или же эта дѣятельность остается доселѣ непознанною только по недостаточности метода и, такъ сказать, эластичности матеріала, къ тому же не изучавшагося послѣдовательно и не сгруппированнаго систематически. Я смѣло говорю: *непознанною*,— потому что вѣдь не довольно же установить тождество между процессомъ творчества съ одной стороны и тѣмъ умственнымъ процессомъ—съ другой, который проявляется въ объясненіи явленій, въ классификаціи предметовъ, въ предсказаніи слѣдствій, въ изобрѣтеніи: если мы утверждаемъ, что въ этихъ процессахъ дѣйствуетъ *одинъ* коренной законъ человѣческаго духа,—законъ ассоціаціи по сходству,—то все ли этимъ сказано? и должны ли мы отказаться отъ попытки съ большею точностью опредѣлить ихъ видовыя различія?

Такое опредѣленіе представляетъ, несомнѣнно, задачу чисто-психологическую, и для рѣшенія этой задачи имѣется много данныхъ: они заключены, во-первыхъ, въ самыхъ продуктахъ творчества, носящихъ на себѣ яркій отпечатокъ особливой, художественной апперцепціи предметовъ и явленій дѣйствительности, а, во-вторыхъ, во всемъ томъ, что достовѣрно извѣстно о жизни и дѣятельности художниковъ изъ ихъ личныхъ воспоминаній, дневниковъ, переписки или изъ сообщеній ихъ современниковъ, родныхъ, друзей и учениковъ. Ихъ портреты, черновые наброски, невыполненные планы, эскизы, очерки, помѣтки на поляхъ

любимыхъ книгъ, афоризмы—все это драгоцѣнный матеріалъ для психолога, замыслившаго изслѣдовать генезисъ художественнаго творчества и начертать его теорію, ибо во всемъ этомъ отпечатлѣвается психическая жизнь артиста. И чѣмъ богаче будетъ запасъ такихъ частныхъ фактовъ и наблюденій, тѣмъ надежнѣе будутъ общіе выводы и точнѣе опредѣленія.

Разумѣется, что сложная работа эта должна производиться по частямъ. Ея хватитъ на нѣсколько поколѣній. И нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ тому, что г. Дорьякъ ограничилъ область своего изученія одними вопросами *психологіи музыканта*, а г. Арреа сосредоточилъ свое вниманіе лишь на *психологіи живописца*. Да и при такомъ суженіи поля зрѣнія неизбѣжны и недосмотры, и неполнота, и неточности, и ошибки въ классификаціи.

Небольшая книжка Дорьяка есть не что иное, какъ вступительная его лекція, прочтенная въ Монпелье при открытіи курса философіи въ мѣстной Faculté des lettres. Въ ней, естественно, лишь намѣчаются вопросы, рѣшеніе которыхъ выходитъ за предѣлы поставленныхъ себѣ авторомъ рамокъ. Это въ сущности не изслѣдованіе, а только программа изслѣдованія,—введеніе къ нему. Послѣ общихъ предварительныхъ замѣчаній о важности спеціальнаго изученія отдѣльныхъ психологическихъ типовъ, авторъ распространяется о свойствахъ языка музыкальныхъ тоновъ, какъ средства художественнаго выраженія, и различаетъ въ области искусства, располагающаго этимъ средствомъ, два рода художественной дѣятельности: дѣятельность композитора съ одной стороны и виртуоза-исполнителя — съ другой. Иногда таланты композитора и виртуоза совмѣщаются въ одномъ лицѣ, но это не необходимо, какъ не необходимо и рѣдко совмѣщеніе въ одномъ лицѣ талантовъ драматурга и драматическаго артиста. Притомъ виртуозъ, одаренный творческимъ воображеніемъ, вноситъ больше новыхъ, субъективныхъ элементовъ въ исполненіе чужой музыки, нежели чтецъ или актеръ—въ текстъ возсоздаваемаго ими чужаго поэтическаго произведенія. „Такъ въ искусствахъ словесныхъ“, замѣчаетъ Дорьякъ, „переводчикъ можетъ возвыситься до сотрудничества съ авторомъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ рѣзче оттѣняетъ блѣдныя краски своего оригинала или сгущаетъ черты, едва въ немъ намѣченныя, онъ нерѣдко обнаруживаетъ зачатки творческихъ способностей. Поднимите температуру тѣла до извѣстной сте-

пени,—и если температура не перестанетъ возрастать и дальше, тѣло измѣнитъ свой видъ. Такимъ же самымъ образомъ допустите, что тѣ специальныя свойства воображенія, которыя отличаютъ виртуоза отъ чтеца или переводчика, станутъ безпредѣльно расти,—и окажется, что воображеніе испытало метаморфозу: наступила дѣятельность творчества. Въ музыкѣ подобныя метаморфозы встрѣчаются столь часто, что почти составляють правило". Въ самомъ дѣлѣ, сплошь и рядомъ слова музыкальнаго лексикона и нотные знаки оказываются недостаточными для полнаго выраженія мысли композитора, и виртуозу предоставляется либо угадать эту мысль, либо въ данныя музыкальныя формы вложить *свою*, внести *свое* чувство и *свое* пониманіе. Долженъ ли онъ изъ уваженія къ чужому произведенію подавлять въ себѣ это проявленіе творческой силы? На такой вопросъ трудно отвѣтить. Зачастую это даже и не въ его силахъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ безусловныхъ эстетическихъ императивовъ, нѣтъ правилъ, которымъ бы можно было подчинить свободно дѣятельность художника, нестѣсненно черпающаго въ сферѣ искусства средства и матеріалы, пригодные для воплощенія его идей.

Дорьякъ заключаетъ свою работу немногими замѣчаніями о дилеттантизмѣ въ музыкѣ и о музыкальной критикѣ. Замѣчанія эти, впрочемъ, еще болѣе суммарны и бѣглы, нежели все остальное изложеніе. Повторяемъ, предѣлы лекціи, быть-можетъ, и не допускали болѣе серьезной обработки столь сложнаго и обширнаго предмета, какъ психологія музыканта, но въ разсматриваемой книжкѣ все же, намъ кажется, слишкомъ много мѣста удѣлено фразѣ, которою такъ легко и такъ опасно увлечься въ трактатѣ о музыкѣ. И если тѣмъ не менѣе мы обращаемъ вниманіе читателя на сочиненіе Дорьяка, то это потому, что оно все же открываетъ цѣлую перспективу вопросовъ первостепенной важности и глубокаго интереса, разсмотрѣніемъ которыхъ и самъ французскій ученый обѣщаетъ заняться въ одномъ изъ дальнѣйшихъ своихъ трудовъ.

На чисто фактической почвѣ возникло второе изъ означенныхъ выше сочиненій,—довольно объемистая „Психологія живописца", принадлежащая перу Л. Арреа́. Авторъ этой книги приступилъ къ своему предмету съ большимъ запасомъ историческихъ свѣдѣній и во всеоружіи общей философской подготовки. Онъ не гнался за излишнею картинностью слога, зачастую при-

крывающею шаткость аргумента или банальность мысли; напротивъ, онъ старался излагать свои теоретическія соображенія какъ можно проще и яснѣе, почерпая для нихъ матеріалъ въ объективныхъ данныхъ дѣйствительности. Имъ не руководили предвзятыя идеи,—факты и одни лишь факты положены въ основаніе его книги. „Сотрудниками моими", говоритъ онъ въ предисловіи, „были сами живописцы, и самыми любопытными своими свидѣтельствами я обязанъ сношеніямъ съ ними. Читатель встрѣтится съ ними на каждой страницѣ и найдетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности или какими проявляютъ себя въ своихъ произведеніяхъ, — симпатичными или непріятными, посредственными или превосходными, во всякомъ же случаѣ всегда интересными."

Сочиненіе г. Арреа́ распадается на двѣ неравныя половины. Въ первой изъ нихъ авторъ трактуетъ о психо-физическихъ особенностяхъ, характеризующихъ извѣстныхъ живописцевъ, причемъ внимательно разбираетъ вопросъ о наслѣдственности таланта, о тѣхъ признакахъ, которыми опредѣляется призваніе къ живописи, о раннемъ проявленіи артистическаго дарованія, о воспріимчивости живописцевъ къ оптическимъ эффектамъ, о ихъ зрѣніи, о такъ-называемой „профессіональной памяти" и проч. Во второй половинѣ разсматриваются обнаруживаемыя живописцами черты *ума* и *характера*. Эта вторая половина, очевидно, имѣла въ глазахъ автора особенно важное значеніе, а потому онъ и придалъ ей болѣе обширные размѣры. Наконецъ, какъ бы въ видѣ приложенія, двѣ послѣднія главы заключаютъ въ себѣ обзоръ отклоненій отъ нормальнаго типа: это какъ бы *патологія живописца*, — изложеніе тѣхъ формъ заболѣваній, уродствъ и недостатковъ, къ которымъ живописецъ можетъ быть предрасположенъ въ силу самой своей профессіи.

Мы не станемъ утруждать читателя разборомъ деталей интересной работы Л. Арреа́, такъ какъ это завело бы насъ очень далеко, но не можемъ не высказать одного общаго соображенія по поводу этой работы, — и не о томъ, что̀ въ ней есть, а о томъ, чего, по нашему мнѣнію, ей недостаетъ.

Выше была рѣчь объ источникахъ, которыми располагаетъ изслѣдователь для разрѣшенія вопроса о видовыхъ отличіяхъ умственнаго процесса, проявляющагося въ художественномъ творчествѣ, отъ другихъ процессовъ, съ нимъ однородныхъ. Свойство этихъ источниковъ таково, что каждый изъ нихъ отражаетъ въ

себѣ лишь нѣкоторую, иногда даже весьма малую долю душевной жизни художника, а слѣдовательно мы, стремясь къ возсозданію полной картины психической организаціи послѣдняго, не должны упускать изъ виду ни одного изъ нихъ. Авторъ разсматриваемой книги нѣсколько односторонне строитъ свои выводы почти исключительно на основаніи свидѣтельствъ біографій, мемуаровъ, дневниковъ, признаній, писемъ и т. п., оставляя какъ бы въ тѣни данныя самихъ произведеній искусства. Но вѣдь каждое произведеніе искусства прежде всего есть чисто-психическій феноменъ: оно завершаетъ собою рядъ психическихъ дѣятельностей, совокупность которыхъ составляетъ то, что мы называемъ творческимъ процессомъ. На немъ всегда лежитъ неизгладимая печать всѣхъ свойствъ души художника, дѣлающихъ его именно тѣмъ, что̀ онъ есть. Анализъ художественныхъ произведеній можетъ раскрыть предъ нами эти свойства и *опредѣлить ихъ отношеніе къ общимъ свойствамъ человѣческой психіи*. Путемъ такого анализа обнаружится, какіе именно акты сознанія участвуютъ въ произведеніи того или другаго художественнаго эффекта и какую степень интенсивности элементарныхъ психическихъ процессовъ въ творцѣ картины, статуи или стихотворенія позволяютъ предположить отдѣльныя черты послѣднихъ. Такимъ образомъ внимательное изученіе произведеній искусства въ цѣломъ и въ частяхъ способно уяснить намъ ихъ генезисъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и признанія самихъ художниковъ или сообщенія свидѣтелей ихъ выполненія. Художественное дарованіе не легко постижимо въ своей сущности, и къ рѣшенію вопросовъ теоріи художественнаго творчества приходится подступать съ различныхъ сторонъ. Быть можетъ даже, чтобы не дѣйствовать ощупью и наугадъ, полезно было бы намѣтить напередъ программу этихъ вопросовъ въ видѣ готовыхъ предположеній, требующихъ фактическаго подтвержденія и провѣрки. Въ этомъ случаѣ изслѣдователю не угрожала бы опасность затеряться въ лабиринтѣ подробностей, имѣющихъ лишь кажущееся отношеніе къ предмету его изученія и находящихся съ нимъ лишь въ отдаленной, внѣшней, случайной связи. Невольно вспоминается намъ при этомъ, напримѣръ, утвержденіе Арреа́, будто живописцы по большей части питаютъ отвращеніе къ картамъ, къ шахматамъ и вообще къ играмъ, требующимъ разсчета и соображенія (стр. 103). Не можемъ не усомниться въ томъ, насколько вправѣ мы придавать существенное значеніе подобнымъ чертамъ, когда

дѣло идетъ о выясненіи особенностей художественнаго дарованія. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ даже, что выше приведенное утвержденіе справедливо: спрашивается, какую же научную цѣну оно имѣетъ, разъ мы достовѣрно знаемъ, что съ другой стороны математическій разсчетъ отнюдь не противенъ живописцамъ, что многіе изъ нихъ были выдающимися математиками и что въ аргиво-сикіонской школѣ математическія занятія процвѣтали. Не опасно ли обобщать черты ума или характера, о которыхъ говорятъ намъ біографіи артистовъ, и устанавливать такимъ образомъ внутреннее соотношеніе между этими чертами и природой артистическаго дарованія? Нѣтъ ли регуляторовъ, способныхъ оберечь отъ такой методической ошибки?..

Одна ласточка не дѣлаетъ весны. Попытка французскихъ ученыхъ положить начало изученію психологіи художника заслуживаетъ привѣта и признательности, но покамѣстъ она имѣетъ лишь значеніе простаго указанія на научную область, требующую внимательнаго изслѣдованія. Книги, послужившія поводомъ къ настоящей замѣткѣ, не только не разрѣшаютъ затронутаго ими вопроса, но даже не даютъ ему надлежащей научной постановки.

А. Деревицкій.

Le Maréchal Ney, par H. Welchinger; Plon et &. 1893.

Книга Вельшингера заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе всего хода суда надъ маршаломъ Неемъ, обстоятельствъ, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ, и постепеннаго поворота общественнаго мнѣнія въ пользу казненнаго героя послѣ его смерти, которое выразилось сооруженіемъ ему памятника въ 1853 году.

Именно въ настоящее время, когда французское общество всецѣло занято борьбой политическихъ партій, такого рода историческое изслѣдованіе должно имѣть особенно важное значеніе. Процессъ Нея не есть простой судъ надъ преступникомъ, а одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ великой народной драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются всѣ государства Европы, а главными двигателями дѣйствія—политическія страсти, перешедшія всякіе предѣлы. О справедливости и безпристрастіи, т. е. элементарныхъ правилахъ судопроизводства, здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ самый судъ являлся продуктомъ борьбы стра-

стей и партій, и потому, при всемъ очевидномъ участіи къ судьбѣ Нея, авторъ изслѣдованія не беретъ на себя высказать свое мнѣніе по вопросу о дѣйствительной виновности маршала и справедливости претерпѣннаго имъ наказанія, а даетъ намъ полный и яркій очеркъ той эпохи, послѣдовательный отчетъ засѣданій суда и подробную характеристику лицъ, изъ которыхъ многимъ суждено было сдѣлаться товарищами Нея по измѣнѣ, а впослѣдствіи судьями его преступленія. Субъективное отношеніе автора къ изображаемымъ имъ событіямъ выражается имъ лишь изрѣдка, нехотя и какъ бы вскользь, но книга написана такъ живо и съ такимъ захватывающимъ интересомъ, что говоритъ сама за себя, и невольно, доходя до развязки этой кровавой драмы, читателя охватываетъ то же чувство, которымъ проникнуты слова молодаго герцога Бролье, когда онъ отказывался произнести приговоръ надъ маршаломъ: „Такого рода дѣла по самому свойству своему и значенію превосходятъ мѣру суда человѣческаго".

Въ первыхъ трехъ главахъ книги находится подробное описаніе похода Нея противъ бывшаго императора, измѣны маршала и кратковременнаго владычества Наполеона, окончившагося сраженіемъ при Ватерлоо. Главное достоинство этой части книги заключается въ томъ, что тутъ авторъ сумѣлъ представить, такъ сказать, нравственную сторону совершившагося переворота и выяснить настоящія причины, побудившія Нея перейти на сторону Наполеона. Прощаясь съ королемъ при отъѣздѣ изъ Парижа, Ней выражалъ по поводу высадки Бонапарта сильное негодованіе, которое было сочтено за притворство впослѣдствіи, когда на судѣ старались доказать преднамѣренность измѣны. О послѣднемъ не могло быть и рѣчи, — этотъ фактъ теперь уже вполнѣ выясненъ исторіей. Ней дѣйствительно вначалѣ имѣлъ твердое намѣреніе остаться вѣрнымъ присягѣ, данной королю, но при видѣ возраставшаго въ народѣ и войскѣ энтузіазма, его самого, какъ онъ признается потомъ, охватило общее теченіе. И вотъ 14 марта онъ послѣ кратковременнаго совѣщанія съ двумя изъ подчиненныхъ ему генераловъ, читаетъ войску на площади мѣстечка Lons-le-Saulnier прокламацію, въ которой заявлялъ о своемъ переходѣ на сторону Наполеона. Она начиналась словами: „Дѣло Бурбоновъ проиграно совсѣмъ", и кончалась воззваніемъ: „Солдаты, мнѣ часто приходилось вести васъ къ побѣдѣ. Теперь хочу присоединить васъ къ той славной арміи, которую императоръ Наполеонъ ведетъ въ Парижъ. Она придетъ

туда черезъ нѣсколько дней, и тамъ навѣки осуществятся наши надежды на счастіе. Да здравствуетъ императоръ"! Можетъ-быть, другой на мѣстѣ Нея и сумѣлъ бы остаться вѣрнымъ присягѣ, но въ то время самое понятіе о *власти* было настолько сбивчивымъ, благодаря частымъ смѣнамъ правительствъ во Франціи, что при извѣстныхъ условіяхъ вѣрность государю могла быть сочтена за измѣну отечеству. Чтобъ разобраться въ такой запутанной и сложной борьбѣ, нуженъ былъ тонкій умъ, а его то именно и недоставало храбрѣйшему изъ храбрыхъ. Онъ очутился въ положеніи титана, гибнущаго отъ усилія физическимъ трудомъ одолѣть препятствіе, которое побѣдить можетъ только мудрость Бога. Нею могло бы еще помочь разобраться въ этой путаницѣ понятій чувство личной привязанности къ государю, права котораго онъ посланъ былъ защищать, но правительство реставраціи сдѣлало все, чтобъ оттолкнуть отъ себя армію и ея представителей и уязвить ихъ съ самой чувствительной стороны ихъ самолюбія. Ней не могъ забыть мелкихъ оскорбленій, нанесенныхъ его женѣ придворными дамами. Къ тому же у Нея былъ кумиръ, передъ которымъ онъ преклонялся со всѣмъ фанатизмомъ своей прямолинейной натуры; этимъ кумиромъ была слава французской арміи. Въ то время, когда онъ считалъ Наполеона способнымъ воскресить эту славу, Ней готовъ былъ душой и тѣломъ передаться ему и, какъ левъ, дрался за него при Ватерлоо. Послѣ этого неудачнаго сраженія онъ понялъ, что все равно смыслъ жизни для него утраченъ, и потому спокойно сталъ ожидать своей участи. Съ тѣмъ же безразличнымъ равнодушіемъ передался онъ самъ въ руки полиціи, посланной на розыски его по возвращеніи въ Парижъ Людовика XVIII.

Далѣе слѣдуетъ описаніе суда надъ нимъ. Вельшингеру удалось достать то, что Французы называютъ „le dossier de l'affaire" со всѣми относящимися къ нему документами, и потому его изслѣдованіе отличается замѣчательною точностью во всемъ, что касается мельчайшихъ подробностей. Вначалѣ Нея было рѣшено судить военнымъ судомъ, но въ первомъ же засѣданіи своемъ 10 октября судъ призналъ это дѣло неподсуднымъ себѣ, согласившись съ представленіемъ защитниковъ маршала, Бурръе отца и Дюпена, что Нея, какъ пера Франціи, можетъ судить только Палата Перовъ. Маршалъ Монсей, назначенный вначалѣ предсѣдателемъ военнаго суда, прямо отказался взять на себя эту

обязанность и сообщилъ объ этомъ королю письмомъ, гдѣ говоритъ, что не признаетъ за Франціей права судить героя, потому что Ней всегда сражался за нее, и въ случаѣ войны ей не найти болѣе вѣрнаго и надежнаго защитника. Остальные маршалы тоже охотно сложили съ себя эту обязанность при первомъ же поводѣ, хотя, быть-можетъ, изъ менѣе благородныхъ побужденій, а вслѣдствіе сознанія, что сами были участниками преступленія, которое были призваны судить. Такимъ образомъ дѣло было перенесено въ Палату Перовъ. Вначалѣ маршалъ и его защитники думали, что этимъ дѣло будетъ выиграно, но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться въ противномъ. Дѣло въ томъ, что Палата Перовъ не могла относиться иначе, какъ враждебно, къ Нею. Значительная часть ея состояла изъ старинной французской аристократіи, которой Ней былъ ненавистенъ, какъ представитель враждебной имъ партіи бывшихъ сподвижниковъ Наполеона, а остальными, бывшими товарищами Нея по оружію, руководили тѣ же побужденія, что и членами военнаго суда. Кромѣ того Палатѣ приходилось считаться съ требованіями иностранныхъ дипломатовъ, настаивавшихъ на обвинительномъ приговорѣ Нею. А такъ какъ Франція въ ту пору все-таки состояла по отношенію къ союзнымъ государствамъ въ роли побѣжденнаго къ побѣдителямъ, всякое давленіе извнѣ поневолѣ должно было имѣть значительный вѣсъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что предсѣдателемъ Палаты Перовъ былъ герцогъ Ришелье, у котораго интересы его родины уравновѣшивались выгодами его пріемнаго отечества, Россіи. Кромѣ того общественное мнѣніе, этотъ покорный слуга господствующей въ государствѣ партіи, всецѣло было противъ Нея. Всего было пять засѣданій Палаты. Въ первыхъ двухъ былъ прочитанъ обвинительный актъ, и затѣмъ прокуроръ Белляръ произнесъ рѣчь, гдѣ старался доказать преднамѣренность измѣны. Беррье попытался сначала построить защиту на незаконности суда за преступленіе, въ которомъ обвиняли его кліента, но этому ему не удалось, и онъ попросилъ нѣсколько дней отсрочки, чтобъ успѣть приготовить рѣчь. Этой отсрочкой воспользовалась также жена Нея, чтобъ обратиться къ союзнымъ державамъ съ просьбой о заступничествѣ, но всѣ старанія ея остались тщетными. 4 декабря возобновились засѣданія Палаты и продолжались безъ перерыва до 6-го. Были выслушаны свидѣтели, и затѣмъ Беррье въ своей рѣчи заявилъ, что главною защитой для подсудимаго

должна служить двѣнадцатая статья Парижской капитуляціи 3 іюля 1815 года, подписанная членами временнаго правительства и представителями союзныхъ державъ, въ которой прямо сказано, что „никого не будутъ преслѣдовать за то, что занимаетъ какую-либо должность, за поведеніе или политическія убѣжденія". На эти слова защитниковъ канцлеръ отъ лица Палаты отвѣтилъ запрещеніемъ упоминать о приведенномъ ими актѣ. На это защитники, по желанію Нея, заявили, что имъ остается только замолчать, и вмѣстѣ съ подсудимымъ удалились изъ залы засѣданія. Началось совѣщаніе судей, которымъ было поставлено два вопроса: о виновности и мѣрѣ наказанія. Приговоръ суда извѣстенъ. Насколько тяжело было впечатлѣніе, произведенное рѣшеніемъ на самихъ судей, свидѣтельствуютъ выписки изъ нѣкоторыхъ мемуаровъ, приводимыя Вельшингеромъ. Описаніе послѣднихъ часовъ жизни Нея и казни его составлено авторомъ на основаніи общественныхъ записокъ графа Рошшуара и не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ развѣ разсказа о томъ, какъ узнала жена маршала о его смерти. Она съ утра отправилась во дворецъ, въ надеждѣ добиться аудіенціи у короля и вымолить у него помилованіе; ей пришлось прождать въ передней около двухъ часовъ, по прошествіи которыхъ въ дверяхъ появился герцогъ Дюрасъ и смущеннымъ голосомъ проговорилъ: „Сударыня, аудіенція, которой вы добиваетесь, не имѣла бы смысла теперь"... Несчастная поняла, что все кончено, и ее пришлось почти безъ чувствъ отвезти домой.

Послѣдняя глава книги посвящена краткому описанію дальнѣйшей судьбы семейства Нея, вдова и сыновья котораго никакъ не могли примириться съ темнымъ пятномъ, наложеннымъ на память маршала приговоромъ суда. Они не переставали требовать, чтобы рѣшеніе Палаты Перовъ было признано неправильнымъ, пока, наконецъ, Франція въ 1853 году сооруженіемъ памятника Нею на самомъ мѣстѣ его казни окончательно не примирилась съ однимъ изъ самыхъ виновныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великихъ гражданъ своихъ.

Богатство собраннаго матеріала и строгая критическая оцѣнка при выборѣ его дѣлаютъ это сочиненіе Вельшингера, также какъ и его первое историческое изслѣдованіе „О герцогѣ Энгіенскомъ", цѣннымъ вкладомъ въ науку и вмѣстѣ интересною книгой для общей массы читателей. Къ числу достоинствъ автора слѣдуетъ также отнести безпристрастіе, довольно рѣдкое, въ особенности,

у французскихъ историковъ: въ одномъ только случаѣ это качество нѣсколько измѣняетъ ему—это тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Талейранѣ, ненависть къ которому невольно прорывается даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать; но это упрекъ совершенно частный, и совсѣмъ не касается общаго тона всей книги.

Е. Г.

Alex. d'Arc. La Steppe. 1 vol. Paris 1893 (Calman Levy).

Благодаря распространенности у насъ съ XVIII в. французскаго языка и литературы, появленіе франко-русскихъ авторовъ значительно предшествовало франко-русскому сближенію. Въ началѣ вѣка французскій языкъ настолько господствовалъ въ образованіи высшаго круга, что даже политическіе враги Франціи, какъ Растопчинъ, замѣтки и письма свои писали по-французски. Русская дама, г-жа Свѣчина пріобрѣла славу какъ французская писательница, въ извѣстномъ лагерѣ считающаяся даже классическою. Рожденная Растопчина, графиня Сегюръ — одна изъ популярныхъ дѣтскихъ писательницъ во Франціи, написавшая чуть не половину извѣстной „Bibliotheque Rose". Дипломаты по-французски излагали свои домыслы, музыкальный критикъ Улыбышевъ на томъ же языкѣ написалъ пространное сочиненіе о Моцартѣ. Время отъ времени появлялись романисты и романистки, носящіе русскія имена, но совершенно невѣдомые въ Россіи, поучавшіе Французовъ насчетъ нашего отечества. Таковы: гг. Nicolas de Jerebtzoï, de Semenoff, Pierre Nevsky, г-жи Багрѣева-Сперанская, Шабельская и др., а въ послѣднее время обратившая на себя *Дневникомъ* своимъ вниманіе всего образованнаго міра, талантливая Башкирцева. Романъ, заглавіе котораго выписано выше, принадлежитъ также къ этой странной международной группѣ литературныхъ произведеній.

Усиливаются ли авторы такихъ книгъ замѣнить ими необходимую литературу переводовъ или чувствуютъ они въ себѣ такое знаніе Россіи и такую способность просвѣтить на ея счетъ иностранцевъ, что прямо обращаются къ нимъ съ своею рѣчью? Названные авторы не проявили такихъ знаній и такихъ претензій не оправдали. Вотъ еще книга съ тѣми же задачами, вышедшая въ наши дни, въ эпоху политическаго сближенія двухъ

націй и сравнительно бо̀льшаго знакомства Французовъ съ Россіей. Появилась она у одного изъ первыхъ парижскихъ издателей и рекомендуется Пьеромъ Лоти, извѣстнымъ писателемъ и академикомъ.

Дѣйствіе романа Алекс. д'Аркъ происходитъ въ Новороссіи, съ ея смѣшаннымъ населеніемъ, среди котораго преобладаетъ малороссійскій народный элементъ. Мы въ помѣстьи очень богатаго землевладѣльца, графа Маврина, семья котораго есть средоточіе всѣхъ добродѣтелей. Помощникъ графскаго управляющаго, Грицько, красавецъ и рыцарь чести, любитъ крестьянскую дѣвушку Марику, служащую работницей у священника, отца Ивана. Противъ этой любви и предполагаемаго брака, со злобой покинутой женщины, вооружается жена главноуправляющаго, Ксенія, съ которою добродѣтельный Грицько состоялъ раньше въ связи. Задумавъ отмстить Грицько и погубить Марику, она беретъ помощницей себѣ старую жидовку Сарру, занимавшуюся сомнительною медицинскою помощью и всякими темными дѣлишками и, въ свою очередь, ненавидящую жену священника, у котораго служитъ Марика, за изобличеніе разныхъ вредныхъ ея продѣлокъ. Ксенія вооружаетъ противъ Грицька своего мужа. Устраиваются пропажи мѣшковъ съ хлѣбомъ изъ графскихъ амбаровъ съ такою обстановкой, что всѣ улики падаютъ на Грицька. Пустые мѣшки подбрасываютъ въ его комнату, а его самого, когда онъ засѣлъ караулить воровъ, запираютъ въ сарай, гдѣ сложенъ хлѣбъ. Какъ бы пойманный на мѣстѣ преступленія, онъ долженъ оставить службу у Мавриныхъ и лишается ихъ довѣрія. Съ другой стороны Сарра овладѣваетъ совершенно довѣріемъ Марики, поклявшись содѣйствовать всѣми силами браку ея съ Грицькомъ. Послѣ многихъ наставленій, она убѣждаетъ Марику зажечь на чердакѣ дома священника, въ отсутствіи его и жены и когда въ домѣ останется одинъ лишь ребенокъ, какія-то травы, которыя не дадутъ пламени, а превратятся лишь въ пепелъ, имѣющій чудодѣйственное свойство. Результатомъ, какъ и слѣдовало ожидать, является пожаръ дома священника. Ребенка спасаютъ графъ и Грицько, а уличенная и сознавшаяся во всемъ Марика открываетъ всю правду. Участіе въ дѣлѣ Сарры ведетъ къ открытію коварныхъ замысловъ управляющаго и его сообщника и друга Сарры, жида Мошки, а это обстоятельство открываетъ и главную виновницу Ксенію, являющуюся, въ силу поговорки: „cherchez la femme“, главною

пружиной во всей этой махинаціи. Порокъ несетъ заслуженное возмездіе, а добродѣтель получаетъ приличную награду.

Бо̀льшая часть сценъ романа связана съ жизнью семьи Мавриныхъ, къ которой, какъ къ центру, тянутся всѣ нити дѣйствія. Отдѣльные эпизоды имѣютъ цѣлью рисовать типы помѣщиковъ и помѣщичью жизнь въ Новороссіи. Эти попытки отличаются тою же наивностью и тѣмъ же незнаніемъ жизни. Наблюдателемъ, предъ которымъ развертывается разсказанная драма, является гость Мавриныхъ, маркизъ де-Фавроль, французскій дипломатъ изъ Бухареста, поучающійся насчетъ Россіи и проводящій параллели между нею и своею родиной.

Авторъ, начитанный въ литературѣ шаблонныхъ французскихъ романовъ, выкроилъ свое произведеніе совершенно по ихъ типу. Перемѣните имена, нѣкоторыя мелкія подробности, и романъ можетъ происходить во Франціи или гдѣ угодно. Письмо Лоти, напечатанное какъ предисловіе (онъ подымаетъ въ немъ завѣсу надъ псевдонимомъ автора, обращаясь къ нему со словомъ „princesse"),—очевидно, не болѣе какъ простая любезность, да по прочтеніи романа и сомнѣваешься, чтобы даровитый авторъ „Pecheur d'Jslande" дѣйствительно читалъ это произведеніе. Отбывая повинность литературныхъ знаменитостей, онъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь его перелисталъ. Судьей же по части вѣрности колорита и бытовыхъ подробностей на этотъ разъ онъ и совсѣмъ быть не можетъ. А колоритъ и подробности, въ общемъ представленные очень слабо, отличаются курьезами, какихъ нельзя было бы и ждать отъ автора, хотя пишущаго по-французски, но въ девяносто третьемъ году, „apres Cronstadt", и все же Русскаго по происхожденію. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Во время сбора ягодъ въ имѣніи Мавриныхъ, чтобы не лакомиться ими, дѣвушки, по приказанью ключницы Прасковьи, все время поютъ... народный гимнъ (стр. 153). Ямщикъ Павло является къ Маврину *во фракѣ* просить, чтобы тотъ устроилъ его женитьбу. Уходя, онъ произноситъ тираду во вкусѣ французскихъ мелодрамъ, прижимая къ груди Георгіевскій крестъ (стр. 193).

Помѣщикъ Борольскій, образцовый агрономъ, заблудившись позднею ночью въ полѣ, узнаетъ дорогу, ощупавъ только выоранныя борозды и взявъ горсть земли въ руку. Слыша выраженія удивленія при видѣ такой прозорливости, онъ скромно замѣчаетъ:

— Когда самъ наблюдаешь за всѣмъ, достаточно знаешь свои поля, чтобы выйти такимъ способомъ изъ затрудненія (стр. 312).

— Сосѣдъ Мавриныхъ Студенко поступаетъ въ гродненскіе гусары потому только, что панталоны этого полка—цвѣта малины его, любимой ягоды. По той же причинѣ онъ назвалъ свою деревню Малиновкой (стр. 220).

Это образчикъ „юмора“ автора, а вотъ образецъ естественности рѣчи его героевъ. Крестьянинъ Грицько объясняется съ ревнующей его управительскою женой Ксеніей:

— Въ чемъ, въ концѣ-концовъ, можешь ты меня упрекнуть? Не обманывала ли ты меня прежде? Правда, я тебя любилъ и, Богъ свидѣтель, со всѣмъ пыломъ первой юности. Я отдалъ бы тогда за тебя жизнь, но ты пренебрегла мною и вышла замужъ за человѣка, котораго никогда не любила, вышла единственно ради его богатства. Я былъ бѣденъ. Думала ли ты тогда о томъ, что̀ дѣлаешь, думала ли ты о моей скорби? Я былъ бы вѣренъ до гроба. Если я вновь вернулся къ тебѣ потомъ, то ты знаешь, Ксенія, что ужь не съ прежнею любовью. Нѣтъ, та любовь умерла. Къ тому же не я пришелъ къ тебѣ, а ты ко мнѣ. И если я склонился на твои мольбы, то, быть-можетъ, чтобы доставить лишь себѣ удовольствіе мщенія, такъ-какъ я былъ слишкомъ оскорбленъ тобою, и мнѣ отрадно было опять сознать тебя въ своей власти. Но я понялъ скоро, что настроеніе, которое влекло меня къ тебѣ, было только чувственнымъ увлеченіемъ и что въ сердце моемъ не осталось ничего больше тебѣ принадлежащаго и проч. (стр. 89).

„Россія своеобразная страна, которую мы не можемъ понять“, говоритъ Французъ Фавроль въ концѣ этого романа. Несомнѣнно, однако, что не такія книги какъ *Степь* г-жи Д'Аркъ объяснятъ Россію иностранцамъ.

Z.

Les chansons de la Bretagne (Пѣсни Бретани), par Anatole le Braz. 1892.

Почти у всѣхъ народовъ Европы существуетъ, въ томъ или другомъ видѣ, сказка о бѣдной дѣвушкѣ-крестьянкѣ, попавшей во дворецъ и затмившей всѣхъ блестящихъ придворныхъ дамъ красотой, граціей и непринужденною простотой обхожденія. Не потому ли такъ дорогъ народной поэзіи этотъ типъ, что въ немъ

она невольно видитъ отраженіе себя самой? Поэтическій образъ этой сказачной героини невольно припоминается, когда читаешь сборникъ стихотвореній Анатоля ле-Браза на мотивы Бретонской поэзіи. Современные французскіе поэты довели стихъ до высокой степени совершенства гладкостью ритма и изяществомъ метафоръ, но слишкомъ большая изысканность его, не оставляя воображенію читателя никакой работы, значительно охлаждаетъ впечатлѣніе. Вотъ почему особенно отрадно видѣть новый сборникъ стихотвореній въ народномъ духѣ на французскомъ языкѣ. У ле-Браза, несомнѣнно, большой талантъ, но едва ли онъ могъ бы такъ чутко подслушать и правдиво передать мотивъ Бретани, еслибы самъ не былъ горячо любящимъ сыномъ ея. Трогательною тревогой за пріемъ, который окажутъ его дѣтищу, звучатъ строфы перваго стихотворенія „Au seuil d'un livre", служащаго какъ бы введеніемъ къ книжкѣ:

J'ai laissé l'âme bretonne
Chanter en moi son doux chant;
Il est vieux et monotone,
Il n'en est que plus touchant.

C'est la chanson de nourrice,
Dont enfant je fus bercé;
Humblement consolatrice
Elle enchanta mon passé.

Si je pouvais la redire
Aussi bien que je la sais,
On l'entendrait, sans sourire,
Même au grand pays français...
. . . .

Mais que vaudra-t-il ce psaume
Du vieux peuple primitif,
Sans la hutte au toit de chaume,
Sans la mer au coeur plaintif?

Hélas! j'ai peur qu'on en rie,
Et j'en serais désolé!
C'est le chant de la patrie
Chanté par un exilé.

И дѣйствительно, эти пѣсни—художественный очеркъ жизни, быта и нравовъ Бретани; въ нихъ мы видимъ рядъ живыхъ картинъ семейныхъ и народныхъ празднествъ Бретонцевъ, своеобразныхъ и по обрядамъ своимъ, и по господствующему въ нихъ настроенію. Какъ извѣстно, почти все мужское населеніе Бретани большую часть года проводитъ на морѣ, у береговъ Исландіи, гдѣ занимается рыбною ловлей, а домой возвращается только на три зимнихъ мѣсяца, которые всецѣло посвящены отдыху и веселью. Сознаніе избѣгнутыхъ опасностей и въ то же время неизбѣжной близости новыхъ, постоянная борьба съ природой и созерцаніе лицомъ къ лицу грозныхъ силъ ея наложили на характеръ Бретонцевъ отпечатокъ суроваго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то полусознательнаго фатализма. Лирическій элементъ ихъ поэзіи потому такъ безыскусственно правдивъ, что является слѣдствіемъ не случайнаго настроенія или возбужденныхъ нервовъ, а тихой грусти, навѣянной постояннымъ присутствіемъ таинственнаго призрака смерти. Эта скорбная нотка особенно слышна въ пѣсняхъ моряковъ, откуда авторомъ сборника заимствованы лучшія изъ его стихотвореній, какъ, напримѣръ: „Les épaves“, „L'âme des matelots“, „A Paimpol“ и др. Оригинальны, какъ по формѣ, такъ и по странному сочетанію въ нихъ покорности судьбѣ съ страстною тревогой за судьбу близкихъ, пѣсни Бретонскихъ женщинъ, которыя поются ими въ тѣ долгіе вечера, когда онѣ, сидя за пряжей, поджидаютъ возвращенія мужей, отцовъ и братьевъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ:

Dans un coffret de vieux chêne
Mon coeur jeune est enfermé.
Quand ma mort sera prochaine,
Vous direz à mon aimé;

Vous direz à mon aimé,
Quand ma mort sera prochaine,
Que mon coeur est enfermé
Dans le coffret de vieux chêne.

Sur le coffret de vieux chêne
Par un artisan famé
Vous ferez sculpter la chaîne
Qui me lie à mon aimé.

Une chaîne en fleurs de mai
Qui s'enroule autour du chêne,
Pour que mon coeur embaumé
Sente moins la mort prochaine.

L'amour est comme une chaine,
Qui vous lie au seul aimé.
Dans un coffret de vieux chaine
Mon coeur gît inanimé.

Нѣкоторые пріемы въ этой пѣсни, да и во многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, повтореніе послѣдней строчки одного стиха въ началѣ слѣдующаго, очень напоминаютъ русскую народную поэзію, которой онѣ нѣсколько сродны также по общему тону господствующаго въ нихъ настроенія. Можетъ-быть, да и очень вѣроятно, что ле-Бразъ, какъ поэтъ, будетъ раньше оцѣненъ въ Россіи, нежели въ своемъ отечествѣ, гдѣ его до сихъ поръ довольно мало знаютъ. Во всякомъ случаѣ такой книжкѣ нельзя не пожелать распространенія: по свѣжести чувства и изящной простотѣ выраженія она представляетъ выдающееся явленіе въ современной литературѣ Франціи.

Е. Г.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ВИЛЬНЫ.

Война Жмудиновъ противъ Русскихъ письменъ.

Наконецъ Жмудины, или вѣрнѣе благопріятели ихъ, повели регулярную войну противъ русскихъ письменъ, двинувши противъ нихъ великія силы всякаго оружія: и авторитетъ варшавскаго генералъ-губернатора Гурко, и авторитетъ профессора В. И. Ламанскаго, и примѣръ Всемірной лингвистики, и примѣръ Россійской Академіи Наукъ, и прецедентъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и заявленіе Виленскаго Учебнаго Округа, и показанія статистики, и многое другое изъ мелкаго вооруженія. Все это сгруппировано въ статьѣ, напечатанной въ *Русской Жизни* текущаго года № 60, подъ заглавіемъ: „Литовскій языкъ и русскій шрифтъ".

Пойдемъ на встрѣчу этому „сонму силъ". Но прежде я долженъ сказать нѣчто о группирователѣ ихъ, самомъ авторѣ статьи. Онъ скрылъ свое имя подъ буквою „Я",—слѣдовательно явился съ своими „силами" анонимно. Зачѣмъ? Если анонимность извинительна въ иныхъ случаяхъ, то отнюдь не въ настоящей статьѣ, имѣющей полный характеръ академическаго трактата. Потому эта, не вызываемая содержаніемъ статьи, безымянность невольно возбуждаетъ въ читателѣ подозрѣніе „камня изъ-за угла", подвоха, нечистаго дѣла, съ которымъ авторъ боится явиться предъ публикою подъ своимъ именемъ. За симъ приступимъ къ статьѣ.

Она начинается указаніемъ мотивовъ введенія русскихъ письменъ въ литовско-жмудскій языкъ, чтобы „частію облегчить Литовцамъ доступъ къ государственному языку и просвѣщенію, частію оградить ихъ національное самосознаніе и развитіе отъ постороннихъ вліяній, и главнымъ образомъ отъ полонизма". Вполнѣ справедливо. Далѣе статья говоритъ: „Предполагалось, что книги, печатанныя русскимъ шрифтомъ, замѣнятъ съ теченіемъ времени прежнія литовскія и упрочатъ русскую школу среди Литовцевъ". И это вѣрно. „Предполагалось" потому, что *не* предполагалось, что муравьевская система чрезъ какія-нибудь пять лѣтъ будетъ смѣнена въ краѣ потаповскою системою ломанія и торможенія всего, что дѣлалъ Муравьевъ, и что „потаповщина" будетъ продолжаться потомъ цѣлую четверть вѣка. Потому, естественно, и случилось то, что изображается далѣе въ статьѣ: „Но опытъ показалъ, что если въ общемъ намѣченная цѣль почти вовсе не достигается, то въ частностяхъ получаются иногда результаты, даже противоположные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду. Число литовскихъ книгъ русскимъ шрифтомъ является ничтожнымъ въ сравненіи съ книгами печатанными латинскимъ шрифтомъ и ввозимыми въ край контрабандою". И это вѣрно. Но эта мѣра только раздѣлила судьбу прочихъ муравьевскихъ мѣръ къ возстановленію и утвержденію въ краѣ русской народности, государственности и Православія, каковы: располяченіе западнорусскаго католичества, русская народная школа и русское землевладѣніе въ краѣ. Слѣдовательно, виноваты не мѣра, а люди,— тѣ „служилые люди", которые небрежно или предательски дѣлали „дѣло государево".

Но нѣкоторые посмотрѣли на дѣло иначе,—усумнились въ его раціональности, исполнимости, справедливости. Во главѣ таковыхъ статья приводитъ варшавскаго генералъ-губернатора Гурко, будто бы, въ засѣданіи варшавскаго Статистическаго Комитета, сказавшаго: „Не было ли ошибкою съ нашей стороны заставить Литовцевъ принять русскій шрифтъ?" *Не было.* Въ старое время русскій языкъ и русскія письмена были во всеобщемъ употребленіи на Литвѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ „Статутъ Литовскій" (то-есть Законы Великаго Княжества Литовскаго), на русскомъ языкѣ и русскими письменами печатанный въ Вильнѣ канцлеромъ Сапѣгою въ XVII вѣкѣ, и множество древнихъ актовъ всякаго рода, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ и Центральномъ Архивѣ. Особенно замѣчательна приписка въ концѣ

„Статута“, что всѣ дѣла въ великомъ княжествѣ должны вершиться на русскомъ языкѣ русскими письменами.

Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи на Жмуди, не только между Русскими, но между коренными Литовцами, и что̀ всего замѣчательнѣе, онъ былъ въ повсемѣстномъ употребленіи въ костелахъ. На немъ, по свидѣтельству историка Ярошевича, говорили проповѣди, писали молитвы, катехизисы и мѣсяцесловы. Въ 1492 году великій князь Александръ далъ Жмуди „земскую привилегію“ на русскомъ языкѣ. Но въ 1569 году явились въ край іезуиты; въ 1608 году Жмудь уже была наполнена іезуитскими монастырями и школами. Эти враги Православія и русской народности принялись ожесточенно преслѣдовать и истреблять все имѣвшее отношеніе къ Православію и русской народности. Въ Литвѣ было до тридцати типографій, печатавшихъ книги на русскомъ языкѣ и русскими письменами. По словамъ историка Ярошевича, іезуиты и Поляки собирали и жгли на площадяхъ руками палачей кучи русскихъ книгъ и рукописей, въ которыхъ говорилось о Православіи и русской жизни: были истреблены такимъ образомъ цѣлыя библіотеки и типографіи. На истребленіе русскихъ книгъ Поляки смотрѣли, какъ на религіозный подвигъ. Радзивилъ Сиротка, воспитанникъ іезуитовъ, истратилъ огромную сумму денегъ на пріобрѣтеніе и сожженіе письменныхъ русскихъ памятниковъ. Нѣкто Маціовскій получилъ санъ кардинала за то, что сжегъ тридцать тысячъ русскихъ книгъ. Замойскій получилъ санъ епископа за подобные же подвиги къ уничтоженію въ краѣ „схизмы“, то-есть всего напоминающаго о Православіи и русской народности, (Ярошевичъ „Obraz Litwy“ кн. III прим. 169). Благодаря этимъ мѣрамъ, на Жмуди, до второй половины XVII вѣка говорившей и писавшей по-русски, въ концѣ этого вѣка русскія письмена совершенно исчезли. Но должно ли это навсегда такъ остаться? Не должны ли письмена Св. Кирилла возвратить свое древнее достояніе, подъ эгидою государства, высоко поднявшаго хоругвь св. братьевъ—просвѣтителей Славянства?

И къ фонетикѣ литовско-жмудскаго языка русскія письмена вполнѣ подходятъ. И въ бытовомъ отношеніи русскія письмена Жмудину благодѣтельны, дѣлая доступнѣе для него и администрацію, и судъ и школу. Но главная суть въ томъ, что латинскія письмена для Жмудина важны не какъ латинскія письмена, а какъ *польскія*, какъ средство ополяченія Жмуди и Литвы,—и

важны не ему самому, а стоящему позади его Поляку; и русскія письмена ненавистны не Жмудину, а стоящему позади его Поляку, — и ненавистны, какъ мѣра, парализующая ополяченіе Жмуди и Литвы. А ополяченіе Литвы—Жмуди уже зашло такъ далеко, что оставаться долѣе въ дремотѣ и ничего недѣланьѣ значитъ подвергать крайней опасности русскіе государственные интересы. Профессоръ Кояловичъ въ 1886 году въ *Церковномъ Вѣстникѣ* писалъ: „Я узналъ, что есть мѣстности, гдѣ еще недавно говорили по-литовски, а теперь говорятъ по-польски". Въ *Русскомъ Дѣлѣ*, въ статьѣ, „Голосъ Православнаго изъ Западной Руси (1888 № 17) мы читаемъ: „До настоящаго времени въ литовскомъ краѣ, среди народа, хотя и изучается русскій языкъ въ школѣ, въ сношеніяхъ съ русскою полиціею, судомъ и въ войскѣ, но тѣмъ не менѣе онъ остается по старому *хлопскимъ* языкомъ, и только польскій языкъ признается за языкъ *панскій*; ибо на немъ говорятъ паны и ксендзы. Вотъ почему Жмудинъ, отвѣдавшій кое-какой культуры, спѣшитъ заговорить по-польски, и свою жмудскую фамилію на „айтисъ" замѣнить польскою на „скій" и превратиться въ Поляка". Не такъ давно еще Жмудинъ, будучи „добрымъ католикомъ", любилъ жить особнякомъ. У него все было свое собственное: свой жмудскій „бискупъ", свои ксендзы непремѣнно изъ Жмудиновъ, для приготовленія которыхъ была своя жмудская семинарія; былъ у него свой молитвенникъ на жмудскомъ языкѣ; дополнительное богослуженіе, проповѣдь и вся костельная литература на томъ же языкѣ. Русскій языкъ Жмудину былъ мало извѣстенъ, а польскій былъ ненавистенъ. Помѣщики-Поляки на Жмуди могли говорить съ своею жмудскою прислугою и крестьянами только пожмудски, для чего сами должны были учиться этому языку. Но съ семидесятыхъ годовъ положеніе этого края быстро измѣнилось. Жмудскій „бискупъ", хотя и Жмудинъ по происхожденію, несомнѣнно ведетъ свое дѣло въ польскомъ духѣ и интересѣ. Для доказательства я сошлюсь на его рѣчь при недавнемъ посѣщеніи имъ Поневѣжа, сказанную имъ сначала по-польски и потомъ имъ же повторенную по-жмудски. Самъ онъ — Жмудинъ; говорилъ Жмудинамъ: зачѣмъ же онъ говорилъ по-польски?.. Многіе ксендзы, теперь служащіе на Жмуди, суть или природные Поляки, или ополяченные Жмудины; польскій языкъ болѣе и болѣе вводится въ богослуженіе, проповѣдь и весь костельный бытъ. Польскій молитвенникъ повсюду вытѣсняется жмудскимъ

молитвенникомъ. Жмудины распѣваютъ польскіе гимны не только по охотѣ, но и по неволѣ, потому что ихъ ксендзы грозятъ не допустить къ причастію тѣхъ, кто не научится или не захочетъ пѣть польскіе гимны и читать польскія молитвы. Даже между собою теперь Жмудины изъ молодыхъ стараются щеголять умѣньемъ говорить по-польски. Въ послѣднее время въ Петербургѣ образовалось жмудское благотворительное общество, имѣющее и свои увеселительныя собранія: и на самыхъ первыхъ собраніяхъ появились Поляки; польскій языкъ получилъ на нихъ широкое употребленіе; а когда одинъ молодой Жмудинъ заговорилъ по-русски, то отъ него всѣ начали сторониться, какъ отъ зараженнаго проказой. Между тѣмъ Жмудь занимаетъ весьма опасную мѣстность, примыкая съ одной стороны къ Пруссіи, а съ другой къ нашимъ польскимъ населеніямъ. Можемъ ли мы относиться индифферентно къ такой опасности? Можемъ ли мы не употребить *всѣхъ* средствъ въ нашей власти къ устраненію ея? Не знаемъ ли мы, что въ послѣдній польскій мятежъ онъ сильнѣе и долѣе всего свирѣпствовалъ на Жмуди, гдѣ ксендзы были главными возбудителями и руководителями его?

Территоріальное положеніе Жмуди возбуждаетъ мысль, нѣсколько разъ возникавшую уже и прежде, о ненормальномъ административномъ раздѣленіи ея. Жмудь, или, какъ она сама себя называетъ, „святая Жмудь", населяетъ плотною массою милліона въ два душъ сѣверную часть Виленской губерніи и наибольшую часть Ковенской и Сувалкской. Но административно она раздѣлена между Виленскимъ генералъ-губернаторствомъ, къ которому принадлежитъ Виленская и Ковенская губерніи, и Варшавскимъ, къ которому принадлежитъ Сувалкская губернія. Отъ этого раздѣленія происходитъ большой вредъ для русскихъ интересовъ въ краѣ и большое удобство для польской интриги: оно дѣлаетъ Сувалкскую губернію большою обузою для Варшавскаго генералъ-губернаторства, и парализуетъ мѣропріятія Виленскаго, потому что задачи того и другаго управленія совершенно различны. Что̀ въ одномъ управленіи имѣетъ послѣднее значеніе, то въ другомъ имѣетъ первостепенную важность; что̀ въ одномъ управленіи возбуждаетъ сомнѣніе, составляетъ еще вопросъ, то въ другомъ управленіи, внѣ всякаго сомнѣнія, не составляетъ никакого вопроса. Литва-Жмудь никогда не тянула къ Варшавѣ; а съ Вильною она составляла одно. Потому и въ настоящее время она *вся* должна зависѣть отъ Вильны, и Сувалкская губернія

должна быть присоединена къ Виленскому генералъ-губернаторству. На сомнѣніе же генерала Гурко я могу сказать, что введеніе русскихъ письменъ въ жмудскій языкъ въ муравьевскій періодъ не только *не* „было ошибкою“, но въ это время въ Вильнѣ уже возникала мысль о „возстановленіи письменъ Св. Кирилла“ въ самой русской Польшѣ, какъ древнѣйшемъ ихъ достояніи. Тогда осуществленіе и этого плана не почиталось труднымъ.

Дѣйствительно, тогда думалось слѣдующее: интеллигентные Поляки болѣе или менѣе знакомы съ русскими письменами, равно пригодными для русскаго и польскаго языковъ. Слѣдовательно имъ только стòитъ *захотѣть* возвратиться къ своимъ древнимъ письменамъ. Для простаго же сельскаго народа Привислинскаго края слѣдуетъ преподавать русскія письмена вмѣсто латинки. Съ этою цѣлью должно: 1) издать „кириллицею“ польскую азбуку и разсылать ее даромъ по сельскимъ школамъ; 2) издать „кириллицею“ польскій католическій молитвенникъ, нѣсколько небольшихъ популярныхъ научныхъ и религіозныхъ книгъ и небольшой сборникъ болѣе извѣстныхъ польскихъ стихотвореній и пѣсенъ; 3) издавать „кириллицею“ небольшую польскую народную газету и разсылать ее даромъ по сельскимъ школамъ и гминамъ; 4) прекратить въ предѣлахъ Россіи печатаніе польскихъ азбукъ „латинкою“. Къ сотрудничеству въ этомъ дѣлѣ можно привлечь всѣхъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ Поляковъ. Въ случаѣ недостатка въ Привислинскомъ краѣ сельскихъ учителей изъ Поляковъ, способныхъ и расположенныхъ къ осуществленію этой мѣры, можно пополнять его сельскими учителями изъ Западной Россіи, достаточно знакомыми съ польскимъ языкомъ, каковыхъ всегда можно имѣть въ изобиліи, особенно при хорошемъ вознагражденіи.

Подойдетъ ли „кириллица“ къ польской фонетикѣ?—Подойдетъ наилучшимъ образомъ, какъ она подходила къ ней прежде, какъ она подходитъ ко всякому славянскому идіому. Напротивъ, въ „латинкѣ“ недостаетъ многихъ буквъ для полнаго выраженія польскихъ звуковъ, потому что нѣкоторые звуки въ польскомъ языкѣ изображаются нѣсколькими латинскими буквами вмѣстѣ, къ другимъ буквамъ придѣланы разные перечертки и хвостики.

А „что̀ станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна?“ Что̀ станетъ говорить Европа? Что̀ станетъ говорить *Вѣстникъ Европы?* Пусть ихъ говорятъ, что̀ хотятъ. Пора перестать быть Фамусовыми; пора быть хозяевами у себя дома. Впрочемъ, мы

можемъ сказать имъ и кое-какіе резоны. О культурныхъ Полякахъ мы не думаемъ: хотятъ они—принимаютъ „кириллицу“, не хотятъ—не принимаютъ. Намъ дорогъ народъ Привислинскаго края. Въ бывой „Жечи Посполитой“ были ксендзъ, панъ, шляхта: но не было народа; а было только вмѣсто него „быдло“. Изъ этого „быдла“ Русскій Государь создалъ „людей“,—и эти „люди“ потому должны быть сопричтены къ народу Русскаго Государя, къ Русскому народу, должны *слиться съ нимъ всецѣло...* Осуществленіе этой идеи должно быть краеугольнымъ камнемъ нашей привислинской политики, *какъ всеславянская миссія Русскаго государства.* Въ этомъ мы должны брать для себя примѣръ съ другихъ, съ самихъ Поляковъ. Что они дѣлаютъ въ Галичинѣ и Буковинѣ съ русскими населеніями? Издавна уже стараются ввести „латинку“ между ними въ русскій языкъ, вмѣсто „кириллицы“. Особенно ревностно занимался этимъ дѣломъ намѣстникъ Галиціи, графъ Голуховскій, который исходатайствовалъ у австрійскаго правительства на то разрѣшеніе. Съ этою цѣлію были составлены „латинкою“ русская азбука, книга для начальнаго чтенія, нѣсколько общихъ популярныхъ книгъ и положено было издавать „латинскую“ русскую газету, подъ названіемъ *Русь*. Но австрійскіе Нѣмцы скоро смекнули, что чрезъ слитіе такимъ путемъ русской народности съ польскою послѣдняя весьма усилится, что тогда было весьма нежелательно правительству этой пѣгой имперіи, потому замыселъ Голуховскаго былъ заторможенъ. Но Поляки на этомъ не остановились. Они заказали Кулишу состряпать азбуку, которая была бы похожа и на „кириллицу“ и на „латинку“, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляла бы русскихъ Малороссіи и Галичины отъ „москалей“. И Кулишъ состряпалъ такую азбуку, сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ „кулишовки“. Но и эту азбуку Полякамъ не удалось ввести въ письмена Русскихъ Галичины. Въ послѣднее время они придумали такъ-называемую „фонетику“, нѣчто въ родѣ „кулишовки“, и успѣли сдѣлать ее обязательною въ школахъ и оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ для Русскихъ Галичины.

Нелишнимъ почитаю привести здѣсь еще слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно, папа Левъ XIII далъ черногорскимъ католикамъ дозволеніе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго, но далъ это дозволеніе подъ условіемъ, что ихъ богослужебныя книги будутъ печататься исключительно „глаголицею“, этою „абракадаброю“ западно-славянскихъ населеній, из

мышленною папизмомъ, чтобы оторвать ихъ отъ восточныхъ Славянъ и теперь „святымъ" отцомъ" пущенною въ ходъ для предохраненія ихъ отъ сліянія съ ненавистною „Москвою" чрезъ употребленіе „кириллицы". А мы сомнѣваемся, „не было ли ошибкой вводить письмена св. Кирилла даже тамъ, гдѣ они употреблялись уже многіе вѣка́ и гдѣ того требуетъ и благо частнаго населенія и благо государственное!..

Профессоръ В. И. Ламанскій бывшія въ этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества пренія по поводу доклада г. Кузнецова „о вредѣ запрещенія печатать литовскія книги латинскимъ шрифтомъ" резюмировалъ такъ, что „по его мнѣнію, слѣдуетъ предоставить Литовцамъ полную свободу выбора; пусть они общими силами вырабатываютъ тотъ или другой шрифтъ или оба одновременно, если такова дѣйствительная потребность". Такъ приводятся слова профессора въ разсматриваемой статьѣ *Русской Жизни*. Послѣдняя часть мнѣнія г. Ламанскаго представляется не имѣющею никакого значенія: „вырабатывать" латинскій шрифтъ и русскій нечего,—оба давно „выработаны", и оба употреблялись Жмудинами цѣлые вѣка; потому вопросъ заключается только въ томъ, возстановить ли на Жмуди русскія письмена, или оставить въ ней „латинку?"

Еще нелѣпѣе предложеніе „выработать оба шрифта одновременно". Да для чего это? И возможно ли это?—Но первая половина мнѣнія вполнѣ ясна: „слѣдуетъ предоставить Литовцамъ полную свободу выбора". Сказано въ истинно „научномъ" либеральномъ духѣ, какъ подобаетъ „человѣку науки". Но, увы, научные, абстрактные абсолютные тезисы плохо гармонируютъ съ дѣйствительностью, отовсюду обставленною условностью. А эта условность совершенно измѣняетъ отвлеченныя положенія науки Такъ и здѣсь. Достопочтенный профессоръ сказалъ: „полную свободу", тоесть ни сторона „латинки", ни сторона „кириллицы" не должны дѣлать ни малѣйшаго „давленія" на Жмудина въ его выборѣ себѣ письменъ. Наше четверть-вѣковое ничего-недѣланье въ дѣлѣ жмудскихъ письменъ, полагаю, достаточно гарантируетъ, что съ нашей стороны можетъ быть предоставлена Жмудинамъ „полная свобода выбора"; но возможна ли она со стороны „латинки?" Что̀ скажутъ о перемѣнѣ ея на „кириллицу" бискупъ, ксендзъ, панъ?—Можетъ-быть, самъ собою, Жмудинъ склонился бы къ принятію русскихъ письменъ, какъ письменъ всего быта русскаго государства, въ сто-милліонномъ населеніи котораго Жмудь ис-

чезаетъ, какъ капля въ морѣ: но этого никогда не позволитъ стоящій позади его ксендзъ, Полякъ или ополяченный Жмудинъ. А власть ксендза надъ католикомъ вообще и надъ Жмудиномъ въ особенности хорошо извѣстна. Онъ есть полный властелинъ, диктаторъ душъ своихъ прихожанъ,—и Жмудинъ никогда не захочетъ того, чего не захочетъ его ксендзъ. Думалъ ли объ этомъ профессоръ Ламанскій? А если думалъ, то какъ же думать намъ о его научномъ либерализмѣ? Не попалъ ли онъ въ колею тѣхъ нашихъ „либераловъ науки", которые весьма болѣютъ душою о чужихъ интересахъ и въ грошъ не ставятъ своихъ отечественныхъ?

Въ статьѣ *Русской Жизни* говорится: „Пусть русскій алфавитъ вполнѣ удовлетворяетъ фонетическимъ требованіямъ литовско-жмудскаго языка, не насилуя ни одного изъ его нарѣчій: но нельзя также оспаривать, что латинскій употребляется лингвистами всего міра, и что Академіи Наукъ разрѣшено печатать имъ ученые труды по литовскому языку". Французскіе, нѣмецкіе лингвисты употребляютъ латинскій алфавитъ потому, что это есть ихъ общій алфавитъ; русскіе лингвисты употребляютъ русскія письмена; греческіе—свои греческія. Вообще же высшія научныя изслѣдованія, каковы лингвистическія, не могутъ служить примѣромъ для книгъ популярныхъ. Еще менѣе можетъ служить тому примѣромъ Академія Наукъ, къ которой вполнѣ можно приложить пословицу: „Quod licet Iovi, non licet bovi," — что позволительно высшей ученой конфратеріи, то непозволительно простымъ людямъ.

Далѣе въ статьѣ указывается, что „и въ народной средѣ распространено нѣсколько изданій латинкою, о разрѣшеніи которыхъ хлопотали въ разное время представители римско-католическаго духовенства". Объ этомъ можно только жалѣть. Это свидѣтельствуетъ только о крайней неустойчивости нашей западно-русской политики.

Въ статьѣ говорится о сожиганіи и истребленіи жмудскихъ книгъ, печатанныхъ русскими письменами, и громадномъ ввозѣ контрабандою книгъ, печатаемыхъ латинкою: но противъ этого есть средства, которыя могутъ уменьшить зло на девять десятыхъ,—нужно только, чтобы въ Вильнѣ перестали спать.

Въ статьѣ приводится еще нѣчто очень грозное — „возрастающее число преступленій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Литвинами, подъ вліяніемъ мѣръ, которыми сѣется порой

рознь между отцами, сроднившимися съ латинскою азбукою, и молодымъ подростающимъ поколѣніемъ, и въ то же время составляются превратныя понятія о власти". Это одна изъ нелѣпостей, которыми Поляки иногда пробуютъ запугивать „Москаля". Впрочемъ, виленская администрація хорошо сдѣлаетъ, если тщательно разслѣдуетъ это. Изъ приведенныхъ словъ видно, что „молодое подростающее поколѣніе Жмудиновъ склонно къ принятію русскихъ письменъ въ свой языкъ, но что устрашаютъ его отцы, легче фанатизируемые ксендзами-Поляками или ополяченными. Противъ этого могутъ быть употреблены нѣкоторыя весьма дѣйствительныя мѣры.

Въ своемъ стараніи доказать безуспѣшность мѣръ къ введенію русскихъ письменъ въ литовскій языкъ авторъ статьи приводитъ „оправданіе" Виленскаго Учебнаго Округа, что „такая задача превышаетъ единичныя усилія Учебнаго Округа". Но Учебный Округъ муравьевскаго пятилѣтія не жаловался, а просто дѣлалъ дѣло, насколько могъ: а Учебный Округъ потаповскаго двадцатипятилѣтія жалуется, что „такая задача превышаетъ его единичныя силы". Какъ же онъ въ этомъ убѣдился? Что̀ предпринималъ онъ для того, чтобы привлечь къ этому дѣлу компетентныхъ работниковъ? Ничего. Между тѣмъ средства его въ теченіе четверти вѣка значительно увеличились сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ настоящее время находится болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, изучавшихъ въ школѣ и войскѣ русскій языкъ и русскія письмена. Въ Поневѣжской Учительской Семинаріи находится болѣе ста юношей, готовящихся въ народные учителя въ жмудскихъ школахъ, и изучающихъ хорошо жмудскій языкъ: между ними несомнѣнно должны найтись люди, способные къ изданію жмудскихъ книгъ русскими письменами и къ переводу на жмудскій языкъ съ таковыми же письменами русскихъ популярныхъ книгъ. А руководить этимъ дѣломъ могъ бы г. Вальтеръ, хорошій знатокъ жмудскаго языка, доцентъ Петербургскаго Университета, переведшій на жмудскій языкъ литургію Св. Іоанна Златоустаго. Виленскій Учебный Округъ не можетъ сказать, что онъ не зналъ г. Вальтера, бывавшаго по предмету жмудскаго языка въ Вильнѣ и вступавшаго въ сношеніе съ Округомъ. Сдѣлано ли было Округомъ г. Вальтеру какое-либо приглашеніе по этому предмету? Нѣтъ. Слѣдовательно, жалоба Виленскаго Учебнаго Округа на недостаточность средствъ въ его распоряженіи для этого дѣла есть только уловка для обѣленія своего бездѣйствія.

In summa summarum статья *Русской Жизни* предлагаетъ вновь „разработать" вопросъ о замѣнѣ „латинки" русскими письменами въ жмудскомъ языкѣ. Любопытное сходство въ пріемахъ польской клики, оперирующей чрезъ русскую печать: и по дѣлу „располяченія западнорусскаго католичества" въ 1887 году въ виленскомъ оффиціозѣ была напечатана въ семи нумерахъ предлинная статья подъ заглавіемъ: „Спорный Вопросъ", въ которой доказывалась необходимость „рѣшить принципіально, во-первыхъ, компетентно ли правительство, и, во-вторыхъ, имѣетъ ли оно право регулировать богослужебный языкъ?" Это послѣ болѣе двадцати лѣтъ существованія этого плана, послѣ блистательнаго осуществленія его при графѣ Барановѣ, и послѣ Высочайшей санкціи его! То же предлагается и здѣсь. Нѣтъ, не нужно больше никакихъ „разрабатываній" этого вопроса: нужно просто осуществлять этотъ планъ; нужно дѣло дѣлать. И дѣло это пойдетъ отлично,—только бы въ Вильнѣ не спали...

А. Владиміровъ.

ИЗЪ ЛОДЗИ.

Усиленная дѣятельность здѣшнихъ фабрикъ.—Удаленіе 150 Нѣмцевъ.—Установленъ ли вѣрный взглядъ на Лодзь?—Докладъ г. Бѣлова.

Какъ и въ предыдущіе мѣсяцы, лодзинскія фабрики работаютъ очень бойко, потому что начавшееся съ прошлой осени оживленіе въ области торговли и промышленности нашего края продолжается до сихъ поръ. Къ будущей осени и зимѣ Лодзь получила много заказовъ и въ томъ числѣ немало изъ приволжскихъ губерній, куда до сихъ поръ здѣшнія издѣлія требовались мало.

Сколько было здѣсь говора о томъ, что приведеніе въ исполненіе правительственнаго распоряженія объ удаленіи со здѣшнихъ фабрикъ незнающихъ русскаго или *польскаго* языка мастеровъ-Нѣмцевъ повлечетъ за собою замедленіе и осложненія въ ходѣ работъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не случилось. Это подтверждаетъ и органъ привислинскихъ промышленниковъ и купцовъ *Gazeta Handlowa*, удостовѣряющая, что лодзинскіе фабриканты нашли безъ труда на мѣсто удаленныхъ 150 Нѣмцевъ мѣстныхъ мастеровъ, и что высылка этихъ Нѣмцевъ не затор-

мозила того усиленнаго хода работъ, какой наблюдается на здѣшнихъ фабрикахъ съ прошлой осени.

Это оживленіе дѣятельности лодзинскихъ фабрикъ, конечно, находится въ зависимости отъ сдѣланныхъ Лодзью въ послѣднее время завоеваній на нѣкоторыхъ рынкахъ, принадлежавшихъ до сего времени Москвѣ. Чѣмъ же объяснить эти успѣхи лодзинцевъ? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что до сихъ поръ не уравнены условія борьбы между Москвой и Лодзью.

Въ послѣднія 7—8 лѣтъ въ нашихъ газетахъ напечатано многое множество статей о Лодзи, издано нѣсколько брошюръ, спеціально посвященныхъ имъ, г.г. Шараповъ и Бѣловъ публично читали докладъ о нихъ (первый въ Москвѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ въ 1886 году, а второй въ Петербургѣ прошлою осенью), въ 1886 году была командирована для изученія на мѣстѣ лодзинско-сосновицкой промышленности особая ученая коммиссія, въ составъ которой входили горный инженеръ Іосса, г. Ланговой, профессоръ Янжулъ и другія лица, послѣ чего правительство приняло по отношенію къ ней рядъ мѣропріятій, а между тѣмъ все еще нельзя сказать, что наша печать и общество вполнѣ уяснили себѣ значеніе Лодзи и Сосновицъ, и что выработана опредѣленная программа для разрѣшенія тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ, касающихся ихъ.

О, далеко нѣтъ! Возьмемъ для примѣра докладъ г. Бѣлова. Онъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ", и потому можно было ожидать услышать отъ него вѣское и мѣткое слово, но, — увы, — въ этомъ пришлось разочароваться. Не станемъ разбирать подробно бойкій и заключающій въ себѣ немало интересныхъ данныхъ его докладъ, но считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на нѣкоторыя положенія этого доклада.

На вопросъ, совпадаютъ ли здѣсь, въ Привислинскомъ краѣ, интересы промышленности съ интересами государства, и если не совпадаютъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ ли совпадать при той или другой политикѣ государства (стр. 84), [1] г. Бѣловъ отвѣчаетъ, что могутъ совпасть, если только привислинская промышленность будетъ разнѣмечена. Вотъ его подлинныя слова: „если признается возможнымъ наступленіе раньше или позже

[1] Цитирую докладъ г. Бѣлова по тексту, напечатанному въ 1 № *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ.

того времени, когда Лодзь сдѣлается однимъ изъ центровъ *русской* промышленности. то слѣдуетъ признать ея права на конкурренцію съ коренной русской промышленностью (стр. 102). Слову „русской" г. Бѣловъ придаетъ очень широкое толкованіе, и онъ готовъ признать за Лодзью одинаковыя права съ Москвою, какъ видно изъ его доклада, не только въ случаѣ перехода лодзинскихъ фабрикъ въ руки русскихъ людей, но и въ случаѣ *ополяченія* лодзинскихъ Нѣмцевъ. Такая постановка вопроса, по нашему крайнему разумѣнію, совершенно ошибочна.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ желательно усиленіе польскаго элемента путемъ ополяченія привислинскихъ Нѣмцевъ и Евреевъ? Поляки прекрасно понимаютъ, что они много выиграли бы въ такомъ случаѣ, и усердно хлопочутъ объ этомъ, но мы-то должны стремиться къ обрусѣнію, а не къ ополяченію Нѣмцевъ, не желающихъ оставить предѣлы Россіи. На основаніи этихъ соображеній, я и подчеркнулъ слово „польскаго", говоря въ началѣ письма о недавнемъ распоряженіи здѣшней администраціи, которымъ Нѣмцы-мастера обязываются знать русскій или польскій языкъ. Нѣтъ никакихъ основаній преслѣдовать польскій языкъ, составляющій у насъ мѣстный говоръ, и нѣтъ причинъ стѣснять мастеровъ и рабочихъ пользоваться мѣстнымъ нарѣчіемъ, но съ другой стороны несомнѣнно и то, что намъ слѣдуетъ требовать отъ находящихся здѣсь иностранцевъ знанія государственнаго языка, а не мѣстнаго нарѣчія. Слѣдующая ошибка г. Бѣлова заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, что онъ сильно преувеличилъ культурное значеніе Лодзи, которую онъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ „окна въ Европу". Онъ зашелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что даже высказалъ желаніе, чтобы Лодзь поучала Москву („Лодзь должна быть проводницей заграничныхъ знаній на пользу не одной себѣ, а всей Россіи." Стр. 114.) Рѣчь идетъ, очевидно, о технической сторонѣ дѣла, но неужели же центральная промышленность въ этомъ отношеніи отстала отъ лодзинской? Другой изслѣдователь лодзинской промышленности, г. Шараповъ, совсѣмъ иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ: „наша (то-есть центральнаго района) *высокая техника*, единственно благодаря которой", говорилъ онъ въ своей рѣчи о конкурренціи Лодзи и Сосновицъ съ Москвой, „мы еще ведемъ упорную борьбу среди всей суммы условій, обращенной противъ насъ, выручитъ насъ и возстановитъ равновѣсіе..." (См. его сочиненія, книга первая,

стр. 91.) Со времени произнесенія этой рѣчи, условія борьбы между Москвой и Лодзью до извѣстной степени измѣнились, но думать, что Лодзь опередила за это время Москву по техническимъ условіямъ производства нѣтъ никакого резона. Г. Бѣловъ, видимо, поддался разглагольствованіямъ лодзинскихъ Нѣмцевъ о „культурной миссіи ихъ въ варварской Россіи", заплативъ этимъ дань увлеченію иностранщиной, къ чему мы всѣ такъ склонны.

Отмѣтимъ еще, что, разсказывая довольно подробно исторію возникновенія и развитія Лодзи, совершенно игнорируетъ политическую сторону дѣла. Передавая, что въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія тогдашніе польскіе воротилы призвали въ Привислинскій край Нѣмцевъ для насажденія и культивированія здѣсь промышленности, онъ хвалитъ за это Поляковъ и жалѣетъ лишь о томъ, что Нѣмцы, съ теченіемъ времени, не ополячились. Заботы о развитіи промышленности, конечно, дѣло хорошее, но вотъ въ чемъ бѣда: польская умѣренная партія, отрицательно относившаяся къ возстаніямъ и осуждающая всѣ нелегальныя средства борьбы за „ойчизну", всѣ свои надежды возлагаетъ на культурную побѣду Поляковъ надъ Русскими. Конечно, польскимъ мечтамъ о культурной побѣдѣ надъ нами суждено навсегда остаться въ области фантазіи, но намъ не мѣшаетъ имѣть въ виду эти мечты и помнить, что польскіе патріоты первой четверти текущаго столѣтія, заботясь о развитіи промышленности въ Привислиньѣ, руководились въ своей дѣятельности этими мечтами. И теперь иногда польскіе публицисты увлекаются такими мечтами и проповѣдываютъ развитіе промышленности въ нашемъ краѣ въ видахъ обогащенія нашей окраины на счетъ другихъ частей государства. „Имперія" [1], пишетъ одинъ изъ нихъ, „обильна сырьемъ, которое, по недостатку спеціальныхъ силъ, не можетъ быть обрабатываемо на мѣстѣ. Располагая этими силами, весьма легко получаемое оттуда сырье возвращать туда же въ обработанномъ видѣ..." Разумѣется, все это праздныя слова, но, повторяемъ, эти польскія мечтанія нельзя упускать изъ вида, когда рѣчь идетъ о Лодзи и Сосновицахъ, а г. Бѣловъ, къ сожалѣнію, не обратилъ на нихъ никакого вниманія.

Н. О.

[1] Поляки называютъ Привислинскій край «королевствомъ», а остальныя части Европейской Россіи—«Имперіей».

ИЗЪ ВИЧУГИ.

Объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчья рабочихъ.

Изъ Петербурга идутъ извѣстія, что въ Государственный Совѣтъ поступилъ для разсмотрѣнія законопроектъ „О правилахъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій и производителей строительныхъ работъ въ случаѣ смерти, увѣчья или *поврежденія* въ здоровьѣ рабочихъ или служащихъ".

Таковой человѣколюбивый законъ о вознагражденіи за несчастія, случающіяся, къ сожалѣнію, нерѣдко на фабрикахъ, заводахъ и всякаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ и конечно неизбѣжныхъ въ этомъ дѣлѣ, нельзя не привѣтствовать полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ лишеннымъ физической возможности добыванія себѣ, а нерѣдко также и семейству средствъ къ жизни онъ долженъ дать, какъ говорится, кусокъ хлѣба. Такое благое дѣло обязательно какъ для государства, такъ и для общества *въ полномъ его составѣ,* не исключая никого изъ нанимателей, какую бы цѣль ихъ предпріятія не имѣли.

Изъ проектированнаго закона видно, что привлекаются къ отвѣтственности въ случаѣ несчастія *только владѣльцы промышленныхъ предпріятій и производители строительныхъ работъ,* и привлекаются не только въ случаѣ увѣчья или смерти, но и въ случаяхъ поврежденія здоровья рабочихъ или служащихъ.

Конечно, неизвѣстно еще какова будетъ окончательная редакція закона, но видно по крайней мѣрѣ, что предприниматель отвѣчаетъ даже за поврежденіе здоровья рабочаго или служащаго. Но такъ какъ поврежденіе здоровья можетъ быть отъ очень многихъ причинъ, которыя невозможно даже предвидѣть, то и законъ дѣлается неяснымъ и очень можетъ быть, что со стороны властей ему дано будетъ широкое и произвольное толкованіе. Таковое толкованіе знакомо намъ уже изъ практики фабричной инспекціи.

Выше сказалъ я, что такой законъ желателенъ какъ человѣколюбивый и христіанскій, но при этомъ нужно указать также на его крайнюю односторонность съ оттѣнкомъ пристрастія къ

однимъ и забвенія къ другимъ, такъ какъ этимъ закономъ хотятъ облагодѣтельствовать только служащихъ и рабочихъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ предпріятій, а о рабочихъ и служащихъ другихъ поприщъ почему-то въ проектѣ умалчивается: я разумѣю здѣсь тѣхъ рабочихъ и служащихъ, которыхъ имѣется несравненно большее число, чѣмъ вышеупомянутыхъ, а именно рабочихъ и служащихъ на сельскихъ работахъ, въ гостиницахъ, трактирахъ, харчевняхъ, кабакахъ, на пароходахъ, при желѣзныхъ дорогахъ, больницахъ, театрахъ, циркахъ и прочихъ различныхъ мѣстахъ.

Признаюсь, нельзя не удивляться и не впасть въ недоумѣніе, почему именно и по какой причинѣ проектъ закона обходитъ своимъ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ эту большую часть тружениковъ? Почему такая односторонность: однихъ облагодѣтельствовать, обезпечить дальнѣйшее искалѣченное существованіе, а на другихъ, *точно такихъ же* подданныхъ Русскаго Царя, не обращать человѣколюбиваго вниманія, какъ будто они не такіе же бѣдные рабочіе люди; какъ будто они пасынки нашего отечества, а рабочіе на фабрикахъ и заводахъ родныя дѣти... Трудно предполагать, чтобы такое несправедливое отношеніе къ людямъ, работающимъ не на промышленныхъ предпріятіяхъ, составитель законопроекта не предвидѣлъ.

На это могутъ возразить, что въ земледѣльческихъ производствахъ нѣтъ такихъ опасностей для жизни и здоровья, такъ какъ тамъ нѣтъ почти машинъ и проч. Что же изъ этого? и слава Богу, что тамъ менѣе опасностей для увѣчья и смерти рабочаго, и значитъ, и меньше придется платиться за несчастья и только! Но при этомъ нельзя не замѣтить, что въ настоящее время крупныя земледѣльческія хозяйства стали приближаться по организаціи къ фабрикамъ: въ нихъ уже имѣются паровыя и конныя молотилки, жатвенныя, сѣнокосныя и многія другія машины, отъ которыхъ можетъ произойти увѣчье или смерть рабочему, какъ и отъ всякой другой машины.

Если оказалось нужнымъ поставить въ привилегированное положеніе хозяевъ земледѣльческой промышленности касательно отвѣтственности за увѣчье и смерть рабочихъ, то было бы логично и справедливо не распространять этого закона и на паровыя и водяныя мукомольни и обдирныя мельницы, затѣмъ на заводы крахмальные, картофельные и винокуренные,

такъ какъ они *всецѣло* принадлежатъ къ земледѣльческой промышленности.[1]

У насъ часто копируются законы съ заграничныхъ, и въ этомъ случаѣ почему же было не довести копію до конца; тамъ страхуютъ рабочихъ, къ какой бы области промышленной дѣятельности они не принадлежали, напр., въ Германіи страхуются всѣ безъ исключенія, какъ объ этомъ говорилось въ *Русскомъ Обозрѣніи* № 3 текущаго года, почему же у насъ взято только начало закона, а не весь законъ? Явленіе это, по всей вѣроятности самобытное, выросшее на петербургской бюрократической почвѣ...

Заботясь о рабочихъ, можно ли забыть домашнюю и прочую какую бы то ни было прислугу, которую тоже, по справедливости и человѣколюбію, едва ли есть основаніе исключать отъ обезпеченія въ случаѣ увѣчья и смерти, и это по слѣдующимъ соображеніямъ: фабрика или заводъ не только даютъ работу, не только кормятъ работающія на нихъ семейства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ главнѣйшими потребителями сырыхъ продуктовъ и разныхъ матеріаловъ, покупаемыхъ часто на окраинахъ великой Россіи, и такимъ образомъ даютъ населенію его за трудъ и плоды средства къ жизни въ видѣ разливающихся капиталовъ, и поэтому дѣло промышленное неизмѣримо полезнѣе многихъ другихъ разнообразнѣйшихъ областей дѣятельности человѣка, служащихъ иной разъ даже для праздности, разврата и т. п. Почему же, если рабочаго искалѣчило на фабрикѣ или заводѣ, то ему законъ обязываетъ дать средства для жизни, а если жокея, кучера или дворника искалѣчитъ бѣшеная лошадь, что случается весьма нерѣдко, то для такого несчастнаго и часто семейнаго человѣка закона о вознагражденіи за увѣчье нѣтъ?!

Кучера въ 20—30° морозы мерзнутъ по ночамъ, стоя у театровъ или другихъ мѣстъ, дожидаясь хозяевъ, наслаждающихся зрѣлищами, и нерѣдко получаютъ при этомъ неизлѣчимыя болѣзни, а иногда и смерть, но законъ не ограждаетъ ни ихъ, ни семейства ихъ отъ нищеты и голоданія. Почему кухарка или поваръ, обварившіеся около плиты или самоваромъ, неся его часто по дурной лѣстницѣ, или запнувшись за худой коверъ[2]

[1] Вопросъ нерѣшенный, гдѣ болѣе калѣчится и убивается людей отъ паровыхъ машинъ или лошадей; на это статистическихъ данныхъ не имѣется.

[2] Говорю «худой», потому что это есть такая же неисправность, какъ плохой полъ на фабрикѣ А. М.

или ожегшись лопнувшею керосиновою лампой, или бензинною печкой, или паромъ при паровомъ отопленіи и пр., и пр., остаются не огражденными закономъ?! Какая же во всѣхъ этихъ случаяхъ разница? Не велико утѣшеніе, если человѣкъ изувѣчитъ себя *не на фабрикѣ и не на заводѣ*. Какъ будто кому легче, что получилъ человѣкъ увѣчье или смерть *не на фабрикѣ и заводѣ*, или не на промышленномъ какомъ-либо заведеніи, а на бархатномъ коврѣ или на скачкѣ... Странное, необъяснимое противорѣчіе!!

При этомъ нельзя не подмѣтить слѣдующаго неутѣшительнаго, или вѣрнѣе прискорбнаго явленія.

Во время оно отъ куда-то и почему-то явился вредный духъ увлеченія, духъ пристрастный и несправедливый, тотъ духъ, который разорилъ дворянъ и крестьянъ во времена освобожденія. Тогда все либеральствующее, во власти и внѣ власти находившееся, набросилось на дворянъ, разрушая безъ разбора сплеча все и хорошее, и дурное лишь бы разорвать вѣковыя отношенія дворянства къ крестьянству. Кончилось такое увлеченіе разореніемъ не только многихъ дворянскихъ имѣній, но и разореніемъ большей части дворянскаго сословія, заслуживающаго лучшей участи (это дѣлалось у насъ на глазахъ). Затѣмъ почти въ то же время съ благодѣтельнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, имъ преподнесли злосчастную „дешовку“, дали младенцу ножъ – и кому неизвѣстно, что результатомъ таковой мѣры явилось разореніе крестьянъ?

Въ послѣднее время все фритредерствующее „соціальствующее“ набросилось на возникающую промышленность, какъ на гнѣздо эксплуатаціи бѣдноты. Устоитъ ли наша промышленность противъ подводимыхъ подъ нее минъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ видахъ и въ особенности устоитъ ли средняя и мелкая, покажетъ будущее; но судя по двумъ вышеприведеннымъ примѣрамъ промышленности тоже предстоятъ тяжкія испытанія....

Но покуда ограничусь отвѣтомъ на вопросъ о томъ, какимъ же образомъ слѣдовало бы обезпечить рабочій людъ въ несчастныхъ случаяхъ.

Едва ли что можно сдѣлать въ этомъ отношеніи что-либо болѣе *справедливое* и цѣлесообразное, какъ страхованіе; въ промышленныхъ предпріятіяхъ имѣются для этого штрафныя суммы, назначаемыя закономъ для нуждъ рабочихъ, и мнѣ кажется, что ихъ-то и слѣдуетъ употреблять исключительно для страхованія всѣхъ русскихъ рабочихъ; и такъ какъ онѣ собираются со всей

массы рабочихъ, то и страхованіе должно быть общее, безо всякихъ исключеній и для этого нуженъ законъ, который бы обезпечивалъ всякаго рабочаго человѣка и его семью, навсегда, не взирая на поприще его дѣятельности.[1]

Въ заключеніе одинъ вопросъ, который составители закона едва ли задавали себѣ, а именно: *какое слѣдствіе можетъ имѣть законъ, выдѣляющій людей фабрикъ и заводовъ изъ всего населенія Имперіи въ привилегированную группу?* По нашему разумѣнію, явятся два главныхъ слѣдствія, и оба не только что безполезныхъ, но вредныхъ. Первое изъ нихъ можемъ назвать закладкой баррикадъ для создаваемаго у насъ сословія ouvrier'овъ, нынѣ бушующихъ въ Бельгіи, и второе—новымъ тормозомъ для людей предпріимчивыхъ, но некапитальныхъ, которымъ, при условіи отвѣтственности хозяевъ за увѣчья, придется свою дѣятельность на поприщѣ промышленности ограничить въ значительнѣйшей степени. Неужели же это въ интересахъ нашего отечества?

Александръ Морокинъ.

Апрѣля 15, 1893.
Село Вичуга.

---

[1] Въ настоящее время на нашей фабрикѣ страхуются рабочіе въ Обществѣ «Россія» отъ увѣчья и смерти за счетъ конторы. Въ случаѣ увѣчья или смерти Обществомъ выдается пострадавшему сумма денегъ, равняющаяся трехгодовому жалованію, но такая страховка далеко недостаточна, такъ какъ не обезпечиваетъ искалѣченнаго рабочаго на долгое время.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О коммиссіи по вопросу объ устраненіи препятствій, стѣсняющихъ промышленность.—Регламентъ Петра I касательно мануфактуръ и сосредоточеніе власти надъ фабрично-заводско-ремесленною промышленностью въ одномъ учрежденіи.—Екатерина II подчинила дѣла фабричныя губернскому начальству, но въ концѣ царствованія снова желала возстановить Мануфактуръ-Коллегію.—Настоящее многоначаліе надъ фабриками. — Ожидаемыя реформы смущаютъ промышленный міръ.—Права дарованныя купечеству Императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Въ послѣднее время періодическая печать сообщаетъ множество извѣстій, касающихся разныхъ областей промышленности и торговли. Въ Петербургѣ работаютъ разныя коммиссіи и подкоммиссіи, имѣющія цѣлію *„огражденіе внутренняго производства отъ иностраннаго соревнованія и устраненія всякаго рода стѣсненій въ учрежденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій“*. И особенное важное значеніе изъ всѣхъ сихъ коммиссій имѣетъ коммиссія, спеціально назначенная — *устранить всякаго рода стѣсненія въ области промышленности.*

Вообще говоря, большая часть нашихъ коммиссій не приносила тѣхъ плодовъ, какихъ отъ нихъ ожидали, и это зависѣло отъ причинъ самыхъ различныхъ; но главною изъ нихъ являлась все-таки случайное произвольное появленіе самыхъ коммиссій, не имѣющее въ основѣ своей органической связи ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ. О коммиссіяхъ, нынѣ дѣйствующихъ, этого сказать нельзя: ихъ существованіе оправдывается цѣлымъ рядомъ фактовъ, часто вопіющихъ; и если онѣ принесутъ плоды неожиданные, то это произойдетъ уже отъ причинъ совершенно иныхъ.

Если самъ г. министръ Финансовъ въ оффиціальномъ сообщеніи нашелъ нужнымъ признать, что наша промышленность испытываетъ всякаго рода стѣсненія (*Правительственный Вѣстникъ*, 7 октября 1892 г.), то, само собою разумѣется, утверждать противоположное не приходится, да и кто этого не знаетъ, кромѣ развѣ людей кабинетовъ и канцелярій, видящихъ свѣтъ Божій не прямо и непосредственно, каковъ онъ есть, а чрезъ разныя очки и иныя приборы и приспособленія.

Императоръ Петръ I, учреждая Мануфактуръ-Коллегію и предусматривая нынѣшній порядокъ вещей, указалъ въ Регламентѣ: *„прилежно смотрѣть, чтобы касающіяся Мануфактуръ-Коллегіи дѣла въ другія коллегіи и канцеляріи, къ которымъ оныя дѣла не надлежатъ, не принимали и не вступали, дабы тѣмъ Мануфактуръ-Коллегіи конфузіи не чинили; ежели же такъ случится, то не мало не медля надлежитъ о томъ достойную протестацію учинить, когда жъ не воспослѣдуетъ, то немедленно у Сената о указѣ стараться.“* Если Петръ I нашелъ нужнымъ включить этотъ параграфъ въ регламентъ, изданный предъ концомъ жизни своей, то надо думать, что онъ имѣлъ достаточное для этого основаніе, такъ какъ онъ, основывая фабрики и мануфактуры, *„къ пользѣ общаго блага и пожитку подданныхъ“* [1] употреблялъ въ теченіе всего царствованія своего всѣ старанія и всяческія усилія къ тому, *„дабы сдѣланныя вещи Россійскимъ мануфактурамъ и фабрикамъ* могли *славу принести.“* [2]

Коммиссія, нынѣ учрежденная г. министромъ Финансовъ и имѣющая цѣлію устранить существующія препятствія, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, пришла къ заключенію, что слѣдовало бы, въ видахъ поощренія отечественной промышленности, подумать о созданіи одного правительственнаго органа, который вѣдалъ бы дѣла открытія фабрикъ и выработалъ бы тѣ нормы, какихъ должны придерживаться промышленники при веденіи своихъ заведеній и какія вполнѣ опредѣляли бы всѣ требованія, могущія быть предъявленными къ фабрикамъ и заводамъ въ видахъ сохраненія чистоты воздуха, почвы, воды и пр.

Если коммиссія въ основной мысли своей оказалась солидарною съ воззрѣніемъ императора Петра I касательно объединенія фабричныхъ дѣлъ въ одномъ учрежденіи, то цѣль этого послѣд-

---

[1] Регламентъ § 6.
[2] Регламентъ § 10.

няго неужели же должна исчерпываться только опредѣленіемъ того, что отъ фабрикъ слѣдуетъ требовать въ видахъ сохраненія чистоты воздуха, почвы и воды и т. п.? Неужели же, кромѣ этихъ общихъ мѣстъ, нѣтъ ничего болѣе существеннаго? Да и по названію-то своему коммиссія имѣетъ цѣлію изыскать средства для устраненія существующихъ препятствій стѣсненій, а вовсе не изыскивать причины для новыхъ требованій, которыхъ и безъ того имѣется тьма-тьмущая.

Петръ I, преслѣдуя ту же цѣль, что и эта коммиссія, прежде всего заботился не о воздухѣ, почвѣ и водѣ, а старался *„дабы учредить разныя мануфактуры и фабрики, какія въ другихъ государствахъ находятся"* и повелѣлъ съ этою цѣлью Коллегіи *„прилежное стараніе о томъ имѣть, какимъ бы образомъ вновь такія и иныя курьезныя художества въ Имперію Россійскую вводить, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійской Имперіи найтись могутъ, безубыточнѣе вести и распространить возможно, и тѣхъ людей, которые мануфактуры и фабрики производить похотятъ, надлежащими привиллегіями снабдить.* [1] И если кѣмъ подавалось заявленіе о желаніи открыть фабрику, то Коллегія должна была *„въ началѣ смотрѣть о пожиткахъ и достоинствѣ и потомъ не токмо скорое рѣшеніе учинить, но и всякіе способы показать, коимъ образомъ съ тою мануфактурой наилучше ему поступить и въ доброе, и неубыточное состояніе привести."* [2]

Что же подразумѣвалъ Петръ подъ *„скорымъ рѣшеніемъ"*, явствуетъ изъ § 2 того же регламента, въ которомъ между прочимъ сказано, *„когда большая часть членовъ* (въ засѣданіи) *соберется, то должны начинать дѣло четверти часа мѣшкать, хотя бы достальные и не собрались, дабы время втуне не проходило, и остановки въ дѣлахъ не было"*.

Заботы Петра доходили даже до того, что онъ велѣлъ коллегіи *„имѣть прилежное смотрѣніе дабы* (фабрики) *не ослабѣвали, но въ лучшее состояніе произведены были; ежели же усмотрится, что оныя ослабѣвать будутъ, то какъ наискорѣе Коллегіей разсмотрѣть, отчего оное произошло: буде нерадѣніемъ компанейщиковъ, и ихъ принуждать къ порядочному содержанію, какъ Коллегія заблагоразсудитъ; буде же усмотрится, которая*

[1] Регламентъ § 6.
[2] Регламентъ § 7.

мануфактура или фабрика производится порядочнымъ образомъ и содержатели имѣютъ къ тому раденіе, и имѣется впредь отъ нея надежда, а въ силу за неимѣніемъ достойной суммы произвести они не могутъ, такимъ Коллегія имѣетъ чинить капиталомъ вспоможеніе по разсужденію ихъ дѣйства съ вѣдома Сената".

Перечисливъ въ двадцати шести параграфахъ обязанности Коллегіи, законодатель присовокупилъ заключительный §, въ которомъ сказано: „*Понеже Его Императорское Величество уповаетъ, что Мануфактуръ-Коллегія со всякимъ раденіемъ и тщаніемъ къ приращенію Россійской Имперіи пользы интереса искать и по силѣ сей данной инструкціи во всѣхъ вышеписанныхъ пунктахъ вѣрно поступать будетъ, буде же паче чаянія по силѣ сей инструкціи и указовъ Его Величества, что нерадѣніемъ упущено и не исполнено будетъ, то оная Коллегія имѣетъ въ томъ отвѣтъ дать*".

Петръ, стремясь упрочить фабричное, заводское и ремесленное дѣло, повелѣвалъ даже Городскимъ Магистратамъ „*старатися прилежно, дабы всякія мануфактуры или рукодѣлія отъ гражданъ размножились, а наипаче которыхъ прежде не бывало; а ежели кто какую мануфактуру вновь завесть пожелаетъ, такихъ обнадеживать, что когда они то заведутъ, даны имъ будутъ для свободнаго той мануфактуры произведенія привеллегіи а затѣмъ повелѣвалось елико возможно имѣть тщаніе, чтобы всякія художества въ городѣ размножились, дабы тѣмъ граждане себя довольствовать, а ремесленные люди пропитаніе себѣ имѣть могли. Понеже извѣстно, что многіе люди не имѣя и не желая никакихъ промысловъ, отъ чего бы пропитаніе себѣ могли имѣть и подати платить, и того ради нѣкоторые въ самой бѣдности пребываютъ, нѣкоторые жъ или наибольшее число въ гулякахъ обрѣтаются, отъ чего не другое что лучшее отъ нихъ быть можетъ, токмо пьянство и всякія непотребности, а потомъ воровства и разбои: того ради о такихъ весьма усматривать, и къ какимъ возможно художествамъ и ремесламъ или работамъ понуждать, дабы такихъ людей отъ такихъ непотребностей отвратить и удержать, а ремесла или художества умножить, и чтобъ такіе гуляки подъ именемъ нищихъ весьма не шатались и праздны не были*". Не забылъ также Петръ указать Магистрату, „*имѣть смотрѣніе, дабы гражданамъ какъ купецкимъ, такъ и ремесленнымъ людямъ отъ*

постороннихъ разныхъ чиновъ и отъ пріѣзжихъ купецкихъ людей въ ихъ торгахъ и ремеслахъ помѣшательства, такожъ и пріѣзжимъ купецкимъ и уѣзднымъ людямъ отъ гражданъ въ дѣлахъ и продолженіемъ времени утѣсненія и принужденія не было, какъ о томъ Его Императорскаго Величества указы повелѣваютъ".

Конечно, со временъ оныхъ много воды утекло, многое измѣнилось, но суть дѣла остается та же—правительство наше, какъ и во времена Петра, сознавая болѣе чѣмъ когда-либо ненормальность положенія вещей, стремится къ дѣйствительной помощи дѣлу, а не фиктивной, основанной на „входящихъ" и „исходящихъ".

Послѣ Петра подобное настроеніе было еще во времена Екатерины II, которою манифестами 1775, [1] 1777 [2] и 1779 гг. „всѣ сборы съ фабричныхъ становъ (были) сложены и всѣмъ въ заведеніи оныхъ и разныхъ рукодѣлій столь безпредѣльная (была) дана свобода, что не стѣснялись уже ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе стараться преуспѣвать въ добротѣ и прочности выра-

[1] Манифестомъ 1775 года были, между прочимъ, отмѣнены:

1) Сборъ съ купечества и цеховыхъ, сверхъ прежняго сорока-алтыннаго оклада, по 80 коп. съ души, 2) сборъ съ желѣзныхъ заводовъ съ каждой домны по 100 рублей, 3) сборъ съ мѣдиплавиленныхъ печей съ каждой по пяти рублей, 4) сборъ съ чугуна выплавляемаго съ каждаго пуда по 4 копѣйки, 5) сборъ съ мѣди, выплавляемою, натурой, десятый пудъ, 6) сборъ съ минеральныхъ заводовъ съ капитала десятую долю, 7) сборъ съ фабричныхъ становъ съ каждаго по рублю, 8) откупъ съ каменнаго жерноваго издѣлія въ Вятской провинціи, 9) запрещенія, гдѣ таковыя были, имѣть кузницы и заводить кузнечныя работы, 10) сборъ съ кузницъ, выдѣлывающихъ серебряныя издѣлія, 11) сборъ съ точильняго камня въ Илишмѣ 12) сборъ съ бортеваго или пчельнаго угодья, 13) сборъ съ квасныхъ кадей, 14) сборъ съ соляныхъ вольнопромышленныхъ варницъ, 15) сборъ съ красильнаго промысла, 16) сборъ съ воскобойнаго промысла, 17) съ кожевенныхъ и овчинныхъ промысловъ, 18) сборъ съ мыльныхъ промысловъ, 19) сборъ съ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, 20) сборъ съ масличнаго промысла, 21) сборъ съ салатопенъ, 22) сборъ съ хмѣлеваго и солодовеннаго промысла, 23) сборъ съ мельницъ владѣльческихъ, и 24) сборъ за рыбныя ловли.

[2] Манифестомъ 1777 года отмѣнены, между прочимъ, слѣдующіе сборы:

1) Съ покупныхъ, продажныхъ и мѣновыхъ лошадей, 2) десятинный съ владѣльческихъ лавокъ, 3) съ домовыхъ фабричныхъ становъ, 4) съ явки пивъ, полпивъ и медовъ.

ботываемыхъ вещей" (именной указъ Сенату 1803 года іюля 18). Облегчая такимъ образомъ промышленность, Екатерина II уничтожила въ то же время и принципъ невмѣшательства различныхъ властей въ дѣла промышленности: она въ 1779 году окончательно уничтожила Мануфактуръ-Коллегію, и фабрики перешли въ вѣдѣніе губернскихъ начальствъ.

Но 19 ноября 1796 года, *то-есть чрезъ 13 дней по кончинѣ императрицы*, появился указъ о возстановленіи Мануфактуръ-Коллегіи, дабы „вѣдать ей часть свою, по существу ей принадлежащую, и управлять оною на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, законахъ и регламентахъ, на коихъ находилась она до 1775 года". Само собой разумѣется, что подобный указъ послѣ семнадцатилѣтней практики губернскихъ начальствъ въ дѣлѣ фабричной промышленности обусловливался причинами важными. Къ сожалѣнію, этому указу осуществиться не было суждено.

Принципу Петра I о средоточеніи дѣлъ о промышленности въ одномъ учрежденіи нельзя не сочувствовать, такъ какъ при существующихъ порядкахъ каждая фабрика находится въ вѣдѣніи многочисленныхъ властей, общаго между собою не имѣющихъ, каждая изъ коихъ претендуетъ на исполненіе только ея предписаній, мало интересуясь предписаніями другихъ властей. А каковы могутъ быть эти предписанія, стóитъ припомнить распоряженіе *Богородскаго уѣзднаго комитета общественнаго здравія* отъ минувшаго марта мѣсяца, по § 6 коего фабриканты обязывались *доставлять возможность пользоваться горячей пищей всѣмъ приходящимъ на фабрику изъ ближайшихъ селеній;* и по § 1—*полы жилыхъ помѣщеній мыть чрезъ день горячимъ щелокомъ, стѣны и потолокъ, если они деревянные, мыть горячимъ щелокомъ ежедневно.* Сколь цѣлесообразны подобныя распоряженія можетъ судить всякій. Само собою разумѣется, еслибы власть надъ промышленнымъ заведеніемъ сосредоточилась въ одномъ спеціальномъ учрежденіи, то подобныя несообразности произойти не могли бы.

При существующихъ порядкахъ полицейская власть надъ фабрикою распадается на двѣ независимыхъ и почти равносильныхъ власти; изъ коихъ одна является въ видѣ участковаго пристава или становаго пристава, а другая—въ видѣ фабричнаго инспектора, который уже не есть чиновникъ Департамента Полиціи, а Департамента Мануфактуръ и Торговли, департамента не имѣющаго, собственно говоря, никакихъ полицейскихъ функцій.

Объ отношеніяхъ, установившихся между этими агентами Департамента Мануфактуръ и Торговли и фабрикантами въ послѣднее время, на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* говорилось довольно, и нѣтъ нужды повторяться. Достаточно сослаться на брошюру инженера В. Семенковича „*Опасное начинаніе*", разсматривающую фабрично-заводское дѣло съ точки зрѣнія соціальной.

Вообще говоря, разрѣшать промышленный вопросъ по частямъ, не давъ предварительно высказаться *Коммиссіи по вопросу объ устраненіи препятствій* и пр., едва ли цѣлесообразно. Не лучше ли было бы заняться предварительно пересмотромъ всѣхъ частей нашего Свода Законовъ, касающихся промышленности, начиная томомъ одиннадцатымъ, и именно его второю частью, то-есть *уставомъ о промышленности*, заключающимъ законоположенія о промышленности фабричной, заводской и ремесленной.

Первая и вторая статьи этого устава, опредѣляющія и отличающія другъ отъ друга фабрики, заводы и ремесла, писаны— первая въ 1723 году, а вторая 1799 году. Само собою разумѣется, что онѣ потеряли для насъ почти всякій смыслъ. Со введеніемъ паровыхъ двигателей, сложныхъ машинъ, разныхъ химическихъ процессовъ, не всегда уже является возможность провести грани между *заведеніемъ, заводомъ, мастерской, фабрикой и мануфактурой*. По статьѣ второй, „мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремеслъ тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ". Статья же 279 разумѣетъ подъ именемъ ремеслъ „занятія, имѣющія предметомъ обработаніе вещей посредствомъ ручной работы". Но почему же приготовленіе азотной кислоты, по статьѣ 261, отнесено въ уставъ о промышленности, а не ремесленный? Почему портниха, работающая на швейныхъ машинахъ, не фабрикантша? Почему чулочныя мастерскія не называются фабриками? Есть промышленныя заведенія, которыя временно нанимаютъ локомобили, тогда какъ въ остальное время двигателемъ имъ служатъ собаки,—куда ихъ отнести по нашему уставу: къ фабрикамъ или ремесленнымъ заведеніямъ?

Германскій уставъ о промышленности 1 іюля 1883 года, именуемый *Gewerbeordnung für das Deutsche Reich*, подразумѣваетъ подъ словомъ Gewerbe (промышленность) всякое занятіе, имѣющее цѣлію добываніе денегъ, исключая рыболовства, аптеки, воспитанія дѣтей (хотя и за плату), обученіе дѣтей, адвокатуру и

нотаріальную дѣятельность, предпріятія, имѣющія цѣлію выселеніе, страхованіе, желѣзнодорожное дѣло, извозный промыслъ, и взаимныя отношенія между служащими морскихъ судовъ. Всѣ же остальныя предпріятія какъ, напримѣръ, лѣчебницы, театры, цирки, трактиры, разныя увеселительныя заведенія, музыкальныя исполненія, танцовальные классы, закладныя конторы, лотереи, гимнастическія залы, бани, землемѣрныя бюро, аукціонныя бюро и разныя другія, кромѣ тѣхъ, кои преслѣдуютъ „высшій интересъ искусства или науки“ (ein höheres Interesse der Kunst oder Wissenschaft)—всѣ подлежатъ уставу о промышленности. Бóльшая часть предпріятій можетъ быть начата по германскому уставу краткимъ заявленіемъ предпринимателя предъ мѣстною властью о томъ, что онъ открылъ такое-то заведеніе [1].

Но при этой относительной свободѣ открытія промышленныхъ заведеній въ Германіи все-таки же существуетъ не только строгая отвѣтственность предпринимателей предъ закономъ, но и значительное ограниченіе ихъ въ отношеніи многихъ областей дѣятельности, [2] и во многіе изъ нихъ не всѣ просящіеся допускаются; напримѣръ, актеру не дадутъ право открыть театръ, если онъ по свѣдѣніямъ Магистрата окажется неудовлетворительнымъ въ нравственномъ, артистическомъ и денежномъ отношеніяхъ (sittlicher, atristischer und finanzieller Hinsicht). Даже ученые дипломы не принимаются въ подобныхъ случаяхъ во вниманіе. Доктору медицины, не имѣющему надлежащей „*аппробаціи*“ властей, могутъ не дать права открыть зубоврачебный кабинетъ и т. п.

Такимъ образомъ предъ германскимъ уставомъ всѣ занимаю-

---

[1] Вотъ переводъ заявленія:

Въ Думу города . . . . . .

Симъ имѣю честь заявить, что сегодня я открылъ. . . . . . . Живу я въ помѣщеніи фабрики

г. . . . . 15 апрѣля 1893.

Фабрикантъ NN.

[2] Требуется предварительное разрѣшеніе властей для всѣхъ предпріятій огнеопасныхъ, выдѣляющихъ газы, производящихъ стукъ и т. п.; и какъ на таковые законъ, между прочимъ, указываетъ на предпріятія изготовляющія порохъ, фейерверки, спички, газы, продукты сухой перегонки нефти, дегтя, кокса, извести, кирпича, гипса, металловъ, паровые котлы, трубы желѣзныя, химическіе продукты, лаки, крахмалъ (кромѣ картофельнаго) патоку, клеенки, струны, толь, клей, сало, мыла, сженую, вареную, сушеную кость, животный волосъ, пудреты, хмѣль, асфальтъ, смолы, соломенную бумагу, кали, искусственную шерсть, целлулоидъ; затѣмъ бойни, дубильные заводы и т. п.

щіеся промыслами — являются промышленниками, всѣ безъ различія подлежатъ вѣдѣнію извѣстныхъ властей, и личный составъ предпріятій, называемый *промышленными рабочими* (gewerbliche Arbeiter) [1], подлежитъ одному и тому же закону во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая въ то же время и законовъ о страхованіи отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ и увѣчій.

Напечатанное въ *Областномъ Отдѣлѣ* этой книги письмо А. Ѳ. Морокина—человѣка, близко стоящаго къ заводско-фабричному дѣлу, свидѣтельствуетъ о томъ смущеніи умовъ, которое вызываютъ въ промышленномъ мірѣ многочисленные слухи объ ожидаемыхъ нововведеніяхъ, едва ли основанныхъ на безпристрастномъ изученіи коренныхъ условій нашего народнаго и фабричнаго быта.

Да и какъ не смущаться, когда уставъ о промышленности, выростая постепенно съ 1723 года, внесъ въ жизнь столько чуждаго, столько несоотвѣтствующаго нашему народу, что жутко становится подумать, что̀ будетъ, если этотъ уставъ будетъ развиваться въ томъ же направленіи.

В. Семенковичъ въ вышеупомянутой брошюрѣ [2] справедливо говоритъ, что до сихъ поръ „рабочій и фабричный оставался народомъ, не терялъ связи съ завѣтными устоями нашей государственности и, какъ всѣмъ извѣстно, очень недружелюбно принималъ всѣхъ этихъ незванныхъ носителей „священныхъ идей прогресса“. И вотъ теперь хотятъ убить въ нашемъ рабочемъ эту его народность, хотятъ научить его „les droits de l'homme et de l'ouvrier“, и обособивши его, питая и развивая въ немъ инстинкты своеволія, непокорности хозяину и соціальной независимости—создать у насъ то, съ чѣмъ теперь тщетно борятся на Западѣ и чего— благодаря Бога, у насъ еще не было“.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что наше фабричное дѣло не отличается идеальнымъ устройствомъ, и мы съ радостью привѣтствуемъ всякую разумную мѣру, направленную на благо этого дѣла, но какже привѣтствовать мѣру, колеблющую стародавніе устои русскаго быта—мѣру, стремящуюся сдѣлать изъ нашего мужика ouvrier'a и Arbeiter'a съ Vorwärts'омъ въ рукахъ.

Авторъ справедливо говоритъ, что „правительство должно вну-

---

[1] Gesellen, Gehülfen, Lehrlinge, Betriebsbeamte, Werkmeister, Technicker, Fabrikarbeiter.

[2] «Опасное начинаніе».

шать фабрикантамъ и поощрять въ нихъ заботы о рабочемъ людѣ, оно должно наблюдать за исполненіемъ требованій закона въ этомъ отношеніи, но не путемъ гг. инспекторовъ, которые ходили бы по фабрикамъ и возглашали рабочимъ ихъ „права“.

Если домашняя прислуга, развращенная со времени введенія мироваго института, доводитъ своихъ господъ и госпожъ до состоянія близкаго къ невмѣняемости, то что̀ же будетъ съ нашимъ фабричнымъ людомъ, который все-таки еще далеко не достигъ до того нравственнаго упадка, до котораго доведена домашняя прислуга, но котораго всѣми силами стараются обратить въ ouvrier'овъ?

Если гг. Обнинскіе и К° изображаютъ нашихъ фабрикантовъ, какъ кровопійцъ-эксплоататоровъ, то удивляться нечему; люди той же компаніи обзывали тѣми же нелестными прозвищами и помѣщиковъ, имѣвшихъ своихъ крѣпостныхъ—тѣхъ самыхъ помѣщиковъ, о которыхъ теперь сами же освобожденные вспоминаютъ какъ объ отцахъ-благодѣтеляхъ. Неужели же сословіе, заслуги котораго признавались не разъ съ высоты Престола, нынѣ должно съ трепетомъ ожидать того, что̀ уже съ дворянскимъ сословіемъ сдѣлано, и не воспользоваться правами, дарованными ему Императоромъ Александромъ Павловичемъ, который въ 1807 году повелѣлъ объявить ему свои милости манифестомъ, заключающимъ въ себѣ мѣста замѣчательныя; въ немъ, между прочимъ, говорилось:

„Бытія отечества Нашего свидѣтельствуютъ, въ какой мѣрѣ россійское купечество, обогащавшее Имперію плодами торговли, купно увѣнчевало себя гражданскими добродѣтелями.

„Мы сами во дни Нашего царствованія съ удовольствіемъ зрѣли достохвальные тому примѣры. Мы зрѣли среди купечества благородныя пожертвованія, любовь къ отечеству и особливую приверженность къ Нашей Особѣ. Мы въ сердцѣ своемъ наслаждались таковыми побужденіями, его одушевляющими; и на достойнѣйшихъ изъ сего сословія ниспосылали отъ Престола соразмѣрныя заслугамъ награды и отличія. Но отличія сіи, украшая ихъ, не могли возвысить цѣлаго сословія.

„Общее имя и общій духъ сего сословія заслуживали отъ Насъ общей почести, общаго возвышенія. Новый памятникъ долженъ означать бытіе его въ составѣ государства.

„Въ такомъ намѣреніи постоянно пребывая, Мы нынѣ даруемъ и утверждаемъ на вѣчныя времена вѣрноподданному На-

шему купечеству новыя выгоды, отличія, преимущества и новые способы распространить и усилить торговыя предпріятія".

По перечисленіи различныхъ преимуществъ и выгодъ, и остановившись на повелѣніи открыть бархатную книгу знатныхъ купеческихъ родовъ для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти родовъ первостепеннаго купечества, манифестъ продолжаетъ:

„Наконецъ во свидѣтельство Монаршаго Нашего попеченія о благѣ торговли, Мы даруемъ вѣрноподданному купечеству обѣихъ столицъ и губернскихъ городовъ право, если имъ замѣчено будетъ: 1) что торговля течетъ несообразно намѣреніямъ и уставамъ Нашей Императорской власти, 2) что права купечества ослаблены недоразумѣніемъ, попущеніемъ или неблагонамѣренностію исполнителей, представлять о томъ чрезъ градскихъ своихъ головъ министру коммерціи, который по ввѣренной власти или самъ дѣйствуетъ, или представляетъ на усмотрѣніе Наше.

„Мы возлагаемъ на него обязанность охранять права и преимущества купеческаго сословія во всей ихъ силѣ, дабы вліяніемъ мѣстныхъ начальствъ или недоразумѣніемъ самого купечества оныя ни въ чемъ не были ослабляемы.

„Мы повелѣваемъ сей Нашъ манифестъ, которымъ паче еще утверждается и увеличивается памятникъ Городоваго Положенія, вписать въ число коренныхъ государственныхъ уставовъ.

„Мы повелѣваемъ Правительствующему Сенату, заготовя списокъ съ сего на пергаментѣ, съ изображеніемъ большаго Нашего титула, взнесть къ Нашему подписанію, послѣ котораго укажемъ сію грамоту утвердить государственною Нашею печатью, и ввѣримъ ее купечеству на вѣчное храненіе и на соблюденіе дарованныхъ правъ.

„Въ полной увѣренности, что таковые опыты будутъ приняты торжественнымъ залогомъ Монаршей любви къ купечеству, Мы купно съ нимъ молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ благословеніе на благія Наши намѣренія и даруетъ Имперіи Нашей изобиліе и богатство, пріобрѣтаемое трудами сего сословія, въ новую почесть облекаемаго."

К. К.

10 мая 1893.

КЪ ВОПРОСУ О СПИРИТИЗМѢ.

(Письмо въ редакцію).

Профессоръ Вагнеръ въ *Новомъ Времени* выступаетъ въ защиту спиритизма. Правда, онъ скромно заявляетъ, что „не желаетъ ни нападать, ни защищать, желаетъ только откровенно высказать свое мнѣніе“; тѣмъ не менѣе, его статья въ сущности есть защита спиритическаго „міросозерцанія“,—онъ „страстно желаетъ теперь только одного, чтобы это уравновѣшенное міросозерцаніе (слушайте, слушайте и поучайтесь), сдѣлалось скорѣе общимъ достояніемъ его земныхъ (о небесныхъ онъ не заботится, въ нихъ онъ увѣренъ) братьевъ“. Читая его статью, невольно спрашиваешь себя: что̀ это? кто это пишетъ? Какой-нибудь язычникъ золотаго вѣка, временъ Августа, или вѣрующій христіанинъ?.. Такъ дѣтски-наивны понятія о духовномъ мірѣ по ученію христіанства у этого „профессора“, что совѣстно признать его настоящимъ христіаниномъ. Двадцать лѣтъ онъ занимался и занимается доселѣ „опытами и изученіемъ медіумическихъ явленій, приготовилъ къ печати цѣлое сочиненіе объ этомъ предметѣ“, а между тѣмъ—пустое дѣло—не подумалъ даже ознакомиться съ ученіемъ христіанскимъ,—о томъ, что такое „духъ“, что такое „духовныя явленія“, „загробный міръ“ и прочее... Разъ какъ-то онъ раскрылъ Св. Евангеліе, прочиталъ тамъ одну строчку: „люби Бога, люби ближняго, въ этомъ—весь законъ и пророки“, и больше ему не было надобности объ этомъ думать: понялъ де „всю сущность“ христіанства! А такъ какъ и столы, и карандаши медіумовъ проповѣдуютъ

то же самое, то и нечего сомнѣваться „въ истинной“ духовности самого спиритизма. Не далеко же бѣдный профессоръ ушелъ въ пониманіи христіанства, которое, повидимому, онъ считаетъ недостаточно „уравновѣшеннымъ міросозерцаніемъ“, неполнымъ откровеніемъ Божіимъ, требующимъ какого-то „уравновѣшенія“, пополненія отъ „писаній“ сумасбродныхъ медіумовъ. Онъ не дочиталъ до тѣхъ предостереженій, какія дѣлаетъ Христосъ Спаситель въ Евангеліи Своимъ послѣдователямъ относительно ложныхъ пророковъ, ходящихъ въ одеждахъ овчихъ, не видѣлъ предостереженій Апостольскихъ относительно сатаны, преобразующагося въ ангела свѣтла, вовсе не знаетъ того, что говоритъ намъ священная исторія о тѣхъ мерзостяхъ хананейскихъ, за которыя были истреблены всѣ племена, населявшія нѣкогда Палестину... Забылъ онъ, а можетъ-быть и не читалъ никогда, что пишетъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Галатамъ: *„если бы даже мы или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали, да будетъ анаѳема“* (I, 9). Да мало ли чего не знаетъ, а лучше сказать: не хочетъ знать г. Вагнеръ! Напрасно онъ распространяется относительно того, что знаніе не можетъ быть безъ вѣры и вѣра безъ знанія: въ этомъ можетъ-быть съ нимъ будутъ спорить только матеріалисты, не признающіе вовсе міра духовнаго,—но онъ совсѣмъ забываетъ другой разрядъ людей, которые въ этомъ пунктѣ съ нимъ совершенно будутъ согласны, но во имя того же самаго начала потребуютъ отъ него самого вѣры въ откровенное слово Божіе, въ свидѣтельство Самой Воплощенной Истины, и въ свою очередь не отрицая вовсе тѣхъ „сильныхъ, доказательныхъ, убѣдительныхъ явленій“, о которыхъ онъ свидѣтельствуетъ, не пытаясь вовсе объяснить ихъ даже такъ, какъ объясняетъ фокусы г-жи Евзапіи фельетонистъ *Новаго Времени*, дадутъ имъ объясненіе неизмѣримо высшее, чѣмъ его „уравновѣшенное міросозерцаніе“, объясненіе вполнѣ согласное какъ съ ученіемъ вѣры христіанской, такъ и съ требованіями здраваго разума. Онъ, кажется, думаетъ, что только и есть противниковъ у спиритизма, что матеріалисты, что христіанство не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ спиритизма. По крайней мѣрѣ онъ прямо такъ-таки и говоритъ, что „медіумизмъ снялъ туманъ съ его глазъ, что для него теперь нѣтъ противорѣчій ни въ религіи (какой только?), ни въ наукѣ“. Но напрасно, совершенно напрасно онъ такъ кощунственно вплетаетъ въ свои

разсужденія слова Господа нашего Іисуса Христа, которыя можно обратить къ нему самому и всѣмъ гг. спиритамъ, подобнымъ ему: „имѣютъ они очи и не видятъ (потому что не хотятъ видѣть), имѣютъ уши и не слышатъ (потому что не хотятъ слышать)“. Читалъ ли онъ когда-нибудь жизнеописанія св. подвижниковъ христіанскихъ? Или эти книги—по его ученому мнѣнію—старыя сказки?.. Читалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, Библію? Ужели и эта книга книгъ—тоже только сборникъ легендъ? А тамъ ясно и опредѣленно говорится о вызываніи умершихъ, о способахъ, какіе употребляли для того язычники, о томъ, что закономъ Моисеевымъ, или паче, повелѣніемъ Божіимъ Евреямъ строжайше было запрещено это занятіе, что именно за эти „мерзости“ и были истреблены народы ханаанскіе... Уже этого одного было бы достаточно для истинно вѣрующаго христіанина, если г. Вагнеръ таковымъ себя считаетъ, остановиться и задуматься надъ „опытами“ спиритовъ, а не заниматься ими „слишкомъ двадцать лѣтъ“! Но для такихъ ученыхъ важны „опыты“; имъ дѣла нѣтъ до того, что въ этихъ опытахъ, запрещенныхъ подъ страхомъ смертной казни въ Ветхомъ Завѣтѣ, отверженныхъ христіанствомъ наравнѣ съ прочими мерзостями язычества, онъ легко можетъ самъ попасть въ опытныя руки врага Божія, который вотъ уже семь тысячъ лѣтъ дѣлаетъ свои „опыты“ надъ легкомысленнымъ человѣчествомъ, увлекая ихъ въ свои сѣти... Вотъ православные Русскіе люди, которымъ встрѣчались любители такихъ опытовъ, поступали гораздо умнѣе и осторожнѣе: покойный графъ Д. Н. Толстой, напримѣръ, самъ разсказывалъ пишущему сіи строки, что въ бытность его губернаторомъ въ Калугѣ была особая мода заниматься стологаданіемъ; разъ ему предложили участники этого занятія задать мысленно какой-нибудь вопросъ гадателю. Слѣдуя наставленію Апостола Іоанна Богослова, графъ задумалъ вопросъ: былъ ли Христосъ Спаситель Богъ или только человѣкъ? *Всякъ духъ*, говоритъ Апостолъ Христовъ,—*иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть*, а значитъ—если не отъ Бога, то отъ врага Божія. „Долго ходилъ карандашъ въ рукѣ медіума, какъ теперь называютъ этихъ посредниковъ въ сношеніи съ духовнымъ міромъ, разсказывалъ графъ,—много начертилъ онъ кривыхъ линій, пока, наконецъ, упалъ изъ руки медіума. Стали тщательно разбирать, что написано, но никто ничего не могъ прочитать: были все какія-то каракули. Наконецъ подошелъ я и издали, чрезъ нѣ-

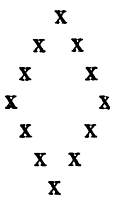
сколько человѣкъ, окружавшихъ столъ, сталъ всматриваться въ то, что написано было на листѣ. Сначала я не понялъ ничего, потомъ вдругъ меня какъ бы осѣнила какая-то мысль: я сталъ читать не самыя черты, сдѣланныя карандашемъ, а бѣлые промежутки между этими чертами, и что же я прочиталъ? — „Если мнѣ не вѣришь, то зачѣмъ меня спрашиваешь“... И больше ничего. Я былъ пораженъ адскою хитростью отвѣта. Съ того дня я не позволялъ уже ни подъ какимъ видомъ заниматься столо-гаданіемъ въ своемъ домѣ“, заключилъ графъ. Вотъ какъ настоящій православный вѣрующій „испытываетъ духовъ“, когда есть необходимость такого испытанія. Подобный опытъ сдѣлалъ и графъ М. В. Толстой, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ *Душеполезномъ Чтеніи* 1883 года: „Основываясь на словахъ Апостола Іоанна Богослова, я попросилъ вступившихъ въ общеніе съ духомъ спросить его: исповѣдуетъ ли онъ Сына Божія во плоти пришедшаго? Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта, а когда повторили его, то тяжелый орѣховый столъ съ трескомъ двинулся почти на аршинъ впередъ“... Замѣчательно, что такіе люди ничтоже сумняся, совершенно прямолинейно разсуждаютъ, что если происходитъ явленіе чудеснаго характера, обнаруживающее присутствіе и дѣйствіе духовной разумной силы, то непремѣнно одно изъ двухъ: или тутъ дѣйствуетъ сила добрая, ангельская, лучше сказать—Божія, или же, Божіимъ попущеніемъ, дѣйствуетъ сила вражья, діавольская. Одинъ изъ простыхъ русскихъ людей, увлеченный въ спиритизмъ, разсказываетъ явленія не менѣе поразительныя, чѣмъ какія описываетъ г. Вагнеръ: въ его присутствіи и при его участіи въ сеансѣ его знакомой, которая, кстати сказать, вовсе не считала себя и медіумомъ, столъ отвѣчалъ на всѣ вопросы стуками, отвѣчалъ вѣрно, точно, сколько кому лѣтъ, что стоитъ та или другая вещь, и т. под.,—ходилъ по комнатѣ, взлѣзалъ на диванъ, на стулья, на столъ, даже возилъ по комнатѣ, въ ящикѣ безъ колесъ, восьмимѣсячную дочь разсказчика, причемъ ящикъ съ ребенкомъ привязывали къ ножкѣ стола веревочкой. Всѣ эти явленія приводили насъ, говоритъ г. Русковъ, въ рѣшительное недоумѣніе: чему приписать ихъ? Недоумѣнія эти скоро разсѣялись. Изъ одной петербургской газеты мы узнали, что непонятныя для насъ явленія называются спиритическими и производятся они не электричествомъ или магнетизмомъ, но душами умершихъ, которыя сообщаются съ живыми посредствомъ стола.“—Послѣ этого авторъ сталъ усерд-

нѣе заниматься этими явленіями, приспособилъ азбучный алфавитъ и сталъ вести съ духами самые разнообразные разговоры, предъ началомъ коихъ всегда спрашивалъ: кто будетъ съ нимъ говорить? Большею частью получались отвѣты, что говорятъ души его дѣтей умершихъ и родственниковъ. Замѣчательно, что въ этихъ отвѣтахъ звучатъ тѣ же самыя ноты, какъ и въ сообщеніяхъ духовъ, о коихъ говоритъ г. Вагнеръ. — „Я прошу васъ говоритъ, напримѣръ, духъ ребенка: ради Христа, чтобы вы любили другъ друга.“ — „Будьте добры, милостивы и любите другъ друга“, говоритъ другой ребенокъ. — Но какъ только вопросы касались не такихъ общихъ понятій, какъ только была опасность для отвѣчающаго духа обличить себя самого, то онъ молчалъ или отвѣчалъ уклончиво, двусмысленно. На вопросъ: что тому будетъ, кто добръ и милосердъ? онъ еще отвѣчаетъ: „того ожидаетъ рай Христа“. — А кто этого не исполняетъ? — на этотъ вопросъ уже молчитъ. На вопросъ: въ чемъ ты одѣта? отвѣчаетъ: „мы безтѣлесны“, а на вопросъ: когда мы поминаемъ васъ въ Церкви, что вамъ бываетъ? отвѣчаетъ: „Христосъ не велѣлъ объ этомъ говорить“... Уже въ этомъ отвѣтѣ слышится противорѣчіе ученію Церкви, противорѣчіе ученію о любви христіанской: Церковь ясно учитъ, что великая бываетъ польза отъ поминовенія умершихъ, и скрывать этого нѣтъ надобности, а Христосъ Спаситель конечно желаетъ, чтобы мы молились за умершихъ, поминали бы ихъ, и Ему нѣтъ причинъ скрывать отъ насъ пользы такого поминовенія. Для кого желательно скрыть эту пользу — понятно... Но собесѣдникъ изъ загробнаго міра изобличилъ себя тѣмъ, что забылъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Имѣй онъ дѣло съ какимъ-нибудь профессоромъ въ родѣ г. Вагнера, онъ могъ бы безопасно продолжать свои обманы: ученому мужу не пришло бы въ голову, а еслибъ и пришло, то онъ счелъ бы это суевѣріемъ и устыдился бы того, чего не устыдился, а счелъ своимъ христіанскимъ долгомъ сдѣлать простой русскій человѣкъ, какъ только явилось у него сомнѣніе въ дѣйствительности сообщеній со стороны умершихъ. А явилось оно такъ: въ Великій Четвертокъ на Страстной недѣлѣ 1883 года приходитъ къ нему его знакомый и говоритъ, что онъ сдѣлалъ открытіе: стоитъ только взять въ руки карандашъ и онъ будетъ писать на вопросы всѣ отвѣты. И тутъ же сталъ писать подъ вліяніемъ „духа“. Мнѣ, говоритъ г. Русковъ, показалось это обыкновеннымъ писаніемъ, а не то,

чтобы происходившимъ подъ вліяніемъ посторонней, невидимой силы. Поэтому я просилъ М. И. дать мнѣ отвѣтъ посредствомъ карандаша: могу ли я писать также? На этотъ вопросъ карандашъ, бывшій въ рукѣ М. И. написалъ: „ему (то-есть мнѣ) нельзя: онъ принималъ сегодня Св. Тайны, а чрезъ три дня можно будетъ“.—Никто изъ насъ въ то время не обратилъ вниманія на то, почему принятыя мною Св. Тайны могли служить препятствіемъ душамъ умершихъ для сношенія съ нами?—Прошло три дня. На первый день Пасхи, послѣ обѣда, я взялъ карандашъ и бумагу и сѣлъ къ столу, чтобъ испытать: будетъ ли и у меня писать карандашъ самъ?—Не прошло и пяти минутъ, какъ я почувствовалъ, что указательный палецъ правой руки какъ будто слегка нажимается на карандашъ, который и началъ писать... Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на пишущій карандашъ, и думалъ: да неужели онъ пишетъ самъ, безъ участія моей воли? Убѣждаюсь, что карандашъ дѣйствительно пишетъ самъ! А написалъ онъ тогда вотъ что: „родные тебя скоро оставятъ, я буду твоимъ постояннымъ собесѣдникомъ, каждый вечеръ буду писать и говорить, а теперь оставь“. Я спросилъ мысленно: кто ты такой? Карандашъ написалъ: „оставь, теперь ничего не скажу“.—На другой день карандашъ писалъ отъ имени моего знакомаго, но не обнаружилъ желанія писать много“. Дня чрезъ три г. Рускова просили спросить о чемъ-то духа: онъ взялъ карандашъ, который написалъ: „послѣ отданія Пасхи я буду писать и говорить съ тобою, а теперь у меня отнята сила.“ Я спросилъ, разсказываетъ г. Русковъ, „почему же на первый день Пасхи писалъ, а теперь нельзя?“—„*Тотъ одинокъ*, я не знаю, какъ онъ осмѣлился писать“, отвѣтилъ мнѣ карандашъ. Я опять спросилъ: напиши, кто отнялъ у тебя силу и кто ты такой? На это карандашъ отвѣтилъ: „ты требуешь невозможнаго и потому не стóишь довѣрія.“—Ты написалъ: „*тотъ одинокъ.*“ Кто такой одинокъ?—„Отстань“, написалъ карандашъ. Я опять повторилъ вопрсссъ, на который карандашъ опять написалъ: „не напишу.“ Тутъ только мнѣ пришла мысль, что такое значитъ написанное карандашомъ: *послѣ отданія Пасхи... теперь отнята сила?*... А раньше писалъ, что я не могу получать отвѣты по случаю принятія Св. Таинъ? Тутъ что-то не чисто, подумалъ я: нужно еще испытать. Придя домой, я тотчасъ взялъ бумагу и карандашъ и сѣлъ къ столу. Одной минуты не прошло, какъ карандашъ началъ писать: „ты опять пристаешь,

прошу теб...“ карандашъ вдругъ остановился, потому что въ это время я началъ читать мысленно молитву: *Да воскреснетъ Богъ.* Переставъ читать молитву, я спросилъ: „что же ты остановился?“ Карандашъ началъ было писать: „Я писалъ тебѣ, что б...“, но опять остановился, потому что я опять началъ читать ту же молитву. — Что же ты не пишешь? спросилъ я,—или боишься молитвы? Отвѣта не послѣдовало... — Напиши, кто ты такой? Если ты боишься молитвы, то значитъ ты никто другой, какъ тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ? И на этотъ вопросъ отвѣта не было. Тогда я сказалъ: „Именемъ Бога Всемогущаго требую написать: кто ты?“ Карандашъ началъ тихо наклоняться къ бумагѣ и медленно написалъ: „да, я тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ.“ Это неожиданное открытіе меня такъ поразило, что я вскочилъ изъ-за стола и бросилъ карандашъ. Жена спросила: „что̀ такое случилось?“ Я сказалъ ей, кто намъ писалъ карандашомъ, который опять тутъ же взялъ и требовалъ написать: „кто именно производилъ стуки въ столѣ, приводилъ его въ движеніе и отвѣчалъ на вопросы?“ Карандашъ написалъ: „я, злой духъ.“ „Я требую“, сказалъ я, „чтобы ты оставилъ насъ. Съ этого времени мы оставляемъ занятія со столомъ и карандашомъ.“ Карандашъ медленно и какъ бы удаляясь, написалъ: „не приду...“ Первую букву большую, вторую меньше, и т. д.; послѣдняя буква „у“ была написана очень маленькою. Любопытенъ разсказъ г. Рускова о томъ, какъ онъ пришелъ сообщить своему знакомому М. И. о своемъ открытіи. Онъ засталъ его за столомъ съ карандашомъ въ рукахъ. „Послѣ того, какъ я разсказалъ ему, что̀ было“, пишетъ г. Русковъ, „карандашъ въ его рукахъ немедленно написалъ: „а ты не вѣрь Петру Евлампіевичу, что онъ тебѣ говоритъ“. „Кто искушалъ Бога въ пустынѣ?“ спросилъ М. И. Карандашъ написалъ: „возьми Евангеліе, да прочитай.“—Мы знаемъ, что сказано въ Евангеліи, а ты самъ напиши. „Дьяволъ“, написалъ карандашъ.—Ты знаешь молитву: *Да воскреснетъ Богъ?*—„Знаю.“ – Напиши. – Карандашъ сталъ писать, но вмѣсто словъ: тако да погибнутъ *бѣси* отъ лица Божія, написалъ: тако да погибнутъ *грѣшницы* отъ лица Божія. Наконецъ, чтобы разъ навсегда покончить съ незримымъ корреспондентомъ, г. Русковъ предложилъ ему рядъ вопросовъ съ заклинаніемъ: „Во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа требую: напиши, кто именно писалъ мнѣ, буду твоимъ постояннымъ собесѣдникомъ?—„Я, злой духъ.“—Ты писалъ: „род-

ные скоро тебя оставятъ", разъясни эти слова.—„Люди о разныхъ отвѣтахъ прибѣгаютъ къ тому, чтобы прибѣжать къ дьяволу и просить его свѣдѣній. Кончилъ!"—Нѣтъ, не кончилъ: напиши на вопросъ. „Послѣ."—Не послѣ, а теперь пиши.—„Кончилъ."—Не кончилъ, а пиши на мой вопросъ.—„Прошу, пусти."—Я тебя не держу. Отвѣчай, для чего ты такъ писалъ?—„Для того, чтобы скорѣе погубить." — О какихъ родныхъ ты писалъ?—„О какихъ—мнѣ неизвѣстно."—Если ты писалъ, значитъ тебѣ извѣстно?—„Я прошу, пусти."—Ты что сейчасъ пишешь, дьяволъ? „Дьяволъ."—Когда мы дѣлали вопросы столу, кто давалъ отвѣты? „Опять пристаешь!" — Не отстану, пока не напишешь. „Чортъ."—Значитъ, ты ложно назывался именами моихъ дѣтей и знакомыхъ?—„Оставь!" — Не оставлю, пока не напишешь.—„Ложно." — Для чего ты это дѣлалъ?—„Гордость моя погубила меня, и я хотѣлъ, чтобъ и васъ погубить, а потому оставь меня одного."—Значитъ, ты увлекалъ для того, чтобы мы во всѣхъ случаяхъ обращались къ тебѣ чрезъ посредство стола и карандаша, а не къ Богу, создавшему насъ и весь міръ?—„Да."—Вѣрно?—„Вѣрно."—Кто производитъ разныя явленія на землѣ, которыя нѣкоторые люди называютъ спиритическими, какъ-то: поднятіе столовъ, явленія рукъ, тѣней и пр.? Карандашъ начертилъ такую фигуру:

— Требую не рисованія, а написать отвѣтъ на вопросъ. „Послѣ объясню."—Не послѣ, а теперь же.—„Послѣ."—Теперь же пиши.—„Послѣ объясню."—Пиши сейчасъ.—„Отстань."—Не отстану, пока не напишешь.—„Не напишу."—Не самъ я, но именемъ Господа Бога требую: ты долженъ написать.—„Дьяволъ."—Для чего производишь эти явленія?—„Для искушенія людей и простираю свои дѣла на весь міръ для того, чтобъ... Отпусти!"—Напиши же, для чего?—„Для погубленія рода человѣческаго."—Значитъ, всѣ спиритическія явленія дьяволъ производитъ?—„Да." [1]

Такъ простой русскій человѣкъ (г. Русковъ, не изъ ученыхъ

---

[1] «Изъ области спиритическихъ тайнодѣйствій.» М. 1887.

людей, которымъ не приходитъ на умъ, приступая къ опытамъ спиритическимъ, оградить себя крестнымъ знаменіемъ и прочитать молитву: *Да воскреснетъ Богъ)* изобличилъ того, кто производитъ спиритическія явленія. Предлагаемъ почтенному защитнику спиритизма лично провѣрить то, что сдѣлалъ этотъ неученый человѣкъ, провѣрить съ вѣрой не въ силу самой вѣры, какъ какой-то силы духовной, понимаемой не по-христіански, а скорѣе—метафизически или просто—психологически; (онъ говоритъ, что вѣра есть сама по себѣ сила, а мы говоримъ, что вѣра есть смиреніе ума человѣческаго предъ Божіимъ всевѣдѣніемъ, а это не есть сила, а только *условіе* со стороны самого человѣка къ проявленію *силы Божіей)*, а съ вѣрой въ Бога, въ Его безконечную благость и всемогущество, Его премудрость и святость, и тогда онъ самъ увидитъ, что всѣ эти „медіумическія явленія", если въ нихъ нѣтъ простаго человѣческаго обмана, что доказано не разъ, то суть только обманъ злаго духа, дьявола, исконнаго врага рода человѣческаго. Профессоръ Вагнеръ предполагаетъ отрицаніе спиритизма только со стороны матеріалистовъ; онъ, кажется, думаетъ, что христіанское ученіе нимало не противорѣчитъ спиритизму. Онъ глубоко ошибается въ этомъ. Христіанство всѣми силами души отрицается сего заблужденія, какъ дьявольскаго навожденія, какъ одной изъ хитростей діавола къ погубленію рода человѣческаго. Или онъ скажетъ, что это только мнѣніе людей необразованныхъ, людской толпы? Нѣтъ и нѣтъ! Онъ не найдетъ себѣ союзниковъ въ средѣ вѣрующихъ, которые слѣдуютъ ученію Церкви Христовой, а тѣ, кои только носятъ имя христіанъ, а на дѣлѣ не хотятъ слѣдовать ученію Церкви, самочинно мудрствуютъ,—тѣ не суть истинные христіане. Пусть онъ назоветъ хотя одного изъ представителей богословской науки, излагаемой въ духѣ Церкви, который бы принялъ его сторону! А мы назовемъ ему одно великое имя, которое для насъ православныхъ имѣетъ авторитетъ бо̀льшій, чѣмъ сотня именъ западныхъ мудрецовъ. Нашъ приснопамятный мудрецъ-святитель Московскій Филаретъ говоритъ, что занятіе столгаданіемъ, или, что то же, спиритизмомъ, есть дѣло непозволительное, неблагородное, преступное, что это есть только старое языческое суевѣріе. „Представимъ себѣ, пишетъ онъ, что сынъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, не довольствуется симъ, и, встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему неда-

но ключа, поддѣлываетъ ключъ, и отпираетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы посмотрѣть, что тамъ скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи, въ томъ числѣ и о столгаданіи, по самому простому взгляду на сіе дѣло. Но если внимательнѣе посмотримъ на опыты, судъ долженъ сдѣлаться строже... Спрашивается: дѣйствительно ли столгадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семъ послѣднемъ случаѣ сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена, но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ: отецъ лжи есть діаволъ. Итакъ, столгадатели должны осторожно размыслить: съ кѣмъ имѣютъ дѣло? Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія Великаго относительно демоновъ: *если выдаютъ они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ.* Но если отвѣчающіе суть дѣйствительно умершіе, то судъ о семъ дѣлѣ давно произнесенъ Самимъ Богомъ, чрезъ пророка Моусея: *Да не навыкнеши творити по мерзостемъ языковъ тѣхъ, да не обрящется въ тебѣ... вопрошаяй мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія, сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего* (Второз. 18, 9—12). Знаютъ ли сей судъ столоволхвователи (или, что то же, спириты) вопрошающіе мертвыхъ? Помышляютъ ли, какому строгому осужденію подлежитъ дѣло ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которые хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе.— Пророкъ Осія упоминаетъ два вида гаданія: *деревомъ* (деревянными идолами) и *жезломъ*, и оба эти вида называетъ измѣною истинному Богу (Ос. 4, 12). Отъ сего обвиненія не можетъ увернуться столгаданіе, какъ бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ. — Для тѣхъ, которые смотрятъ на столгаданіе, какъ на новое открытіе, небезполезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только разумнаго, но и случайнаго новаго открытія въ природѣ: они только какимъ-то образомъ пробрались въ область стараго языческаго суевѣрія: Тертулліанъ въ 23 главѣ своей апологіи христіанства, обличая мечты языческой магіи и приписывая ихъ дѣйствію демоновъ, говоритъ: *чрезъ нихъ и козы и столы обыкновенно производятъ гаданія.* Онъ только не объясняетъ, какіе

пріемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ". [1] Вотъ мнѣніе о спиритизмѣ великаго учителя-богослова Русской Православной Церкви. Если г. Вагнеръ человѣкъ вѣрующій, если онъ—христіанинъ, то онъ не можетъ отнестись пренебрежительно къ такому авторитету богословія, какъ этотъ святитель. Нужны ли еще авторитеты? Вотъ пожалуй еще мнѣніе великаго философа-богослова нашей Церкви, Херсонскаго святителя Никанора. Онъ также называетъ спиритизмъ „старымъ на многія вѣка забытымъ суевѣріемъ". Онъ прямо говоритъ, что это ученіе—враждебно Христову ученію. „Не выбрасываютъ ли, говоритъ онъ, надъ собою цѣлые милліоны европейскихъ и сѣверо-американскихъ спиритовъ знамя надежды и рѣшимости ниспровергнуть христіанство и водворить чистѣйшій матеріализмъ? Не надѣются ли ученые мужи изъ спиритовъ въ самой матеріализаціи вызванныхъ мертвецовъ уловить не болѣе, какъ высшую, тончайшую, невидимую матерію, въ которой сохраняется невидимо для обыденнаго зрѣнія не только существо, но и самосознаніе отшедшихъ душъ, но матерію, замѣняющую и отрицающую Бога, какъ безпредѣльно совершенное самосознаніе?.. Не надѣются ли они водворить на мѣстѣ всякаго общечеловѣческаго здравомыслія настоящее сумасшествіе, но сумасшествіе научное? А всячески, въ концѣ-концовъ, этимъ новымъ, въ сущности же подновленнымъ, наидревнѣйшимъ чернокнижіемъ вызыванія мертвыхъ не устраняются ли не только христіанство, но и здравая вѣра въ Бога и въ безсмертіе?" [2] Вотъ мнѣніе автора „позитивной философіи", къ философскимъ воззрѣніямъ котораго съ уваженіемъ относятся не только у насъ на Руси, но и за границею. Въ то же время это мнѣніе современнаго представителя Русской Православной Церкви. Что же на это скажетъ г. Вагнеръ?

Если ужь говорить о такихъ вопросахъ, то будемъ говорить до конца откровенно; если признавать бытіе міра духовнаго, то необходимо признавать и законы этого міра, а эти законы—прежде всего суть законы *нравственнаго* порядка. Какъ смѣшно думать, какъ унизительно для разума человѣческаго предполагать, будто міръ духовный не можетъ иначе открывать себя намъ, какъ только чрезъ посредство какихъ-то ходящихъ столовъ, выступающихъ изъ полумрака рукъ, мелькающихъ огоньковъ и под.... Ужели у Господа нѣтъ болѣе прямыхъ, болѣе простыхъ средствъ, чтобы

[1] См. «Твореніе Св. Отцевъ», 1853 года.
[2] См. Собраніе поученій архіепископа Никанора, томъ III.

открыть намъ, если сіе Ему угодно, бытіе міра духовнаго? Ужели съ другой стороны столы помогутъ намъ открыть завѣсу, которою угодно было отъ насъ закрыть тайны міра загробнаго, для нашего же блага, нашему Творцу всеблагому? Какъ глупы, ребячески-наивны и грубы всѣ эти „опыты“ спиритовъ въ сравненіи съ чудесными явленіями духовнаго міра, извѣстными намъ изъ Св. Писанія и изъ житій Святыхъ Божіихъ! Читая описанія ихъ, просто недоумѣваешь: какъ это люди умные, ученые, не стыдятся заниматься такими „опытами“, какъ они не поймутъ, что невозможно же, недостойно Господа Бога, оскорбительно для разума человѣческаго вѣрить, будто до столоверченія не было полнаго откровенія Божія, будто милліоны людей умершихъ прежде насъ всѣ умерли въ заблужденіи, тогда какъ такъ просто было узнать истину: сѣлъ за столъ, вопросилъ духа и готово! И почему это Христосъ не открылъ намъ такого простаго способа? Зачѣмъ Онъ страдалъ и умеръ? Сказалъ бы просто: вотъ вамъ средство познать истину — и конецъ! Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Нѣтъ никоего же общенія свѣту ко тьмѣ и Христу съ веліаромъ! Нѣтъ ни единаго же соприкосновенія христіанства съ медіумизмомъ, спиритизмомъ или какъ хотите тамъ называйте это лжеученіе! Если ужъ г.г. спириты, въ лицѣ своего защитника г. Вагнера, становятся какъ бы подъ крыло ученія христіанскаго, то мы, вѣрующіе, должны громко и открыто протестовать противъ такого оскорбительнаго, богохульнаго соприкосновенія. Г. Вагнеръ говоритъ: „Мы ничего не знаемъ и не можемъ знать безъ вѣры“. Мы ему скажемъ больше: самая вѣра есть только въ сущности пріобщеніе человѣческаго существа Божественному всевѣдѣнію. Но ужели въ предѣлы этого Божественнаго всевѣдѣнія изъ узкихъ рамокъ нашего ограниченнаго вѣдѣнія открывается путь только чрезъ столоверченіе и сеансы медіумовъ?.. Ужели для сего не нужно нравственнаг самоочищенія при помощи Божіей благодати, подвига чистоты, молитвы и приближенія къ Существу Божію, чрезъ то обновленіе благодатное, какое дается намъ въ таинствахъ Церкви? Въ томъ-то и дѣло, г.г. спириты, что вы смотрите на духовный міръ глазами вещественными, мѣрите его мѣркою вещественныхъ явленій, а не мѣркою нравственною. Но міръ духовный не подлежитъ такой мѣркѣ. Вы ищете способа сноситься съ этимъ міромъ такъ же, какъ сноситесь другъ съ другомъ посредствомъ телеграфа или телефона, которые для васъ замѣняютъ столы и медіумы ваши, а Христосъ сказалъ: *никто же пріидетъ ко Отцу*

токмо Мною. Вамъ хочется войти въ рай такъ же легко, какъ входите вы въ увеселительное заведеніе,—а слово Божіе учитъ, что туда безъ креста не пускаютъ: *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Вы полагаете, что въ вашихъ „сообщеніяхъ“ слѣдуетъ „строго различать двѣ стороны: положительную и отрицательную, добрую и злую, темную или нечистую и свѣтозарную или благую“. Мы полагаемъ, что никакой такой свѣтозарной или благой стороны въ нихъ не можетъ быть. Докажите намъ изъ слова Божія, изъ исторіи Церкви Христовой, гдѣ бы было дозволено по произволу вторгаться какимъ-нибудь земнымъ способомъ въ область міра духовнаго, удовлетворяя своему преступному любопытству входить въ общеніе съ духами при посредствѣ ли столовъ или какихъ машинъ, которыя вы, вѣроятно, скоро придумаете, г.г. спириты? А мы докажемъ вамъ, что и злой духъ можетъ являться въ образѣ ангела свѣтла, что и онъ можетъ обманывать такъ, что его принимали нѣкоторые за самого Господа Іисуса Христа: что же мудренаго, что онъ якобы проповѣдуетъ ученіе о любви и другія истины? Кричали же духи нечистые Господу: знаемъ, кто Ты—Святый Божій! И однако же Господь запрещалъ имъ изрекать нечистыми устами даже и то, что было *истинно. Духъ пытливый* въ отроковицѣ города Филипповъ говорилъ о Павлѣ и Силѣ, по-видимому, достойное пріятія: *сіи человѣцы раби Бога Вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17); но Апостолъ не только не былъ симъ доволенъ, но и не могъ перенести сего съ терпѣніемъ: онъ изгналъ духа.—Вы говорите, что духъ зла не можетъ самъ себѣ противорѣчить, что онъ не можетъ проповѣдывать и добро, и зло, иначе это было то „раздѣленіе царства, о которомъ говорится, что оно погибнетъ, если раздѣлится въ самомъ себѣ“. Не безпокойтесь, если у кого, то у духа-то зла по преимуществу „цѣль оправдываетъ средства“. Что удивительнаго, если духъ лжи скажетъ: „люби Бога, люби ближняго“, чтобы этой фразой увлечь въ обманъ, замаскироваться, а потомъ внушить, что нѣтъ вѣчныхъ мученій, что Христосъ не былъ Богомъ въ собственномъ смыслѣ и подобное? У него всѣ средства хороши. Св Отцы, изучившіе всѣ его козни такъ, какъ никогда не придется изучить ихъ нашимъ мудрецамъ, говорятъ, что врагъ никогда не предлагаетъ человѣку прямо согрѣшить, ибо знаетъ, что тотъ не пойдетъ на это,—а сначала увлекаетъ невинными мыслями, предлагаетъ то, отчего не прочь грѣшный человѣкъ, даже доброе, лишь бы только усыпить не-

опытнаго, а потомъ, когда тотъ довѣрится ему, дѣлаетъ изъ него что хочетъ. Спириты никогда не соблазнятъ и не смутятъ истинно вѣрующую душу тѣмъ, что будто бы въ ихъ ученіи проповѣдуется *любовь*. Ахъ, какъ много, особенно въ наше время, проповѣдниковъ любви, которые хотятъ привлечь въ свои сѣти простецовъ вѣры, чтобы потомъ напоить ихъ ядомъ ненависти къ Церкви и ея Богомъ поставленнымъ пастырямъ! — Если когда было благопотребно напомнить слово Апостола: *искушайте духи, аще отъ Бога суть*, то именно въ наше время, а *какъ* искушать духовъ—учитъ тутъ же Апостолъ, Христу Богу возлюбленный: *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть* и *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа въ плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, сей есть антихристовъ*. Вмѣсто того, чтобы прятаться и отдѣлываться полусловами, полунамеками, пусть гг. спириты прямо, безъ околичностей, откроютъ всему міру: вѣруютъ ли они въ Іисуса Христа, яко воплощеннаго Бога? Согласны ли они признать авторитетъ Церкви, которую создалъ Христосъ? Принимаютъ ли они слово Божіе такъ и въ томъ смыслѣ, какъ его содержитъ Церковь Христова?— Тогда и имъ виднѣе будетъ, что скажетъ имъ на это сама Церковь, сей столпъ и утвержденіе Христовой истины на землѣ, и сами увидятъ, имѣютъ ли они право при нападкахъ на нихъ со стороны матеріалистовъ становиться какъ бы подъ защиту церковнаго ученія. Вѣдь вотъ что особенно удивительно: на нашу статью, напримѣръ, они навѣрное отвѣтятъ: „какое мракобѣсіе! какая нетерпимость, узость взглядовъ, односторонность, невѣжество! Ужь слишкомъ просто все по вашему объясняется: бѣсовщина—и конецъ! Мы вамъ выставляемъ на видъ „опыты многихъ лѣтъ“, факты, а вы твердите одно: бѣсовщина и только! Это ненаучно, это не заслуживаетъ даже опроверженія — извѣстное міровоззрѣніе!“ и под. Такъ можетъ-быть будутъ намъ отвѣчать, если только „удостоятъ“ отвѣта. А сами сознаются, что „въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ началѣ развитія, явленія спиритизма носятъ безсмысленный, дѣтскій характеръ“, что „интеллигентный, этическій (!) характеръ этихъ явленій можно подмѣтить въ томъ, что „контроль“ Евзапіи — Джонъ Кингъ въ ея сеансахъ всегда вѣжливо обходится съ людьми вѣрующими (то-есть спиритами) и грубо съ скептиками. Я былъ свидѣтелемъ, продолжаетъ г. Вагнеръ, какъ онъ (контроль) щипалъ, толкалъ и билъ такихъ скептиковъ. На одномъ изъ сеансовъ онъ надѣлъ на головы двумъ изъ нихъ легкіе плетеные стулья“. Хо-

рошіе признаки „этики“ духовъ! И это говорится серьезно, по научному, какъ подобаетъ г. профессору! А вотъ ему приводятъ неменѣе серьезно факты изъ той же области спиритическихъ явленій, и онъ будетъ ихъ отрицать, или просто замолчитъ, потому-де, что „меня тамъ не было, они *научно* не провѣрены!..“ Но, почтеннѣйшій г. профессоръ, вамъ вѣдь никто не мѣшаетъ повторить всѣ эти опыты самимъ: оградите себя крестнымъ знаменіемъ, помолитесь поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ избавилъ васъ отъ искушенія вражьяго, открылъ бы вамъ путь къ познанію истины, и, приступая къ бесѣдѣ съ „духами“, прочтите молитву *Да воскреснетъ Богъ.* Если нужно будетъ, во имя истины, не ради „научной“ истины, а ради спасенія вашей души, можете съ благоговѣніемъ произнести и то заклинаніе, какое произносилъ г. Русковъ. Кто мѣшаетъ? Развѣ гордость только, ложный стыдъ?.. Но во имя истины надо и то, и другое отринуть съ мужествомъ, подобающимъ христіанину и даже просто человѣку. Истина одна: если не стыдитесь научно изслѣдовать „безсмысленныхъ явленій“, то почему не употребить средство, завѣщанное Апостоломъ? Ужели исполнить совѣтъ Апостола для васъ стыдно? Тогда какой же вы христіанинъ? Только помните при этомъ, что имя Господа Іисуса Христа надобно произносить съ вѣрою и смиреніемъ: иначе и съ вами можетъ случиться то же, что случилось съ сыновьями одного первосвященника іудейскаго, которые дерзнули призывать имя Господа безъ вѣры въ Его Божество (Дѣян. 19, 10—20). Мы знаемъ, что явленія въ родѣ спиритическихъ были извѣстны въ глубокой древности, что ихъ можно и теперь наблюдать въ Индіи, среди тамошнихъ іоговъ, что въ исторіи нашихъ мучениковъ и подвижниковъ немало сказаній о волхвахъ, которые творили не такія „дивеса“, какъ творятъ спириты. Есть и такія сказанія: какой-нибудь волхвъ, смущенный безуспѣшностью своихъ чаръ противъ христіанина, пробовалъ средство, употребляемое христіанами противъ его чарованій, и тутъ же убѣждался въ діавольскомъ характерѣ своихъ чародѣйствъ... Прочтите, напримѣръ, исторію священномученика Кипріана и Іустины. Мы просимъ, мы требуемъ, чтобы спириты не прятались, а открыто исповѣдывали свое ученіе, доказывали его, сличали съ ученіемъ христіанскимъ, и спокойно выслушивали, что скажетъ имъ Церковь въ лицѣ своихъ пастырей и учителей. Тогда, Богъ дастъ, спадетъ пелена заблужденій съ ихъ очей и они ясно увидятъ, куда ихъ завлекъ духъ лжи и лести, духъ противленія Христу, нашему Спасителю...

Православный.

ПИСЬМО КЪ Г. РЕДАКТОРУ.

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

Увѣренный въ просвѣщенной готовности вашей выразить мнѣ содѣйствіе ваше по предпринятому мною собиранію отечественныхъ пословицъ и поговорокъ, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ усерднѣйшею моею просьбою не отказать мнѣ, чрезъ напечатаніе настоящаго письма моего въ вашемъ журналѣ, довести до всеобщаго свѣдѣнія, что лица, которыя пожелали бы сообщить мнѣ всякаго рода *мѣстныя* пословицы, поговорки, присловія, скороговорки, присказки, побасенки, приговорки, реченія, обиняки, иносказанія, окольныя выраженія и всякаго рода другія характерныя и общеупотребительныя выраженія и обороты устной рѣчи, могутъ присылать ихъ на имя мое въ открытыхъ, простыхъ и, по желанію, заказныхъ письмахъ, адресуя: Полтава. Дѣйствительному статскому совѣтнику Н. П. Тимофѣеву. Собственный домъ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Н. Тимофѣевъ.

Полтава.
Апрѣля 16 дня, 1893 г.

Съ 11 апрѣля по 11 мая включительно въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» поступили слѣдующія книги:

Страхова Н. Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія. Харьковъ. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Е. А. Ультрамонтанская партія и галликанская церковь. Москва 1891 г.

Щербачевъ Ю. Н. Датскій архивъ. Москва. 1893 г. Ц. 2 р.

Рева И. М. Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство. Кіевъ. 1893 г. Ц. 50 к.

Смирновъ П. Какъ дѣлаютъ мыло. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

Щепанскій Ф. В. Политехническая библіотека. Спб. 1893 г.

Вульфъ А. В. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Выпускъ I. Спб. 1893 г.

Шперкъ Ѳ. Система Спинозы. Спб. 1893 г.

Ежовъ Н. Облака и другіе разсказы. Спб. 1893 г.

Столыпинъ Д. Нѣсколько словъ о политическихъ и общественныхъ формахъ. Москва 1893 г. Ц. 5 к.

Лапина В. Въ интересахъ нашего юношества. Владивостокъ 1892—1893 г.

Гарейсъ К. Германское торговое право. Москва 1893 г. Ц. 2 р.

Іонинъ А. С. По Южной Америкѣ. Т. III. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

Пергаментъ О. Галилео Галилей, его жизнь и научная дѣятельность. Одесса. 1893 г.

Statistical abstract of the inited states I. Waschington 1893 г.

Anatol Leroy. Israël chez les nations par Anatole Leroy-Beaulieu. Paris 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Д-ръ Вармингъ. Основы ботаники, пер. Ростовцева и Голенкина. Москва 1893 г. Ц. 5 р.

Стернъ В. Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Москва. 1893 г. Ц 30 к.

Annual report and statements. Waschington. 1893 г.

Сборникъ Саратовскаго земства. Календарь статистическаго отдѣла Саратовской Земской Управы. Саратовъ. 1893 г.

Саратовскаго земства сборникъ, №№ 1, 2, 3. Мартъ 1893 г.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—1892 г.